

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Статьи:	<i>Стр.</i>	
К. Гольдони (Общественное значеніе его комедій). <i>В. М. Фриче</i>	5	
Театръ и зрители. Послѣ войны. <i>И. Н. Игнатова</i>	44	
Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова. <i>Н. О. Лернера</i>	82	
Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена. (По неизданнымъ матеріаламъ). <i>К. Н. Левина</i>	85	
М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Гл. IV. Пятницы въ 1845—48 гг. <i>В. И. Семевскаго</i>	94	
II. Воспоминанія:		
Дневникъ Этьена Дюмона о его прїѣздѣ въ Россію въ 1803 г. (окопчаніе). Сообщ. <i>С. М. Горюновымъ</i>	124	
<i>Максимовъ, В. М.</i> Автобіографическія записки. Съ предисловіемъ <i>И. Е. Рѣпина</i>	145	
<i>Рѣпина</i>	145	
<i>Бѣлоконскій, Н. П.</i> Отрывки изъ воспоминаній.	184	
III. Матеріалы:		
Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сообщ. <i>В. И. Семевскій</i>	207	
Къ біографіи Т. Н. Грановскаго. Сообщ. <i>Д. М. Щепкинъ</i>	229	
Неизвѣстная сатира. Сообщ. <i>Н. П. Кашинъ</i>	237	
IV. Критика и бібліографія:		
Рецензій: <i>В. Протопопова, А. Дживелегова, И. Рябичина, М. Покровскаго, Ю. Стеклова, К. Сивкова, С. Мельгунова, Вл. Рѣзанова, Б. Випнера, В. Степановой, В. Пичеты</i> и др. <i>Новыя книги</i>	239	
V. Обзоръ журналовъ:		
1. «Изъ исторіи русскаго самосознанія. Записка Мережковскимъ Александра I. Новое о декабристахъ». <i>С. П. Мельгунова</i> . 2. «Новое о Пушкинѣ». <i>Н. Д. Бродскаго</i> . 3. «Феодализмъ при Людовикѣ XVI». <i>И. В. Лучицкаго</i> . 4. «Джузеппе Мадзини на защитѣ римской республики 1849 года. Новый вариантъ Мефистофеля. Фаустъ въ балаганѣ». <i>А. М. Васютинскаго</i>	264	
VI. Хроника:		
Столѣтіе рожденія Т. Н. Грановскаго.	284	
Письмо въ редакцію <i>А. О. Кони, А. Ф. Турау</i>	294	
VII. Романъ:		
<i>Лили Браунъ</i> . «Письма маркизы». Перев. <i>Э. К. Пименовой</i>	81—96	
VIII. Рисунки:		
1—3) Портреты: Карло Гольдони. (Съ портрета Пьяцетты).	16—17	
<i>Н. А. Слѣшневъ</i>	114—115	
<i>В. М. Максимовъ</i> . (Портретъ работы Ярошенко).	152—153	
4) Арестъ. (<i>И. Е. Рѣпина</i>).	184—185	
<i>Концовки и заставки</i> взяты изъ изданій конца XVIII в. извѣстнаго Струйскаго (его типографіи и выпущеннымъ имъ изданіямъ будетъ посвящена специальная замѣтка въ слѣдующемъ № журнала). Рисунки, принадлежащіе преимущественно граверу Шалбергу, заимствованы по сочиненію Струйскаго: 1) «Блафолъ». (Спб. 1791 г.). 2) «Епистола Екатерины II». (Саранскъ 1789 г.). 3) «Элегія въ память Грейга», 1788 г. (Типографія Новикова). 4) Сочиненія, Т. I, Спб. 1790 г.		
IX. Объявленія:		

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЬ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи

А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 4.

Апрѣль.

1913.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., с. в
Москва. — 1913.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Статьи:

	Стр.
К. Гольдони. (Общественное значеніе его комедій). <i>В. М. Фриче</i>	5
Театръ и зрители. Послѣ войны. <i>И. Н. Игнатова</i>	44
Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова. <i>Н. О. Лернера</i>	82
Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена. (По неизданнымъ матеріаламъ). <i>К. Н. Левина</i>	85
М. В. Бутаевичъ-Петрашевскій. Гл. IV. Пятницы Петрашевскаго въ 1845 — 48 гг. <i>В. И. Семевскаго</i>	94

II. Воспоминанія:

Дневникъ Этьена Дюмона о его прїѣздѣ въ Россію въ 1803 г. (окончаніе). Сообщ. <i>С. М. Горьяиновымъ</i>	124
<i>Максимовъ, В. М.</i> Автобіографическія записки. Съ предисловіемъ <i>И. Е. Рѣпина</i>	145
<i>Бьлоконскій, И. П.</i> Отрывки изъ воспоминаній.	184

III. Матеріалы:

Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сообщ. <i>В. И. Семевскій</i>	207
Къ біографіи Т. Н. Грановскаго. Сообщ. <i>Д. М. Щепкинъ</i>	229
Неизвѣстная сатира. Сообщ. <i>Н. П. Кашинъ</i>	237

IV. Критика и бібліографія:

1) Паскале Виллари. «Д. Ж. Савонарола и его время». <i>В. Протопопова</i> ; 2) I. M. Кулпшеръ. «Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы». <i>А. Дживелегова</i> ; 3) Szymon Askenazy. «O sprawie polskiej w. r. 1812». <i>И. Рябина</i> ; 4) Gaston Cahen. «Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand». Его же. Le livre de comptes de la caravane russe à Pékin en 1727 — 1728». <i>М. Покровскаго</i> ; 5) Marc de Préaudeau. «Michel Bakounine. Le collectivisme dans l'Internationale. Etude sur le Mouvement social» (1868 — 1876) <i>Ю. Стеклова</i> ; 6) П. Моранъ. Павелъ I до востества на престоль (1754 — 1796 г.). <i>К. Сивкова</i> ; 7) «Государи изъ дома Романовыхъ. 1613 — 1913. Жизнеописаніе царствовавшихъ государей и очерки ихъ царствованія». <i>С. Мельгунова</i> . 8) Эдгаръ Мартини. «Исторія римской литературы». <i>М. М. Покровскаго</i> ; 9) «Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Е. В. Пѣтухова». <i>Вл. Рязанова</i> ; 10) Фр. М. Клиггеръ. «Жизнь, дѣянія и гибель Фауста» <i>В. Фриче</i> ; 11) Г. Вельфлинъ. «Классическое искусство». <i>Б. Виттера</i> ; 12) А. Бенуа. «Исторія живописца». <i>В. Степановой</i> ; 13) Извѣстія Отд. рус. языка Акад. Наукъ. 14) Записки Общ. Исторіи при Варшавскомъ Университетѣ. 15) И. Павловскій. «Біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губ. съ полов. XVIII в.» <i>В. Пичеты</i> . 16) Новая книга.	239
---	-----

V. Обзоръ журналовъ:

1. «Изъ исторіи русскаго самосознанія. Защита Мережковскимъ Александра I. Новое о декабристахъ». С. П. Мельгунова. 2. «Новое о Пушкинѣ». Н. Т. Бродскаго. 3. «Феодализмъ при Людовикѣ XVI». И. В. Луицкаго. «Джузеппе Мадзини на защитѣ римской республики 1849 года. Новый вариантъ Мефистофеля. Фаустъ въ балаганѣ». А. М. Васютинскаго 264

VI. Хроника:

- Столѣтіе рожденія Т. Н. Грановскаго. 284

VII. Романъ:

- Лили Браунъ. «Письма маркизы.» Перев. Э. К. Пименовой. 81—96

VIII. Рисунки:

- 1—3) Портреты: Карло Гольдони (Съ портрета Пьяцетты) 16—17
 Н. А. Спѣшневъ. 114—115
 В. М. Максимовъ (Портретъ работы Ярышенко). 152—153
 4) Арестъ (И. Е. Рѣпина) 184—185
 Концовки и заставки дѣяты изъ изданій конца XVIII в. извѣстнаго Струйскаго (его типографіи и выпущеннымъ имъ изданіямъ будетъ посвящена специальная замѣтка въ слѣдующемъ № журнала). Рисунки, принадлежащіе преимущественно граверу Шанбергу, замѣтованы по сочиненію Струйскаго:
 1) «Блафонъ» (Спб. 1791 г.).
 2) «Эпистола Екатерины II». (Саранскъ, 1789 г.).
 3) «Элегія въ память Грейга» (1788 г., типографія Новикова). 4) Сочиненія, т. I, Спб. 1790 г.

К. Гольдони.

(Общественное значеніе его комедій).

I.

Литературное движеніе въ Италіи второй половины XVIII в. принято называть «вторымъ возрожденіемъ».

Обыкновенно историки итальянской литературы представляютъ дѣло такъ, что во второй половинѣ XVIII в. неожиданно выступаетъ плеяда талантливыхъ писателей,—Гольдони, Альфьери, Парини, — которые сразу доводятъ до высокой степени совершенства всѣ литературные жанры, раньше влачившіе жалкое существованіе— комедію, трагедію и сатиру. Другими словами, литературный расцвѣтъ второй половины XVIII в. былъ по обычному толкованію просто обусловленъ неожиданнымъ появленіемъ нѣсколькихъ даровитыхъ писателей.

Такое «объясненіе» возникновенія второго *risorgimento* въ сущности ничего не объясняетъ.

Нужно думать: самое появленіе плеяды крупныхъ писателей, вдохнувшихъ новую жизнь въ родную литературу, находившуюся въ XVII и въ первой половинѣ XVIII в. въ состояніи глубокаго упадка, было вызвано, какъ и всякій литературный расцвѣтъ, болѣе глубоко лежащими причинами общественнаго характера.

Чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, необходимо подвергнуть анализу — и прежде всего съ точки зрѣнія содержанія — творчество главнѣйшихъ представителей «второго возрожденія».

Остановимся здѣсь на комедіяхъ венеціанца К. Гольдони, до сихъ поръ еще недостаточно изученныхъ даже въ Италіи.

Всѣ изслѣдователи единодушно признаютъ за «итальянскимъ Мольеромъ» большое литературное значеніе. Онъ окончательно

вытѣснилъ господствовавшую на итальянскихъ сценахъ еще въ первой четверти XVIII в. импровизированную комедію масокъ и положилъ начало реалистической комедіи нравовъ и быта, комедіи «среды» и «характеровъ».

Въ иномъ положеніи находится вопросъ объ общественномъ содержаніи комедій Гольдони. Этотъ вопросъ раздѣлилъ ученыхъ на двѣ противоположныя группы, между которыми стоитъ нѣсколько примиренцевъ, сторонниковъ компромисса.

Одни изслѣдователи, какъ Ландау, Мольменти и Мази ¹⁾, видятъ въ реформаторѣ итальянской комедіи вѣрнаго сына «старога порядка», мирившагося со всеми сторонами абсолютистической и аристократической культуры XVIII в. Въ ихъ глазахъ Гольдони самый благонамѣренный писатель, осторожный до трусливости, покорный до сервильности, равнодушный къ революціонной проповѣди энциклопедистовъ, преклонявшійся передъ принципомъ сословнаго неравенства, почитавшій въ каждомъ патриціи олицетвореніе законной власти и рѣдко изображавшій дворянство въ отрицательномъ видѣ. По мнѣнію этихъ изслѣдователей, за театальной и литературной реформой плодовитаго венеціанца не скрывается, слѣдовательно, никакого новаго общественнаго содержанія.

Такъ какъ подобная характеристика общественной фізіономіи Гольдони явно не покрывается всеѣмъ его творчествомъ, то другіе изслѣдователи склонны выйти изъ затруднительнаго положенія путемъ компромисса. Они готовы признать въ авторѣ «комическаго театра» (Teatro comico), правда, демократа, но скорѣе по «инстинкту», чѣмъ по «убѣжденію», писателя, хотя и затрогивавшаго иногда общественныя темы, но бывшаго прежде всего и больше всего «моралистомъ».

На такой компромиссной точкѣ зрѣнія стоятъ Капринъ и Оветтъ ²⁾.

По ихъ мнѣнію, Гольдони относился, правда, отрицательно къ феодальному дворянству, но вѣдь его въ Венеціи не существовало; онъ былъ, правда, типическій borghese (буржуа), но онъ только «смутно» чувствовалъ, что привилегированные классы сыграли свою историческую роль; онъ, правда, рисовалъ купцовъ болѣе симпатичными, нежели дворянъ, но дѣлалъ онъ это «безъ всякой тенденции», скорѣе безсознательно (*senza metterci un intenzione riflessa*); онъ, правда, иногда изображалъ браки разорившихся аристократовъ на богатыхъ мѣщанкахъ, но не для того, чтобы указать на паденіе дворянства и возвышеніе буржуазіи, а исключи-

¹⁾ L a n d a u. Geschichte der italienischen Litteratur im XVIII f. M o l m e n t i. Goldoni.

M a s i. Politica goldoniana въ Parucche e sanculotti.

²⁾ C a p r i n. Goldoni.

О в е т т ъ. Исторія итальянской литературы.

тельно въ интересахъ «завязки» (solo per la necessita dell' intreccio). Если Гольдони порой и выводилъ аристократовъ, притѣсняющихъ народъ, то руководился, главнымъ образомъ, «нравственными» цѣлями. Въ лучшемъ случаѣ за нимъ можно признать лишь «нѣчто въ родѣ демократическаго инстинкта».

Если вѣрна характеристика Гольдони, сдѣланная Каприномъ и Оветтомъ, то его «комическій театр» все же отражаетъ—хотя робко и бессознательно—ростъ самосознанія третьяго сословія.

Третья группа изслѣдователей, напротивъ, склонна видѣть въ реформаторѣ итальянскаго театра убѣжденнаго демократа, носителя новыхъ общественныхъ идеаловъ.

«Гольдони,—замѣчаетъ Маддалена ¹⁾, — далъ театру демократическую комедію» (egli da al teatro la commedia democratica). Изображая обыкновенно знать въ отрицательномъ видѣ, какъ паразитовъ и сплетниковъ, какъ олицетворенія порочности и комизма, Гольдони вмѣстѣ съ тѣмъ отвелъ въ своемъ театрѣ почетное и видное мѣсто народу, который у него уже не стоитъ подобострастно въ сторонѣ, а смѣло выходитъ на сцену, «увлекая зрителя своими радостями и своимъ горемъ».

Если Маддалена видитъ въ Гольдони основателя демократическаго театра, то другіе изслѣдователи склонны усматривать въ немъ даже своего рода революціонера, носителя классовыхъ идеаловъ третьяго сословія, поднимавшагося на защиту своихъ правъ.

«Хотя венеціанское правительство, — замѣчаетъ Зауеръ ²⁾, — и не благопріятствовало свободному слову на сценѣ, все же Гольдони сумѣлъ стать глашатаемъ третьяго сословія въ его борьбѣ съ привилегированнымъ классомъ во имя равенства».

Такой же точки зрѣнія придерживается Броньолиго. «Въ комедіяхъ Гольдони,—говоритъ онъ ³⁾, —звучитъ голосъ буржуазіи, сознавшей свое нравственное превосходство и сильной въ сознаніи своихъ правъ» (suona la voce della borghesia conscia delle seu virtu e forte dei suoi diritti). обстоятельнѣе другихъ изучилъ общественные взгляды Гольдони Фальки, который пришелъ въ спеціально этому вопросу посвященной монографіи къ тому выводу, что авторъ «комическаго театра» былъ противникомъ всего политическаго и соціальнаго строя «старога порядка», горячимъ сторонникомъ провозглашеннаго французскими философами евангелія природы и порой очень близко подходилъ даже къ современному

¹⁾ M a d d a l e n a. C. Goldoni (Nel secondo centenario della sua nascita).

²⁾ S a u e r. Geschichte der ital. Litteratur. Зауеръ имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду комедію «Семья антикварія». Переводчикъ этой пьесы на венгерскій языкъ Раддо высказываетъ въ предисловіи такой же взглядъ на Гольдони. Цитировано въ статьѣ Маддалены: «Intorno alla famiglia dell'antiquario».

³⁾ B r o g n o l i g o. Nel teatro di C. Goldoni.

соціализму, такъ какъ усматривалъ въ коопераціи наиболѣе цѣлесообразную форму организаціи физическаго и умственнаго труда ¹⁾).

По толкованію этихъ изслѣдователей комедіи Гольдони представляють не только новый для того времени жанръ комедіи, но и насыщены новымъ общественнымъ духомъ.

Кто же правъ: тѣ ли, кто, подобно Ландау, Мольменти и Мази, считаютъ «итальянскаго Мольера» вѣрнымъ сыномъ «старога порядка», или тѣ, кто, какъ Капринъ и Оветтъ, усматриваютъ въ немъ лишь «инстинктивнаго» демократа и прежде всего «моралиста», или, наконецъ, тѣ, кто, какъ Мадалена, Зауеръ, Броньолиго и Фальки видятъ въ немъ сознательнаго носителя классовыхъ идеаловъ третьяго сословія, поднимавшагося на борьбу съ ancien régime'омъ.

Вопросъ этотъ—отнюдь не вопросъ публицистическій.

Здѣсь рѣчь идетъ не о томъ вовсе, чтобы причислить автора «комическаго театра» къ той или иной политической партіи, реабилитировать или дискредитировать его, какъ общественнаго мыслителя. Отъ того или иного отвѣта будетъ зависѣть не только оцѣнка дѣятельности самого Гольдони, но и косвенно всего того «второго возрожденія», однимъ изъ первыхъ піонеровъ котораго былъ Гольдони.

Имѣемъ ли мы передъ собой только чисто литературно-театральную реформу, покончившую съ старой *commedia dell'arte*, создавшую новый типъ реально-бытовой комедіи, или же эта литературно-театральная реформа была лишь внѣшней (хотя и органически необходимой) оболочкой для выраженія новаго общественнаго содержанія — вотъ какая существенно-важная проблема встаетъ за вопросомъ о томъ, былъ ли Гольдони вѣрнымъ сыномъ старога порядка или же носителемъ духа и идеаловъ *tiers état*? А если «комическій театръ» итальянскаго Мольера былъ не однимъ только формальнымъ разрывомъ съ традиціями *commedia dell'arte*, а облакалъ въ новую художественную форму новое общественное содержаніе, то не является ли и «второе возрожденіе», *risorgimento* XVIII в., однимъ изъ яркихъ представителей котораго былъ Гольдони, лишь отраженіемъ въ области творчества пробужденія классового самосознанія въ третьемъ сословіи и не былъ ли расцвѣтъ итальянской литературы второй половины XVIII в. обусловленъ выступленіемъ на историческую сцену того третьяго сословія, которое было ничѣмъ, чтобы надолго стать всѣмъ?

За разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ обратимся къ комедіямъ Гольдони.

¹⁾ FALCHI. Gli intendimenti sociali di Goldoni. О коопераціи см. L'impresario delle smogne (конецъ) и Le baruffe chiozzotte.

II.

Восемнадцатое столѣтіе было вѣкомъ господства абсолютизма.

Венеція представляла на первый взглядъ исключеніе изъ этого правила. Родина Гольдони была республикой. Главнымъ правительственнымъ органомъ былъ Большой Совѣтъ, въ которомъ участвовали всѣ патриціи, записанные въ «золотую книгу» (*libro d'oro*). Несмотря на республиканскую форму правленія, самыя приемы управленія носили, однако, и здѣсь чисто абсолютистическій характеръ. Гоненіе на свободную мысль, строгая цензура, систематически организованный сыскъ, настойчивое стремленіе превратить гражданъ въ обывателей, — всѣ эти характерныя черты абсолютизма были налицо и въ Венеціи. Подъ маской республиканскаго строя царилъ все тотъ же режимъ усмотрѣнія и произвола, какъ и въ остальной Италіи.

Противъ этой системы своевластія Гольдони направилъ комедію «*L'adulateur*» («Лъстець»).

На первый взглядъ можетъ показаться, что здѣсь рѣчь идетъ объ осмѣяніи извѣстнаго нравственнаго недостатка, о выясненіи его вредныхъ послѣдствій, что авторъ ставилъ себѣ, другими словами, исключительно моральную цѣль. На самомъ дѣлѣ, все въ пьесѣ указываетъ на то, что жало сатиры направлено не на общечеловѣческій порокъ, а на опредѣленную политическую систему: объ этомъ говоритъ краснорѣчиво и обстановка, въ которой происходитъ дѣйствіе, и положеніе, занимаемое лъстецомъ, и, наконецъ, его пагубное вліяніе на людей¹⁾.

Какъ всегда, когда Гольдони затрогиваетъ въ цензурномъ отношеніи не безопасную тему, онъ переноситъ и здѣсь дѣйствіе на югъ Италіи, въ неаполитанскую область.

Губернаторъ донъ Санчю—типическій абсолютный властитель. Предоставивъ всѣ дѣла своему секретарю, онъ видитъ въ своей высокой должности лишь средство жить въ свое удовольствіе. О томъ, какъ онъ относится къ своимъ обязанностямъ, можетъ дать представленіе слѣдующая сцена (I, 1). Секретарь принесъ бумагу для подписи. Губернаторъ отказывается читать, потому что у него «голова болитъ». Потомъ соглашается выслушать содержаніе.

¹⁾ Въ своей книгѣ: «Goldoni. Le théâtre et la vie en Italie au XVIII s.» Рабани упоминаетъ объ этой пьесѣ лишь въ списокѣ произведеній Гольдони (330) и квалифицируетъ ее какъ *une melodrame assez lourde*. Рабани не читалъ этой пьесы, а излагаетъ ее по мемуарамъ Гольдони (II, 8), гдѣ дана развязка первой, потомъ измѣненной, редакціи. Въ дошедшей до насъ пьесѣ герой вовсе «не отравляется на сценѣ, каюсь въ своихъ преступленіяхъ», какъ утверждаетъ Рабани: его просто отправляютъ въ темницу. Въ предисловіи къ пьесѣ (изд. Pasquali) Г. мотивируетъ, почему измѣнили развязку.

Съ первыхъ же словъ онъ долженъ признаться, что не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Это то самое дѣло (поясняетъ секретарь), о которомъ нѣсколько дней тому назадъ до вашего свѣдѣнія довели депутаты города. Такъ какъ ваша свѣтлость были заняты другимъ, болѣе важнымъ дѣломъ, то вы приказали мнѣ выслушать ихъ.

— Помню! Помню! Они пришли утромъ, когда я былъ занятъ обсужденіемъ десерта.

— О! Ваша свѣтлость такъ изобрѣтательны! Всѣ просто изумлены.

— Да! У меня за каждымъ обѣдомъ бываетъ новый десертъ.

Подобно всѣмъ абсолютнымъ властителямъ XVIII в. донъ Санчо имѣетъ свою официальную любовницу, замужнюю даму, жену опальнаго придворнаго. Срокъ изгнанія ея мужа подходитъ къ концу. Возвращеніе сосланнаго грозитъ нарушить любовную идиллію губернатора. Необходимо устранить мужа. Находчивый секретарь уже нашелъ средство. Можно представить дѣло такъ, что возвращеніе мужа грозитъ «общественному спокойствію». «Двумя строчками можно все уладить».

— Хорошо! Сдѣлайте такъ! Я подпишу!

Какъ видно, личный интересъ для губернатора—высшій законъ. *Voluntas regis suprema lex*. Другой основной параграфъ абсолютистическаго міровоззрѣнія XVIII в. гласилъ: доходы страны — собственность государя. Такъ поступаетъ губернаторша. Въ казначейство поступили деньги.

— Мужа не было дома (сообщаетъ она), я и взяла деньги и думаю ими воспользоваться.

— И хорошо сдѣлаете! (одобряетъ ее секретарь.)

Примѣру губернаторской четы слѣдуетъ секретарь донъ Сиджизмондо, всемогущій министръ. Лестью онъ сдѣлалъ карьеру, лестью по адресу власть имущихъ держится онъ на своемъ мѣстѣ. Его девизъ гласитъ: «увеличивать доходы государства, но и себя не забывать» (II, 4). И онъ себя не забываетъ! Онъ наглый взяточникъ. Такъ, онъ обѣщаль дать монополію на производство бархата одному фабриканту, а передаетъ ее другому, предлагающему ему взятку (III, 12). Онъ не только взяточникъ, но и грабитель. Прислуга дворца уже два мѣсяца не получала жалованіе, такъ какъ секретарь просто присвоилъ себѣ предназначенныя для нея деньги (II, 2). Подобно губернатору донъ Сиджизмондо охотится за чужими женами, и когда одна знатная дама не желаетъ ему отдаться, онъ бросаетъ ея мужа въ темницу, чтобы сдѣлать ее уступчивѣе, какъ губернаторъ ссылаетъ мужа своей любовницы, чтобы онъ не мѣшалъ...

Въ концѣ - концовъ, губернаторъ прозрѣваетъ, приказываетъ арестовать секретаря и такъ какъ онъ «не умѣлъ отли-

чать льстецовъ отъ хорошихъ слугъ», то подаетъ въ отставку ¹⁾).

Какъ видно: пьеса «Лъстець» — не столько морализующее наставленіе о вредѣ лести, а довольно откровенное сатирическое изображеніе извѣстнаго политическаго режима, той самой системы произвола и усмотрѣнія, которая была однимъ изъ устоевъ стараго порядка. Взятничество, грабежь, насиліе—таковы отличительныя черты въ правительственной дѣятельности губернатора и его министра. И за этой рѣзкой критикой политической системы совершенно теряется и разбѣивается мораль пьесы: «не слушайте льстецовъ».

Подобно тому, какъ въ Венеціи не существовало, собственно, абсолютизма въ обычномъ смыслѣ слова, такъ не было здѣсь и феодализма. Впрочемъ, на *terre firma*, въ венеціанской области, въ Фріулѣ и другихъ мѣстностяхъ были налицо и слѣды этой соціальной системы ²⁾).

Противъ крѣпостничества Гольдони направилъ другую пьесу: *Il feudatario* («Феодаль»).

Дѣйствіе и здѣсь происходитъ на югѣ Италіи, въ неаполитанской области. Владѣлецъ феодальнаго помѣстья Монтефоско противозаконно продалъ передъ смертью свое имѣнье постороннимъ лицамъ и лишилъ такимъ образомъ свою дочь Розауру ея наслѣдства. Новые хозяева, графиня Беатриче и ея сынъ Флориндо оказываются настоящими феодалами—крѣпостниками. Графиня бранитъ крестьянъ «мужичьемъ» и находитъ, что они не въ правѣ «обсуждать права тѣхъ, кто являются ихъ господами» (III, 9). А ея сыночекъ видитъ въ каждой деревенской дѣвкѣ и бабѣ свою законную добычу, и обращается съ мужиками, какъ истый сеньоръ.

— Я господинъ этой мѣстности (кричитъ онъ). И когда я приказываю, я хочу, чтобы мнѣ повиновались.

Возмущенные его феодальнымъ обращеніемъ крестьяне собираются на совѣщаніе (II, 19). Старѣйшій изъ деревенскихъ «депутатовъ» Нардо открываетъ засѣданіе: пусть члены «древней, благородной» общины выскажутся, какъ быть съ бариномъ.

Ч е к к о. Я сказала бы: самое дешевое и простое это всыпать ему дрови. Я готовъ взять на себя исполненіе этого приговора.

М е н г о н е. Нѣтъ, дорогой товарищъ, проливать барскую кровь не слѣдуетъ. Я стоялъ бы за то, чтобы пойти ночью да поджечь его домъ.

М а р к о н е. Нѣтъ, и это не годится. Можно сжечь невинныхъ.

П а с к в а л о т т о. Лучше бы сдѣлать съ нимъ то, что мы иногда дѣлаемъ съ нашими баранами.

¹⁾ По эстетикѣ Гольдони комедія должна непремѣнно имѣть благополучную развязку (*lieto fine*), и чтобы лучше исправлять людей, должна выводить героевъ, освобождающихся отъ своихъ пороковъ.

²⁾ *M o l m e n t i. Storia di Venezia nella vita privata*, т. III.

Нардо. Понимаю! Ну, теперь моя очередь! Прежде чѣмъ братья за ружье, огонь или ножъ, посмотримъ, нельзя ли чего добиться политикой. А если и разговоры не приведутъ ни къ чему, ну, тогда пустимъ въ ходъ огонь, дробь и ножъ во имя спасенія нашей благородной и древней общины.

Крестьяне отправляются къ графинѣ Беатриче и требуютъ, чтобы она вернула помѣстье ея законной собственницѣ (III, 3).

Чекко. Синьоръ маркизъ охотится за нашими женами, какъ мы за дичью. И нѣтъ для него заповѣдныхъ лѣсовъ.

Менгоне. Мы не привыкли къ такому обращенію. Маркизъ Ридольфо обращался съ нами, какъ съ братьями. Вотъ былъ добрый баринъ, настоящій князь.

Нардо. Вотъ мы и пришли къ вашей свѣтлости сказать, что если вы не считаете законнымъ воровство, то пусть маркизъ Флориндо вернетъ помѣстье синьорѣ Розаурѣ.

Беатриче. Какъ вы смѣете вмѣшиваться въ чужія дѣла!

Чекко. Вмѣшиваемся, потому что вмѣшиваемся.

Менгоне. И знаемъ, что знаемъ.

Нардо. Какъ депутатъ нашей древней и благородной общины я и заявляю вамъ: пусть нашей барыней и госпожей будетъ Розаура.

Между тѣмъ Флориндо наряжается пастухомъ и идетъ на свиданье съ женою крестьянина Чекко. Чекко подстерегаетъ барина и какъ только жена скрылась, выходитъ изъ своей засады.

Чекко. Эй, пастухъ!

Флориндо. Синьоръ!

Чекко. Ты что тамъ дѣлать съ моей женой?

Флориндо. Просить дать молока.

Чекко. Ахъ ты, мошенникъ, негодяй!

Флориндо. Клянусь...

Чекко. Проклятый мужикъ, я тебѣ всѣ кости переломаяю. (Бьетъ его.)

Флориндо. Стойте! Я маркизъ!

Чекко. Какой ты тамъ маркизъ. Мужикъ ты, пастухъ. (Бьетъ его, тотъ падаетъ. Въ сторону.) На этотъ разъ ты попробовалъ только моей палки. въ слѣдующій разъ отвѣдаешь и моего ружья.

Маркизъ Флориндо, въ концѣ-концовъ, раскаивается въ своемъ «феодалномъ» обращеніи съ крестьянами, какъ губернаторъ донъ Санчо кается въ своемъ неумѣнн управленіи страной. Онъ женится на законной наслѣдницѣ помѣстья Розаурѣ. и такъ какъ общается быть добрымъ бариномъ, то мужики, бунтовавшіе только противъ дурныхъ господъ, а не господъ вообще, протягиваютъ ему руку примиренія.

Объ пьесы «Льстецъ» и «Феодаль» направлены, какъ нетрудно видѣть, не противъ тѣхъ или иныхъ общечеловѣческихъ пороковъ, а очень опредѣленно противъ извѣстной социальнo-политической системы, которая въ самой Венеціи къ тому же была очень слабо развита. Губернаторъ, считающій высшимъ закономъ собственныя вожделѣнія, министръ, обирающій народъ, чтобы «себя не забыть», помѣщикъ, смотрящій на крестьянъ какъ на рабовъ и охотящійся

за ихъ женами, какъ за дичью,—всѣ эти фигуры олицетворяютъ не слабости человѣческой природы вообще, а пороки, возможные только при наличности извѣстныхъ соціальныхъ и политическихъ условій.

Пусть указанная пьеса на отвергаетъ по существу ни абсолютизма, ни феодализма... Такую проповѣдь венеціанская цензура никогда не потерпѣла бы на подмосткахъ венеціанскаго театра. Пусть Гольдони казнить только дурныхъ правителей и дурныхъ помѣщиковъ, которые, въ концѣ-концовъ, исправляются. Такая развязка диктовалась неизбѣжно эстетической доктриной Гольдони, въ глазахъ котораго комедія должна быть «школой нравовъ». Пусть агрессивный характеръ и тонъ этихъ пьесъ довольно умеренный, близкій къ теоріи «просвѣщеннаго» абсолютизма и феодализма. Въ нихъ все же явственно чувствуется бѣненіе сердца поднимавшейся демократіи, не желавшей больше мириться съ соціально-политическими условіями «старога порядка».

Господствующимъ классомъ въ Венеціи была аристократія. Она распалась на три группы. Фактически власть принадлежала патриціямъ, записаннымъ въ золотую книгу (*libro d'oro*). Несмотря на то, что уже съ XVII в. въ патриціатъ вошло немало чуждыхъ элементовъ, иностранцевъ и въ особенности богатыхъ *parvenus* изъ купечества, число членовъ Большаго Совѣта замѣтно сокращалось отчасти вслѣдствіе уменьшенія числа браковъ, отчасти въ силу развивавшагося мальтузіанства. Чтобы пресѣчь это зло, правительство издало указъ, по которому титуль патриціи можно было купить за 100.000 дукатовъ. Одинъ острякъ (Гударь) иронизировалъ не безъ основанія: *Le libre d'or est devenu un libre d'argent*.

Рядомъ съ патриціанскою знатью, управлявшею въ лицѣ Большаго Совѣта, стояло среднее дворянство, записанное въ «серебряную книгу». Эта группа состояла изъ представителей знати, не попавшихъ въ «золотую книгу» въ виду того, что часто мѣняли мѣсто пребыванія, или лишившихся этого права, потому что вступили въ бракъ съ дѣвушками или женщинами недворянскаго происхожденія. Такъ какъ изъ этой среды вербовались обыкновенно секретари сената, то и самая группа часто называлась «секретарями» (*segretari*). Въ противоположность косной аристократіи «золотой книги», заставшей въ своихъ настовыхъ предрассудкахъ, «секретари» представили группу очень подвижную и передовую, образованную и дѣловитую: изъ нея вышло немало писателей (напр., Гоцци), и за немногими исключеніями она оказалась очень воспріимчивой къ проповѣди французскихъ философовъ. Это была группа только по имени аристократическая: часть ея «обуржуазилась», другая пошла въ интеллигенцію.

На ряду съ этими двумя группами аристократіи въ Венеціи существовала еще третья—дворянство опустившееся и разорившееся, жившее впроголодь, частью игрой, слой недовольный, шумливый, готовый къ возмущенію, сыгравшій не малую роль въ (неудачной) революціи Джорджо Пизани (т. наз. Barnabotti).

«Комическій театр» Гольдони изображаетъ господствующій классъ принципиально въ отрицательномъ видѣ. Комедіи итальянскаго Мольера то и дѣло ставятъ большой вопросительный знакъ надъ привилегіей рожденія, надъ сословнымъ неравенствомъ.

Въ комедіи «Любопытныя женщины» (Donne curiose) купецъ Панталоне основалъ масонскую ложу ¹⁾. Рекомендуются новый членъ. Онъ—джентльменъ, galantuomo. Для Панталоне это не аргументъ. Мало ли благородныхъ по имени развелось теперь. Настоящихъ-то нѣтъ.

— Какія у васъ доказательства, что онъ благородный?

— Я встрѣчалъ его въ обществѣ порядочныхъ людей.

— Ну, этого еще недостаточно. Не во всѣхъ порядочныхъ обществахъ всѣ непременно порядочны.

— Онъ знатнаго происхожденія.

И тогда купецъ рѣзко обрываетъ его и въ его репликѣ цѣлая декларация.

— *Не происхожденіе, а добрые поступки дѣлаютъ человека благороднымъ.* (Noxe la nascita, che fazza el galantuomo, me le bone azioni).

Въ такомъ же духѣ разсуждаетъ въ комедіи «Il cavalier giocondo» (Безпечный кавалеръ, III, 6) даже чистокровный маркизъ.

«Происхожденіе еще не дѣлаетъ человека благороднымъ, тогда какъ дурныя поступки могутъ загрязнить и самую чистую кровь».

Еще ироничнѣе звучитъ оцѣнка аристократіи, какъ привилегированнаго класса, въ устахъ прислуги.

Въ комедіи «Il uomo prudente» (Благоразумный отецъ семейства) Арлекинъ надѣлъ костюмъ барина и страшно важничаетъ передъ Коломбиной (II, 18). Онъ не можетъ уже снизойти до какой-то кухонной феи — онъ теперь дворянинъ.

Коломбина. Какъ ты сталъ благороднымъ?

Арлекинъ. Развѣ ты не видишь, какое на мнѣ платье?

Коломбина. Платье еще не дѣлаетъ человека благороднымъ.

Арлекинъ. Ну, въ наше время достаточно надѣть красивый костюмъ, чтобы удостоиться титула «свѣтлость».

Коломбина. Ты правъ. Ты, стало-быть, меня не любишь больше?

Арлекинъ. Нѣтъ.

Коломбина. А когда-то ты любилъ меня?

Арлекинъ. Да я и теперь любилъ бы тебя, если бы не сдѣлался кавалеромъ.

Коломбина. А если бы я была дамой, ты любилъ бы меня?

Арлекинъ. Разумѣется, какъ зѣницу ока.

¹⁾ Объ отношеніи Гольдони къ масонству см. Neri. «Anedotti goldoniani».

Коломбина уходитъ, надѣваетъ костюмъ барыни и возвращается къ своему кавалеру.

К о л о м б и н а. Кавалеръ, кланяюсь вамъ.

А р л е к и н ъ. Прекрасная дама, простираюсь передъ вами ницъ.

К о л о м б и н а. Кавалеру не подобаетъ быть безъ дамы.

А р л е к и н ъ. Какъ дамъ безъ кавалера.

К о л о м б и н а. Такъ соединимъ узами гименея нашу дворянскую кровь.

А р л е к и н ъ. И создадимъ поколѣнiе *маленькихъ благородныхъ негодяевъ*.

Отрицательному отношенiю Гольдони къ сословному неравенству противорѣчить на первый взглядъ драма «Pamela», и на нее обыкновенно и ссылаются критики, изображающiе ея автора вѣрно-подданнымъ стараго порядка (напр., Ландау). На самомъ дѣлѣ противорѣчiе здѣсь только кажущееся.

Гольдони заимствовалъ сюжетъ изъ романа Ричардсона, который и въ Италiи XVIII в. пользовался большой популярностью. Хотя дѣйствiе происходитъ въ Англiи, и выведенныя лица носятъ англiйскiя имена, Гольдони изображаетъ (какъ видно изъ соответствующаго мѣста въ Мемуарахъ (II, 9), несомнѣнно, венецианскую жизнь и венецианскiе нравы. Лордъ Бонфиль любитъ свою служанку безъ рода и племени и несмотря на протесты свѣтскаго общества готовъ на ней жениться. Между нимъ и его другомъ лордомъ Артуромъ происходитъ любопытный разговоръ на тему о бракахъ между знатью и безправными плебеями (I, 13). Лордъ Артуръ, стоящiй на точкѣ зрѣнiя свѣтскаго общества, готовъ, тѣмъ не менѣе, согласиться, что аристократъ имѣетъ право по любви жениться на безродной плебейкѣ, что такой бракъ не противорѣчитъ законамъ природы, потому что *«природа, наша общая мать любитъ всѣхъ своихъ дѣтей безъ исключенiя и довольна, какъ бы они не соединялись между собой»*. Онъ дѣлаетъ лорду Бонфилю еще цѣлый рядъ уступокъ очень существенныхъ, такъ что остается разобрать еще только одинъ пунктъ: наноситъ ли подобный бракъ ущербъ дворянскому положенiю, дворянской крови аристократа, вступившаго въ бракъ съ безродной.

Б о н ф и л ь. Объясните мнѣ, какъ можетъ бракъ измѣнить кровь въ жилахъ кавалера?

А р т у р ъ. Да это невозможно.

Б о н ф и л ь. Стало-быть, чьей же крови наносится ущербъ?

А р т у р ъ. Крови дѣтей.

Б о н ф и л ь. О, вы нанесли мнѣ страшный ударъ!

Въ своихъ «Мемуарахъ» (II, 9) Гольдони даетъ пояснительный комментарий къ этому разговору.

«Въ Лондонѣ, — замѣчаетъ онъ, — лордъ не теряетъ права дворянства, если женится на крестьянкѣ, тогда какъ въ Венеци патрищiй, который женится на плебейкѣ, лишаетъ своихъ дѣтей дворянскаго титула и права на власть».

Если бы Гольдони заставилъ лорда Бонфиля жениться на безродной служанкѣ, чтобы вознаградить ее за ея добродѣтель — а по его эстетикѣ добродѣтель непременно должна быть вознаграждена, чтобы комедія достигла своей главной цѣли, исправлять людей — то счастье Памелы пришлось бы купить цѣною утраты правъ ея дѣтей. А такая развязка показалась Гольдони жестокой.

«Комедія, — говоритъ онъ въ Мемуарахъ, — должна выставять на показъ человѣческія слабости только для того, чтобы исправить ихъ и не слѣдуетъ подъ предлогомъ вознагражденія добродѣтели пожертвовать счастьемъ потомства».

Изъ этого затруднительнаго положенія Гольдони видѣть только одинъ исходъ. Памела оказывается дочерью аристократа (III, 6). Лордъ Бонфиль можетъ спокойно жениться на своей служанкѣ, послѣдняя будетъ вознаграждена за свою добродѣтель, а дѣти отъ этого брака не лишатся своихъ гражданскихъ правъ. Комедія не превратится въ трагедію, а публика покинетъ театръ по всѣмъ вѣроятіямъ съ крѣпкимъ убѣжденіемъ, что если бракъ патриція на безродной не противорѣчитъ законамъ природы, «нашей общей матери, которая любитъ всѣхъ своихъ дѣтей безъ различія», то, очевидно, венеціанскіе законы, лишающіе дѣтей отъ такого брака ихъ гражданскихъ правъ, очень далеки отъ законовъ природы, которая «довольна, какъ бы ни соединялись ея дѣти».

И чтобы публика не забыла этого наставленія, Гольдони влагаетъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы слѣдующую тираду, въ которой явственно слышится отголосокъ проповѣди французскихъ энциклопедистовъ (III, 3). «Я часто слышала (говоритъ г-жа Jevre), что міръ былъ бы лучше, если бы его не испортили люди, *высокомѣрно нарушившіе прекрасный порядокъ, созданный природой. Природа, наша общая мать, считаетъ насъ всѣхъ равными.* (Questa madre comune si considera tutti eguali).

«Комическій театръ» Гольдони не только подвергаетъ сомнѣнію законность неравенства, но и подвергаетъ критикѣ тотъ культъ войны, то преклоненіе передъ шпагой, которая свойственны всякой аристократіи.

Въ драмѣ «La guerra» (Война) Гольдони срываетъ золотую мишуру съ милитаризма, указывая на отрицательныя стороны войны и развѣнчивая попутно героевъ-завоевателей. Офицеры заняты игрой, флиртомъ, попойками, дуэлями, а расплачиваться приходится крестьянамъ своимъ имуществомъ и своей особой. Крестьянка послала свою дочку Лизу продать яйца, сыръ, плоды. Солдаты нападаютъ на нее и вырываютъ у нея корзину. Бѣдняжка заливается слезами. Что скажетъ мать? Подходить офицеръ, графъ Клавдіо, видитъ смазливое личико крестьянки и сейчасъ же въ немъ разыгрывается аппетитъ. У Лизы остались еще плоды и онъ готовъ ихъ купить. Пусть она отнесетъ ихъ къ нему на квартиру.

КАРЛО ГОЛЬДОНИ.

(Съ портрета Пьяцетти.)

Лиза. Ни за что!

Графъ. Почему?

Лиза. Я не пойду на квартиру офицера!

Графъ. Почему?

Лиза. Я не желаю, чтобы со мною случилось то же, что съ матерью.

Графъ. А что съ ней случилось?

Лиза. Не знаю, да и думать объ этомъ не хочу, а попасть въ такое положеніе тоже не хочу.

И Гольдони противопоставляетъ войнѣ, какъ идеаль, мирную трудовую жизнь. «Я не хочу убійства людей, я хочу мира!» говоритъ онъ устами героини ¹⁾. И онъ протестуетъ противъ преклоненія передъ шпагой не только въ военное, но и въ мирное время. Въ глазахъ аристократіи съ ея военными навыками и традиціями единственнымъ достойнымъ человѣка средствомъ улаживать недоразумѣнія и конфликты была дуэль. «Комическій театр» Гольдони неустанно воюетъ и противъ этого предрасудка.

Когда въ комедіи «Il cavalier di spirito» (Остроумный кавалеръ) офицеръ донъ Флавіо вызываетъ на дуэль (мнимаго) соперника, тотъ — хотя и дворянинъ — даетъ ему рѣзкую отвѣдь (IV, 3): «Прежде, чѣмъ отомстить за оскорбленіе, вамъ слѣдовало бы выяснить, основательно ли ваше подозрѣніе, попытаться получить удовлетвореніе инымъ путемъ и пусть шпага будетъ послѣднимъ средствомъ, къ которому прибѣгаешь ради возстановленія чести. Жизнь первое благо и имъ не слѣдуетъ пренебрегать изъ-за каждаго пустяка». Когда въ драмѣ «Il filosofo inglese (Английскій философъ) лордъ Вамбертъ наступаетъ со шпагой въ рукѣ на своего соперника философа Якова Мандевилля, тотъ отвѣчаетъ горячей репликой въ защиту святости человѣческой жизни. «Какое право имѣете вы дерзко поднять руку на ближняго! Знаете ли вы, кто передъ вами? Человѣкъ, живое существо, величайшее чудо природы, подъ брэнной оболочкой котораго живетъ безсмертный духъ. И только тотъ, кто создалъ его, можетъ распоряжаться его жизнью» (IV, 18).

«Комическій театр» Гольдони не только подвергаетъ критикѣ привилегіи и предрасудки знати, но и выводитъ обыкновенно представителей аристократіи въ явно отрицательномъ, часто карикатурномъ видѣ.

Потомки господскаго класса разоряются и опускаются, и ихъ дворянская спесь, ихъ гордость своимъ происхожденіемъ кажутся тѣмъ болѣе смѣшными, чѣмъ болѣе жалкимъ является ихъ матеріальное положеніе. Они живутъ въ долгъ, не стѣсняются брать

¹⁾ Офицерство выведено въ отрицательномъ видѣ еще въ комедіи *L'amante militare*, въ лицѣ дона Гарсія, при чемъ положительный типъ, донъ Алонсо, снимаетъ въ концѣ пьесы мундиръ военнаго. Надъ военными иронизируетъ и герой въ комедіи *Il cavalier di spirito*.

подарки, часто сами ихъ вымогають. Они становятся паразитами — прихлебателями, готовы продать свой титуль за звонкую монету, за подарки и взятки впустить въ свой заповѣдный кругъ даже презираемыхъ ими плебеевъ (графъ Рокка Марина въ «Вѣерѣ», маркизь Форлипополи въ «Трактирщицѣ», графъ Онофрїо и графиня Беатриче въ «Тщеславныхъ женщинахъ» и др.). Чтобы поправить свои плохія матеріальныя дѣла, они охотно роднятся съ богатыми буржуа, вступаютъ въ бракъ съ богатыми мѣщанками (графъ Террацани въ «Семѣ антикварїа», графъ Оттавіо въ «Умной женѣ»). Опускаясь и разоряясь матеріально, они вырождаются въ умственномъ и нравственномъ отношенїяхъ. Они непроходимо глупы, часто помѣшаны на нелѣпыхъ увлеченїяхъ, такъ что каждый ловкій проходимецъ можетъ ихъ вести за носъ (графъ Террацани въ «Семѣ антикварїа»). Они способны изъ эгоистическихъ вождельнїй извести и замучить хорошаго человѣка (графъ Оттавіо и графиня Беатриче и ихъ отношенїя къ Розаурѣ въ «Умной женѣ»). Они нагло посягаютъ на честь хорошей дѣвушки изъ народа (графъ Оттавіо въ «Честной дѣвушкѣ»). Ради забавы готовы соблазнить порядочную женщину только потому, что она порядочна (Фламинїо въ «Кавалерѣ и дамѣ»). Они занимаются сплетнями и злословіемъ (донъ Марціо въ «Кофейнѣ»), не гнушаются стать шулерами (графъ Оттавіо въ «Доброй женѣ», служащей продолженїемъ «Честной дѣвушки»).

Характерно и то, что каждый разъ, когда какой-нибудь авантюристъ выдаетъ себя за аристократа, онъ ведетъ себя чрезвычайно предосудительно, обращается съ купцами и плебеями вызывающе и презрительно, забираетъ товаръ въ долгъ, долговъ своихъ не платитъ, относится пронически ко всему родному, и никому въ голову не приходитъ усумниться въ аристократическомъ его происхожденїи: очевидно, таково вообще поведенїе аристократа, по мнѣнїю демократическихъ низовъ и самого автора (графъ Сильвіо въ «Обанкрутившемся купцѣ»).

Въ театрѣ Гольдони мелькають порой и симпатичные, положительныя (съ точки зрѣнїя Гольдони) образы аристократовъ и, однако, въ такихъ случаяхъ передъ нами обыкновенно дворяне, не только не ведущїе аристократическаго образа жизни, но и давно и окончательно порвавшїе съ міровоззрѣнїемъ своего класса.

Донъ Роберто (въ комедїи «Il cavalier di spirito») живетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, и не празднымъ кавалеромъ, а сельскимъ хозяиномъ. Онъ очень любитъ крестьянъ, помогаетъ имъ всѣми силами, даетъ крестьянкамъ, выходящимъ замужъ, придансе, и вся деревня его «обожаетъ». Кавалеры и дамы называютъ крестьянъ пренебрежительно *vil gente* (чернью) — онъ знаетъ, что ихъ сердце «исполнено невѣжливости». Отличаясь отъ знати образомъ жизни, донъ Роберто не раздѣляетъ и официальнаго міровоззрѣнїя ари-

стократіи. Онъ смѣется надъ военными, не признаетъ дуэли и держится на бракъ, на положеніе женщины взглядовъ діаметрально противоположныхъ взглядамъ знати. Онъ и остался холостякомъ потому, что въ своемъ кругу не надѣялся найти подходящей для себя жены.

Графъ Оттавіо (въ пьесѣ «Il cavalier di buon gusto») такой же холостякъ, какъ донъ Роберто и по тѣмъ же причинамъ. Въ отличіе отъ «остроумнаго кавалера» онъ, однако, не сельскій хозяинъ, а купецъ. Онъ вступилъ въ компанію съ купцомъ Панталоне, и они вмѣстѣ торгуютъ русскимъ лисьимъ мѣхомъ и персидскими брильянтами. И онъ не только не стыдится, а гордится своей профессіей. Графъ Оттавіо и по своимъ литературнымъ и философскимъ симпатіямъ представитель не отживающей аристократіи, а человѣкъ новаго времени. Онъ высоко ставитъ Гаспаре Гоцци, автора правоучительныхъ повѣстей и издателя нравоучительнаго журнала ¹⁾. Онъ считаетъ метафизику «философіей для дѣтей», предпочитая ей мораль и психологію, позволяющія «познавать людей и ихъ характеръ». И подобно французскимъ энциклопедистамъ, этимъ теоретикамъ поднимавшагося tiers etat, онъ видитъ въ «великой матери природы» (gran madre natura) истинную воспитательницу и законодательницу людей, которая можетъ ихъ научить только «лучшему».

Восемнадцатое столѣтіе было не только вѣкомъ абсолютизма, опиравшагося преимущественно на аристократію, но и вѣкомъ господства женщины и галантности.

Женщина была возведена на престоль. Она царила и задавала тонъ. Мужчина какъ рабъ преклонялъ передъ ней колѣни и какъ жрецъ курилъ ей фиміамъ. И это ея всѣми признанное право господства ни въ чемъ не обнаруживалось такъ наглядно, какъ въ ея также всѣми признанномъ правѣ имѣть своего официальнаго любовника ²⁾.

Тѣ же галантные нравы царили и въ Венеціи XVIII в.

Время, когда венеціанскія матроны жили затворнической жизнью, давно миновало. Затворницы-хозяйки превратились въ праздныхъ свѣтскихъ дамъ, занятыхъ флиртомъ и преданныхъ удовольствіямъ.

«Венеціанскія дамы,—писалъ одинъ французскій путешественникъ,—сбросили съ себя иго рабства, подъ которымъ жили въ предыдущія столѣтія. Теперь онѣ всецѣло преданы галантной

¹⁾ Г. Гоцци былъ другомъ и защитникомъ Гольдони. Маркизь Рокка Марина въ «Вѣерѣ», типъ карикатурный, напротивъ, большой поклонникъ Карло Гоцци, реакціонера и врага Гольдони.

²⁾ См. Фуксъ. «Иллюстр. исторія нравовъ», т. II.

жизни. И чѣмъ болѣе они раньше томились въ темницѣ семейной жизни, тѣмъ болѣе жадно пользуются онѣ теперь своей свободой».

«Замужнія дамы, — восклицаетъ Баффо, извѣстный авторъ скабрёзныхъ стиховъ, — уже не живутъ въ затворничествѣ, а гуляютъ днемъ и ночью по улицамъ города».

Какъ въ остальной Европѣ, такъ и среди венеціанской аристократіи бракъ давно сдѣлался простой условностью, пустой юридической формулой и потому естественно между супругами царили самыя холодныя отношенія.

«Если вы увидите, что мужчина и женщина пользуются малѣйшимъ предлогомъ, чтобы поставить другъ друга въ неловкое положеніе, будьте увѣрены, что это мужъ и жена», явилъ одинъ сатирикъ¹⁾. «Если вы увидите мужчину и женщину, которые идутъ рядомъ и смотрятъ въ разныя стороны, будьте увѣрены, что это мужъ и жена», и т. д.

Мужъ имѣлъ обыкновенно свою любовницу (часто то была балерина, пѣвица), жена—своего любовника, *cavaliere servente* или чичисбея. Право жены на любовника часто оговаривалось спеціально въ брачномъ договорѣ. Чичисбей былъ не только любовникомъ дамы, но и ея лакеемъ. Его обязанности подробно описаны въ модномъ въ XVIII в. романѣ Гудара «*L'espion chinois*».

Чичисбей обязанъ прійти къ своей дамѣ въ девять часовъ утра и подать ей кофе или шоколадъ, пока она еще лежитъ въ постели. Если въ комнатѣ нѣтъ горничной (а это обычное явленіе), то онъ обязанъ ей помочь одѣться. Во время туалета онъ долженъ стоять позади ея кресла и подавать ей по очереди румяны, бѣлила, коробку съ мушками, губную помаду. Окончивъ туалетъ дамы, онъ долженъ дать ей руку, проводить до носилокъ, усадить ее и, взявъ ея молитвенникъ, итти бѣгомъ впереди носилокъ, чтобы первымъ дойти до церковной паперти и подать ей св. воды. Вечеромъ онъ обязанъ сопровождать ее въ театръ и сидѣть рядомъ съ ней, при чемъ зимой онъ долженъ позаботиться о грѣлкѣ для ногъ и собственноручно устроить ее подъ ея юбкой и т. д.

Есть еще и секретныя инструкціи, иронизируетъ Гударъ, но мужья дѣлаютъ видъ, что не знаютъ о нихъ²⁾.

¹⁾ Malamanii. Il settecento. I.

²⁾ Carducci. Parini il Maggiore. О роли чичисбея даетъ представленіе также слѣдующая сцена изъ комедіи одного изъ предшественниковъ Гольдони, тосканца Фаджіуоли: *Il cicisbeo sconcolato*. Старикъ Ансельмо, не имѣющій представленія о свѣтскихъ правахъ, навѣщаетъ утромъ сына, недавно женившася.

Камеристка Лизетта докладываетъ, что онъ вышелъ изъ дома и что у бабыни сидитъ синьоръ Ванезіо, «кавалеръ, приходящій для салонныхъ бесѣдъ».

А н с е л ь м о. Это, однако, недурно. Такъ идите скорѣе, синьора Лизетта, помочь ей, когда она захочетъ одѣться.

«Комическій театр» Гольдони содержит рѣзкую и постоянно повторяющуюся критику аристократическаго брака и галантных нравовъ. Изъ устъ его положительныхъ героевъ то и дѣло слышится негодующій протестъ противъ всеми признаннаго господства женщины. «Женщины не командовали бы нами, если бы мы сами за ними не гонялись, и если онѣ сильнѣе насъ, то въ этомъ виновата наша слабость, которая позволяетъ имъ становиться высоко-мѣрными», философствуетъ Тонино въ «Le due gemelli veneziani» (Венеціанскіе близнецы). И такія же рѣчи мы услышимъ изъ устъ Панталоне, этого сознательнаго представителя третьяго сословія. Любовь между мужемъ и женой кажется свѣтскимъ людямъ чѣмъ-то ненормальнымъ, смѣхотворнымъ. «Развѣ вы не знаете, — поучаетъ въ комедіи «La buona moglie» (Добрая жена) свѣтскій щеголь купческаго сына, — развѣ вы не знаете, что мужъ, который цѣлуетъ жену, становится смѣшнымъ» (II, 23). Такимъ же смѣшнымъ является въ глазахъ свѣтскаго общества и мужъ, который ревнуетъ жену. Въ драмѣ «La dama prudente» (Благоразумная дама) донъ Роберто любитъ въ душѣ свою жену, донну Евларію, но, воспитанный въ свѣтскихъ предразсудкахъ, старается скрыть свою любовь и самъ приводитъ къ ней молодыхъ людей, которые могли бы стать ея чичисбеями. И, однако, при видѣ того, какъ они ухаживаютъ за его женой, онъ испытываетъ страшныя муки ревности, обнаружить же эту ревность ему мѣшаетъ салонный этикетъ. Неожиданно къ донъ Роберту и доннѣ Евларіи пріѣзжаютъ провинціальныя знакомыя. Они рассказываютъ о патриархальныхъ нравахъ Кастельбуоно, гдѣ жены не имѣютъ любовниковъ, а мужья имѣютъ право любить своихъ женъ.

— Съ какимъ удовольствіемъ поѣхать бы я туда! — вздыхаетъ донъ Роберто (II, 20).

— Вы будете себя у насъ чувствовать не по себѣ.

— Почему?

— Въ Кастельбуоно мужья, не ревнующіе своихъ женъ, пользуются плохой репутаціей.

И донъ Роберто совершенно забываетъ свою обычную роль равнодушнаго мужа и клянется:

— Я постараюсь сдѣлать такъ, чтобы меня уважали.

Лизетта. Я думаю, барыня скоро встанетъ, такъ какъ синьоръ Ванезіо грѣетъ для нея рубашку!

Ансельмо. Какъ? грѣетъ рубашку? Идите же скорѣй къ ней.

Лизетта. Что вы, синьоръ! Войти безъ приглашенія было бы неделикатно. Я подожду, когда меня позовутъ.

Рѣзкую критику института чичисбейства можно найти и въ романѣ Шерримана «I viaggi di E. Wanton» и особенно въ поэмѣ Парини «Il gioglio».

И, однако, донъ Роберто не вѣрить, чтобы существовала въ дѣйствительности такая чудесная страна, гдѣ мужъ и жена живутъ душа въ душу и гдѣ ревность не считается смѣшнымъ порокомъ. «Я думаю, что такой мѣстности вовсе не существуетъ, — замѣчаетъ онъ печально (III, 8), — и если я приѣду туда, то вѣчно буду бояться, что она исчезнетъ». И та же мысль вновь всплываетъ въ прощальныхъ словахъ донны Евларіи, обращенныхъ къ публикѣ. Супруги, рѣшившіе покинуть «опасный для семейнаго счастья большой городъ», уѣзжаютъ въ патриархальное Кабельбуоно, гдѣ мирно и тихо протекутъ ихъ дни. «Говорятъ, это идеальная страна нигдѣ не существуетъ, и, однако, она единственная, гдѣ могла бы жить привольно и счастливо благоразумная дама».

Гольдони не уставалъ высмѣивать въ своемъ «комическомъ театрѣ» свѣтскихъ дамъ, настаивающихъ на своемъ правѣ имѣть официальнаго любовника, ихъ требовательно-деспотическое обращеніе съ своими любовниками-лакеями и жалкихъ чичисбеевъ, угодниковъ дамскихъ причудъ и капризовъ. Въ комедіи «La cospettina» (Графиня) молодая жена, во что бы то ни стало, хочетъ имѣть своего чичисбея (III, 6).

— Что сказали бы люди, если бы у меня не было любовника.

— Они скажутъ (возражаетъ мужъ), что вы хорошо дѣлаете, что гнушаетесь тѣмъ климъ обычаемъ.

— Вадоръ! Они скажутъ, что вы неблаговоспитанный человекъ, а я необразованная дура.

— Пусть говорятъ, что хотятъ. Вы обязаны дорожить только моимъ мнѣніемъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я скажу вамъ откровенно свое мнѣніе. Я люблю васъ, обижая. Но если вы изъ страннаго каприза поставите меня въ неловкое положеніе передъ свѣтомъ, то я свою любовь принесу въ жертву своимъ дворянскимъ обязанностямъ. (*Alla mia nobiltà ceda l'amore.*)

Дамы, разумѣется, стараются использовать свое господствующее положеніе до конца. Чичисбей въ ихъ глазахъ просто лакей. Въ комедіи «Il cavalier giocondo» (Безпечный кавалеръ) свѣтская дама, г-жа Поссидарія въ слѣдующихъ словахъ описываетъ молодому человеку его обязанности чичисбея (V, 11). Онъ долженъ терпѣливо сносить придирки и упреки дамы, долженъ приходить въ восторгъ отъ малѣйшей ея любезности, долженъ заранѣе предвидѣть все то, что ей можетъ быть непріятно. Онъ обязанъ отказаться отъ всѣхъ своихъ друзей и быть только съ ней, жить только для нея. Онъ долженъ плакать, когда плачетъ она, и смѣяться, когда смѣется она. И даже если дама соблаговолитъ дать ему соперника, онъ и съ этимъ обязанъ безропотно мириться.

Впрочемъ, дамы сами порой готовы признаться, что онѣ уже черезчуръ требовательны и что имъ все труднѣе найти любовника (донна Лавинія въ комедіи «La Villeggiatura, I, 2), да и кавалеры

все чаще готовы воскликнуть (как донъ Алонсо въ «Il cavalier e la dama», конецъ I д.): «Какіе мы глупцы! Служить дамѣ, чтобы забавлять ее, подчиняться ея глупымъ капризамъ, и все для того, чтобы удостоиться великой чести состоять ея чичисбеемъ!»

Освобождая жену отъ вѣрности мужу, аристократическій кодексъ вмѣнялъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ долгое время въ обязанность вѣрность любовнику, такъ какъ чичисбей былъ рангомъ выше мужа, былъ собственно истиннымъ мужемъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ жизнь свѣтскаго бомонда становилась все болѣе похожей на оргію, подобная вѣрность любовнику также все болѣе объявлялась старомодной, считалась уже смѣшной. Въ комедіи «La Villeggiatura» (Дачная жизнь) донна Лавинія оставалась вѣрной въ продолженіе двухъ лѣтъ своему отсутствующему любовнику донъ Паолуччо и очень гордится этой своей вѣрностью. Вернувшійся изъ Парижа, гдѣ жизнь свѣтскаго общества стала безстыдной публичной оргіей, донъ Паолуччо отказывается вѣрить: «Два года безъ страсти! И не говорите, не повѣрю». Да и какъ этому повѣрить, если идеаломъ свѣтской дамы считается подруга донны Лавиніи, донна Флорида, гордящаяся тѣмъ, что въ два года она имѣла семь любовниковъ, забывая на дачѣ городскихъ поклонниковъ, а въ городѣ измѣняя своимъ дачнымъ привязанностямъ (I, 8).

Такъ какъ по кодексу свѣтскаго общества каждая женщина была собственностью каждаго мужчины, а каждый мужчина былъ собственностью каждой женщины, то въ аристократіи (и не только венеціанской) все болѣе входило въ моду обычай обмѣниваться мужьями и женами.

Si cambiano le moglie, si cambiano i mariti,

восклицаетъ въ комедіи «Il cavalier giocondo» (V, 3) одно изъ дѣйствующихъ лицъ, прекрасно опредѣляя этой формулой сущность половыхъ и семейныхъ отношеній въ аристократической средѣ, служившей естественно образцомъ и для богатой буржуазіи. Въ комедіи «La Villeggiatura» передъ нами наглядный примѣръ такого обмѣна любовниками и любовницами, исходящаго въ данномъ случаѣ отъ командующихъ дамъ. Донна Лавинія, гордившаяся своей несвоевременной вѣрностью любовнику, уступаетъ его своей подругѣ доннѣ Флоридѣ, а сама беретъ себѣ чичисбеемъ ея любовника дона Мауро.

Противъ аристократическаго брака специально направлена комедія Гольдони «Il cavalier e la dama».

Донъ Фламиніо, женатый на доннѣ Клавдіи, имѣетъ свою возлюбленную (донну Вирджинію), какъ его жена своего чичисбея (дона Алонсо). Полную противоположность свѣтскому обществу составляютъ оба героя. Донна Элеонора, жена ональнаго дворянина, любитъ дона Родриго, который отвѣчаетъ ей взаимностью.

Молодые люди довольствуются тѣмъ, что любятъ другъ друга чисто и безкорыстно. Свѣтскимъ людямъ они, конечно, кажутся сумасшедшими (III, 15).

Клавдія. Почему вы не женитесь на доннѣ Элеонорѣ?

Родриго. А почему я долженъ на ней жениться?

Клавдія. Развѣ вы не расположены къ доннѣ Элеонорѣ?

Родриго. Я уважаю и цѣню ее, какъ даму.

Клавдія. А вы, донна Элеонора, развѣ не влюблены немножко въ донъ Родриго?

Элеонора. Я уважаю и цѣню его, какъ кавалера.

Вирджинія. Ну что скажете, донна Клавдія, не правда ли, они герои?

Клавдія. По-моему они сумасшедшіе.

Въ будущемъ донна Элеонора и донъ Родриго, конечно, обвиняются, и въ ихъ интимномъ, истинно-супружескомъ союзѣ не будетъ мѣста ни официальной любовницѣ ни официальному любовнику. За донну Элеонору достаточно краснорѣчиво говорить тотъ фактъ, что она при жизни мужа отклоняла ухаживанія донъ Родриго и даже послѣ смерти мужа не желаетъ сейчасъ же выходить замужъ за любимаго человѣка, чтобы о нихъ плохо не подумали, а донъ Родриго заявляетъ, что, если бы онъ былъ женатъ, онъ не потерпѣлъ бы, что кто бы то ни былъ похитилъ у него хотя частицу сердца жены, что если преступно воровать чужіе деньги и часы, то не менѣе, если не болѣе, преступно красть у мужа сердце жены (II, 17).

Если донна Элеонора и донъ Родриго держатся такихъ противоположныхъ знати взглядовъ на половыя и семейныя отношенія, то потому, что они оба уже стоятъ, несмотря на свое дворянское происхожденіе, по ту сторону дворянскаго міра. Донъ Родриго принципиальный противникъ аристократическаго кодекса морали (онъ, напр., противъ дуэли), а донна Элеонора сама своимъ трудомъ содержитъ себя и рядомъ съ ней, какъ ея покровитель и второй отецъ, стоитъ старикъ—купецъ Ансельмо.

Картина аристократическаго быта, нарисованная Гольдони въ своемъ «комическомъ театрѣ», несомнѣнно, тенденціозна. Въ жизни венеціанской знати были, конечно, и черты сравнительно свѣтлыя, сравнительно положительныя; Гольдони прекрасно зналъ о нихъ и, однако, въ своемъ театрѣ не отмѣтилъ ихъ.

Ограничимся двумя примѣрами.

Венеціанскія дамы занимались не однимъ флиртомъ, не однимъ обмѣномъ чичисбеевъ. Онѣ весьма интересовались философійей, наукой, литературой. Въ своей поэмѣ «La fisica» Баротти говоритъ, что на каждомъ дамскомъ туалетномъ столикѣ рядомъ съ румянами и мушками лежали сочиненія Ньютона и Локка, и горе тому любовнику, который не приходитъ въ восторгъ отъ ученаго, увле-

кающего его даму¹⁾. Специально для дамъ изложилъ Альгаротти въ популярной формѣ ученіе Ньютона (*Newtonianismo per de dame*). Среди свѣтскихъ дамъ все чаще мелькалъ типъ «дамы-философки», одинъ изъ излюбленныхъ типовъ аббата Къари. Героиня одного изъ его романовъ такъ и называется *La filosofessa italiana*. Въ своихъ *Conversazioni* Бьонди рисуетъ такую даму - философку, которая свои «возвышенныя мысли никогда не излагаетъ передъ женщинами, а разговариваетъ только съ учеными, при чемъ единственнымъ предметомъ ея бесѣдъ являются книги, о которыхъ говорятъ журналы»²⁾. По образцу французскихъ дамъ венеціанскія аристократки устраивали свои литературныя, философскія и даже политическія салоны. Таковы были салоны Маріи Сагрето Пизани, Катарини Дельфинъ Тронъ, Изабеллы Теотоки Альбрицци, Цецилии Дзено Тронъ, Марини Бендзони и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ салоновъ говорили объ энциклопедистахъ, о Руссо. Здѣсь бывали писатели, какъ братья Гоцци, художники, какъ Канова и Лонги, политическіе дѣятели, какъ революціонеры Джорджо Пизани и Анджело Кверини³⁾. «Дамы, — острить одинъ сатирикъ, — уже не занимаются больше любовью, онѣ поступаютъ хуже: онѣ говорятъ только о политикѣ и притомъ вездѣ: въ казино, въ кофейнѣ и даже въ постели». «Дамы превосходятъ самого Маккъявелли», иронизировалъ другой сатирикъ⁴⁾.

Самъ Гольдони упоминаетъ въ своихъ Мемуарахъ о томъ, что венеціанскія дамы, которыя раньше мало читали, теперь зачитываются нравоучительнымъ журналомъ Аддисона «Зритель» (II, 21). Онъ посвятилъ Маріи Сагрето Пизани пьесу «Благоразумная дама». Въ заключительныхъ словахъ героини комедіи «*La serga amogosa*» онъ дѣлаетъ комплиментъ по адресу «многихъ знатныхъ добродѣтельныхъ дамъ», которыя далеко превосходятъ мужчинъ нравственными и умственными качествами — и, однако, такимъ положительнымъ фигурамъ и свѣтлымъ явленіямъ нѣтъ мѣста въ его «комическомъ театрѣ», гдѣ изображеніе аристократическаго бомонда то и дѣло сбивается на карикатуру.

Или вотъ другой примѣръ.

Лѣтній сезонъ венеціанская знать проводила на своихъ роскошныхъ дачахъ на *terra firma*, въ Тревизо, Стра и т. д. Здѣсь развѣтывалась поистинѣ сказочная жизнь — прогулки, спектакли, праздники смѣняли другъ друга, какъ въ романѣ. О красотѣ и оживленіи, царившихъ въ періодъ дачнаго сезона, даютъ наглядное представленіе какъ сборникъ новеллъ патриція Сагрето

¹⁾ Цит. у Бертраиа. *L'Arcadia della scienza*.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ *M o l m e n t i*, *Galanterie e salotti* въ *Nuova Antologia* (1904, № 1); *Castelluovo*. Una dama veneziana del sec. XVIII въ *Nuova Ant.* (1882, 15 іюня).

⁴⁾ *M a l a m a n n i*. *Il settecento*.

Arcadia in Brenta (XVII в.), такъ и картины Лонги и его школы, младшаго Тьеполо и др. (XVIII в.). Иностранцы не могли нахвалиться свободной и пріятной жизнью на аристократическихъ дачахъ, да и самъ Гольдони былъ въ сущности того же мѣнія ¹⁾).

II, однако, въ своей комедіи «La Villeggiatura», гдѣ изображена дачная жизнь именно венеціанской аристократіи, онъ даетъ очень отрицательную, то и дѣло сбивающуюся на карикатуру картину дачнаго житья—бытья знати. Мужчины охотятся за крестьянками, развращая ихъ до мозга костей, дамы отъ нечего дѣлать обмѣниваются любовниками, кавалеры ведутъ нелѣпыя бесѣды о преимуществахъ французскихъ нравовъ, обсуждаютъ серьезнымъ тономъ отдѣльные параграфы галантнаго кодекса и т. д. Тенденціозность, съ которою Гольдони подходилъ къ изображенію аристократическаго быта, является весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу того положенія, что его «комическій театръ» былъ театромъ демократическимъ.

Отрицательное отношеніе Гольдони къ аристократіи выступить еще ярче, если присмотрѣться къ тѣмъ его комедіямъ, въ которыхъ рядомъ поставлены представители господствующаго класса и представители новаго (буржуазнаго) общества (интеллигенція, купечество). Эти пьесы тѣмъ болѣе существенны, что въ нихъ отражается разгоравшаяся въ XVIII в. борьба третьяго сословія противъ стараго порядка. Въ такихъ комедіяхъ Гольдони распределяетъ краски всегда такъ, чтобы свѣтъ падалъ на интеллигенцію и буржуазію, а тѣни—на аристократію.

Въ пьесѣ «Il medico ollandese» (Голландскій врачъ) полковникъ Кроканте, высококомѣрный аристократъ, относится съ презрѣніемъ къ знаменитому голландскому доктору, «человѣку, разбогатѣвшему своими трудами» (un uomo che ha fatto ricco di sue fatiche il frutto), тогда какъ врачъ исполненъ чувства собственнаго достоинства, не позволяетъ ступить себѣ на ногу и подчеркиваетъ, что онъ человѣкъ, свободно исполняющій свою свободную профессію. Въ комедіи «Il filosofo inglese» (Англійскій философъ) лордъ Вамбертъ любитъ ту же даму, что и интеллигентъ «философъ» Яковъ Мандевилль, и такъ какъ послѣдній пользуется большимъ у нея успѣхомъ, то превращается изъ его покровителя въ его гонителя. Къ счастью, Яковъ Мандевилль находитъ себѣ заступника въ лицѣ купца Саихон'а, члена нижней палаты (camera bassa), и это даетъ Гольдони поводъ воспѣть хвалу англійской буржуазіи, пользуя-

¹⁾ О дачной жизни знати см. Molmenti. Storia di Venezia nella vita privata, т. III. Объ отношеніи Гольдони къ ней см. Vari componimenti, стр. 195. Memoires, II, 26.

щейся у правительства большим почетомъ и не позволяющей аристократіи притѣснять слабыхъ.

In Londra i mercatanti son dal governo in stima.
Non lascian che dal grande il misero si opprima.

Въ особенности характерны въ этомъ отношеніи пьесы Гольдони, гдѣ противопоставляется знать и буржуазія.

Въ комедіи «La famiglia dell' antiquario» разорившійся графъ Террацани женилъ сына на дочери богатаго купца Панталоне: принесенное Дораличе приданое послужило для графской семьи «источникомъ возрожденія» (I, 2). Самъ графъ нисколько не смущенъ допущеннымъ *mesalliance*'омъ. «На золотѣ нѣтъ пятенъ (L'oro non prende macchie),—разсуждаетъ онъ.—Мы родились благородными и благородными останемся». Однако съ такимъ паденіемъ не хочетъ мириться его жена. Графиня возмущена, что мужъ «продалъ свое родовитое имя за какіе-то 30000 скуди». Ея невѣстка — «купчиха». Какой позоръ! Между свекровью—аристократкой и невѣсткой—мѣщанкой разгорается ожесточенная борьба изъ-за вопроса, кому задавать тонъ въ домѣ. Такъ какъ графская чета всецѣло зависитъ экономически отъ купца Панталоне, то распря двухъ родственницъ кончается полной побѣдой мѣщанства. Панталоне беретъ бразды правленія въ свои руки, упраздняетъ чичисбеевъ обѣихъ дамъ и устраиваетъ всю жизнь на началахъ экономіи, семейственности и простоты.

Гольдони заимствовали сюжетъ изъ комедіи одного изъ своихъ предшественниковъ, Нелли «La suocera e la nuora». У Нелли свекровь и невѣстка принадлежать къ тому же классу, и ихъ антагонизмъ носитъ чисто семейный характеръ. Если Гольдони счель нужнымъ сдѣлать своихъ героинь представительницами разныхъ классовъ и мотивировать ихъ распрю именно этой классовой противоположностью, то онъ, конечно, руководился при этомъ вовсе не интересами фабулы, интересами завязки — вѣдь обошелся же Нелли безъ этой подробности.

Здѣсь за «избитымъ литературнымъ сюжетомъ» отражается, какъ уже замѣтилъ Зауеръ, «борьба буржуазіи и дворянства», правда, «въ смѣшномъ спорѣ между свекровію и невѣсткой изъ-за первенства въ домѣ». Тѣмъ не менѣе, истинной темой комедіи является именно «борьба буржуазіи и дворянства», при чемъ «всѣ симпатіи автора на сторонѣ третьяго сословія, олицетворяющаго не только богатство, но и здравый смыслъ».

Еще рѣзче звучитъ голосъ поднимающейся на защиту своихъ правъ буржуазіи въ драмѣ «Il cavalier e la dama».

Здѣсь противопоставлены донъ Фламиніо и купецъ Ансельмо.

Аристократъ донъ Фламиніо не платитъ своихъ долговъ, готовъ изъ-за каждаго пустяка драться на дуэли, не любитъ жену,

имѣть любовницу и на пари готовъ соблазнить честную донну Элеонору. Онъ типъ безусловно отрицательный. Купецъ Ансельмо—его прямая противоположность. Онъ скромень, трудолюбивъ, безкорыстно помогаетъ Элеонорѣ и хочетъ сдѣлать ее своей наслѣдницей, потому что она человѣкъ глубоко порядочный.

Когда купецъ Ансельмо укоряетъ дворянина за то, что онъ своихъ долговъ не платитъ, между обоими представителями двухъ противоположныхъ міровъ происходитъ слѣдующій діалогъ (II, 11):

Ф л а м и н и о. Какъ! Купецъ будетъ учить меня, какъ вести себя!

А н с е л ь м о. Вамъ это кажется страннымъ?

Ф л а м и н и о. Это дерзость!

А н с е л ь м о. Конечно, честный кавалеръ, истинный кавалеръ не нуждается въ томъ, чтобы его учили. А кавалеръ только по имени, кавалеръ, злоупотребляющій своимъ положеніемъ, *недостойнъ стоять рядомъ съ честнымъ купцомъ*, какимъ являюсь я.

Ф л а м и н и о. Дерзкій! Ты раскашешься въ своей дерзости. Я кавалеръ, а ты низкій купецъ, плебей.

И тогда Ансельмо выпрямляется во весь свой ростъ и бросаетъ въ лицо зазнавшемуся аристократу горячую реплику, въ которой дышитъ самосознаніе и гнѣвъ поднимающагося третьяго сословія.

— Я—низкій купецъ, я—плебей! Если бы вы только знали, что такое купецъ, вы бы такъ не говорили... Въ гораздо большей степени плебей тотъ, кто, унаслѣдовавъ титулъ и немного земли, ведетъ праздную жизнь, думая, что ему позволено всѣхъ топтать ногами и надъ всѣми господствовать. Низокъ тотъ, кто не знаетъ своихъ обязанностей и, совершая несправедливости, хочетъ дать почувствовать другимъ, что онъ случайно родился знатнымъ, будучи на самомъ дѣлѣ плебеємъ!

Это уже настоящая декларация!

Какъ видно, «комическій театр» Гольдони содержитъ не только отрицательную характеристику абсолютизма и феодализма, не только подвергаетъ критикѣ дворянскія привилегіи и аристократическіе предрассудки, не только выводитъ аристократовъ и аристократокъ обыкновенно въ отрицательномъ видѣ, не только фрондируетъ очень опредѣленно противъ галантнаго вѣка, но и отражаетъ порой довольно явственно борьбу третьяго сословія противъ господствующаго класса во имя «равенства», при чемъ «симпатіи автора на сторонѣ третьяго сословія, олицетворяющаго не только богатство, но и здравый смыслъ». И уже одна эта сторона комедій итальянскаго Мольера даетъ право утверждать, что въ его «комическомъ театрѣ» «звучитъ голосъ буржуазіи, сознавшей свое нравственное превосходство и сильной въ сознаніи своихъ правъ».

III.

Гольдони был не только убежденным противником старого порядка во всей совокупности его явлений, но и воспитателем и бытописателем восходившаго третьяго сословія. Его «комическій театр»—не только сатира по адресу господствующаго класса, но и нравоученіе, наставленіе по адресу буржуазіи.

Въ своихъ пьесахъ—какъ нѣкогда Мольеръ, его учитель, его *duca e maestro*—онъ не уставалъ учить мѣщанство, что глупо и недостойно стремиться непременно войти такъ или иначе въ свѣтское общество.

Въ комедіи «*La moglie saggia*» (Умная жена) богатый купецъ Панталоне выдалъ свою дочь замужъ за графа Оттавіо, который очень быстро охладѣлъ къ своей хорошей женѣ и сталъ волочиться за высокомѣрной (и не останавливающейся передъ преступленіемъ) графиней Беатриче. Надъ бѣдной Розаурой издѣваются, ее называютъ презрительно *contessina delle zucche* (тыквенной графиней), плебейкой (*vile*) и т. д. Изъ любви къ мужу она переноситъ терпѣливо всѣ издѣвательства и мученія, не хочетъ разойтись съ нимъ и потому, чтобы не лишитъ будущихъ дѣтей ихъ привилегированнаго положенія. Самъ старикъ Панталоне благоумнѣе. Видя, какъ дочка страдаетъ и хирѣетъ, онъ глубоко раскаивается въ своемъ честолюбіи. «Я былъ охваченъ честолюбивой мыслью,—признается онъ (I, 15).—Я надѣялся составить твое и свое счастье, сдѣлавъ тебя графиней. Я былъ неправъ! Я долженъ былъ бы сообразить, что знатный баринъ будетъ любить дѣвушку низкаго происхожденія только до тѣхъ поръ, пока не будетъ думать о ея (соціальному) положеніи».

Въ комедіи «*La sposa saggia*» (Смѣтливая жена) банкиръ Поликарпіо женился вторымъ бракомъ на дворянкѣ. Ему со всѣхъ сторонъ толковали: ты человѣкъ богатый и если женишься на знатной, то будешь еще не тѣмъ, да къ тому же дѣти твои будутъ пользоваться совсѣмъ инымъ почетомъ (III, 4). Послушавшись этихъ совѣтовъ, банкиръ взялъ жену-аристократку, которая умѣетъ только «ѣсть, спать и болтать». Донна Петронилля окружаетъ себя чичисбеями и (естественно) командуетъ мужемъ, который долженъ сидѣть возлѣ ея постели и кормить ее съ ложечки и безъ спроса не смѣетъ шагу ступить. «Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга».

И подобно тому, какъ Панталоне раскаивался въ томъ, что выдалъ дочь замужъ за графа, такъ кается банкиръ Поликарпіо въ томъ, что женился на дворянкѣ (III, 3).

«Для меня было бы лучше жениться на дѣвушкѣ менѣе знатной и менѣе безразсудной», признается онъ.

Если указанные двѣ комедіи высмѣиваютъ страсть буржуазіи, во что бы то ни стало, породниться съ знатью, то пьеса «Le femmine puntigliose» (Тщеславныя женщины) направлена противъ маніи извѣстныхъ слоевъ мѣщанства втираться въ свѣтскій бомондъ.

Жена купца Розаура наслышалась въ провинціи о чудесахъ свѣтской жизни и настояла, чтобы мужъ свезъ ее въ городъ и ввелъ въ бомондъ. Здѣсь она скоро разочаровывается въ своемъ слѣпомъ увлеченіи свѣтскими нравами и свѣтскими людьми. Кавалеры и дамы обходятся съ ней въ высшей степени презрительно, ставятъ ее на каждомъ шагу въ неловкое положеніе, что не мѣшаетъ имъ выманивать у нея подарки, брать деньги и вообще устраниваться на ея счетъ. Убѣдившись въ неосновательности своего увлеченія, Розаура проситъ мужа увезти ее назадъ въ провинцію, въ ихъ кругъ.

Въ одномъ изъ предисловій къ пьесѣ (а въ предисловіяхъ Гольдони обыкновенно старается смягчить остроту тенденціи своихъ комедій) Гольдони замѣчаетъ, что мораль комедіи та, что богатой мѣщанкѣ нѣтъ надобности стремиться въ бомондъ, потому что въ своемъ кругу она «будетъ пользоваться большимъ почетомъ». Если принять во вниманіе, что всѣ аристократы, выведенные въ пьесѣ, типы отрицательные, паразиты и вымогатели, а всѣ представители купечества люди по меньшей мѣрѣ порядочные и почтенные, то у зрителя должно было естественно сложиться убѣжденіе, что богатой женщинѣ не потому не слѣдуетъ втираться въ свѣтское общество, что въ своемъ кругу она будетъ пользоваться большимъ почетомъ, а просто потому, что ей нечего дѣлать въ этой темной компаніи ¹⁾.

Своимъ «комическимъ театромъ» Гольдони стремился излѣчить родную буржуазію не только отъ глупаго предразсудка, будто только въ свѣтѣ живется хорошо, но и отъ не менѣе глупаго подражанія порокамъ аристократіи.

Венеціанское дворянство тратило массу времени на азартную игру. Въ 1638 г. правительство разрѣшило патрицію Дандоло открыть въ своемъ палаццо въ приходѣ Св. Марка официальный игорный домъ — знаменитое Ridotto. Здѣсь проигрывались огромныя деньги, цѣлыя вѣками накопленныя состоянія. Объ этомъ Монте Карло XVIII в. даютъ наглядное представленіе какъ картины Лонги и Гварди, такъ и мемуары Казановы (т. III). Въ 1774 г. правительство подавляющимъ большинствомъ голосовъ (720 противъ 21) закрыло этотъ игорный домъ къ великому неудо-

¹⁾ Какъ мѣтка была сатира Гольдони, направленная противъ дворянства, видно изъ того, что, когда пьеса ставилась въ Мантуѣ, одна аристократка узнала себя въ лицѣ графини Беатриче, торгующей своей знатностью. И то же повторилось потомъ и въ другихъ городахъ. См. Memoires, II, 7.

вольствію особенно Barnabotti, жившихъ игрой. Мѣсто Ридотто заняли тогда казино, или *petites maisons*, въ особенности казино въ приходѣ Санъ Кассанъ. «Это казино,—писалъ одинъ современникъ ¹⁾,—сдѣлалось мѣстомъ сборища всей знати. Первые *nobili* стоятъ здѣсь рядомъ съ послѣдними отбросами. Если бы публика, массаи стекавшая сюда, была въ маскахъ, то можно было бы подумать, что находишься въ знаменитомъ *Ridotto*. Впрочемъ, играли не только въ игорныхъ домахъ, но и вездѣ: въ гостяхъ, на дачѣ, въ кофейняхъ, у проститутокъ ²⁾.

Гольдони не уставалъ предостерегать средній классъ отъ подражанія этому пагубному пороку, разорительному для кошелька, губительному для семейной жизни ³⁾. Въ одной изъ своихъ комедій онъ указываетъ на тѣсную связь между этимъ порокомъ и маніей подражанія свѣтскому обществу. Его «игрокъ» Флориндо мечтаетъ вести жизнь барина, и потому предался азартной игрѣ.

«Предположимъ,—разсуждаетъ онъ (I, 4),—я буду каждый день выигрывать сто дукатовъ, въ годъ это составитъ 36000, стало-быть, въ одинъ годъ я могу разбогатѣть. И тогда я куплю себѣ помѣстье (*feudo*), приобрету титулъ, выстрою великолѣпный дворецъ, обставлю его самоновѣйшей мебелью и заставлю всѣхъ женщинъ бѣгать за мной».

Почти необозримой вереницей проходятъ передъ нами въ театрѣ Гольдони игроки всѣхъ возрастовъ и положеній, всѣхъ темпераментовъ и отгѣнковъ ⁴⁾. И всегда онъ подчеркиваетъ, къ какимъ пагубнымъ матеріальнымъ и нравственнымъ послѣдствіямъ приводитъ эта страсть. Въ пьесѣ «*La buona moglie*» Пасквалино проигрываетъ деньги, полученныя отъ отца для оборудованія магазина, заставляетъ жену голодать и становится воромъ. Въ пьесѣ «*I mercatanti*» сынъ коммерсанта, повѣса и кутила, проигрываетъ деньги, взятыя у служанки, присвоиваетъ себѣ деньги, принесенныя кліентомъ отцу, и доводитъ послѣдняго до банкротства. Въ комедіи «*La bottega del Cafe*» купецъ Евгенийъ бросаетъ жену, продаетъ за безцѣнокъ свой товаръ, кутитъ съ проститутками и попадаетъ въ руки шулеровъ... Чтобы лучше воздѣйствовать на публику, Гольдони заставляетъ обыкновенно своихъ игроковъ, въ концѣ-концовъ, раскаяться въ своемъ пороку и обильно уснащаетъ свои пьесы (особенно «*Il giuocatore*») моральными сентенціями на тему о вредѣ азартной игры.

Другимъ порокомъ, заимствованнымъ среднимъ классомъ у высшаго общества, была игра въ поэзію.

¹⁾ Цит. въ статьѣ Molmenti. *Un maldicente* въ *Vecchie storie*.

²⁾ Объ игрѣ см. Molmenti. *Storia di Venezia*, т. III, Malamanni, *Il settecento*.

³⁾ Самъ Гольдони былъ не чуждъ этой страсти и проигралъ немало денегъ.

⁴⁾ *M a d d a l e n a*. *Giuochi e giuocatori nel teatro di C. Goldoni*.

Съ легкой руки «Аркадіи» всѣ свѣтскіе люди стали писать анакреонтическіе стишки въ стилѣ Рокко, и всюду возникали литературные салоны или академіи, члены которыхъ непременно принимали пастушескія имена.

Въ комедіи «Il poeta-fanatico» Гольдони осмѣиваетъ эту манію стихотворства, не приличествующую дѣловой и трудовой буржуазіи. Оттавіо устроилъ изъ своихъ домашнихъ маленькую академію въ духѣ Аркадіи. Онъ самъ не только очень плохой поэтъ, постоянно справляющійся съ словаремъ рифмъ, но и очень необразованный человѣкъ, не замѣчающій, что порой члены его академіи выдаютъ чужія стихотворенія за свои. Онъ настолько ослѣпленъ своей маніей, что готовъ въ каждомъ, кто случайно заговоритъ подъ рифму, видѣть сына Аполлона.

Такъ, напр., Оттавіо заподозрилъ (неосновательно) Арлекина въ кражѣ часовъ (I, 7):

О т т а в і о. Я вѣлю тебя высѣчь... воръ, негодяй (vigliacco).

А р л е к и н ъ. Я честный человѣкъ, чортъ возьми (corpo di bacco).

О т т а в і о. (Что это! Онъ поэтъ). Ты стащилъ мои часы (l'origiuolo).

А р л е к и н ъ. Я честный человѣкъ, не воръ (mariuolo).

О т т а в і о. (Онъ поэтъ! Онъ поэтъ!) Дорогой другъ, простите ради Бога.

И между тѣмъ, какъ всѣ въ домѣ заняты стихотворствомъ, хозяйство приходитъ въ разстройство. Бѣдная жена тщетно напрягаетъ свои силы, чтобы хоть концы свести съ концами. Лучше бы, философствуетъ женихъ дочери (I, 1), тратить это время на работу и службу, на хозяйство и воспитаніе дѣтей.

Въ особенности пагубной казалась Гольдони манія средняго класса подражать аристократіи въ обычаѣ проводить лѣто на дачѣ. Осмѣянію этого безразсудства онъ посвятилъ цѣлую трилогію о villeggiatura ¹⁾.

Въ предисловіи къ первой пьесѣ Гольдони подчеркиваетъ, что выведенныя здѣсь лица принадлежать не къ аристократіи, а къ среднему классу (di un rango non nobile e non ricco). Его сатира направлена не противъ знатныхъ и богатыхъ, которые могутъ себѣ позволить кое-что и лишнее, а противъ тѣхъ piccoli, которые непременно хотятъ разыграть изъ себя grandi.

Леонардо весь въ долгахъ и, тѣмъ не менѣе, не желаетъ отказаться отъ дачи. Если въ городѣ онъ буржуа, то тамъ онъ — баринъ. «Знаете, какъ мы проводимъ время! — восклицаетъ онъ (I, 3).— Устраиваются разныя игры, танцы, за ужинъ садимся поздно, и часто восходящее солнце встрѣчаетъ насъ за нашимъ милымъ фараономъ» (карточная игра). На дачной жизни помѣшана и сестра

¹⁾ Le smanie della villeggiatura, Le avventure della villeggiatura и Il ritorno della villeggiatura.—Противъ этого безразсудства возставала и Г. Гоцци въ IX сатирѣ.

Леонардо, Витторія. Когда управляющій указываетъ ей на необходимость отказаться отъ дачи въ виду запутанности дѣлъ, она его обрываетъ (II, 1):

«Сразу видно, что вы музикъ. Сократите расходы на хозяйство, на столъ, когда мы въ городѣ, распустите часть прислуги, убавьте ей жалованіе. Но на дачу я хочу и должна поѣхать». И въ такомъ же духѣ восклицаетъ невѣста Леонардо (I, 12): «Остаться хоть одно лѣто безъ дачи! Послѣ этого я людямъ и въ глаза не посмотрю».

И тщеславные буржуа, непременно желающіе вести барскій образъ жизни, разоряются, такъ какъ на дачѣ жизнь втрое дороже, чѣмъ въ городѣ (I, 7). Всѣми указанными пьесами Гольдони стремился вылѣчить средній классъ отъ подражанія свѣтскимъ обычаямъ, освободить его изъ-подъ власти аристократической идеологій, другими словами — укрѣпить въ немъ чувство собственнаго достоинства, чувство классового самосознанія.

Ратуя въ своемъ «комическомъ театрѣ» противъ подражанія порокамъ аристократіи, Гольдони постоянно указывалъ буржуазіи на необходимость построить и бракъ на иныхъ началахъ.

Какъ среди аристократіи, такъ и въ мѣщанствѣ родители обыкновенно выдавали дочерей замужъ, не считаясь съ ихъ сердцемъ, не справляясь объ ихъ желаніи. Противъ такого безправнаго положенія дѣвушекъ направилъ Гольдони комедію «I puntigli domestici» (Домашнія дразги).

Беатриче рѣшила выдать дочь замужъ за молодого человѣка, котораго дѣвушка никогда не видала. Розаура безропотно подчинилась волѣ матери и тѣмъ менѣе протестуетъ, что женихъ очень скоро покоришь ея сердце. Браку молодыхъ людей очень сочувствуетъ братъ Беатриче, а такъ какъ послѣдняя привыкла всегда поступать въ разрѣзъ съ его желаніями, то она и принимается разстраивать ею же придуманную комбинацію. Узнавъ о новомъ рѣшеніи матери, Розаура не помнитъ себя отъ горя. Ей хотѣлось бы узнать, почему ея бракъ съ любимымъ молодымъ человѣкомъ не состоится. Мать строго замѣчаетъ ей, что это не ея дѣло.

— Дорогая мать (робко протестуетъ дѣвушка). Мы, дѣвушки, вынуждены выходить замужъ за человѣка, котораго обыкновенно никогда раньше не видывали. Я была такъ счастлива, что нашла себѣ мужа по сердцу. Почему же теперь вы хотите меня подвергнуть риску промѣнять его на худшаго.

— Дочь обязана выйти замужъ за того, кого ей назначать.

— Вы же мнѣ его и назначили!

— А теперь я раздумала.

— Но почему! Я не понимаю!

— Я знаю почему и этого довольно!

— А я не имѣю права знать?

— Да.

— Такъ я хуже рабыни. Ужъ лучше бы я родилась служанкой!

Заступаясь за права молодыхъ дѣвушекъ въ выборѣ мужа, Гольдони вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ буржуазіи, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ можетъ привести желаніе женъ устраивать жизнь по образцу аристократіи, гдѣ дамы задавали тонъ и главенствовали ¹⁾.

Въ комедіи «L'uomo prudente» (Благоразумный отецъ семейства) старикъ Панталоне женился вторымъ бракомъ на дѣвушкѣ, желающей, во что бы то ни стало, командовать. И каковы же послѣдствія? Беатриче распускаетъ прислугу, которая только и думаетъ о томъ, чтобы обмануть господъ, вводитъ въ домъ любовника, и когда контроль мужа становится для нея слишкомъ стѣснительнымъ, подговариваетъ сына убить собственнаго отца.

Между тѣмъ, какъ итальянская буржуазія совершенно не заботилась о томъ, чтобы давать дочерямъ солидное образованіе, Гольдони все время указывалъ ей на примѣръ особенно Голландіи, гдѣ женское образованіе поставлено хорошо ²⁾.

Въ пьесѣ «Il medico ollandese» итальянка Каролина поступила горничной въ домъ голландскаго врача и не можетъ нахвалиться отношеніемъ голландскаго общества къ женскому образованію. Въ Италіи дѣвушки цѣлый день стоятъ у окна и глазѣютъ на проходящихъ; въ Голландіи ничего не жалѣютъ на женское образованіе. Дочь врача, Маріанна, умная, серьезная дѣвушка, изучила, напр., въ превосходствѣ математику.

Въ пьесѣ «I mercatanti» Гольдони противопоставляетъ итальянскій и голландскій взглядъ на женское образованіе.

Беттина, дочь венеціанскаго купца, воспитана какъ всѣ итальянскія мѣщанки. Она умѣетъ только «шить, прѣсть и вышивать» и большаго знанія не хочетъ. Такого же взгляда на умственное развитіе женщины придерживается и ея братъ, повѣса и кутила. Одно представленіе о женщинѣ, корпящей надъ книгами, приводитъ его въ дрожь. «Какое мнѣ дѣло до того, умѣетъ ли женщина говорить по-латыни. Для меня достаточно, если она знаетъ сказать одно слово: да. Такая женщина въ моихъ глазахъ—величайшій философъ».

¹⁾ Что Гольдони вовсе не былъ сторонникомъ господства мужчины quand même, видно изъ комедіи «La donna di meneggio», гдѣ глупый мужъ долженъ уступить первенствующее мѣсто своей умной и дѣловитой женѣ.

²⁾ Вопросъ о женскомъ образованіи оживленно дебатовался въ венеціанской журналистикѣ. См. La gazetta Veneta Г. Гоцци (35, 80, 81), La frusta letteraria Барретти (XVII). Дѣвушку, да еще изъ простоародья, превосходящую мужчинъ умомъ и ученостью, Гольдони вывелъ уже въ одной изъ раннихъ своихъ пьесъ: «La donna di garbo». Вообще мнѣніе, что Гольдони былъ женоненавистникомъ, совершенно неосновательно. Противъ этого говорятъ такіе женскіе образы (правда, изъ простоародья), какъ Каролина («Serva amorosa»), Мирандолина («La locandiera»), Беттина («La putta porata», «La buona moglie»). Ср. также защиту женщинъ въ концѣ пьесы «La serva amorosa» и въ «La bancarotta», II, 1.

Дочь голландскаго купца Джьянина, напротивъ, большая любительница читать и глубоко возмущена тѣмъ, что мужчины унижаютъ женщинъ до уровня служанокъ.

«Бѣдныя женщины!—воскликаетъ она (I, 17).—Васъ предають собственные отцы. Они не позволяютъ намъ учиться, основываясь на глупомъ предразсудкѣ, будто умственныя занятія не для насъ. Они воображаютъ, что мозгъ дѣвочки не годится для наукъ и часто они принуждаютъ къ умственнымъ занятіямъ мальчика, склоннаго къ физическому труду, обрекая на веретено дочь, у которой всё даныя стать ученой».

Эта образованная дѣвушка выходитъ замужъ за испорченнаго и легкомысленнаго сына венеціанскаго купца, противника женскаго образованія, и своимъ благотворнымъ вліяніемъ она, по всѣмъ вѣроятіямъ (таковъ, по крайней мѣрѣ, замыселъ автора), сдѣлаетъ изъ него порядочнаго и трудолюбиваго человѣка.

Иногда Гольдони бралъ своихъ «эмансипированныхъ» женщинъ изъ англійской жизни. Въ драмѣ «Il filosofo inglese» г-жа Бринде основательно изучила философію Декарта, интересуется открытіями Ньютона и, отказывая лорду Вамберту, который «не любитъ науку и не имѣетъ никакой философіи», предпочитаетъ ему безроднаго интеллигента, ученаго Якова Мандевилля.

Такъ указывалъ Гольдони постоянно родной буржуазіи на примѣръ передовыхъ буржуазныхъ странъ, гдѣ дѣвушки и женщины не уступаютъ мужчинамъ въ смыслѣ образованія, что позволяетъ имъ стать истинными «подругами и возлюбленными» мужей.

Въ своемъ «комическомъ театрѣ» Гольдони выступалъ не только какъ воспитатель родной буржуазіи, но и какъ апологетъ торговли, какъ защитникъ національной промышленности.

Въ эпоху, когда венеціанская знать все менѣе занималась торговыми операціями, онъ выдвигалъ тезисъ: «Торговля — основа національнаго благосостоянія».

Купецъ Ансельмо въ пьесѣ «Il cavalier e la dama», купецъ Панталоне въ комедіи «Il cavalier di buon gusto» оба страстно превозносятъ торговлю, которая «полезна и нужна для всѣхъ», которой когда-то занимались и не стыдились заниматься самые знатные *pobili*. «Кто занимается торговлею, тотъ не плебей!» восклицаетъ Ансельмо. «Торговля не наноситъ ущерба родовитости», вторитъ ему Панталоне.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гольдони не уставая защищалъ родную промышленность, родное производство противъ знати, признававшей только французскія издѣлія. Достаточно привести одинъ примѣръ:

Въ комедіи «Le femmine puntigliose» купчиха Розаура показываетъ графинѣ Клариче кусокъ парчи. Графиня въ восторгѣ. Это, несомнѣнно, парижскій товаръ! (II, 8).

Розаура. Будьте увѣрены, графиня, это итальянская матерія. Я знаю навѣрно, что она сдѣлана въ Венеціи.

Графиня. Простите, разъ это не французское издѣліе, то оно мнѣ не пужно.

Розаура. Развѣ оно плохо? Развѣ можно найти лучшее?

Графиня. Все равно! Чтобы матерія была красива, она должна быть изготовлена во Франціи.

Розаура. Вотъ эти два куска—французское издѣліе и развѣ они могутъ сравняться съ тѣмъ?

Графиня. Я и сама думала, что это французскій товаръ! Посмотрите, какая тонкая вышивка!

И тогда купчиха Розаура, благоговѣющая передъ свѣтомъ, становится горячею защитницею родного производства.

— Синьора—графиня! Въ Италіи умѣютъ работать не хуже, чѣмъ во Франціи. Къ сожалѣнію, среди насъ, женщинъ, держится предубѣжденіе, будто ипостранныя издѣлія лучше итальянскихъ. Если наши фабриканты хотятъ выгодно продать свой товаръ, то они вынуждены дать понять, что онъ французскаго происхожденія. Такъ во имя большей прибыли дискредитируютъ сами же итальянцы своимъ плохимъ мнѣніемъ бѣдную Италію...¹⁾

Истинный купецъ будетъ поэтому въ театрѣ Гольдони продавать только итальянскія издѣлія. Купецъ Бастіанъ въ пьесѣ «Una delle ultime sere del carnevale» гордится тѣмъ, что въ его лавкѣ нѣтъ иностраннаго товара, а когда въ комедіи «La bancarotta» графъ Сильвіо заходитъ въ лавку Панталоне и требуетъ непремѣнно французской матеріи, ему показываютъ матерію, сдѣланную въ Виченцѣ, и нисколько не уступающую заграничной²⁾.

Въ своемъ «комическомъ театрѣ» Гольдони видѣлъ средство не только воспитать родную буржуазію въ духѣ классового и національнаго самосознанія, но и отвоевать ей гражданское право въ литературѣ, на сценѣ. Онъ былъ не только воспитателемъ, но и бытописателемъ средняго сословія.

Въ лицѣ купца Панталоне Гольдони обезсмертилъ и возвеличилъ венеціанскую буржуазію.

Панталоне—одна изъ тѣхъ «масокъ», на которыхъ держалась *Commedia dell'arte*. Какъ извѣстно, одна изъ главныхъ задачъ театральной реформы Гольдони заключалась въ томъ, чтобы вытѣснить эти «маски» и замѣнить ихъ живыми людьми. И Гольдони въ самомъ дѣлѣ не поцеремонился ни съ неаполитанскимъ капитаномъ, этой новой редакціи стараго *miles gloriosus*, отъ котораго въ его театрѣ остались лишь жалкіе обрывки, лишь слабые отголоски³⁾, ни съ болоньскимъ

¹⁾ Аналогичная защита родной промышленности въ *Il cavalier giocondo* (I, 8) и въ *Una delle ultime sere del carnevale* (I, 11).

²⁾ Венеціанское правительство принимало тогда также мѣры къ защитѣ родной промышленности. См. *Romanini. Storia documentata, m. VIII. Molmenti. La decadenzae la fine della Repubblica di Venezia.*

³⁾ *Maddalena. Figurine goldoniane.*

юристомъ, докторомъ Граціаномъ, который выступаетъ лишь изрѣдка, въ болѣе раннихъ пьесахъ, да и то скорѣе, какъ силуэтъ.

Для маски венеціанскаго купца Панталоне Гольдони сдѣлалъ исключеніе. Онъ не только пощадилъ ее, но и отвелъ ей въ своемъ театрѣ очень видное мѣсто. Панталоне выступаетъ не только въ его раннихъ пьесахъ, написанныхъ еще до «реформы», но и впослѣдствіи, въ такихъ комедіяхъ, гдѣ даже Арлекинъ и Бригелла давно уступили мѣсто самой обыкновенной прислугѣ. Гольдони не только отвелъ венеціанскому купцу видное мѣсто въ своемъ театрѣ, но и кореннымъ образомъ переработалъ его характеръ.

Въ старой *Commedia dell'arte* Панталоне былъ комическимъ типомъ, смѣшнымъ, глуповатымъ, вѣчно влюбленнымъ старикашкой. «Чувственникъ и развратникъ, онъ заигрываетъ съ дѣвками и вдовушками, часто онъ до послѣдней степени глупъ, такъ что служить мишенью для насмѣшекъ хитрыхъ и умныхъ женщинъ» ¹⁾. Когда въ импровизированную комедію стали вторгаться черты римской классической комедіи, Панталоне все болѣе сближался съ комическимъ старикомъ Плавта и Теренція. «Онъ становится добрымъ малымъ, котораго водятъ за носъ сыновья и слуги и который, однако, въ концѣ-концовъ, всѣмъ прощаетъ» ²⁾.

Въ театрѣ Гольдони Панталоне какъ смѣшной, отрицательный типъ — исключеніе ³⁾. Обыкновенно онъ положительная фигура — идеальный опекунъ, оберегающій съ щепетильной добросовѣстностью интересы опекаемыхъ (*Il tutore*), защитникъ гонимыхъ и обиженныхъ (*Il feudatario*), создатель новыхъ формъ промышленности (*L'Adulatore*), основатель масонской ложи («*Le donne curiose*») и т. д.

«Въ лицѣ Панталоне,—говоритъ Маламанни ⁴⁾,—Гольдони хотѣлъ воплотить практическую мудрость, порядочность, сердечность, прямоту и благодушіе старой венеціанской буржуазіи, разбогатѣвшей горами своихъ рукъ и своими трудами прославившей себя и отчизну».

Такимъ положительнымъ типомъ Панталоне сдѣлался въ театрѣ Гольдони не сразу. Долгое время въ немъ еще сказывались черты, унаслѣдованныя отъ импровизированной *Commedia dell'arte*. И, однако, сквозь эти унаслѣдованныя черты уже въ раннихъ пьесахъ Гольдони явственно просвѣчиваетъ совсѣмъ новый человѣкъ.

Въ комедіи «*La bancarotta*» Панталоне женился вторымъ бракомъ на молоденькой женщинѣ, что не мѣшаетъ ему ухаживать и за пѣвицей Клариче и вообще быть весьма неравнодушнымъ къ женскому полу. Эта страсть отчасти и доводитъ его до банкротства. Панталоне къ тому же человѣкъ не далекій, котораго всѣ надуваютъ — слуги, кліенты и женщины.

¹⁾ Stoppati. *La commedia popolare in Italia*.

²⁾ Bartol. *Scenari inediti*—Предисловіе.

³⁾ Какъ на такое исключеніе можно указать на комедію «*La Gastalda*».

⁴⁾ Malamanni. *Il teatro drammatico etc.* въ № *Antologia*, 1 марта 1897.

Какъ видно, мы еще находимся въ царствѣ *Commedia dell'arte*.

И неожиданно этотъ влюбленный во всѣхъ женщинъ старичокъ, котораго всѣ за носъ водятъ, вырастаетъ въ грознаго обличителя, не боящагося сказать правду въ лицо высококомѣрному аристократу. Когда графъ Сильвіо отказывается платить за забранный у него товаръ, Панталоне восклицаетъ (II, 4) ¹⁾:

— Если о купцѣ, который не платитъ, говорятъ, что онъ обанкрутился, то что сказать о подобныхъ вамъ, которые дѣлаютъ долги, заранее зная, что они ихъ не заплатятъ. Между нами, господинъ графъ, это просто-напросто воровство.

— Ты смѣешь такъ говорить со мною!

— Если у меня было мужество сказать это, то у меня найдется и мужество въ случаѣ надобности постоять за себя...

Такимъ же двойственнымъ типомъ, стоящимъ на поворотѣ отъ *Commedia dell'arte* къ демократическому театру Гольдони, является Панталоне и въ другой ранней его пьесѣ «*La putta onorata*».

Старикъ-купецъ протезируетъ здѣсь бѣдной сиротѣ Беттинѣ, повидимому, безкорыстно, а потомъ выясняется, что онъ въ сущности въ нее влюбленъ (I, 10). Если принять во вниманіе, что Беттина, въ свою очередь, любитъ молодого человѣка, который потомъ оказывается сыномъ Панталоне, такъ что отецъ является соперникомъ собственнаго сына, то ясно, что мы одной ногой еще стоимъ въ мѣрѣ импровизированной комедіи.

И, однако, въ разговорахъ съ графомъ Оттавіо, этотъ, точно вышедшій изъ стараго сценарія *Commedia dell'arte*, старикъ вырастаетъ въ энергичнаго и мужественнаго представителя своего класса (II, 5).

Оттавіо. Эй, старикъ!

Панталоне. Что это значить, старикъ! Кто вы такой!

Оттавіо. Я маркизь Рипаверде!

Панталоне (гордо). А я Панталоне деи Бисоньози.

А въ другомъ мѣстѣ онъ обрываетъ зазнаващаго аристократа, обращающагося съ нимъ какъ съ лакеемъ, словами:

— Господинъ графъ! Командуйте, пожалуйста, въ вашемъ графствѣ. И примите разъ навсегда къ свѣдѣнію, что Панталоне деи Бисоньози, хотя и купецъ, но знаетъ правила рыцарскаго кодекса и хотя со мною только вотъ этотъ короткій ножъ, я умѣю владѣть и шпагой!

По мѣрѣ того, какъ ослабѣвало вліяніе *Commedia dell'arte* на Гольдони, типъ венеціанскаго купца становился все болѣе положительнымъ.

Конечно, Панталоне прежде всего купецъ и все его міровоззрѣніе носитъ чисто коммерческой характеръ. Въ этомъ смыслѣ онъ прекрасно обрисованъ въ пьесѣ «*L'uomo prudente*». Онъ вторично женился, не по любви, а чтобы имѣть въ домѣ хозяйку. Онъ противъ

¹⁾ Во время этого разговора Панталоне еще не знаетъ, что Сильвіо не графъ.

брака сына на бѣдной дворянкѣ, мечтая о богатой для него невѣстѣ. Больше всего онъ дорожить своей репутаціей, такъ какъ она равносильна кредиту. Выгоняя изъ дома чичисбея жены, онъ обязываетъ его никому не говорить о происшедшемъ. Хотя онъ знаетъ, что жена и сынъ хотѣли его отравить, онъ на судѣ доказываетъ, что такая мысль не могла прійти имъ въ голову. Всегда имъ руководить соображеніе, что скажутъ о немъ люди и какъ ихъ мнѣніе о немъ отзовется на Ріальто. Деньги въ его глазахъ—та великая сила, которая все улаживаетъ и все регулируетъ. Пусть слуга служилъ ему вѣрою и правдою, зато онъ «платилъ ему аккуратно». Требуя, чтобы невѣста, бѣдная дворянка, отказалась отъ его сына, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ ей значительное приданое, чтобы ей легче было разстаться съ женихомъ.

Этого купца Гольдони дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ носителемъ классового духа венеціанской буржуазіи.

Такимъ выступаетъ Панталоне въ особенности въ комедіи «*Le femmine puntiglioso*» (Тщеславныя женщины).

Онъ горячо совѣтуетъ мужу Розауры не бросать торговли, потому что славнѣе купческаго званія нѣтъ никакой другой профессіи. Онъ же учитъ Розауру, что глупо и смѣшно женѣ купца втираться въ дворянское общество.

Въ вѣкъ господства женщины онъ громко протестуетъ противъ этого паденія мужчинъ (II, 14).

«Мужчины дошли до того, что отъ мужчинъ они сохранили только имя. Женщина командуетъ. Для нея дѣлается все, и кто хочетъ чего-нибудь добиться, тотъ долженъ обратиться къ протекціи женщины. А женщина, естественно, поднимаетъ голову и хочетъ властвовать».

Въ вѣкъ преклоненія передъ шпагой, онъ протестуетъ противъ дуэли (III, 5). «Что значитъ шпага? Или вы тоже думаете, что дуэль можетъ смыть оскорбленіе, что вызовъ способенъ вернуть утерянную репутацію. Предразсудки, заблужденія, нелѣпости».

Въ мірѣ, гдѣ всѣ преклоняются передъ богатствомъ, онъ громко заявляетъ, что лучше всякаго «матеріальнаго благосостоянія» — «душевное спокойствіе» и что «богатъ тотъ, кто умѣетъ довольствоваться малымъ» («*Il feudatario*»). Въ обществѣ, построенномъ на презрѣніи аристократіи къ плебеймъ, онъ рѣзко протестуетъ: «Моя кровь такая же незапятнанная и чистая» («*La moglie saggia*»). Въ обществѣ, гдѣ царятъ привилегіи происхожденія, онъ не боясь возражаетъ, что «не происхожденіе, а добрые поступки дѣлаютъ человѣка благороднымъ» («*Le donne curiose*»).

Онъ часто производитъ впечатлѣніе человѣка старомоднаго. Въ его фигурѣ, одеждѣ, рѣчахъ чувствуется что-то консервативное. Онъ живетъ въ прошломъ и не любитъ настоящаго. Порой онъ слишкомъ ворчитъ и брюзжитъ. Онъ чужой въ окружающемъ его мірѣ. И не только потому, что кругомъ тонъ задаютъ праздные высоко-

мѣрные кавалеры, и дамы въ напудренныхъ парикахъ, а, главнымъ образомъ, потому, что средній классъ изъ силъ выбивается, чтобы подражать свѣтскому обществу. Мысль его невольно переносится въ прошлое, когда слагался его собственный характеръ, когда мѣщанство еще гордилось своимъ званіемъ и еще дорожило неприкосновенностью своего быта, чистотой своихъ идеаловъ.

Консерватизмъ Панталоне есть, другими словами, лишь особая форма его чуткаго классового самосознанія.

«Въ лицѣ Панталоне, — говоритъ Марки ¹⁾, — Гольдони изобразилъ итальянскій народъ (вѣрнѣе средній классъ), стремящійся выйти изъ своего состоянія моральнаго порабощенія и занять мѣсто, достойное свободнаго человѣка. Его рѣчь не бунтъ, не расшатываніе основъ, даже не обвинительный актъ. Панталоне не Фигаро. И, однако, мнѣ думается: представители старыхъ привилегій, носители вѣковой неправды, вѣроятно, содрогались, слушая этотъ мягкій, отеческій голосъ, говорившій: *Sie bono e sage nobile* («Будь добрымъ и ты будешь благороднымъ»).

Изображая нравы купечества, Гольдони охотно бралъ своихъ купцовъ изъ чужой націи, а именно, изъ Голландіи.

Въ комедіи «*I mercatanti*» онъ ставитъ рядомъ венеціанскаго купца Панкратио и голландскаго купца Райнмере, при чемъ пальму первенства отдаетъ послѣднему. Панкратио человѣкъ честный, но слишкомъ неосторожный, нерасчетливый и снисходительный къ сыну, который своимъ легкомысліемъ и доводитъ его до банкротства. Его спасаетъ изъ затрудненія голландецъ Райнмере, не только практической и дѣловитый коммерсантъ, но и справедливый человѣкъ и идеальный другъ.

Выбирая часто своихъ купцовъ изъ чужой націи, Гольдони вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркивалъ свойственное имъ чувство собственнаго достоинства, ихъ презрительное отношеніе къ знати и военнымъ.

Въ комедіи «*Un curioso accidente*» (Любопытный случай) дочь голландскаго купца Филиберто влюбилась въ французскаго дворянина, офицера де ла Котери. У молодыхъ людей нѣтъ никакой надежды обвѣнчаться. Если бы женихъ былъ купцомъ, хотя бы бѣднымъ, отецъ отдалъ бы ему свою дочь да еще въ придачу 100000 приданого, а бракъ со вторымъ сыномъ да еще офицеромъ былъ бы оскорбленіемъ для семьи, даже для «націи».

Вообразивъ, что французскаго офицера любить не его дочь, а дочь финансиста Риккардо, Филиберто беретъ устроить этотъ бракъ. Для какого-то *finanziere*, вышедшаго изъ грязи, разбогатѣвшаго спекуляціями, бракъ дочери съ дворяниномъ будетъ, внѣ всякаго сомнѣнія, «честью» (I, 4). Филиберто и отправляется къ Риккардо,

¹⁾ Marchi. *Lettere e letterati nel sec. XVIII.*

чтобы уговорить его согласиться на этотъ бракъ. Однако *parvenu*-финансистъ не высокаго мѣнїя о дворянахъ и офицерахъ, которые только «мѣшаютъ торговать», «не трудятся», а заняты «пирушками, спектаклями и прогулками». Если бы женихъ еще былъ богатъ, то можно было бы, пожалуй, и подумать. А разъ онъ бѣденъ, то какой прокъ отъ его званїя и его профессїи? Филиберто, однако, не сдается.

— Будемъ откровенны! Человѣкъ, обладающій такимъ состоянїемъ, какъ вы, поступить только умно, если потратить 50 или 60000 на то, чтобы породниться съ знатью.

Однако плебей-финансистъ совершенно не раздѣляетъ такого взгляда на знать.

— Ну, ради этого я не потратилъ бы и десяти лирь!

Такъ указывалъ Гольдони родной буржуазїи постоянно на наиболѣе передовыя буржуазныя страны, какъ на примѣръ, достойный подражанїя, какъ на образецъ нации, гдѣ тонъ задаетъ буржуазїя и гдѣ эта буржуазїя исполнена чувства собственнаго достоинства, чувства классового самосознанїя.

Въ своемъ «комическомъ театрѣ» Гольдони отвелъ видное мѣсто не только купечеству, но и интеллигенціи.

Въ его пьесахъ мелькають адвокаты («*L'avvocato veneziano*»), врачи («*La finta ammalata*»; «*Il medico olandese*»), философы («*Il filosofo inglese*»), всегда очерченные съ большою симпатїей.

Оставляя въ сторонѣ эти пьесы, остановимся на одной, особенно характерной для XVIII в. и носящей къ тому же, несомнѣнно, автобіографическій характеръ, на комедїи «*L'avventuriere onorato*» (Честный авантюристъ) ¹⁾.

Авантюристъ — одна ихъ типичнѣйшихъ фигуръ XVIII в. Авантюристъ, собственно, тотъ же интеллигентъ, прокладывавшій себѣ дорогу къ матеріальной обезпеченности и къ общественному положенїю среди общества, построеннаго на привилегїяхъ происхожденїя и имени. За немногими исключенїями авантюристы XVIII в. были плебеями, вышедшими изъ низа. Одни изъ нихъ были авантюристами «нечестными», не гнушавшимися и темными средствами, чтобы выбиться въ люди. Таковъ Казанова — игрокъ, сутенеръ, шпіонъ, обманщикъ. Другіе были, однако, людьми безусловно честными и убѣжденными. Таковъ Лоренцо да Понте. Одной изъ характерныхъ чертъ авантюриста XVIII в. была его разносторонность. Онъ выступалъ въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ, пробовалъ свои силы въ самыхъ разнообразныхъ профессїяхъ. Казанова былъ и аббатомъ, и военнымъ, и музыкантомъ въ оркестрѣ, и дипло-

¹⁾ На автобіографическій характеръ пьесы указываетъ самъ Гольдони, какъ въ посвященїи Лукреціи Бешивольо—Рондини, такъ и въ предисловіи (изд. Pasquali).

матомъ. Лоренцо да Понте выступалъ какъ учитель, какъ типографшикъ, какъ книгопродавецъ. Другой особенностью авантюриста былъ его скитальческій образъ жизни. Казанова исколесилъ не только всю Италію вдоль и поперекъ, но и почти всю Европу, былъ во Франціи, Голландіи, Англии, Польшѣ, Россіи, точно такъ же какъ Лоренцо да Понте побывалъ и въ Англии и въ Америкѣ. Наконецъ въ большинствѣ случаевъ авантюристы обладали и литературнымъ талантомъ и оставили слѣды въ литературѣ. Казанова написалъ не только свои знаменитые мемуары, но и фантастическій романъ («Icosameron»), а Лоренцо да Понте, оставившій намъ также свои мемуары, прославился своими либретто для оперъ Моцарта ¹⁾.

Гольдони былъ также въ своемъ родѣ авантюристомъ.

Онъ былъ и медикомъ, и адвокатомъ, и чиновникомъ, и, наконецъ, отдался всецѣло дѣятельности драматурга. Сынъ Венеціи, онъ побывалъ во всѣхъ городахъ сѣверной Италіи и закончилъ свою жизнь въ Парижѣ. Если онъ и былъ до извѣстной степени авантюристомъ, то во всякомъ случаѣ авантюристомъ честнымъ, *onopato*.

Онъ имѣлъ полное право сказать вмѣстѣ съ героемъ своей комедіи:

«Во всѣхъ моихъ приключеніяхъ я всегда оставался честнымъ человѣкомъ, и никто не можетъ обвинить меня въ темныхъ дѣлахъ. И если бы я не нашелъ на землѣ иного счастья, кромѣ сознанія, что я жилъ и умру честнымъ человѣкомъ, то это такое благо, которое превосходитъ всѣ остальные и позволяетъ мнѣ мириться со всѣми превратностями судьбы».

Гульельмо — герой пьесы — во многомъ напоминаетъ самого Гольдони.

Онъ также скитался по всей Италіи и пробовалъ свои силы во всѣхъ профессіяхъ. Онъ былъ медикомъ, «писавшимъ рецепты, отправлявшимъ людей на тотъ свѣтъ,—словомъ, дѣлавшимъ то, что дѣлаютъ остальные врачи», былъ и адвокатомъ, «въ короткое время добившимся довѣрія, связей и денегъ», былъ и чиновникомъ (*cap-celiere dei criminale*), при чемъ эта профессія показалась ему наиболѣе «пріятной», былъ и авторомъ театральныхъ пьесъ.

Изъ всѣхъ занятій это было самое трудное, тяжелое и мучительное!—признается онъ.—Что за печальная судьба работать, убиваться за письменнымъ столомъ, чтобы создать произведеніе, и потомъ видѣть, какъ оно проваливается, слышать, какъ его критикуютъ, разрываютъ на части и въ награду за трудъ и потъ получить только упреки и знаки недовольства ²⁾.

Послѣ цѣлаго ряда скитаній и мытарствъ Гульельмо становится секретаремъ богатой дамы, которая влюбляется въ него

¹⁾ О Казанова см. d'Ancona. Viaggiatori e avventurieri. Raynal. Casanova et son temps. О Лоренцо да Понте. См. Marchi. Lettere e letterati del sec. XVIII. Masi. Studi e ritratti.

²⁾ Въ своихъ мемуарахъ (I, конецъ) Гольдони заявляетъ, что не раскаивается въ томъ, что отдалъ свои силы театру, ибо другая профессія, быть-можетъ, доставила бы ему больше выгоды, но не больше нравственнаго удовлетворенія.

и готова за него выйти замужъ¹⁾. Хотя онъ и не стремится, во что бы то ни стало, къ богатству, все же онъ не настолько глупъ, чтобы выпустить счастье изъ своихъ рукъ (II, 10). Неожиданно появляется его невѣста, съ которой его разъединила судьба, и въ душѣ «авантюриста» поднимается борьба между желаніемъ устроиться на тепленькомъ мѣстечкѣ и желаніемъ остаться вѣрнымъ данному слову. Въ концѣ-концовъ, «честность» беретъ верхъ въ авантюристѣ. «Пусть я буду находиться въ стѣсненномъ положеніи, я никогда не раскаюсь въ своемъ честномъ поступкѣ, и мои невзгоды всегда мнѣ будутъ дороги при одномъ воспоминаніи, что я самъ ихъ создалъ, чтобы остаться вѣрнымъ данному слову» (III, 12). Впрочемъ, это рѣшеніе стоитъ ему немало трудовъ, и то и дѣло со дна души поднимается нѣчто въ родѣ сожалѣнія, почти раскаяніе. Изъ этого затруднительнаго положенія его выводитъ невѣста. Видя, что женихъ ея не любитъ, она уходитъ въ монастырь.

Теперь ничто — даже зависть и ревность аристократовъ, претендующихъ на руку богатой дамы — не можетъ помѣшать «честному авантюристу» войти равноправнымъ членомъ въ общество, построенное на базисѣ знатности происхожденія и родовитости имени.

Интеллигентъ-плебей побѣдилъ и вытѣснилъ гордыхъ и высокомерныхъ кавалеровъ.

Подвергая въ своемъ «комическомъ театрѣ» критикѣ абсолютистическую и аристократическую культуру XVIII в., Гольдони вмѣстѣ съ тѣмъ выступалъ въ немъ, какъ воспитатель буржуазіи, стремившійся освободить ее изъ-подъ власти дворянской идеологіи и укрѣпить въ ней чувство собственного достоинства, и какъ ея бытописатель, стремившійся отвоевать третьему сословію (купечеству и интеллигенціи) гражданское право въ литературѣ и на сценѣ. И эта положительная сторона его писательской дѣятельности позволяетъ съ еще большей рѣшительностью, чѣмъ его отрицательное отношеніе къ «старому порядку», видѣть въ немъ «глашатая третьяго сословія», поднимавшагося на защиту своихъ правъ, слышать въ его комедіяхъ «голосъ буржуазіи, сознавшей свое нравственное превосходство».

А если «комическій театр» итальянскаго Мольера насыщенъ какъ въ своей отрицательно-критической, такъ и въ своей положительно-созидательной части духомъ поднимавшагося tiers etat, то не является ли и «второе возрожденіе», литературное risorgimento второй половины XVIII в., яркимъ симптомомъ котораго были его комедіи и драмы, лишь отголоскомъ въ области художественнаго творчества пробужденія классового самосознанія въ третьемъ сословіи, которое было ничѣмъ, чтобы надолго стать всѣмъ?

В. Фриче.

¹⁾ Гольдони женился на дочери нотариуса Николеттѣ Коніо, съ которой прожилъ мирно свой вѣкъ. Ея задушевную характеристику онъ сдѣлать въ посвященіи ея отцу пьесы «Donna Sola».

Театръ и зрители.

II. Послѣ войны.

1.

Незадолго до войны 1812 года, графъ Ростопчинъ говорилъ, что недостаточно выстроить большое помѣщеніе для театра, нужно принять и кое-какія другія мѣры; хорошо бы, совѣтовалъ онъ, «купить 2000 душъ, приписать ихъ къ театру и завести между ними родъ подушной повинности, такъ чтобы по очереди высылать по вечерамъ народъ въ театральную залу; на одну публику надѣяться нельзя» (Полное собраніе соч. кн. П. А. Вяземскаго. Т. VIII, стр. 162). Это была одна изъ остроумныхъ шутокъ предприимчиваго графа, но то, на что она намекала, замѣчалось лишь въ самые послѣдніе дни передъ сдачей Москвы. Годы же, предшествовавшіе войнѣ, были въ той же Москвѣ годами большой любви къ зрѣлищамъ. Театры, вечера, концерты привлекали такую многочисленную публику, что дирекція театровъ не стѣснялась продавать уже проданныя мѣста и возвращать деньги абонентамъ, если они заблаговременно не заявили, что желаютъ оставить мѣста за собою. Вечера въ Благородномъ собраніи въ Охотномъ ряду привлекали такъ много публики, что въ началѣ 1811 г. старшины собранія признали необходимымъ установить: «входъ въ оркестръ не иначе имѣть какъ съ оркестровыми билетами», ибо «стеченіе зрителей въ оркестръ столь бываетъ велико, что они отъ стѣсненія и жару вмѣсто удовольствія находятъ одну неприятность» (В. П. Погожевъ. Столѣтіе Имп. Московск. театровъ, кн. I, стр. 156). Но съ іюня 1812 года московскій театръ, дѣйствительно, опустѣлъ, «дворянство перестало его посѣщать, зрителями являлись только купцы» (ib., стр. 170). А затѣмъ бѣжали жители, бѣжали актеры, сгорѣлъ театръ, павъ одной изъ первыхъ жертвъ всеобщаго пожара. Ни о русскихъ зрителяхъ, ни о русскихъ актерахъ не было и помина...

Но «прошла зима» военной неурядицы; подъ русскимъ «солнцемъ лѣто расцвѣло». Сгорѣвшіе театры смѣнились новыми; вновь

открылись ихъ двери, приглашая въ ложи и партеръ любопытныхъ и сочувствующихъ зрителей. Для Москвы театръ явился не только средствомъ увеселенія и вразумленія зрителей, но и способомъ привлеченія ихъ въ столицу. Въ «Краткой Запискѣ», поданной въ комитетъ по театральнымъ дѣламъ въ январѣ 1814 года, Майковъ указывалъ на необходимость возобновленія дѣятельности театровъ по такимъ причинамъ: «Чтобы дворянство, купечество, разночинцевъ,— однимъ словомъ, всякаго состоянія людей, стекающихся нынѣ въ Москву, занять спектаклями и симъ образомъ пребываніе ихъ въ оной, учинить елико можно болѣе пріятнѣйшимъ, а тѣмъ пріохотить ихъ и къ самому даже основанію жительства въ ней. 2) Но нынѣшніе обыватели нетерпѣливо ожидаютъ видѣть спектакли, посему г. Поздняковъ, хотя и частный человекъ, съ дозволенія тамошняго начальства, открылъ собственный свой театръ, въ который столь великое стеченіе бываетъ зрителей, что въ каждый спектакль выручается собранныхъ денегъ отъ двухъ до 4000 рублей, какъ то видно изъ «Московскихъ Вѣдомостей», и что если бы существовалъ Коронный театръ, составляло бы его пользу и непосредственно облегчало бы казну въ расходахъ, кои она издерживаетъ нынѣ на содержаніе труппъ, совершенно безъ дѣйствія остающихся» (ib., стр. 191).

Въ такомъ большомъ количествѣ направлялись зрители въ театры. Такъ было въ Москвѣ, такъ было и въ Петербургѣ. Имъ давали старыя трагедіи, прежнюю драму, комедіи, оперы. Все, казалось, приняло знакомый, ничуть не измѣнившійся видъ; но не прежнимъ остался зритель. Опыты жизни не прошли даромъ; бурныя событія наложили на него неизбѣжный отпечатокъ, и онъ вернулся въ театръ, въ знакомую обстановку, къ знакомымъ актерамъ и пьесамъ не тѣмъ, какимъ ихъ покинулъ.

И предшествовавшіе 12-му году войны уже внесли замѣтное измѣненіе въ его фізіономію; уже тогда чувствительнѣе онъ сталъ къ патріотическимъ заявленіямъ, если не враждебнѣе, то ворчливѣе по отношенію къ иностранцамъ. Уже тогда въ слезливую комедію внесенъ былъ элементъ неодобрительнаго отношенія къ чужеземному, и съ особенной настойчивостью стали прославляться русскіе люди, какъ самые добродѣтельные, справедливые и честные изъ всѣхъ націй, населяющихъ земной міръ. Уже тогда «Драматическій Вѣстникъ» указывалъ не неизбѣжные аплодисменты партера въ мѣстахъ, заявлявшихъ о непріязни къ иностранцамъ; и тогда авторы старались угодить этимъ проявляющимся вкусамъ публики. Какъ яркій примѣръ этого старанія, мы привели комедію одного изъ слезоточивыхъ авторовъ, передѣльвателя карамзинской «Бѣдной Лизы», Ѳедорова. Были и другіе примѣры въ томъ же родѣ, но все это лишь въ слабой степени вліяло на измѣненіе репертуара (кромѣ извѣстной и уже рассказанной нами эволюціи

трагическаго жанра). Тогда (съ извѣстной долей натяжки, конечно) мы могли объединять зрителей въ нѣчто коллективное, общее, мало разнящееся въ деталяхъ. Теперь зрители начинаютъ дифференцироваться; уже появляется грань между тонкими любителями театра и случайной публикой. Тогда въ ложѣ титулованнаго цѣнителя искусства, молодой неопытный посѣтитель слышалъ восторженные возгласы Плавильщикова именно за «ужасность» образа, за силу крика; и въ этомъ отношеніи цѣнитель и покровитель искусства сливался и съ неопытнымъ юношей и съ аплодировавшей страшному актеру «чернью». Теперь, послѣ войны, уже начинается иное, уже готовится моментъ, когда нравиться театраламъ значить наводить скуку на публику, получать аплодисменты публики—значить возбуждать неудовольствіе театраловъ.

Были, правда, и тогда, въ довоенное время, болѣе другихъ знакомые со сценой зрители; были между ними разногласія и неодинаковыя оцѣнки, но все это не такъ бросалось въ глаза и проистекало часто не столько отъ неодинаковаго художественнаго развитія, сколько отъ неодинаковой симпатіи къ тѣмъ или другимъ актерамъ. Тѣмъ менѣе это дѣленіе обозначало расколъ, существовавшій за стѣнами театра и проистекавшій изъ невозможности согласовать возрѣнія одного зрителя съ міросозерцаніемъ другого. Это было даже не то дѣленіе, которое впослѣдствіи сопровождало полемику между Писаревымъ и Полевымъ, и которое все-таки обозначало разницу взглядовъ на искусство, въ значительной мѣрѣ приправленную личнымъ раздраженіемъ. Въ старомъ театрѣ разногласіе между зрителями возникало, главнымъ образомъ, изъ-за симпатій къ одному актеру или актрисѣ болѣшихъ, чѣмъ къ другому или къ другой. Дѣлились, на примѣръ, по симпатіямъ къ Семеновой или Вальберховой, при чемъ часть зрителей, посвященная въ закулисныя тайны, знала, къ какой партіи примыкаетъ какая часть труппы, и, зная это, предполагала, что закулисные раздоры переносятся на сцену, что желаніе повредить товарищу можетъ заставить актера играть хуже, чѣмъ онъ могъ бы. Въ «Заирѣ» Яковлевъ, Бобровъ и Сахаровъ играли, на примѣръ, невыносимо скверно; сотрудникъ «Цвѣтника» въ «Письмѣ въ Москву» разбиралъ игру каждаго и высказывалъ предположенія, что плохая игра объяснялась желаніемъ повредить Семеновой. «Г. Бобровъ разсказъ свой охлаждалъ протяжнымъ стариковскимъ тономъ и портилъ нѣкоторые стихи, прибавляя къ нимъ свои слова... Но лучше если бы я всегда лишался зрѣнія и слуха для такихъ сценъ, въ какой вышелъ актеръ Сахаровъ въ ролѣ Лузиньяна. Онъ потягивался, онъ пѣлъ Лазаря, онъ разваливался на стулѣ, онъ икалъ, онъ... я закрылъ глаза...» Яковлевъ былъ еще хуже; доходило, по словамъ автора письма, до того, что Семенова терялась передъ немумѣлостью своихъ товарищей. «Говоритъ Заира и не кончаетъ своей

рѣчи, или она переведена не вся; ея смятеніе стало еще больше; но вѣрно и ты менѣе уже будешь осуждать его, догадываясь о причинѣ...» Какая же причина такой игры Яковлева и его товарищей? Корреспондентъ дѣлаетъ видъ, что раздумываетъ, гадаетъ, предполагаетъ и, наконецъ, высказывается: «Нечего болѣе предполагать, что г. Яковлевъ съ намѣреніемъ портилъ роль свою и съ этимъ и ходъ пьесы...» «Но какія намѣренія, спросишь ты, заставляли сихъ г-дъ актеровъ исказить представленіе Заиры? За что они, когда дѣло шло о пользѣ и славѣ ихъ сотрудницы, дѣлали ей и публикѣ непріятности? Я уже сказалъ тебѣ, мой другъ, что партеръ не нашель въ игрѣ никакой непріятности: онъ аплодировалъ Сахарову и вызывалъ Яковлева...» «И если вѣрить мнѣ словамъ многихъ почтенныхъ особъ, то первая причина сихъ стараній, но нѣтъ, трудно повѣрить; когда увѣрюсь болѣе, извѣщу тебя...» Редакція сдѣлала къ статьѣ такое примѣчаніе: «Письмо сіе доставлено намъ отъ неизвѣстнаго. Мы согласны съ его замѣчаніями, однако, не думаемъ, какъ онъ, чтобы г. Яковлевъ съ намѣреніемъ портилъ роль свою. Кто представляетъ героевъ, тотъ долженъ самъ имѣть благородныя чувствованія... Весьма желательно, чтобы г. Яковлевъ оправдался передъ публикою и уничтожилъ бы всѣ сомнѣнія на счетъ его личности къ г-жѣ Семеновой». Этимъ замѣчаніемъ редакція, конечно, подтверждала мысль своего «неизвѣстнаго» корреспондента. Публика на этотъ разъ дѣлилась на двѣ части: сочувствующихъ Яковлеву и его товарищамъ съ одной стороны, и симпатизирующихъ Семеновой — съ другой; большая часть, повидимому, была на сторонѣ первыхъ. Разногласіе между зрителями существовало, но оно лишь частью относилось къ художественной сторонѣ спектакля, и лишь частью подкладка его была извѣстна всей публикѣ. Большинство, склоняясь на сторону Семеновой или Вальберховой, искренне предпочитало одну актрису другой; изъ этого большинства многіе были вполне согласны съ заявленіемъ «сочинителя трагедіи *«Электра и Орестъ»*, когда онъ неумѣренно восторгался «блистательнымъ искусствомъ» Вальберховой. «Роль сія требовала высочайшей степени трагическаго духа, и ежели не дано чловѣку быть совершеннымъ, то г-жа Вальберхова подходила близко къ совершенству...» А поклонники Семеновой съ восторгомъ читали: «Чѣмъ доказалъ онъ (авторъ цитированнаго отзыва объ игрѣ Вальберховой) блистательное искусство г-жи Вальберховой? Чѣмъ можетъ онъ увѣрить насъ, что сія актриса въ роли *Электры* подходила близко къ совершенству?...» «Мы не имѣемъ намѣренія оскорблять ни г. сочинителя, котораго трагедія намъ очень понравилась, ни г-жи Вальберховой, которой столь усиленно аплодируютъ, но скажемъ чистосердечно и безъ всякихъ *постороннихъ побужденій*, что почитаемъ ее весьма далекою отъ *совершенства*... И, конечно, не одни художественныя соображенія заставляли

поклонника Семеновой, для отгѣненія ея «необыкновеннаго дарованія» и «прекрасной» игры въ Андромахѣ, вспомнить, что въ одной изъ ролей (не въ этой пьесѣ) Яковлевъ, «повторяя имя Орестъ, весьма некстати указываетъ пальцемъ на ухо...»

Все это разногласія, не опредѣлявшія высоты художественнаго развитія той или другой части зрителей. Но далѣе рознь между отдѣльными зрителями становится яснѣе, и она основывается уже не на симпатіи или антипатіи къ тому или другому артисту, а на разницѣ художественныхъ критеріевъ, примѣняемыхъ образованными театралами и «черныю...» Уже послѣ войны, начинаютъ замѣчаться различія въ требованіяхъ къ искусству, все чаще и чаще рецензіи съ презрѣніемъ говорятъ о судѣ партера и райка. Позднѣе эти различія, проявляясь съ большей силой, поставятъ актера въ необходимость выбирать между одобреніемъ небольшой группы передовыхъ цѣнителей и скукой толпы, наполняющей зрительную залу. Позднѣе игра Мочалова въ какой-то переводной пьесѣ покажется Аксакову и другимъ записнымъ театраламъ «чортъ знаетъ чѣмъ» въ то время, какъ публика будетъ награждать актера неистовыми аплодисментами. Желая угодить цѣнителямъ, Мочаловъ на слѣдующемъ представленіи перемѣнитъ тонъ исполненія, сыграетъ первые два акта спокойно, ровно, приведетъ въ восторгъ театраловъ, но публика, встрѣтившая его аплодисментами, дальше угрюмо замолчитъ и ни однимъ хлопкомъ не поощритъ избалованнаго успѣхами артиста. Тогда въ третьемъ актѣ Мочаловъ подниметъ голосъ «октавы на двѣ» и загремитъ. Театралы придутъ въ ужасъ; они увидятъ, что это полный разладъ съ прежней игрой и съ характеромъ роли, но публика обрадуется и зааплодируетъ. «Виновать-сь, — скажетъ Мочаловъ встрѣтившемуся за кулисами Аксакову, — виновать-сь, не вытерпѣлъ; но, Сергѣй Тимоевичъ, вѣдь актеръ-сь играетъ для публики. Пять, шесть человѣкъ знатоковъ будутъ имъ довольны-сь, а публика станетъ зѣвать отъ скуки и, пожалуй, разѣдется; повѣрьте, что сегодня не дослушали бы пьесу, если бы-сь я не перемѣнилъ игру». Знатоки уже перейдутъ ту черту, за которой зрители начинаютъ возбуждать реальное, за которой требуется интимная близость сцены къ жизни, соприкосновеніе съ обычными терзаніями и съ повседневной мукой.

Но каковы бы ни были уже начинающіяся разногласія между зрителями, ихъ рознь не отзывается на репертуарѣ. Послѣдній въ главной своей части состоитъ изъ старыхъ, часто повторяемыхъ пьесъ, но въ него входятъ и новыя, и этими новыми опредѣляются тѣ незамѣчавшіяся до сихъ поръ теченія въ обществѣ, которыя дѣлаютъ общую массу зрителей иною и иначе относящеюся къ театру. Сцена становится ближе къ зрителю, къ его настроенію, тѣснѣе соприкасается съ тѣмъ, что окружаетъ зрителя внѣ спектаклей. Это не значитъ, что театръ дѣлается реальнѣе и воспроизводитъ рус-

скую жизнь, до этого еще очень далеко; ни о реализмѣ, ни о натурализмѣ, ни о представленіи быта не можетъ быть и рѣчи; ни настоящихъ русскихъ нравовъ, ни русскихъ характеровъ мы не видимъ. Но то увлеченіе слезой, которое характеризовало первые годы столѣтія, то спокойное принятіе прописныхъ сентенцій о благородствѣ, о благодарности уже не имѣетъ прежней силы. Утомленіе Коцебутиной на сценѣ начинаетъ чувствоваться уже въ послѣдніе годы передъ войной 1812 года. Что удивительнѣе всего—его начинаютъ испытывать такія періодическія изданія, какъ «Аглая», — чувствительный журналъ чувствительнаго кн. Шаликова. За полтора года до Отечественной войны «Аглая» пишетъ: «Въ самомъ дѣлѣ, сочиненія г-на Коцебу не всѣ имѣютъ печать совершенства, и можно сказать, что ни одна изъ піэсъ его не писана для того, чтобы дѣйствовать на нравы, вся цѣль ихъ обращена на одну чувствительность. Главное основаніе: обольщеніе, домашнія несогласія и проч. Замѣтить также надобно, что каждая почти піэса есть тѣсный сколокъ одной съ другой, недостатокъ очевидной, вездѣ однѣ и тѣ же сцены, однѣ и тѣ же характеры и даже нерѣдко одно и то же расположеніе». А пьесы изъ русской сельской жизни, такъ восхищавшія всѣхъ своей «правдивостью?» «Аглая» уже недовольна и ими: «Софронычи, Пафнутьевны такъ обыкновенны между дѣйствующихъ лицъ въ новыхъ комедіяхъ, что, кажется, не стоитъ труда и говорить объ нихъ. Важная философія непросвѣщенныхъ людей; любовь барина къ своей крестьянкѣ; черта добродѣтели ея: отказаться отъ руки своего помѣщика изъ любви къ какому-нибудь Филаткѣ и проч. тому подобное знакомо, я думаю, всѣмъ посѣтителемъ нашихъ театровъ» («Аглая», 1810, декабрь).

Это были симптомы начинающейся усталости прежнимъ репертуаромъ, симптомы, принимавшіе особенно угрожающій характеръ въ виду быстроты, съ которой совершается перемѣна фізіономіи зрителя въ годы общественныхъ потрясеній и войнъ. Ни Коцебу, ни сельскія сцены не вышли изъ репертуара, но потребовалось уже нѣчто иное, новое, что разрѣдило бы атмосферу чувствительности, прибавивъ къ ней нѣчто, отвѣчавшее требованіямъ разсудочности.

Посѣтитель театра, пережившій войну, представлялъ изъ себя нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ добродушный зритель самага начала вѣка. Онъ находился подъ дѣйствіемъ разныхъ вліяній; въ немъ говорили разныя влеченія, и удовлетворенія своихъ новыхъ требованій онъ искалъ въ новомъ репертуарѣ.

Новыя пьесы, конечно, должны были такъ или иначе удовлетворять его чувству патріотической горделивости. Столько времени онъ жилъ, волновался, мучился вѣстями, доносившимися съ мѣстъ войны. Оторваться отъ этихъ чувствъ, забыть недавно прошедшее сразу и, придя въ театръ, навѣки отрясти военную

пыль съ погъ своихъ, развѣ это было возможно? Все еще взволнованный, но довольный, еще полный ужасовъ пережитого, но гордый могуществомъ и славой Россіи, зритель не прочь былъ слышать и въ театрѣ отголоски пережитого. Не прочь онъ былъ читать о нихъ и въ литературныхъ произведеніяхъ. Въ 1815 году, обзрѣвая литературу предшествующихъ лѣтъ, Гречъ писалъ: «Въ половинѣ 1812 года грянулъ скрывавшійся въ нихъ (въ тучахъ) громъ, и литература наша сначала остановилась совершенно, а потомъ обратилась къ одной цѣли, споспѣшествовать Отечественной войнѣ. Въ продолженіе второй половины 1812 и первой — 1813 гг. не только не вышло въ свѣтъ, но и не написано ни одной страницы, которая не имѣла бы предметомъ тогдашнихъ происшествій... Въ послѣдней половинѣ 1813 года всѣ помышленія и чувствованія нашихъ соотечественниковъ также обращены были на поприще войны и славы, но уже начали появляться произведенія словесности, не относившіяся прямо къ современнымъ происшествіямъ. Наконецъ въ 1814 году, увѣнчавшемъ всѣ напряженія и труды истекшихъ лѣтъ, русская литература, посвящая поэзію и краснорѣчіе въ честь и славу великаго монарха своего, обратилась снова на путь мирный, уравненный и огражденный навсегда...» И вмѣстѣ съ литературой старается удовлетворить этому требованію зрителя и театр. Уже однимъ этимъ стремленіемъ онъ приближается къ жизни зрителей, къ ихъ внѣтеатральнымъ чувствамъ; уже однимъ напоминаніемъ о пережитомъ онъ устанавливаетъ нѣкоторую связь между сценой и тѣмъ, что испытывается внѣ зрительной залы. Конечно, возстановить въ цѣломъ пережитыя безпокойства, перенести на сцену ужасы войны, даже создать культъ отечественныхъ героевъ, передъ которыми только что въ жизни восхищался обыватель, театр не можетъ: соперничать съ жизнью онъ не рѣшается. До Отечественной войны Озеровъ еще могъ создать «Дмитрія Донскаго», но послѣ того, какъ военныя вѣсти, слухи, устная передача въ сотни разъ преувеличивали подвиги «русскихъ воиновъ», вокругъ многихъ именъ создали героическія легенды, что могла представить сцена? Какими маленькими показались бы ея герои, если бы она рѣшилась воспроизводить дѣйствительность. Она и не пытается сдѣлать это. Она удовлетворяетъ требованіямъ зрителя инымъ путемъ. Она представляетъ ему маленькихъ героевъ, неизвѣстныхъ, невидимыхъ, но именно своей невидностью и геройствомъ поддерживающихъ увѣренность зрителя въ томъ, что русскій народъ великъ и непобѣдимъ. Какъ до войны чувствительныя комедіи отвѣчали на требованія зрителя моральными сентенціями, согласными съ его нравственно-бытовыми воззрѣніями, такъ пьесы послѣ 1812 года должны отвѣчать представленію зрителя о доблести и героизмѣ русскаго народа. Самыми типичными изъ пьесъ этого рода являются написанныя кн. Шаховскимъ.

Но отклики на военныя удачи не составляютъ единственнаго отраженія послѣвоенныхъ вкусовъ зрителя. Исчезнувшее военное возбужденіе вызываетъ и потребность въ отдыхѣ. Нужно нѣчто не волнующее, не вспоминающее о подвигахъ, битвахъ, патриотическомъ горѣніи, чуждое, хотя временно, и обличеніямъ и насмѣшкамъ надъ нравами. Почему не воспользоваться тѣмъ пріятнымъ отдохновеніемъ, которое слѣдуетъ за побѣдоносными усиліями? Почему не воспринимать впечатлѣнія просто, безъ активной реакціи на нихъ? Пусть сцена дастъ нѣчто веселое, не бурно шумливое, не захватывающее буйной разнузданностью, а пріятно-радостное, безъ намековъ на сосѣда, безъ необходимости прибавлять къ ласковому веселью осужденіе или насмѣшку... И, конечно, когда требованіе ясно выражено, сцена торопится удовлетворить его. Появляется репертуаръ Хмельницкаго, а за нимъ пьесы его различныхъ подражателей и искажителей.

Но не столько въ своихъ положительныхъ требованіяхъ, сколько въ критикѣ измѣнился зритель. Онъ сталъ болѣе склоненъ къ осужденіямъ, болѣе раздражителенъ, болѣе ворчливъ. Зритель начала столѣтія не любилъ осуждать въ театрѣ. Вспомните, что наибольшій успѣхъ въ то время имѣла пьеса Ильина *Лиза или торжество благодарности*, — пьеса, въ которой нѣтъ ни одного отрицательнаго лица, ни одной достойной осужденія черты характера. Теперь подобная пьеса уже не вызвала бы ни восторговъ ни одобренія. Даже отношеніе къ *Лизѣ* становится инымъ. Рецензентъ «Сѣвернаго Наблюдателя» пишетъ въ 1817 году: «Было время, когда *Лиза* или *Торжество благодарности* считалось однимъ изъ лучшихъ драматическихъ произведеній нашихъ... Она была принята всеобщимъ рукоплесканіемъ. Но теперь, когда страсть къ слезнымъ произведеніямъ не существуетъ болѣе; когда большая часть нашей публики зачинаетъ уже понимать, что гораздо легче написать дюжину драмъ, наполненныхъ сентиментальными фразами, чѣмъ одну хорошую трагедію, — мы осмѣлимся сказать, не опасаясь быть побитыми камнемъ, что *Лиза* не только не заслуживаетъ названія хорошей пьесы, но едва ли можетъ быть причислена къ самымъ посредственнымъ драмамъ... Мы уѣрены, если бы теперь кто-нибудь осмѣлился вывести подобное лицо въ драмѣ или комедіи, то былъ бы *ошиканъ* безъ всякаго милосердія... Ошиканъ или нѣтъ, но ужъ, конечно, принять безъ всякаго умиленія. Теперь зритель не хочетъ только безупречныхъ персонажей; онъ видитъ недостатки въ своихъ соотичахъ и желаетъ ихъ обличенія. Онъ съ удовольствіемъ внимаетъ насмѣшкамъ надъ разными комическими претензіями согражданъ, надъ ихъ склонностью къ мотовству, къ роскоши, надъ ихъ неумѣньемъ вести самыя простыя домашнія хозяйственныя дѣла, надъ ихъ слабостью къ иностранцамъ, надъ желаньемъ подражать иноземнымъ образцамъ. То, надъ

чѣмъ такъ давно издѣвались сатирическіе журналы екатерининскаго времени, становится излюбленной темой комедіи. Не надо забывать, что насмѣшка надъ склонностью къ иноземнымъ образцамъ, надъ нелѣпыми подражаніями иностранцамъ раздавалась въ театрѣ и въ первые годы столѣтія; вспомнимъ хотя бы «Модную лавку» Крылова, но вспомнимъ, съ другой стороны, и свидѣтельство современника о томъ несоотвѣтствовавшемъ желаніямъ автора впечатлѣніи, которое получили зрители. Теперь зрители съ удовольствіемъ выслушиваютъ эти насмѣшки. Противъ «подражательницъ модисткамъ» вооружаются и мелкіе, и крупныя драматурги и, когда Чацкій читаетъ этому подражанію громовый обвинительный актъ, онъ удовлетворяетъ тому же сложившемуся требованію зрителей, на которое старались отвѣтить и Шаховской, и Загоскинъ, и другіе. *Новый Стернь* не имѣлъ успѣха у публики начала столѣтія, а *Липецкія воды* уже нравятся въ 1815 году; онѣ вызываютъ немедленное подражаніе, находятъ послѣдователей, и эти послѣдователи встрѣчаются громкими одобреніями.

Зритель мѣняется; онъ уже не желаетъ найти въ театрѣ только лучшее изъ того, что представляетъ лучшей изъ міровъ, и, провозглашая славу, честь и мощь русскихъ, находитъ уже въ русскомъ обществѣ недостатки и охотно рукоплещетъ драматургамъ, когда они на эти недостатки указываютъ. Не на тѣ недостатки, которые отмѣчались и драматургіей начала вѣка, не на злодѣйства, «предательства, татбы, лжесвидѣтельства, хулы». Злодѣевъ онъ не любилъ и тогда, съ восторгомъ взирая, какъ добродѣтель поражала порокъ. Теперь онъ радуется указаніямъ на поступки, пенаказуемые уголовнымъ кодексомъ, а терпимые и даже лелѣемые обществомъ. Онъ находитъ удовольствіе въ обличеніяхъ и, переходя отъ одного обличенія къ другому, доходитъ до монологовъ Чацкаго. Но по цензурнымъ условіямъ, Чацкій цѣликомъ проникаетъ на сцену много позднѣе. Требовательность зрителя удовлетворяють другіе, — люди, не имѣющіе никакой связи съ побужденіями Чацкаго и ему подобныхъ. И Шаховской, и Загоскинъ, по своимъ политическимъ и общественнымъ вкусамъ, по своимъ знакомствамъ и дружбѣ (вспомнимъ хотя бы отношенія Шаховскаго къ ген. Милорадовичу) стоятъ на противоположномъ полюсѣ отъ лицъ, раздѣляющихъ взгляды Чацкаго. Таково, впрочемъ, и большинство публики, наполняющей театры. Мы не забываемъ, что въ первые годы столѣтія продолжали представляться и «Недоросль», и «Ябеда». Но ни та, ни другая пьесы не создали школы, хотя и имѣли нѣкоторыхъ послѣдователей. Трудно разбраться въ степени участія, которое приняли цензура и зритель, чтобы обезплодить «Недоросля» и «Ябеду». Конечно, начальство во всѣ времена зорко слѣдило за вторженіемъ субверсивныхъ идей въ театръ, конечно, цензура бдительно охраняла неподвижность сцены и немало способствовала тому зачатному

состоянію, въ которомъ русскій театръ пребывалъ вплоть до появленія Островскаго. Но не надо забывать, что и зритель не такъ уже рьяно склоненъ былъ къ осужденіямъ г-жи Простаковой, да и не такъ уже осудительно враждебно относился къ основѣ порядковъ, изложенныхъ въ «Ябедѣ». Не надо забывать, что «толпа пріѣзжихъ помѣщиковъ, купцовъ и разночинцевъ», которымъ, по словамъ современника, былъ «оставленъ русскій нашъ театръ» въ началѣ вѣка, могла рукоплескать «Недорослю», освященному традиціей и милостивымъ вниманіемъ покойной императрицы, но особенно увлекаться продолженіемъ обличеній Фонвизина и Капниста не могла. Не могла уже по одному тому, что у себя дома помѣщикъ часто прибѣгалъ къ приемамъ воздѣйствія г-жи Простаковой, а въ судѣ, злоупотребленія котораго изобличала «Ябеда», и помѣщикъ и купецъ видѣли, можетъ-быть, очень часто благодѣтельную силу взятокъ: отъ взятокъ дѣло шло скорѣе, рѣшеніе получалось болѣе отрадное, погибшее положеніе поправлялось. Да и въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, то, что изображали Фонвизинъ и Капнистъ, было злодѣйствомъ, — такимъ же злодѣйствомъ, противъ какого возставали и трагедіи Озерова, и пьесы Коцебу, и многочисленныя произведенія болѣе раннихъ трагиковъ. Зритель послѣвоеннаго времени не одно только «злодѣйство» отмѣчалъ въ мірѣ, какъ отрицательное явленіе. Онъ вообще сдѣлался ворчливѣе и взыскательнѣе. Исчезла простота и наивность, съ которой Жихаревъ заносилъ въ свой дневникъ впечатлѣнія театра. Исчезла чувствительность, съ которой рецензенты такихъ нѣжныхъ журналовъ, какъ «Аглая», рассказывали о видѣнныхъ пьесахъ. Если прежніе журналы упрекали зрителей за чрезмѣрно снисходительное отношеніе къ недостаточно хорошему, то нынѣшніе журналы послѣвоеннаго времени начинаютъ упрекать ихъ въ чрезмѣрномъ осужденіи авторовъ и актеровъ, въ излишней требовательности, въ склонности къ критикѣ и отрицанію, во внесеніи въ театръ интересовъ, ничего общаго съ театромъ не имѣющихъ. Изъ посѣтителей театра только раекъ сохраняетъ прежнюю искреннюю отзывчивость.

Такъ, по крайней мѣрѣ, хотятъ представить эту публику журналисты, относящіеся къ театральнымъ посѣтителямъ съ недоверіемъ и неодобреніемъ. Авторъ «Путешествія изъ райка въ ложу перваго яруса» изображаетъ публику почти всѣхъ мѣстъ въ театрѣ, кромѣ райка, въ видѣ людей, явившихся въ театръ не для пьесы, не для игры актеровъ, а для обдѣлыванія какихъ-то своихъ постороннихъ дѣлъ. Въ райкѣ расположилась прислуга мужскаго и женскаго пола; здѣсь передаются другъ другу «обстоятельства жизни, характеры, привычки и даже тайны» господъ. Здѣсь сидятъ лакеи и камердинеры богатыхъ людей, служанки изъ модныхъ магазиновъ, артельщики купеческихъ конторъ, таможен-

ные сторожа (дѣло происходитъ въ Петербургѣ) и т. п. Сидятъ здѣсь и страстные любители театра изъ образованныхъ, но неимущихъ; ихъ мало. Въ галлерей (которую не надо смѣшивать съ райкомъ) и въ партеръ присутствуютъ «повытки и другіе мелкіе чиновники», стряпчіе, ходатаи по дѣламъ. Театръ для нихъ нерѣдко служитъ мѣстомъ дѣловаго свиданія; они переговариваются о дѣлахъ, объ условіяхъ вознагражденія, о разныхъ ухищреніяхъ. Въ креслахъ располагаются «высшіе чиновники», молодые франты, «одѣтые по послѣдней модѣ, устремляющіе лорнетъ во все стороны, кланяющіеся всему будто вызванный на сцену актеръ». Такой элегантный молодой человѣкъ «бѣгаетъ, шепчетъ съ однимъ, говоритъ громко съ другимъ, вынимаетъ часы, побрякиваетъ печатками, то спускаетъ съ плечъ, то поправляетъ свою соболью шубу». Здѣсь же возсѣдаетъ видный «жирный господинъ», который «съ важнымъ видомъ садится въ кресла и прилежно начинаетъ читать афишу». Можно подумать, что онъ большой охотникъ до театра; на самомъ дѣлѣ это — «обжора», который ходитъ въ театръ «по предписанію доктора, чтобы не спать передъ ужиномъ; и въ театрѣ онъ не смотритъ и не слушаетъ, а сочиняетъ новыя кушанья». Ложи полны дамами, которыя также явились сюда не для пьесы, не для наслажденія игрою артистовъ, а для постороннихъ цѣлей. Вотъ ложа перваго яруса. «Входитъ разряженная дама, въ полномъ блескѣ красоты, въ брилліантахъ, перьяхъ, шали и модномъ платьѣ. За нею слѣдуетъ женщина, скромно одѣтая и дурная лицомъ». Первая «сладко улыбается, вынимаетъ батистовый платокъ, чтобы утирать слезы при жалостной сценѣ любовниковъ». Но она пріѣхала въ театръ не для этого: ей надо «показаться вотъ этому франту, который сидитъ въ креслахъ подъ самую ложею». Другая, входящая съ ней въ одной ложѣ женщина — «несчастливая компаньонка, которую парочно одѣваютъ бѣдно и возятъ вездѣ съ собой, чтобы барыня при ней казалась лучше». Чѣмъ ниже по ярусу ложа, тѣмъ больше расходовъ по туалету, выѣздамъ, экипажамъ, тѣмъ больше сдержанности. «Въ ложѣ перваго яруса изъ приличія нельзя обнаружить ощущенія, производимаго въ душѣ пьесою или игрою актера, а блаженные посѣтители райка, восхищенные каждымъ воплемъ актера, каждымъ сильнымъ его движеніемъ, топаньемъ, размахиваніемъ рукъ и паденіемъ на землю, громогласно изъявляютъ свою радость и награждаютъ дѣятельнаго артиста рукоплесканіемъ и вызовомъ на сцену». Изъ всего «путешествія» авторъ дѣлаетъ нѣсколько заключеній; самое главное изъ нихъ: «Если бы каждый зритель открылъ истинную причину своего посѣщенія театра, то многіе авторы и актеры были бы недовольны, узнавъ, что люди часто ходятъ въ театръ, вовсе не о нихъ думая». («Русская Талія» О. Булгарина, стр. 168 — 181).

Такова публика конца первой четверти вѣка въ преувеличенномъ и пристрастномъ изображеніи современника. Не надо большого знакомства съ нравами того времени, чтобы усомниться въ чрезмѣрной дѣловитости людей первой четверти столѣтія,—дѣловитости, будто бы побуждавшей ихъ даже театръ превратить въ мѣсто дѣлового свиданія. Съ другой стороны, не въ такой уже степени были фривольны нравы того времени, чтобы зрительницы явились въ театръ только для определенныхъ «франтовъ». Чрезмѣрность фантазій Булгарина несомнѣнна; преувеличеніе явно. Но самое направленіе фантазій знаменательно. Не подлежитъ сомнѣнію, что театръ потерялъ уже значительную часть тѣхъ наивныхъ, открытыхъ, непосредственно воспринимающихъ зрителей, съ которыми мы познакомились въ описаніяхъ Жихарева, въ изображеніяхъ чувствительной «Аглаи», въ запискахъ современниковъ о началѣ столѣтія. Новая публика уже имѣетъ иную физиономію. Она какъ будто прошла стадію критическаго отношенія къ театру, нѣсколько разочаровалась въ немъ и теперь, усталая, съ большимъ трудомъ отдается непосредственному впечатлѣнію, чѣмъ прежде. И если мы заглянемъ въ предшествующіе годы, мы увидимъ дѣйствительно этотъ періодъ критики и осужденія, мы найдемъ зрителя ворчливаго, критикующаго, готоваго къ осужденію. «Лишь только занавѣсъ опустился, критики, — апологисты и зонлы, — принялись наперерывъ разбирать, хвалить и терзать сыгранную пьесу. Передо мной сидѣлъ человекъ небольшого роста, который во время представленія надоѣлъ мнѣ пуще всякой передѣланной комедіи. Онъ появился въ креслахъ въ половинѣ перваго акта; минутъ съ пять не сѣлся; заслонялъ сцену для тѣхъ, которые имѣли несчастье сидѣть позади его, и, говоря очень громко, мѣшала слушать тѣмъ, которые были подлѣ. Первыя два дѣйствія онъ сидѣлъ спиной къ сценѣ; третье и четвертое разговаривалъ и зѣвалъ; пятое заснулъ или хотѣлъ казаться спящимъ; а когда кончилось представленіе, проснулся для того, чтобы сказать: «Скверно! дурно!—наши актеры все портятъ; по чести я ничего не видѣлъ хуже этого». — «Ему вѣрно приснилось что-нибудь страшное, — сказалъ сидѣвшій подлѣ меня старикъ: — посмотрите, какъ онъ бредитъ». — «Богъ мой, что за это переводъ, — пищалъ позади насъ распысканный духами модникъ, — это жалость! Не понимаю, какъ можно *имѣть лобъ* (avoir le front) переводить Игрока. Игрока—лучшую комедію Мольера». — «Вы ошибаетесь, милостивый государь, — сказалъ какой-то глубокомысленный знатокъ:—эта комедія написана Реньяромъ, переводъ превосходенъ; въ немъ удержаны всѣ красоты подлинника—стихи переведены *слово отъ слова*». — «Хорошъ же и ты, голубчикъ», думалъ я. «Можетъ быть, — возразилъ щеголь, вставая съ своего мѣста.— «Можетъ быть... Но со всѣмъ тѣмъ—какъ бы то ни было, переводить Игрока... О! для этого надо имѣть такую голову, такую

голову!..» («Сѣверный Наблюдатель», 1817 г., № 2, Нравы, стр. 55).

И ранѣе зритель обнаруживалъ желаніе обмѣниваться другъ съ другомъ замѣчаніями по поводу пьесы или актеровъ, и ранѣе, какъ мы видѣли, «брадатый судія», купецъ, обращался къ сосѣднему безбородому «благородію» для того, чтобы подѣлиться своими недоумѣніями, и раньше Расина смѣшивали съ Вольтеромъ, но не было той ворчливости, того осужденія, того предвзятаго неодобренія, которое мы видимъ теперь. Исчезаетъ непосредственность; куда-то уходитъ прежнее умиленіе. Современникъ говоритъ о 1820-мъ годѣ: «Примѣтнымъ образомъ мѣнялись нравы, начинали сбрасывать узы пристойности и приличія» (Записки Вигеля, часть III, стр. 120). Конечно, дѣло обстоитъ не такъ страшно, какъ представляется современнику; «узы пристойности и приличія» не въ такой уже степени сброшены; но сравненіе съ прежнимъ говоритъ, очевидно, не въ пользу нынѣшнихъ нравовъ.

Растущее требованіе публики порождаетъ оживленную творческую дѣятельность драматурговъ. «Лѣтъ за десять передъ симъ,— пишутъ въ 1817 году «украинскому жителю» изъ Петербурга,— гораздо менѣе появилось у насъ новыхъ театральныхъ произведеній, чѣмъ въ послѣдніе три или четыре года, обильные такъ называемыми оригинальными сочиненіями и переводами въ прозѣ и стихахъ... Теперь драматическія новости выходятъ чаще, но въ отдѣлкѣ ихъ замѣтна небрежность, искаженный языкъ, странные обороты»... («Сынъ Отечества», 1817 г., часть сороковая). Корреспондентъ прибавляетъ, что публика относится къ пьесамъ снисходительнѣе, чѣмъ прежде, т.-е. больше вызываетъ и аплодируетъ. Но, конечно, болѣе шумные аплодисменты не всегда означаютъ большее одобреніе или болѣеую снисходительность. Напротивъ, все свидѣтельствуетъ, что публика послѣ войны менѣе снисходительна и болѣе склонна къ критикѣ, чѣмъ прежде; но увеличеніе рукоплесканій и вызововъ зависитъ отъ того, что публика болѣе освоилась съ театромъ, болѣе чувствуетъ себя дома въ зрительной залѣ, менѣе чужда театральной обстановкѣ, менѣе удивлена своимъ присутствіемъ въ такомъ странномъ мѣстѣ. Театръ, не ею порожденный, не ею созданный, становится необходимымъ для нея, принимаетъ характеръ чего-то своего, близкаго; зрители уже начинаютъ забывать, что это — подарокъ и склонны къ признанію театра чѣмъ-то полученнымъ по наслѣдству или добытымъ собственными усиліями...

Публика съ удовольствіемъ идетъ въ театръ. Ея стремленіе сказывается въ увеличеніи театральныхъ доходовъ, въ готовности платить за мѣста дороже прежняго. За четырехлѣтіе съ 1818 по 1821 г. превышеніе доходовъ надъ расходами въ московскихъ театрахъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: «за 1818 — 8.127 р.

28 к., за 1819 — 25.000 р., за 1821 — 78.021 р. 12 к.» (Погожевъ, кн. I, стр. 235). Посѣщаютъ русскій театръ даже тѣ, кто прежде исключительно отдавалъ свое вниманіе французскимъ. Уже въ 1818 году въ Петербургѣ объявляютъ общій абонементъ на французскіе и русскіе спектакли, при чемъ на 3 французскихъ приходится 4 русскихъ. Въ дни масленой не хватаетъ мѣстъ въ театрахъ и приходится устраивать по два спектакля въ день. Уже въ 1815 году въ Москвѣ на масленой вводятся въ обычай утренники, но почему-то они возбуждаютъ недовольство Александра I и отмѣняются во всѣ дни, кромѣ воскресенья на масленой. Но какъ же быть съ желающими? Вѣдь театръ все-таки не можетъ вмѣстить всѣхъ являющихся за покупкой билетовъ. Два спектакля въ день необходимы; но дѣлать новый докладъ, опять изображать государю дѣло въ новомъ видѣ и ходатайствовать о новомъ разрѣшеніи утренниковъ неудобно. Утренники запрещены, и, конечно, не надо утренниковъ, но отчего же не назначить два вечернихъ спектакля? Вмѣсто того, чтобы начинать въ 12¹/₂ или въ 1 часъ, что запрещено, почему бы не начать спектакль въ четыре часа, о чемъ не состоялось никакого запрещенія? Вѣдь четыре часа почти уже вечеръ. Идетъ предположеніе объ устройствѣ спектаклей въ 4 часа, но оба вечерніе спектакля будутъ тогда какъ бы налѣзать другъ на друга; совмѣстить ихъ трудно. Тогда является мысль о трехъ часахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разсматривать дѣло по справедливости, то и 3 часа — самый настоящій, самый неподдѣльный вечеръ, и спектакль, начинающійся въ 3 часа, — вечерній спектакль. Первые вечерніе спектакли рѣшено начинать въ 3 часа, и такимъ образомъ высочайшая воля, высказавшаяся противъ утренниковъ, которые начинались въ 12¹/₂ или въ 1 часъ, не нарушена.

Публика идетъ и наполняетъ оба «вечернихъ» спектакля. Но это, конечно, только на масленой. Въ обычное время, хотя и идетъ нарастаніе доходовъ, публика не въ такой уже степени живетъ театрами, какъ въ наши дни. Бываютъ цѣлыя полосы, когда она какъ бы забываетъ о драматическихъ театрахъ, и актеры воодушевляются, плачутъ, произносятъ громоносныя тирады, смѣются передъ пустыми залами...

Среди посѣтителей театра, критикующихъ или одобряющихъ, восторгающихся или холодныхъ, нѣтъ еще театральной богемы. Любители театра, — тѣ, которые принимаютъ особенно близко къ сердцу его успѣхи, которые пополняютъ репертуаръ, спорятъ о драматическихъ «школахъ», драматурги, переводчики, передѣльватели, — всѣ они или почти всѣ — чиновники, связанные съ театромъ службой. Шаховской служить при театрѣ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, Загоскинъ также служить при театрѣ, достигая даже поста директора московскихъ театровъ; Кокошкинъ, переводчикъ Мизантропа, руководитель и воспитатель многихъ актеровъ,

другъ классицизма, противникъ Шекспира,—директоръ московскаго театра; Рафаилъ Зотовъ, переводчикъ многочисленныхъ пьесъ,—служащій при театрѣ... Если же есть любители, не связанные съ театромъ службой, то они служатъ въ другомъ казенномъ мѣстѣ, такъ или иначе имѣющимъ отношеніе къ литературѣ. Аксаковъ, другъ перечисленныхъ руководителей сцены, восторженный любитель драматическаго театра, превосходный чтець и, повидимому, талантливый актеръ, по личной просьбѣ и покровительству Шевырева пристраивается цензоромъ въ московскій цензурный комитетъ и очень любитъ эту должность, «потому что она соотвѣтствовала моей склонности къ литературѣ», наивно увѣряетъ онъ. Всѣ эти лица придаютъ значеніе своимъ переводамъ, передѣлкамъ, авторскимъ попыткамъ, своей «склонности къ литературѣ», читаютъ отрывки переводовъ и самостоятельныхъ произведеній въ обществѣ любителей російской словесности и въ другихъ учрежденіяхъ, получаютъ за переводы и передѣлки почетныя званія, но все это—не главныя литературныя силы своего времени. Кружки корифеевъ литературы стоятъ вдали отъ драматическаго театра, — во всякомъ случаѣ, не дѣлаютъ театръ своимъ главнымъ дѣломъ, не распинаятъ за ту или другую «школу», за то или иное направленіе театра.

Любители-театралы, могущіе вліять на репертуаръ какъ своимъ творчествомъ, такъ и своимъ положеніемъ въ театральномъ мірѣ, близки по своимъ склонностямъ къ нѣкоторой реальности на сценѣ, и въ этомъ отношеніи они какъ бы отвѣчаютъ духу времени, настроенію зрителей, все болѣе и болѣе склоняющихся къ приближенію театра къ жизни. И стремясь къ этому приближенію, тѣ и другіе, и присяжные любители театра и посѣтители изъ «публики», смотрятъ на актера уже не съ тѣмъ пренебреженіемъ и испугомъ, какъ зрители начала столѣтія. Правда, и теперь Ильинъ, авторъ знаменитой «Лизы», на приглашеніе Аксакова участвовать въ спектаклѣ отвѣчаетъ, что «россійскому статскому совѣтнику неприлично выходить на сцену», но другіе смотрятъ на актерство иначе, сами играютъ, когда можно, и дни собственнаго участія въ спектакляхъ считаютъ чуть не самыми счастливыми въ жизни. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ страсть къ театру заставляетъ бросить блестящую чиновничью карьеру и дѣлаться профессиональнымъ актеромъ. И это рѣшеніе не встрѣчаетъ уже такого осужденія со стороны обычныхъ посѣтителей театра, какъ въ началѣ чиновничьей карьеры Жихарева. Только начальство торопится положить конецъ переключиванію чиновниковъ въ актеры и въ 1824 году издаетъ приказъ «дабы впредь, если будутъ проситься о принятіи въ театръ лица, имѣющія офицерскіе чины и желающія поступать въ актеры, то, не опредѣляя ихъ въ сіе званіе, испрашивать о томъ предварительно высочайшее государя императора соизволеніе чрезъ комитетъ гг. министровъ и чтобы комитетъ, по дѣламъ театральнаго вѣдѣнія учре-

жденный, сдѣлать надлежащее распоряженіе». А немного погодя уже создается повелѣніе. чтобы «чиновники опредѣлялись въ артисты не иначе, какъ съ лишеніемъ чиновъ» (Погожевъ, I, стр. 304).

Но всѣ эти измѣненія въ фізіономіи опредѣляются уже поздно. Въ первое же время послѣ войны ясно намѣчается одно желаніе зрителя видѣть на сценѣ подтвержденіе тѣхъ чувствъ патріотической гордости, которыя онъ носитъ въ душѣ.

2.

Для удовлетворенія воинственныхъ чувствъ и патріотическаго восторга зрителя нужно не очень много, какъ немного нужно было прежде для того, чтобы увѣрить его въ любви и благодарности «поселянъ» къ помѣщикамъ. Онъ теперь самъ входитъ въ театръ съ готовностью услышать, что русскіе всегда побѣждаютъ, что они вѣрны престолу, что смерть на глазахъ царя великое счастье. Какъ именинникъ ожидаетъ поздравленія и неизмѣнно отвѣчаетъ на него благодарностью, такъ, въ своемъ праздничномъ настроеніи, ждетъ зритель со сцены своеобразнаго поздравленія и гремитъ аплодисментами. Передъ нимъ князь Шаховскій открываетъ цѣлую серію патріотическихъ поздравленій; прежній и будущій обличитель временно преобразуется въ восхвалителя. Онъ воспѣваетъ русское оружіе, русскую мощь, русскую преданность. Порой онъ веселъ, часто баналенъ, рѣдко правдивъ. Серія начинается съ «оперыводевиля» «Казакъ-стихотворецъ». Написанная еще въ 1812 году и тогда же поставленная во дворцѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, пьеса проникаетъ на публичную сцену тогда, когда войска возвращаются домой. Домой возвращается съ войны и главный герой пьесы, казакъ Климовскій, сражавшійся подъ предводительствомъ Петра въ Полтавской битвѣ. Предстоитъ отдыхъ, но отдыхъ, полный воспоминаній о прошломъ, полный удовлетворенія и сознанія превосходства русскихъ надъ врагами. Казакъ Климовскій и другія дѣйствующія лица испытываютъ то, что испытывали зрители: опасность устранена, усилій не надо, не нужно храбрости, но удалъ и мощь и право на нихъ для всѣхъ ясны. И этой неоспариваемой увѣренностью въ превосходныхъ качествахъ русскихъ, какъ воиновъ, звучать и пѣсни Климовскаго, и рѣчи князя***, капитана гвардіи, возвращающагося также съ битвы, и куплеты княжескаго денщика Демина. «Знають турки насъ и шведы, — поетъ Деминъ, —

Знають турки насъ и шведы
И объ насъ извѣстенъ свѣтъ:
На сраженъе, на побѣды
Насъ всегда самъ царь ведетъ;

Съ нами трудъ онъ раздѣляетъ,
 Передъ нами онъ въ бояхъ.
 Счастьемъ всякъ изъ насъ считаетъ
 Умереть въ его глазахъ».

Это «умереть въ его глазахъ», несмотря на нескладность выраженія, встрѣчается рукоплесканіями, какъ и восхваленіе казаковъ, въ куплетахъ того же Демина:

Храбрые казаки
 Въ дѣлѣ удалцы.
 Драться, гнать ли съ драки,
 Прямо молодцы.
 Непрiятель въ полѣ
 У нихъ не зѣвай;
 Нашъ же братъ на волѣ
 Съ ними отдыхай.

Такъ выражаетъ свои чувства денщикъ Деминъ, такъ поетъ и казакъ Климовскій:

Зъ честью и славой бились ми въ поли,
 Вирой и правдой вѣкъ проживемъ;
 Русское счастье—царь на престоли:
 Въ пемь ми защиту въ горы найдемъ.

И въ такомъ же приблизительно родѣ поетъ о своей и чужой вѣрности князь***, капитанъ гвардіи:

Русской грудью и душою
 Служить Богу и царямъ;
 Кротокъ въ мирѣ, а средь бою
 Страшенъ, пагубенъ врагамъ.

И такими же патріотическими мыслями и чувствами живетъ женская половина той мѣстности, которую изображаетъ кн. Шаховской. Возлюбленная казака Климовскаго, Маруся, рѣшаясь исполнить свое давно затаенное желаніе выйти замужъ за любезнаго, воодушевляется мыслью:

Чи намъ, серденько, хлопецъ родитця,
 Царю вѣнъ буде вѣрно служить.

Конечно, и среди русскихъ есть трусы и несчастные люди, но ихъ такъ легко вывести на чистую воду и такъ легко заставить восторжествовать надъ ними честныхъ, храбрыхъ, сильныхъ и вѣрныхъ престолу и отечеству. Они, эти трусливые и по духу совсѣмъ не русскіе люди, ни у кого не имѣютъ успѣха: захочетъ, на примѣръ, такой нерусскій по духу, богатый Прудіусъ жениться на Марусѣ,— и деньги, и усилія его, и положеніе не помогутъ, чтобы одержать побѣду надъ вѣрнымъ родинѣ и храбрымъ казакомъ Климовскимъ.

Еще яснѣе доблесть русскихъ въ пьесѣ «Крестьяне или встрѣча незваныхъ». Это — уже прямой откликъ на современность; дѣло идетъ о нашествіи французовъ. Василій, храбрый и любящій отечество крестьянинъ, соперничаетъ въ любви къ Варѣ съ Дребедней, богатымъ трусомъ, любви котораго покровительствуетъ мать Вари, старостиха Василиса. Василій мечтаетъ о томъ, что придутъ французы и ихъ можно будетъ проучить. Съ восторгомъ отзывается онъ о своемъ баринѣ, который «бросился въ службу царскую».

В а р я. За то вся вотчина о немъ Богу молить; я ужь пять свѣчекъ за здравіе его поставила.

В а с и л і й. А негодный Дребедня почитай и въ церковь не ходитъ.

В а р я. А ежели придетъ, то шкочи не положить земного поклона.

И Варя и Василій говорятъ «истинно-народнымъ» говоромъ: «Батъка сказывалъ, что онъ (непріятель) къ Москвѣ протесалъ»...

Непріятель, конечно, приходитъ и терпитъ поражение. Дребедня, думавшій спрятать свои деньги, теряетъ ихъ, Василій отличается и женится на Варѣ.

В а с и л і й (поетъ).

Храбро воинство Россійско
Скоро къ чорту ихъ (непріятелей) пошлетъ,
Ай люли, ай люли, скоро къ чорту ихъ пошлетъ!..

С т а р о с т а.

Не бывало и не быть тому,
Чтобъ врагу мы покорилися,
Лучше лечь намъ въ мать сыру землю,
Чѣмъ безславить имя русское.

Староста произноситъ рѣчь à la Мининъ: «Ну-ка за Вѣру, за Царя, за Святую Русь, съ чѣмъ кто можетъ, ура!.. Не выдадимъ женъ и дѣтей, не обещестимъ нашихъ головъ, не дождемся живые, чтобъ господами у насъ были иноземцы!»... Старостиха ведетъ такую же мужественную рѣчь: «Да развѣ мы за тѣмъ вышли замужъ, чтобъ мужей въ бѣдѣ покидать? Схватимъ вилы, ухваты, косы, рогатины, что ни попало... Докажемъ басурманамъ, каковы рускія бабы — пойдемъ!»... И встрѣченный такими героями, во что превращается непріятель?

В а н я. По разнымъ мѣстамъ; иные въ огнѣ грѣются, другіе въ пруду купаются; а кой-какіе по улицамъ валяются.

Ни въ горахъ, ни въ лѣсахъ
Нѣтъ злодѣйска слѣда!
Имъ вездѣ смерть и страхъ,
Намъ вездѣ побѣда!

«Встрѣча незваныхъ» имѣть большой успѣхъ. Слышать, что изъ ворвавшихся въ Россію французовъ «иные въ огнѣ грѣются, другіе въ пруду купаются; а кой-какіе по улицамъ валяются», и не рукоплескать невозможно. Пережившій войну зритель не кровожаденъ; но въ этой безпощадности къ непріятелю онъ видитъ доказательство силы и мужества русскихъ, удостовѣреніе значительности того подвига, который только что быть совершонъ. Но нельзя думать, будто даже въ это время зритель восторгается рѣшительно всѣмъ, что ему преподносятъ патріотическіе драматурги. «Ломоносовъ или рекрутъ-стихотворецъ» того же Шаховского не имѣть прочнаго успѣха. Трудно представить себѣ, однако, большее количество патріотической лести. Не сами русскіе хвалятъ себя, какъ мы видимъ это въ «Казакъ-стихотворцѣ» или во «Встрѣчѣ незваныхъ»; здѣсь нѣмцы не могутъ найти другого предмета для разговора, кромѣ восхваленія русскихъ и ихъ необыкновеннаго счастья. Здѣсь тиролецъ Михель, женихъ Розы, дружится съ Ломоносовымъ, котораго и спасаетъ при помощи Розы отъ солдатчины, когда вотчимъ Розы Ганцъ и вахмистръ Трумфъ обманомъ дѣлають его рекрутомъ.

Михель *(поетъ)*.

Съ голоду жъ не умирають
Люди на Руси святой.

Россія является святой не только для русскихъ, но и для живущаго далеко отъ нея и никогда не видавшаго ее тирольца Михеля. «Какая счастливая страна», восклицаетъ невѣста Михеля, Роза, узнавъ о неожиданно сообщенномъ ей извѣстїи, будто въ Россіи никто не умираетъ съ голода. Грубый вахмистръ Трумфъ разсуждаетъ: «Кой чортъ понесетъ русскаго къ намъ, имъ и дома хорошо, а ежели придетъ охота къ славѣ, то не зачѣмъ ее искать въ чужой арміи».

Всѣ вмѣстѣ (нѣмцы) *поютъ*.

Русскіе удалы,
Востры ихъ штыки;
Сильны генералы,
Лихи козаки.

И когда нѣмцы пьютъ, они не могутъ пить иначе, какъ поднимая тостъ за славныхъ и удивительныхъ русскихъ.

Хоръ (нѣмцевъ):

За цѣлый храбрый родъ Славянскої,
За каждый войскъ Россійскихъ бой,
За гибель силы мусульманскої
Изъ чарки выпьемъ круговой...

И когда Ломоносовъ спрашиваетъ: «А что въ газетахъ пишутъ новаго о русскихъ», то Ганцъ, слѣдящій за газетами и за сообщеніями о русскихъ отвѣчаетъ: «Что они дерутся, какъ львы, летятъ впередъ, какъ орлы, не хуже черныхъ гусаръ; ничто ихъ не удерживаетъ»... И, какъ бы для того, чтобы оказать нѣмцамъ отвѣтную любезность, «Ломоносовъ» Шаховского забываетъ русскій языкъ и привѣтствуетъ Трумфа словами: «Очень радъ сдѣлать ваше знакомство»...

Такими выраженіями патріотизма воодушевляется зритель. Долго ли? Если судить по тому, какъ много лѣтъ эти пьесы удерживаются въ репертуарѣ, то долго. Пройдутъ года, измѣнится настроеніе, требованія стануть иными, а все будутъ давать «Казака-стихотворца» и даже Ломоносова. Но рецензіи того времени говорятъ о начавшейся скукѣ уже въ 1815 году. Уже послѣ второго представленія «Ломоносова» рецензентъ «Сына Отечества» задается вопросомъ: «Пьеса сія написана хорошо и разыграна была удачно, отчего жъ она не произвела большаго вліянія на публику? Оттого, что едва ли половина зрителей знаетъ Ломоносова, едва ли сотая доля читала его стихи. Большая часть смотрѣла на него съ равнодушіемъ и понимала только тѣ стихи, которые казались сочиненными на нынѣшнія обстоятельства. Сцена его спасенія тронула зрителей, но она и тогда произвела бы сіе дѣйствіе, когда бы спасся не Ломоносовъ, а кто-нибудь другой»... И позднѣе, черезъ десять лѣтъ, корреспондентъ «Сѣверной Пчелы» констатируетъ, что на «Ломоносова» публика не идетъ, что «ложн почти пусты, а въ креслахъ мало зрителей». Характеризуя эту публику, корреспондентъ продолжаетъ: «Иссмотри на этихъ господъ въ плащахъ, похожихъ на ливрею, и на этихъ франтовъ, одѣтыхъ въ писарскіе кафтаны, называемые венгерками: ихъ понятія столь же странны, сколько и одежда. Рѣдко изъ нихъ кто-нибудь читаетъ; вѣрно ни одинъ не знаетъ имени Ломоносова, но зато спроси имя любой цыганки изъ здѣшняго табора, и ты удивишься ихъ свѣдѣніямъ. Они въ театрѣ не для пьесы, но для того, чтобы показать свои обновки, поглазѣть на ложн и поискать нѣжнаго похождения. Это петиметры, которые прочтутъ тебѣ любую строфу изъ Ж.-Ж. Руссо, но заговори съ ними о Ломоносовѣ и они скажутъ въ отвѣтъ: *Мы не слышали его быть*».

Но, конечно, дѣло не въ одномъ незнаніи Ломоносова,—вѣдѣтѣхъ восторженныхъ возгласовъ, которыми нѣмцы сопровождаютъ въ пьесѣ всякое напоминаніе о русскихъ, не понимать зритель не можетъ, и, какъ видно изъ отзыва «Сына Отечества», онъ на нихъ какъ будто и отвѣчается, но отвѣчается устало, безъ прежняго волненія, и эти отзывы не могутъ уничтожить въ наблюдателѣ впечатлѣнія скуки, царствующей въ зрительной залѣ. Именины темнаго наскучили, постоянныя поздравленія и благодарности принимаютъ уже казенный характеръ; требуется что-то другое. Какъ говорить

Гречь въ цитированномъ уже обзорѣни литературы, послѣдняя, «посвящая поэзію и краснорѣчіе въ честь и славу великаго монарха своего, обратилась снова на путь мирный, уравненный и огражденный навсегда».

3.

Пора прекратить бряцаніе оружіемъ по всякому поводу и безъ повода. На «мирномъ, уравненномъ и огражденномъ» пути нѣтъ надобности постоянно вспоминать о прошлыхъ подвигахъ, какъ бы славны они ни были. Почему не отдаваться ликованію, не омраченному ничѣмъ, — ни помыслами о прошедшемъ, ни заботами о настоящемъ, ни безпокойствами за будущее? Хмельницкій удовлетворяетъ этому желанію. Первые его пьесы какъ будто принадлежать счастливому и веселому народу. «Ни единой тучки на лазурномъ небѣ, ни единой мысли о насущномъ хлѣбѣ». Смѣхъ для смѣха, безъ злобы, безъ раздраженія: нѣтъ надобности отмѣчать въ жизни безобразное и тревожное. Одинъ герой излишне много говоритъ, другой обнаруживаетъ нерѣшительность, — но развѣ отъ этого происходитъ какая-нибудь бѣда для самаго говоруна или для окружающихъ нерѣшительнаго? Несчастій нѣтъ, только смѣшныя недоразумѣнія, очень счастливо оканчивающіяся. Все мимолетно, какъ мимолетны и безслѣдны тѣ «воздушные замки», которые строятся лицами комедіи, носящей это названіе, все быстро мѣняется, и будущій моментъ такъ же хорошъ, какъ настоящій. Это — ликовующая безпечность, не знающее горестей существованіе: это — отдыхъ послѣ сильнаго побѣдоноснаго напряженія, утѣха послѣ благополучно окончившихся бѣдствій. Къ освободившемуся отъ обязательствъ, довольному, спокойному зрителю обращается Хмельницкій, его веселитъ незамысловатымъ сюжетомъ и радуетъ красивымъ, легкимъ стихомъ. Нѣтъ «умиранія отъ хохота», какъ въ глупыхъ водевиляхъ: здѣсь только улыбка, легкой смѣхъ, спокойное наслажденіе.

Пьесы немногосложны и не длинны: по большей части одно дѣйствіе, рѣдко больше, — это также существенное условіе для отдыха. Въ большинствѣ случаевъ онѣ заимствованы или передѣланы съ французскаго. Иногда изъ трехъ французскихъ дѣйствій, какъ въ «Говорунѣ», сдѣлано одно; иногда передѣлка совершается по нелѣпому рецепту того времени, позволяющему русскимъ Армидину, Зборскому, Людмилѣ, Наташѣ совершенно серьезно вѣрить, будто трактирщицей въ захолустномъ Валдаѣ можетъ быть какая-то мадамъ Вертеръ. Но, кажется, эта нелѣпица даже нужна для желающаго отдохнуть зрителя. Пусть дѣйствіе переносится неизвѣстно куда, — въ какую-то смѣшанную и смѣшную страну, въ какую-то комбинацію изъ разныхъ земель, лишь бы можно было весело смѣяться, — не гоготать, не падать отъ хохота (вѣдь и для чрезмѣрнаго

хохота нужны большія усилія, а такъ хочется отдохнуть, такъ пріятно воспринимать, реагируя улыбкой и тихой веселостью). Состояніе, похожее на то, которое испытывалось въ началѣ столѣтія отъ Коцебутины. Но тогда лились умиленные слезы, — теперь плакать не хочется, — зритель жаждетъ наслажденія, смѣха, чѣмъ бы онъ ни вызывался, хотя бы простымъ наборомъ смѣшныхъ и ненужныхъ словъ. Графъ Звоновъ въ «Говорунѣ» произноситъ цѣлыя тирады такихъ смѣшныхъ и ненужныхъ словъ; и можно ли не смѣяться, когда, увлекаясь, онъ сообщаетъ въ пылкомъ и быстромъ монологѣ чью-то родословную:

Божусь, божусь, божусь! Я знаю весь ихъ родъ;
 Мнѣ всё они—родня,—ихъ предокъ былъ Федотъ,
 Федотъ родилъ Ѳому, Ѳома родилъ Ивана,
 Иванъ родилъ Кузьму, Кузьма родилъ Демьяна,
 Демьянъ,—у этого родился сынъ Борисъ,
 У этого Егоръ, у этого Денисъ;
 Денисъ родилъ Илью, Илья родилъ Сергѣя,
 Сергѣй родилъ Луку, Лука родилъ Андрея,
 Андрей.....

И развѣ можно не смѣяться, когда въ «Воздушныхъ замкахъ» всѣ дѣйствующія лица утопаютъ въ мечтаніяхъ, строятъ воздушные замки, не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительности? Смѣхъ тѣмъ болѣе неизбѣженъ, что дѣйствительность, разбивая мечтанія, не приноситъ строителямъ воздушныхъ замковъ никакой непріятности. Вдова съ большимъ состояніемъ мечтаетъ о пріѣздѣ незнакомаго графа и уже заранѣе предполагаетъ, что «лицомъ онъ Ловеласъ, душой — Малекъ-Адель». Этотъ незнакомецъ, пораженный красотою портрета Аглаи (молодой вдовы), хочетъ, какъ сообщаетъ тетка, подъ чужимъ именемъ пріѣхать въ имѣніе, сославшись, какъ водится, на поломанную карету. И Аглая, и Саша мечтаютъ о послѣдствіяхъ знакомства. Выйдя за графа, Аглая будетъ блистать въ столицахъ; Сашу, вышедшую замужъ за графскаго камердинера, ожидаетъ «и бархатный капотъ, и шляпка шегольская; тутъ явится у насъ лошадка, тамъ другая; потомъ колясочку мы завведемъ себѣ»... Пріѣзжаетъ въ усадьбу отставной мичманъ Альнаскаръ со слугою Викторомъ. Ихъ принимаютъ съ восторгомъ, думая, что это и есть тотъ графъ Лестовъ, о которомъ писала тетушка и по поводу пріѣзда котораго такъ много мечтали. Самъ Альнаскаръ мечтаетъ объ отплытіи съ фрегатомъ; ему «счастія искать назначено въ моряхъ». Онъ пристанетъ къ острову, гдѣ жители назначатъ его царемъ.

Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
 И я могу открыть прелестный островокъ.
 Тамъ, сдѣлавшись царемъ... построю городокъ,
 Займусь прожеками, пародными дѣлами;

Устрою гавани, наполни ихъ судами—
И тутъ-то я до васъ, алжирцы, доберусь.
Смиритеся! Не то... пойду, вооружусь,
И вы познаете воителя десницу...

Мечты слуги Виктора заносятся также высоко. Онъ мечтаетъ выиграть 100 тысячъ рублей на лотерейный билетъ:

...я дѣлаюсь купцомъ
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую думу.
Тутъ я, благословясь, пушусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйный,
Сперва въ полку, а тамъ, пожалуй, на Митейной.
Обзаведусь и самъ женюся, наконецъ...
И Саша мнѣ жена, и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ вокругъ меня цыпляточки, малютки...

Но фрегатъ ушелъ, лотерея давно разыграна, вдовушка и Саша, узнавъ, что передъ ними не графъ Лестовъ, отказываютъ претендентамъ; воздушные замки исчезаютъ, но никто не испытываетъ неприятности; всѣ веселы и беззаботны. И такой же веселой беззаботностью проникнуты герои комедіи «Нерѣшительный или семь пятницъ на недѣлѣ». Арминдиль любитъ Людмилу, но не рѣшается сдѣлать ей предложеніе. Людмила ждетъ и впадаетъ въ отчаяніе отъ его нерѣшительности. Наконецъ наступаетъ давно желанный моментъ. Арминдиль рѣшается на объясненіе, но, начиная его, внезапно пугается и увлливается. Людмила сердится.

Л ю д м и л а.

И признаюсь, у васъ привычка недурная,
Изъ скрытности никакъ не копчить ничего.

А р м и д и л ь.

Напротивъ, я пошлое, Богъ знаетъ, на кого,
Что откровеннѣе не слышите другаго,—
И побожусь, что жизньъ мужчины холостова
Своей безпечностью и вѣчною суетой
Такъ мнѣ наскучила, что я... что я... Какой
Сегодня славный день однакожь!..

Л ю д м и л а.

Удивленья!

Да съ вами надобно ужасное терпѣнье.

А р м и д и л ь.

Но вы ужъ сердитесь?

Л ю д м и л а.

Напротивъ, я смѣюсь.

А р м и д и н ъ.

Падѣюсь, а не то я, право, не рѣшусь
У васъ же попросить пренужнаго совѣта.

Л ю д м и л а.

Совѣта, въ чемъ?

А р м и д и н ъ.

Да въ томъ... вотъ видите... По это.
Конечно, не уйдетъ и послѣ объяснить.

Л ю д м и л а.

Да вы ужъ надо мной рѣшились шутить.
Такъ знайте же, что я серьезно разсердилась.

А р м и д и н ъ.

Помилуйте! За что жъ?

Л ю д м и л а.

Ни слова! Я рѣшилась,
И слышать не хочу, повѣрьте, ни о чемъ.

А р м и д и н ъ.

Ужъ это варварство! Божусь, все дѣло въ томъ,
Что въ вашемъ дружескомъ пуждаюсь я совѣтъ,
И вы должны рѣшить...

Л ю д м и л а.

Нѣтъ, ни за что на свѣтъ.

А р м и д и н ъ.

За что же? Сжальтесь! Какъ эдакъ обижать?!
Такъ знайте жъ...

Л ю д м и л а.

Дождалась.

А р м и д и н ъ.

Такъ вы хотѣли знать?
Вы все узнаете, но съ тѣмъ, чтобъ не сердиться.
Извольте! дѣло въ томъ, что я хочу... садиться.
Вамъ не угодно ли?

Л ю д м и л а

(въ сторону). Садиться! Боже мой!
Неспособный человѣкъ!

А р м и д и н ъ.

Теперь моей судьбой
И всѣмъ располагать вы властны, какъ хотите,
И вотъ письмо... письмо, въ которомъ, посмотрите,
Въ которомъ именно... теперь который часъ?.....

И такъ дальше. Говорить Армидинъ, сердится Людмила, смѣется зритель. Женится или нѣтъ нерѣшительный на прекрасной невѣстѣ, чѣмъ будетъ ихъ совмѣстное житье, если такъ долго удерживаемое слово будетъ, наконецъ, произнесено, чѣмъ, кромѣ нерѣшительности, обладаетъ Армидинъ, какими свойствами, кромѣ желанія выйти замужъ, отличается Людмила? Зачѣмъ знать? Любопытно, занимательно, смѣшно самое положеніе нерѣшительнаго и нетерпѣливой, и этимъ можно удовольствоваться. Хорошіе стихи, потѣшная сцена, легкій веселый діалогъ, улыбка, тихій смѣхъ, — что еще нужно для отдыха?

Пьесы слѣдуютъ одна за другой, смѣшныя, легкія, незатѣйливыя. Но трудно удержаться на уровнѣ незатѣйливости и скромной веселости. Почему не усилить эффекта? Почему, напримѣръ, изъ той удивительной страны, которая представляетъ соединеніе Россіи, Германіи и Франціи, но которая называется иногда Валдаемъ, иногда Петербургомъ, не перенести дѣйствія куда-то въ древность, гдѣ все наоборотъ, гдѣ особенно выворачиваются наизнанку наши представленія о древнемъ мірѣ? *Греческія бредни*, или *Ифигенія въ Тавридѣ наизнанку*, трехактная пьеса, смѣется надъ всѣми представленіями о греческомъ мірѣ, издѣвается надъ ними, какъ издѣваются оперетки Оффенбаха. Герои Греціи обращаются съ молитвой къ богамъ:

Боги щедрые! Внемлите
Въ сей ужасный міру часъ;
Истребляйте, что хотите,
Но спасите только насъ.

По поводу убійства Клитемнестрой Агамемнона Орестъ глубоко-мысленно замѣчаетъ:

Положимъ, что имѣть любовниковъ и можно;
Но убивать мужей,—нѣтъ, это ужъ безбсжкно!

Веселый жанръ грубѣетъ; Хмельницкій не удерживается на прежней легкости и безобидности смѣха. Онъ хочетъ смѣшить, во что бы то ни стало; онъ жаждетъ захватить зрителя, какъ захватывалъ его первыми пьесами. Жаждущій веселья зритель, повидимому, готовъ спуститься по наклонной плоскости въ сторону грубыхъ наслажденій, но жажда отдыха кратковременна: репертуаръ Хмельницкаго — только эпизодъ въ его увлеченіи театромъ; онъ ищетъ и находитъ другое.

4.

На «мирномъ, уравненномъ и огражденномъ пути» драматическая литература не всегда ведетъ себя мирно. Она нападаетъ и задираетъ. Трудно, казалось бы, совмѣстить въ душѣ гордость званіемъ русскаго со склонностью осуждать русскіхъ и находить въ

нихъ пороки. Но зритель послѣ войны именно таковъ; онъ какъ будто понимаетъ, что критика не обозначаетъ ненависти къ критикуемому, что осужденіе часто предполагаетъ любовь. Обращаясь къ читателямъ, «Духъ журналовъ» 1815 года пишетъ: «Издатели нарушили бы должное уваженіе къ публикѣ, есть ли бы, напримѣръ, усумнились, что она не въ состояніи отличить любви къ отечеству отъ излишняго пристрастія ко всему отечественному. Любовь къ отечеству дорожитъ всѣмъ, что есть въ немъ хорошаго, ищетъ умножить въ немъ мѣру его благосостоянія; но пристрастіе ко всему отечественному и пристрастіе излишнее и въ самыхъ недостаткахъ его видитъ превосходство, а тѣмъ самымъ препятствуетъ возвышенію его благосостоянія. Издатели не хотятъ, подобно другимъ, кричать на каждой страницѣ: «О, дражайшее отечество! О, святая истина! За васъ хоть умереть!» Такіе энтузіасты смѣшны, а часто и подозрительны. Тѣмъ не менѣе, издатели любятъ свое отечество и ищутъ истины, но еще больше справедливости». Зритель понимаетъ это и охотно идетъ на осужденіе, выслушивая одновременно и восторги по поводу успѣховъ русскаго оружія и насмѣшки надъ нѣкоторыми сторонами русской жизни. Нигдѣ, можетъ-быть, это «совмѣстительство» не проявляется въ такой мѣрѣ, какъ въ пьесѣ кн. Шаховскаго *Липецкія воды, или урокъ кокеткамъ*. Не надо думать, что осужденіе проникаетъ глубоко въ среду учреждений и, такъ сказать, въ фундаментъ нравовъ, не надо думать, будто пьеса бичуетъ, какъ бичеваль нравы Чацкій,—кн. Шаховской весь въ прекрасномъ настоящемъ и не желаетъ его измѣненія,—пьеса скользитъ по поверхности, смѣется надъ тѣмъ, что осуждено уже общественнымъ сознаніемъ, но что удерживается, какъ слабость, какъ смѣшная подробность, въ которой не стыдно признаться, хотя бы и съ осужденіемъ и насмѣшкой надъ самимъ собой. Но осужденіе и насмѣшка нужны для пьесы, какъ перецъ и уксусъ для остраго блюда,—безъ нихъ въ комедіи будетъ уничтожена современность, исчезнетъ пикантность. Для лучшаго успѣха пьесы насмѣшку можно соединить съ патриотическимъ восторгомъ: все-таки это обезпечитъ нѣсколько лишнихъ хоть порой, можетъ-быть, и скучныхъ аплодисментовъ. И герои кн. Шаховскаго говорятъ о славномъ только что пережитомъ прошломъ. Пронскій спрашиваетъ: «Всѣ нужды, всѣ труды, походъ, морозы люты, кто могъ не позабыть въ одно мгновенье то, какъ въ Лейпцигъ мы внесли спасеніе вселенной?» «Когда въ Парижъ войти Всевышній намъ помогъ, равняться что могло тогда съ восторгомъ нашимъ?» рипостуетъ князь Холмскій.

И какъ, скажите мнѣ, тамъ быть нехрабрымъ можно,
Гдѣ къ славѣ нашъ народъ вселенной дать примѣръ?

вновь спрашиваетъ Пронскій. Но, воздавъ должное русской мощи, можно и покритиковать. Конечно, народъ, который даетъ примѣръ

всей вселенной и ту же вселенную спасаетъ, не долженъ подражать иностранцамъ. А свѣтское общество имъ подражаетъ и ставитъ себя въ зависимость отъ нихъ, не уважая ни своего языка ни своей принадлежности къ славной націи. Этотъ мотивъ зависимости отъ иностранцевъ становится главнымъ мотивомъ осудительныхъ и критикующихъ пьесъ. Его находимъ мы и во многихъ пьесахъ Шаховскаго, и у Загоскина, и у Оедорова, и у др.

Мы только русскими успѣемъ въ свѣтъ родиться,
Какъ въ иностранцевъ насъ начнутъ перерождать,

воскликаетъ резонеръ пьесы, князь Холмскій. И, приводя примѣры изъ своихъ наблюдений, онъ останавливается на одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы:

Графъ Ольгинъ, на примѣръ, брать разные уроки
У разныхъ мастеровъ и выучень всему,
Что могъ бы и не знать; заговори жь ему
О нашей древности и о законахъ русскихъ,
О пользахъ той земли, въ которой онъ рождень,
Гдѣ родомъ онъ своимъ на службу присуждены;
Тотчасъ начнетъ звать, и авторовъ французскихъ
Куплеты дерзкіе и вольнодумный вздоръ—
Его единственный ученый разговоръ.

Но авторъ не рѣшается довести даже и въ этомъ отношеніи дѣло до конца; онъ торопится заявить о начинающемся измѣненіи нравовъ:

Но, возвратясь съ войны, я къ радости моеи
Увидѣлъ въ обществахъ большое превращенье;
Къ всему чуждому страсть и къ своему презрѣнье
Нашель въ посмѣшищѣ у знатныхъ тѣхъ людей,
Гдѣ прежде говорить по-русски въ стыдъ вмѣняли.

И это правда, конечно; и зритель сочувствуетъ этому осужденію, такъ же какъ констатированію замѣтнаго измѣненія въ правахъ. И благодаря этому сочувствію проходитъ благополучно для автора и для пьесы насмѣшка надъ Жуковскимъ, къ поэзіи котораго все болѣе или менѣе расположены. Многіе, правда, поражены смѣлостью и беззащитностью нападеній. Поражены и возмущены; они протестуютъ, какъ протестовали когда-то при появленіи *Новаго Стерна*, но, несмотря на протестъ, пьеса имѣетъ успѣхъ, нравится, прививается къ сценѣ: осужденіе и насмѣшка какъ бы висятъ въ воздухѣ, какъ бы составляютъ необходимую сторону новыхъ нравовъ. Противъ Шаховскаго поднимаются многіе сторонники Карамзина; имя злополучнаго автора *Липецкихъ вадъ* становится предметомъ осмѣяній и брани въ многочисленныхъ литературныхъ кругахъ, преимущественно среди молодежи, основывающей Арзамасъ. Одинъ изъ арза-

масцевъ, Вигель, пишетъ о первомъ впечатлѣннн, произведенномъ неожиданной вылазкой Шаховскаго противъ Жуковскаго: «Лукавый дернулъ его ни къ селу ни къ городу вклеить въ нее (въ пьесу) одно дѣйствующее лицо, которое все дѣло перепортило». Это лицо—поэтъ Фіалкинъ, подъ именемъ котораго Шаховскаго выводитъ Жуковскаго. «Фіалкинъ твердитъ о своихъ балладахъ и проноситъ нѣсколько извѣстныхъ стиховъ прозваннаго нами въ шутку балладника. Можно вообразить себѣ положеніе бѣднаго Жуковскаго, на котораго обратилось нѣсколько нескромныхъ взоровъ. Можно себѣ представить удивленіе и гнѣвъ вокругъ него сидящихъ друзей его». Шаховскому достается сильно отъ друзей Жуковскаго и отъ всѣхъ арзамасцевъ. «Если главнымъ достоинствомъ воды, — пишетъ въ 1815 году кн. Вяземскій, — какъ и всѣми признано, есть совершенное отсутствіе вкуса, то Липецкія воды могутъ спорить о преимуществѣ со всѣми водами въ свѣтѣ». Злостно осмѣивая плѣшиваго и толстаго кн. Шаховскаго, кн. Вяземскій не скупится на красоты слога. «Къ ихъ обществу (къ обществу посѣтителей водъ: вся статья имѣетъ видъ письма съ Липецкихъ водъ) причислить должно и одно лицо, прїѣхавшее къ Липецкимъ водамъ лѣчиться отъ болѣзни, съ которою грековъ познакомилъ Зоилъ и которая, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, изъ страны въ страну, очутилась на берегахъ Невы, и, заразивши многихъ, впиалась со всею яростью своею въ несчастную жертву, изсушивъ его мозгъ и волосы, о которыхъ можно было сказать съ Эдипомъ:

Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ.

Но, опаливши мозгъ, всего распучило, вливши въ него свой ядъ, который вскорѣ, однакоже, превратился въ немъ въ воду... Въ пребываніи своемъ въ Липецкѣ затѣялъ онъ маскарадъ въ пользу разоренныхъ книгопродавцевъ, противъ которыхъ за себя и за братію свою считалъ себя виноватымъ... Но, конечно, ядъ *Липецкихъ водъ* не былъ цѣликомъ превращенъ въ воду, иначе не нужны были бы яростныя нападки на злополучнаго ихъ автора.

Но, несмотря на вылазки противниковъ, на ядовитыя насмѣшки, направленные противъ кн. Шаховскаго, пьеса его имѣетъ успѣхъ и паразитическій. Въ этомъ принуждены сознаться сами враги ея автора. «Новая пьеса его, — пишетъ Вигель, — имѣла успѣхъ чрезвычайный; публика приняла ее съ шумнымъ громогласнымъ одобреніемъ. Въ тотъ же вечеръ, какъ намъ сказывали, по сему случаю было большое празднество у петербургскаго гражданскаго губернатора Бакунина, коего супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надѣла вѣнокъ на счастливаго автора. Крыловъ, съ которымъ на другой день я увидѣлся, сказалъ мнѣ съ коварной улыбкой: «Какъ быть? Les rieurs sont de son côté».

Имѣть ли публика что-нибудь противъ Жуковскаго, имѣть ли кн. Шаховской что-нибудь положительное, что желаетъ противопоставить «и полночи, и пѣтуху, и звону костей въ гробахъ», и всякимъ «чу?» или ничего подобнаго нѣтъ, — но въ театрѣ вносятся элементы рѣзкой критики, прямого нападенія, обличенія цѣлыхъ направленій, общественныхъ пороковъ и увлеченій. Зритель становится тревожище. Теперь уже трудно себя представить спокойныхъ тихихъ зрительницъ, благочестиво вяжущихъ чулки въ ложахъ и вытирающихъ въ минуты умиленія этими же самыми чулками восторженныя слезы. Театрѣ далека отъ того, чтобы быть русскимъ: и построеніе, и содержаніе, и порою даже характеры, и бичуемые нравы заимствованы у французозъ; многія пьесы цѣликомъ передѣланы съ французскаго съ прежнимъ наивнымъ преображеніемъ французозъ въ русскихъ, но посреди заимствованнаго и наноснаго нѣтъ нѣтъ да и мелькнетъ дѣйствительно наблюденное, составляющее принадлежность тогдашняго русскаго общества. Въ монологахъ, произносимыхъ, напримѣръ, героинею одноактной комедіи того же Шаховскаго *Какаду, или сладствіе урока кокеткамъ*, несомнѣнно, заимствование съ французскаго, но есть и наблюденіе надъ обычаями и нравами общества, зрительницы и зрители видятъ себя изображенными и осмѣянными. Графиня Лелева, кокетство которой получило въ *Липецкихъ водахъ* непріятный урокъ, удаляется отъ міра, живетъ въ одиночествѣ, но охотно ведетъ бесѣду на тему о необходимости уединенія съ захватившимъ графомъ Ольгинымъ. Она такъ изображаетъ покинутый ею свѣтскій кругъ:

На наши вечера взгляните мимоходомъ:
Мы съедемся, сидимъ, являюся мужчины,
Хозяевамъ поклонъ, и тотчасъ прочь отъ дамъ;
Съ осмотровъ кинутся по карточнымъ столамъ.
Пріятелей начнутъ отыскивать глазами,
Увидать, бросятся, сберутся все кружками,
Толкуютъ объ игрѣ, погодѣ, лошадахъ,
Всю комнату займутъ и стиснутся въ дверяхъ;
А мы, несчастныя, оставленныя вами,
Вкругъ стѣнки все рядкомъ Дидонами сидимъ,
Къ себѣ Энеевъ ждемъ и въ спину имъ глядимъ.

Этотъ монологъ могъ бы подписать и не князь Шаховской. Близокъ къ нему и слѣдующій:

Какъ я тогда могла
Не умереть и жить еще почти здоровой.
Ахъ, съ бала въ 5 часовъ пріѣдешь чуть жива,
Проснешься и скачи къ Ролентѣ за обновой;
Тамъ встрѣтишь кой-кого, узнаешь кое-что
И утро пролетитъ; спѣшишь домой на то,
Чтобъ слишкомъ два часа за туалетомъ биться;
Поѣдешь на обѣдъ и надо торопиться

Въ театр французской; въ немъ всегда ужасный създъ;
 Лишь только явишься, лорнеты ужъ встрѣчаютъ,
 И въ ложу къ намъ почти всѣ кресла побывають,
 Займутъ, развеселятъ. Ахъ, даже и разъздъ
 Свои пріятности имѣлъ: сядясь въ карету,
 Съ однимъ поклонисься, съ другимъ поговоришь;
 Опять скорѣй домой и снова къ туалету,
 На балъ иль на вечеръ безъ памяти спѣшишь,—
 И вотъ въ какомъ чаду кружилися мы вѣчно.

Это не Гусситы, не неизвѣстный, но благородный Мейнау, не Лаперузъ, попавшій на чуждый островъ. Зрители узнають о себѣ, о своемъ поведеніи, о смѣшныхъ сторонахъ того, чему, какъ говорила когда-то «Всякая Всячина», они «ежечастно» предавались. Конечно, князь Шаховской поверхностень и простъ. Ни для него ни для Загоскина, который идетъ по его слѣдамъ и часто превосходитъ своего вожатаго въ собираніи аплодисментовъ, жизнь не представляетъ глубины и матеріала для широкихъ обобщеній; ихъ насмѣшка не обозначаетъ возмущенія общественной испорченностью; они осмѣиваютъ внѣшность, преслѣдуютъ порокъ за его непрезентабельную физиономію. Но даже и въ этомъ внѣшнемъ осмѣяніи уже ощущается смутное недовольство зрителей современными порядками, чувствуются вѣянія, требующія исправленія общественныхъ недочетовъ и грѣховъ. Кажется, что уже подготовлена почва для зарожденія тайныхъ обществъ. Намеки на необходимость общественнаго переустройства проникають даже сюда въ безпечную среду Загоскиныхъ, Кошкиныхъ, Шаховскихъ. Они цѣликомъ въ старомъ; ихъ общественныя и политическія возрѣнія близки къ взглядамъ официальныхъ сферъ. Но протестовать противъ чего-то, противъ какихъ-то общественныхъ недостатковъ и они считаютъ необходимымъ: этого требуютъ зрители, это носится въ воздухѣ, на это реагируетъ публика. Кн. Шаховской, обличитель *quand même*, набрасывается на все, на всякую смѣшную внѣшность, на всякое очевидное комическое положеніе. Пустота свѣтской жизни особенно легко доступна осмѣянію. Ей должно противопоставить значительность жизни, занятой хозяйственными домашними, матеріальными заботами. Эта хозяйственная жизнь, какъ идеалъ, противопоставляется не только свѣтскимъ развлеченіямъ, но и занятіямъ философіей, науками; Шаховской смѣется надъ современникомъ, даже если видитъ, что «въ науки онъ вперить умъ, алчущій познаній». Князь Радугинъ въ «Пустодомахъ» занимается философіей и другими науками, забрасывая хозяйство, разоряя себя. Княгиня, жена его, — мотовка. Ихъ обманываетъ управитель Цаплинъ, горничная Маша, камердинеръ Ванюша. Пріѣзжаютъ спасать ихъ и отправляютъ въ деревню на исправленіе генераль Радимовъ, ихъ дядя, и графиня Вельская, болѣе дальняя родственница.

В а н ю ш а .

Нашъ князь все въ мѣрѣ знаетъ,
 Всѣ въ небѣ звѣздочки по имю называетъ,
 Кто до потопа жилъ, извѣстно все ему;
 А то, что дѣлають теперь въ его дому,
 Не вѣдаетъ, и знать ему какъ будто стыдно.

Генераль Радимовъ, — Стародумъ пьесы, нѣсколько болѣе пылкій, чѣмъ его прототипъ, — выражаетъ воззрѣнія и стародумовскія и фамусовскія вмѣстѣ:

Кто живетъ лишь только для себя,
 Тому хоть бы не жить; а кто, крестьянъ любя,
 Имъ дѣлаетъ добро, того иные вспомнятъ...
 Всѣмъ школьникамъ въ глаза кричать я стану смѣло:
 Вы безъ ума отъ книгъ не будете умнѣй,
 И тотъ, кто самъ ничто, другихъ учить не смѣй...
 Жизнь непосѣдная — ядъ тѣла и души;
 Родятся отъ нея лѣнь, скука и унылость....

Въ протестахъ противъ книгъ и въ афоризмахъ «кто самъ ничто, другихъ учить не смѣй» сквозитъ убѣжденіе, не имѣющее ничего общаго съ протестами Чацкаго, и однако и то и другое, — и монологи Чацкаго, и поученія Радимова,—подсказаны тѣмъ же измѣненіемъ въ настроеніи зрителя, той же тревогой и недовольствомъ. Все спутано въ настроеніи большинства зрителей, но какъ будто они охвачены атмосферой безпокойства, какъ будто что-то они должны рѣшить, и съ этимъ чувствомъ являются въ театръ. Не просто воспринять преподносимое, не просто поплакать или посмѣяться, а что-то узнать, что-то унести съ собой. Препрежнее театральное волненіе умирало на мѣстѣ, оно не выносилось изъ театра, не налагало на зрителя обязательствъ внѣ зрительной залы. Теперь зритель идетъ въ театръ съ тѣмъ, чтобы чѣмъ-то заразиться, реагировать на что-то, что видѣлъ въ жизни вчера, что увидитъ завтра. Все это очень смутно и слабо, но все это есть, и, торопясь удовлетворить этому смутному настроенію публики, выбиваются изъ силъ Шаховской и Загоскинъ. Благоразуміе Шаховского идетъ на ряду съ осмѣяніемъ и осужденіемъ. Нельзя заниматься науками, пренебрегая хозяйствомъ, но нельзя и отдаваться любви настолько, чтобъ отъ этого страдали хозяйственныя дѣла. *Урокъ женатымъ*—пьеса, гдѣ два дѣйствующихъ лица (конечно, великосвѣтскія, конечно, титулованныя), князь и княгиня, временно расходятся въ стремленіяхъ. Княгиня выражаетъ досаду и горе, что изъ-за дѣлъ князь забываетъ прежнія страстныя сцены; она готова склониться къ любезностямъ ухаживателей, она изливается жалобами въ письмахъ къ сестрѣ. Князь, узнавъ о страданіяхъ жены, притворяется забывшимъ все ради любезностей, стиховъ и прочихъ любовныхъ аксессуаровъ. Онъ утверждаетъ, что бросаетъ службу, дѣла, процессъ, что ихъ скоро ждетъ разореніе, но

ему все равно, ибо онъ помнитъ стихотвореніе «Лиза и шалашъ». Жена пугается разоренія, отговариваетъ мужа, но, узнавъ о хитрости князя, сама начинаетъ игру, которая, въ свою очередь, пугаетъ князя. Дѣло, конечно, разъясняется, и благоразуміе одерживаетъ побѣду.

Благоразуміе вообще должно одерживать побѣду въ комедіяхъ кн. Шаховского. Онъ не требуетъ отъ зрителя чрезмѣрныхъ усилій для исполненія какихъ-то новыхъ гражданскихъ обязательствъ; онъ стоитъ за нетрудную мораль, обеспечивающую благополучіе, но, даже и настаивая на сохраненіи существующаго, онъ какъ будто осуждаетъ и выводитъ на чистую воду какой-то важный общественный грѣхъ. Онъ дѣлаетъ театръ орудіемъ и личной полемики, хотя продолжаетъ настаивать, что въ его обличеніяхъ нѣтъ «личностей». Загоскинъ идетъ за нимъ. Первая же пьеса, въ которой онъ стремится защитить *Липецкія воды* отъ нападковъ критиковъ, полна намековъ и даже «личностей». Эта лежащая внѣ эстетическаго намѣренія цѣль какъ-то заранѣе опредѣляетъ характеръ большинства другихъ театральныхъ произведеній Загоскина: всѣ они какъ будто хотятъ что-то доказать, какъ будто ставятъ себѣ тезисъ, нуждающійся въ защитѣ. *Комедія противъ комедіи*, или *Урокъ волокитамъ*, доказываетъ вѣроломство и вѣтреность мужчинъ въ противоположность *Липецкимъ водамъ*, которыя должны доказать то же самое по отношенію къ женщинамъ-кокеткамъ. Повидимому, тезисъ, взятый въ общей формѣ, далекъ отъ того, чтобы вызвать какіе бы то ни было нападенія и упреки. Но комедія Загоскина вызываетъ почти такое же отраженіе въ критикѣ и обществѣ, какъ пьеса Шаховского. Загоскинъ бичуетъ нравы, знакомитъ зрителей съ графомъ Фольгинымъ, неискуснымъ, наглымъ, пустымъ молодымъ человѣкомъ. Фольгинъ полагаетъ, что «наглость или страсть спорить о томъ, что для насъ неизвѣстно или что не понимаемъ, гораздо приличнѣе для молодого человѣка, чѣмъ вѣжливость, скромность». Фольгинъ открываетъ Изборскому «великую тайну общежитія»: «Въ большомъ свѣтѣ застѣнчивость считается главнѣйшимъ порокомъ. Надобно обо всемъ говорить съ благородною смѣлостью, дѣлать рѣзкія сужденія, находить въ чемъ-нибудь или все превосходнымъ, или все дурнымъ. Сказавши глупость не только не краснѣть, но поддерживать ее и даже снова повторять, если то надобно; быть всегда любезнымъ съ женщинами, разсуждать съ ними съ видомъ глубокомысленнымъ о бездѣлицахъ, всегда льстить самолюбію, стараться всемъ кружить головы и никогда не влюбляться самому»... Существовать ли въ исторіи театра хотя одинъ моментъ, когда зритель не согласился бы съ авторомъ во взглядѣ на «великую тайну общежитія», какъ на большую гадость? Загоскинъ доказываетъ банальность, ломится въ открытую дверь, убѣждаетъ въ томъ, что и безъ убѣжденій несомнѣнно. Но помимо того, что самая форма доказательствъ заставляетъ

зрителя предполагать въ авторѣ моралиста, бичующаго какіе-то не вполне сознанныя обществомъ пороки, Загоскинъ приближаетъ театръ къ жизни выступленіемъ противъ отдѣльныхъ личностей. Въ героѣ *Комедіи противъ комедіи* легко узналъ себя тотъ, на кого мѣтилъ Загоскинъ, такъ же какъ и всѣ болѣе или менѣе причастные къ этому кругу. «Въ этой комедіи, — говоритъ Вигель, — хотя и не совсѣмъ остроумно досталось всѣмъ и болѣе всѣхъ мнѣ. Пожалуй, я могъ бы не узнать себя въ Фольгинѣ, большомъ вралѣ, вѣтренномъ модникѣ, какимъ никогда я не бывалъ, если бы нѣкоторыя изъ словъ и сужденій моихъ не были вложены въ уста его» (Записки Вигеля, ч. IV, стр. 173). Загоскинъ, какъ и Шаховской, прибѣгаетъ къ пасквилю, и эта форма общенія театра съ жизнью не встрѣчаетъ большого противодѣйствія въ публикѣ; наоборотъ, зрителю нравится такое сліяніе сцены съ обыденностью, вымысла съ дѣйствительностью; ее занимаетъ перенесеніе полемики на подмостки. Обычай прививается; Писаревъ начинаетъ въ театрѣ полемизировать съ Полевымъ, и зрители съ интересомъ слѣдятъ за тѣмъ, кто изъ противниковъ окажется побѣдителемъ. «Публика любитъ пѣтушиный бой, — пишетъ Аксаковъ, — и, осыпая громкими рукоплесканіями острые и злые куплеты Писарева, она съ такимъ же удовольствіемъ читала язвительныя выходки противъ него въ «Московскомъ Телеграфѣ», разбирая, справедливы онѣ или нѣтъ». Писаревъ полемизируетъ не съ однимъ Полевымъ; куплеты захватываютъ другихъ противниковъ; они высмѣиваютъ кн. Вяземскаго подъ именемъ Мишурскаго, Каченовскаго подъ именемъ Графова. Въ водевилѣ «Хлопотунъ» Радимовъ поетъ:

Мишурской водевилъ скропаль,
Друзья вездѣ его хвалили,
Его сыграли... онъ упалъ,
Какъ могутъ падать водевили.
Скажу Мишурскимъ не во гнѣвъ,
Что мой совѣтъ не торопится,
Молчать и помнить мой припѣвъ,
Что дѣло мастера боится.

(«Драматическій Альбомъ на 1826 годъ», изд. А. Писаревымъ и А. Верстовскимъ).

Писаревъ доходитъ до того, что называетъ своего противника полнымъ именемъ, какъ бы не называя его. Хорошо извѣстенъ куплетъ, оканчивавшійся двусишіемъ:

Всѣмъ мнѣ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ *полевой*.

Этотъ куплетъ, произнесенный актеромъ Сабуровымъ, вызываетъ цѣлую бурю въ театрѣ: «Едва Сабуровъ произнесъ послѣдній стихъ, какъ въ театрѣ произошло небывалое волненіе, — рассказываетъ Аксаковъ, — поднялся неслыханный крикъ, шумъ и стукотня.

Публика раздѣлилась на двѣ партіи: одна хлопала и кричала bravo и фора, а другая, болѣе многочисленная, шикала, кашляла, топала ногами и стучала палками. По музыкѣ слѣдовало повторить послѣдніе два стиха; но оглушительный шумъ заставилъ актера Сабурова, — а можетъ быть, онъ сдѣлалъ это и съ намѣреніемъ (всѣ артисты очень любили Писарева), — не говорить послѣдняго стиха; какъ же только шумъ утихъ, Сабуровъ, безъ музыки, громко и выразительно произнесъ: «И всѣмъ наскучилъ полевой». Можно себѣ представить гнѣвъ защитниковъ Полевого. Сильнѣе прежняго начался шумъ; стукъ и шиканье наполнили весь театръ и заглушили голоса и хлопанье друзей Писарева.

«Можно себѣ представить», что все это происходитъ въ русскомъ театрѣ? Въ томъ самомъ театрѣ, гдѣ мирно принимали Коцебятину, гдѣ только «Димитрій Донской» и «Пожарскій», патриотическія пьесы и воинственная сцены могли вызывать волненія и бурю въ публикѣ? Зритель перемѣнился до неузнаваемости; онъ и приходитъ въ театръ инымъ, и сидитъ въ немъ, требуя отъ сцены отвѣта на какія-то злобы дня, на что-то волнующее его внѣ театра, и уходитъ изъ театра, вынося нѣчто, что будетъ волновать его и завтра и послѣзавтра, внѣ зрительной залы. Какъ будто готовится новая перемѣна театра, новое приспособленіе сцены къ жизни, чувствуется необходимость новаго шага по пути реализма сцены; какъ будто предвидится дѣйствительное рожденіе русскаго театра.

Пока этого рожденія нѣтъ. Пока и Шаховской, и Загоскинъ, и Писаревъ, и кто угодно другой, — всѣ живутъ театромъ французскимъ. Говорятъ о необходимости освободиться отъ вліянія чужеземцевъ; на сценѣ произносятъ монологи, громящіе рабство русскихъ модниковъ и модницъ у французовъ; требуютъ своего самобытнаго, русскаго, — но и содержаніе пьесъ, и структура монологовъ, и характеры дѣйствующихъ лицъ по большей части списаны у французовъ. Авторы довольствуются нѣкоторыми подмѣченными черточками отдѣльныхъ характеровъ или общественной жизни, насмѣхаются, обличаютъ внѣшность, но въ глубину нравовъ не проникаютъ, настоящаго наблюденія, настоящей русской жизни не даютъ. Загоскинъ все-таки старается приспособиться къ русской жизни больше другихъ. У него есть неподдѣльный юморъ, есть кое-какая наблюдательность. Первая его комедія вызываетъ полемику, какъ и пьесы Шаховскаго. Противники стараются отомстить за насмѣшки своеобразными приемами: одни распускаютъ слухи, что Загоскинъ только подписалъ написанную Шаховскимъ въ свою защиту пьесу; другіе утверждаютъ, что Загоскина и не существуетъ, что это псевдонимъ, который принадлежитъ довольно извѣстному лицу. И это второе предположеніе всего сильнѣе задѣваетъ автора, необыкновенно высоко цѣнящаго знатность и древность своего

дворянскаго рода. «Я зналъ, — говоритъ Вигель, — чѣмъ отомстить человѣку, который, по всей справедливости, гордился едва ли не болѣе древностію рода своего, чѣмъ новостью своей извѣстности. Я увѣрилъ его, что все пріятельи мои не хотятъ вѣрить его существованію, фамильное имя его почитаютъ вымышленнымъ, — однимъ словомъ, видятъ въ немъ псевдонимъ, подъ которымъ самъ Шаховской написалъ комедію». Загоскинъ отругивается въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» и продолжаетъ писать для театра. Новая пьеса, *Богатоновъ, или Провинціалъ въ столицѣ*, опять привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе. Пожилой состоятельный провинціалъ, пріѣхавшій съ супругою въ столицу, проникается уваженіемъ къ титуламъ, модамъ, ко всему иностранному. Онъ попадаетъ въ руки великосвѣтскихъ и простыхъ мошенниковъ. Его обманываетъ, продавая грошовый табакъ за королевскій, представляя огромные счета за обѣдъ, иностранецъ Филутини; къ нему подлаживается, разоряя его и наживаясь, князь Блесткинъ; ту же цѣль имѣетъ въ виду, влюбляя его въ себя, баронесса Вольмаръ; и даже собственный его дворецкій Климычъ обогащается, пользуясь извѣстнымъ процентомъ съ приходящихъ мошенниковъ. Осмѣивается безпрекословное признаніе хорошимъ всего иностраннаго, погоня за модой, чужданіе русскаго. Пьеса правится публикѣ; ей аплодируютъ, автора вызываютъ, и даже враги принуждены признать, что успѣхъ несомнѣненъ. И, кромѣ живости дѣйствія, кромѣ забавности нѣкоторыхъ сценъ, въ пьесѣ нравится обличительный тонъ, призывъ къ русскому, возстаніе противъ иностранцевъ. Зрителямъ представляется, что авторъ выводитъ на сцену общественные грѣхи, что онъ заглядываетъ въ русскую жизнь и имѣетъ дѣло съ современностью. Напрасно придирчивые рецензенты пытаются доказать, что въ пьесѣ нѣтъ ничего современнаго, ничего реальнаго, что она сплошь выдумана и выдумана плохо, — публика не перестаетъ аплодировать и смѣяться. «*Богатоновъ* могъ бы заслужить одобреніе по тремъ или четыремъ удачнымъ сценамъ, — пишетъ въ «Сынѣ Отечества» Ювеналъ Прямосудовъ (подписывающійся такъ въ противоположность Ювеналу Беневольскому, писавшему въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» о *Богатоновѣ*); — но такъ какъ онъ выставленъ слишкомъ глупымъ провинціаломъ, которому другого подобнаго въ Россіи, а особенно въ Петербургѣ даже за двадцать лѣтъ передъ симъ никто бы не отыскалъ и со свѣчею, — то весь интересъ дѣйствія безъ правдоподобья главнаго характера совершенно исчезаетъ. Къ составленію сего рода пьесы можно бы собрать довольно матеріала прежде въ домахъ зажиточныхъ украинцевъ, пріѣзжавшихъ на зимнее время въ Москву проживать свои доходы, изъ числа коихъ иные съ состояніемъ даже самымъ ограниченнымъ тягались за роскошною знатію. Г. Крыловъ счастливо воспользовался отчасти симъ обильнымъ рудникомъ въ *Модной* своей *Лавкѣ*.

Сколько еще остается золота для составленія общаго историческаго характера не изъ фарсовъ, а изъ частныхъ комическихъ оттѣнковъ, отличающихъ сихъ провинціаловъ. Но для сего потребно искусство Мольера («Сынъ Отечества», 1817, часть 39-я)... Однако и критикъ считаетъ желательнымъ появленіе Мольера; и онъ признаетъ, что пьеса старается передать нравы, только, по его мнѣнію, неудачно и грубо.

Протестъ противъ вліянія иностранцевъ находитъ быстрый сочувственный откликъ у драматурговъ. Лавры Шаховскаго и Загоскина не даютъ спать гораздо менѣе талантливымъ и искуснымъ. Съ угрожающей проповѣдью обращается къ публикѣ В. Ѳедоровъ въ пьесѣ *Правда глаза колетъ* (представлена въ 1-й разъ въ Большомъ театрѣ 31 августа 1821 г.). Возвратившійся издалека графъ Прямиковъ неожиданно для себя открываетъ, что племянникъ его графъ Пустошкинъ благоволитъ къ иностранцамъ и даже шестилѣтній сынъ Пустошкина не знаетъ по-русски. «Ни одного божьяго дня,—жалуются графу Прямикову приближенные Пустошкина,—не проходитъ, чтобы у ней (у графини Пустошкиной) не перебивало до дюжины иностранцевъ и иностранокъ». Возмущенный всѣмъ видѣннымъ графъ Прямиковъ горячо упрекаетъ племянника за обученіе сына иностранному языку преимущественно передъ русскимъ. «Мы не обязаны давать вамъ отчетъ въ воспитаніи нашего сына», возражаетъ Пустошкинъ.

Графъ Прямиковъ. Вы обязаны дать отчетъ не мнѣ, но отечеству! Отвѣчайте, сударь! Можетъ ли оно надѣяться что-нибудь путнаго, когда по сіе время Плутанвилли и Сапмаксмы, какъ полагаютъ надобно, вбиваютъ ему въ голову тѣ правила, отъ которыхъ несчастная Европа болѣе двадцати дѣтъ плавала въ крови своей.

Продолжая упреки въ томъ же духѣ, графъ Прямиковъ говорить уже не въ тонѣ убѣжденія, а угрожаетъ, какъ власть имѣющій:

Графъ Прямиковъ. Я торжественно буду просить, чтобы обратили на нѣкоторое время вниманіе на то, что дѣлается между нами. Скажу, вотъ сынъ русскаго графа, внукъ мой, внукъ графа Прямикова, воспитывающійся въ отцовскомъ домѣ, готовящійся быть гражданиномъ славнаго отечества своего и слабостью родителей своихъ и хитростью иностранныхъ наемниковъ доведенъ до того, что не знаетъ и слова по-русски... Ты недолго, малютка, останешься въ этомъ несчастномъ положеніи. Я исторгну жертву изъ рукъ убійцы ея.

Топъ проповѣди, языкъ угрозы, духъ полемики становятся допустимыми и желательными для сцены. *Горе отъ ума* совершенно естественно возникаетъ въ этой обстановкѣ. Оно отличается отъ другихъ обличеній направленіемъ своего негодованія, силой выраженія, яркостью характеристики, печатью генія, но духъ будироваанія, осужденія, обличенія общъ всѣмъ. Зрители съ охотой вни-

мають обвиненіямъ, направленнымъ противъ иностранцевъ, противъ журналистовъ, противъ ученыхъ, противъ дурныхъ хозяевъ, щеголей и т. д. и т. д. Публика жаждетъ видѣть въ театрѣ современность; предполагаетъ видѣть ее въ Богатоновѣ, въ графинѣ Лелевой *Липецкихъ водъ*, въ Фольгинѣ *Урока волокитамъ*, въ дѣйствующихъ лицахъ *Вечеринки ученыхъ*. «Актерь, въ пользу котораго сыграна *Ученая вечеринка*, вызванъ,—разсказываетъ рецензентъ «Сына Отечества»;— авторъ ея, вслѣдъ за актеромъ, также вызванъ. Наконецъ сама по себѣ *Ученая вечеринка* есть, такъ сказать, *немилосердная палица*, устремленная противу критиковъ, дерзавшихъ осуждать нелѣпныя, но для сочинителя—увы!—милыя творенія: и послѣ этого какъ осмѣлиться не восхищаться пьесой, хотя бы въ ней даже смысла не было?... Мы слышали плескъ партера и райка и желаемъ автору новыхъ лавровъ на поприщѣ Талии» («Сынъ Отечества», 1817, часть сорокъ вторая).

Лавры не прекращаются; каждое новое произведеніе вызываетъ новые аплодисменты и одобренія. Позднѣе обнаруживается, что ни Загоскинъ ни Шаховской болѣе неспособны ничего дать, что и тотъ и другой скользятъ и будутъ скользить по верхамъ русской жизни. Позднѣе, много позднѣе, Загоскинъ еще будетъ изображать такія явленія, которыя могутъ быть потѣшны на сценѣ, но которыя съ жизнью того времени уже не имѣютъ рѣшительно ничего общаго. Въ *Урокъ матушкамъ*—пьесѣ, носящей подзаголовокъ *Русская провинціальная быль*,—есть такая сцена между княземъ Верхоглядовымъ и мальчикомъ лѣтъ тринадцати:

Князь. Глупое созданіе! Алеуть, камчадалъ безмозглый. Ничего не понимаетъ. Да я влолочу въ тебя просвѣщеніе! Мало ли я толковалъ тебѣ о достоинствѣ челоуѣка, животное!— Ну, что такое челоуѣкъ!

Мальчикъ. Челоуѣкъ есть твореніе самобытное...

Князь. Слѣдовательно, никто не имѣетъ права посягать на его личность... ну!...

Мальчикъ. На его личность... и всякій подобный ему...

Князь. Обязанъ сбходиться съ нимъ...

Мальчикъ. Обходиться съ нимъ.

Князь (бьетъ его хлыстикомъ). Кротко и сердобольно.

Мальчикъ. Ай, ай, ай!.. Больно, больно.

Въ разгаръ жестокихъ репрессій Николая изображать въ такомъ видѣ отраженіе гуманныхъ идей въ русскомъ обществѣ могъ только писатель, искавшій забавныхъ сценъ для театра и не слѣдившій совѣмъ за жизнью. Но въ ту эпоху, къ которой относятся первыя драматическія произведенія Загоскина, никто не думаетъ, что его обличенія такъ же, какъ обличенія и насмѣшки Шаховского, далеки отъ современныхъ вопросовъ, отъ жизни, отъ того, что окружаетъ зрителя «ежедневно». Зритель проснулся, сталъ требовательнѣе, и однимъ изъ самыхъ ясныхъ его требова-

нѣй является обращеніе къ реальному, невыдуманному, «ежечастному». Онѣ ждетъ еще большаго приближенія театра къ жизни хотя бы въ формѣ обличенія, хотя бы въ духѣ полемики. Онѣ ждетъ и, кажется, драматургія должна это выполнить. Кажется, что естественный переходъ отъ Шаховскихъ, Загоскиныхъ, Ѳедоровыхъ и другихъ къ Грибоѣдову завершится образованіемъ прочнаго русскаго реального театра. Кажется, что вотъ-вотъ еще немного и появится цѣлая плеяда драматурговъ, привлеченныхъ изъ другихъ областей литературы къ театру, къ созданію на сценѣ чего-то своего, дѣйствительно національнаго, не заимствованнаго...

Но кончается 1825 годъ, начинается новая эра; съезживается запуганный зритель и опять начинаетъ дремать; требовательность исчезаетъ; русскій театръ не рождается. Драматическіе спектакли пустѣютъ. Одинъ изъ дѣйствующихъ персонажей пьесы Хмельницкаго, относящейся къ этой эпохѣ, на предложеніе: «теперь домой, а тамъ въ театрѣ», восклицаетъ:

Ба, это что?

Въ театрѣ рѣшительно не ѣздитъ здѣсь никто

Изъ значущихъ; и что, помилуй, за охота

Сидѣть до завтрага и слушать Вальтеръ Скота!

А въ 1830 году, въ концѣ эпохи, которую обыкновенно называютъ золотымъ вѣкомъ московскаго театра, Аксаковъ, страстно любящій театръ вообще, а московскій театръ въ особенности, пишетъ Шевыреву изъ Москвы: «Театръ русскій оставленъ публикою совершенно: никто не ѣздитъ, никакія пьесы, никакая игра, никакія приманки не дѣйствуютъ. Между тѣмъ много есть доказательствъ, что недостатокъ денегъ тому причиной. Что же? По-моему, надобно создавать новый театръ, народный. Всѣ рамки и условія—къ чорту! Начать съ низкаго рода, съ низшаго сословія (ибо нѣтъ еще актеровъ для хорошаго тона). Нашъ репертуаръ—поскутный рядъ; свое тоже выкроено по чужой мѣркѣ; разныхъ опытовъ (кромѣ народнаго) было много, большая часть неудачныхъ!»... Много ли помогъ бы дѣлу народный театръ въ той атмосферѣ, которою отличалось царствованіе Николая, и могъ ли бы онѣ существовать,—на этотъ вопросъ, кажется, двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Что же касается до обычнаго смѣшаннаго посѣтителя театровъ, то о немъ мы поговоримъ подробнѣе уже при описаніи николаевской эпохи.

И. Игнатовъ.

Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова.

Подъ именемъ Пушкина много лѣтъ ходили по рукамъ и, наконецъ, были напечатаны Н. В. Гербелемъ («Русскимъ») въ «Стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій» (Берлинъ, 1861 г., стр. 123 и 124), двѣ слѣдующія эпиграммы на графиню А. А. Орлову-Чесменскую и ея духовнаго руководителя, извѣстнаго архимандрита новгородскаго Юрьевскаго монастыря—Фотія.

Гр. А. А. Орловой-Чесменской.

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
А грѣшной плотію—
Архимандриту Фотію.

Разговоръ Фотія съ гр. Орловой.

«Внимай, что я тебѣ вѣщаю:
Я тѣломъ евнухъ, мужъ душой».
— Но что жъ ты дѣлаешь со мной?
«Я тѣло въ душу превращаю».

Гербель включилъ ихъ въ свой сборникъ, гдѣ помѣщено немало пьесъ сомнительныхъ, не приведя для этого никакихъ основаній. П. А. Ефремовъ перепечаталъ ихъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. VIII, 1905 г., стр. 124), но замѣтилъ: «достаточныхъ указаній на принадлежность ихъ Пушкину, однакоже, не имѣется». Въ академическомъ изданіи (т. II, примѣч., стр. 153—154) онѣ также помѣщены съ оговоркой: «точныхъ указаній на принадлежность этихъ эпиграммъ Пушкину нѣтъ», а равно въ изданіи С. А. Венгерова (т. I, стр. 561), при чемъ въ примѣчаніяхъ (т. II, стр. 536) сказано: «принадлежность ихъ Пушкину ничѣмъ не доказана, но рѣшительно отвергнуть ее тоже нѣтъ основаній; вторая нѣсколько тяжеловата, и ее можно приписывать Пушкину съ гораздо меньшей вѣроятностью, чѣмъ первую,—игривую, легкую и злую». У Гербеля эпиграммы не датированы; у Ефремова и въ академическомъ изданіи онѣ связаны съ эпиграммой на Фотія (solo) («Полуфанатикъ, полуплугъ»), отнесенной къ 1819 г.; въ изданіи

Венгерова онѣ приурочены къ «вольнолюбивому» періоду жизни Пушкина—1818—1820 гг. Обыкновенно эти эпиграммы причисляются къ тѣмъ, которыя вызвали высылку Пушкина въ 1820 г. на югъ. По словамъ Анненкова («П. въ александровскую эпоху», стр. 141), нѣкоторые утверждали, что поэту грозило тогда водвореніе на покаяніе въ Соловецкомъ монастырѣ, т.-е., вѣроятно, приписывали ему оскорбленіе святыни или духовныхъ сферъ. Намъ неизвѣстны въ точности всѣ поводы къ высылкѣ Пушкина, но эти эпиграммы въ дѣлѣ фигурировать не могли, потому что ихъ еще не существовало. Хронологія ихъ до сихъ поръ исчислялась невѣрно, и онѣ относятся къ болѣе позднему времени.

Въ 1819—1820 гг. отношенія Орловой и Фотія еще не могли занимать общественное мнѣніе. Изъ опубликованныхъ недавно графомъ В. Орловымъ-Давыдовымъ («Русск. Архивъ», 1908 г., III, 350—361) записокъ Фотія видно, что первая встрѣча архимандрита съ Орловой состоялась лишь 2 мая 1820 г., когда онъ вошелъ впервые въ домъ дѣвицы Анны и она приняла «незнакомаго подвижника какъ бы родного своего отца или ангела Господня». Хотя Фотій въ графинѣ «съ перваго взгляда узрѣлъ ангела во плоти, яко въ тайнѣ среди міра есть раба Господня смиренная и сосудъ благодати Христовой», эта встрѣча не имѣла никакихъ реальныхъ ни, тѣмъ болѣе, общественныхъ результатовъ. Почти черезъ два года ихъ отношенія паладились—въ февралѣ 1822 г., когда Фотій встрѣтился снова съ «симъ ангеломъ кротости и смиренія во плоти» и убѣдился, что «земля сердца ея была самая способная къ принятію сѣмянъ слова Божія... Отъ сего-то времени крѣпкое и постоянное всегдашнее о Господѣ единеніе въ духѣ начало быть между о. Фотіемъ и г. дѣвицею и частая переписка душеспасительная». Затѣмъ уже послѣдовали вызовъ честнаго аввы въ Петербургъ, бесѣды въ домѣ дѣвицы Анны, разъѣзды на коняхъ оной дѣвицы и все прочее. «Содѣлавшись дочерью» Фотія, дѣвица стала передавать ему «рѣдкости и жемчужины, бывшія на вещахъ соблазнительныхъ», а по случаю «одолѣнія въ 1822 лѣто масонскихъ скопищъ нечестивыхъ» поднесла ему митру цѣною «болѣе ста тысячъ». Это было уже въ 1823 г., и лишь тогда скандалъ сталъ принимать общественный характеръ. (Всѣ эти благочестивые труды Орловой подробно описаны въ книгѣ Н. Елагина «Жизнь графини А. А. Орловой-Чесменской».) Напримѣръ, къ 1826 г. относится «Надпись къ портрету нѣкоей духовной особы», которую, какъ новость, А. Е. Измайловъ сообщалъ И. И. Дмитріеву («Русск. Архивъ», 1871 г., стр. 994):

Се лицемѣръ, исчадь злое ада,
Магницкаго первѣйшій другъ,
Безбрачныхъ старыхъ дѣвъ супругъ
И, словомъ, русскій Торквемада.

Позднѣйшее изображеніе Орловой находится въ хроникѣ Лѣскова «Захудалый родъ», гдѣ она выведена подъ именемъ графини Хотѣтовой. «Графиня, набожность которой развилась подъ вліяніемъ одного тяжелаго семейнаго воспоминанія (намекъ на убійство ея отцомъ Петра III), любила казаться отчужденною отъ всѣхъ дѣлъ міра, въ которыхъ она, какъ говорили, ничего не понимаетъ. Она только бѣдила по монастырямъ, на которые и тратила свое почти, можно сказать, несмѣтное богатство. Ею было восстановлено множество обѣднѣвшихъ обитателей; много мощей ея средствами были переложены изъ скромныхъ деревянныхъ гробницъ въ дорогія серебряныя раки, и въ этомъ, кажется, и заключалась вся ея христіанская добродѣтель». Въ то же время ея крѣпостные обращались отъ голоду въ живыя мощи. Такова именно была графиня А. А. Орлова-Чесменская.

По поводу первой эпиграммы Д. С. Мережковскій замѣтилъ весьма категорически: «это клевета», и, выписавъ завѣреніе Фотія: «чадо мое о Господѣ есть дѣвица непорочная во всецѣлости; я грѣшникъ, но рабъ Бога моего вѣрный, ужели бы на дѣло Божіе избралъ сосудъ растлѣнный и нечистый?»—прибавилъ: «этому, кажется, слѣдуетъ вѣрить»... («Аракчеевъ и Фотій»—«Рѣчь», 1909 г., № 65). Творя себѣ «влагалище невѣтшающе», отказывала ли себѣ графиня Орлова въ мірскихъ радостяхъ? По крайней мѣрѣ, В. П. Быкова («Записки старой смолянки», ч. II, СПб., 1899, стр. 242) знавала ея дочь, монахиню Варсонофію, въ мірѣ Марію Крымову, воспитанницу Смольнаго монастыря.

Во всякомъ случаѣ обществу было на что негодовать и что клеймить презрѣніемъ. Былъ ли Пушкинъ выразителемъ этихъ чувствъ въ данномъ случаѣ? Онъ могъ быть имъ, такъ какъ корыстный и ханжескій клерикализмъ былъ ему ненавистенъ по духу, но вѣроятнѣе предположеніе, что не онъ былъ авторомъ приведенныхъ эпиграммъ. Онѣ принадлежать эпохѣ, когда онъ жилъ на югѣ или въ деревнѣ, вдали отъ столичныхъ «злюбъ дня», и притомъ проникся холодно-скептическимъ «умѣреннымъ демократизмомъ» и оставилъ прежній пламенный политическій романтизмъ, убѣдившись, какъ мало отзывчиво общество на «кличъ чести». Поэтому въ числѣ приписываемыхъ Пушкину пьесъ эти двѣ эпиграммы должны быть причтены къ наиболѣе сомнительнымъ, что нисколько не умаляетъ ихъ общественнаго значенія.

Н. Лернеръ.

Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

I.

Любовь къ женщинѣ въ жизни русскихъ идеалистовъ 30—40 гг. прошлаго вѣка занимала видное и почетное мѣсто, порой она даже доминировала въ ихъ душевномъ строѣ. Представленіе о любви у нихъ было ультра-романтическое. Одни изъ нихъ въ любви видѣли «прекрасные призраки», другіе въ ней находили «слиянiе съ духомъ» и т. д.

Изъ питомцевъ романтической школы А. И. Герценъ заплатилъ наименьшую дань мистическому романтизму. Онъ сравнительно рано стряхнулъ съ себя путы философскаго идеализма (хотя совсѣмъ отъ него онъ такъ и не могъ освободиться) и раньше другихъ сталъ подходить къ женщинѣ просто, по-земному.

Въ гаммѣ наслажденiй жизнью Герценъ любви отводитъ весьма важную роль. «Любовь,—говоритъ онъ,—пышный, изящный цвѣтокъ, вѣнчающій и оканчивающій индивидуальную жизнь». Сердце имѣетъ право на самую интенсивную жизнь, какъ и разумъ. Человѣкъ безъ сердца, безъ всеогрѣвающего и живительнаго огня страстей—какая-то безстрастная машина мышленія.

Этотъ взглядъ на любовь прямо вытекалъ изъ натуры Герцена, энергичной, кипучей и дѣятельной. Обладая пламенными страстями, онъ не считалъ нужнымъ бороться съ ними, временами даже не находилъ въ себѣ силъ для этого. Онъ признавалъ, что въ огнѣ увлеченія есть красота и прелесть: тогда человѣкъ живетъ вдесятеро.

Съ аскетическими идеалами христіанской морали Герценъ ничего общаго не имѣлъ. Вотъ почему онъ, не задумываясь, безъ излишней рефлексіи, смѣло и свободно рвалъ цвѣты удовольствія, если они попадались ему на пути. Раскаяніе, душевныя терзанія наступали лишь послѣ того, какъ обнаруживалось, что онъ своимъ необдуманнѣмъ увлеченіемъ причинялъ кому-нибудь страданіе. Это ему, какъ истинному гуманисту, доставляло мучительную боль: онъ никому не желалъ зла, а счастья хотѣлъ не только себѣ, но и другимъ.

Два любовныхъ эпизода оставили глубокой и болѣзненный слѣдъ въ сердцѣ Герцена. Одинъ изъ нихъ относится ко времени вятской ссылки, другой случился непосредственно послѣ новгородской ссылки. Оба эпизода изложены въ «Быломъ и Думахъ», въ «Дневникѣ» и въ перепискѣ съ Натальей Александровной, первый—болѣе подробно, второй—слишкомъ глухо.

У насъ имѣются документы, въ которыхъ эти эпизоды изображены перомъ самого Герцена въ такихъ деталяхъ, которыя одновременно имѣютъ и художественное значеніе и психологическій интересъ ¹⁾.

Но, располагая этими матеріалами, естественно поставить вопросъ: имѣемъ ли мы право открывать передъ публикой интимную сторону жизни великаго человѣка?

Все дѣло, конечно, въ томъ, какъ использовать матеріалы, какую цѣль имѣть въ виду при этомъ? Если дать только одно голое изображеніе фактовъ и на этомъ оборвать знакомство съ матеріалами, то такой способъ использованія матеріаловъ далъ бы любителямъ копаться въ «грязномъ бѣльѣ» лишній случай позлорадствовать; это доставило бы имъ удовольствіе—видѣть слабыя стороны великаго человѣка и низвести его съ пьедестала героя на уровень посредственности.

Но съ этими же матеріалами возможно ознакомить читателей безъ всякой боязни оскорбить память великаго писателя. Мы познакомимся не только съ голыми фактами изъ этихъ матеріаловъ, но и съ тѣмъ отраженіемъ, какое эти факты имѣли въ душѣ Герцена. Мы прослѣдимъ шагъ за шагомъ ту мучительную работу мысли, которая *post factum* жгла, какъ молнія, его умъ, и грубой плитой давила его сердце, доводя «виновника бѣды» до психической болѣзни.

Заслуживаетъ глубокаго вниманія то, что трагедія Герцена изъ личнаго переживанія, какъ и все прочее подъ его перомъ, поднимается до значенія всеобщаго. Это-то и даетъ намъ право на ознакомленіе съ интимными деталями обоихъ эпизодовъ.

Кстати—на нашей сторонѣ есть одинъ весьма солидный и авторитетный союзникъ.

Когда въ концѣ 50-хъ гг. Герценъ задумалъ опубликовать эти эпизоды, то предварительно онъ запросилъ объ этомъ одного изъ своихъ друзей, мнѣніемъ котораго онъ, очевидно, очень дорожилъ. Другъ ему отвѣчалъ: «Ты спрашиваешь, печатать ли интимную часть «Записокъ»? Какъ публика, я сказалъ бы: разумѣется—печатать. Но вопросъ о «приличіи» можешь ты одинъ рѣшить; почему

¹⁾ Это — отрывки изъ ненапечатанныхъ главъ «Былого и Думъ», хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ, въ «Комнатѣ людей 40-хъ годовъ», въ витринѣ 1-ой, № 25.

бы нѣтъ? Большая часть твоихъ читателей или уже знаетъ, или догадывается en gros, что ты могъ бы сообщить теперь en detail. Наконецъ дѣло твоего личнаго такта—найти середину между романтической стыдливостью и цинической откровенностью. А въ тактѣ такого рода у тебя недостатка нѣтъ»... ¹⁾

Другъ не ошибся: эпизоды изложены Герценомъ такъ, что первый представляетъ собою истинно художественное произведеніе, а второй поражаетъ тѣмъ трагизмомъ, въ которомъ очутился Герценъ послѣ своего «паденія».

II.

Романъ Герцена съ Медвѣдовой (въ «Быломъ и Думахъ» она фигурируетъ подь инициаломъ Р.) теперь извѣстенъ въ мельчайшихъ деталяхъ ²⁾. Однако наиболѣе поэтическая страница его до сихъ поръ оставалась совершенно неизвѣстной. Я имѣю въ виду моментъ сближенія Герцена съ Медвѣдовой.

Однажды вечеромъ,—очевидно, въ декабрѣ 1835 г.,—Герценъ, простившись съ больнымъ мужемъ Медвѣдовой (уже умиравшимъ въ это время), направился къ себѣ домой. Медвѣдова пошла его проводить. Была лунная ночь. Герцену уходить не хотѣлось. Онъ остался въ гостиной у открытаго окна и сталъ упрашивать Медвѣдову, чтобы она побыла съ нимъ немного. Та отказала ему, такъ какъ должна была въ это время перемѣнить повязку больному старику.

— Приходите послѣ, я васъ подожду,—сказала ей Герценъ. Она молчала, Герценъ взялъ ее за руку.

— Ну, приходите же... Я васъ прошу... Придете?

— Право, нельзя, я сначала надѣваю блузу.

— Приходите въ блузѣ, я васъ утромъ заставалъ нѣсколько разъ въ блузѣ.

— А если васъ кто-нибудь увидитъ?

Герценъ пустилъ въ ходъ всю силу своей діалектики и доказалъ, что этого бояться нѣтъ основаній. Но она все-таки не рѣшалась.

«Приди же... приди!» прошептала она ей на ухо.

¹⁾ Письмо, изъ котораго приведена цитата, находится въ Румянц. музеѣ, «Комната людей 40-хъ годовъ», II витрина, XXV. Оно безъ точной даты и безъ подписи, но изъ содержанія его можно заключить, что оно относится ко времени организациі изданія «Колокола» (въ письмѣ идетъ рѣчь о хозяйственной и технической сторонѣ будущаго изданія).

²⁾ См. «Былое и Думы», «Дневникъ», переписку съ Нат. Ал., ст. II. Милокова въ сборн. «Изъ истор. русск. инт.» и др. и особенно статью г. Цвапова-Разумника въ «Русск. Б.», № 5, 1912.

«Приду, но только на минутку»...

... Герценъ провелъ томительныхъ полчаса въ ожиданьи... Когда въ домѣ все затихло... «вдругъ—шелестъ, скрипнулъ полъ, легкіе шаги, и бѣлая блуза мелькнула въ дверяхъ.

Ея волненіе было такъ сильно, что она сначала не могла произнести ни одного слова, ея губы были холодны, ея руки, какъ ледъ». Герценъ чувствовалъ, какъ страшно билось ея сердце.

— Я исполнила твое желаніе,—сказала она, наконецъ.—Теперь пусти меня... Прощай... ради Бога—прощай... поди и ты домой...—прибавила она печально умоляющимъ тономъ.

Герценъ просьбы не исполнилъ. Онъ обнялъ ее и крѣпко, крѣпко прижалъ ее къ груди ¹⁾. Она еще разъ попыталась отослать его.

— Другъ мой... иди же!

Но для Герцена это было невозможно. И онъ искренно сознается въ этомъ: «невозможно—*troppo tardi*—оставить въ минуту, когда у нея, у меня такъ билось сердце. Это было бы сверхъ человѣческихъ силъ и очень глупо...

Я не пошелъ—она осталась.

...Мѣсяць прокладывалъ свои полосы въ другую сторону—она сидѣла у огня и горько плакала... я цѣловалъ ея влажные глаза, утиралъ ихъ прядями косы, упавшей на блѣдно-матовое плечо, которое вбирало въ себя мѣсячный свѣтъ, терявшійся безъ отраженія въ нѣжно-тускломъ отливѣ.

Мнѣ было жаль оставить ее въ слезахъ, я ей болталъ полушопотомъ какой-то бредъ... Она взглянула на меня, и въ ея глазахъ шевельнулось изъ-за слезъ столько счастья, что я улыбнулся. Она какъ будто поняла мою мысль, закрыла лицо обѣими руками и встала... Теперь было въ самомъ дѣлѣ пора, я отнял ея руки, расцѣловалъ ихъ, ее—и вышелъ»...

Герценъ возвращался домой, когда уже взошло солнце. Рассказъ этотъ онъ заканчиваетъ шуткой: «добрые люди, встрѣчавшіеся со мной, удивлялись, что я такъ рано всталъ «воспользоваться хорошей погодой»...

Изъ этого разсказа видно, что сближеніе произошло просто, почти безъ борьбы,—во всякомъ случаѣ у Герцена борьбы не было. И это несмотря на то, что въ это время онъ уже былъ влюбленъ въ Наталью А—ну Захарьину.

Послѣ отъѣзда Герцена изъ Вятки его романъ съ Медвѣдовой оборвался. Сначала она стала для него «тѣнью въ фантазмагоріи», потомъ—точкой, которая превратилась въ ничто. Медвѣдова же попрежнему безумно любила Герцена. «Зачѣмъ она встрѣтилась

¹⁾ Въ рукописи далѣе зачеркнута фраза: «Въ эту минуту я страстно любилъ ее».

именно со мной, неустоявшимся тогда?—писаль позднѣе Герценъ.— Она могла быть счастливой, она была достойна счастья... Винавать ли я, что это облако любви, такъ непреодолимо набѣжавшее на меня, дохнуло такъ горячо?»

Какъ женщина, Медвѣдева послѣ Вятки перестала существовать для Герцена. Но, какъ сугубо несчастный человѣкъ, она лежала на его совѣсти длинный рядъ лѣтъ, кажется, вплоть до самой ея смерти. Онъ жестоко казнилъ себя за то, что искалѣчилъ ея жизнь, но помочь горю ея ничѣмъ не могъ, если не считать того, что положилъ немало заботъ въ дѣлѣ устройства ей сноснаго существованія—то посылалъ ей деньги, то искалъ ей заработокъ.

Какъ ни жестокъ эпилогъ этого романа, въ немъ есть и своя свѣтлая сторона: былъ моментъ, когда два молодыхъ, сильныхъ, интересныхъ и интеллигентныхъ человѣка взаимно любили другъ друга со всѣмъ пыломъ молодой страсти.

III.

Второй эпизодъ, о которомъ сейчасъ пойдетъ рѣчь, въ противоположность только что разсказанному, лишень всякой поэзіи. И героиней его является простая крѣпостная горничная, которая отличалась только красотой и чувственностью. Чувственность, повидимому, бросала ее изъ однихъ мужскихъ объятій въ другія. Вѣроятно, и Герцена, какъ слишкомъ здороваго и слишкомъ страстнаго человѣка, на моментъ увлекло это сочетаніе необычайной красоты и чувственности. И онъ какъ-то стихійно, безотчетно былъ увлечень порывомъ голаго животнаго чувства, совершенно не думая о его послѣдствіяхъ. Первая встрѣча Герцена съ Катериной (такъ звали горничную) произошла передъ его отъѣздомъ въ новгородскую ссылку. Эта встрѣча оказалась роковой: она разъ навсегда разбила семейное счастье Герценовъ.

Какъ-то утромъ Герценъ вошелъ въ комнату своей матери. Въ это время комнату убирала молодая горничная, которой Герценъ почти совсѣмъ не зналъ. Едва успѣлъ Герценъ сѣсть за книгу, какъ горничная со слезами на глазахъ, въ страшномъ волненіи, подошла къ нему и бросилась ему въ ноги.

— Что съ тобой, что съ тобой... говори просто!—сказалъ ей Герценъ, удивленный и сконфуженный ея поведеніемъ.

Рыдая, какъ дитя, она ему сказала:

— Возьмите меня съ собой... Я вамъ буду служить вѣрой и правдой. Вамъ надобно горничную, возьмите меня. Здѣсь я должна погибнуть отъ стыда...

Тутъ только Герценъ разглядѣлъ причину слезъ, волненія и просьбы горничной: дѣвушка была беременна.

Герценъ согласился удовлетворить просьбу дѣвушки, такъ какъ для его отца было все равно—кого изъ горничныхъ онъ возьметъ съ собой.

Горничная прожила у Герценовъ годъ. Конецъ новгородской ссылки Герценъ переносилъ съ большимъ трудомъ,—досадовалъ, нервничалъ и съ раздраженіемъ ждалъ разрѣшенія ѣхать въ Москву. И вотъ въ это время, неизвѣстно почему, онъ вдругъ замѣтилъ, что горничная очень хороша собой. Она догадалась, что на нее обратили вниманіе... Возможно, что «все прошло бы безъ шага далѣе»... Но «случай помогъ». Впрочемъ, Герценъ не щадитъ и не оправдываетъ себя. «Случай всегда находится, особенно когда ни съ одной стороны его не избѣгаютъ»...

Ссылка кончилась, и Герцены поселились въ Москвѣ. Пирѣ шли за пирами.

Самый «случай» Герценъ описываетъ съ эпической простотой и спокойствіемъ:

«Возвратившись разъ ночью домой, мнѣ приходилось идти задними комнатами. Катерина отворила мнѣ дверь. Видно было, что она только что оставила постель; щеки ея разгорѣлись отъ сна; на ней была наброшена шаль; едва подвязанная густая коса готова была упасть тяжелой волной... Дѣло было на разсвѣтѣ. Она взглянула на меня и, улыбаясь, сказала: «Какъ вы поздно» ¹⁾. Я смотрѣлъ на нее, упиваясь ея красотой... и инстинктивно, полусознательно положилъ руку на ея плечо; шаль упала... Она ахнула... Ея грудь была обнажена... «Что вы это?» прошептала она, взглянула взволнованно мнѣ въ глаза и отвернулась словно для того, чтобы оставить меня безъ свидѣтеля... Рука моя коснулась разгоряченнаго сномъ тѣла».

Этими словами Герценъ заканчиваетъ разсказъ о «случаѣ», добавляя, впрочемъ, пояснительную фразу: «Какъ хороша природа, когда человѣкъ, забываясь, отдается ей, теряется въ ней». Затѣмъ для Герцена послѣдовала жестокая расплата за его опрометчивое увлеченіе.

Ему показалось, что Нат. Ал. что-то слышала, что-то подозреваетъ. Поэтому онъ рѣшился разсказать ей все, что было, несмотря на то, что подобныя исповѣди—дѣло слишкомъ трудное. Герцену исповѣдь казалась «необходимымъ очищеніемъ, экспіаціей, восстановленіемъ откровенной чистоты отношеній» между нимъ и женой. Онъ боялся, что молчаніе можетъ потрясти, испугать Нат. А—ну. Вышло не то, чего ожидалъ Герценъ. Его исповѣдь страшно поразила Наталью А—ну. Ей показалось, что и она увлечена въ какое-то «паденіе»... Ясно, что она была оскорблена,—пожалуй, даже унижена и какъ женщина и какъ человѣкъ. Катеринѣ она не сказала ни одного обиднаго слова; даже не сдѣлала ей намекъ о томъ, что ей все извѣстно. Она отпустила Катерину съ такой кротостью, что

¹⁾ Въ рукописи далѣе стоитъ зачеркнутое начало фразы: «Не отдавая отчета, подъ чарами непреодолимаго магнетизма»...

«простая женщина, рыдая, на колѣняхъ передъ ней, сама рассказала ей, что было, и—все же наивное дитя народа—просила прощенія».

Но эта сдержанность въ отношеніи къ «соперницѣ» была лишь простымъ проявленіемъ собственнаго достоинства. Подъ оболочкой внѣшняго спокойствія внутри бушевалъ вихрь смѣшанныхъ чувствъ и ревности, и обиды, и негодованія. Не даромъ же она подала своему кумиру реплику, на которую онъ съ величайшимъ трудомъ, путемъ софизмовъ и натяжекъ, старается если не оправдать свой поступокъ, то хоть придумать настолько удовлетворительное объясненіе ему, чтобы явилась возможность къ примиренію. «Развѣ случившееся не подтверждало праздность сердца? Въ противномъ случаѣ развѣ оно не притивустояло бы первому искушенію и какому? И гдѣ? Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. И кто соперница? Кому она пожертвована? Женщинѣ, вѣшавшейся каждому на шею».

Всю силу своего громаднаго ума, всѣ свои необычныя діалектическія дарованія Герценъ пускаетъ въ ходъ, чтобы дать на эти вопросы такіе отвѣты, которые позволили бы ему соблюсти свое достоинство.

Ужаснѣе всего для Герцена было то, что Нат. А.—на отъ потрясенія занемогла. Герценъ очутился въ очень тяжеломъ положеніи не только передъ женой, но и передъ самимъ собой. И съ какимъ трудомъ дается ему самореабилитация! Обычно Герценъ пишетъ легко, почти безъ помарокъ; мысль выливается на бумагу свободно и всегда въ красивыхъ и вполне законченныхъ формахъ. На этотъ разъ его покидаютъ свойственныя ему блестящія стилистическія дарованія. Герценъ по нѣсколько разъ подъ рядъ пытается выразить какую-нибудь мысль и никакъ не можетъ найти подходящаго выраженія для нея. То мѣсто рукописи, гдѣ описываются послѣдствія «случая», все испещрено зачеркнутыми фразами. Въ послѣдней редакціи текста очень много вставокъ и дополненій. Порой встрѣчаются похеренными цѣлыя страницы. Характерно, что Герценъ не могъ найти въ себѣ достаточнаго спокойствія даже тринадцать лѣтъ спустя послѣ инцидента (середина «Былого и Думъ» писана между 1855 и 1856 гг.). Болѣе того—онъ попытался вернуться къ этимъ «проклятымъ вопросамъ» черезъ 23 года послѣ того, какъ они впервые встали передъ нимъ съ особенной остротой. И результатъ оказался не лучше: «проклятые вопросы» попрежнему мало разъяснились.

Каковъ же былъ ходъ мыслей Герцена, когда онъ, поставленный лицомъ къ лицу съ своей совѣстью, страстно стремился уяснить и осмыслить себѣ случившееся, найти приличное ему объясненіе, чтобы можно было успокоить и мятущуюся совѣсть и перекинуть мостъ къ примиренію съ Натальей Александровной.

Первая мысль, которая пришла въ голову послѣ разказа о «случаѣ», носитъ парадоксальный характеръ. «Какъ хороша при-

рода, когда человекъ, забываясь, отдается ей, теряется въ ней», говорить онъ. Но, высказавши этотъ афоризмъ, Герценъ не могъ не почувствовать всей его рискованности. Вслѣдъ за этой мыслью онъ сейчасъ же оправдываетъ себя тѣмъ, что въ минуту физическаго сближенія съ Катериной онъ любилъ ее. Позднѣе онъ дѣлаетъ вставку: «И будто въ этомъ упоеніи было что-нибудь безнравственное... кто-нибудь обиженъ, оскорбленъ—и кто же?—ближайшее, самое дорогое мнѣ существо на землѣ»...

Какъ же примирить это увлеченіе съ любовью къ Нат. А—нѣ, самому дорогому для него существу на землѣ? Герценъ видитъ единственный приличный выходъ изъ того невозможнаго положенія, въ коемъ онъ очутился, лишь въ томъ, что его страстное увлеченіе носило слишкомъ мимолетный характеръ; оно не овладѣло имъ; тутъ не было корней ни съ той, ни съ другой стороны (съ ея стороны врядъ было ли и увлеченіе). Ему кажется, что «все прошло бы безслѣдно, оставя по себѣ улыбку знойнаго воспоминанія и, можетъ, раза два вспыхнувшую краску на щекахъ»... Герценъ признается, что онъ виноватъ въ томъ, что «необдуманно былъ мною пущенъ камень... остановить, направить было внѣ моей воли»... Post factum онъ терзаетъ себя: «Зачѣмъ я не подумалъ о послѣдствіяхъ и не остановился—не передъ самымъ поступкомъ, а передъ тѣмъ отраженіемъ, которое онъ долженъ былъ вызвать,—въ существѣ такъ неразъмыслимо тѣсно связанномъ со мной». Въ самомъ поступкѣ онъ не видитъ ничего безнравственнаго, но онъ долженъ былъ помнить «точку зрѣнія, съ которой женщина, самая развитая и давно покончившая съ христіанствомъ, смотритъ на измѣну, не дѣлая никакихъ различій, не принимая никакихъ облегчающихъ причинъ».

По мнѣнію Герцена, слѣдовало бы «серьезно, честно» разбить въ женщинѣ эти предразсудки. Но никто этого не дѣлаетъ, всѣ изъ боязни обходятъ эти проклятые вопросы, и предразсудки разбиваются только опытомъ—оттого ломается не предразсудокъ, а жизнь.

Для Нат. А—ны ударъ былъ такъ силенъ, что вѣра въ мужа поколебалась; «идолъ былъ разрушенъ, фантастическія мученія уступили факту»...

Герценъ смотрѣлъ на фактъ легко. Онъ чувствовалъ, что Наташа никому не была пожертвована и что «если бы эта женщина не была легкой женщиной, то ничего бы и не было». Но, съ другой стороны, онъ понималъ и то, что оно могло такъ казаться, т. е. что Катерина явилась соперницей Наташи, что любимое существо пожертвовано первой встрѣчной «легкой» женщинѣ...

«Борьба на смерть» шла внутри Натальи Александровны, душевныя муки сломили и безъ того слабое тѣло. А Герценъ стоялъ возлѣ страдальцы «свидѣтелемъ бѣдъ», имъ же надѣланныхъ,— и больше чѣмъ свидѣтелемъ,—«собственнымъ обвинителемъ, готовымъ идти въ палачи».

И внутри Герцена началась борьба. Она скоро приняла характер «цѣлой психической болѣзни, — отъ покаянія и себя обвиненія до ропота и нетерпѣнія, отъ смиренія и слезъ до негодованія»... ¹⁾ Его «воображеніе перевернулось» — паденіе принимало все большіе и большіе размѣры. «Я понизился въ собственныхъ глазахъ, — пишетъ онъ, — и былъ близокъ къ отчаянію»...

Картину душевныхъ страданій Герцена, мучительныя объясненія его съ женой намъ нѣтъ надобности воспроизводить, — все это имѣется въ «Дневникѣ» (1843 г.). Герценъ, несмотря на свою геніальность, въ перифразѣ оказался ничуть не лучше, чѣмъ въ первоначальномъ текстѣ, — поэтому повтореніе, хотя бы и въ иныхъ выраженіяхъ, мы считаемъ излишнимъ.

Взаимное мучительство и страданія въ одиночку, конечно, не могли продолжаться безконечно. Всеисцѣляющее время должно было затянуть раны, какъ бы онѣ глубоки ни были.

Какъ же сложилась жизнь Герценовъ послѣ пережитыхъ страданій? «Исчезло утреннее, алое освѣщеніе, — пишетъ Герценъ, — и когда миновали бури и разсѣялись мрачныя тучи — мы были больше умны и меньше счастливы» ²⁾.

Раны же затянулись, но не совсѣмъ. У Натальи Александровны онѣ, повидимому, продолжали сочиться вплоть до ея ухода отъ Герцена. Ясно, что вѣра въ мужа къ ней болѣе не возвращалась. Правда, она сама потомъ вернулась къ нему отъ Гервега, но вернулась разбитая, измученная, — вернулась только для того, чтобы вскорѣ умереть около человѣка, котораго когда-то считала полубогомъ.

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ зачеркнутое: «...и до того, наконецъ, что, возмутившись своей казною, я снова взбунтовался и сталъ на ноги»...

²⁾ Трудно удержаться, чтобы не привести двухъ зачеркнутыхъ окончаній послѣдняго эпизода, т. к. у Герцена нерѣдко похеренное бываетъ интереснѣе предназначеннаго къ печати. Вотъ первый зачеркнутый конецъ: «Тяжелъ крестъ знанія, и не всѣ плечи могутъ вынести его (и не всѣ сначала примиряются съ нимъ). Сны должны были когда-нибудь исчезнуть. Неужели въ самомъ дѣлѣ — «Nur der Irrthum ist das Leben», — какъ говорить поэтъ.

«Побѣда не въ томъ, чтобы оставаться при дѣтскихъ вѣрованіяхъ, не въ томъ, чтобы, лишаясь ихъ, бросать все за бортъ, — а въ томъ, чтобы изъ борьбы выйти и шире, и сильнѣе, и человѣчественнѣе.

«Это такъ и было».

Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ приписка, тоже зачеркнутая:

«Строки эти были писаны между 1855 и 1856 годами. Съ тѣхъ поръ прошло 10 лѣтъ, а затронутые вопросы мало разъяснились. Вѣчно тѣ же, возникающіе въ каждомъ положеніи, въ каждой драмѣ... и ускользающіе, забываемые по минованіи надобности — они остаются неуловимыми, темными силами, грозящими, и портятъ жизнь, какъ какія-то темныя силы.

«И захотѣлось опять поговорить, опять погоняться за ними и хоть немного приподнять ихъ маску. Лѣта и опытъ дали новыя силы».

На оборотѣ написано: «Проклятые вопросы, которыхъ обойти нельзя».

Кир. Левинъ.

М. В. Бутаевичъ-Петрашевскій.

Біографическій очеркъ преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ.

(Продолженіе).

IV.

Пятницы М. В. Петрашевскаго въ 1845—48 годахъ.

Большую роль въ пропагандѣ фурьеризма сыграли званые вечера Петрашевскаго. Въ одномъ изъ своихъ показаній онъ говоритъ, что назначилъ пятницу «для приѣма пріятелей» въ февралѣ или мартѣ 1846 г., но до 1848 г. на его вечерахъ было мало гостей, и въ теченіе этого времени «рѣчей никто не говорилъ, а былъ обыкновенный, простой разговоръ». Однако, судя по показаніямъ Барановскаго и Есакова, пятницы Петрашевскаго начались еще въ 1845 году. Такъ сказано и въ запискѣ слѣдственной комиссіи, и въ докладѣ генераль-аудиторіата ¹⁾; Энгельсонъ показалъ даже, будто бы онъ бывалъ на собраніяхъ Петрашевскаго въ 1844 году.

Барановскій, служившій тогда въ Сенатѣ, познакомился съ Петрашевскимъ осенью 1845 г. у профессора Казанскаго университета Ратовскаго, командированнаго въ Сенатъ для изученія порядка дѣлопроизводства, и затѣмъ сталъ посѣщать Петрашевскаго. «У него были тогда,—говоритъ Барановскій,—назначенные дни — пятницы, въ которыя собиралось нѣсколько молодыхъ людей», а именно, писатели М. Е. Салтыковъ, Валер. Ник. Майковъ, Р. Штрандманъ, поэтъ Алексѣй Ник. Плещеевъ (неокончившій курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ по восточному факультету), студенты того же университета Влад. Алексѣев. Милютинъ, Александръ Влад. Ханыковъ, познакомившійся съ Петрашевскимъ у Плещеева въ 1845 г. и побудившій въ 1848 г. Н. Г. Чернышевскаго заняться изученіемъ сочиненій Фурье, Баласогло (или Баласъ-Оглу), товарищъ Петрашевскаго по службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, окончившій курсъ лица Евг. Сем. Есаковъ, Кайдановъ.

¹⁾ По словамъ слѣдственной комиссіи, Петрашевскій сталъ собирать своихъ знакомыхъ, «преимущественно изъ воспитателей, молодыхъ литераторовъ и студентовъ, кончившихъ или оканчивавшихъ курсъ съ цѣлью, нынѣ обнаруженною, чтобы потрясать умы социальными книгами, разговорами и рѣчами», дѣйствовать на молодое поколѣніе, «не производить самому возстанія», но «мало-по-малу нанести ударъ правительству и настоящему порядку вещей».

Михайловъ и друг. «Иногда разбиралось какое-нибудь ученое или литературное произведеніе», завязывались споры по вопросам политической экономіи. Петрашевскій говорилъ о системѣ Фурье, какъ о «самой лучшей и удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ человѣческимъ», и слушатели сочувственно относились къ его словамъ ¹⁾. Лѣтомъ 1846 г. Петрашевскій уѣзжалъ на нѣсколько недѣль въ деревню ²⁾. Зимой 1846 — 47 г. явились новыя лица: писатели Ф. М. Достоевскій и Апол. Н. Майковъ (служившій бібліотекаремъ въ Румянцевскомъ музеѣ, который тогда находился въ Петербургѣ), Ольдекопъ, чиновникъ Чириковъ, неокончившій курса въ Петербургскомъ университетѣ Пл. Дѣвѣ. Въ эту зиму, по свидѣтельству Барановскаго, вечера Петрашевскаго, прежде носившіе научный характеръ, стали гораздо разнообразнѣе. «То Баласогло вооружался противъ семейственности и всѣхъ ея условій», то Петрашевскій говорилъ о «преимуществахъ публичнаго производства суда; Ольдекопъ трактовалъ о магнетизмѣ, защищалъ противъ Петрашевскаго мистицизмъ», рассказывались анекдоты о профессорахъ, при чемъ отличались преимущественно самъ хозяинъ и Плещеевъ. Къ веснѣ 1847 г. составъ кружка Петрашевскаго измѣнился: къ нему перестали ѣздить Милютинъ, Штрандманъ, Салтыковъ, Есаковъ (у послѣдняго произошла, кажется, съ Петрашевскимъ ссора изъ-за книгъ). Затѣмъ Салтыковъ 28 апрѣля 1848 г. былъ высланъ изъ Петербурга за двѣ его повѣсти, напечатанныя въ журналахъ, а А. Майковъ въ 1847 — 49 гг. бывалъ на пятницахъ Петрашевскаго всего раза три и участвовалъ только въ разговорахъ о литературѣ.

Зимой 1847 — 48 г., по словамъ Барановскаго, кромѣ прежнихъ посѣтителей — Достоевскаго, Плещеева, Баласогло, Чирикова, Ханыкова, у Петрашевскаго стали бывать: Ник. Александр. Спѣшневъ, богатый курскій помѣщикъ, жившій нѣсколько лѣтъ за границей, человѣкъ широко образованный, радикальнаго образа мыслей, послѣдователь не фурьеризма, а коммунизма ³⁾, писатели С. Ф. Дуровъ и А. И. Пальмъ (офицеръ л.-гв. егерскаго полка), два брата Дебу, Кузьминъ, Александръ Модерскій. Спѣшневъ, Дебу I и Баласогло обыкновенно бесѣдовали отдѣльно въ кабинетѣ Петрашевскаго, остальные въ другой комнатѣ: Дебу 2-й и Ханыковъ, въ особенности послѣдній, толковали объ ученіи Фурье, «излагали нѣкоторыя его части, опровергали ученіе коммунистовъ»,

¹⁾ «И сами восхваляли систему Фурье», прибавляетъ другой свидѣтель.

²⁾ «Помнится для межевалія», сообщаетъ Есаковъ.

³⁾ Подробнѣе мы будемъ говорить о немъ далѣе. Печатаемый въ «Голосѣ Минувшаго» снимокъ съ прекраснаго портрета Н. А. Спѣшнева полученъ мною отъ его невѣстки Екатерины Николаевны Спѣшневой, вдовы сына Николая Александровича, ученаго специалиста по естествознанію, умершаго на Кавказѣ. Приношу ей глубочайшую признательность.

доказывая, что основаніе его — «абсолютное равенство — противорѣчить видимымъ законамъ природы», Дуровъ говорилъ съ исторической точки зрѣнія о союзѣ родственномъ и доказывалъ, что «родственные связи опутываютъ личность человѣка; Баласогло, иногда вступавшій въ разговоръ, поддерживалъ Дурова». Таково показаніе Барановскаго, наиболѣе подробное изъ всѣхъ показаній о пятницахъ Петрашевскаго.

Къ числу довольно раннихъ знакомыхъ Петрашевскаго принадлежалъ Ник. Як. Данилевскій, извѣстный впоследствии авторъ книги «Россія и Европа», теоретикъ націонализма. Окончивъ курсъ въ лицѣ въ концѣ 1842 г., онъ записался на службу въ канцелярію военнаго министерства, но должности никакой не занималъ, а по праву, данному питомцамъ лицея, съ 1843 г. слушалъ курсъ естественныхъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ. Уже въ это время онъ славился, какъ знатокъ фурьеризма. Н. Страховъ вспоминалъ впоследствии, какъ однажды во время его пребыванія въ университетѣ «между студентами вдругъ пронесся говоръ: «Данилевскій! Данилевскій!», и Страховъ «увидѣлъ, какъ около высокаго молодого человѣка, одѣтаго не въ студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Всѣ жадно слушали, что онъ говоритъ; ближайшіе къ нему задавали вопросы, а онъ отвѣчалъ и давалъ объясненія. Дѣло шло о бытіи Божіемъ и о системѣ Фурье»¹⁾. Въ 1846 г. Данилевскій выдержалъ экзаменъ на степень кандидата, а въ началѣ слѣдующаго года вышелъ въ отставку, желая всецѣло посвятить себя занятіямъ естествознаніемъ. Съ Петрашевскимъ онъ познакомился въ 1844 г. и затѣмъ бывалъ у него, какъ по пятницамъ, такъ и въ другіе дни, но съ іюня 1846 г. до октября 1847 находился внѣ Петербурга. На собраніяхъ у Петрашевскаго, какъ показалъ во время слѣдствія Данилевскій, обмѣнивались мыслями, сообщали другъ другу «идеи, касавшіяся различныхъ... современныхъ социальнымъ вопросамъ». Разговоры были преимущественно «содержанія теоретическаго». Другой знатокъ ученія Фурье, Ханыковъ, сталъ посѣщать пятницы Петрашевскаго съ 1846 г., и на него произвели сильное впечатлѣніе слова Михаила Васильевича, которыя тотъ любилъ повторять: «Прежде чѣмъ дѣйствовать, — нужно учиться. Надъ нами еще гремитъ насмѣшливый стихъ Пушкина: «Мы всѣ учились понемногу — чему-нибудь и какъ-нибудь»... Если бы понадобилось, — начнемъ наше образованіе съ азбуки... Мнѣ нравилось, — прибавляетъ Ханыковъ, — это откровенное желаніе учиться», и оно сблизило меня съ нимъ²⁾.

Едва ли не болѣе всѣхъ цѣнили вечера Петрашевскаго Александръ Пантелейм. Баласогло, сынъ генерала, служившаго въ

¹⁾ Н. Я. Данилевскій. «Россія и Европа». Спб. 1868 г., стр. VII.

²⁾ Д. Д. Ахшарумовъ утверждаетъ на слѣдствіи, что Ханыковъ первый изъ знакомыхъ Петрашевскаго усвоилъ языкъ его вліяніемъ ученія Фурье.

интенданствѣ черноморскаго флота, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы во флотѣ сдѣлавшійся чиновникомъ сначала въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а затѣмъ въ главномъ петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Трагедію его жизни составляло то, что онъ не могъ удовлетворить своимъ научнымъ стремленіямъ къ изученію этнографіи и филологіи (ему очень хотѣлось изучать восточные языки), такъ какъ необходимость содержать большое семейство принуждала его тянуть чиновничью лямку. Ему удавалось имѣть кое-какіе литературные заработки, пробовать онъ писать и стихи, и это нѣсколько сблизило его съ литературною средою. Баласогло сталъ мечтать о томъ, чтобы предпринять изданіе, въ которомъ бы «всякая живая душа нашла себѣ отрадную мысль, пріятную черту, примѣръ доблести, отечественное воспоминаніе брильянтъ изъ науки, картину, смягчающую ожесточенное сердце... Потомъ, если бы мнѣ это удалось, читатели втянулись (бы) въ направленіе, явились (бы) писатели, художники, ученые, — можно начать изданіе и посолидиѣе, можно мало-помалу пустить въ общество цѣлый всемірный кругъ идей, дать ему въ руки цѣлый сводъ учебниковъ по всѣмъ предметамъ, составленныхъ не на живую нитку, но созданныхъ органически, по одной общечеловѣческой логикѣ». Онъ началъ посѣщать писателей, но литературные круги ему не нравились. Онъ не могъ найти въ нихъ удовлетворенія своимъ стремленіямъ, не могъ отвести душу, пока не познакомился (около 1845 г.) съ Петрашевскимъ. Баласогло разочаровался въ писателяхъ - «либералахъ» съ ихъ «бѣлыми перчатками, съ ихъ обѣдами и попойками, съ ихъ криками и карточными островами», съ ихъ холоднымъ равнодушіемъ къ идеямъ и чувствамъ. Онъ рѣшилъ «поискать другихъ людей, помолже, попроче, посвѣжѣе и покрѣпче душой. И я, — продолжаетъ онъ, — къ неопisanному своему восторгу нашелъ» много такихъ людей, — людей совершенно простыхъ и благородныхъ, не только толкующихъ, но и вѣрующихъ въ идеи и занимающихся каждый своимъ предметомъ не изъ поденщины, какъ все литературное мѣщанство, а по органической необходимости для всего своего существа. Всего пріятнѣе была для меня встрѣча съ однимъ изъ такихъ людей, съ тѣмъ, который довольно долго... слытъ чело-вѣкомъ безпокойнымъ, пустымъ, безграмотнымъ, такимъ, для котораго нѣтъ ничего святого, — это былъ Петрашевскій». Особенно полюбилъ его Баласогло, когда, послѣ февральской революціи во Франціи, у насъ наступила дикая реакція, и эта любовь дала ему нравственную силу говорить о Петрашевскомъ въ своихъ показаніяхъ въ тонѣ, необычномъ для многихъ его товарищей по дѣлу ¹⁾).

1) Въ бесѣдахъ съ Антонелли Петрашевскій говорилъ о Баласогло, «какъ о своемъ пріятелѣ, съ которымъ онъ часто видится».

«Когда по случаю западныхъ происшествій цензура всей своей массой обрушилась на русскую литературу и, такъ сказать, весь литературно-либеральный городъ прекратилъ по домамъ положенные дни, одинъ Петрашевскій нимало не поколебался принимать у себя своихъ друзей и короткихъ знакомыхъ; это обстоятельство, признаюсь, «привязало меня къ нему навѣки». Онъ, какъ и всѣ его гости, очень хорошо зналъ, что правительство, внимая чьимъ бы то ни было ябедамъ,... во всякую минуту могло схватить, такъ сказать, весь его вечеръ и начать розыски,—и не смутился духомъ; слѣдовательно, его совѣсть была спокойна; слѣдовательно, онъ готовъ былъ дать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ во всякую минуту; слѣдовательно, онъ вѣровалъ въ то, что исповѣдывалъ. Я, который до того, признаюсь, хотя и въ весьма незначительной степени, но все-таки, не довѣряя однимъ своимъ наблюдениямъ, иногда беспокоился насчетъ его основныхъ задушевныхъ пожеланій, былъ восхищенъ этимъ рѣшительнымъ признакомъ души благородной...

«Едиственная явная и неопровержимая общая намъ всѣмъ цѣль,—разсказываетъ Баласогло о вечерахъ Петрашевскаго,—была, во-первыхъ, убѣжище отъ картъ и либеральной болтовни, наводящей на душу грусть до изнеможения ума и воли; во-вторыхъ, обмѣнъ понятій и кровныхъ убѣжденій посредствомъ разговора, чтенія статей и пренія, которое иногда вызывало цѣлыя связныя рѣчи одного лица къ многимъ; въ-третьихъ, сообщеніе, какъ и вездѣ другъ другу, городскихъ и другихъ новостей и всѣхъ частныхъ свѣдѣній... Каждую пятницу сходились обыкновенно человѣкъ отъ 7 до 10; часто бывало до 15, а разъ въ годъ, когда онъ праздновалъ день своихъ именинъ или рожденія, — до 20 и до 30. О чемъ были сужденія, рѣчи, пренія? Рѣшительно обо всемъ: каждый сообщалъ свои личные свѣдѣнія и взгляды на ту науку, которую онъ непосредственно занимался: перевѣсь брали, безъ всякаго сомнѣнія, науки общественныя, идеи были въ самомъ огромномъ большинствѣ случаевъ не однихъ фурьеристовъ, коммунистовъ, утопистовъ или конституціоналистовъ, а вообще всѣхъ социалистовъ, разсматриваемыя каждымъ лицомъ сравнительно и со своей личной точки зрѣнія: кто во что вѣровалъ, тотъ то и доказывалъ. Большого согласія никогда не было; общая точка соприкосновенія—одна короткость, или дружба, или удовольствіе новаго, пріятнаго знакомства.

«Какіе наше общество имѣло уставы, внѣшнія формы и т. п.? Никакихъ, такъ какъ оно никогда не бывало и никогда не думало быть обществомъ, а было только простое собраніе знакомыхъ, тѣсно связанныхъ взаимными чувствами и отношеніями,—у него и не могло быть никакихъ уставовъ и внѣшнихъ формъ, кромѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ, общихъ всему образованному міру. Скорѣе всего, чтобы опредѣлить дѣло однимъ словомъ, это было одно семейство, только семейство не кровное, а чисто духовное и свѣтское, семейство по узамъ науки и общежитія. У насъ былъ, говорятъ, колокольчикъ и председатель? Объ этомъ колокольчикѣ прозвенѣли уши цѣлому городу тѣ невинныя, но жалкія существа либеральной породы, которыхъ я называю мальчишки-перебѣжчики, ребятишки-переносчики... Колокольчикъ, дѣйствительно, почти всегда лежалъ на столѣ... Я не разъ просилъ Петрашевскаго удалить..., во избѣжаніе впредь всякихъ толковъ въ городѣ, колокольчикъ въ другую комнату; но онъ мнѣ отвѣчалъ: «Собака лаеетъ, вѣтеръ носитъ! Если ужъ толкуютъ, значить, будутъ толковать и о томъ, что у Петрашевскаго уже нѣтъ на столѣ колокольчика, а поэтому и не видно, кто председатель!»—и онъ былъ совершенно правъ. Какія рѣчи говорились о правительствѣ?.. Все, что было дѣйствительно рѣзкаго..., такъ это перечень и аттестація всѣхъ лицъ, употребляющихъ торжественно на всю Россію и свою власть и неограниченное къ нимъ довѣріе государя императора. Въ этомъ болѣе и яростнѣе всѣхъ отличался, конечно, я первый... Не разъ не только у Петрашевскаго, но и всюду, гдѣ только считалъ, что говорю какъ бы самъ съ собою, въ своемъ собственномъ

умѣ, я дерзаль осуждать и... самого государя императора, изумляясь, какъ онъ не видитъ, что надъ нимъ и вокругъ него дѣлается, и почему онъ никогда не удостоилъ спросить лично управляемыхъ, каково имъ жить и существовать подъ своими управляющими, и не въ публикѣ, а наединѣ, каждое, любое человеческое существо порознь, на что его величество имѣть тысячи возможностей».

Въ періодъ своихъ мечтаній объ издательской дѣятельности Баласогло написалъ проектъ учрежденія въ Петербургѣ общества ученыхъ и любителей просвѣщенія и устройства имъ книжнаго склада для возможно болѣе дешеваго изданія и распродажи книгъ съ библіотекою для чтенія и собственною типографіею и литографіею. Предполагалось завести сношенія въ Россіи, чтобы узнавать запросы публики и въ самомъ скоромъ времени удовлетворять ихъ, а для приобрѣтенія иностранныхъ книгъ — съ за границею. Проектъ этотъ былъ прочтенъ авторомъ на собраніяхъ у Петрашевскаго въ надеждѣ найти участниковъ и сотрудниковъ для осуществленія этого обширнаго плана. Слѣдственная комиссія увидѣла въ проектѣ Баласогло «духъ либеральной пропаганды» и «преступную политическую цѣль». Хотя составитель его и утверждалъ, что «руководствовался лишь стремленіемъ къ просвѣщенію себя и другихъ средствами науки и искусства въ предѣлахъ, освящаемыхъ законами и добрыми нравами», но, вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду, насколько это было возможно при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, и распространеніе социалистическихъ идей. Если это такъ, то крушеніе изданія «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ» должно было очень охладить благородный пылъ Баласогло. Дѣломъ устройства склада были заинтересованы братья Майковы, вкладчиками изъявляли готовность быть вильмандстрандскій купецъ первой гильдіи Татариновъ и чиновникъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ Булгаковъ, но проектъ все же не осуществился ¹⁾.

До 1848 г. собранія у Петрашевскаго отличались менѣе упорядоченнымъ характеромъ, чѣмъ позднѣе, какъ это видно, на примѣръ, изъ слѣдующихъ словъ А. Н. Плещеева: «На нихъ собиралось иногда очень много, человѣкъ до 20 и болѣе, иногда же, напротивъ, кружокъ весьма ограниченный. Въ первомъ случаѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, почти никогда не завязывалось общаго разговора. Всѣ раздѣлялись на маленькія группы, и въ каждой шель свой разговоръ. Изрѣдка только, если между двумя какими-нибудь лицами завязывался споръ, могуцій интересовать всѣхъ, какъ, на примѣръ, объ искусствѣ, литературѣ, о вопросахъ науки, не слишкомъ спеціальныхъ, то спорящихъ окружали, и кто-нибудь

¹⁾ Баласогло читалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго отрывки изъ какого-то большаго и неоконченнаго сочиненія «Объ изложеніи наукъ», котораго въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ.

изъ постороннихъ вызывался быть посредникомъ, т.-е. наблюдать, чтобы спорящіе давали другъ другу вполне развитъ свою мысль, а не перебивали бы другъ друга безпрестанно; также записывать для памяти имена постороннихъ, которые желали по окончаніи спора сдѣлать на нѣкоторые пункты возраженія».

Несмотря на то, что въ 1844 г. Петрашевскій подвергался полицейскому надзору, его пятницы до поры, до времени не обращали на себя вниманія полиціи. Но дѣло тотчасъ же измѣнилось, когда онъ вздумалъ публично затронуть крестьянскій вопросъ. Въ февралѣ 1848 г. разнесся слухъ, какъ видно изъ официального доклада о Петрашевскомъ, что какая-то литографированная записка ходитъ по рукамъ дворянъ Петербургской губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ чиновнику особыхъ порученій при немъ Липранди ¹⁾ достать экземпляръ ея. Это было нетрудно, такъ какъ она была роздана на выборахъ многимъ дворянамъ. Оказалось, что она носила заглавіе «О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній» и имѣла подпись: «дворянинъ С.-Петербургской губерніи, землевладѣлецъ и избиратель М. Буташевичъ-Петрашевскій». Упомянувъ о томъ, что цѣна населенныхъ имѣній ниже дѣйствительной цѣнности, Петрашевскій считаетъ причинами этого явленія: предоставленіе владѣнія населенными имѣніями одному только классу, недостаточность употребляемыхъ на это дѣло капиталовъ, малое развитіе кредита и др. Для устраненія вреднаго вліянія этихъ причинъ онъ предлагалъ: 1) Предоставить купцамъ право пріобрѣтать населенныя земли подъ условіемъ дѣлать живущихъ на этихъ земляхъ крестьянъ обязанными (на основаніи закона 2 апрѣля 1842 г.) вмѣстѣ съ дарованіемъ такимъ купцамъ-землевладѣльцамъ права участвовать съ правомъ голоса въ дворянскихъ собраніяхъ по дѣламъ, относящимся до обоихъ сословій какъ землевладѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ полезнымъ предоставить крестьянамъ право выкупаться на волю за опредѣленную сумму. Петрашевскій почему-то предполагалъ, что вслѣдствіе этого до 500 милліоновъ руб. асс., и даже

¹⁾ Иванъ Петровичъ Липранди, потомокъ испанскихъ дворянъ, во время Отечественной войны былъ полковникомъ генеральнаго штаба, въ битвѣ подъ Смоленскомъ получилъ тяжелую контузію въ колѣно; по взятіи Парижа назначенъ начальникомъ русской военной и политической полиціи во Франціи. По окончаніи войны вышелъ въ отставку и занялся изученіемъ восточнаго вопроса, собралъ по этому предмету обширную бібліотеку и написалъ много монографій. Предъ турецкой войною 1828 г. былъ посланъ на мѣсто предстоящихъ военныхъ дѣйствій для собранія политическихъ, военныхъ и этнографическихъ свѣдѣній. По вступленіи въ управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, занялъ по его приглашенію мѣсто чиновника особыхъ порученій. Производитъ официальные разслѣдованія о старообрядцахъ и сектантахъ,—скопцахъ и др. *И. Арсеньевъ*. «Слово живое о неживыхъ». «Историч. Вѣстн.», 1887, № 4, стр. 71—73.

болѣе, изъ купеческихъ капиталовъ обратится на пріобрѣтеніе населенныхъ земель. Къ облегченію способовъ пріобрѣтенія такихъ земель купцами на указанномъ выше основаніи можетъ служить дозволеніе имъ дѣлать ссуды дворянамъ подъ ихъ имѣнія. 2) Ввести «гипотетическія книги» (ипотеки) на томъ же основаніи, какъ въ Пруссіи. 3) Устроить кредитныя земскія учрежденія, какъ въ Польшѣ. 4) Учредить дворянскіе, «или, лучше сказать, земледѣльческіе банки». 5) Уменьшить въ одинаковомъ размѣрѣ проценты, какъ платимые кредитнымъ учрежденіемъ за ссуженныя деньги, такъ и уплачиваемыя этими учрежденіями за отданныя имъ на храненіе капиталы. 6) Учредить сохранныя кассы во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и поручить пріемъ взносовъ въ нихъ всѣмъ приходскимъ священникамъ. Этой мѣрѣ Петрашевскій придавалъ преувеличенное значеніе, полагая, что она разовьетъ духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ и постепенно приготовитъ ихъ «къ пользованію дарами гражданской свободы и плодами своей свободной дѣятельности». Онъ даже думалъ, что эта мѣра такъ же, какъ и допущеніе купцовъ покупать дворянскія населенныя имѣнія, «важна тѣмъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, что значительную часть тяжести и неудобства, сопряженныхъ съ измѣненіемъ настоящихъ отношеній крестьянина, переноситъ на другіе классы». Но если обращеніе въ обязанные крестьянъ, живущихъ на покупаемыхъ купцами земляхъ, могло бы имѣть значеніе, то этого отнюдь нельзя сказать объ учрежденіи сберегательныхъ кассъ безъ огражденія собственности крѣпостныхъ крестьянъ, какъ движимой, такъ и недвижимой отъ помѣщичьей власти, безъ регулированія размѣра денежнаго выкупа за освобожденіе и проч. А Петрашевскій не коснулся этихъ болѣе важныхъ вопросовъ, очевидно, совершенно не надѣясь на поддержку петербургскихъ дворянъ. Кромѣ того, онъ предлагалъ: 1) учрежденіе при сохранныхъ кассахъ *mont-de-piété* на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онѣ существуютъ во Франціи съ присоединеніемъ права принимать подъ залогъ нѣкоторыя земледѣльческія произведенія; 2) улучшеніе формъ судопроизводства и надзора за административными властями: это, по его мнѣнію, не можетъ не имѣть вліянія на цѣнность имѣній «черезъ усиленіе кредита, наличнаго довѣрія между гражданами» и 3) пополненіе библиотекъ, находящихся при уѣздныхъ училищахъ, сочиненіями по сельскому хозяйству и связанными съ ними отраслями промышленности, съ предоставленіемъ безвозмезднаго пользованія этими книгами всѣмъ земледѣльцамъ и городскимъ жителямъ.

На принятіе всѣхъ этихъ мѣръ въ теченіе непродолжительнаго времени Петрашевскій возлагалъ преувеличенныя надежды: онъ полагалъ, что онѣ не только значительно увеличатъ цѣнность земельной собственности, но и разовьютъ въ народѣ многія

нравственныя и матеріальныя силы, находящіяся «въ дремотномъ состояніи», положить начало самопознанію и сознанію своего общественнаго значенія въ тѣхъ классахъ, которые до тѣхъ поръ были ему совершенно чужды. Въ заключеніе Петрашевскій изъявлялъ готовность, если этого пожелаетъ петербургское дворянство, подробно изложить всѣ эти мѣры и словесно разрѣшить всѣ недоразумѣнія и разнаго рода вопросы, которые могутъ возникнуть по этому поводу ¹⁾.

Въ официальныхъ сферахъ придали этой запискѣ чрезмѣрное значеніе ²⁾. Петербургскій губернскій предводитель дворянства Потемкинъ передалъ Петрашевскому желаніе государя, чтобы «о семъ предметѣ не было разсужденія». Въ разговорѣ съ Беклемишевымъ Петрашевскій сказалъ ему, что принесъ жалобу Сенату на министра внутреннихъ дѣлъ и намѣренъ жаловаться на губернскаго предводителя дворянства, который не допустилъ его предложенія до обсужденія, а Антонелли (агенту Липранди) Петрашевскій сказалъ, что, затѣвая дѣло противъ предводителя дворянства, надѣется осмѣять его и выиграть въ мнѣніи дворянъ.

Слѣдственная комиссія по дѣлу петрашевцевъ также придала очень важное значеніе запискѣ Петрашевскаго: въ своемъ докладѣ она повторила обвиненіе, что авторъ ея вышелъ «совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ», и въ подтвержденіе этого указала на то, будто бы Петрашевскій считаетъ «гибельнымъ для общественнаго благосостоянія вообще предоставленіе права владѣнія населенными землями одному только классу исключительно» (явная передержка: Петрашевскій полагалъ только, что это понижаетъ цѣнность дворянскихъ имѣній), «желаетъ введенія у насъ нѣкоторыхъ правилъ, существующихъ въ Пруссіи, Польшѣ и Франціи» (это были совершенно невинныя предложенія въ области кредита),

¹⁾ «Былое», 1906 г. № 4, стр. 61—63.

²⁾ Въ одномъ докладѣ о Петрашевскомъ было сказано: «Заголовокъ не соответствовалъ содержанію статьи, выходящей совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ въ подобныхъ случаяхъ закономъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ былъ придуманъ для одной только приманки, чтобы, воспользовавшись наступившими выборами, раздать записку многимъ дворянамъ, въ надеждѣ поселить въ нихъ нѣкоторыя идеи, противныя благоустройству государства и вредныя для общества. Усмотрѣвъ, что для достиженія общаго заглавіемъ *благоденствія*, авторъ находитъ необходимымъ поколебать существующій порядокъ вещей, предлагая *преобразованія* и *нововведенія*, вовсе не подлежащія обсужденію частныхъ лицъ, дворяне не только не вошли съ сочинителемъ въ дальнѣйшія обсужденія излагаемаго имъ предмета (на что онъ вызывался въ своей запискѣ), но, замѣтивъ противозаконное и злоумышленное развитіе идей, старались скрыть даже и то, что приняли отъ него записки эти, отзвываясь о сочинителѣ, какъ о *сумасшедшемъ*, чѣмъ онъ, впрочемъ, никогда не бывалъ. Содержаніе записки этой, розданной болѣе чѣмъ въ 200 экземпляровъ, слѣшкомъ ясно обнаруживаетъ цѣль автора: посѣять волю или неволю свои идеи въ тѣхъ, которые вдадутся въ обманъ заглавіемъ и прочитаютъ ее».

«писать, что мѣры эти дадутъ возможность крестьянамъ быть обязанными своему труду и благоразумію, а не пожертвованію другихъ своимъ освобожденіемъ, что нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна, какъ благонадежное средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы». Поставлено было въ вину Петрашевскому и то, что онъ желалъ улучшенія формъ судопроизводства и надзора за административными властями. Какъ видно изъ одной позднѣйшей его записки, онъ самъ хорошо понималъ, что «литографированный листокъ» по крестьянскому вопросу былъ началомъ его злоключеній.

Уже 27 февраля 1848 г. III отдѣленіе е. в. канцеляріи обратило вниманіе на то, что у Петрашевскаго, котораго характеризовали, какъ «приверженца коммунизма и другихъ новыхъ идей», каждую «пятницу собираются лицеисты, правовѣды и студенты университета». Вѣрно было «узнать, какого онъ поведенія и образа мыслей». 1 марта было сообщено, что, дѣйствительно, по пятницамъ у него бывають гости, но кто именно — неизвѣстно; относительно поведенія о немъ «отзываются, какъ о вѣтренномъ молодомъ человѣкѣ, но предосудительнаго ничего не замѣчено». 9 марта было сообщено невѣрное свѣдѣніе, будто бы у Петрашевскаго «играють въ карты», хотя и «очень мало», между тѣмъ какъ на пятницахъ картъ никогда не было ¹⁾ и будто бы «говорять между собою по-французски», почему содержаніе разговоровъ людямъ его неизвѣстно. По соглашенію шефа жандармовъ гр. Орлова и министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго было рѣшено сдѣлать видъ, будто бы записка Петрашевскаго о крестьянскомъ вопросѣ «правительствомъ не замѣчена, чтобы не возбудить подозрѣнія и большей осторожности въ сочинителѣ и не затруднить чрезъ это дальнѣйшихъ» относительно него разысканій, которыя (10 марта) возложены были на Липранди, и агенты III отдѣленія не должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ ²⁾. Соответственно этому, когда какой-то А. Г. спросилъ графа Орлова, «не прикажетъ ли онъ сдѣлать визиты» (къ Петрашевскому), то шефъ жандармовъ отозвался: «надобно имѣть болѣе положительныхъ данныхъ». Сообщая объ этомъ Дубельту, А. Г. прибавлялъ, что «приказалъ продолжать знакомство, но такъ какъ люди осторожные, то подаются весьма туго». Затѣмъ, когда 23 марта было предложено или «учредить бдительное секретное наблюденіе», или въ первый день собранія

¹⁾ Петрашевскій прямо говоритъ: нѣкоторые лица не посѣщали пятницъ, «зная, что не найдутъ у меня карточной игры».

²⁾ Графъ Орловъ въ докладѣ государю о Петрашевскомъ 21 апрѣля 1849 г. говоритъ: «Я, съ согласія гр. Перовскаго, предоставилъ ему весь ходъ этого дѣла».

«сдѣлать внезапный подробный обыскъ», то графъ приказалъ «прекратить наблюденія на нѣкоторое время, ибо» Петрашевскій «догадывается».

Такимъ образомъ записка Петрашевскаго очень повредила ему и его дѣлу пропаганды, а въ то же время она не понравилась и нѣкоторымъ изъ его знакомыхъ. Такъ, напримѣръ, А. Пальмъ говоритъ въ своемъ показаніи, что когда Петрашевскій далъ ему «литографированный листъ, программу того, что онъ хотѣлъ прочесть въ дворянскомъ собраніи, но до чего его не допустили», то листокъ этотъ «своею безграмотностью ¹⁾ и безтолковостью разочаровалъ» его въ Петрашевскомъ ²⁾. Посылалъ онъ этотъ листокъ и своему знакомому, Влад. Ив. Кайданову, находившемуся въ то время въ Ярославской губ., съ просьбою сообщить его тамошнему дворянству, но тотъ отвѣчалъ (15 дек. 1848 г. изъ Ростова) чрезъ своего брата рѣзко отрицательно:

«Я не могу проповѣдывать то, чему самъ не сильно сочувствую, а я не могу сочувствовать его проекту, какъ и всему тому, что ведетъ къ меркантильному феодализму и финансовой аристократіи; да къ тому же я не помѣщикъ, меня нисколько не интересуетъ возвышеніе цѣнности населенныхъ имѣній; пусть цѣны на имѣнія падаютъ ниже и ниже и даютъ государству возможность пріобрѣтать эти имѣнія отъ помѣщиковъ. Въ этомъ году въ Ростовскомъ уѣздѣ управляющій ярославской палатой государственныхъ имуществъ купилъ для казны съ публичнаго торга имѣніе здѣшняго предводителя дворянства Протасова по 120 руб. сер. за душу. Здѣсь говорятъ, что всѣ палаты государственныхъ имуществъ имѣютъ порученіе покупать имѣнія съ публичнаго торга, которыя продаются ниже 500 руб. асс. за душу, такъ что, по моему мнѣнію, стараться о возвышеніи цѣнности населенныхъ имѣній значитъ препятствовать правительству провести свою благую мѣру, скупить въ свою пользу населенныя имѣнія. А по-моему гораздо ужъ лучше крестьянамъ принадлежать государству, нежели купцамъ, à ces sangsues politiques, которые сумѣли къ своимъ деньгамъ присоединять еще и самые источники богатства, получать полную власть ворочать дѣлами государства, производить искусственные голода и прочія perfectibilités de l'immense commerce au profit des amis de commerce, какъ хочетъ Петрашевскій, а я ничего не сдѣлаю въ пользу того класса, который я никогда не любилъ и къ которому, прочитавъ Фурье, чувствую полное отвращеніе. Итакъ, дѣло рѣшенное, пусть на меня не надѣется».

Въ февралѣ 1849 г. Петрашевскій говорилъ Антонелли, что одно изъ его предложеній дворянскому собранію, заключающееся въ его литографированномъ листкѣ,—учрежденіе земледѣльческихъ банковъ—«пошло въ ходъ», и для разсмотрѣнія его составленъ

¹⁾ Записка написана дѣйствительно нѣсколько тяжелымъ слогомъ, но въ ней есть только одно совершенно неправильное выраженіе.

²⁾ По свидѣтельству П. М. Дебу, Ханьковъ по поводу записки Петрашевскаго вскрикнулъ даже: «да это измѣна!» Авторъ ея объяснилъ, что пріобрѣтеніе населенныхъ имѣній купцами съ переводомъ крестьянъ въ положеніе обязанныхъ можетъ облегчить рѣшеніе крестьянскаго вопроса, но это мало удовлетворило «фурьеристовъ». О. Θ. Миллеръ. «Матер. для жизнеопис. Достоевскаго» въ «Полномъ собр. соч. Достоевскаго», т. I, 1883 г., стр. 88—89.

комитетъ изъ принца Ольденбургскаго, Гофмана, Сенявина и другихъ; при этомъ онъ называлъ членовъ комитета «чистѣйшими дураками» за то, что, считая учрежденіе такихъ банковъ полезными, они не могутъ найти способовъ привести его въ исполненіе.

Съ 1848 г. характеръ вечеровъ Петрашевскаго измѣнился. «Въ маѣ 1848 г.,—говоритъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ показаній, — сдѣлалъ я предложеніе для прекращенія безсвязнаго разговора, чтобы всякій говорилъ о томъ, что лучше знаетъ», но вслѣдствіе разъѣзда на дачи оно не было приведено въ исполненіе. «Съ ноября же 1848 г. я старался, чтобы у меня на вечерахъ, по пятницамъ обыкновенно, кто-нибудь о чемъ-нибудь говорилъ», но такъ какъ нерѣдко не находилось охотниковъ, «то я самъ говорилъ о разныхъ предметахъ». Барановскій также свидѣтельствуесть, что «только въ 1848 г. осенью» разговоры по пятницамъ «получили характеръ какихъ-то рѣчей», произносимыхъ «отдѣльно каждымъ, такъ что, покуда говорилъ одинъ, другіе не могли его перебивать» и дѣлали «свои возраженія каждый поодиночкѣ». Но нужно замѣтить, что еще весною 1848 г. на пятницахъ у Петрашевскаго было сдѣлано Данилевскимъ изложеніе ученія Фурье.

По словамъ Спѣшнева, однажды вечеромъ въ мартѣ 1848 г. пришелъ къ нему Петрашевскій и сталъ бранить «собирающееся у него общество, называлъ его мертвечиной, говорилъ, что они ничего не знаютъ и учиться не хотятъ, что споры у него ни къ чему не ведутъ, потому что у нихъ всѣхъ основныя понятія не ясны». Затѣмъ, обратясь къ Данилевскому, который также пришелъ въ это время къ Спѣшневу, онъ предложилъ кратко изложить систему Фурье, а Спѣшнева просилъ разъяснить «религіозный вопросъ». Данилевскій, еще въ университетѣ славившійся какъ знатокъ системы Фурье, сталъ излагать ее на вечерахъ Петрашевскаго. Онъ и ранѣе дѣлалъ попытки пропагандировать ее среди своихъ товарищей по лицу, но потерпѣлъ неудачу ¹⁾, а затѣмъ говорилъ о немъ зимою 1847—48 г. и у Спѣшнева, также своего лицейскаго товарища ²⁾.

Изъ подробнаго письменнаго изложенія ученія Фурье, сдѣланнаго Данилевскимъ по требованію слѣдственной комиссіи, отчасти видно, на какія черты этого ученія онъ обращалъ вниманіе, хотя въ этомъ объясненіи, по понятнымъ причинамъ, онъ задавался цѣлью не столько излагать систему Фурье, сколько доказать ея

¹⁾ Въ своемъ показаніи онъ говоритъ: «Въ первое время послѣ того, какъ я познакомился съ этимъ ученіемъ, я говорилъ объ немъ товарищамъ моимъ одного со мною выпуска изъ лицея, но они меня не стали слушать, считая это фантазіей и не имѣя охоты заниматься предметомъ, требующимъ сильнаго вниманія».

²⁾ Спѣшневъ и Данилевскій предполагали издать энциклопедію «естественныхъ и историческихъ наукъ», но намѣренія этого не осуществили.

безвредность. По его словамъ, въ этомъ письменномъ изложеніи, Фурье утверждалъ, что «наука должна открыть законы гармоническаго устройства междучеловѣческихъ отношеній... другими словами,—законы человѣческаго счастья». Основою общественнаго устройства не можетъ служить равенство, какъ это думали философы XVIII вѣка и какъ это довели до крайнихъ результатовъ «новѣйшіе коммунисты»; никто этого не думалъ доказывать, хотя въ этомъ была необходимость, «ибо видимость и опытное знаніе наше этому догмату противорѣчатъ. Не только между людьми, но и во всей природѣ видимъ мы только рядъ неравенствъ во всѣхъ отношеніяхъ. Положимъ даже, что порядокъ вещей, при которомъ отношенія людскія были бы основаны на равенствѣ («sic, возможенъ?»),—что толку въ этомъ? Человѣкъ жаждетъ не равенства, не свободы, а счастья; а между тѣмъ никто изъ приверженцевъ теоріи равенства не доказывалъ и не думалъ доказывать, чтобы оно необходимо влекло за собою счастье, да трудно бы и было это сдѣлать. Равенство, по ихъ мнѣнію, есть необходимое требованіе человѣческаго разума, и во что бы то ни стало надо его достигнуть, принося такимъ образомъ отвлеченной идеѣ въ жертву и жизнь, и счастье людей, подобно тому, какъ языческіе народы приносили человѣческія жертвы богамъ своимъ, которые также были олицетворенными отвлеченіями ихъ разума».

Итакъ, приложеніе апріористической методы ко всѣмъ отраслямъ знанія, кромѣ математики, было неудачно. Напротивъ, нѣкоторые ученые, какъ, напр., Аристотель и политико-экономы, стали примѣнять апостеріористическую методу, т.-е. анализировать настоящія и прошедшія общества, чтобы открыть общіе законы ихъ существованія, но и эта метода была неполна: они разсматриваютъ общество «со стороны его политическаго устройства и общихъ экономическихъ началъ, имъ управляющихъ; тѣ же ежедневныя, домашнія, такъ сказать, будничныя отношенія людей между собой, которыя только для поверхностныхъ наблюдателей могутъ казаться ничтожными, а которыя въ сущности играютъ самую важную роль въ вопросѣ человѣческаго счастья, всѣми были оставлены безъ вниманія. Такое исключительное обращеніе вниманія на политическую сторону жизни имѣло неисчислимыя вредныя вліянія на ходъ человѣчества, было причиною столькихъ кровавыхъ событій. Объясненіе такого заблужденія въ развитіи человѣческой мысли должно искать въ образѣ жизни древнихъ грековъ, у которыхъ жизнь политическая сливалась съ жизнью частною, — отъ нихъ получили новѣйшіе народы преимущественно свое образованіе».

Такъ было, пока Фурье не вывелъ общественныя науки «на истинную дорогу». По его ученію, чтобы «опредѣлить законы гармоническаго устройства междучеловѣческихъ отношеній, должно

анализировать природу челоуѣка и по требованіямъ ея устроить ту среду, «въ которой она должна проявляться». Вся общественная задача состоитъ въ такомъ устройствѣ отношеній между людьми, чтобы страсти однихъ «не сталкивались враждебно со страстями другихъ». Данилевскій излагаетъ ученіе Фурье о страстяхъ, указываетъ на признаніе имъ необходимости и возможности увеличить производство богатствъ ¹⁾, объясняетъ выгодность соединенія отдѣльныхъ хозяйствъ въ одно общее, что Фурье называетъ ассоціаціею, необходимость и возможность сдѣлать трудъ привлекательнымъ, устраняя его чрезмѣрную продолжительность, однообразіе, уединенность, его принудительный характеръ и проч. Въ видѣ примѣра этой возможности, Данилевскій беретъ работу во время сѣнокоса, которая, несмотря даже на продолжительность труда, «составляетъ настоящий праздникъ для деревенскаго населенія». Въ своемъ изложеніи онъ подчеркиваетъ, что ученіе Фурье не отрицаетъ права собственности. «Всякій, вступающій въ ассоціацію, сохраняетъ всю собственность, которую имѣлъ, и, сообразно оцѣнкѣ внесенной имъ доли, получаетъ акцію, которую можно продать, подарить,—цѣна акціи падаетъ и возвышается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ цѣны той недвижимой собственности, которой она есть движимый представитель».

Извѣстно, что ассоціаціи, которыя онъ предполагалъ устроить, носили названіе фаланги, а недвижимая собственность, принадлежащая каждой изъ нихъ, имѣла названіе фаланстера.

Буржень, лучший знатокъ ученія Фурье, такъ излагаетъ его взглядъ на собственность. «Фаланстеръ составляетъ обширное владѣніе, право на часть собственности въ которомъ обезпечено за всѣми членами фаланги. Они не являются непременно участниками собственности, но могутъ ими быть... Общая собственность ассоціаціи (*la propriété societaire*), принадлежащая фалангѣ, не уничтожаетъ частной собственности» (Фурье протестуетъ противъ обвиненія его въ сочувствіи коммунизму). «Всякій участникъ въ ассоціаціи можетъ потребовать обратно соотвѣтственную часть собственности»... «Великая задача соціальной механики», по словамъ Фурье, «состоитъ въ томъ, чтобы возвысить народъ до состоянія собственника». Фаланга является въ одно и то же время «колоссальнымъ собственникомъ» и соединеніемъ мелкихъ собственниковъ. Владѣніе фаланги имѣетъ значительную цѣнность: этому капиталу

¹⁾ Этотъ послѣдній пунктъ былъ подробнѣе изложенъ въ черновой рукописи Данилевскаго объ ученіи Фурье, которая не сохранилась, а въ бѣловую онъ внесень короче «по краткости времени», но все же Данилевскій указываетъ на возможность привлеченія къ труду женщинъ, дѣтей, праздныхъ людей, торговцевъ, военныхъ, таможенныхъ стражниковъ и прочихъ людей, ненужныхъ при новомъ общественномъ строѣ, и на многія другія средства увеличенія производства.

соотвѣтствуетъ известное число акцій, не меньшее чѣмъ число участниковъ нормальной фаланги, т.-е. отъ 1600 до 1800. Эти акціи являются ипотеками на имущество фаланги; ихъ можно передавать; они дѣлятся на купоны. Можно быть участникомъ фаланги, не будучи акціонеромъ и, наоборотъ, можно быть акціонеромъ, не будучи членомъ ассоціаціи... Но по необходимости является стремленіе соединить званіе акціонера и члена ассоціаціи въ одномъ лицѣ. И можетъ и должно случиться, что, по словамъ Фурье, каждый, даже самый бѣдный, простолюдинъ, станетъ участникомъ ассоціаціи и собственникомъ» ¹⁾.

«Доходъ, получаемый обществомъ,—продолжаетъ Данилевскій,—слѣдующимъ образомъ распредѣлится между членами. Каждый получаетъ изъ него долю сообразно внесенному имъ капиталу, сообразно своему труду и таланту. Поэтому весь доходъ дѣлится на три части — часть капитала, часть труда и часть таланта. Фурье предполагаетъ для этого слѣдующія приближительныя пропорціи: $\frac{4}{12}$ на капиталъ, $\frac{5}{12}$ на трудъ и $\frac{3}{12}$ на талантъ, или $\frac{5}{12}$ на капиталъ, $\frac{3}{12}$ на трудъ и $\frac{2}{12}$ на талантъ. Эти пропорціи не имѣютъ въ себѣ существенно обязательнаго и могутъ быть измѣняемы сообразно временнымъ обстоятельствамъ»...

«Признавая право собственности,—говоритъ Данилевскій,—Фурье понимаетъ подъ нимъ какъ право пользоваться имуществомъ, такъ и право отчуждать его ²⁾, и поэтому признаетъ и право передачи собственности по наслѣдству, уничтоженіе котораго считаетъ нарушеніемъ законной свободы человѣка — угнетеніемъ одного изъ коренныхъ стремленій души человѣческой — страсти родственности (familisme). Фурье полагаетъ только, что въ обществѣ, устроенномъ по его плану, наслѣдство будетъ дробиться на большее число долей, нежели теперь. При необезпеченности, которой подвержены теперь даже самые богатые люди, умирая каждый желаетъ доставить дѣтямъ своимъ какъ можно болѣе, дабы по возможности оградить ихъ отъ этой необезпеченности. Тутъ любовь къ дѣтямъ, обыкновенно далеко превышающая всѣ другія привязанности, заставляетъ на время ихъ умолкать и отдаетъ дѣтямъ все изъ страха могущихъ случиться съ ними бѣдствій. Однако и теперь видимъ мы, что очень богатые люди всегда почти оставляютъ часть наслѣдства другимъ родственникамъ своимъ и приближеннымъ, чего не бываетъ при небольшихъ или среднихъ состояніяхъ, при которыхъ существуетъ больше опасеній за будущность. Такъ какъ при экономическомъ устройствѣ общества по плану Фурье для всѣхъ существуетъ полная обезпеченность, то каждый, отказывая свое имущество, можетъ принимать въ расчетъ всѣ свои привязанности. Поэтому Фурье говоритъ, что наслѣдство будетъ распредѣляться пропорціонально числу и степенямъ привязанностей умирающаго. Черезъ это достигается тотъ результатъ, что каждый, находясь въ родственныхъ или дружественныхъ связяхъ со множествомъ лицъ, получаетъ въ теченіе жизни своей значительное число наслѣдствъ». Но «ежели бы кому вздумалось отдать все свое наслѣдство своему

¹⁾ Bourgin. «Fourier», 1905, 291, 296—298.

²⁾ Бурженъ также говоритъ, что, по ученію Фурье, каждый человѣкъ имѣетъ «право совершенно свободно располагать имуществомъ, которое онъ приобрѣлъ своимъ трудомъ. пользоваться имъ, обмѣнивать его, дарить его, передавать» (301 р.).

единственному сыну, то онъ точно такъ же могъ бы это сдѣлать, какъ теперь всякій можетъ отдать свое благопріобрѣтенное имущество кому ему угодно»¹⁾.

Данилевскій подчеркиваетъ также, что Фурье признаетъ вреднымъ всякое насильственное измѣненіе государственнаго устройства. Въ заключеніе онъ защищаетъ ученіе Фурье отъ обвиненія въ томъ, что оно уничтожаетъ семейство и проповѣдуетъ безнравственность въ половыхъ отношеніяхъ. Онъ признаетъ, что, по мнѣнію Фурье, «отношенія между полами должны измѣниться и сдѣлаться свободнѣе, нежели они теперь не на дѣлѣ, а по праву»²⁾, но это «должно совершиться не ранѣе, какъ черезъ пять поколѣній послѣ всеобщаго принятія предлагаемаго имъ общественнаго устройства». Большимъ достоинствомъ ученія Фурье Данилевскій считалъ возможность убѣдиться въ его истинности посредствомъ опыта въ маломъ видѣ: нужно только собрать 4 или 5 милліоновъ, пріобрѣсти 3 или 4 тысячи десятинъ земли и найти 1.500 или 2.000 человѣкъ обоого пола, всѣхъ возрастовъ, различныхъ по состоянію, образованію, способностямъ и занятіямъ и устроить «общину» по плану Фурье³⁾.

Послѣ изложенія Данилевскимъ ученія Фурье Спѣшневъ, по словамъ Ханькова, «объявилъ, что будетъ говорить о религиозномъ вопросѣ съ точки зрѣнія коммунистовъ». Фурьеристы братья Дебу, Петрашевскій и Ханьковъ очень заинтересовались этимъ и готовили возраженія съ своей точки зрѣнія, но «послѣ довольно неопредѣленнаго введенія въ этотъ вопросъ, сдѣланнаго на двухъ вечерахъ», Спѣшневъ «болѣе не говорилъ о немъ». По словамъ Момбелли, Спѣшневъ въ первомъ своемъ чтеніи рассуждалъ исключительно о метафизикѣ и ни слова не сказалъ о религіи, а въ слѣдующія пятницы обѣщалъ говорить о религіяхъ въ историческомъ и философскомъ отношеніяхъ. Но, по позднѣйшимъ воспоминаніямъ Момбелли, Спѣшневъ прочелъ «трактатъ объ атеизмѣ». Изъ доклада слѣдственной комиссіи видно, что въ бумагахъ Спѣшнева было найдено «рассужденіе въ формѣ рѣчи о религіи, въ которомъ опровергается существованіе Бога, съ отрывкомъ рассужде-

1) Бурженъ такъ излагаетъ взглядъ Фурье на наслѣдство: «Право наслѣдованія не опредѣляется никакимъ закономъ, никакимъ обычаемъ: оно зависитъ исключительно отъ воли завѣщателя; отсюда слѣдуетъ, что наслѣдства не могутъ быть ревниво охраняемы семействами, и что свободная воля владѣльца можетъ устанавливать для лицъ постороннихъ, избранныхъ имъ по своему расположенію къ нимъ, права, равныя съ членами семейства... Рядомъ съ семейными привязанностями являются другія болѣе широкія, подготовляющія усвоеніе чувства общественной солидарности и стремленіе къ ней. Создается, по словамъ Фурье, «истинно сыновняя любовь учениковъ къ своимъ учителямъ», сотрудники въ одномъ трудѣ смотрятъ другъ на друга, «какъ на членовъ одной и той же семьи» (р. 362).

2) Ср. *Bourgin. Fouri r.*, p. 359—362.

3) Съ мая 1848 г. Данилевскій пересталъ бывать у Петрашевскаго.

нія о двухъ вопросахъ,—общественномъ и религіозномъ». Къ сожалѣнію, дѣло Слѣшнева утрачено и пока не найдено.

Съ осени 1848 г., по словамъ Барановскаго, на пятницахъ Петрашевскаго появились новыя лица: Ястржембскій, окончившій курсъ въ харьковскомъ университетѣ въ 1841 г., изъ дворянъ Минской губ., по исповѣданію католикъ, служившій помощникомъ инспектора Технологическаго института и преподававшій въ немъ политическую экономію, а также бывшій учителемъ въ Дворянскомъ полку и институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, Момбелли, поручикъ л.-гв. егерскаго полка, Ѡ. Н. Львовъ, поручикъ (съ декабря 1848 г. штабсъ-капитанъ) того же полка, прикомандированный къ Павловскому кадетскому корпусу въ должности репетитора химіи, Порфирій Ив. Ламанскій, служившій въ департаментѣ внѣшней торговли ¹⁾, и другіе.

Осенью 1848 г. Баласогло произнесъ рѣчь о семейномъ счастьи, которая, по словамъ Ястржембскаго, была сказана въ духѣ ученія Фурье ²⁾. Тою же осенью Ястржембскій предложилъ объяснить основныя начала политической экономіи и въ продолженіе пяти или шести засѣданій далъ «опредѣленіе промышленности, богатства, источниковъ богатства—природы, труда и капитала»; изложилъ «теорію населенія по Мальтусу и Сею, теорію первоначальнаго распредѣленія богатства или распредѣленія дохода между предпринимателемъ промышленности, землевладѣльцамъ, капиталистомъ и работникомъ, тутъ же опровергъ... мнѣніе Прудона о земельной собственности», говорилъ о торговлѣ, далъ опредѣленіе ея, указалъ на различіе ея отъ спекуляціи, далъ «опредѣленіе цѣны первоначальной и мѣновой». Въ заключеніе Ястржембскій говорилъ о кредитѣ и кредитныхъ учрежденіяхъ, при чемъ сдѣлалъ разборъ сочиненія объ этомъ гр. Цѣшковскаго ³⁾, доказывалъ, что кредитъ не можетъ избавить отъ пауперизма. По свидѣтельству Львова, Ястржембскій излагалъ, «пересыпая разными шуточками ⁴⁾», мнѣнія объ этихъ вопросахъ «политико-экономовъ, не выводя никакихъ своихъ заключеній», какъ это заявилъ и самъ Ястржембскій. Вотъ что припомнилъ Львовъ изъ его чтеній: «Собственность есть накопленный трудъ, и слѣдовательно, нельзя никакъ говорить, что можетъ не быть частной собственности». По вопросу объ увеличеніи народонаселенія онъ признавалъ пред-

¹⁾ Бывалъ у Петрашевскаго и братъ его Евгенийъ Ивановичъ, впоследствии извѣстный директоръ государственнаго банка.

²⁾ Кроме того, Ястржембскій прочелъ, по его словамъ, «статью полусерьезную, полушуточную»—о любви.

³⁾ Вѣроятно, книги *Cieszkowski* «Du credit et du circulation, 2 изд. 1847, а можетъ-быть, и статьи того же автора «Du credit foncier» въ журналѣ «La Phalange» (1847, t. VI).

⁴⁾ Между прочимъ, надъ католическими патерами.

положенія Мальтуса справедливыми, но находилъ, что его указанія, какъ помѣшать возрастанію народонаселенія, весьма безчеловѣчны, и что вопросъ этимъ не рѣшенъ. Фурье, по словамъ Ястржембскаго, говоритъ, что «этому пособятъ *moeurs phanegogames*, т.-е. свободные браки, но что теперь, кромѣ проституціи, онъ не знаетъ другого средства. О вознагражденіи за трудъ работникамъ отъ предпринимателей промышленности онъ говорилъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ промышленность развита, плата за трудъ выше, «но что это имѣетъ нѣкоторый предѣлъ, и когда появляется сильная конкуренція, то плата эта уменьшается и, наконецъ, доходитъ до того, что работники работаютъ за самую малую плату, недостаточную для содержанія своего». Отсюда онъ выводилъ происхождение пролетаріата, которое считалъ зломъ западнаго общества. «Говоря о торговлѣ и капиталѣ, онъ объяснялъ, какимъ образомъ производятся коммерческіе обороты». По мнѣнію Дурова, Ястржембскій былъ «не очень силенъ въ политическихъ наукахъ, и потому на каждый вопросъ или возраженіе онъ отдѣлывался шуткой или остротой; духъ его чтеній былъ болѣе шуточный, нежели серьезный»¹⁾. Предъ военно-судною комиссіею Ястржембскій призналъ, что «въ политической экономіи слѣдуетъ ученію Фурье», но «не почитаетъ этого преступленіемъ», такъ какъ Фурье признаетъ право собственности, и «все его ученіе ознаменовано отвращеніемъ отъ либерализма».

Ө. Н. Львовъ говорилъ на вечерахъ Петрашевскаго о «любимомъ своемъ предметѣ—о специальномъ и энциклопедическомъ образованіи» и доказывалъ, что, кромѣ послѣдняго, необходимо и тщательное специальное образованіе²⁾. Большинство слушателей не соглашалось съ мнѣніемъ Львова, что специалистъ можетъ имѣть вѣрный взглядъ на вещи, и утверждало, что онъ бываетъ всегда слишкомъ одностороненъ, Львовъ же осуждалъ людей энциклопедически образованныхъ за то, что они, «ничего не зная основательно, почитаютъ себя всезнающими, вообще чрезвычайно тщеславны и всегда плохіе практики», говорилъ, что всякое дѣло нужно поручать специалисту и приводилъ въ примѣръ, что быть одновременно хорошимъ химикомъ и механикомъ невозможно. Быть - можетъ, это разсужденіе имѣло цѣлью представить возраженіе на требованіе въ ученіи Фурье частой смѣны труда и указать на то, какія препятствія на практикѣ встрѣчаетъ осуществленіе этого требованія.

¹⁾ Ястржембскій говорилъ то, что Дебу 2-му, по его словамъ, было уже извѣстно, что онъ «читалъ подробнѣе и лучше другихъ», но, судя «по вниманію слушателей», онъ заключилъ, что «говорится имъ неизвѣстное».

²⁾ Бакунинъ впоследствии слышалъ, что Львовъ «взялъ на себя» въ кружкѣ Петрашевскаго естественныя науки. «Всемирный Вѣстникъ» 1904 г., августъ, стр. 23.

Петрашевскій произнесъ двѣ рѣчи: 1) о необходимости свободы печати и 2) о различіи между свободой соціальной и свободой политической. Вторая рѣчь была произнесена въ пятницу, слѣдующую за тою, когда Данилевскимъ была разсмотрѣна одна изъ частей вопроса объ организаціи труда, и при этомъ было упомянуто о всеобщемъ избирательномъ правѣ, по выраженію Петрашевскаго, «одной изъ благонадежнѣйшей основъ свободы политической». Изъ сохранившагося маленькаго наброска рѣчи Петрашевскаго видно, что это подало поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ относительно способовъ осуществленія организаціи производства. Петрашевскій сказалъ, что, по его мнѣнію, это недоразумѣніе можно «устранить точнымъ разграниченіемъ понятій о свободѣ политической и свободѣ соціальной». Слово свобода во время великой французской революціи служило «болѣе для обозначенія свободы политической, а нынѣ оно употребляется для обозначенія свободы соціальной», потому что человѣкъ только тогда будетъ пользоваться истинною свободою, «когда для него не только будетъ *возможно* развитіе полное и гармоническое всѣхъ потребностей его природы, но самое такое развитіе будетъ *дѣйствительно*».

Осенью 1848 г. на вечерахъ Петрашевскаго появился Конст. Иван. Тимковскій. Онъ началъ службу во флотѣ, дослужился до чина лейтенанта и, прослуживъ 12 лѣтъ, вышелъ въ отставку въ 1845 г. 1); въ слѣдующемъ году былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ маѣ 1848 г. командированъ въ Эстляндскую губернію для изслѣдованія городского хозяйства и жилъ въ Ревелѣ, гдѣ усердно изучалъ систему Фурье. Около 20 октября онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, уѣхалъ обратно 7 декабря и въ это время успѣлъ посѣтить шесть пятницъ Петрашевскаго; бывалъ также и у Спѣшнева. Неизвѣстно, сочувствовалъ ли онъ и прежде коммунизму, или на него повліялъ въ этомъ отношеніи Спѣшневъ, но только Петрашевскій замѣтилъ, что Тимковскій, хотя называлъ себя фурьеристомъ, но въ существенныхъ чертахъ отклонялся отъ этого ученія. Когда Тимковскій изъявилъ желаніе изложить свои взгляды предъ посѣтителями пятницъ, то Петрашевскій былъ противъ этого, и чтенія Тимковскаго состоялись лишь по настоянію Спѣшнева 2).

1) Въ 1843 г. онъ издалъ въ Петербургѣ книгу «Испанскій театръ». Переводъ съ испанскаго К. Тимковскаго. Томъ I. «Кальдеронъ», гдѣ помѣщенъ былъ переводъ двухъ драмъ этого автора: «Жизнь есть сонъ» и «Саламейскій алькальдъ».

2) Вотъ какъ характеризуетъ Тимковскаго Ф. М. Достоевскій въ своемъ показаніи на слѣдствіи: «Это, какъ показалось мнѣ, одинъ изъ тѣхъ исключительныхъ умовъ, которые, если принимаютъ какую-нибудь идею, то принимаютъ ее такъ, что она первенствуетъ надъ всѣми другими, въ ущербъ другимъ. Его поразила только одна изящная сторона системы Фурье, и онъ не замѣтилъ другихъ сторонъ, которыя бы могли охладить его излишнее увле-

По свидѣтельству Достоевскаго, рѣчь Тимковскаго заняла два или три вечера. Самъ онъ на слѣдствіи изложилъ ее, видимо, совершенно иначе, чѣмъ она была сказана. По его словамъ, узнавъ на вечерахъ Петрашевскаго, что «цѣль ихъ — осуществленіе реформъ социальныхъ, а ближайшее средство — пропаганда», онъ въ своей рѣчи, по его показанію, между прочимъ, сказалъ:

«Господа, можетъ-быть, я и буду согласенъ съ вами въ этой главной цѣли, но прежде намъ надо еще согласиться и въ подробностяхъ... Простите мою откровенность, но, чтобы учить другихъ, надо сперва самимъ научиться¹⁾; а, признаюсь, я не вижу между вами знанія: очень немногіе изъ васъ знакомы съ социализмомъ, а большая часть говорить и судить только по наслышкѣ, не изучивъ добросовѣстно предмета... Положимъ, что и я принадлежу къ числу послѣднихъ. Что жъ изъ этого выйдетъ? Въ состоянн ли мы вести пропаганду, какъ слѣдуетъ? Тѣ, кто будутъ насъ слушать, могутъ сбивать насъ на каждомъ шагу. По-моему надо начать съ того, что самимъ намъ изучить основательно всѣ системы, сличить ихъ, выбрать изъ нихъ лучшую (т.е. систему Фурье) и тогда распространять ее (faire la propagande) сознательно. Этого изученія станетъ намъ надолго, а какъ и черезъ двѣ недѣли уѣзжаю въ надеждѣ скоро возвратиться совсѣмъ, то могъ бы и ограничиться этимъ предложеніемъ, оставя дальнѣйшія объясненія на будущее время. Но такъ какъ я не хочу, чтобы вы ошибались насчетъ моихъ мнѣній и убѣжденій, и самъ не хочу ошибаться на вашъ счетъ, то и изложу вамъ мою мысль до конца; слѣдствіемъ этого будетъ то, что мы согласимся или разойдемся.

«Когда такимъ образомъ мы сами научимся, тогда только примемся за пропаганду, тогда будемъ проповѣдывать нашу науку во всѣхъ обществахъ (гостиныхъ), гдѣ намъ случится быть, но только въ высшемъ кругу, а не между простымъ народомъ, потому что намъ нужно идти путемъ мира и убѣжденія, дѣйствовать на разумъ людей просвѣщенныхъ, а не на страсти невѣждъ... Критикуя недостатки общества, тутъ же показывайте и средства, какія предлагаетъ наука къ ихъ искорененію... Этого дѣла пропаганды станетъ намъ года на три, а потомъ? Потомъ, когда такимъ образомъ мы возбудимъ общественное мнѣніе въ пользу нашей науки, мы подадимъ правительству просьбу, въ которой изложимъ нашу цѣль и средства и будемъ просить разрѣшенія и денежныхъ средствъ на учрежденіе перваго пробнаго общества въ 1800 человекъ». Тутъ многіе возразили мнѣ, что правительство и тогда на это не согласится. Я продолжалъ: «Можетъ-быть; да и трудно же правительству рѣшиться выдать сумму въ нѣсколько милліоновъ для опыта, который можетъ оказаться неудачнымъ. Но тогда у насъ въ рукахъ другое средство. Неужели изъ числа убѣжденныхъ нами послѣдователей не найдутся многіе и очень многіе, которые рѣшились бы составить компанію на акціяхъ для учрежденія пробнаго общества, отъ котораго, сами они понимали бы, зависитъ успѣхъ всего дѣла? Тогда мы просили бы только разрѣшенія». На что нѣкоторые

ченіе Фурье; кромѣ того, онъ недавно только ознакомился съ его системой и еще не успѣлъ переработать ее собственной критикой. Это по всему было видно, а извѣстно, какое обаяніе дѣлаетъ система Фурье съ перваго раза».

¹⁾ Напротивъ, по словамъ Петрашевскаго, въ его показаніи по поводу рѣчи Тимковскаго онъ, Петрашевскій, съ своей стороны «возражалъ, что, прежде чѣмъ браться быть учителемъ, надо самимъ изучить социальные науки»; какъ мы видѣли, онъ постоянно это говорить.

возражали: «Никогда такое правительство, каково наше, не дало бы этого разрѣшенія»¹⁾).

Несомнѣнно, что Тимковскій для слѣдственной комиссіи изложилъ свою рѣчь въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ ее сказалъ. По словамъ Ханыкова, онъ «произнесъ возбуждательную рѣчь въ коммунистическомъ духѣ». По словамъ Момбелли, когда Тимковскій, придя на вечеръ съ тетрадкою въ рукѣ, заявилъ, что намѣренъ открыто высказать свои мысли, Петрашевскій просилъ позволенія просмотрѣть его тетрадь, но тотъ на это не согласился. «Началь онъ разсужденіемъ о прогрессѣ, о фурьеризмѣ, о коммунизмѣ и... о пропагандѣ, потомъ предлагалъ раздѣлить міръ на двѣ части, отдавъ одну часть на опытъ фурьеристамъ, а другую—коммунистамъ... Кончалъ онъ совѣтомъ устроить кружки, на которыхъ занимались бы исключительно вопросомъ фурьеризма и коммунизма, и чтобы хозяева тѣхъ кружковъ собирались бы въ свой (центральный) кружокъ, на которомъ разсуждали бы о вопросахъ спорныхъ и труднѣе рѣшаемыхъ. Въ заключеніе онъ сравнивалъ себя съ Самсономъ». Если вѣрить Момбелли, рѣчь Тимковскаго испугала многихъ присутствовавшихъ. Петрашевскому она, видимо, не понравилась, но, какъ вѣжливый хозяинъ, онъ подходилъ ко многимъ и потихоньку просилъ благодарить Тимковскаго «за откровенность, за довѣренность». Не понравилась рѣчь и Дебу 1-му. Момбелли истолковалъ видимое неудовольствіе Петрашевскаго въ томъ смыслѣ, что онъ былъ испуганъ рѣчью Тимковскаго, опасался, «что къ нему перестанутъ ѣздить, что пятницы его опустѣютъ»²⁾. Но изъ

¹⁾ По словамъ Львова, Тимковскій сказалъ, что, хотя онъ считаетъ «самою полною систему Фурье, но и другія суть только концентрическіе круги». Львовъ сообщаетъ совѣтъ Тимковскаго, чтобы каждый дѣйствовалъ по своимъ убѣжденіямъ, и его слова: «Сильные, не торопитесь, а вы, слабые, не бойтесь: я васъ не вызываю на площадь». Напротивъ, Толь, уже не для слѣдственной, а предъ военно-судною комиссіею далъ такое показаніе: «Тимковскій высказалъ, кажется, въ теченіе своей рѣчи, что «всѣ старанія истинныхъ поборниковъ прогресса должны быть обращены на ускореніе возмущенія, что ранѣе или позже оно должно произойти, но что онъ желалъ бы видѣть осуществленіе этого еще до отъѣзда своего въ Ревель, что онъ готовъ первый выйти на площадь и, если нужно будетъ, принести себя въ очистительную жертву святому дѣлу свободы, котораго первое условіе успѣха заключается въ единодушій его поборниковъ и прекращеніи всѣхъ споровъ о системахъ, а также въ установленіи прочныхъ правилъ пропаганды». Въ концѣ своей рѣчи онъ дѣлалъ родъ воззванія къ соединенію въ одно общество всѣхъ согласныхъ съ его образомъ мыслей. Въ этомъ заключается, прибавилъ Толь, «сущность обѣихъ рѣчей его, сколько память моя въ состояніи воспроизвести ихъ».

²⁾ Петрашевскій въ своемъ показаніи не подтвердилъ показаній Момбелли и Дурова о возмутительномъ духѣ рѣчи Тимковскаго, сказавъ, что не помнитъ «въ точности ея содержанія», но призналъ, что его «непріятно поразили ея эмфазъ и то, что сказано было о кружкахъ и о солидарности, ибо могло дать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ». Вѣроятно, желая вести пропаганду, Петрашевскій не хотѣлъ кричать о томъ, что онъ ее ведетъ.

Н. А. СПЪШНЕВЪ.
(1821—1882.)

письма Петрашевскаго къ Тимковскому видно, что имъ руководили иные мотивы. По словамъ Момбелли, многіе изъ слушателей заподозрили, что Тимковскій шпионъ, другіе же думали, что онъ «просто энтузіастъ, что у него мозгъ въ воспаленномъ состояніи». Определенно на вечеръ Петрашевскаго выразили сочувствіе Тимковскому, по его словамъ, только двое: его братъ — морякъ, и Спѣшневъ ¹⁾, однако передъ отъѣздомъ Тимковскаго семь чловѣкъ дали ему прощальный обѣдъ, чтобы доказать, что «мысли ихъ «сходны», Петрашевскій же «недружелюбно» разстался съ нимъ и въ обѣдѣ этомъ не участвовалъ. Ханыковъ утверждаетъ, что рѣчь Тимковскаго послужила даже «поводомъ къ ссорѣ Петрашевскаго со Спѣшневымъ».

Тимковскій во время слѣдствія отрицалъ, что говорилъ о раздѣленіи міра на двѣ половины между фурьеристами и коммунистами ²⁾; но изъ письма Петрашевскаго къ Тимковскому видно, что слова эти были дѣйствительно сказаны, какъ это подтверждаетъ и Пальмъ въ своемъ показаніи.

Очень обширное письмо Петрашевскаго къ Тимковскому носитъ заглавіе: «Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ». Оно сохранилось только въ черновомъ видѣ, со многими помарками, передѣлками и исключеніемъ многихъ тирадъ; экземпляръ письма, полученный Тимковскимъ въ Ревелѣ, былъ имъ уничтоженъ, и онъ не далъ на него никакого отвѣта. Прежде всего—видно, что Петрашевскому не понравились тонъ рѣчи Тимковскаго и упрекъ, брошенный имъ слушателямъ въ незнакомствѣ съ социализмомъ; Ханыковъ упоминаетъ о томъ, что Тимковскій «высокомѣрно» посовѣтовалъ имъ «образовать кружки и заниматься пропагандой».

Въ началѣ письма Петрашевскій говоритъ: «Надѣюсь, что мнѣ, старому фурьеристу, дошедшему давно къ социализму самостоятельно, вы позволите съ вами быть откровеннымъ, сурово искреннимъ, немножко жесткимъ». Упомянувъ, что слушателямъ понравилась «откровенность» Тимковскаго, Петрашевскій говоритъ, что хочетъ отвѣтить ему тѣмъ же и является въ этомъ случаѣ представителемъ не своего личнаго только убѣжденія, но «убѣжденія тѣхъ людей, которые, очень хорошо сознавъ свои отношенія къ ихъ окружающей природѣ, весьма хорошо сознаютъ свои обязанности, яко люди считаютъ содѣй-

¹⁾ По показанію Тимковскаго, Спѣшневъ сказалъ, что «во всемъ съ нимъ соглашается», но «отвѣчаетъ лично за себя одного». Когда гости уѣхали, Черношвиловъ, по словамъ Спѣшнева, сказалъ: «Какая неосторожность говорить такія рѣчи, и зачѣмъ пускать къ себѣ такого чловѣка, который не умѣетъ языка держать за зубами».

²⁾ Онъ утверждалъ, что неправильно поняли слѣдующія его слова: «Мнѣ кажется, что если бъ гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ устроились вдругъ рядомъ фаланстерія и община (сommunauté) коммунистская, то коммунисты сами переняли бы очень многое отъ фаланстеріи, а фаланстерія, можетъ-быть, кое-что отъ нихъ, и такимъ образомъ вмѣсто фаланстеріи и общины устроились бы двѣ фаланстеріи смѣшанныя (mixtes)».

ствование свое общественному развитію не дѣломъ личнаго вкуса, но и естественной обязанностью, стоящей выше формулы всякаго положительнаго законодательства, опредѣленіе средствъ къ утвержденію разумности въ челоѳечествѣ не представляютъ на произволъ случайности, тѣ, которые въ постепенномъ рациональномъ развитіи индивидуумовъ до полнаго самосознанія и самозакопности видятъ единственный способъ дѣйствія на развитіе обществепности, которые ложь считаютъ единственнымъ преступленіемъ, и потому они давно объявили войну не на жизнь, а на смерть всякому предразсудку, всякому предубѣжденію безъ различія, изгнали изъ себя стараго челоѳка, по словамъ извѣстнаго демагога Христа, нѣсколько неудачно кончившаго свою карьеру, которые, ни во имя другихъ, ни въ угоду личныхъ и материальныхъ внушеній, съ чьей стороны они бы ни происекали, а не убѣжденія, не сдѣлають уступокъ ни на вершокъ отъ истины, отъ убѣжденій тѣхъ, которые готовы внимать истинѣ, будь она произнесена хоть изъ устъ младенца, предъ которыми авторитетъ лишь вещь бесполезная, которые, видя въ умственной дѣятельности челоѳка одно изъ органическихъ его отравленій, считаютъ отступленіе отъ своихъ убѣжденій (если только они дѣйствительно были) предъ лицомъ смерти или изъ страха дѣломъ физически невозможнымъ... Разумѣется—продолжаетъ Петрашевскій,—на людей съ такимъ воззрѣніемъ объявленіе о вашей готовности, если въ томъ окажется падобность, запечатлѣть дѣйствительность вашихъ убѣжденій вашей смертью, приведенное въ непосредственное доказательство справедливости вашихъ убѣжденій, не произвело того поразительнаго дѣйствія, которое, вы предполагали, оно могло произвести, и имъ, не въ укоръ будь это вамъ сказано, показалось вещью обыкновенной, доказательствомъ неудачно выбраннымъ, болѣе эффектнымъ, нежели дѣйствительнымъ фактомъ, могущимъ завѣрить болѣе въ стойкости характера, нежели въ вѣрности тѣхъ убѣжденій, во имя которыхъ такая стойкость характера обнаружилась. Болѣе чѣмъ за истину, за ложь для подтвержденія предразсудковъ и предубѣжденій умерло людей, можетъ-быть, оттого, что численное отношеніе поборниковъ истины къ невольнымъ и безсознательнымъ защитникамъ предразсудковъ и предубѣжденій безконечно мало. Это говоритъ исторія и тѣмъ мѣшаетъ этого рода доказательствамъ давать большую вѣру. Неудовлетворительность этого рода доказательствъ еще яснѣе для васъ будетъ, если вы потрудитесь обратить вниманіе на то, что мыслящій челоѳкъ, зная всю цѣну жизни и смотря на себя и на другихъ людей, какъ на агрегатъ всѣхъ силъ, на землѣ дѣйствующихъ, безусловно подчиненныхъ мировымъ законамъ, и хорошо зная отвѣденное ему природою мѣсто въ кругу мировыхъ дѣйствователей, не приписываетъ своей личности, какъ индивидууму, чрезвычайнаго значенія, убѣжденный опытомъ во временности своего существованія въ формѣ существа сознательнаго, факту своего существованія или несуществованія предъ лицомъ ему однопородныхъ существъ не приписываетъ особой важности и, помираясь издавна съ мыслью о смерти, не видитъ въ ней ничего удручительнаго, не хвалится своей готовностью подчиниться необходимому и неизбѣжному. Не важно умереть, производя театральннй эффектъ (*mit Fluch gegen Ross und Gott*) и бесполезной сенсаціи въ чувствительныхъ зрителяхъ, но важно наполнить тотъ кратковременный срокъ своего существованія, въ который можно надѣяться сохранить полноту жизненныхъ силъ, дѣлами поистинѣ общепользными».

Петрашевскій упрекаетъ Тимковскаго въ противорѣчіяхъ, которыя, быть-можетъ, незамѣтны ему самому, «какъ неофиту одного изъ ученій прогрессивныхъ».

«Вы объявили себя фурьеристомъ, въ этомъ еще нѣтъ ничего худого, даже больше хорошаго, нежели дурного, если вы имъ въ дѣйствительности есть. Но, сочувствуя къ какой-либо системѣ (*sic*), слѣдуетъ ли еще принимать ее во всемъ безусловно, даже и въ томъ, что въ ней нельзя считать раціо-

нашлю доказаннымъ, что въ ней является гипотезой, внесенной въ систему, такъ сказать, болѣе для округленности системы, для симметрии, распорядка ея частей, которую, какъ вводное предложеніе въ любой фразѣ, можно откинуть безъ изъяна для полнаго уразумѣнія мысли. Зачѣмъ вамъ было вызываться доказывать матеріальную дѣйствительность воплощеній¹⁾. Такъ вызовъ вашъ всѣми былъ понятъ. Какъ согласить это съ послѣдующими отрицаніями этого же. Я не могу предполагать, чтобы вы отвергли связь, существующую между такъ называемымъ міромъ нравственнымъ, умственнымъ и физическимъ, между явленіями нравственными и органическими въ человѣкѣ... Нападенія ваши на философію, обвиненіе ея въ томъ, что ея ничего не было сдѣлано для блага человѣчества, могли быть объяснены или тѣмъ, что все, встрѣчаемое вами въ сочиненіяхъ Фурье, было принято au pied de la lettre, и вы ему вѣрите, какъ алкорану, и авторитетъ вашего смысла ему безусловно подчинили, или не знаете совершенно исторіи философіи и незнакомы съ вліяніемъ философскихъ системъ на общественное развитіе...

«Какъ согласить обвиненія въ неопредѣленности, которыя были вами сдѣланы рѣчи Руат и упрекъ, почти вами категорически выраженный, въ томъ, что онъ не изобразить, такъ сказать, вполне организациі труда, забывая, что

¹⁾ Дуровъ показалъ, что Тимковскій (до своей главной рѣчи) заявилъ: «Если общество пожелаетъ, то онъ докажетъ, какъ дважды два четыре, о божественномъ воплощеніи и проситъ только нѣсколько для этого времени, чтобы приготовиться». Религіозность Тимковскаго засвидѣтельствовали въ своемъ показаніи и Ѡ. М. Достоевскій. Самъ Тимковскій показалъ, что однажды «взялся доказать въ одну изъ будущихъ пятницъ, и доказать путемъ чисто научнымъ, божественность І. Христа, необходимость пришествія Его въ міръ на дѣло спасенія, рожденіе Его отъ Дѣвы и т. п. Но пока я собираю матеріалы и przygotowлять эту богословскую рѣчь, споры наши продолжались... Вѣра моя поколебалась, и вскорѣ я дошелъ до совершеннаго отрицанія вѣры христіанской, сомнѣвался даже въ существованіи самого Бога». По словамъ Тимковскаго, рѣчи противъ религіи онъ «слышалъ болѣе всего отъ Петрашевскаго, Толя, Баласогло, Ястржембскаго, Спѣшнева... Они доказывали, что... наши четыре Евангелія писаны не апостолами..., но позднѣйшими мыслителями, принадлежавшими къ кастѣ духовенства, жаждавшаго забрать въ свои руки власть, что всѣ апостолы перемерли давно до того времени, какъ стали ходить по рукамъ первыя Евангелія, которыя, наконецъ, расплодилось въ числѣ до 70, и что Никейскій соборъ, видя, что большая часть изъ нихъ заключаютъ явныя нелѣпости, соблазняющія народъ, рѣшился истребить ихъ, оставивъ изъ нихъ только 18 и признавъ каноническими только 4, которыя совершенно произвольно, безъ всякаго основанія, приписалъ св. апостоламъ Матѳею, Марку, Лукѣ и Іоанну, что, наконецъ, самъ... І. Христосъ былъ такой же человѣкъ, какъ и мы, но гениальный и посвященный въ таинства наукъ нововводитель, умѣвшій воспользоваться своимъ положеніемъ; что весь Ветхій завѣтъ и пророки также писанія апокрифныя, что все зданіе христіанской религіи искусно нагромождено и подобрано духовенствомъ. Все это подкрѣпляли эти господа доводами историческими, хронологическими, филологическими, которыми забрасывали меня и приводили втупикъ». Однако, по словамъ Беклемишева, Тимковскій, по возвращеніи изъ Петербурга въ Ревель въ концѣ декабря 1848 г., сказалъ ему, что «былъ нѣкогда фанатически религіозенъ, но что уже два года переиначилъ понятія свои, но скрывалъ это отъ жены», по возвращеніи же изъ Петербурга «у него не было силы лицемерить». Нужно замѣтить, что петрашевцы читали извѣстную книгу Штрауса «Жизнь Иисуса» во французскомъ переводѣ (однѣмъ томъ ея былъ взятъ при обыскѣ и у самого Петрашевскаго).

такое изложеніе было бы весьма (sic, затруднительно?) въ парламентскомъ дебатѣ, гдѣ и шель вопросъ болѣе о принципѣ, нежели о практическомъ его осуществленіи ¹⁾. Въ первой вашей письменной рѣчи провозглашены были начала социализма, но я долженъ съ прискорбіемъ замѣтить, что они провозглашены были съ меньшей отчетливостью, чѣмъ въ рѣчи Руат ²⁾. Отъ васъ ожидали не провозглашенія принципа, но взглядъ на самый принципъ, объясненіе его пониманія...

«Вторая часть... рѣчи, которая, какъ намъ казалось, имѣла спеціальную цѣлью указать» тѣ положенія, кои были «провозглашены вами, могутъ получить право гражданства въ нашей общественной жизни; мы думали, что вы намъ укажете на то, какіе готовые элементы къ таковымъ преобразованіямъ представляетъ уже быть современнаго русскаго общества, какія учрежденія въ немъ могутъ быть согласно съ этимъ преобразованы, мы жаждали фактовъ, фактовъ положительныхъ, а ихъ-то и не оказалось. Въ это же время... была сдѣлана уступка въ пользу вѣковыхъ предразсудковъ — осужденія, такъ называемыхъ, политическихъ и антирелигіозныхъ тенденцій, но какъ согласить это съ послѣдующими одобреніями такой тенденціи...

«Чему приписать довольно неудачный выборъ, примѣръ раздѣленія какого бы то ни было государства поровну между фурьеристами и коммунистами и объявленіе, что должны произойти въ этомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ заимствованія. Извините, что мнѣ, старому фурьеристу, отчетливо знакомому съ обѣими системами, показалось со стороны «фурьериста» выраженіемъ какой-то ничѣмъ не оправданной, ни на чемъ не основанной, странной уступкой въ пользу коммунизма, слишкомъ неловкимъ комплиментомъ коммунизму, какъ бы задобреніемъ коммунизма. Люди, положительно убѣжденные, не боятся формулировать своихъ убѣжденій, не двоедушничаютъ на каждомъ словѣ, — и вотъ отчего именно. Вопросъ объ организаціи работъ, вопросъ коренной быта общественнаго, отчетливѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ социалистовъ, разработанъ у фурьеристовъ, природа человѣческая разсмотрѣна внимательно, и чловѣкъ, эта живая единица быта общественнаго, взята у нихъ не въ отвлеченіи, въ идеѣ, какъ у большей части коммунистовъ, а такъ, какъ онъ есть, и быть общественный къ нему приноровленъ, а не онъ насильственно подведенъ подъ извѣстныя формы быта общественнаго; фурьеризмъ доводитъ до того постепенно и естественно, чего желаетъ установить мгновенно и насильственно коммунизмъ; коммунизмъ хочетъ одновременно направить всѣ жизненныя силы общества на его пересозданіе, несмотря ни на что. Фурьеризмъ на пересозданіе общественное стремится направить избытокъ силъ общественныхъ, силы, ненужныя для поддержанія существованія того общества цивили-

¹⁾ Феликсъ Піа въ своей рѣчи (2 ноября 1848 г.) требовалъ признанія въ конституціи *права на трудъ*; за его предложеніе, отвергнутое національнымъ собраніемъ, подали голоса Консидеранъ, Пьеръ Леру, Ламменз, Ледрю, Ролленъ, Распайль и др. См. *Le droit au travail à l'Assemblée nationale, recueil complet des discours, prononcés dans cette mémorable discussion par M. M. ...Lamartine... Ledru-Rollin, Duvergier de Hauranne ...Thiers, Considérant... Lagrange, Félix Pyat... (textes revus par les auteurs); suivi de l'opinion de M. M... Proudhon, Louis Blanc, E. Laboulaye... avec une introduction et des notes par Joseph Garnier. P. 1848 г. p. 406 — 419, 429, 443 — 445.* Книга эта имѣлась въ бібліотекѣ кружка Петрашевскаго.

²⁾ Тимковскій могъ отнестия несочувственно къ рѣчи Піа, между прочимъ, потому, что, сочувствуя коммунизму, онъ могъ не одобрять признанія въ рѣчи Піа права собственности.

заци¹⁾, которое оно не может не признать предверіемъ лучшихъ формъ быта общественнаго, той фабрикою, въ которой предназначено покуда вырабатывать матеріалы и способъ для будущаго благосостояніи всего человѣчества. Ему не надо, чтобъ совершить свой преобразовательный трудъ, полміра, ему не нужны безцѣльное передвиженіе безчисленныхъ народныхъ массъ, представляющее неблагоразумную трату силъ общественныхъ, уничтоженіе сотенъ тысячъ индивидуумовъ, онъ не хочетъ въ одну минуту, пожалуй, величественнаго, но тѣмъ не менѣе болѣзненнаго, лихорадочнаго потрясенія утратить результаты тысячелѣтнихъ кровныхъ трудовъ человѣчества, для него, чтобъ получить полное осуществленіе, довольно мили земли, удобной къ воздѣлыванію, около двухъ тысячъ человѣкъ, съ соотвѣтственнымъ ихъ потребностямъ количествомъ способовъ ихъ удовлетворенія, т.-е. капиталовъ для первоначальнаго осуществленія, чтобы самую вычурную мечту о райскомъ блаженствѣ сдѣлать дѣйствительностью.

«Мнѣ кажется, объявленіе возможности у коммунистовъ чѣмъ-нибудь позаимствоваться есть поношеніе системы Фурье, *sous le meilleur avis* этой системѣ нечего у коммунистовъ заимствовать, а если и встрѣчается что-либо хорошее у коммунистовъ, какъ, напримѣръ, атеизмъ, то это не состоитъ въ связи съ системою, а болѣе съ личностью гг. коммунистовъ.

«Вотъ то въ вашемъ *profession de foi*, что насъ всего болѣе поразило, вотъ тѣ противорѣчія, причинъ которыхъ мы не доискиваемся, соглашать не торопимся и по нимъ произвести (*sic*) судъ о васъ воздерживаемся...

«Мы не считаемъ нужнымъ вдругъ, оптомъ высказывать всѣ намъ извѣстныя истины, а обыкновенно высказываемъ ихъ помаленьку, стараемся сперва воздѣлать почву для ихъ воспріятія, для того, чтобы не метать... бисера передъ свиньями. Мы не пытаемся никого знакомить съ социализмомъ прежде, нежели разрушимъ совершенно въ немъ союзъ съ его наслѣдственными предразсудками, не пытаемся въ простительномъ, но часто вредномъ увлеченіи ставить тѣхъ въ хранители живого завѣта, кто вѣкъ жилъ заимствованиями безъ усвоеній, надъ кѣмъ тяготѣетъ еще рука семейственности и общественныхъ приличій, кто льститъ согласить свои личныя выгоды съ служеніемъ истинѣ, кто, провозглашая себя торжественно общественнымъ радикальнымъ реформаторомъ, заботится о томъ, чтобы общественныя реформы не потемнили лоскъ его лайковыхъ перчатокъ, не положили неприличной складки на платье. У кого голова разболится отъ получасоваго размышленія, у кого всегда будить въ недочетѣ слова и выраженія для толковаго выраженія мысли, кто не умѣетъ съ быстротою во всякое время нейтрализовать и обобщать свои понятія, вообще апализировать, доводить раздробленіе таковое до возможныхъ крайностей и черезъ такіе приемы всякую истину дѣлать доступной, очевидной и, такъ сказать, осязательной всякому, тотъ не берись за дѣло трудное и смѣлое философа-пропагатора, тотъ ѣшь въ постные дни капусту и читай «помилуй мя, Боже» и не называйся къ намъ въ спутники. Наше странствіе не вчера началось, не завтра оно и кончится. Мы хорошо знаемъ, что нашъ путь хотя и дологъ, но маршрутъ хорошій у насъ, мы на распутьи въ глухую полночь, мы не повѣсимъ уныло голову въ раздумьи, куда итти, не будемъ поджидать счастливой нечаянности, запоздалаго прохожаго, чтобъ во имя Христа и того, чему не вѣримъ, указать намъ милостиво путь, не будемъ сѣтовать на то, что версты въ 500, а не въ 250 сажень, а

1) *Цивилизація*—періодъ всемірной исторіи, переживаемый человѣчествомъ, и предшествующій періоду *гарантизма*, въ которомъ взгляды Фурье на общественное устройство должны найти свое осуществленіе. Ср. статью Н. В. Водозова «Шарль Фурье» въ его «Экономическихъ этюдахъ», 2-е дополненное изданіе, Спб., 1907 г., стр. 58—59.

будемъ, не истомляя своихъ силъ чрезмѣрной поспѣшностью, помаленьку, неукоснительно подвигаться и съ черепашиимъ шагомъ, быть-можетъ, обгонимъ быстроногихъ Ахилловъ. Если исторія дѣлаетъ людей, то люди дѣлаютъ исторію... (Намъ не годится вашъ девизъ разрушенія.) Мы твердо убѣждены, что въ истинѣ... заключается наибольшая сила творчества». Поэтому мы считаемъ «уничтоженіе предрасудковъ дѣломъ творчества, кладкою фундамента подъ зданіе правильнаго общественнаго устройства. Такъ какъ вами не было показано ничего опредѣлительнаго и новаго..., мы будемъ то же дѣлать, что и прежде дѣлали, будемъ помаленьку стараться совершенствоваться, усовершеншать другихъ по возможности. Мы никому не бросимъ первые перчатку раздора, ничьего заблужденія не признаемъ истинной, мы знаемъ, что всякое заблужденіе само въ себѣ носить свое обличеніе и казнь, не припишемъ самолюбиво то своей личности, что есть дѣло принциповъ и духа времени, не станемъ горделиво въ ослѣпленіи, уснѣвъ подмѣнить въ людяхъ двѣ-три слабости, два-три такъ называемыхъ порока, не станемъ на этомъ разсчитывать на возможность мгновенно пересозданія быта общественнаго. *Наша сила не въ числѣ, но въ истинѣ, прямотѣ нашихъ убѣжденій* ¹⁾, широтѣ началъ, точности ихъ анализа и вѣрности ихъ примѣненія къ каждому данному и мелочному случаю»... ²⁾.

Не имѣя текста рѣчи К. И. Тимковскаго, который не сохранился, трудно съ полною точностью опредѣлить тѣ литературныя вліянія, которыя привели его къ сочувствію коммунизму, или, по крайней мѣрѣ, къ колебанію между фурьеризмомъ и коммунизмомъ. Вѣроятно же всего, что рѣшительную роль сыгралъ въ этомъ отношеніи Ник. Александр. Спѣшневъ, опредѣленно называвшій себя коммунистомъ. Какого рода это былъ коммунизмъ: Кабэ, Дезами, Вейтлинга или Маркса и Энгельса? Спѣшневъ четыре года (1842 — 46) прожилъ за границей и, между прочимъ, настолько близко интересовался швейцарскими дѣлами, что даже принялъ въ нихъ, какъ увидимъ, личное участіе. Это заставляетъ думать, что ему было хорошо извѣстно ученіе Вейтлинга, составляющее переходное звено между утопическимъ и пролетарскимъ коммунизмомъ ³⁾. Что Спѣшневъ и К. Тимковскій не были коммунистами въ духѣ Кабэ, видно изъ того, что этотъ послѣдній, требуя, какъ ближайшей реформы, всеобщаго избирательнаго права, полагалъ,

¹⁾ Слова, набранныя курсивомъ, подчеркнуты краснымъ карандашомъ (какъ и вообще многое въ послѣдней части письма), и отмѣнены знакомъ NB, очевидно, кѣмъ-либо изъ членовъ слѣдственной комиссіи.

²⁾ Приведенные мною отрывки составляютъ лишь треть огромнаго письма Петрашевскаго къ Тимковскому, которое тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что сохранилось вообще очень мало его писемъ. У моего брата М. И. Семевскаго, редактировавшаго до своей смерти «Русскую Старину», я видѣлъ обширныя письма Петрашевскаго къ Н. М. Благовѣщенскому, извѣстному впоследствии профессору римской словесности, служившему тогда въ Казани, но большіе почтовые листы этихъ писемъ были разорваны поцеламъ, и сохранилась только нижняя ихъ половина, такъ что ни одно изъ писемъ не представляло чего-либо цѣльнаго.

³⁾ Ср. *Мерингъ*. Исторія германской социаль-демократіи. Спб., 1906 г. Изд. Т-ва бр. Гранатъ, т. I, 111.

что преобразование общества совершится безъ всякихъ потрясеній, что придется прибѣгнуть только къ закону и общему согласію и, чтобы устранить всѣ возможные затрудненія, общность имущества будетъ введена не при настоящемъ, а при слѣдующемъ поколѣніи, въ видѣ переходныхъ мѣръ можно будетъ отмѣнить наследованіе по боковой линіи, завѣщанія, даренія, установить прогрессивный налогъ, организовать трудъ, регулировать заработную плату и ввести бесплатное народное образованіе ¹⁾. Такого оптимистическаго взгляда относительно возможности мирнаго проведенія въ жизнь коммунистическаго строя были чужды и Спѣшневъ и Тимковскій, возлагавшіе надежду лишь на путь революціонный. Поэтому на нихъ скорѣе могъ повліять французскій коммунистъ Дезами, авторъ сочиненія «Code de la communauté» (1842), который, въ противоположность Кабэ, требовалъ немедленнаго переворота, насильственной экспроприаціи частной собственности ²⁾. Возможность вліянія Дезами на Спѣшнева (а чрезъ него и на Тимковскаго) подтверждается тѣмъ, что при обыскѣ у Спѣшнева было найдено одно изъ сочиненій Дезами ³⁾. Отмѣтимъ, что атеисту Спѣшневу Дезами могъ быть симпатиченъ и какъ сторонникъ чисто-матеріалистическаго коммунизма.

Возможно вліяніе на Спѣшнева и Вейтлинга, тѣмъ болѣе, что дѣятельность его въ Швейцаріи, повидимому, совпадаетъ съ временемъ пребыванія въ этой странѣ Спѣшнева (Вейтлингъ вель свою коммунистическую пропаганду въ Швейцаріи въ 1841 — 43 г., высланъ изъ нея, послѣ тюремнаго заключенія, въ 1844 г.). Вейтлингъ утверждалъ, что безъ социальной революціи освобожденіе рабочаго класса невозможно, — въ этомъ его главное разногласіе съ Кабэ. Въ своемъ сочиненіи «Гарантіи гармоніи и свободы» (1842) Вейтлингъ указываетъ и на «необходимыя мѣропріятія ближайшей социальной революціи», при чемъ учреждается временное правительство, состоящее изъ надежныхъ приверженцевъ коммунизма, пролетаріатъ и ремесленники вооружаются, всякій, кто выступитъ врагомъ коммунизма, разстрѣливается. Въ подпискѣ, найденной у Спѣшнева, вступающій въ «русское общество» обязывается принять «полное, открытое участіе въ возстаніи и дракѣ». Но въ своемъ отношеніи къ религіи Спѣшневъ былъ неизмѣримо ближе

¹⁾ *Иозъ Луи*. «Исторія социализма во Франціи». М. 1906 г., стр. 168; *Люкеъ*. «Этьеннъ Кабэ». Изд. «Просвѣщеніе», стр. 113, 114, 118, 314 — 5, 319 — 323; *Калеръ*. «Вильгельмъ Вейтлингъ, его жизнь и ученіе». Сиб. стр. 27 — 29.

²⁾ *И. В. Водовозовъ*. «Дезами» въ «Энциклоп. словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. X, 1893 г., стр. 280; *Калеръ*, 29, 158.

³⁾ *Le Jesuitisme vaincu et anéanti par le socialisme ou les constitutions des jesuites et leurs instructions secrètes et parallele avec un projet d'organisation du travail* par Th. Dézamy, auteur du Code d'organisation sociale. 15-45.

къ Дезами, чѣмъ къ Вейтлингу, который въ своемъ «Евангеліи бѣднаго грѣшника» подтверждалъ свои взгляды множествомъ цитатъ изъ Евангелія ¹⁾ по примѣру Кабе въ его книгѣ «Le vrai-christianisme suivant le Jesus-Christ (Р. 1846 г.), извѣстной петрашевцамъ.

Является, наконецъ, вопросъ, не считалъ ли себя Спѣшневъ коммунистомъ въ духѣ Маркса и Энгельса, не въ этомъ ли смыслѣ говорилъ о коммунизмѣ и К. Тимковскій?

Въ мартѣ 1846 г. произошло рѣзкое столкновеніе по принципиальнымъ основаніямъ между Марксомъ и Вейтлингомъ въ Брюсселѣ въ собраніи (на которомъ присутствовалъ П. В. Анненковъ и которое имъ описано въ «Замѣчательномъ десятилѣтіи» и Вейтлингомъ въ письмѣ къ Гессу), послѣ чего Вейтлингъ уѣхалъ въ Америку. Въ концѣ того же года, разобравъ «Философію нищеты» Прудона, Марксъ въ письмѣ къ Анненкову говоритъ: «Что касается до нашей собственной партіи, то не только она бѣдна, но значительная фракція нѣмецкой коммунистической партіи сердится на меня за то, что я сопротивляюсь ея утопіямъ и ея декламации». Тотъ коммунизмъ, сторонникомъ котораго былъ Марксъ, онъ прямо называетъ въ этомъ письмѣ «революціоннымъ движеніемъ» ²⁾. Весною 1847 г. явилась мысль преобразовать «Союзъ справедливыхъ» (Bund der Gerechten), членомъ котораго былъ прежде и Вейтлингъ, и съ этою цѣлью лѣтомъ 1847 г. собрался учредительный конгрессъ новой организаціи, принявшей названіе «Союза коммунистовъ». Онъ назначилъ Лондонъ мѣстопробываніемъ центрального комитета и поручилъ Марксу и Энгельсу составить проектъ манифеста. Коммунистическій конгрессъ, засѣдавшій въ Лондонѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1847 г., послѣ десятидневныхъ дебатовъ, принялъ «коммунистическій манифестъ», составленный Марксомъ. Онъ появился впервые въ Лондонѣ на нѣмецкомъ языкѣ за нѣсколько недѣль до февральской революціи 1848 г., а затѣмъ незадолго до нея вышелъ въ свѣтъ на французскомъ языкѣ въ Парижѣ, куда немедленно послѣ революціи переѣхалъ центральный комитетъ, а слѣдовательно, и Марксъ и Энгельсъ. Въ манифестѣ, какъ извѣстно, было заявлено, что «ближайшею своею цѣлью коммунисты ставятъ... завоеваніе пролетаріатомъ политической власти», что «коммунистическая революція представляетъ собою радикальнѣйшій разрывъ съ завѣщанными намъ имущественными отношеніями», что коммунизмъ стремится уничтожить «буржуазную собственность». Относительно Польши было сказано, что въ ней «коммунисты поддержи-

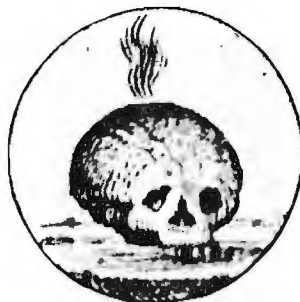
¹⁾ *Калеръ*, 190 — 191.

²⁾ «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке». Спб. 1912 г., т. III, 464. Письмо Маркса къ П. В. Анненкову напечатано здѣсь во французскомъ подлинникѣ и въ прекрасномъ переводѣ Н. С. Русанова и съ его примѣчаніями (стр. 455 — 475).

вають ту партію, которая условіємъ національнаго освобожденія ставить аграрную революцію, партію, вызвавшую краковское возстаніе 1846 г.» Въ заключеніе коммунисты «открыто» объявляли, что «ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ насильственнаго низверженія всего существующаго общественнаго строя». 1) Правда, союзъ коммунистовъ былъ, какъ это признаетъ историкъ нѣмецкой социаль-демократіи Мерингъ (I, 376), чрезвычайно мало-численъ въ первое время во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ имѣлъ приверженцевъ: онъ едва ли могъ считать ихъ численность болѣе нѣсколькихъ сотъ членовъ. Нужно считаться и съ тѣмъ, что о коммунистическомъ манифестѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія во всемъ дѣлѣ петрашевцевъ, но Спѣшневу было уже извѣстно сочиненіе Маркса противъ Прудона («Misère de la philosophie», Вух. 1847), мы увидимъ также, что Спѣшневъ еще въ мартѣ 1847 г. находился въ сношеніяхъ съ членомъ одного литературнаго социалистическаго кружка въ Парижѣ, были у него связи и съ польской революціонной эмиграціей; съ другой стороны, Марксъ, и ранѣе 1848 г. высказывавшійся въ печатныхъ и литографированныхъ трудахъ противъ другихъ теченій социалистической мысли, имѣлъ связи и среди русскихъ въ Парижѣ (напр., съ Сазоновымъ Бакунинымъ, и др. 2). Судя по тому, какое обширное письмо онъ написалъ Анненкову, Марксъ дорожилъ мнѣніемъ своихъ русскихъ пріятелей. Все это заставляетъ допустить возможность, что Спѣшневъ (а за нимъ и Тимковскій) могли быть не чуждыми вліянія революціонно-пролетарскаго коммунизма въ духѣ Маркса и Энгельса. Что касается политическихъ взглядовъ Петрашевскаго, то о нихъ намъ придется еще говорить.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

1) *Андлеръ*. «Коммунистическій манифестъ». Историческое введеніе и комментарий къ нему». Перев. Шаха, подъ ред. Берлина. Изд. Львовича. Спб., 1906 г., стр. 11, 37, 44—45, 58, 59, 86—89.

2) См. статьи *Рязанова* «Карлъ Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ» («Соврем. Міръ», 1912 г., №№ 8—12.) и *Лагарделя* «Марксъ и Бакунины» («Завѣты» 1913 г. № 2, стр. 45—51).

Дневникъ Этьена Дюмона объ его прїѣздѣ въ Россію въ 1803 г.

(Окончаніе.)

VII.

Второе поднятіе Гарнерэна привлекло темнаго народа. При первомъ Гарнерэнъ передалъ маленькій шаръ на свободѣ императору, который его пустилъ, второй — императрицѣ, а третій — Константину, который тотчасъ позвалъ Фрожеря, желая передать ему шаръ. Этотъ Фрожеръ актеръ, который держится съ нимъ фамиллярно и служитъ ему въ качествѣ шута. Г-жа Гарнерэнъ, не стѣсняясь, стала громко повторять: «Гдѣ Фрожеръ? Его высочество желаетъ его привязать къ шару въ качествѣ котенка». Она знала, что Фрожеръ очень забавлялся насчетъ воздухоплавателя. Кто-то далъ понять великому князю, что эта острота какъ будто подымалъ на смѣхъ любезность императора, который пустилъ шаръ; великій князь взялъ переданный ему шаръ и пустилъ его.

Я былъ на Петергофскомъ праздникѣ съ моими племянниками Адоромъ и Луи; стеченіе народа было громадное. У насъ былъ номеръ 10.240-й на маскарадъ; кареты ѣхали въ два и три ряда по всему пути. Дворецъ по своей постройкѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго; терраса очень мала; фонтаны и каскады гораздо хуже версальскихъ; садъ, хотя очень обширный, показался мнѣ плохо разбитымъ. Онъ весь раздѣленъ на маленькіе участки, которые не представляютъ общаго вида; аллеи — узки; чувствуется вездѣ смѣсь мелкаго съ великимъ. Иллюминація ничего не стоитъ сравнительно съ освѣщеніемъ Тюльерійскаго дворца и сада. Я бы не предпринялъ такого путешествія, чтобъ видѣть праздникъ или

маскарадъ во Франціи или Англіи, но мнѣ было любопытно сравнить теперешнее великолѣпіе русскаго двора съ пышностью Екатерины II. Главное отличіе заключалось въ службѣ и въ угощеніяхъ. Императоръ и его дворъ прогуливались по всѣмъ гостинымъ, и ротозѣи большого свѣта были рады видѣть, какъ они прохаживаются въ польскомъ; молодья великія княжны очень красивы. При входѣ у меня украли кружевную накидку, накинутую на мое домино, которую мой племянникъ далъ мнѣ на подержаніе. Она плохо была прикрѣплена, и я замѣтилъ, что она сползала, но она исчезла прежде, чѣмъ я могъ что-либо сказать. Однако было все хорошее общество, за исключеніемъ немногихъ лакеевъ у дверей. Русскіе художники Академіи Художествъ изготовили, по заказу Павла, бронзовыя статуи по древнимъ образцамъ, взамѣнъ смѣшныхъ деревянныхъ изображеній, украшавшихъ террасу и карнизъ Петергофа. Нѣкоторыя изъ этихъ статуй сдѣлали честь художникамъ. Ихъ позолотили; очень большой расходъ, произведшій самый плохой эффектъ: бронза сошла и, видишь, какъ будто, позолоченое дерево. Народъ, говорятъ, восхищается позолотой; я понимаю, что нужно было найти оправданіе дурному вкусу вельможъ, приказавшихъ произвести это переодѣваніе, которымъ художники были унижены.

Я провелъ вечеръ со Сперанскимъ, который кажется мнѣ челоуѣкомъ высшаго ума, онъ понимаетъ, чего недостаетъ его родинѣ и что можно ей дать. Мнѣ много говорили о томъ, что правительство должно покровительствовать газетѣ, которая бы обращала вниманіе общества на существенные предметы и распространяла бы просвѣщеніе; послѣднее должно въ Россіи исходить отъ правительства, такъ какъ оно не можетъ итти отъ народа къ правительству. Я ему замѣтилъ, какую выгоду французы и англичане умѣли извлекать этимъ способомъ, который давалъ результатъ настолько удовлетворительный, что онъ могъ принести пользу правительству, его примѣнившему. Французскій «Меркурій» ¹⁾ былъ бы самымъ лучшимъ образцомъ. Сперанскій боится, какъ бы не было слишкомъ мало читателей. Я сослался на изданіе журнала въ Москвѣ Карамзинымъ ²⁾, не имѣвшимъ всѣхъ средствъ, какими располагаетъ правительство для подобной работы, но все-таки насчитывалось отъ 3 до 4.000 подписчиковъ. Главный предметъ нашего разговора

¹⁾ Въ 1672 появился въ Парижѣ журналъ «Le Mercure galant», цѣль котораго было говорить обо всемъ, сдѣлать газету доступной всѣмъ и подходящей всѣмъ. Въ 1678 этотъ журналъ выходилъ въ свѣтъ въ объемѣ 400 стр. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ собственность книгопродавца Панкука, который его преобразовалъ въ «Mercure de France» чисто литературный и въ «Mercure historique et politique».

²⁾ Ник. Мих. Карамзинъ (1766—1826), извѣстный историкъ. 1802 сталъ издавать «Вѣстникъ Европы».

заключался въ пользѣ гласности, какъ средства для назиданія однихъ и обузданія другихъ. Зная его пристрастіе къ статистическимъ таблицамъ, я сказалъ ему, что было бы очень полезно составить таблицу содержанія, получаемаго чиновниками; она показала бы очевидную его недостаточность, а недостаточность содержанія должна имѣть своимъ послѣдствіемъ всякаго рода злоупотребленіе властью. Когда человѣкъ безъ состоянія получаетъ только 200 руб. жалованья, но имѣетъ экипажъ, спрашивается, откуда онъ достаетъ на покрытіе этого расхода.

Я узналъ отъ него, что шотландское миссіонерское общество обратилось два года тому назадъ къ императору для полученія разрѣшенія отправить на Кавказъ трехъ миссіонеровъ. Они отправились туда ¹⁾, имъ отвели земли и разрѣшили купить нѣсколько кавказцевъ, между которыми нерѣдко встрѣтить такихъ, которые продаютъ себя и свое семейство. Въ этомъ году миссія пополнилась десятью новыми проповѣдниками. Это первый шагъ на пути цивилизаціи. Миссіонеры покупаютъ людей съ цѣлью ихъ образовывать и затѣмъ отпустить на волю. Впрочемъ, трудно будетъ побудить народъ къ подражанію европейцамъ, такъ какъ эти люди почти не имѣютъ потребностей и не любятъ трудиться.

Послѣдняя перепись въ Россіи дала 40 мил. жителей; приростъ населенія очень быстръ, что доказываетъ, несмотря на всѣ сѣтованія, что безопасность увеличивается и что правительство становится лучше. Государственные доходы равняются 115 миліонамъ; почти не существуетъ косвенныхъ налоговъ, налогъ берется съ души и распределенъ очень неровно. Винный откупъ приноситъ 26 мил. государству; общій итогъ ввоза и вывоза въ С.-Петербургѣ равенъ 36 мил. 50 лѣтъ тому назадъ онъ былъ въ 8 мил. ²⁾.

Всѣ рудники управляются нѣмцами - саксонцами; странно, что то же самое и въ испанской Америкѣ; англичане и нѣмцы ведутъ оптовую торговлю; французы въ Петербургѣ занимаются только мелочнымъ торгомъ; они постоянно мѣняютъ предметъ своей торговли, не привязываясь ни къ чему и переходятъ отъ одной спекуляціи къ другой; они не основываютъ торговыхъ домовъ. Недостатокъ гласности, замѣченный мною, поразилъ меня

¹⁾ Шотландскіе миссіонеры поселились въ 1802 г. въ Каррасѣ, нынѣ Пятигорскаго округа, Терской области.

²⁾ Въ среднемъ выводѣ за 3 года (1802—4) отпущено товаровъ въ Западную Европу на 46.388.569 р. въ годъ, привезено изъ Западной Европы на 28.316.130 р. А. Семеновъ. «Изученіе историческихъ свѣдѣній о русской вѣншней торговлѣ», ч. III, Спб. 1859 г., стр. 51. Въ 1762 г. отпущено на 12.762.500 р., привезено на 8.162.200 р. В. И. Покровский. «Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ вѣншней торговли Россіи». Т. I, Спб. 1902 г. стр. XXVI.

въ виду того, что я услышалъ здѣсь въ одномъ обществѣ и чего нигдѣ не приходилось мнѣ слышать,—такъ, напр., по поводу одного губернатора, который только что былъ императорскимъ совѣтомъ преданъ суду Сената за взятки, жестокости, противозаконныя дѣянія, всего по тринадцати обвинительнымъ пунктамъ. Такое событіе стало бы вездѣ предметомъ общихъ разговоровъ. Я случайно услышалъ о томъ у Розенкампа отъ сенатора Козодавлева, а въ обществѣ ничего о томъ не знаютъ или этимъ не интересуются. Я спросилъ, часто ли подаются жалобы на губернаторовъ. Мнѣ отвѣтили, что жалобы бываютъ обыкновенно, но рѣдко дѣло доходить до суда.

Въ томъ же обществѣ говорили о другомъ фактѣ, а именно передавали извѣстіе объ убійствѣ генерала Бока, учиненномъ его крестьянами за то, что онъ вздумалъ ввести лифляндскіе порядки, вмѣсто русскаго оброка. Тогда какъ русскій крестьянинъ производитъ условленный платежъ вообще въ 4 рубля своему помѣщику ¹⁾ и занимается, чѣмъ хочетъ, лифляндскій крестьянинъ производитъ полевые работы подъ наблюденіемъ надзирателей, которые ихъ погоняли кнутомъ, какъ негровъ на плантаціяхъ. Причины и обстоятельства этого убійства не были ясно опредѣлены, но общество имъ вовсе не интересовалось.

Глухо говорили о событіи еще болѣе страшномъ, которое по дѣйствующимъ лицамъ и по обстоятельствамъ представляется трагедіею. Дѣло идетъ о грузинской княгинѣ ²⁾, которая привезена въ С.-Петербургъ подъ стражей съ сыномъ и дочерью за убійство русскаго офицера. Во время маленькой экспедиціи, предпринятой противъ этой княгини, или, лучше сказать, въ одной изъ этихъ

¹⁾ Въ одной статьѣ того времени обычный размѣръ оброка указанъ въ 5 р. «Труды Вольнаго Экономич. Общ.». 1804 г., т. 56, стр. 65. *Ред.*

²⁾ По обстоятельствамъ, приведеннымъ Дюмономъ и по времени, онъ надо полагать, говорить объ убійствѣ генераль-майора Лазарева въ Тифлисѣ. Въ 1800 году умеръ послѣдній грузинскій царь Георгій XIII, завѣщавшій свое царство Россіи. Послѣ него остался сынъ его Давидъ, управлявшій пока Гуріей, и вторая жена, царица Марія изъ рода князей Циціановыхъ и нѣсколько несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Главнокомандующимъ въ Грузіи и на кавказской линіи былъ назначенъ генераль-лейтенантъ князь. Пав. Дмит. Циціановъ (1754—1806), который для усмиренія края и во избѣжаніе волнений рѣшилъ удалить царицу Марію изъ Тифлиса, поручивъ исполненіе этой задачи ген.-майору Лазареву, который встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны царицы, женщины болѣзненной и своенравной. Она была въ высшей степени раздражена его настойчивыми требованіями, и въ тотъ моментъ, когда Лазаревъ самъ явился къ ней 18 апрѣля 1803 г. съ цѣлью увести ее, она однимъ ударомъ кинжала въ спину положила его на мѣстѣ. Царица съ семействомъ была перевезена въ Воронежъ, а оттуда въ Бѣлгородъ, гдѣ ее заключили въ женскій монастырь на покаяніе. Въ 1811 г., по ходатайству ея сына царевича Михаила, имп. Александръ I простилъ ее и дозволилъ ей жить въ Москвѣ, гдѣ она пребывала до своей смерти. *Тучковъ*, «Записки», стр. 202.

маленькихъ войнъ, которыя Россія постоянно ведетъ на своихъ границахъ и которыя совершенно неизвѣстны даже въ Россіи, русскій генераль, вступивъ въ городъ, черезъ своего офицера велѣлъ княгинѣ явиться вмѣстѣ со своимъ семействомъ въ русскій лагерь. Она лежала въ постели больная или притворилась таковою. Офицеръ былъ по меньшей мѣрѣ грубъ, пожелалъ удостовѣриться въ болѣзни княгини и получилъ отъ ея сына, восемнадцатилѣтняго юноши, ударъ книжаломъ; офицеръ былъ убитъ. Княгиня принимаетъ на себя всю отвѣтственность, увѣряя, что она, защищаясь, нанесла ударъ офицеру; его солдаты одни были свидѣтелями. Я недостаточно знаю сущность этого дѣла и передалъ о немъ по наслышкѣ. Не могли мнѣ сообщить, находится ли княгиня въ пути, или уже она пріѣхала. Но дѣло это не производитъ большой сенсаціи. Я не знаю, интересуются ли русскіе общественными дѣлами, — я этого не думаю. Имъ всегда твердили, что было опасно о нихъ говорить, отъ нихъ скрывали способы разслѣдованія, и установилась привычка ничѣмъ не интересоваться. По моему пріѣздѣ начата была война противъ Швеціи, но повода ея никто не зналъ; его узнали изъ гамбургской газеты. Это главный источникъ всѣхъ извѣстій по русскимъ дѣламъ, даже для тѣхъ, кто живетъ въ Петербургѣ. Я слышалъ отъ многихъ лицъ, что они узнали изъ иностранныхъ газетъ большую часть подробностей о заговорѣ противъ Павла. Этимъ объясняются самые противоположные рассказы о предметахъ, которые должны были бы быть извѣстны всѣмъ.

Я пріѣхавъ ко многимъ способамъ съ цѣлью узнать, что нынѣшній императоръ сдѣлалъ по предмету отмѣны крѣпостного права. Объ этомъ сказано выше, но допущена неточность, такъ какъ императоръ не разрѣшилъ крестьянамъ выкупаться цѣлымъ обществомъ въ случаѣ продажи земли помѣщика съ торговъ, и имъ не предоставлялось предпочтенія, если цѣна выкупа равнялась стоимости имѣнія. Сенаторъ Козодавлевъ мнѣ сказалъ, что это не вѣрно, а такъ какъ Розенкампфъ упорствовалъ, доказывая противное, то Козодавлевъ далъ ему прочесть два указа по этому предмету, не утверждающихъ ничего подобнаго.

Въ послѣдніе дни я обѣдалъ у Розенкампфа съ Новосильцовымъ, обоими графами Строгановыми и княземъ Чарторыскимъ. За обѣдомъ я разсказалъ о придирукѣ, которой подвергли меня изъ-за паспорта: въ томъ, съ которымъ я выѣхалъ въ Россію, значилось: «Этьенъ Дюмонъ», а въ газетѣ, гдѣ печатались свѣдѣнія объ отъѣзжавшихъ, было записано «Стефанъ Дюмонъ»; въ виду такого разногласія, мнѣ отказывали выдать паспортъ, требовали, чтобъ англійскій посоль удостовѣрилъ тождество обоихъ именъ. Эти господа мнѣ сказали, что я не долженъ беспокоиться, и на слѣдующій же день я получилъ отъ каждаго изъ нихъ отдѣльныя письма,

сообщавшія мнѣ о выдачѣ мнѣ паспорта и о томъ, что они сами написали губернскому правленію. Дѣйствительно, ихъ вмѣшательство сократило волокиту въ канцеляріи. Въ Россіи въ высшей степени поражаютъ своею странностью педантизмъ разныхъ видовъ, удручающая многочисленность канцелярій, письмоводства и подписей. За пропускомъ одной начинайте все сызнова, и вы, понятно, — въ рукахъ какого-нибудь канцеляриста, который вамъ устраиваетъ все это за деньги и присовокупляетъ ко всѣмъ этимъ замедленіямъ свои собственныя упущенія; въ послѣднемъ вы никогда не можете его убѣдить. Можно подумать, что русскіе, возгордившись тѣмъ, что выучились писать, пожелали умножить всѣ случаи примѣненія этого знанія. Избытокъ формъ всему вредить. Отчетность помрачается; формальности затрудняютъ самую сущность дѣла.

Розенкампфъ прислалъ мнѣ, наконецъ, изложеніе уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, но я не нашель его достаточно полнымъ, почему письменно сдѣлалъ ему множество вопросовъ, на которые онъ мнѣ отвѣтилъ съ величайшею отчетливостью ¹⁾. Это дѣйствительно умный человѣкъ, который могъ бы быть полезенъ, такъ какъ онъ свободенъ отъ старыхъ предразсудковъ, но онъ, по отношенію къ нравственнымъ качествамъ, не пользуется уваженіемъ; правда, что въ Россіи это не такъ нужно, какъ въ другихъ странахъ. Я нашель, на примѣръ, въ одномъ его докладѣ о судопроизводствѣ, частью сообщенномъ мнѣ, что онъ удержалъ въ проектѣ требованіе всѣхъ судебныхъ издержекъ, пошлины на жалобы и претензіи и пр., сумма которыхъ доходитъ ежегодно до одного милліона рублей. Я ему представилъ всѣ возраженія Бентама относительно этого рода пошлинъ. Я ему доказалъ, что онѣ противорѣчили цѣли правосудія, что они благопріятствовали богатому въ ущербъ бѣдному, что обложеніе ими производилось въ моменты самого большаго бѣдствія и пр. Онъ понялъ справедливость этихъ замѣчаній и сказалъ мнѣ, что займется передѣлкой всей этой части своей записки.

Я получаю много знаковъ сочувствія и вниманія въ моментъ назначенія срока моего отъѣзда. Новосильцовъ пишетъ очень напыщенное письмо съ извѣщеніемъ, что какъ только Харьковскій университетъ будетъ окончательно учрежденъ, я получу дипломъ корреспондента или почетнаго члена.

Розенкампфъ мнѣ прислалъ записку о совмѣстныхъ судахъ въ Даніи, я ему отвѣтилъ второпяхъ, что, по моему мнѣнію, эти суды очень хороши тамъ, гдѣ судебная часть плохо устроена, что ихъ большой успѣхъ въ Даніи служить доказательствомъ общаго недовольства обыкновеннымъ правосудіемъ, что наилучшіе

¹⁾ Изложеніе Розенкампа и вопросы Дюмона сохранились въ числѣ рукописей Дюмона въ Импер. публичной бібліотекѣ.

результаты этого учрежденія достигались при наличности двухъ условій, которыя надо было ввести въ обыкновенные суды, а именно при скорости судопроизводства и при явкѣ тяжущихся и пр.

Другой день я провелъ съ моимъ товарищемъ по школѣ и ученію Деласозэ; мы обошли разные кварталы города.

Академія Наукъ мнѣ показалась очень въ загонѣ и очень скучной; правда, что я видѣлъ музей естественныхъ наукъ въ Парижѣ. Здѣсь это похоже на богатое собраніе для богатаго невѣжды, который не знаетъ, какъ имъ пользоваться, нѣтъ профессора, который бы его показывалъ, нѣтъ учениковъ для его осмотра. Библиотека въ томъ же пренебреженіи. Въ Петербургѣ нѣтъ еще публичной библиотеки.

Я хочу сохранить на память имена тѣхъ, которыхъ я видѣлъ на дачѣ у моихъ сестеръ, еще чаще у моихъ племянниковъ, которые всегда держали открытый столъ.

Два брата Лабенскихъ, поляка, изъ которыхъ одинъ директоръ Эрмитажа.

Таперь, тоже полякъ, сынъ одного изъ самыхъ богатыхъ банкировъ Европы, который оказался совершенно разореннымъ вслѣдствіе какихъ-то несчастныхъ обстоятельствъ. Сынъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его талантъ къ музыкѣ давалъ ему средства къ жизни, и онъ теперь даетъ уроки, хотя не имѣетъ въ томъ нужды, женившись на особѣ, которая ему принесла 100.000 рубл. приданого; это человѣкъ любезный и джентльменъ.

Бертранъ, славящійся своимъ остроуміемъ и любящій имъ блеснуть, авторъ театральныхъ пьесъ и, по его словамъ, 39-ти одъ, изъ которыхъ одна, мною слышанная на празднованіи столѣтія Петербурга, не возбудила во мнѣ большаго желанія слышать остальные. За нее онъ получилъ перстень въ 200 руб., почему, увидавъ великолѣпное ожерелье, предназначенное для одной изъ великихъ княженъ, онъ воскликнулъ съ истинною наивностью: «Стоимость какого числа одъ представляютъ эти брильянты». Онъ прибылъ въ Петербургъ зарекомендованный уже тѣмъ, что Бонапартъ его преслѣдовалъ въ Гамбургѣ; здѣсь онъ издавалъ періодическій листокъ, подъ названіемъ «Le café etc. etc. (Кофе, и пр., и пр.)». Ему только что дали мѣсто театральнаго цензора съ содержаніемъ въ 2.000 рубл.

Клементи первый піанистъ, очень богатый и очень скупой, не особенно брезгавшій средствами для своего обогащенія, хотя онъ здѣсь обнаружилъ извѣстную гордость, талантъ и не предпринялъ никакихъ шаговъ, чтобъ играть передъ императоромъ и тѣмъ заручиться обыкновенными подарками отъ него. Графиня Орловой, которая спросила у него, «былъ ли онъ уже разъ въ Россіи, онъ отвѣтилъ: «Милостивая государыня, пріѣзжаютъ ли сюда два раза?»

Пинтонъ, молодой живописецъ, который не лишень ни таланта ни успѣха, который отличается приличіемъ въ своихъ манерахъ и скрытностью; фізіономія его еще болѣе интересна тѣмъ, что она проникнута отпечаткомъ меланхоліи и несчастія. Его семейство пострадало во время революціи, и эти впечатлѣнія отъ перенесеннаго горя не исчезли. Ла Вариверъ, другой живописецъ, совершенно отличный отъ перваго во всѣхъ отношеніяхъ, вышедшій изъ школы Давида, хотя этого не обнаруживаетъ его кисть.

Босси, венеціанецъ, покинувшій Италію очень молодымъ, не хочетъ тамъ жить и не напоминаетъ итальянцевъ по своему характеру; чрезвычайно разсѣянный, онъ могъ бы служить новымъ типомъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи: онъ нанимаетъ извозчика, находясь въ двадцати шагахъ отъ своего дома; онъ осматриваетъ въ гостиницѣ помѣщеніе и, если оно ему нравится, нанимаетъ его на годъ, невзирая на цѣну, которая превышала его средства. Онъ отличный живописецъ-миніатюристъ и страстно любитъ свое искусство. Ему очень нравится Стокгольмъ, гдѣ онъ прожилъ четыре года, и онъ съ большимъ уваженіемъ говоритъ о характерѣ шведовъ. Онъ былъ личный другъ Якоби, который издалъ извѣстное путешествіе по Швеціи, и очень удивленъ его неблагопріятнымъ отзывомъ о ней, такъ какъ, по его словамъ, онъ былъ тамъ хорошо принятъ и, казалось, былъ въ восхищеніи отъ этой страны. Босси очень недоволенъ Россіею, гдѣ онъ остается только для того, чтобъ зарабатывать деньги. «Все здѣсь велико,—говорилъ онъ мнѣ,—за исключеніемъ людей».

Сэрдэ, врачъ, который началъ съ того, что былъ хирургомъ. Такъ обыкновенно бываетъ въ Петербургѣ, гдѣ очень мало настоящихъ врачей и нѣтъ ни одного русскаго, который былъ бы извѣстенъ въ этомъ искусствѣ, хотя есть большое учебное заведеніе для изученія медицины съ значительнымъ числомъ учащихся. Чего недостаетъ вездѣ, такъ это умѣнья возбудить соревнованіе и поощрять заслуги. Этого не сознаютъ русскіе и судятъ только по репутации. Сэрдэ имѣетъ паціентовъ въ разныхъ домахъ; за визиты обыкновенно платятъ доктору два рубля; тѣ, которые болѣе извѣстны, получаютъ пять и болѣе рублей. Лѣкарства дороги, но хороши, такъ какъ приготавливаются императорскою аптекою. Аптекари обязаны обозначать цѣну рецепта на склянкѣ или пакетѣ.

О книгопродавцѣ Бува я упоминалъ; цѣна книгъ обыкновенно вдвое болѣе парижской цѣны и втрое тѣхъ сочиненій, которыя въ ходу или въ модѣ, какъ-то: романы, стихотворенія и пр.

Генераль Ратъ, нашъ соотечественникъ, оставилъ службу по капризу, какъ говорятъ, или потому, что онъ считалъ себя обойденнымъ; человекъ съ умомъ умѣетъ ласкаться, кусаясь и съ опаской подсмѣиваться. Онъ обязанъ своимъ состояніемъ своей женѣ, урожденной Моно изъ Моржа, которая, воспитавъ одну

изъ великихъ княженъ, получила отъ щедротъ Павла земли въ Лифляндіи, приносящія отъ 5 до 6 тысячъ рубл. дохода ¹⁾).

Оба брата Виолье — женеvцы; старшій — личность, которая казалась бы преувеличенной на сценѣ вслѣдствіе своего тщеславія всякаго рода въ качествѣ свѣтскаго человѣка, необыкновеннаго ума, любимца женщинъ, пользующагося особымъ довѣріемъ двора и расположеніемъ всѣхъ вельможъ. Онъ былъ въ званіи живописца ихъ императорскихъ высочествъ и одинъ могъ бы служить предметомъ нѣсколькихъ пьесъ. Кромѣ тысячи штукъ, продѣланныхъ съ нимъ вельможами, за которыми онъ не можетъ не ухаживать, самая смѣшная та, которую съ нимъ сыгралъ Потемкинъ, приказавшій одѣться женщиной молодому жокею миловидной наружности. Знали вкусъ женеvца, а такъ какъ онъ поздравлялъ хозяина съ такой прелестной особой, ему дали понять, что она къ его услугамъ, если только онъ могъ имѣть у нея успѣхъ. Онъ не преминулъ воспользоваться, но былъ вечеромъ въ такомъ плачевномъ состояніи, что не посмѣлъ показаться съ разорванными кружевами, съ подбитыми глазами и разодраннымъ платьемъ ²⁾).

Этотъ человѣкъ, жившій въ роскоши, не стыдился оставлять своихъ родителей вдаль отъ себя въ нищетѣ. Павелъ, освѣдомленный о томъ, придумалъ его проучить, приказавъ выдать Виолье, отправлявшемуся путешествовать съ порученіями отъ него, ордеръ въ 1.000 руб. съ тѣмъ, чтобъ половина этой суммы была уплачена его матери. Младшій братъ (несмотря на презрѣніе, съ которымъ къ нему относился старшій) человѣкъ вполне порядочный, достигшій довѣрія вдовствующей императрицы, ея частный секретарь, казначей, довѣренный, и онъ теперь является единственной опорой старшаго брата, который вслѣдствіе своей наглости утратилъ значеніе при дворѣ и котораго поддержала императрица своею милостью изъ — за благоволенія къ младшему его брату.

Я разъ видѣлъ Г. Паррота ³⁾, профессора въ дерптскомъ университетѣ, когда онъ подходилъ къ императору. Парротъ его поздравилъ, между прочимъ, по поводу выраженныхъ его величествомъ намѣреній облегчить судьбу большей части его народа, до сихъ поръ забытой, и я узналъ, что въ это путешествіе въ

¹⁾ Женѣ генераль-майора Рать, 5 мая 1799 г., было пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе 15 гаковъ. «Сенатскій Архивъ, т. 1. Именные указы Павла I». Спб. 1888, стр. 525.

²⁾ Gabriel François Viollier род. въ Парижѣ въ 1763 г., находился при кабинетѣ миниатюръ Павла Петровича, секретарь Маріи Θεодоровны (secrétaire des commandements). Семейство Viollier было родомъ изъ Женеvы. Galiffé, Armorial historique Genevois. p. 36.

³⁾ Георгъ Фридрихъ Парротъ родился въ Монбеліарѣ, тогда принадлежавшемъ Виртембергу, въ 1767. умеръ въ Гельсингфорсѣ въ 1852 г. Въ 1800 приглашенъ былъ въ дерптскій университетъ въ качествѣ профессора физики; академикъ.

Петербургъ онъ привезъ императору ошейникъ съ желѣзными острейми, заказанный лифляндскимъ помѣщикомъ для своихъ крестьянъ. Враги Паррота сказали императору, что эти ошейники употреблялись въ древности, но что они давно уже не въ ходу, и что вытаскивать эти поржавѣвшія орудія на свѣтъ Божій значитъ клеветать на лифляндское дворянство. Но Парротъ остался при своемъ объясненіи; онъ утверждалъ, что ошейникъ былъ новый и отыскалъ слесаря, которому было поручено его сдѣлать.

VIII.

Мой племянникъ Адоръ занимается приготовленіями къ моему отъѣзду; онъ нашелъ шведское судно, которое должно было немедленно отплыть. Я пошелъ съ нимъ на биржу, чтобъ посмотрѣть на наше судно. Оно кажется очень жалкимъ сравнительно съ тѣмъ, на которомъ я пріѣхалъ, но я передъ этимъ не остановился, рассчитывая на переѣздъ въ три или четыре дня не болѣе въ виду дувшаго благопріятнаго вѣтра. Биржа показалась мнѣ не соответствующей великолѣпію Петербурга, но это старое зданіе, и уже начали строить новое. Я увидѣлъ тамъ большое число русскихъ купцовъ, а также и иностранцевъ; племянникъ рассказалъ мнѣ, что одинъ изъ этихъ иностранныхъ купцовъ, уличенный въ какомъ-то плутовствѣ, былъ присужденъ подметать биржу въ теченіе шести мѣсяцевъ.

Наконецъ мое судно готово послѣ десятидневной проволоочки. Оба мои племянника Луи и Адоръ провожали меня до Кронштадта. Попутный вѣтеръ предсказывалъ счастливое путешествіе. Но это предсказаніе недолго оправдывалось; вѣтеръ намъ измѣнилъ на полдорогѣ, и понадобилось прибѣгнуть къ весламъ.

Пріѣхавъ въ Кронштадтъ, мы нашли, что капитанъ еще не прибылъ.

Городъ произвелъ на меня очень грустное впечатлѣніе особенно въ виду своего пространства, бѣдности своихъ домовъ, хотя и расположенныхъ въ линію наподобіе улицы. Мы отстояли службу въ большой деревянной церкви, и я вновь былъ пораженъ лицемѣрными обрядами этого служенія, которое состоитъ исключительно въ колѣнопреклоненіи, въ крестныхъ знаменіяхъ; казалось, что видишь собраніе людей въ судорогахъ. Вечеромъ мы засидѣлись довольно поздно въ англійской гостиницѣ.

Слѣдующіе дни Дюмонъ провелъ еще въ Кронштадтѣ, гдѣ его задержали затрудненія по таможнѣ, формальности по паспорту и противный вѣтеръ; ему пришлось очень сожалѣть, что онъ не вернулся, какъ одно время думалъ, въ Петербургъ и не поѣхалъ въ Стокгольмъ черезъ Финляндію.

Только 21 августа судно отчалило изъ Кронштадта. Переѣздъ въ Ревель былъ затрудненъ противнымъ вѣтромъ и бурями, такъ что Дюмонъ прибылъ въ Ревель лишь 31 августа и уже думалъ вернуться въ Петербургъ сухимъ путемъ, чтобъ провести зиму въ Россіи, такъ какъ дальнѣйшее путешествіе моремъ ему представлялось невыносимымъ и опаснымъ. Но ѣхать на долгихъ въ кибиткѣ или на перекладной иностранцу; не знающему языка, было очень затруднительно. Наконецъ ему стало стыдно за свою трусость и слабость духа. Онъ рѣшилъ продолжать путь моремъ до Стокгольма.

Говоря о Ревелѣ, онъ пишетъ: «Городъ открывается издали съ моря, такъ какъ часть его расположена на высокой скалѣ, окруженная стѣнами съ башнями на опредѣленномъ разстояніи. Островерхая колокольня и губернаторскій домъ бросаются первые въ глаза. Рейдъ Ревеля очень удобенъ, въ гавани стоитъ часть военнаго флота, семь или восемь линейныхъ кораблей, нѣсколько торговыхъ кораблей и судовъ, которыя ведутъ торговлю главнымъ образомъ съ Швеціею. Нѣкоторые жители города и многіе сельскіе обыватели говорятъ по-шведски. Жителей, можетъ-быть, отъ восьми до девяти тысячъ. Я гулялъ по всему городу, который показался мнѣ древнимъ и очень уродливымъ, въ особенности плохо вымощеннымъ. Достойна нѣкотораго замѣчанія площадь въ верхней части города, гдѣ находится губернаторскій домъ и церковь, въ которой поставленъ памятникъ безъ надписи въ честь адмирала Грейга. Тамъ также находятся древніе памятники рыцарей тевтонскаго ордена. Городъ имѣетъ двѣ школы. Къ счастью, я нашелъ книжную лавку довольно обильно снабженную, гдѣ были нѣкоторыя французскія и англійскія книги. Клубъ или общество торговцевъ выпустило въ обращеніе денежные бумажки въ 40, 25 и 50 к., чтобы не имѣть дѣла съ мѣдью, и эти бумажки приняты въ оборотъ. Старыя городскія стѣны, которыя только мѣшаютъ городу съ тѣхъ поръ, какъ воздвигнуты новыя укрѣпленія, оказались столь крѣпкими, что ихъ нельзя было сломать.

Нашъ капитанъ, проходя по откосу крѣпостныхъ стѣнъ, подвергся нападенію одного мужика, который ему нанесъ сильный ударъ палкою по рукѣ и два удара кулакомъ по головѣ. Этотъ мужикъ былъ поставленъ тамъ, чтобъ не пускать проходящихъ топтать газонъ откоса; онъ исполнялъ возложенныя на него полицейскія обязанности по-своему въ пьяномъ видѣ. Нашъ капитанъ и его компанія тѣмъ менѣе были виновны, что въ теченіе пятнадцати дней со времени нашего прибытія въ Ревель мы видѣли, какъ дорожкой по откосу пользовались всѣ во избѣжаніе большой дороги почти непроходимо грязной. Задержали мужика, и одинъ изъ нихъ, говорившій по-русски, пошелъ немедленно на гауптвахту. Процедура длилась недолго. Свидѣтелей было довольно, и виновный не отрекался,

онъ едва могъ сказать два слова. Его задержали на гауптвахтѣ, офицеръ удалился, чтобъ изложить свой рапортъ, и правосудіе совершилось полчаса спустя. Два солдата схватили мужика, каждый за руку, а двое другихъ стали наносить ему удары батогами по плечамъ. Онъ двинулся впередъ, чтобъ избѣжать ударовъ и бросился на землю, его подняли, и удары посыпались еще сильнѣе. Я слышалъ ихъ отчетливо, хотя былъ въ запертой комнатѣ, а гауптвахта отдѣлялась отъ гостиницы, гдѣ я находился, очень широкою дорогой. Избѣгая ударовъ, онъ падаетъ вторично; солдаты подымаютъ его на свои плечи и наказываемаго бьютъ по спинѣ и по ягодицамъ такъ сильно, что онъ кричитъ отъ боли, и я слышу его крики, несмотря на то, что затыкаю уши. Я увѣренъ, что онъ получилъ, по крайней мѣрѣ, 200 ударовъ; несмотря на то, какъ только наказаніе кончилось, онъ всталъ и пошелъ, потряхивая спиной и направляясь въ кабачокъ, гдѣ продавалась водка. Мнѣ сказали, что подобныя наказанія совершались очень часто и всегда въ такомъ же порядкѣ, а именно полицейскимъ, строгость котораго зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія начальника гауптвахты. Наказанія этого рода не влекутъ за собой никакого позора въ этомъ классѣ народа. Коль скоро наказаніе отбыто, столь же скоро оно и забыто. Но ничего не знаютъ о послѣдствіяхъ, которымъ могутъ подвергнуться вынесшіе его сообразно съ состояніемъ своего здоровья и степени своихъ силъ. Для одного—это только временная боль, а для другого можетъ окончиться смертью. На это не обращаютъ вниманія. Французскій солдатъ не согласился бы принять на себя обязанности палача, но въ Россіи совершенно чужды чувства чести.

Въ этотъ день ночью судно снялось съ якоря, и Дюмонъ отплылъ въ Швецію, къ берегамъ которой онъ присталъ только 15 сентября, перенеся очень бурную погоду.

IX.

На обратномъ пути изъ Россіи, въ Стокгольмѣ, Дюмонъ увидалъ у книгопродавца маленькую книжечку, въ которой заключался, въ видѣ письма, рассказъ о смерти Павла I. Прочитавъ его, Дюмонъ занесъ свои впечатлѣнія въ дневникъ подъ 20 ч. сентября 1803 г.

Чтеніе книжечки мнѣ ничего новаго не дало, но мнѣ пришло въ голову изложить всѣ замѣтки, которыя я набросалъ карандашомъ послѣ разговоровъ моихъ въ С.-Петербургѣ съ разными лицами. Онѣ даютъ гораздо болѣе подробностей, чѣмъ это письмо. Я далеко, однако, не признаю моего рассказа полнымъ или даже достовѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. По чувству скромности я

не посмѣлъ разспрашивать людей, наилучше освѣдомленныхъ (я знаю, съ какимъ недоувѣріемъ относятся къ путешественникамъ, а въ особенности къ человѣку, любопытство котораго заподозрѣно въ виду того, что оно вызывается желаніемъ обнародовать собранные имъ анекдоты). Такимъ образомъ повѣствованіе объ этомъ переворотѣ, по необходимости, неполно и сокращено во многихъ мѣстахъ. Но если оно неполно относительно причинъ самаго переворота и тайныхъ интригъ личностей, прикрытыхъ еще густою завѣсой, оно точнѣе и вѣрнѣе какого бы то ни было разказа, изданнаго въ эпоху самаго этого событія.

Павель все свое малолѣтство прожилъ въ страхѣ и несчастіи. Его дѣтство прошло въ пренебреженіи, его юность — въ униженіи; ему ничего не сообщали, удаляли отъ дѣлъ, наблюдали за нимъ съ тревогой.

Часто онъ очень нуждался, и я узналъ, что, подь вліяніемъ нужды, великая княгиня не осмѣливалась, за неимѣніемъ денегъ, принимать среди общества участія въ игрѣ. Она довѣрилась въ своихъ затрудненіяхъ генеральшѣ Бауеръ, если я не ошибаюсь. Послѣдняя передала это своему мужу ¹⁾, который тотчасъ предложилъ свой кошелекъ великой княгинѣ, но великій князь отказался его принять, говоря, что въ случаѣ, если о томъ узнаютъ, генераль подвергнется немилости.

Однажды, когда императрица отказалась исполнить просьбу сына, онъ позволилъ себѣ проявить сильное негодованіе и осмѣлился сказать, что были люди, въ пользу которыхъ щедроты не имѣли предѣловъ. Разгнѣванная императрица не хотѣла болѣе его видѣть до тѣхъ поръ, пока Потемкинъ не примирилъ мать съ сыномъ. Это униженіе ожесточило горячій и вспыльчивый нравъ великаго князя и расположило его къ строгости и недоувѣрію. Павель старательно замѣчалъ злоупотребленія, несправедливости, хищенія во всѣхъ частяхъ управленія подь вліяніемъ чувствъ справедливости и порядка, но этими добрыми природными инстинктивными качествами не руководилъ разсудокъ. Павель всегда набрасывался на людей за то зло, которое совершилось, вмѣсто того, чтобы видѣть вину въ учрежденіяхъ. Онъ болѣе думалъ, какъ бы наказать, чѣмъ о томъ, чтобы произвести преобразованія, и воображалъ, что можно было посредствомъ строгостей достигнуть того, что только дается путемъ хорошихъ законовъ. Онъ составилъ себѣ преувеличенное понятіе о верховной власти, а когда вспыхнула французская революція, съ сосредоточенною яростью отнесся къ новымъ вѣяніямъ, которыя вели къ самой

¹⁾ Бауръ (Бауер и Вауг, Фридрихъ Вильгельмъ, Федоръ Васильевичъ, 1731—1783). Инженеръ, генераль-лейтенантъ, соорудившій гранитную набережную Фонтанки, писатель.

неограниченной демократіи. Между тѣмъ русскіе молодые люди горячо примкнули къ этимъ началамъ, а дворянство даже насчитывало въ своей средѣ нѣкоторыхъ послѣдователей національнаго собранія.

Первый его опытъ въ управленіи былъ смѣшонъ ¹⁾.

Онъ не позволялъ офицерамъ носить шубы. Одинъ офицеръ, надѣвшій шубу въ виду чрезвычайнаго холода, сбросилъ ее на землю, увидавъ императора, и отойдя на нѣсколько шаговъ отъ нея, сталъ ожидать, съ непокрытой головой, пока онъ пройдетъ. Павелъ, обладавшій хорошимъ зрѣніемъ, понялъ, въ чемъ дѣло, подозвалъ офицера и велѣлъ ему встать на запятки своихъ саней, прокатилъ его такимъ образомъ по всему городу и, позабавившись его страхомъ, отпустилъ и ничего не сказалъ, посмѣиваясь ехидно надъ тѣмъ, что ему удалось наказать офицера потерей шубы, стоившей отъ 300 до 400 рублей.

Одна дама, выходя поспѣшно изъ кареты, упала и осталась въ положеніи, которое могло показаться смѣшнымъ всему свѣту, за исключеніемъ ея самой. Было много свидѣтелей. Императоръ приблизился; дама, у которой голова была покрыта ея платьями, не могла его видѣть, но онъ сдѣлалъ ей очень глубокой поклонъ и въ разговорѣ съ близкими нашель очень забавной эту новую манеру кланяться ему. Было запрещено показываться раздѣтымъ, даже у окна. Не полагалось видѣть мужчину въ халатѣ. Упущеніе такого рода было неоднократно наказано заключеніемъ въ исправительномъ домѣ. Равнымъ образомъ не разрѣшалось устраивать у себя собранія болѣе или менѣе многочисленныя: полиція являлась, когда она замѣчала, что нѣсколько комнатъ освѣщено.

Строгость все увеличивалась. Аресты, заключенія, ссылки возрастали. Не знаютъ ихъ числа, но оно должно было быть очень велико, такъ какъ никто не считалъ себя въ безопасности. Ежедневно были случаи лишенія офицеровъ ихъ званія или наказанія ихъ. Императоръ воображалъ, что достаточно увеличить жалованье гвардейцамъ, чтобъ привязать ихъ къ себѣ. Онъ, однако, издалъ очень благодѣтельный законъ въ пользу арміи; онъ положилъ предѣлъ продолжительной службѣ, которая была вѣчной, опредѣливъ, что солдатъ, по истеченіи тридцати лѣтъ, дѣлался свободнымъ и имѣлъ право возвратиться домой съ сохраненіемъ своего жалованья. Можетъ-быть, строгости, проявляемая въ Петербургѣ, были ничтожны сравнительно съ тѣми, которыя совершались въ провинціи. Каждый губернаторъ получалъ одинаковыя съ другими приказанія, но награждались лишь тѣ, которые умѣли найти большее число виновныхъ. Въ провинціи отъ бѣды нельзя было спастись;

1) Опускаемъ повторенія и нѣкоторые очень извѣстные факты. *Ред.*

въ Петербургѣ можно было дѣйствовать черезъ любовницъ, друзей, любимцевъ, и когда минута гнѣва Павла проходила, онъ иногда расточалъ милости, чтобъ вознаграждать за опалу.

При такомъ деспотизмѣ, число несчастій, ставшихъ извѣстными всѣмъ, всегда незначительно сравнительно съ тѣми, которыя остаются неизвѣстными. Говорятъ, что при этомъ правительствѣ не было кровопролитія. Правда, было мало казней, облеченныхъ въ формы публичности, но много людей было замучено въ крѣпостяхъ, пропали многіе изъ нихъ съ того времени безъ вѣсти, по одному подозрѣнію императоръ отправилъ въ Сибирь трехъ офицеровъ, строго запретивъ выпускать изъ повозки въ продолженіе всего пути и сообщать имъ, какимъ путемъ они ѣдутъ. Одинъ изъ ссыльныхъ опасно занемогъ и просилъ дать ему нѣсколько часовъ для отдыха, но ему было въ этомъ отказано; послѣ тяжкихъ страданій онъ умираетъ, а немилосердный вожатый продолжаетъ, путь. Другой ссыльный, внѣ себя отъ страха, въ такомъ же состояніи изнеможенія и слабости, переживаетъ своего товарища лишь на нѣсколько дней. Третій продолжаетъ свой путь съ двумя мертвыми; наконецъ онъ пріѣзжаетъ къ мѣсту назначенія, но уже сумасшедшимъ! Павелъ, который тѣмъ временемъ удостовѣрился въ невинности обвиняемыхъ и отмѣнилъ свои приказанія, былъ очень опечаленъ, какъ говорятъ, этимъ несчастьемъ, но оно вовсе не измѣнило системы его правленія. Вотъ сцена изъ дворцовой жизни, извѣстная мнѣ, со словъ очевидца, авторитетъ котораго равняется для меня удостовѣренію моихъ собственныхъ чувствъ. Когда Павелъ возвращался съ своей утренней прогулки, все было готово для его бритья. Въ кабинетѣ, примыкавшемъ къ его комнатѣ, была устроена маленькая кухня, въ которой кухарка-нѣмка, пользовавшаяся его довѣріемъ, готовила ему кушанья, и онъ не ѣлъ ничего, не приготовленнаго этою женщиной. Тамъ именно подогрѣвали воду для его бритья. Однажды, по неизвѣстной случайности, вода не была готова. Павелъ приходитъ съ прогулки. Камердинеръ, внѣ себя отъ страха, придумываетъ объясненіе: ему пришло въ голову сказать, что лакей, споткнувшись, опрокинулъ посуду съ горячей водой. «Какъ зовутъ этого болвана?» спросилъ императоръ. Камердинеръ, въ смущеніи, рѣшился назвать лакея, больше всѣхъ любимаго императоромъ, думая, что буря стихнетъ при этомъ именемъ. «Позовите его сейчасъ, пошлите за нимъ». Несчастный является, и въ тотъ моментъ, какъ онъ входитъ, императоръ, безъ всякихъ поясненій, не сказавъ ему ни слова, бросается на него и наноситъ ему удары палкою до тѣхъ поръ, пока самъ не приходитъ въ изнеможеніе отъ усталости. Но, не довольствуясь этимъ, онъ приказываетъ вельможѣ, украшенному многими лентами, взять палку и продолжать экзекуцію. Лицо, которое мнѣ описало эту сцену и которое каждое утро являлось

къ императору, находилось въ прихожей въ то время, когда этотъ несчастный вышелъ изъ кабинета, едва передвигаясь, съ окровавленными глазами и съ разбитою головою. Каждый счелъ своимъ долгомъ его утѣшить и сказать ему, что императоръ горячь, но что онъ скоро приходитъ въ себя послѣ перваго порыва, что онъ будетъ сожалѣть о своемъ поступкѣ и вознаградить его. Мой другъ, свидѣтель этой сцены, былъ настолько пораженъ ужасомъ, что предпочелъ лучше подвергнуться послѣдствіямъ негодованія Павла, чѣмъ представиться ему въ такую минуту.

Появилось нѣсколько карикатуръ и эпиграммъ, которыя привели государя въ сильное негодованіе. Было дознано, что ходила по рукамъ гравюра, представлявшая Петра I зажигающимъ свѣчу, Екатерину II подрѣзывавшей фитиль для того, чтобы она лучше горѣла, и Павла I гасившимъ ее изо всѣхъ силъ. Изображеніе было тѣмъ болѣе смѣшно, что Павелъ, когда онъ бываетъ въ тревогѣ, тяжело дышалъ и раздувалъ щеки, испуская дыханіе.

Онъ окончилъ постройку Исаакіевскаго собора, начатую при его матери, но уже прерванную съ давнихъ поръ. Соборъ былъ мраморный. Въ своемъ нетерпѣніи императоръ приказалъ окончить постройку изъ кирпича и не придерживатьея прежнихъ пропорцій такъ что видъ этого зданія крайне безобразенъ. По этому поводу сочинено очень удачное стихотвореніе ¹⁾.

Введенное и установленное шпіонство не имѣло другихъ границъ, кромѣ ненависти, которую чувствовали къ правительству. Говорятъ, напримѣръ, что прислуга была менѣе падка на доносы, чѣмъ слѣдовало ожидать, изъ одного страха передъ полиціею, съ которой она боялась имѣть дѣло. Почта была предметомъ постоянного надзора. Мой племянникъ Жанъ Дюваль получаетъ по почтѣ посылку съ музыкальными нотами. Онъ очень удивляется этой посылкѣ, первой въ своемъ родѣ, тѣмъ болѣе, что не былъ музыкантомъ. Онъ передаетъ ее своему брату для просмотра;

¹⁾ Се памятникъ двухъ царствъ, обоимъ имъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ его кирпичный.
Или: На мраморномъ низу поставленъ верхъ кирпичный.

Дюмонъ перевелъ: *cette base de marbre et ce sommet de briques sont un emblème fidèle des règnes de la mère et du fils.* Впрочемъ существовалъ французскій переводъ въ стихахъ:

De deux règnes voici l'image allégorique
La base est d'un beau marbre et le sommet de briques.

Авторомъ этихъ стиховъ считался капитанъ-лейтенантъ Акимовъ. Говорятъ, что его схватили, вынудили у него признаніе пыткой, отрѣзали языкъ и сослали въ Сибирь. Достоверно, что онъ пропалъ безъ вѣсти. Шипковъ, Записки, I, стр. 21.

послѣдній требуетъ разобрать ноты на клавикордахъ, но, убѣдившись въ томъ, что никакого аккорда нельзя было добиться, заключаетъ, что эта посылка скрываетъ какую-то тайну. Мой племянникъ относитъ посылку генералу Палену ¹⁾, которому рассказываетъ всѣ обстоятельства. Съ своей стороны Палень отправляетъ посылку въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ. Два дня спустя Палень подходитъ къ Дювалю, говоря ему: «Ваше счастье, что вы передали мнѣ эту бумагу; это шифрованный пасквиль противъ императора. Ее разобрали на почтѣ, и если бы вы ее удержали или не обратили на нее вниманія, васъ заподозрили бы въ участіи въ преступной перепискѣ. Ваша осторожность спасла васъ отъ большой бѣды». Нѣсколько времени спустя, Кутайсовъ подтвердилъ эти увѣренія. «Мы знаемъ, что это такое. У васъ есть врагъ, который хотѣлъ васъ погубить, но будьте покойны: императору доложено обо всемъ».

Я не привожу здѣсь всѣхъ анекдотовъ насчетъ любовницъ Павла, въ особенности о французской актрисѣ Шевалье, съ которою случилось что-то ужасное, о чемъ, помнится мнѣ, рассказываетъ Массонъ или Коцебу.

Если бы народное возстаніе могло возникнуть въ Россіи, то оно началось бы среди государственныхъ крестьянъ. Насколько возможно быть свободнымъ въ этой имперіи, они свободные люди; они какъ будто свободно платятъ всего на все 4 руб. ²⁾ и могутъ записываться, когда имъ угодно, въ мѣшане, если занимаются какимъ-нибудь ремесломъ, промысломъ или торговлей; они имѣютъ право, въ такомъ случаѣ, селиться повсюду, хотя всегда считаются приписанными къ своей волости. Немногіе изъ нихъ воспользовались этимъ преимуществомъ, такъ какъ они считали свое положеніе выгоднѣе въ виду того, что не боялись измѣненія въ немъ и несли гораздо менѣе платежей. Самъ Петръ I никому никогда не раздавалъ крестьянъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые принадлежали къ покореннымъ областямъ; его преемники послѣдовали его примѣру. Екатерина II никогда не рѣшалась раздавать государственныхъ крестьянъ; она дѣлала исключенія для Украйны, Лифляндіи и Польши ³⁾. Павелъ перевернулъ весь этотъ порядокъ вещей. Со дня своего вступленія на престолъ онъ роздалъ лицамъ, имъ награждаемымъ, тысячи крестьянъ изъ числа государственныхъ

¹⁾ Графъ Петръ Алексѣевичъ Палень (1745—1826), с.-петербургскій генераль-губернаторъ.

²⁾ Государственный крестьяне въ это время платили подушной подати по 1 р. 26 к. съ ревизской души и, кромѣ того, оброчной подати въ разныхъ губерніяхъ отъ 3 р. 57 к. до 5 р. 10 к. также съ души. *М. П. Руховскій*, «Историко-статистическія свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ». Спб. 1862 г., стр. 12, 30—31. *Ред.*

³⁾ Свѣдѣнія о пожалованіи населенныхъ помѣстій не вѣрны. *Ред.*

безъ различія областей. Онъ отмѣнилъ предоставленныя льготы, вернулъ въ рабство цѣлые города, которымъ Екатерина дала свободу; эти несчастные пришли въ отчаяніе; они утверждали, что принадлежали имперіи, а не императору. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они осмѣлили воспротивиться, и съ ними поступили страшно жестоко ¹⁾; но они не имѣли главарей, еще менѣе единенія и просвѣщенія. Русское дворянство готовитъ заговоръ, народъ не возстаётъ; они умѣютъ умерщвлять, но не умѣютъ соединяться и противиться угнетенію.

Первымъ орудіемъ заговора былъ выдающійся гвардейскій офицеръ; фамилія его, если не ошибаюсь, Талызинъ ²⁾. Публично оскорбленный Павломъ на парадѣ, онъ, казалось, переварилъ эту обиду; его друзья, которые знали его за честнаго человѣка, упрекали его за то, что онъ не просился въ отставку, но онъ обдумывалъ свое мщеніе. Онъ наблюдалъ за тѣми, которые могли войти въ его виды, изучалъ ростъ всеобщаго негодованія противъ Павла, не замедлилъ найти людей, которые, зная его характеръ и то, что онъ былъ обиженъ, открылись ему съ меншею сдержанностью и образовали болѣе интимный кружокъ. Скоро замѣтили, что лифляндецъ графъ Паленъ, петербургскій генераль-губернаторъ, пользовавшійся тогда большою милостью, былъ тайнымъ врагомъ Кутайсова, извѣстнаго любимца императора, человѣка всемогущаго. Сперва камердинеръ Павла, Кутайсовъ, быстро достигъ высшихъ чиновъ и громаднаго состоянія, благодаря чрезвычайнымъ подаркамъ императора, а также всѣмъ средствамъ кредита, которыя ему доставляло его вліяніе на государя. Этотъ Кутайсовъ, турокъ по происхожденію, взятый въ плѣнъ восьми лѣтъ отъ роду и рано приставленный къ великому князю, искренно привязался къ нему. При отправленіи своихъ невидныхъ обязанностей онъ отличился своимъ поведеніемъ и, повидимому, проявлялъ чувства возвыщеннѣе своего положенія. Онъ не могъ приобрѣсти состоянія при великомъ князѣ, который располагалъ малымъ для раздачи, но онъ копилъ маленькія суммы посредствомъ экономіи. Такъ какъ у него было немного ума, еще менѣе образованія (онъ едва умѣлъ читать и писать), то онъ ни въ комъ не вызывалъ зависти; думали, что онъ рожденъ для исполненія своихъ обязанностей,

¹⁾ Волненія крѣпостныхъ крестьянъ при Павлѣ происходили съ ноября 1796 г. по ноябрь включительно 1797 г. въ 32 губерніяхъ. Основною причиною ихъ было тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, а однимъ изъ поводовъ то, что ихъ стали приводить къ присягѣ императору, чего не дѣлалось со временъ вступленія на престолъ имп. Елизаветы. *Ред.*

²⁾ Петръ Александровичъ Талызинъ (род. 1767, 11 мая 1801), генераль-лейтенантъ въ 1800 г., командиръ Преображенскаго полка. Ср. сочиненіе декабриста М. А. Фонвизина «Обозрѣніе политической жизни въ Россіи». «Библіотека декабристовъ», вып. IV. 1907 г., стр. 37, 43.

и не подозрѣвали, чтобъ онъ когда - либо могъ выйти изъ прихожей. При вступленіи Павла на престоль на Кутайсова посыпались внезапно почести и подарки всякаго рода: голова его не выдержала. Странно, что онъ приобрѣлъ какой - то свой стиль, его умъ возвысился до извѣстной степени въ уровень его чина. Но по мѣрѣ того, какъ его рѣчь становилась благороднѣе, его душевныя качества развращались. Его, собственно говоря, нельзя назвать жестокимъ, но онъ возбуждалъ подозрѣнія въ своемъ государѣ, можетъ-быть, и чистосердечно.

Но его жадность не имѣла границъ, и его средства къ наживѣ были громадны.

Все проходило чрезъ его руки; онъ продавалъ все. Онъ былъ и первымъ министромъ, и ближайшимъ совѣтникомъ, и другомъ сердца; однако онъ испыталъ немилость на короткій срокъ, въ продолженіе котораго онъ кричалъ во всеуслышаніе, что если императоръ удалить его отъ себя, ему недолго придется жить.

Когда Паленъ сталъ бояться ненависти Кутайсова, онъ сдѣлался душою заговора ¹⁾.

Х.

Вернувшись въ Лондонъ, Дюмонъ продолжалъ сноситься со своими знакомыми въ Россіи. Онъ писалъ 16 мая 1804 г. Сперанскому, который отвѣтилъ ему 10 октября 1804 г. Письмо это приведено частью въ изданіи сочиненій Бентама въ переводѣ съ французскаго (X т., стр. 416). На копіи этого письма, снятой самимъ Дюмономъ и хранящейся въ Императорской публичной библиотекѣ, имѣется надпись по-англійски, сдѣланная, вѣроятно, Бентамомъ: «Russian legislation, His and Kotchoubey's viws in regard to Bentham supersided by the appointment of Novosiltsov and Rosenkampf», что значить: «русское законодательство, его (т.-е. Сперанскаго) и Кочубея виды на Бентама уничтожены назначеніемъ Новосильцова и Розенкампа». Дѣло въ томъ, что учрежденная при Павлѣ I комиссія для составленія законовъ, которой указомъ 25 августа 1801 было велѣно заняться преимущественно начертаніемъ судебного обряда, была 5 іюня 1803 г. препоручена сенатору графу Завадовскому; онъ не успѣлъ еще приступить къ работамъ, какъ эта комиссія, указомъ 21 октября 1803 г., была присоединена къ мипистерству юстиціи. Задачу свою князь Лопухинъ, въ вѣдѣніи котораго министерство находилось, опредѣлилъ въ составленіи общей книги законовъ, заключающей въ себѣ основанія права,

¹⁾ Опускаемъ разсказъ Дюмона о смерти Павла, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего новаго. См. «Цареубійство 1801. Записки участниковъ и современниковъ». Спб. 1908, изд. 2, А. Суворина и соч. Брикнера «Смерть Павла I. Со статьею В. П. Семевскаго. Спб. 1907 г. изд. Широикова. Ред.

законы общіе, законы частныя и судебныя обряды. Эта комиссія, изъ 48 лицъ, на содержаніе которыхъ было ассигновано 100.000 р., состояла подъ предсѣдательствомъ князя Лопухина, при участіи его товарища Новосильцова и Розенкампа въ качествѣ секретаря ¹⁾. Сообщая объ учрежденіи этой комиссіи, Сперанскій извѣщаетъ Дюмона о томъ, что, не участвуя въ ней, онъ не можетъ высказаться относительно значенія ея работъ: «Но я убѣжденъ,—говоритъ онъ,—что совѣтъ и побужденія такой личности, какъ Бентамъ, были бы существенны. Его глубоко - аналитическій умъ долженъ занять первенствующее мѣсто вездѣ, гдѣ требуется введеніе законодательства, основаннаго на истинныхъ началахъ пользы. Я охотно раздѣляю ваше убѣжденіе въ правильности всѣхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ этой идеи, я не въ силахъ, однако, заставить другихъ согласиться съ этимъ убѣжденіемъ, но выражаю пожеланія, чтобъ добрыя намѣренія правительства осуществились тѣмъ или другимъ способомъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сперанскій увѣдомлялъ Дюмона о томъ, что Новосильцовъ находился въ это время въ Лондонѣ, высказывалъ, что Дюмону было бы самому легко переговорить съ нимъ о предметѣ столь интересномъ. Къ этому мѣсту письма, на копіи его, рукою Дюмона сдѣлано по-англійски примѣчаніе. «Въ виду полной неспособности достопочтеннаго джентльмена къ какой-либо подобной дѣятельности, несмотря на всѣ его благія намѣренія, очевидно, на всякій разговоръ съ нимъ по этому предмету не стоило тратить ни малѣйшаго труда. Сообразно съ этимъ я тщательно избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Идеи Новосильцова въ С.-Петербургѣ были въ головѣ Розенкампа, а идеи послѣдняго были въ облакахъ, гдѣ онѣ, несомнѣнно, продолжаютъ витать».

Кромѣ копіи письма Сперанскаго отъ 10 октября 1804 г. въ Императорской публичной библиотекѣ хранятся бумаги, доставленныя бывшему директору библиотеки барону М. А. Корфу племянникомъ Дюмона, Франсуа Дювалемъ, при письмѣ отъ 12 сент. 1848 г., какъ оставшіяся послѣ смерти его дяди. Между ними имѣется рукопись съ надписью, что это — копія, но содержитъ немало собственноручныхъ примѣчаній Дюмона. Эта французская рукопись озаглавлена: Лондонъ 20 декабря 1804 г. Письмо Г Г о проектѣ русскаго уложенія. Письмо 1-е о гражданскомъ уложеніи». Въ этомъ письмѣ содержится обращеніе къ какому-то генералу («mon cher general»), доставившему автору письма проектъ русскаго кодекса. Кто этотъ генералъ? Въ собраніи

¹⁾ Труды комиссіи по составленію законовъ. Т. I. Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи комиссіи составленія законовъ, высочайше утвержденный его императорскимъ величествомъ, и выписка изъ поднесенныхъ его императорскому величеству присутствіемъ рапортовъ объ успѣхѣхъ трудовъ ея. по высочайшему повелѣнію переведенныхъ на разные языки.

сочиненій Іереміи Бентама (X, 412) приводится письмо генерала Саблукова къ Самуилу Бентаму отъ 5 февраля 1804 г. Саблуковъ восхищается въ немъ твореніями Бентама и уповаеъ на то, что они послужатъ для приготовленія кодекса, въ которомъ Россія такъ нуждается. Ник. Александр. Саблуковъ, человекъ значительнаго ума и образованія ¹⁾, жилъ тогда въ Англіи. Къ нему Дюмонъ адресовалъ письмо отъ 20 декабря въ дополненіе къ замѣчаніямъ, переданнымъ имъ Саблукову устно по предмету проекта русскаго кодекса.

Онъ разсматриваетъ планъ книги законовъ ²⁾, которая дѣлится на шесть частей. Первая часть содержитъ государственное постановленіе, или законы внутренняго устройства: «О православной вѣрѣ, о государѣ, объ императорской фамиліи, о частной государевой собственности, о собственности государственной, объ управленіи государствомъ, о государственныхъ учрежденіяхъ». Относительно этой части Дюмонъ не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній; все должно остаться попрежнему; никакихъ переменъ не должно быть въ политическомъ строѣ: не предполагается произвести переворотъ,—хорошо составленный кодексъ, напротивъ, предохраняетъ отъ него. Вторая часть содержитъ начала законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Дюмонъ находитъ совершенно излишнимъ и неумѣстнымъ помѣщать въ кодексъ трактатъ по законовѣдѣнію. По мнѣнію Дюмона, противъ такого предположенія, являющагося новшествомъ, представляются важныя возраженія двоякаго рода: въ видѣ затрудненій въ исполненіи и въ видѣ опасности споровъ, которые могли бы возникнуть ³⁾.

С. Горяиновъ.

¹⁾ Н. А. Саблуковъ (1776—1848) служилъ въ конномъ л.-гвардіи полку, гдѣ дослужился до чина полковника, 29 сентября 1801 г. былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ генерала-майора. Отправившись за границу, онъ въ 1803 г. въ Англіи женился на миссъ Юліанѣ Ангерштинъ, дочери извѣстнаго знатока и любителя живописи Эдуарда Ангерштина. Въ Россію онъ вернулся лишь въ 1806 г. *Авт.* Ср. письмо Саблукова Самуилу Бентаму, брату Іереміи Бентама въ ст. Пыпина «Русскія отношенія Бентама». «Вѣсти. Евр.» 1869 г. № 2, стр. 810—811. *Ред.*

²⁾ Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи комиссіи составленія законовъ, высочайше утвержденный 28 февраля 1804 г., и выписка изъ рапортовъ комиссіи объ успѣхѣ ея трудовъ, переведенныхъ на разные языки. Часть I, стр. 38.

³⁾ Остальныя замѣчанія Дюмона не приводятся здѣсь, такъ какъ они могутъ быть интересны только для специалистовъ-юристовъ. *Ред.*

Художникъ-народникъ.

Кремень «передвижничества» — самый несокрушимый камень его основанія — Василій Максимовичъ Максимовъ не мыслимъ безъ Россіи, не отдѣлимъ отъ своего народа.

Даже судьба В. М. всю жизнь колотила его, какъ злая мачеха, — точно такъ же, какъ она безпощадна къ исключительно даровитому народу русскому и съ какой-то тайной завистью не даетъ ему ни отдыха, ни сроку, — дубаситъ его въ самыя больныя мѣста его жизни. Такъ и нашъ бытописатель, — въ живыхъ картинахъ, полныхъ любви и смысла, — весь свой вѣкъ былъ заглушаемъ за беззавѣтную преданность, кровную любовь и неизмѣнную службу своему великому народу.

Въ этомъ служеніи своему идеалу было единственное счастье Максимова, и его назначеніе опредѣлилось въ самой ранней юности. Въ самомъ искреннемъ исканіи вѣры въ свое дѣло, онъ встрѣтилъ ученіе о величій и значеніи своего обездоленного народа и увѣровалъ въ эту идею, и она стала его религіей. — Гдѣ же правота? Гдѣ награда за эти добродѣтели? Подумайте, читатель.

Картины его можно назвать перлами народнаго творчества, по характерности и чисто русскому міросозерцанію. Онѣ скромны, не эффектны, не кричатъ своими красками, не вопіютъ своими сюжетами; но пройдутъ вѣка, а эти простыя картины только *чѣмъ-то* сдѣлаются свѣжѣе и ближе зрителю будущихъ временъ и интересовъ. А *чѣмъ*? — Это вовсе не загадка и не таинственный символъ — это самая *простая* русская, вѣчная *правда*. Она свѣтитъ изъ невычурныхъ картинъ Максимова: изъ cadaго лица, типа, жеста, изъ cadaго мѣстечка его бѣдныхъ обстановокъ, бѣдной жизни.

Какой бы культуры ни достигъ въ будущемъ русскій гражданинъ, какихъ палатъ ни понастроить онъ впоследствии — для развлеченій, обученій и общежитій своимъ молодымъ орлятамъ, во всѣхъ этихъ великолѣпныхъ хоромахъ и обширныхъ чертогахъ картины В. М. Максимова займутъ почетное мѣсто; и изъ поколѣнія къ поколѣніямъ будетъ традиціонно переходить къ нимъ любовь и сердечный интересъ къ бѣднымъ формамъ бѣднаго быта предковъ; а имя автора будетъ вспоминаться и чествоваться періодически и будетъ безсмертенъ скромный художникъ со всею простою наружностью. И все реальнѣе и знакомѣе будутъ казаться возвеличившемуся потомству его дорогія черты и все дороже будутъ цѣниться его правдивыя картинки. Ихъ будутъ любить и вѣчно будутъ ими любоваться.

Вотъ награда художнику.

И это не *фантазія* къ случаю, утѣшеніе въ горькой юдоли. Нѣтъ, счастье художника, какъ художника, несомнѣнно, заключается въ этой счастливой находкѣ своей «*зеленой палочки*»; только она и укажетъ ему путь въ его «царство небесное».

Можетъ показаться, что Максимову просго и безъ борьбы пришлось достигнуть своей художественной вѣчности. Нѣтъ, въ дѣйствительности на пути его было много искусовъ и соблазновъ, много заманчивыхъ дорогъ и болѣе блестящихъ перспективъ.

Въ Академіи Художествъ Максимовъ шелъ однимъ изъ самыхъ первыхъ въ 1-мъ десяткѣ. Профессора считали его кандидатомъ на всѣ высшія отличія академическаго курса серебряныхъ и золотыхъ медалей и, наконецъ — самое высшее — поѣздка въ Европу, на шесть лѣтъ, для окончательнаго усовершенствованія въ «искусствѣ», чтобы возвратиться достойнымъ званія и дѣятельности профессора.

Какъ! Имѣя въ виду такую блестящую художественную карьеру, Максимовъ отрекся отъ нея и остался въ Россіи для своихъ блдныхъ мужичковъ?!

— Вотъ простота...

— Да простота и *правда*, можно отвѣтить на это недоумѣніе эстета... Эстетъ равнодушенъ и къ Россіи, и къ правдѣ мужицкой, и даже къ вѣчности... Кто тамъ ее разберетъ... *Искусство для искусства*, совершенство — одно всѣмъ. И наконецъ: эта «*бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни*»... Все это такъ тяжело... Такъ разсуждаетъ эстетъ, купаясь глазами, какъ сыръ въ маслѣ, въ героическихъ исторіяхъ Горациевъ и Куріациевъ, Мучениковъ въ колізеяхъ и Юліевъ Цезарей и т. д.

Эстетъ опьяненъ этимъ абсентомъ; онъ давно уже алкоголикъ этихъ холодныхъ экзерцисовъ на историческія темы. Что ему, что родина проническа нѣма на его долготѣнія ухищренія въ техникахъ «последняго слова» искусства... Онъ никогда не задумывался, сколько стоили отечеству всѣ эти никчемныя совершенства...

Да — никчемныя. Разверните «Войну и миръ» Л. Н. Толстого, начните читать эту великую книгу жизни, которую написалъ русскій человѣкъ, и вы невольно сконфузитесь, когда хоть на минуту задумаетесь серьезно, что можетъ сдѣлать искусство своими средствами.

И художнику, желающему стать живымъ, сбросить весь хламъ и *пошлость*, прививаемые методически курсами авторитетныхъ учреждений, предстанетъ колоссальный, самостоятельный и трудный путь искусства правды и жизни; самое безпощадное отреченіе отъ усвоенной пошлости общихъ мѣстъ, готовыхъ формъ, какъ въ литературѣ—отъ литературности до скуки, долженъ одолѣть какъ подвижникъ (какъ одолѣвалъ это А. А. Ивановъ въ Римѣ 27 лѣтъ).

И Василій Максимовичъ Максимовъ понялъ съ юныхъ лѣтъ этотъ путь правды жизни въ живописи. Ни что не дается даромъ. И ему долго надо было разучиваться отъ необходимыхъ, шаблонныхъ условностей — и работать, трудиться наново: видѣть, чувствовать, искать и, что всего важнѣе, умѣть перенести на холстъ *свое новое излюбленное*. Много было труда, и безсмертіе не легко достигнуто и имъ.

Илья Рѣпинъ.

Автобіографическія записки В. М. Максимова.

Дѣтскіе годы.

Родился я въ 1844 году, 17 января. Отецъ мой государственный крестьянинъ СПб. губерніи, Новолadoжскаго уѣзда, Усажицкой волости, деревни Лапина, Максимъ Терентьевичъ Ляшинъ; мать, дочь дьячка, той же губерніи и уѣзда, прихода Шижнемы на рѣкѣ Пашѣ, Анастасія Васильевна Колумбова. Женился отецъ мой, живя нераздѣльно съ братомъ Евстратомъ и двумя сестрами; изъ нихъ старшая Мавра заправляла всѣмъ хозяйствомъ, распоряжалась денежной частью. У старшаго брата Евстрата былъ одинъ сынъ, у отца пошли частыя дѣти, начались нелады въ семьѣ. Мавра настояла на дѣлѣжѣ и ушла со старшимъ братомъ, взявъ всѣ накопленные деньги. Какъ ни трудно было отцу съ матерью, но благодаря умѣлому распорядку и полученному матерью Шижнемскому наслѣдству послѣ родителей, скоро домъ сталъ полной чашей. Первые дѣти умирали рано, насъ осталось трое: старшій братъ Алексѣй, Федоръ и я. Помнить себя я сталъ очень рано, года за два до смерти отца, значить, на четвертомъ году. Избу свою я прежде всего помню, какъ особенно большую среди всѣхъ деревенскихъ избъ, съ огромной печью и чудесной теплой лежанкой, всегда чисто выбѣленныхъ бѣлой глиной; толстыя 12 вершковъ сосновыя бревна чисто выскобленные, широкія пластины потолка на толстыхъ балкахъ (матицахъ) казались такъ высоко отъ пола, словно въ церкви, и самые высокіе люди не могли достать рукой до матицы, да и окна у насъ были гораздо больше, чѣмъ въ другихъ избахъ, кровля у насъ была тесовая.

Съ ранней осени до Рождества у насъ въ избѣ толпились прохожіе, возвращавшіеся на родину изъ Питера съ заработковъ черезъ Старую Ладугу, пока не была открыта Николаевская желѣзная дорога; дѣлая дневки, они останавливались преимущественно въ деревняхъ, гдѣ съ нихъ брали дешево за ѣду и ночлегъ. Скопится иногда такъ много народа, что матушка едва успѣваетъ всѣхъ накормить, а мы съ братомъ Федей заберемся на печь и оттуда глядимъ и слушаемъ отрывочныя рѣчи, стараемся по разговору угадать, кто и съ какой стороны: Ярославской, Костромской, Тверской, Вологодской, Новгородской и проч. Къ ночи полъ застилать свѣжей соломой, зажгутъ ночникъ вмѣсто горѣвшей съ вечера лучины; когда все затихнетъ, тогда и насъ накормятъ ужиномъ. Случалось заслушаться рассказовъ прохожаго краснбая такъ долго, что не услышишь, какъ утромъ опустѣетъ изба, а иной разъ проснешься подъ звонъ монетъ разсчитывающихся прохожихъ съ матерью и отъ холода открытой въ сѣни двери, въ которую вы-

носятъ уходящiе ночлежники свои котомки — кладь, чтобы сдать ихъ возчику до слѣдующей станціи, а сами они идутъ пѣшкомъ артелью. Какъ сейчасъ вижу тутъ отца, одѣтаго въ полушубокъ, съ кнутомъ за поясомъ и фонаремъ въ рукѣ. Помню, какъ всегда дружественно прощались прохожіе, называя мать и отца по имени и отчеству, благодаря за ночлегъ и хлѣбъ-соль.

Начала ученья грамотѣ я не помню, а помню, что въ послѣднюю зиму своей жизни отецъ часто занимался со мной. Какъ только пріѣдетъ изъ лѣса,—онъ тогда возилъ бревна для скотнаго двора,—поѣстъ, взлѣзетъ на печь, зажжетъ лучину и учить меня азбукѣ,—онъ былъ доволенъ мной.

Крѣпко осталось въ памяти впечатлѣніе нашихъ сборовъ въ церковь къ заутренѣ. Отецъ и мать были очень набожные люди, жили между собой душа въ душу. Отецъ былъ невысокаго роста, свѣтлорусые кудрявые волосы, большіе сѣрые глаза, лицо доброе, голосъ ясный, ласковый, рѣчь неторопливая. Какъ сейчасъ вижу матушку, охорашивающую его: она завязываетъ ему кушакъ, обдергиваетъ сзади сборки синяго Решемскаго сукна армяка, мажетъ ему и мнѣ голову деревяннымъ масломъ и отпускаетъ, перекрестясь. До нашей приходской церкви отъ дома около $\frac{3}{4}$ версты. Къ концу заутрени я начиналъ дремать, отецъ бралъ меня на руки и относилъ въ теплую избушку своего пріятеля понамаря, нашего дальняго родственника, гдѣ я въ ожиданіи обѣдни крѣпко спалъ. Нерѣдко слышалъ я отца читающимъ «часы» и «апостоль». Матушка этимъ гордилась, такъ какъ въ то время въ двухъ большихъ деревняхъ грамотныхъ было только двое, да и то одинъ изъ нихъ не умѣлъ писать, кромѣ своего имени, ничего, а отецъ мой писалъ бойко и четкю, судя по записямъ въ святцахъ, долго хранившихся у насъ въ домѣ. Матушка моя умѣла читать по-славянски (по-церковному), а по-граждански плохо разбирала, но все богослуженіе, молитвы, всѣ гласы «на Господи воззвахъ» отлично помнила, даже по-гречески и по-латыни знала разныя молитвы и часть богослуженія. Ея родные братья: Маркъ, Трифилій, Игнатій и Василій, учившіеся въ семинаріи, пріѣзжая на каникулы, повторяли семинарскій курсъ, и матушка, обладая изумительной памятью, усвоила то, что часто слышала, и даже научилась читать на этихъ языкахъ. Однако грамотность свою она тщательно скрывала отъ деревенскихъ бабъ, чтобы не навлекать насмѣшекъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія не только среди крестьянъ,—среди духовенства, сравнительно образованнаго,—не обучали дочерей грамотѣ на томъ основаніи, что онѣ не употребятъ оную съ пользой, а будутъ на досугѣ читать романы и вести съ любовниками переписку; такъ, обѣ мои двоюродныя сестры, дочери от. Трифилія, не знали грамоты.

Изъ ранняго дѣтства ни одно событіе не осталось такъ ярко въ памяти, какъ болѣзнь и смерть моего отца.

Лѣто 1850 года было жаркое, крестьяне не успѣли кончить сѣнокоса, какъ поспѣла рожь, мои старшіе братья Алексѣй и Федоръ уходили въ дальнія пожни косить, а матушка жала въ полѣ. Я, шестилѣтній ребенокъ, оставался дома съ больнымъ отцомъ, не отлучаясь ни на минуту, пока не возвращалась матушка. Она заходила часто, но не надолго: придетъ, справить, что нужно, около больного и опять уйдетъ на работу. Въ деревнѣ тихо, даже малыхъ ребятъ не слышно: одни ушли съ родителями въ ближнее поле, другіе къ рѣкѣ, ровесники не подходили къ нашей избѣ, зная, что сижу у больного отца. Сидя на лавкѣ у бокового окна на полдень, опершись локтями на подоконникъ, я съ какой-то безотчетной грустью глядѣлъ на залитое солнцемъ наполовину сжатое ржаное поле, я видѣлъ, какъ наклоняются жницы въ бѣлыхъ рубахахъ, старался межъ ними отыскать матушку и не могъ. А въ избѣ жарко, душно, хотя дверь въ сѣни открыта; мухи кишатъ на обѣденномъ столѣ, на шесткѣ, бьются на окнахъ, роями снуютъ около больного, беспокоятъ его, я поминутно ихъ отгоняю.

Больной лежалъ на полу, головой къ боковому окну; на лавкѣ надъ изголовьемъ стояла глиняная чашка съ водой, покрытая накрестъ лучинками ¹⁾, за ней небольшой образъ Спасителя. Подъ отцомъ постлана всякая рухлядь поверхъ соломы. Дизентерія изнурила его, онъ уже много дней находился при смерти, хотя въ памяти. Изрѣдка соберется съ силами, едва слышно подзоветъ меня къ себѣ, слабой рукой погладитъ по головѣ, а самъ морщится, словно плакать хочетъ.

Разъ онъ такъ подозвалъ меня и тихимъ ласковымъ голосомъ сказалъ, что хочетъ благословить меня, велѣлъ снять съ божницы икону Явленія Божіей Матери преподобному Сергію; я подаль икону, онъ приподнялся, трижды перекрестилъ меня ею, затѣмъ ослабѣлъ и со стономъ упалъ на подушку. Испугавшись, я побѣжалъ въ поле къ матушкѣ, весь въ слезахъ; издалека завидѣвъ меня, она бросилась навстрѣчу, взяла на руки и быстро пошла домой. Всю дорогу я твердилъ: «тата благословилъ меня». Приходимъ въ избу, отецъ лежитъ навзничъ, ослабѣвшія руки вмѣстѣ съ иконой безпомощно лежатъ по лѣвую сторону. Онъ былъ живъ. Сѣрые глаза тускло, но ласково смотрѣли на насъ; онъ прошепталъ: «я Васю благословилъ». Матушка стала на колѣни передъ образами и долго, долго молилась... потомъ, поправивъ постель отца, поцѣловала его и, быстро поднявшись, ушла на ра-

¹⁾ По народному повѣрью вода необходима для того, чтобы душа по выходѣ изъ тѣла могла искупаться.

боту. Матушка напомнила мнѣ, чтобы я не уходилъ изъ дома, да мнѣ и не хотѣлось, — вездѣ было скучно. Когда отецъ въ забытьѣ, я встану передъ образами и молюсь, самъ не знаю о чемъ, потомъ сяду къ окну и опять гляжу на несжатое поле... О чемъ я тогда думалъ—трудно сказать, но, несомнѣнно, дѣтское сердце чувало горе и болѣло той непонятной болью, которая рѣзко, на всю жизнь, запечатлѣвается въ памяти. На другой день утромъ, передъ тѣмъ какъ итти на работу, отецъ благословилъ двухъ старшихъ братьевъ. Матушка велѣла имъ работать поближе къ дому, а я опять съ отцомъ. Онъ уже рѣдко открывалъ глаза, говорить чуть внятно, и я, сидя у изголовья, все прислушивался, не зоветь ли онъ, часто наклоняясь посмотрѣть, не шевелить ли онъ губами... Вдругъ почудилось мнѣ, будто онъ позвалъ: «Вася». Оглянувшись, вижу онъ лежитъ навзничъ, и такъ, какъ-то по-особенному, дышитъ съ хрипотой, глаза закрыты, голова склонилась на бокъ. Долго я стоялъ надъ нимъ; ждалъ ли я оклика, или смутно понялъ, что никогда съ этой минуты уже его не услышу — наклонился надъ нимъ, позвалъ его, тронулъ рукой, — потомъ очень громко сказалъ: «татушка, ты спишь». Отзыва нѣтъ. Страшно стало мнѣ среди этого безмолвія, дрожь пробѣжала по тѣлу, я не заплакалъ, но вдругъ словно обезумѣлъ и, не помня себя, пустился бѣжать къ матери, а страхъ все преслѣдовалъ меня, и я холодѣлъ... Встрѣчные сторонились, крестясь; сосѣдка бросилась слѣдомъ за мной къ матушкѣ... Какъ увидѣла меня матушка, такъ и упала наземь... много женщинъ собралось около нея, поили ее водой, брызгали, послѣ подъ руки взяли и повели домой, меня какая-то женщина взяла на руки и снесла домой, никто не плакалъ и не говорилъ ничего. Угадала матушка по моему лицу, что отецъ умеръ. Собрались братья едва живы отъ слезъ, а матушка все это время была молчаливая, спокойная, не плакала, а часто молилась передъ иконами и прикладывалась къ покойному.

Гробъ или домовину дѣлали изъ толстаго цѣльнаго дерева на улицѣ нѣсколько мужиковъ, я не видѣлъ, когда гробъ окончили, видѣлъ отца положеннаго въ гробъ въ бѣломъ саванѣ, изъ-подъ котораго видны одѣтыя въ берестовые лапти ноги. Хоронили отца 5 августа, наканунѣ нашего приходскаго праздника Преображенія Господня. Дядя дьяконъ Трифилій Васильевичъ пріѣхалъ наканунѣ похоронъ и послѣ похоронъ, помянувши отца, уѣхалъ въ Новую Ладогу, такъ какъ надо было успѣть ко всенощной. Близкіе родные, пришедшіе на похороны, остались и на праздникъ, чтобы помочь матушкѣ въ полевоиъ хозяйствѣ. Помню, что матушка въ дни послѣ похоронъ очень много плакала, мнѣ было скучно, я все ходилъ за ней, а она крестилась и гладила меня по головѣ.

У ч е н ь е.

Этой же осенью матушка свела меня и брата Федора въ монастырскую школу.

Въ полуверстѣ отъ нашей деревни на лѣвомъ берегу р. Волхова находится Николаевскій мужской монастырь. Настоятелемъ его, игуменомъ Аполлосомъ, открыта была еще въ концѣ сороковыхъ годовъ школа для мальчиковъ; помѣщалась она сначала въ оградѣ самаго монастыря, но имъ выведена изъ стѣнъ монастыря въ бывшій скотный дворъ и мастерскія — столярную, швальную и сапожную. По упраздненіи скотнаго двора осталось обширное помѣщеніе мастерскихъ; въ одной такой комнатѣ помѣщалась школа, при ней была большая прихожая, выходившая дверями на коридоръ, изъ котораго ходъ былъ въ другія комнаты. Въ школѣ обучали чтенію и письму, Закону Божію, священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, писали подъ диктовку, попутно сообщались грамматическія свѣдѣнія, четыре правила ариѳметики съ весьма нехитрыми задачами, сверхъ всего обучали пѣнію церковному по слуху.

Когда матушка твердо рѣшила отдать насъ въ школу, необходимо было позаботиться о соотвѣтственной школьной одеждѣ и обуви; до сихъ поръ у меня не было своихъ сапоговъ, я ходилъ въ обноскахъ съ ногъ старшаго брата, не было также ни кафтана, ни шубы на мой ростъ, и вотъ, когда явился швецъ (портной) шить полушубки мнѣ и брату Федѣ, мы торжествовали, не выходили на улицу, все время сидѣли около портныхъ, съ нетерпѣніемъ ждали конца работы. Наконецъ, готовы были намъ кафтанчики изъ сѣраго домотканнаго сукна и овчинные полушубки, попущенные на ростъ, — оставалось сшить сапоги, чтобы бѣжать въ школу. Когда явился мастеръ и сталъ шить сапоги сначала старшему брату и мамѣ, мы въ слезахъ бросились въ ноги матушкѣ, умоляя не забыть насъ, такъ какъ кожи, по нашему мнѣнію, осталось слишкомъ мало. Боже, сколько радости было, когда наши сапоги стояли на печкѣ, вымазанные дегтемъ. Мы то и дѣло примѣряли ихъ, пачкая руки. Наконецъ, намъ рѣшительно было объявлено, что сведутъ насъ въ школу тогда, когда замерзнетъ рѣка.

Наступилъ желанный день, насъ отвела матушка къ настоятелю монастыря, игумену Аполлосу; онъ принялъ насъ очень ласково и велѣлъ итти къ учителю въ школу. Учитель монахъ о. Евѳимій принялъ насъ сухо; по испытаніи познаній посадилъ съ малолѣтками, которые совсѣмъ не знали ни одной буквы. Мнѣ показалось это обидно и я сказалъ учителю, что не хочу сидѣть съ безграмотными, это оказалось великой дерзостью, и меня приговорили къ розгамъ, но простили тогда, когда я былъ уже раздѣтъ.

На мое счастье въ эту пору явился въ школу от. Аполлосъ, я выбѣжалъ къ нему и со слезами разсказалъ ему о несправедливости учителя. Меня посадили на другую парту «съ грамотными», но учитель не забылъ моей смѣлости и сдѣлался очень строго ко мнѣ. Для меня единственной выгодой оказалось, что я раньше началъ учиться писать. Оттого мнѣ съ первогодками нечего было дѣлать, такъ какъ азбукѣ и складамъ едва выучились въ продолженіе двухъ зимъ и уже тогда начинали писать, когда могли читать «по верхамъ». Въ зимнее время ученики обязаны были приходить въ школу до разсвѣта, принося съ собой поочередно свѣчи, и здѣсь подь руководствомъ старшихъ твердить уроки; на обязанности старшихъ была топка печей и сѣченіе розгами. Каждое утро, несмотря ни на какіе морозы и непогоду, мы должны были итти въ школу. Каждое утро матушка будила насъ тогда, когда готовъ былъ завтракъ: въ скоромное время щи съ бараниной и каша съ бараньимъ жиромъ, либо картофель, а въ постные дни — щи съ рыбой, грибы и пареная брюква; кромѣ того, намъ давали съ собой порядочную порцію ѣды на дневное пропитаніе; о чаѣ мы помина не держали, питьею были квасъ или вода. Рѣдкій разъ матушка не проводить насъ до горы, гдѣ насъ ждалъ ровесникъ Федя, другъ и пріятель Ефимъ съ превосходными салазками, на которыхъ мы втроемъ скатывались съ крутой горы по направленію къ рѣкѣ Волхову почти всегда благополучно, только послѣ снѣжной заносы бывали непріятные случаи застреванія въ сугробѣ снѣга или паденія въ оврагъ, но это намъ было нипочемъ.

Много школьниковъ было изъ дальнихъ деревень, имъ разрѣшено было жить въ имѣвшейся въ одномъ коридорѣ съ школой столярной мастерской, которою завѣдывалъ отставной солдатъ, добрый, но строгій человекъ; за присмотръ родители платили ему деньгами, выдавая на дѣтей натурою пайки, — кто чѣмъ могъ. Въ ненастную погоду дозволялось ночевать и дѣтямъ болѣе ближнихъ деревень, если одежда была плоха. Тогда сторожъ докладывалъ эконому, и изъ монастыря послѣ вечерней трапезы приносили остатки щей и каши; монастырскій квасъ во всякое время имѣлся при школѣ въ изобиліи. Отецъ Аполлосъ часто приходилъ въ школу и очень любилъ когда стройно пропоютъ «Отче нашъ», «Богородице дѣво радуйся», всегда отмѣчалъ, чьи голоса лучше и вѣрнѣе, и просилъ учителя обратиться на такихъ вниманіе. Онъ никогда не ласкалъ дѣтей богатыхъ родителей болѣе, чѣмъ бѣдныхъ, а, наоборотъ, старался подбодрить успѣвающихъ бѣдняковъ, разспрашивая о ихъ домашнихъ дѣлахъ, даря имъ гостинцы, старыя иконы съ кіотами, иногда сапоги, когда видѣлъ, что въ таковыхъ есть нужда. А учитель о. Евѣимій любилъ дѣтей богатыхъ родителей, съ ними онъ больше занимался, имъ прощалъ шалости, насиліе надъ младшими, слушалъ ябеды, за то его любимцевъ ненавидѣли остальные ученики. Учитель о. Евѣимій

В. М. МАКСИМОВЪ.

(Портретъ работи Ярошенки.)

одѣтъ былъ въ тонкій суконный подрясникъ, самъ такой чистый, бѣлый, синіе глаза ласково смотрѣли въ хорошемъ настроеніи, губы складывались въ улыбку, бѣлыя съ тонкими пальцами руки любовно приглаживали и безъ того гладко причесанные темнорусые волосы; но стоило чѣмъ-нибудь обезпокоить от. Евѡимія, онъ дѣлался неузнаваемъ: глаза блестятъ злобой, ротъ съ бѣлыми зубами искривлень, руки сжаты въ кулаки, походка порывистая, словно онъ старается догнать своего врага и растерзать впрахъ... Стоитъ въ это время войти о. Аполлосу и весь жаръ о. Евѡимія словно водой залить — снова онъ ласковъ, благодушень. Такимъ онъ мнѣ показался, когда я былъ малышомъ, такимъ я узналъ его много лѣтъ спустя, — дѣланное смиреніе осталось при немъ, а выходки злобы смягчились потому, что некому было его бояться.

Вплоть до наступленія праздника Рождества Христова въ школѣ ежедневно разучивали Рождественское славеніе — «Христосъ раждается и т. д.» по группамъ, кому съ кѣмъ удобнѣе ходить славить. Намъ изъ деревни всего было трое: Федя, его пріятель Ефимъ и я. Мы прекрасно знали монастырскій напѣвъ и пѣли каждый своимъ голосомъ, а не въ унисонъ,—этому выучилъ насъ от. Евѡимій. За нѣсколько дней до праздничнаго распуска школы всѣ учащіеся были позваны въ парадный залъ игумена Аполлоса и тамъ пропѣли славеніе, за что получили всѣ по 10 коп. съ наставленіемъ не шалить и не драться во время славенія, не завидовать кому даютъ больше, — это добрая воля хозяина и оцѣнка умѣнья пѣвцовъ. Болѣе подробное наставленіе дано было от. Евѡиміемъ каждой группѣ.

Наступилъ великій постъ. Масленица прошла такъ же скучно, какъ и все время послѣ смерти отца; матушка страшно скучала, тоску свою она гнала необыкновенной дѣятельностью: не видаль я ее праздно сидящей безъ дѣла; во время топки печи, когда готовилось кушанье, она успѣвала вязать варежки на двухъ спицахъ или прядь мѣшочную пряжу. Выпаивала она трехъ, четырехъ дорого продававшихся телятъ, — она славилась этимъ умѣньемъ, къ ней ходили сосѣдки за совѣтами, когда у нихъ не ладилась выпойка, и всегда благодарили ее. Масло, творогъ, приготовленные ею, покупали, не торгуясь. А стряпать она была такая мастерица, что часто за ней пріѣзжали отъ богатыхъ купцовъ, когда требовалось особое искусство. Бывало, когда придетъ за Петровщиной наша приходская попадья, она долго выспрашиваетъ о приготовленіи разныхъ кушаньевъ или заготовленіи впрокъ продуктовъ хозяйства. Вотъ почему принесенный въ школу пирогъ изъ чернаго тѣста богатые мѣщане нарасхватъ мѣняли на ситникъ съ патокой. По тому, какъ мы вкусно ѣли, можно было подумать, что мы нивѣсть какіе богачи, а все зависѣло отъ умѣнья и заготовленія впрокъ всякой огородини и лѣсныхъ продуктовъ: грибовъ и ягодъ.

Чистота въ избѣ у насъ примѣрная, въ любомъ углу не увидишь пылинки, а передъ большими праздниками все-таки скребли и мыли потолки и стѣны. Какъ сейчасъ вижу мою милую, дорогую матушку поучающей какую-нибудь сосѣдку выходу изъ неудачи семейной жизни: матушка ласково уговорить, настроить, даже поплачетъ съ молодухой; часто мужья приходили къ ней съ женами разсудить ихъ дѣло по-божески, и всегда мать умѣла найти доброе слово примиренія. Доброта ея была истинно христіанская. У насъ въ деревнѣ появился нищій-полуслѣпой съ кучей дѣтей и внучатъ, уроженецъ Витебской губерніи, Александръ Порфирьевъ, ему негдѣ было жить, а у насъ была большая новая баня, мать предложила ему помѣститься въ ней, а въ тѣ дни, когда баня нужна, выходить къ намъ въ избу. Два года Александръ жилъ въ банѣ; каждый день ему матушка посылала кринку молока для дѣтей или онъ самъ приходилъ къ намъ. Послѣ онъ заарендовалъ вдовью лачужку на горѣ, когда старшія дѣти были отданы въ люди, и у него зрѣніе поправилось.

Матушка была высокаго роста, здоровая крѣпкая женщина; казалось, ей всякая ноша подъ силу, возьметъ мѣшокъ ржи три мѣрки такъ легко, словно подушку съ постели, между тѣмъ никто тоньше се не выпрядалъ нитокъ и не ткалъ хитрыхъ узоровъ на скатертяхъ; трудно повѣрить ея умѣнью вышивать гладью по полстну и многимъ другимъ работамъ, ея длинныя пальцы не закорузли отъ грязной работы въ грядкахъ, въ полѣ и проч. работахъ. Красотой лица она не отличалась, глубокосидѣвшіе каріе глаза, съ густыми бровями, большой ротъ, полный бѣлыхъ, какъ сахаръ, зубовъ, съ всегда привѣтливой улыбкой, продолговатый овалъ лица попорченнаго оспой и длинный прямой носъ — вотъ ея портретъ; волосы у ней были каштановые, выющіеся, огромные, отчего голова казалась большою въ то время, когда она сидѣла, и соразмѣрной на ходьбѣ. Покойный дядя отецъ Трифилій, вспоминая сестру, говорилъ: «Твоей матушкѣ всякій готовъ былъ исповѣдываться,—такое чувство она внушала всѣмъ своимъ существомъ». Лжи она не выносила въ людяхъ и сама не лгала, правду она говорила всегда, но такъ умѣла сказать, что очень рѣдко кто на нее обижался. Отъ насъ она требовала полной чистосердечности и, когда замѣчала малѣйшую уклончивость, укоризненно устремляла свои каріе глаза и этимъ возвращала къ правдѣ. Можно подуматъ, что мама была вѣчно хмурая — нѣтъ, напротивъ, она скорѣе была веселая, смѣшная, часто, бывало, расскажетъ такую веселую побасенку, что всѣ впокоточку расхохочатся; только она одна не смѣется, а словно удивляется: «чему они смѣются».

Удивляться надо терпѣнію мамы, когда съ первой недѣли великаго поста, чуть ли не каждый день къ намъ въ избу тащились старыя и молодыя женщины съ просьбой основать ставъ,

для чего надо расчесть длину нитки и ширину ткани, сдѣлать это удобнѣе въ высокой избѣ, вотъ и шли къ намъ. Потомъ, когда напутаютъ у себя дома въ дальнѣйшемъ производствѣ става, опять бѣгутъ къ матери съ просьбой зайти къ нимъ исправить порчу. Особенно часто молодыя неопытныя бабенки приходили къ ней и со слезами молили наладить дѣло, пока нѣтъ дома свекрови, которая по злобѣ на молодуху нарочно не говоритъ, гдѣ молодича ошиблась, тутъ мать все дѣло свое бросить, пойдетъ на помощь, чтобы зараждающуюся вражду прекратить въ зародышѣ. Въ посту мы рано приходили изъ школы, мама всегда заставляла меня читать ей изъ большой Минеи Четыи житія Св. Отцевъ, при чемъ соседка, тетка Сениха, всегда присутствовала, какъ усердная слушательница. Непонятныя мѣста мама объясняла намъ ясно, видимо, свѣдѣнія эти ею получены были отъ братьевъ; въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ Греціи и Римѣ языческіе боги, императоры, преторы и прочіе чины ей были извѣстны, также знала она, въ какихъ земляхъ были Римъ, Византія, Іерусалимъ и многое другое.

Когда матушка была дѣвицей, она съ своей теткой, старой попадьей, ѣздила въ Соловецкій монастырь, а потомъ въ Кіевъ пѣшкомъ, заходя въ Москву и по пути въ другіе монастыри; эти воспоминанія у ней остались такъ свѣжи въ памяти, что она ихъ передавала чрезвычайно живо. Все встрѣчавшееся въ пути: города, деревни, образъ жизни жителей, разницу въ обиходѣ домашняго хозяйства, одежды мужеской и женской, все она запоминала, словно записала въ книгѣ. Когда я спустя 50 лѣтъ посѣщала эти мѣста, я всегда вспоминала свою дорогую матушку, ея изумительную наблюдательность и вѣрность передачи впечатлѣній. Принесенныя ею изъ путешествія картины, образа, шитыя полотенца южныя, ленты, хранились, какъ святыня. Въ ближніе монастыри: Новгородъ, Александра Свирскаго, Валаама, Зеленецкій, она ходила много разъ, — даже на моей памяти, — когда былъ женатъ старшій братъ Алексѣй.

Любилъ я нашу деревню Лапино, отсюда далеко было видно во всѣ стороны, особенно съ высокаго съ тремя сопками поля, которое виднѣлось изъ бокового южнаго окна избы. На этомъ полѣ снѣгъ таялъ скорѣе всѣхъ мѣстъ и мы, малыши, любили бѣгать туда собирать «пупки» и поѣдать ихъ съ удовольствіемъ, это видъ хвоща, не знаю, какъ правильно назвать. Съ средней, самой высокой сопки, видъ былъ чудесный на противоположный берегъ рѣки Волхова съ бѣлой оградой Николаевскаго монастыря, а дальше внизъ по теченію — Георгіевская крѣпость съ безчисленными домиками селенія Старой Ладogi, Успенскимъ дѣвичьемъ монастыремъ, садами усадьбы помѣщика Томилова, послѣднимъ высокимъ зданіемъ упраздненнаго древняго Ивановскаго монастыря,

одинокъ стоящаго на фонѣ лѣсной дали, на крутомъ берегу Волхова. Съ ранней весны въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка очень много плыло по рѣкѣ груженныхъ хлѣбомъ судовъ, множество рабочихъ сидѣло на веслахъ и очень стройно пѣли протяжныя пѣсни, замолкая при видѣ монастырей и церковей. Иногда караванъ останавливался во время встрѣчнаго вѣтра, бурлаки на берегу разводили огонь, пѣли пѣсни и подъ игру балалаекъ откалывали плясовую. Въ тихіе вечера я любилъ сидѣть на горѣ, слушать отдаленный говоръ людской и клепанье бѣлья, повторяемые эхомъ. Я сидѣлъ, пока не приходилъ Федя звать ужинать. Иногда послѣ ужина мы съ Федей выйдемъ на улицу, сядемъ на крыльцо нашего амбара, укроемся шубами и сидимъ, слушаемъ, какъ одинъ передъ другимъ звонко поютъ соловьи въ орѣшникѣ, что въ кряжу сопочнаго поля. Запахъ сырой земли и свѣжей зелени, холодный воздухъ, тишина — не хочется въ избу итти...

Прошло болѣе двухъ лѣтъ со дня смерти отца, мать стала часто поговаривать съ своей старшей сестрой Татьяной Васильевной, что надо Алексѣя женить, то же, я слышалъ, говорила и сосѣдка Степанида Сениха. Мать спрашивала сына, нѣтъ ли у него самаго гдѣ на примѣтѣ дѣвушки, хотя чудесно знала, что у Алеши не было и на умѣ жениться, онъ никуда не ходилъ въ гости безъ матери. Вскорѣ послѣ Крещенья мама, Алеша и сосѣдъ Семень вечеромъ куда-то уѣхали, у насъ осталась въ гостяхъ тетушка Татьяна Васильевна, мы читали весь вечеръ, а она сидѣла пряла; на другой день къ намъ пріѣхали вечеромъ незнакомые люди, — это они смотрѣли мѣсто, гдѣ предстояло жить ихъ дочери. Началась свадебная стряпня; въ школу насъ спроваживали съ особенной радостью, чтобы не мѣшали.

Однажды мы приходимъ изъ школы, вошли и свою избу не узнаемъ — божница, зеркало, окна, стѣны — все убрано шитыми полотенцами, на кровати множество подушекъ, новыя занавѣски; въ избѣ пахнетъ мяснымъ кушаньемъ и душистыми тепликами; въ задней избѣ стоятъ боченки съ пивомъ, сладкіе пироги и прочая стряпня. Меня ведутъ сюда, одѣваютъ новую ситцевую рубаху и — о диво! — плисовые штаны, о которыхъ я до сего дня никакого понятія не имѣлъ. Сразу я сталъ гордымъ дуракомъ: ничего не вижу, никого не слышу, — чувствую себя поглощеннымъ штанами, щупаю себя, я ли это. Просто не оторваться отъ своихъ штановъ. Дядя о. Трифилій это примѣтилъ, посмѣялся надо мной и я опомнился, пересталъ заглядывать на штаны, хотя частенько поглаживалъ ихъ руками.

Въ церковь и обратно мы ѣздили съ колокольчиками, намъ загораживали путь дружки, — давали деньги и путь освобождали. Дома скопилось очень много гостей, совсѣмъ незнакомыхъ, наши от. діаконъ съ женой, тетушка Татьяна Васильевна съ мужемъ и

сыномъ ровесникомъ Алексѣя, еще старый другъ отца понамарь, да Иванъ Дмитріевичъ прасоль, начетчикъ съ женой, сестра его Марія Дмитріевна съ Березья, веселая красавица, золотошвейка и низальщица жемчуговъ. Молодые стояли въ красномъ углу, оба они очень красивые, всѣ любовались ими и то и дѣло заставляли цѣловаться, что мнѣ было непріятно, каждый поцѣлуй отдалялъ меня отъ брата Алексѣя. Соскучившись, я не дождался ужина, заснулъ гдѣ-то на печи, позабывъ о своихъ плисовыхъ штанахъ.

На другое утро только успѣли гости напиться чаю, какъ вошелъ человекъ въ избу на четверенькахъ съ глинянымъ горшкомъ на головѣ и бродилъ, тыкаясь обо что попало, пока другой дружка не разбилъ у него на головѣ горшка, ударивъ по немъ палкой; тутъ молодая (Варварой звали молодую) стала вѣникомъ подбирать осколки, а гости бросали на полъ деньги. Шутку началъ отъ діаконъ: онъ, около своего мѣста посоривъ овса съ мякиной, отошелъ въ сторону, чтобы продѣлать то же въ другой разъ; подбилъ къ этому свою жену, сестру Татьяну, и стали всѣ сорить непомѣрно. Варварѣ выгодно было мести этотъ соръ, изъ него она то и дѣло вынимала серебряныя монеты, а мѣдныхъ пятаковъ безъ счета; дядя далъ и мнѣ большой пятакъ, чтобы бросить въ соръ, а я пожалѣлъ невѣстку, подошелъ къ ней и отдалъ ей въ руки мою жертву, она при всѣхъ меня поцѣловала, долго смѣялись гости, а мама была мной довольна и это меня успокоило. Хорошенько не помню, черезъ сколько дней наши родные и я поѣхали въ гости на родину Варвары Семеновны въ деревню Чернецкое, въ девяти верстахъ отъ нашей деревни. Дядя отъ Трифілій съ женой, дядя и тетка съ сыномъ Иваномъ Ильинскіе, сваты, матушка, Федя и я, а молодые съ дружкой передомъ. Изъ деревни выѣхала съ колокольцами, потомъ ихъ сняли для спокойствія. Пока ѣхали жилыми мѣстами всѣ разговаривали, а въѣхали въ лѣсъ—всѣ замолчали, всю дорогу я крѣпко спалъ, передъ самой избой меня едва разбудили.

Насъ встрѣтилъ на дворѣ родной дядя Варвары Семеновны, Григорій, два ея брата и мать со свѣчами проводили въ избу; изба оказалась черная, какъ баня и запахъ такой же банный, она низенькая, тѣсная, не уютная, мнѣ стало сразу скучно. Дядя и мама были разговорчивы, виду не показали своего удивленія; вотъ, когда начался столъ, стали неволить гостей пить водку, пиво, тутъ дядя рѣшительно сказалъ, что «онъ не пьянствовать пріѣхаль, а сдѣлать честь новой роднѣ». И въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ нашихъ гостей водку и пиво пили только двое, но и то самую малость. Дядя выпивалъ свою обычную порцію у себя дома и въ гостяхъ у сестеръ. Мать Варвары Семеновны старуха-злюка, лицомъ смолоду, должно-быть, была красива, а теперъ, кромѣ страха и отвращенія, ничего не внушала.

Еще немного прошло времени, что мы сидѣли за столомъ, Варварина родня, напившись, начала между собой вздорить, какъ разъ въ это время вошелъ какой-то человѣкъ съ собакой и, не снямая шапки, стоялъ у порога. Всѣ гости переглянулись и шептали другъ другу: «Колдунъ, колдунъ пришелъ», — тогда дядя о. Трифилій всталъ и громко сказалъ: «Колдунъ, подойди сюда, выпей за здоровье молодыхъ красоулю и уходи, не мѣшая пировать». Поднесли колдуну водки, дядя сунулъ ему въ руку какую-то монету и колдунъ исчезъ съ своей собакой. Наши всѣ обрадовались, что столъ послѣ этого скоро закончился и мы собрались домой. Всю дорогу ѣхали при несмолкаемомъ говорѣ, къ намъ подсѣла тетушка Татьяна и они разсуждали, какова-то будетъ молодница, взятая изъ такой нескладной сѣрой семьи. Какъ водится, молодые дѣлали визиты участвовавшимъ въ свадьбѣ роднымъ, Варвара Семеновна была чрезвычайно довольна сердечнымъ пріемомъ, о чемъ говорила матушкѣ. Меня она полюбила и часто брала съ собой спать, когда мужа не было дома, — она боялась домовыхъ и всякой нечисти въ малознакомомъ ей домѣ.

Этой весной матушка взяла меня съ собой въ Новую Ладугу къ дядѣ от. Трифилію, гдѣ я наглядѣлся всякихъ диковинъ. Въ нижнемъ этажѣ часы съ кукушкой, другіе часы играли пѣсни, зеркало, въ которомъ сразу видѣлось двѣнадцать отраженій одного и того же человѣка, заяцъ качавшій головой и поводившій ушами, лежанка съ расписными изразцами, гдѣ изображены: пѣтухи, куры, львы, медвѣди, и множество всякихъ людей въ господской одеждѣ и мужиковъ, по одеждѣ не похожихъ на нашихъ, однако, съ русскими подписями. А сколько книгъ въ двухъ огромныхъ шкапахъ, все въ кожаныхъ переплетахъ, большихъ, какъ церковный псалтирь или библія, есть даже Евангеліе въ окладѣ такое большое, какъ въ Никольскомъ монастырѣ. Всѣ стѣны столовой уставлены вплоть шкапами съ разными книгами. А въ верхнемъ этажѣ всѣ стѣны увѣшаны старинными гравюрами, картинами, портретами митрополитовъ, архіереевъ и государей, видами монастырей, пустыней, всего не осмотришь и въ годъ. Дядя, видя мой интересъ къ книгамъ, въ этотъ разъ подарилъ мнѣ священную исторію съ картинами и большое житіе Алексѣя, митрополита Московскаго, только что вышедшее изъ печати. Подарилъ мнѣ запасъ бумаги, карандашей, резинку, банку чернилъ, портретъ митрополита Никанора и Св. Семейство Рафаэля. Я расплакался отъ удовольствія, онъ сказалъ, чтобы я не мазалъ углемъ ни печи, ни лежанки, а рисовалъ на бумагѣ и доставлялъ ему, а онъ взамѣнъ будетъ и впредь давать мнѣ бѣлую бумагу. Мнѣ сразу захотѣлось поскорѣе ѣхать домой, приняться рисовать митрополита Никанора. Мама не утерпѣла, рассказала дядѣ о моей страсти рисовать всякую всячину, чуть гдѣ окажется клочекъ чистой бумаги, а не то такъ на печкѣ

или лежанкѣ. Только на школьных тетрадяхъ я не отваживался рисовать. Попробовавъ однажды изобразить сѣченіе розгами, я увлекся и цѣлую страницу занялъ этимъ сюжетомъ, какой это былъ рисунокъ, Богъ вѣдаетъ, но учитель усмотрѣлъ въ немъ желаніе посмѣяться надъ нимъ, узнавъ себя въ долгополомъ челоуѣкѣ. Повели меня добраго молодца въ прихожую и дали «пять розогъ легонькихъ», оно хоть и не больно, а стыдно и обидно, что за мое мастерство меня высѣкли. Товарищи все жалѣли меня, это меня нѣсколько успокоило. Я закаялся съ той поры рисовать въ тетрадяхъ. Зато дома я забывалъ уроки, ѣду, все рисовалъ митрополита Никанора, который никакъ не умѣшался на четверти листа: либо руки съ книгой, либо клубокъ вылѣзали за края бумаги. Но вотъ одинъ изъ множества неудачныхъ усѣлся складно на четверти листа, мама пришла въ восторгъ и я сталъ тушевать, да и дотушевался до того, что митрополитъ сталъ неузнаваемъ, горе взяло меня, я плакалъ отъ неудачи, опротивѣлъ мнѣ митрополитъ Никаноръ, я забросилъ срисовывать съ него, предался снова оригинальному творчеству. Невѣстка Варвара не любила мое рисованіе на стѣнахъ, печи и лежанкѣ, но сказать не смѣла, потому что мама терпѣливо снова мыла печь и отбѣливала, принося мнѣ изъ кѣлти листъ чистой бумаги съ строгимъ наказомъ не марать углемъ, гдѣ попало, а рисовать карандашемъ на бумагѣ.

Уходила мама на богомолье въ Новгородъ, а кстатиповидаться съ сестрой игуменьей тамошняго дѣвичьяго монастыря. Невѣстка, желая угодить свекрови, выбѣлила печь и лежанку; у меня не было бумаги, а сюжетовъ въ головѣ тысячи, я и давай разрисовывать бѣлыя стѣны печи. Варвара взвыла, пожаловалась мужу, онъ побилъ меня очень сильно до синяковъ на лицѣ и спинѣ. Когда возвратилась мама, увидала меня, допыталась, отчего у меня синяки, то такъ разсердилась на Алексѣя и Варвару, что хотѣла ихъ отдѣлить и только по великой ихъ просьбѣ оставила жить съ собой. Я и Федя почувствовали, каково было бы намъ жить безъ мамы. Послѣ мама съ Варварой опять была дружна, но Алексѣю часто напоминала, чтобы онъ держалъ руки подальше отъ братьевъ. На лѣто насъ изъ школы распускали рано, чему мы были рады, рады были и наши деревенскіе ровесники, съ которыми мы проводили цѣлые дни на берегу, купаясь, ловя раковъ и доставая со дна раковины. Когда набиралось много этихъ большихъ овальныхъ раковинъ, мы разводили огонь, подпекали ихъ, онѣ тогда сами раскрывались, посоливъ мы ѣли ихъ съ хлѣбомъ, то и другое принося изъ дома; половивши въ одномъ мѣстѣ, мы шли дальше, а огонь поддерживать оставляли охотниковъ, затѣмъ уже налавливали по нѣскольку штукъ на брата, пекли, жарили на угольяхъ, какъ настоящее жаркое. Очень вкусное кушанье казалось

намъ, по крайней мѣрѣ, никто изъ насъ не хворалъ послѣ этого и не чувствовалъ голода. Обыкновенно продѣлывалось все это, когда старшіе уходили на сѣнокосъ. У каждаго изъ насъ была удочка, а то и двѣ, мы хорошо знали мѣста, гдѣ какая рыба клюетъ, и терпѣливо сидѣли на ловлѣ; добыча не дѣлилась, каждый владѣлъ тѣмъ, что вылавливалъ, несъ домой, обязывая мать или бабушку сварить добычу, хотя чаще всего оставался въ барышахъ котъ или кошка.

Волосы для лесъ доставали болѣе взрослые, а вить лески были особые мастера, какъ мой братъ Федя, онъ даже вилъ ихъ на продажу. Крючки мы покупали на Ивановской ярмаркѣ изъ запаса денегъ за собранную землянику, которую сбывали въ монастыряхъ, особенно въ дѣвичемъ. Ярмарка Ивановская была настоящимъ праздникомъ для ребятъ и для взрослыхъ. Дѣти покупали крючки, гостинцы, пили сбитень, любовались на нарядныхъ дѣвицъ, приходившихъ сюда изъ деревень водить хороводы съ парнями, досматривавшими себѣ невѣсть. Взрослые хозяева стремились сюда еще наканунѣ купить пригоняемые разъ въ году челны для рыбной ловли, лодки, вилы, грабли, косы, рѣшета, корыта, кадки и проч. деревянныя издѣлія, въ огромномъ количествѣ привозимыя сюда; бойко торговали ситцами, всякой посудой, — словомъ, ярмарка удовлетворяла всѣмъ крестьянскимъ потребностямъ, и даже богатые помѣщики находили себѣ необходимые предметы роскоши; много ихъ сюда съѣзжалось поглядѣть на гулянье, погостить у богатаго помѣщика Томилова, большого хлѣбосола, просвѣщеннаго любителя искусствъ. У него часто жила по цѣлымъ лѣтамъ молодые художники: Чернышевъ, Лагоріо, Воробьевъ, Заболотскій, Айвазовскій, Тырановъ, Завьяловъ, Бронниковъ. Всѣ они оставили по себѣ хорошую память картинами, этюдами, портретами. Въ собраніи картинъ Томилова имѣлись Боровиковскій, Лосенко, Кипренскій и много другихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Когда я былъ уже ученикомъ Академіи, мнѣ много разъ приходилось видѣть это собраніе, я рекомендовалъ его П. Мих. Третьякову и онъ купилъ нѣсколько вещей у вдовы, статсъ-дамы Ольги Александровны, бывшей начальницы Смольнаго института. Подросткомъ, когда я жилъ въ монастырѣ въ пѣвчихъ, мы ѣздили сюда въ домъ служить молебны, но я тогда не понималъ достоинствъ картинъ, дивился лишь тому, что люди глядятъ со стѣнъ, какъ живые.

Въ семьѣ у насъ стало очень скучно, когда мама захворала, простудившись весной на работѣ, выгружая дрова, стоя по грудь въ холодной водѣ; долго она лежала при смерти, много разъ дядя привозилъ съ собой изъ Новой Ладого доктора, но болѣзнь упорно держалась, едва къ половинѣ лѣта мама встала на ноги. Каждый мѣсяцъ потомъ она предпринимала лѣченіе,—сидѣла въ кадкѣ съ горячей водой, съ какими-то травами, но ничего не помогало. Она

словно чуяла свой близкій кінець, всячески старалась научить Варвару вести самостійно господарство, учила стряпать, поить телятъ, печь хлѣбы, приучала къ чистотѣ и опрятности. Взятая изъ сѣрой семьи Варвара нуждалась въ выучкѣ, но, очевидно, ей надоѣдало слушать наставленія свекрови, она жаловалась сосѣдямъ на взыскательность свекрови, слухъ доходилъ до Алексѣя, а онъ не выносилъ чужого вмѣшательства, отсюда происходили большія непріятности. Матери приходилось мирить ихъ, она знала суровый характеръ сына и его справедливыя, но слишкомъ прямолинейныя требованія, всячески уговаривала его быть снисходительнымъ къ молодой женѣ, мало привычной къ новому обиходу.

Общій характеръ жизни нашей семьи былъ довольно скучный, благочестивый, хотя и тѣни ханжества не видно ни въ чемъ. Однако сложилась жизнь такъ, что къ намъ чаще, чѣмъ къ другимъ, заходили странники, прохожіе; водкой, даже въ годовые праздники, мало потчевали, читали книги духовныя о Свв. Отцахъ, бесѣдовали о примѣрныхъ людяхъ и т. п., что сказалось на нашихъ вкусахъ.

Вотъ, на примѣръ, случай со мной.

Почувствовала я себя грѣшникомъ, захотѣлъ угодить Богу, удалившись въ пещеру, а пещера была недалеко почти готовая, въ нижней сопкѣ, около дома сосѣдки Сенихи, гдѣ брали песокъ всѣ деревенскіе жители. Недолго думая, я наносилъ туда досокъ, загородилъ входъ въ пещеру, расчистилъ заступомъ мѣсто, наносилъ соломы и устроился на жительство. Взявши краюшку хлѣба, воды, мѣдный крестъ съ божницы и нѣсколько огарковъ восковыхъ свѣчъ «удалился отъ міра». Началъ пѣть молитвы, а куры, толпившіяся тутъ съ горланами пѣтухами, мѣшали мнѣ своимъ присутствіемъ, я сталъ изнутри плотнѣе закрывать доски и вдругъ верхняя губа свода обрушилась, заваливъ выходъ изъ пещеры, я испугался, закричалъ благимъ матомъ, куры закудахтали, словно на нихъ ястребъ налетѣлъ. На мое счастье тетка Сениха была дома, услышала мой крикъ, подошла къ пещерѣ, сразу поняла, въ чемъ дѣло, освободила отшельника, порядкомъ надававъ подзатыльниковъ. Все имущество было водворено — откуда взято, я пристыженный ждалъ бѣды и дождался: мама угостила меня березовой кашей, запретивъ впредь спасать свою душу.

Дивлюсь, почему меня не брали съ собой на покосъ, гдѣ я былъ, конечно, болѣе безопасенъ, чѣмъ въ деревнѣ, со сверстниками, такими же шалунами. Хорошъ я хранитель дома, не заглянешь туда, пока не захочешь пить. Вывѣшанная вялиться рыба (сиги) штукъ 30 — 40 висѣли около дома, любой проходій могъ взять ихъ, также войти въ избу, взломать клѣтъ и т. п., странно, почему ничего подобнаго не случилось. Относительно безопасности съ огнемъ, мы даже самые маленькіе были осторожны, боязливы въ деревнѣ, а на берегу играли въ пожаръ. Не забыть случая,

когда мы, девять человекъ, собрались ѣхать на большой лодкѣ (на полусоймѣ) въ Питеръ. Лодка стояла на вольной водѣ, привязанная бечевой къ сваѣ, мы добрались до нея вплавъ, болѣе взрослый остался, чтобы отвязать бечеву отъ сваи, и когда всѣ были въ скопѣ, по командѣ старшаго «молитесь Богу», какъ истинные бурлаки, помолились на монастырскія церкви и отпихнулись имѣвшиися шестами — поплыли внизъ по теченію. Любо намъ было сначала, но скоро лодка стала наполняться водой и, наконецъ, мы увидѣли, что можемъ потонуть, стали неимоვნно кричать. Въ Старой Ладогѣ услышали крикъ, подѣхали къ намъ и, высадивъ въ лодку, доставили на нашъ берегъ, а полусойму оставили въ Старой Ладогѣ. Когда въ деревнѣ узнали о нашемъ приключеніи, собрали всѣхъ насъ и порядночно посѣкли розгами старшихъ зачинщиковъ.

Помню еще голодный годъ, когда съ начала осени ѣли очень черный хлѣбъ, а къ новому году и такому хлѣбу были рады, продана была корова, овецъ оставлено всего три штуки, дядѣ от. Трифилю заложены мамины жемчуга и другія драгоценности, ходили собирать милостыню, да подавать было некому — всѣ голодали. Изъ запаснаго магазина выдавали по малости — лишь бы не умереть съ голода, — до новаго хлѣба. Настоятель от. Аполлосъ открылъ трапезу для голодныхъ, множество дѣтей жили въ школѣ, на коровникѣ и всюду, гдѣ только можно приткнуться; съ собой хлѣба выдавали по небольшому ломтю. Дядя не велѣлъ ходить за милостыней, выдавалъ матери записку къ богатому купцу, гдѣ ей выдавали на каждый мѣсяцъ муку и крупу. Но этого не хватало, потому что она дѣлилась съ неимущими, почему мнѣ и приходилось ходить къ бурлакамъ во время ихъ обѣда и тамъ брать остатки хлѣба и каши за приносимое изъ дома молоко. Больныхъ было въ деревнѣ чуть не въ каждой избѣ. Слѣпой нищей Александръ уходилъ отъ дома очень далеко, гдѣ не было голода, и приноситъ множество сушенаго хлѣба, чѣмъ дѣлился и съ нами. Какъ мы домаялись до новаго урожая, не разстроивъ въ конецъ хозяйства, знала только матушка, да дядя, от. Трифилий. Страшно вспомнить, какъ однажды я видѣлъ женщину, въ одной рубахѣ ползущую на колѣняхъ отъ своей избы въ сосѣднюю, со слезами просившую ѣсть: «дайте хоть крошку хлѣба — умираю», говорила она едва слышно, ее подняла сосѣдка и повела къ себѣ въ избу. Ъли тогда траву, дудки, разныя кореня, всевозможные грибы... на бѣду рыба плохо ловилась, а какую изловятъ — несутъ на продажу въ дѣвичій монастырь, чтобы потомъ купить нѣсколько фунтовъ муки. Осталось въ памяти, что не было иного разговора, какъ о хлѣбѣ: сколько съѣлъ, давно ли ѣлъ досыта. У мамы былъ превосходный огородикъ на ободворкѣ, кромѣ общественнаго, въ которомъ полагалось опредѣленное количество грядъ на душевой надѣль. Содержала мама нашъ огородикъ на диво, на немъ выростало

огурцовъ, луку, моркови, рѣпы, свеклы такое множество, что она много продавала, а зимой щедро раздавала въ видѣ гостинцевъ. Огородъ обнесенъ былъ крѣпкимъ палисадомъ съ хорошими воротами, которыя запирались замкомъ. Безъ дозволенія матери никто изъ насъ не смѣлъ туда ходить. Въ голодный годъ два раза попался въ огородъ одинъ богатый мужикъ, Потапъ, у котораго хлѣба полонъ амбаръ, денегъ тысячи — мама простила ему; во второй разъ, среди ночи, изловилъ его въ огородѣ братъ Алексѣй съ охапкой луку и огурцовъ и, недолго думая, связалъ ему руки и ноги и въ такомъ видѣ привязалъ его къ забору; сколько ни молилъ Потапъ отпустить его, Алексѣй оставилъ его до бѣла дня, чтобы вся деревня видѣла богача вора. На сей разъ матушка не выказала жалости. Потапъ, или Потаня, какъ звали его въ деревнѣ, не давалъ никому ни фунта муки во время голода, вынуждалъ своихъ дѣтей побираться, какъ всѣ бѣдняки, самъ покупалъ у нищихъ кусочки и умеръ среди зимы на чердакѣ. Дѣти, увидѣвъ отца мертвымъ, бросились искать денегъ по всему дому, цѣлую недѣлю искали, а онъ лежалъ закоснѣлый, мертвый, на чердакѣ. Первой посчастливилось найти сундукъ съ деньгами дочери, братъ Матвѣй бросился отнимать у ней сундукъ — произошла драка, сбѣжался народъ и тутъ узнали и о смерти Потапа. Деньги дѣлили на міру. Сказывали, будто Пелагея нашла въ подпольѣ еще много золотыхъ, — не даромъ послѣ мірскаго раздѣла она ушла изъ дома, боялась, что братъ убьетъ ее. Похоронили Потаню безъ обѣдни, никто его изъ сосѣдей не провожалъ до церкви, бѣлый гробъ везли на дровняхъ, братъ съ сестрой перекорялись, кому платить за отпѣванье, за гробъ и копанье могилы. Жизнь и смерть Потани всегда служила примѣромъ, какой великой грѣхъ скупость. Этотъ Потаня унаслѣдовалъ послѣ своего отца тысячу рублей, которая досталась ему послѣ скоропостижно умершаго въ его домѣ прохожаго. Долго тянулись суды да дѣло — оправдался Потаповъ отецъ, передалъ сынку денежки. Женился Потапъ на богатой дѣвкѣ, а она связалась съ солдатомъ, украла у мужа триста рублей и сбѣжала. Черезъ два года ее нашли, привели къ мужу, онъ отказался принять ее къ себѣ, просилъ судить и возратить ему похищенные деньги. Ее осудили въ Сибирь на поселеніе. Такъ и прожилъ Потаня ни холостъ, ни женатъ весь вѣкъ, скопляя деньги. Въ церковь онъ не ходилъ; гостей у него никогда не бывало; сапоговъ не носилъ — все лапти, — ихъ онъ плелъ отлично.

Въ пяти верстахъ вверхъ по Волхову въ селѣ Ильинскомъ жила тетушка Татьяна Васильевна, добрая, ласковая, умная женщина, она была моложе моей матушки и лицомъ очень красива. Сначала она была замужемъ въ нашей деревнѣ за молодымъ богатымъ крестьяниномъ, но онъ черезъ годъ умеръ, оставивъ ей все хозяйство. По совѣту мамы она не приняла къ себѣ въ домъ мужа,

а вышла замужъ въ другую деревню за хорошаго человѣка, какимъ оказался Иванъ Яковлевичъ Яшинъ. У нихъ было четверо дѣтей: сынъ Иванъ и три дѣвицы. Жили они зажиточно; семья была дружная, тихая, съ утра до вечера шли веселые разговоры, никогда не слышно пьяныхъ рѣчей, хозяинъ показывалъ свои издѣлія: санки, дровни, колеса, кадки и всякую всячину для крестьянскаго обихода, водилъ гостей въ свой садъ, огородъ, въ поля. Во всякое дѣло Иванъ Яковлевичъ вносилъ свое усовершенствованіе, показывалъ, почему даже мнѣ, малышу, было понятно, что онъ говорилъ. Верховъ удовольствія было, когда я у него въ мастерской увидѣлъ въ банкахъ разныя краски и множество кистей, которыми онъ расписывалъ свои издѣлія: коромысла, ведра, санки и проч., я всячески старался набраться смѣлости, попросить съ собой понемногу этихъ драгоценностей. Дядюшка Иванъ Яковлевичъ далъ мнѣ немного бакана и синей краски, научилъ разводить клеевой водой, которую далъ мамѣ, вручилъ небольшую кисть и благословилъ мазать двери и все, что достанетъ рука. Доброта дяди превзошла всѣ ожиданія, но моя добрая, милая мама оказалась слишкомъ суровой: она забрала всѣ подарки къ себѣ и сказала рѣшительно, что дастъ ими пользоваться только при своихъ глазахъ. Величіе Ивана Яковлевича возросло безпредѣльно, когда братъ Иванъ сказалъ, что все, чѣмъ я люблюсь, сдѣлано руками его отца. Дивно написанные цвѣты на красивыхъ ставняхъ оконъ, фронтонѣ, входныхъ воротахъ, на дверяхъ избы и на заборкѣ умиляли меня, они были крупнѣе, гораздо ярче, чѣмъ видѣнные мною въ поляхъ и на клумбахъ въ монастырѣ. По возвращеніи домой долго грезилась мнѣ разукрашенная изба Ивана Яковлевича, знать, чуяло мое сердце, что я видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Однажды лѣтомъ, во время сѣнокоса играли мы съ ребятами на высокой сопкѣ; жара стояла невыносимая, купаться надоѣло потому, что вода была теплая, громъ гремѣлъ вдаль, тучи медленно собирались за лѣсомъ; мы играли въ птицъ, разсѣвшись на густой кривой березѣ, росшей на верху сопки. Перекликаемся на разные голоса, не замѣчаемъ, какъ туча охватила полнеба въ направленіи села Ильи Пророка, церковь котораго бѣлѣла на темномъ фонѣ темной тучи. Вдругъ раздался сильный ударъ грома, спустя немного времени ударъ повторился и видно было, какъ около бѣлѣвшей церкви поднялся столбъ чернаго дыма, а потомъ показалось пламя, начался пожаръ села Ильи пророка. Пока не пошелъ дождь съ грозой, мы были на сопкѣ, потомъ пошли къ намъ въ избу, потому что изъ бокового окна хорошо виденъ былъ пожаръ. Раньше обыкновеннаго мама вернулась съ сѣнокоса и велѣла Алешѣ бѣжать къ Ильинскимъ узнать о пожарѣ. Печальныя вѣсти принесъ рано утромъ вернувшійся оттуда Алеша. Изба Яшиныхъ загорѣлась одна изъ первыхъ, она была ближе всѣхъ къ церкви, а церковь загорѣлась первою отъ

удара молніи въ деревянную теплую церковь; деревня выгорѣла вся, кромѣ бань на спускѣ къ рѣкѣ и немногихъ домовъ, стоявшихъ поодаль, защищенныхъ большими деревьями. Пришла тетушка Татьяна Васильевна, рассказала всѣ подробности пожара. Впослѣдствіи я узналъ, что Иванъ Яковлевичъ, имѣя скопленныя деньжонки (семьсотъ рублей), хранилъ ихъ въ подпольѣ въ небольшомъ сундучкѣ, закопанномъ въ землю. Онъ никогда не бралъ сундучка съ собой на пожню, а въ этотъ разъ разсудилъ взять съ собой, такъ какъ предполагалъ уйти на вновь арендованные покосы на всю недѣлю. Мама дала сестрѣ Татьянѣ очень много разнаго холста, полотенцевъ, рубахъ, всякой пестряди и цѣлый возъ посуды и разной утвари. На великое счастье Иванъ Яковлевичъ за полгода до пожара бывшую на ободворкѣ баню передѣлалъ въ сушильню, построивъ большую просторную баню на спускѣ къ рѣкѣ, покрасивши ее сверхъ горбовъ толстымъ слоемъ глины, эта баня уцѣлѣла отъ пожара, въ ней сдѣлали печь и поселилась семья Яшиныхъ, пока строился домъ и всѣ необходимыя службы. Оправились они скоро, ободворокъ сдѣлался просторнѣе, разведенъ фруктовый и ягодный садъ, огородъ вынесенъ къ самому полю, вырытъ отличный колодець, но не стало прежней наружной красоты, расписныхъ ставней и рѣзного раскрашеннаго залобка (фронтон), приводившихъ меня въ восторгъ.

Зато въ новой избѣ полы были крашеные, окна большія, раздѣлена она на три части; сѣни были огромныя съ ларями, по стѣнамъ шкапы, клѣти съ окнами въ сѣни, окна въ нихъ съ толстыми желѣзными переплетами закрывались плотничными ставнями; изъ клѣтей на наружу оконъ не было.

Въ монастырѣ.

Послѣ голоднаго года мама стала еще чаще прежняго хворать, рѣже ходила въ церковь, по зимнему пути ее отвозилъ въ монастырь на лошади братъ Алексѣй; отъ Аполосъ жалостливо относился къ ней, конечно, по братѣ Трифилин, котораго очень любилъ и уважалъ. Однажды онъ позвалъ ее къ себѣ въ келью и предложилъ отдать меня въ монастырь доучиваться грамотѣ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи или совсѣмъ постричься въ монастырѣ или опредѣлиться на мѣсто въ Петербургѣ мальчикомъ къ богатому купцу въ Милютины ряды. Мама поблагодарила, сказала, что поговорить съ братомъ, а теперь пускай учится въ школѣ. Все это я слышалъ, и мнѣ ужасно захотѣлось поступить въ монастырь, только жаль было разстаться съ мамой.

Въ школѣ мы не застали прежняго учителя о. Евѣимія: онъ постригся въ мантию подъ новымъ именемъ Елеазара и безвыходно

оставался въ монастырѣ. Его замѣнилъ сосланный за какое-то безчинство приходскій дьяконъ о. Стефанъ, которому запрещено было нѣсколько мѣсяцевъ богослуженіе. Высокорослый, широкоплечій, съ густыми, всегда веклокоченными волосами, съ сильнымъ громкимъ басистымъ голосомъ, онъ имѣлъ привлекательное лицо. Сѣрые глаза, открытый большой лобъ, круглый большой носъ, овалъ лица окаймляла темная густая борода, изъ-подъ усовъ виднѣлись довольно толстыя губы. Онъ раздѣлялъ школьничковъ по возрастамъ и степени знаній, училъ превосходно, богатымъ не мирволилъ и, несмотря на то, что въ школѣ было до 60 человекъ, успѣвалъ съ каждымъ заняться и внести въ свой журналъ отмѣтки; грозный къ крупнымъ шалостямъ взрослыхъ, онъ снисходительно относился къ малолѣтнимъ и часто принималъ самъ участіе въ играхъ. Въ полтора года своего учительства много пользы принесъ онъ школѣ своей любовью къ дѣлу, и от. Аполлосъ уважалъ его. Благодаря хорошей аттестаціи настоятеля от. Аполлоса отцу діаконову Стефану разрѣшили раньше отбытія епитиміи отправлять богослуженіе. И вотъ, въ Николинъ день, всѣ школьники собрались къ обѣднѣ слушать своего учителя. Служилъ онъ вторымъ діакономъ, а на царскомъ молебнѣ старшинство монастырскій іеродіаконъ уступилъ о. Стефану, чтобы возгласить многолѣтіе Государю Николаю Павловичу; голосъ оказался такимъ могучимъ, что от. Аполлосъ слегка улыбался, благословляя народъ крестомъ. Мы, дѣти, радовались за нашего милаго учителя, да и онъ самъ во время богослуженія едва сдерживалъ слезы отъ волненія. Пока онъ находился въ монастырѣ, нельзя было подуматъ, что этотъ человекъ когда-нибудь пилъ водку. Меня онъ полюбилъ за толковое чтеніе, вѣрный слухъ и хорошій голосъ, много онъ толковалъ мнѣ о правильномъ писаніи, какъ учить грамматика, но я по малолѣтству мало понималъ, хотя пересталъ дѣлать очень грубыя ошибки. А ариѳметика не давалась мнѣ, несмотря на всѣ усилія учителя и мои старанія.

Въ монастырѣ тогда жилъ іеромонахъ Антоній Бочковъ, лично знавшій Н. В. Гоголя и весь литературный кругъ. Онъ былъ очень богатъ, разносторонне образованъ, писалъ талантливыя стихотворенія на духовныя темы. Средняго роста, очень красивый съ небольшою просѣдою, одѣтый, смотря по времени года, зимой въ черный подрясникъ, лѣтомъ въ сѣрый или совсѣмъ въ бѣлый, онъ держался отъ монастырской братіи отдѣльно. Очереди въ службахъ церковныхъ не отправлялъ, пайка ни на себя, ни на двухъ своихъ келейничковъ не получалъ. У него былъ въ оградѣ монастыря отдѣльный домикъ съ тремя просторными комнатами внизу и двумя уютными комнатами вверху, гдѣ жили его послушники. Вокругъ дома садикъ съ фруктовыми деревьями и ягодными кустами и отличнымъ цвѣтникомъ, небольшою ледникъ у самой ограды мо-

настыря дополняли его уютное жилище. Убранство внутреннее было роскошно: въ кабинетѣ дорогіе ковры, чернаго дуба аналой съ большой книгой, близь него на стѣнѣ мантия съ четками, въ углу большая кіота съ образами въ серебряныхъ окладахъ, рѣзной со стеклами орѣховый шкафъ съ книгами и кровать съ горой подушекъ, прикрытыхъ узорной накидкой и мягкимъ пуховымъ одѣяломъ. Въ гостиной прекрасная мебель, передъ диваномъ четыре кресла и столъ, покрытый тяжелой плюшевой скатертью; по стѣнамъ огромные шкапы съ книгами, въ дорогихъ красивыхъ переплеткахъ; этажерки съ фарфоромъ и чудесныя легкія стулья: дополняли убранство устланные по полу ковры, на которыхъ лежали дорожки.

Небольшая столовая съ книжными полками и стоявшими на отдѣльной широкой полкѣ красивыми масляными лампами во время дня да двумя превосходными — мужскимъ и женскимъ — портретами — въ ней ничего кромѣ стола и нѣсколькихъ легкихъ стульевъ не было. Въ прихожей, кромѣ вѣшалокъ и лакированныхъ скамей, ничего не было. Въ верхнихъ комнатахъ находились платяные шкапы въ комнатѣ келейника Степы, который завѣдывалъ хозяйствомъ и приготовленіемъ кушаньевъ; а во второй комнатѣ, гдѣ жилъ другой келейникъ нашъ монастырскій регентъ, Михайлъ Краевъ, на стѣнѣ висѣла скрипка «расхожая», какъ называли ее, а другая въ футлярѣ стояла на столикѣ и около него пюпитръ съ нотами и большой шкафъ для храненія нотъ.

Описываю подробно жилище от. Антонія потому, что вся моя монастырская духовная жизнь протекала въ этомъ благословенномъ мѣстѣ, — здѣсь впервые я узналъ Гоголя, Пушкина, Крылова, здѣсь я прочиталъ Плутарха; достаточно однихъ добрыхъ совѣтовъ от. Антонія, чтобы помнить о немъ до смерти.

Матушка, уже тогда сильно разнемогавшаяся, передъ рѣшеніемъ моей участи заходила совѣтываться къ о. Антонію, онъ ей сказалъ, что на время до десятилѣтняго возраста безъ вреда можно оставить здѣсь мальчика, а съ десяти лѣтъ надо уходить и учиться какому-нибудь мастерству, если нельзя оставаться на крестьянствѣ. Онъ далъ ей слово слѣдить за мной, остерегать отъ баловства и сдержалъ свое слово, пообѣщавъ поговорить обо мнѣ съ дядей от. Трифиліемъ. Настоятелю от. Антоній не совѣтывалъ пересказывать его разговора съ ней, сказалъ, что найдетъ время самъ переговорить съ нимъ.

Мама передъ отходомъ въ монастырь благословила меня большимъ серебрянымъ крестомъ (тѣльникомъ) съ изношеннымъ вверху ушкомъ, велѣла беречь его, какъ единственное наслѣдство моего отца, доставшееся ему послѣ дѣдовъ. Когда я пришелъ къ от. Аполлосу, онъ послалъ меня къ эконому, а сей старецъ опредѣлить меня жить къ шорнику, старому монаху. У него была такая жара

и тѣснота въ его двухъ комнатахъ, что я то и дѣло простужался, почему регентъ потребовалъ дать мнѣ помѣщеніе иное, тогда отвели мнѣ полкельи у просфорника отъ Михаила, добраго старца, къ сожалѣнію, настолько глухого, что, говоря съ нимъ, перекричишь горло до хрипоты, и пѣніе не идетъ на ладъ. Наконецъ регентъ упротсилъ отъ Аполлоса дать мѣсто болѣе удобное для пѣвчаго. Взялъ меня къ себѣ іеродіаконъ отъ Агафангель, писмоводитель, который заставилъ меня въ свободное время писать копіи консисторскихъ и другихъ бумагъ въ отдѣльной отъ него комнатѣ. Другой работы не было, кромѣ ставленья самовара и подаванья ему разныхъ закусокъ, остатки которыхъ онъ охотно жертвовалъ мнѣ. Но вотъ какой грѣхъ случился. Привезли ему изъ Питера арбузъ и много другихъ фруктовъ, онъ далъ мнѣ по одной штукѣ отъ каждаго сорта, я скоро покончилъ съ подарками и ждалъ новой подачи, се долго не было. Пришелъ къ Агафангелу въ гости регентъ Краевъ, приказано подать арбузъ, они его ѣли долго и много съѣли, остатки отъ Агафангель велѣлъ убрать, я сдуру понялъ, что арбузъ, какъ недоѣденный, можно доѣсть — и доѣлъ бы, если бы не зазвонили ко всенощной. На другой день около вечера отъ Агафангель велѣлъ подать остатки арбуза, — я подалъ. «Кто съѣлъ столько арбуза?» Я сказалъ. Монахъ такъ разсердился, что на немъ лица не было, и такъ сильно меня побилъ, что я съ ногъ свалился, не дюжъ былъ плакать. Ночью со мной сдѣлался бредъ, я сталъ кричать, — а кельи наши были на одномъ коридорѣ съ настоятельскими, — Агафангель струсиль, заперъ двери и сталъ мочить мнѣ голову холодной водой. Однако настоятель слышалъ ночной крикъ, допытался отъ келейника подробности, а келейникъ Арсюша не выносилъ гордеца іеродіакона Агафангела, доложилъ съ прикрасами. Агафангелу настоятель далъ выговоръ, а меня на время взялъ къ себѣ отъ Антоній. Этотъ монахъ Агафангель совсѣмъ не злой человѣкъ, на него какая-то дурь напала, я думаю, что онъ втихомолку изрядно выпилъ. Много лѣтъ спустя, когда онъ былъ уже намѣстникомъ Сергіевской пустыни (тамъ же былъ Арсюша старшимъ іеродіакономъ за его чудный басъ), мы вновь хорошо познакомились на дѣловой почвѣ, о чемъ скажу дальше. Однако недолго оставался я у отца Антонія, снова откочевалъ я въ новый старческій флигель, гдѣ жили три старика іеромонаха и монастырскій главный діаконъ Іосифъ. Іосифъ былъ грубъ, несмотря на свое дворянское происхожденіе, обращаясь къ крестьянамъ, онъ къ имени всегда прибавлялъ «вопяло», «мерину братъ», дѣтей онъ ненавидѣлъ, не иначе называлъ, какъ бѣсенята. Старикъ отецъ Иларіонъ былъ изъ морскихъ капитановъ (малороссъ), великій постникъ, строгій и требовательный исполнитель обѣтовъ монашества. Въ церкви не допускалъ отступленія ни на одну букву, читать должны были медленно, внятно, пѣть должны были громко, чтобы каждое

слово отчетливо слышалось, ясно, чуть замѣчалъ какую неисправность, выбѣгалъ въ облаченіи изъ алтаря и громко, на всю церковь, кричалъ на неправильность исполненія. Лучше всѣхъ былъ отецъ Теофиль, по происхожденіи болгаринъ, изъ военныхъ, онъ носилъ на рясѣ два ордена, ходилъ немного прихрамывая, лицомъ смуглый, бѣлый, какъ лунь, роста высокаго. Къ нему меня назначили келейникомъ, но онъ отъ меня никогда не требовалъ никакихъ услугъ, кромѣ произнесенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ, когда я вставалъ съ постели и ложился. Къ нему изъ Болгаріи часто присылали прованское масло, маслины, сушеные фрукты въ огромномъ количествѣ, онъ всѣмъ этимъ даромъ кормилъ меня доотвала, а съ собой не давалъ на соблазнъ братіи. За то, что мама принесла ему сига, онъ подарилъ ей большой шелковый платокъ и шелковой матеріи Федѣ на рубаху. Въ то время, когда жилъ у него, я ходилъ къ от. Антонію читать вслухъ Гоголя и другія книги. Изъ своего домика от. Антоній ни одной книги не выпускалъ.

Больше всего нравились мнѣ «Вечера на хуторѣ» да «Капитанская дочка» Пушкина. Многіе стихи Пушкина читалъ самъ от. Антоній, и казались они мнѣ какой-то особенной музыкой; онъ велѣлъ наизусть выучить «Полтаву» и многія басни Крылова. Любовался я на его акварельныя работы съ натуры, преимущественно цвѣтовъ, вовсе не похожихъ на цвѣты, что на ставняхъ Ивана Яковлевича Яшина, а такіе, какіе растутъ на клумбахъ, вотъ тутъ, около кельи.

Къ от. Антонію часто заходилъ Александръ Павловичъ Башуцкій и долго они бесѣдовали то на русскомъ, то на иностранномъ языкѣ. Александръ Павловичъ Башуцкій ¹⁾ лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, красивый, съ тонкими чертами лица, лысиной на большомъ лбу, съ жидкими длинными до плечъ волосами и довольно густой бородой, держалъ себя недоступно, гордо; въ монастырѣ онъ дружилъ только съ от. Антоніемъ, съ настоятелемъ же былъ изысканно вѣжливъ.

Жилъ онъ въ главномъ корпусѣ подъ кельей Анолоса, дверь его квартиры выходила на парадную лѣстницу настоятеля. Онъ всегда сидѣлъ дома въ своей огромной свѣтлой комнатѣ, хорошо обставленной, но безъ той роскоши, какая была у от. Антонія. Его письменный столъ заваленъ книгами, рисунками, карандашами и акварельными красками. Нерѣдко, видя меня празднаго, кликнетъ къ себѣ и велитъ обмыть нѣсколько грязныхъ отъ смѣсей акварельныхъ красокъ и выполоснуть грязный большой стаканъ, подать

¹⁾ Род. 1801, умеръ 1876 г., беллетристъ, журналистъ и издатель. См. о немъ С. А. Венгеровъ. «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ», т. II, 278—281. С. Венгеровъ. «Источники словаря русскихъ писателей», т. I, 192.

ему чистой воды, за что всегда милостиво скажетъ «благодарю». Жена его жила въ Старополодскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и очень часто заходила къ мужу (она урожденная Квитко-Основьяненко). Марія Андреевна или Дмитріевна, не помню, была очень ласкова со мной, спрашивала, откуда я и зачѣмъ живу въ монастырѣ. Отъ старшихъ слышала я, что Башуцкій генераль, сосланный сюда государемъ за растрату казенныхъ денегъ, употребленныхъ имъ на печатаніе какихъ-то книгъ съ картинками. Башуцкій очень часто посылалъ меня къ женѣ съ письмами, гдѣ меня очень вкусно кормили и давали съ собой для чтенія книги; такъ однажды я получилъ «Пана Халявскаго», котораго носилъ съ собой къ матушкѣ и тамъ читалъ ей, — она много смѣялась, дивясь, что въ монастыряхъ водятся такія смѣшныя книги. На вопросъ матушки: «чему меня учатъ въ монастырѣ», я откровенно сказалъ, что ничему не учатъ, кромѣ пѣнія и порядка церковныхъ службъ. И въ самомъ дѣлѣ, никто не напоминалъ мнѣ ни объ одномъ учебникѣ, между тѣмъ образованныхъ людей среди насъ было очень много, становилось скучно безъ школы, гдѣ весело было догонять или перегонять товарищей, приходя домой, радовать матушку какимъ-нибудь новымъ познаніемъ. Особенно жаль было той поры, когда съ нами занимался от. Стефанъ. Въ монастырскомъ хорѣ было и еще три мальчика; всѣ они жили съ рабочими на скотномъ дворѣ, въ монастырь ходили только на спѣвки и къ богослуженію; въ трапезу они являлись только по праздникамъ. Не знаю, почему я находился въ привилегированномъ положеніи, вѣдь всѣ мы одинаково крестьянскія дѣти. Такъ и осталось это необъясненнымъ. Въ монастырѣ съ давнихъ поръ шель разговоръ, что скоро начнутъ постройку братскаго корпуса и новой теплой церкви, и вотъ дождались разрѣшенія того и другого зданія.

Церковь во имя Іоанна Златоуста по плану архитектора А. М. Горностаева поставлена второю по очереди. На землѣ, принадлежащей дер. Лапину, выстроены были кирпичный заводъ, въ монастырѣ расчищали мѣсто для корпуса, скоро стали возить кирпичъ и началась постройка. Весь монастырь волновался, только въ кельѣ от. Антонія жили попрежнему.

Чаще от. Аполлосъ ѣздилъ съ хоромъ пѣвчихъ къ помѣщикамъ служить всенощныя и молебны, а на Рождествѣ и Пасхѣ по нѣсколько дней мы бывали въ отлучкѣ. Старшіе пѣвчіе были очень рады этому, а намъ, маленькимъ, тяжело было тянуть эту лямку. Пѣвчими считался весь правый клиросъ 16 человекъ, на лѣвомъ клиросѣ было поющихъ неодинаково, иногда больше, иногда меньше; тамъ пѣли іеромонахи, іеродіаконы, которые отсутствовали во время соборнаго служенія или иного наряда, въ общемъ на двухъ клиросахъ было въ праздники всегда 30 человекъ. Пѣли, всѣ утверждали, превосходно, голоса были чудесные, но и работы съ ра-

зучиваніємъ было много: каждый день часа два приходилось твердить новое и повторять старое и два раза въ недѣлю общая спѣвка въ залѣ у от. Аполлоса, который зналъ пѣніе и требовалъ тонкой отдѣлки каждой фразы.

Началась Севастопольская война; от. Антоній получалъ газеты, журналы и Художественный Листокъ Тимма, только и разговоровъ было, что о войнѣ, чаще и чаще получались заказы на заупокойныя обѣдни, панихиды, по указу Синода пѣли заунывное прошеніе на большой ектеніи: «Многомилостивый Господи, сокруши враги подъ ноzi наша». Скука воцарилась всюду. Въ деревнѣ у насъ стояли новобранцы, обучавшіеся строю и ружейнымъ приѣмамъ.

Ко всей тоскѣ неожиданно прибавалась новая: регентъ сказалъ, что Александръ Павловичъ Башуцкій уѣзжаетъ въ Питеръ навсегда; я хотѣлъ къ нему бѣжать, но меня не пустили, сказали, что у него от. Антоній. Когда я пришелъ къ Башуцкому, то увидалъ сложенные въ ящики книги, картины, только на большомъ столѣ лежали грязноватые листы толстой бумаги, карандаши, пара акварельныхъ кистей и много обломковъ акварельныхъ красокъ.

«Вотъ это, Васютка, тебѣ за услуги; я знаю, ты любишь мазать,—сказалъ мнѣ Башуцкій такъ ласково, что у меня слезы подступили къ горлу, при чемъ онъ погладилъ меня по головѣ и дополнилъ, обратясь къ от. Антонію: — жаль мальчика, пропадаетъ онъ здѣсь въ монастырѣ». Потомъ они заговорили по-французски, я чувствовалъ, что рѣчь шла обо мнѣ, изъ словъ, сказанныхъ по-русски: «для него спасеніе Петербургъ, учиться надо»...

Пуще прежняго одолѣла меня тоска по ученью, а кого просить заниматься со мной, я не зналъ; от. Антоній ограничивался подборомъ книгъ для чтенія и только.

На Страстной недѣлѣ пришелъ за мной братъ Алексѣй просить от. Аполлоса отпустить къ умирающей матери,—меня отпустили на два дня и строго приказали приходиться обратно. Увидѣвъ маму, я не узналъ ее. Она была сѣдая, какъ снѣгомъ покрыта, вся опухшая отъ водянки, говорила тихо, ее душилъ кашель; заплакала она, увидавъ меня въ слезахъ. Подозвала Алешу и Варвару и со слезами просила не обижать меня, а, когда нужно, отпустить учиться въ Питеръ и не забывать его тамъ сироту.

Братъ Федя, жившій въ ученьѣ у портного въ Новой Ладогѣ, отпущенъ былъ мастеромъ по просьбѣ дяди от. Трифілія въ деревню по случаю болѣзни матери. Горевали мы съ нимъ цѣлую ночь, дни напролетъ просиживали у постели матери. Вернулся въ монастырь, а жилъ одной думой о матери: пѣлъ плохо, ѣсть ничего не хотѣлось въ первый день послѣ строгаго монастырскаго поста. На второй день Пасхи братъ прибѣжалъ за мной, я ушелъ безъ спроса, но матери въ живыхъ не засталъ. Дядя уже былъ здѣсь, а также и тетушка Татьяна Васильевна.

Не могу выразить словами тяжелой тоски, охватившей меня, только одинъ Федя понималъ одинаково потерю, мы, двое, составляли какъ бы одного человѣка, поняли это дядя и тетка и потому не тревожили насъ утѣшеніемъ. Мы усердно молились Богу.

Дядя былъ у от. Аполлоса въ день смерти мамы. Похоронную обѣдню служили соборомъ два іеромонаха, іеродіаконъ и четверо пѣвчихъ лѣваго клироса, всѣ въ бѣлыхъ облаченіяхъ, съ хоругвями, съ крестами. Вся деревня провожала покойную, не притворно плакали старые и молодые, молясь за душу усопшей. Съ братомъ Алейшей то и дѣло происходили обмороки; его вели подъ руки, и всю обѣдню стояли при немъ двоюродный братъ Иванъ Ивановичъ и его отецъ Иванъ Яковлевичъ Яшины. А когда гробъ опустили въ могилу, онъ упалъ туда, его оттуда едва вытащили, а потому уже стерегли его нѣсколько человѣкъ. Варвара Семеновна также сильно убивалась; помню, много спустя послѣ похоронъ, сидя одиноко въ избѣ, она рыдала неутѣшно, вспоминая добрыя наставленія покойной свекрови ей и мужу о томъ, какъ надо жить въ ладу да въ согласіи.

Послѣ смерти матери монастырь мнѣ сталъ противенъ своимъ равнодушіемъ къ моему горю. Только въ одномъ человѣкѣ я нашла сердечную отзывчивость,—это былъ новый молодой писмоводитель Александръ Федоровичъ Калмыковъ.

Онъ нѣсколько разъ видѣлъ матушку, говорилъ съ ней, покупалъ у ней рыбу, заказывалъ ей печь «теплики»—сдобныя булки въ родѣ ромовыхъ бабъ. О немъ скажу въ другомъ мѣстѣ.

Переходя изъ кельи въ келью, я рѣшительно забылъ, гдѣ оставилъ серебряное распятіе, которымъ меня благословила мать; хватившись его, я всюду искалъ и не могъ найти. А распятіе это я принесъ изъ дома, показалъ от. Антонію и глухому просвирнику Михаилу. Опечалило это от. Антонія, который страшно возмутился происшедшимъ. Обыскъ заподозрѣнныхъ забулдыгъ изъ подначальныхъ дьячковъ и пономарей и нѣкоторыхъ изъ братіи не открылъ ничего, многіе обозлились на меня, говорили, что я самъ отнесъ въ деревню, а здѣсь ищу. Пришлось примириться съ пропажей. От. Антоній обвинялъ себя, зачѣмъ не удержалъ тогда этой цѣнной вещи, когда я принесъ къ нему изъ дома.

Среди обыденной жизни бывали случаи, когда монастырь подъ главенствомъ от. Аполлоса становился героемъ, тогда каждый живущій въ немъ человѣкъ проникался гордостью исполненнаго имъ долга.

Наканунѣ Вознесенія весь день дулъ низовый вѣтеръ, скопилось множество судовъ, стоявшихъ у береговъ на причалахъ. Послѣ повечерія вѣтеръ еще болѣе усилился, во время пѣнія канона раздавались на рѣкѣ душу раздирающіе крики о помощи, въ алтарѣ сорвало оконную раму, задуло свѣчи и лампы.

Служили въ верхнемъ соборѣ во главѣ съ настоятелемъ от. Аполлосомъ.

Онъ вышелъ изъ алтаря и сказалъ: «братія, кто хочетъ помочь ближнимъ, идите, мы, старики и дѣти, кончимъ богослуженіе безъ васъ. Помогите вамъ Богъ».

Церковь сразу опустѣла. Богослуженіе кончено; всѣ бывшіе въ монастырѣ вышли за ограду на берегъ Волхова и здѣсь наблюдали страшную картину бури. Что-нибудь понять среди шума волнъ, завыванія вѣтра, неистовыхъ криковъ людей, не было никакой возможности. На утро оказалось слѣдующее: изъ всѣхъ судовъ, стоявшихъ у монастырскаго берега, затонуло одно судно съ рожью; изъ 123 бурлаковъ спасено утопавшихъ 11 человѣкъ, которыхъ приво-диль къ жизни старикъ іеромонахъ Иларіонъ, бывший морякъ; только двухъ человѣкъ рабочихъ не досчитались въ то утро: они оказались въ затонувшей баркѣ придавленными кулями ржи.

А от. Иларіонъ никому незамѣтно выбѣжалъ изъ церкви на помощь утопавшимъ, при первыхъ словахъ от. Аполлоса, забывши свою обычную формальность, которою онъ всѣмъ надоѣдалъ, теперь онъ почувствовалъ себя морякомъ, человѣкомъ христіанскаго долга, полагающимъ душу за други своя. Дѣйствительно, безъ его умѣнья эти 11 человѣкъ были бы мертвы.

Послѣ обѣдни служили благодарственный молебенъ, от. Аполлосъ сказалъ рѣчь, благодарилъ братію за послушаніе; а послѣ уже пропѣта была панихида по убиеннымъ на брани, которую каждый праздникъ обычно совершали въ продолженіе войны.

Когда хозяинъ спасеннаго каравана узналъ о монастырской помощи, приказчикъ объявилъ, что затонувшую барку съ рожью хозяинъ жертвуетъ въ монастырь; от. Аполлосъ воспользовался этимъ въ размѣрѣ одной трети, все остальное отдалъ ближайшимъ къ берегу крестьянамъ, гдѣ недавно была голодовка, приказавъ раздѣлить по душамъ, не обходя вдовъ и сиротъ.

Вслѣдъ за этимъ благодѣяніемъ окрестнымъ жителямъ от. Аполлосъ, побывавъ въ нашей деревнѣ, увидѣлъ неисправныя дымовыя трубы и распорядился, чтобы лапинскимъ крестьянамъ, на землѣ которыхъ былъ устроенъ монастыремъ кирпичный заводъ; выдано было столько кирпича, сколько потребуется для перекладки вновь печей, обязавшись заплатить и за работу печникамъ.

Такое благодѣяніе для насъ было особенно кстати. Въ задней избѣ, предназначенной родителями Ѳедѣ, какъ человѣку убо-гому (у него была вывихнута нога; онъ ходилъ на костылѣ), печки до этой поры не было. Алексѣй воспользовался случаемъ, построилъ хорошую печь въ задней избѣ и исправилъ заново печь и ле-жанку.

Когда я узналъ, что у брата Ѳеди скоропостижно умеръ его хозяинъ портной Крѣловъ, мастерская закрыта и Ѳедя отпущенъ до-

мой, я побѣжалъ въ деревню, гдѣ, увидѣвъ Ѳедю, вмѣстѣ съ нимъ любовался его печью.

Тогда же я твердо рѣшилъ выйти изъ монастыря, но до времени не говорилъ объ этомъ никому.

Въ монастырѣ два человѣка,—оба петербургскіе жители,—Калмыковъ и Нечаевъ,—благословляли меня на это, от. Антоній вмѣсто отвѣта только улыбался и произносилъ загадочное: «ну, что жъ, попробуй». При чемъ далъ мнѣ десять рублей, обѣщая въ случаѣ крайности помочь и другой разъ. Нечаевъ далъ большое письмо къ своему родному дядѣ Ѳедосею Ѳедосеевичу Заморину, медоваренному заводчику, и три рубля; Калмыковъ далъ мнѣ семь рублей, да своихъ у меня было скоплено 4 руб.,—сумма, казавшаяся огромной. Однако Ѳедя не велѣлъ брату отдавать денегъ болѣе пятнадцати рублей. Посовѣтывалъ сходить къ от. Аполлосу сказать, что хочу поглядѣть ярмарку въ Новой Ладогѣ и погостить у от. Трифилія. От. Аполлосъ благословилъ итти, далъ на гостинцы рублевку съ письмомъ къ дядѣ. Въ Ладогѣ у дяди я только одну ночь переночевалъ, а днемъ купить два царскихъ портрета, сѣлъ на пароходъ и покатилъ домой. Письмо настоятеля успокоило дядю; от. Аполлосъ меня хвалилъ за поведеніе.

Дома я объявилъ брату Алешѣ, что меня отпустили въ Питеръ и дали 15 руб. денегъ, которые тутъ же отдалъ брату за доставку меня въ Питеръ и на паспортъ. Алеша этому повѣрилъ. Я жилъ въ деревнѣ съ беспокойной совѣстью непривычнаго ко лжи человѣка, съ минуты на минуту ожидая разоблаченія, и дождался. Пришелъ за мной монастырскій нарядчикъ съ приказомъ явиться къ отцу игумену Аполлосу, Алексѣй сопровождалъ меня, Одѣтъ я былъ въ суконный монастырскій подрясникъ, хорошіе сапоги, волосы были длинные, кудрявые, — какъ есть маленькій послушникъ.

Встрѣтилъ насъ от. Аполлосъ сурово, какъ я смѣлъ такъ долго безъ спроса гостить. Я, не помня себя, сразу сказалъ, что не хочу жить въ монастырѣ, поѣду въ Питеръ учиться. Сколько не допытывались у меня, кто этому меня научилъ, я твердо скрылъ своихъ пособниковъ, а братъ Алексѣй растерялся, не зналъ, что сказать. От. Аполлосъ обѣщалъ зимой самъ свезти меня въ Питеръ къ богатому купцу въ Милютинны ряды, но я твердилъ свое. Мое упрямство озлобило Алексѣя, онъ ударилъ меня по головѣ, чѣмъ вызвалъ сожалѣніе въ от. Аполлосѣ. Отпустивъ домой брата, от. Аполлосъ меня поручилъ младшему своему келейнику Арсенію отговорить отъ своевольнаго поступка. На утро от. Аполлосъ былъ добрѣе, не настаивалъ на моемъ житѣ въ монастырѣ, отпуская домой, не велѣлъ келарю возвращать новыхъ сапоговъ, взять только суконный подрясникъ и дать взаменъ его поношенный казакинъ. Благословивъ тремя рублями и просфорой, отпустилъ онъ меня съ миромъ.

Жутко, страшно стало, когда я вышелъ за ограду, очутившись на свободѣ; вспомнилось все хорошее, что я видѣлъ отъ добрыхъ старцевъ, забыты были всѣ побои, грубости рядовыхъ монаховъ. Что теперь будетъ со мной? Неужели Богъ накажетъ меня за желаніе учиться. Вѣдь матушка только въ ученѣ и видѣла спасеніе отъ всякаго зла, но нѣтъ на свѣтѣ матушки, и домъ, куда я шель, казался мнѣ лишь временнымъ убѣжищемъ.

Деньги я отдалъ брату. На другой день братъ отнесъ подъясникъ, получивъ взамѣнъ казакинъ, тѣмъ и закончилось мое житье въ монастырѣ.

Въ Петербургѣ.

Около половины ноября 1855 года установился санный путь: мы отправились въ Петербургъ въ саняхъ, полныхъ сѣна и овса. Городъ поразилъ меня величиной, а главное — ночнымъ освѣщеніемъ улицъ.

По письму Павла Ивановича Нечаева, дядя его *Θ. Θ.* Заморинъ принялъ насъ хорошо и въ тотъ же день свелъ насъ къ своему знакомому иконописцу Василию Макаровичу Пѣшехову. Пока Заморинъ былъ у хозяина въ комнатахъ, мы сидѣли въ кухнѣ, потомъ насъ проводили въ прихожую, гдѣ я увидѣлъ своего будущаго хозяина.

Онъ былъ худощавый, высокаго роста, съ гладко причесанными жидкими прядями русыхъ волосъ, злымъ бѣгающимъ взглядомъ зеленоватыхъ косыхъ глазъ, онъ произвелъ на меня отталкивающее впечатлѣніе, а когда сталъ договариваться съ братомъ объ условіяхъ приѣма учениковъ, каждое его слово какъ ножемъ рѣзало.

Истовый маклакъ, онъ сумѣлъ доказать брату необходимость прожить первые два года по паспорту съ письменнымъ условіемъ слѣдующаго содержанія: «Если ученикъ, прожившій у него на полномъ содержаніи, не пожелаетъ заключить контракта на дальнѣйшій пятилѣтній срокъ, онъ обязанъ уплатить неустойку за содержаніе и обученіе 240 рублей». Братъ Алексѣй на все согласился; у меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ, слезы выступили на глаза, это замѣтилъ Пѣшеховъ и, сверкнувъ на меня глазами, выпроводилъ меня вонъ изъ прихожей. Написали домашнее условіе такъ скоро, что я не могъ въ свою защиту ни слова сказать брату.

Въ кухнѣ насъ посадили за столъ, я ничего не могъ ѣсть, а братъ плотно пообѣдалъ и сталъ торопиться на постоянный дворъ къ лошади. Прощаясь, онъ заплакалъ, а я схватилъ по шеи руками и горько зарыдалъ, говоря: «Мнѣ страшно здѣсь, не оставляй, не забывай меня».

Въ это время подошла къ намъ толстая маленькая старуха и, тронувъ меня за рукавъ, сказала: «Перестань причитать, иди въ мастерскую къ хозяину». Старуха оказалась матерью Пѣшехонова.

Въ огромной мастерской стояло много столовъ съ лежавшими на нихъ образами, надъ которыми виднѣлись наклоненныя фигуры мастеровыхъ. Хозяинъ, увидавъ меня, сказалъ громко: «Вотъ вамъ новый мальчишка, а ты слушайся каждаго», добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Затѣмъ велѣлъ молодому человѣку, очень симпатичному, старшему ученику, дать мнѣ дѣло съ завтрашняго утра.

Такъ началась жизнь у иконописца Пѣшехонова.

Спали ученики на полатахъ, устроенныхъ однѣ надъ другими, на соломенныхъ тюфякахъ и такихъ же подушкахъ, если у кого не было своей пуховой или изъ перьевъ. У меня, конечно, не было ничего взято изъ дома, хотя у мамы подушекъ огромный ворохъ лежалъ въ клѣти. Вставали въ 5 час. утра, въ шесть пили чай съ пеклеваннымъ хлѣбомъ, затѣмъ шли каждый на свою работу. Меня заставили тереть на плитѣ краски, дали свѣтлую охру, показали, какъ надо начинать, собирать шпахтилемъ, узнавать готовность и т. д.

Работа была страшно утомительная, — къ полудню я усталъ, едва держась на ногахъ, водилъ по плитѣ курантомъ вовсе не прижимая; это замѣтилъ одинъ изъ мастеровъ—Ксенофонтъ Самсоновъ, подошелъ ко мнѣ, мазнулъ по лицу взятой съ плиты охрой, ткнулъ въ шею кулакомъ и сказалъ: «не лѣнись, жидкая дрянь». Что я ему сдѣлалъ,—подумалъ я про себя и горько мнѣ стало, но я удержался отъ слезъ. Послѣ обѣда мастера легли спать, а я съ другимъ мальчишкой убирала со стола, снося грязную посуду въ кухню на столъ чернорабочей кухаркѣ, толстой курносой бабѣ.

Вдругъ она обратилась ко мнѣ и начала меня допекать за мою холодность къ брату, за злость, за то, что я сказалъ, что мнѣ страшно здѣсь и проч. и проч., а хозяйская кухарка все ее подзадоривала; не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, какъ вошла въ кухню молодая барыня и приказала замолчать.

Сказавши нѣсколько словъ господской кухаркѣ, она велѣла мнѣ идти за ней въ комнаты. Входъ въ ея комнату былъ изъ того же коридора, здѣсь сидѣла дѣвочка-нянька, играла съ двумя ея дочками семи лѣтъ и пяти. Барыня эта была жена хозяина Марѳа Никифоровна, истинно добрый человѣкъ, который съ перваго слова внушаетъ любовь и довѣріе. Она ласково разспросила, откуда я, какъ сюда попалъ, есть ли у меня родители, и, когда все узнала, посовѣтывала никому изъ мастеровыхъ подробностей не сообщать ни о жизни въ монастырѣ, ни о томъ, что матушка изъ духовнаго званія.

Только въ отсутствіе мужа она была разговорчива, при немъ и при его матери она не смѣла сказать слова. По ея приказу

нянька сбѣгала въ мастерскую за однимъ изъ мастеровъ, онъ оказался, слава Богу, не Ксенофонтомъ, а болѣе благодушнымъ владимирцемъ, почтительно выслушавшемъ просьбу хозяйки устроить меня среди товарищей и не обижать бѣднаго сироту.

Какъ я жарко молился Богу передъ сномъ за ея здоровье, даже легче сносили обиды, насмѣшки Ксенофонта, всѣми не любимого за его ябеды на товарищей. Хозяинъ былъ прихожаниномъ единовѣрческой Николая чудотворца церкви. Ксенофонтъ пересталъ ходить въ православную церковь, въ угоду хозяину, каждый праздникъ раньше всѣхъ шелъ въ старообрядческую. За работой онъ гнусилъ по-старовѣрчески разныя молитвы, чѣмъ возбуждалъ улыбки всѣхъ учениковъ, на подборъ православныхъ, къ тому же любителей хорошаго пѣнія, охотно ходившихъ въ Невскую лавру къ заутренѣ и къ обѣднѣ. Хозяинъ этого не возбранялъ, лишь бы дежурство соблюдалось правильно. Запрещалось только пѣніе вслухъ православныхъ текстовъ.

Домъ Санъ-Галли, гдѣ была мастерская, находился на Лиговкѣ, противъ Кузнечнаго переулка; весь верхній этажъ занималъ В. М. Пѣшихоновъ. Съ парадной лѣстницы входъ былъ въ широкій коридоръ, на Лиговку выходило помѣщеніе для хозяевъ; на дворъ и пустыри съ фабричными зданіями выходили окна мастерской и прочихъ помѣщеній: двухъ кухонь, двухъ общихъ комнатъ для мастеровъ, спальни мальчиковъ, черной прихожей и одной комнаты, которую занималъ главный мастеръ съ женой и дѣтьми.

Я сказалъ уже, что много столовъ занимали образа, находившіеся въ работѣ, много огромныхъ досокъ стояло прислоненныхъ къ стѣнамъ, съ золотыми фонами, гладкіе и чеканные. Въ спертomъ тепломъ воздухѣ пахло протухлыми яйцами, на которыхъ разводили краски, олифой и сырой землистой разводимой водой краской, размазанной на двухъ огромныхъ плитахъ, лежащихъ на крѣпкихъ и высокихъ столикахъ.

Въ мастерской время отъ времени слышались слова: «надцировать», «дай припорохъ», «не тронь, здѣсь будетъ припись», «подкрыть», «долишна готова», «раздѣлка» и множество другихъ словъ, употребляемыхъ для названія частей работы на иконахъ владимирцами и проч. богомазами.

Я и другой мальчикъ, года на два старше меня, стояли за столиками и терли краски; это безконечная, тяжелая, скучная работа; руки отекаютъ, спина и ноги устаютъ, голова кружится, часто появляется кровотеченіе изъ носа, радъ бываешь, когда куда-нибудь пошлеть. Вотъ товарищъ дернулъ меня за рукавъ и повелъ въ кухню, будто за водой; здѣсь при ненавистной кухаркѣ онъ сталъ допрашивать меня: умѣю ли я чистить сапоги, варить клей, готовить левкасъ. Нѣтъ, говорю, не умѣю. — А знаешь, что надо сдѣлать, чтобы Ксенофонтъ сталъ любить. — Нѣтъ, не знаю.

Надо ему рубль дать, а то вели своему брату въ воскресенье напоить его водкой. Я спросилъ мальчика, умѣетъ ли онъ рисовать.—Зачѣмъ мнѣ,—отвѣчалъ онъ,—рисовать, на то трафаретъ есть, тебя тоже уборщикомъ сдѣлаютъ, у хозяина одинъ уборщикъ Ксенофонтъ, вотъ онъ и куражится.

Я хотѣлъ еще спросить о дѣлѣ, но мальчикъ шикнулъ, въ кухню вошелъ хозяйскій братъ, низенькій сухощавый, рыжій дурачекъ-заика, ужасно злой. Мы опять пошли на свое дѣло, но въ это время мастеровые пошабашили, раздавалась икота, потягиваніе, зѣвота. Отдѣльные лампы были погашены, осталась одна на столѣ, накрытомъ къ ужину. Мастера пошли оправиться и вымыть руки, поужинавши, молча поплелились спать въ «свою спальню», а мальчики—пять человѣкъ—пошли спать только тогда, когда убрали и вымыли всю мастерскую. Въ этотъ день я усталъ сильнѣе, чѣмъ въ предыдущій, однако, не скоро могъ заснуть.

Чѣмъ дольше жилъ я въ этой грубой каторжной средѣ, тѣмъ невыносимѣе становилось однообразіе и мертвящая скука, не говоря о наушничествѣ между мастерами. Младшіе ученики—это были паріи, съ которыми никто слова не говорилъ по-людски, а только въ видѣ приказа, называя не по имени, а кличкой: «Растопыра», «Чиркунъ», «Жидкій» и т. п.

Старшему ученику Тимоѳею Комарову оставалось дожить до срока всего два мѣсяца, поэтому онъ держалъ себя свободно, я съ перваго взгляда полюбилъ его, довѣрился ему, сказалъ, что трудно здѣсь жить. Онъ разсказалъ о себѣ, что его учили писать только лица и руки, а ему хотѣлось научиться изображать цѣлыя фигуры съ пейзажемъ, много разъ его за упрямство сѣкли розгами; онъ не отказывался отъ своего желанія.

Меня научили варить клей для грунтовки досокъ подъ наклеюку марли, мыть блюда для красокъ, показали, гдѣ какія лавки и проч., при многолюдствѣ приходилось десятки разъ бѣгать за покупками, подниматься въ 4-й этажъ.

А куражливая мастеровщина не упустила случая показать свою власть надъ учениками. «Растопыра» принеси-тка воды, подай квасу, а квасъ стоитъ въ жбанѣ около его носа, — сходи въ кухню, принеси щепку. — Идешь, а она ему нужна, чтобы въ зубахъ поковырять. Если съ нимъ заговорить хозяинъ, хамъ согнется въ дугу, голосъ сдѣлается тихій, вкрадчивый, плечи поднимутся, весь словно сузится, слащаво оскабляясь, дергаетъ бороду... Едва успѣетъ закрыться за хозяиномъ дверь, смиренникъ кричить: «Эй, ты, чертенокъ, подними кисть!» Придешь, поднимешь, онъ повернетъ ее въ рукахъ, она снова падаетъ на полъ, и такъ измывается хамъ, пока не догадаешься сбѣгать въ кухню и выполоскать тамъ въ чистой водѣ, а не здѣсь, которая стоитъ передъ его носомъ.

Быль между мастерами еще одинъ несносный, допекаль, когда выпеть. Призоветъ ученика и читаетъ ему наставленія: «За что ты на меня сердишься, не сердись, грѣхъ сердиться, когда дѣлу учать. Ты видѣль, какъ я работаю. — Я мастеръ, потому что меня учили, — вотъ такъ, — при этомъ онъ ударялъ по щекѣ или по затылку, — я пью, — продолжалъ онъ, — а ты стоишь, ну и стой, я также прежде стоялъ», и такъ безъ конца...

Такихъ убѣжденныхъ въ пользѣ безмысленнаго наказанія учениковъ я до мастерской Пѣшехонова не видѣль ни въ деревнѣ, ни въ монастырѣ, почему я и возненавидѣль не только этихъ людей, а самое мѣсто, гдѣ жили эти каторжники.

Черезъ три мѣсяца испытаній Пѣшехоновъ велѣль мнѣ дать бумагу, карандашъ и рисунокъ узора, какими украшаютъ поля образы, и показать, какъ приняться за дѣло.

Началь я рисовать, сидя у него въ прихожей, при исполненіи обязанностей казачка, дежурящаго съ 8 час. утра до 10 час. вечера. Кончилъ одинъ узоръ, даютъ другой, потомъ третій и т. д., значить правду сказалъ мнѣ мальчикъ, что меня предназначили въ уборщики.

Дѣло скверное, подумаль я, и сталъ рисовать лѣниво. Дали вмѣсто узора срисовывать съ припороха безжизненный рисунокъ стариннаго образа Іоанна Богослова съ указательнымъ пальцемъ въ устахъ святого.

Рисоваль поневолѣ, а въ то же время началъ срисовывать узорную печь въ прихожей, увлекшись ею до того, что забыль закрыть рисунокъ во время прихода хозяина; онъ грозилъ строго наказать за ослушаніе, а рисунокъ взяль и отдалъ играть своимъ дѣвочкамъ — Марѳа Никифоровна была довольна.

Захотѣлось мнѣ сходить въ старообрядческую церковь, это мнѣ дозволиль хозяинъ, старуха научила, гдѣ стать, какъ надо молиться и складывать персты для креста; все мною сдѣлано было исправно, возвратясь домой, старуха спрашиваетъ меня: «Ну, что, пострѣленокъ, понравилось тебѣ въ нашей церкви». — «Нѣтъ, говорю, у насъ поють лучше, здѣсь сильно гнусавять».

Старуха обидѣлась на мою откровенность и больше не брала съ собой въ церковь.

Къ концу великаго поста всѣ стали какіе-то невѣдомо на кого озлобленные, особенно старуха, преслѣдовавшая учениковъ за частое хожденіе въ Невскую лавру. Однажды сижу я въ прихожей, въ комнатахъ вездѣ затихло, я отдался воспоминаніямъ о монастырской службѣ и сталъ потихоньку пѣть: «чертогъ Твой вижу, Спасе мой»... и другія пѣснопѣнія... Вдругъ вбѣжала ко мнѣ старуха и принялась трепать за волосы, я вырвался отъ нея и спасся въ коридорѣ.

Пасху встрѣтилъ я очень грустно, никто изъ хозяевъ съ нами, православными, не христосывался; одна Марѳа Никифоровна, заглянувъ мелькомъ въ прихожую, на ходу поцѣловала меня, сунувъ въ руку яйцо и двадцатикопеечную монету. Послѣ оказалось, что она православная.

Къ моему удивленію никто изъ мастеровыхъ съ нами, маленькими, не похристосывался. Жратвы всякой было много, а скуки больше того.

Со второго дня Пасхи до Фомина воскресенья я усердно рисовалъ апостола Андрея съ гравюры (карт. Лосенки) подъ руководствомъ Тимоѳея Комарова, выходило удачно; я былъ въ восторгѣ, что обо мнѣ позабыли.

Съ начала Фоминой недѣли опять дали мнѣ нелюбимаго Іоанна Богослова, но въ это время хозяева готовились ѣхать куда-то на свадьбу и мало обращали вниманія на мою работу; я снова началъ рисовать любимую изразцовую печь. Дѣло шло ладно. Хозяинъ далъ мнѣ чистый листъ бумаги и сказалъ, чтобы я отмѣчалъ на листѣ фамиліи и имена приходившихъ къ нему господъ или давалъ имъ самимъ написать, кто они и по какому дѣлу были у него.

Скоро послѣ отъѣзда хозяевъ въ прихожую вошелъ человѣкъ средняго роста съ большой, какъ мнѣ показалось, курчавой головой и небольшой бородкой, одѣтый въ коричневую шинель, спросилъ хозяина, я далъ ему бумагу, онъ, присѣвъ къ столу, сталъ писать, потомъ посмотрѣлъ рисунокъ Іоанна Богослова, а затѣмъ поглядѣлъ мою любимую изразцовую печь, ее онъ похвалилъ, спросилъ, не бранять ли меня за такіе рисунки. Да, говорю, бранять; онъ покачалъ головой и промолвилъ: «Не выучиться тебѣ здѣсь тому, чему хочется».

Потомъ спросилъ меня, откуда я и какъ попалъ сюда. Я все рассказалъ по порядку. «Знаю, — говоритъ онъ, — Старую Ладогу, оба монастыря знаю, тамъ по моимъ планамъ строятся двѣ церкви». Такъ это вы, господинъ Горностаевъ, чуть не вскрикнулъ я отъ радости. Онъ улыбнулся, погладилъ меня по головѣ, еще разъ взглянулъ на рисунокъ печи и велѣлъ больше рисовать съ хорошихъ оригиналовъ и съ вещей, которыя передъ глазами.

Уходя онъ сунулъ мнѣ въ руку серебрянный полтинникъ.

Въ оставленной А. М. Горностаевымъ запискѣ напоминалось Пѣшехонову, что образа для Валаамскаго монастыря должны быть отданы, какъ и предыдущіе, для исполненія художнику Бажанову, безъ чего не могутъ быть имъ приняты.

Николинъ день, или вешній Никола, праздновался такъ же широко, какъ и зимній въ старообрядческой церкви, на Николаевской улицѣ. У хозяина было много гостей, у стола служили официанты; двое старшихъ учениковъ, одѣтыхъ по-праздничному, находились въ хозяйской половинѣ, а младшіе, — въ томъ числѣ и я, — отданы были въ распоряженіе мастеровъ, гдѣ шелъ пиръ горой.

Ученикамъ не досугъ быть сидѣть за столомъ, мы только подавали и убирали кушанья и напитки; все шло своимъ чередомъ, пока не разошлись изъ-за стола по своимъ комнатамъ, гдѣ засѣли играть въ карты. Среди нихъ находились гости, ихъ земляки изъ другихъ петербургскихъ мастерскихъ.

Самая буйная компанія находилась въ той мастерской, гдѣ подготавливались «левкосились» доски для образовъ: здѣсь золотили фоны, чеканили, здѣсь же готовые большіе образа крыли олифой,—теперь, въ праздничное время, эта комната была болѣе всѣхъ свободная, здѣсь и гуляла мастеровщина.

Непривычный къ шумному пьяному веселью, я не входилъ въ эту комнату, здѣсь обслуживалъ мой сотоварищъ по краскотерству, подростокъ Миша. Вечеромъ среди пьянаго крика я услышалъ громкій голосъ Ксенофонта и плачь Миши—его собирались сѣчь; заглянулъ въ дверь, вижу его раздѣтымъ на полу, бросился опрометью въ комнаты къ хозяину и сказалъ ему при гостяхъ о происходящемъ. Получивъ подзатыльникъ за сообщеніе, я все же достигъ цѣли—хозяинъ тотчасъ побѣждалъ на раздавшійся плачь мальчика и взбѣшенный дерзостью Ксенофонта надавалъ ему пощечинъ и разогналъ всѣхъ пировавшихъ.

На утро Ксенофонтъ ходилъ съ подвязанной щекой, съ опухшимъ глазомъ и съ синякомъ подъ глазомъ. Никто за работу не бралъ до трехъ дней. Хозяина я не видѣлъ.

Образа, о которыхъ писалъ Горностаевъ, на третій день Николина дня носили къ художнику Бажанову, жившему на углу Б. Садовой и Гороховой; я тоже принесъ небольшіе образа для царскихъ дверей. Въ мастерской много было картинъ, портретовъ, этюдовъ головъ, копій съ образовъ Боровиковскаго и друг. замѣчательныхъ вещей.

Всѣ говорили, что хозяинъ страшно недоволенъ требованіемъ Горностаева, сердить на всѣхъ мастеровъ. Всѣ присмирѣли.

Скоро узнали, что образа, писанные Тимоѳеемъ Комаровымъ (выходящимъ ученикомъ), не требуютъ большого исправленія, а всѣ остальные лица надо переписывать. Главный мастеръ, «личникъ», Петръ Іоанновичъ, обидѣлся, попросилъ расчета,—Иѣшеховъ отказалъ въ расчетѣ. Всѣ вздохнули спокойно и принялись за окончаніе образовъ въ Елисеѣвскую богадѣльню и графу Протасову въ домовую церковь.

Со мной стряслась бѣда. Я несъ изъ кухни большой чугунокъ вскипяченнаго клея, поскользнулся въ коридорѣ, упалъ и разлившимся клеемъ обварилъ себѣ руки и ноги. Въмѣсто принятія мѣръ отъ ожога меня наказали розгами. Наказывавшаго Ксенофонта я, со злости, жестоко укусилъ за большой палецъ правой руки. И, право, не знаю, какъ меня не запороли до полусмерти за такой поступокъ.

Правда, у меня болѣли руки и ноги. Однако я скоро поправился отъ болѣзни. Жизнь пошла съ обычными придирками мастеровыхъ и равнодушіемъ хозяевъ. Какъ-то, помнится въ субботу, пришли ко мнѣ два ополченца, они служили въ гребцахъ въ Кропштадтѣ, то были: изъ одной со мной деревни мой крестный отецъ Тимошей Елисѣевичъ, очень умный крестьянинъ, дружившій съ моей покойной матушкой, и другой его товарищъ, крестьянинъ изъ сосѣдней деревни, Степанъ Васильевичъ Лисинъ, зажиточный торговый человѣкъ, очень умный, бойкій, краснорѣчивый, умѣвшій всѣмъ понравиться и угодить. Оба они прошли по парадной лѣстницѣ прямо къ хозяину, объяснили о желаніи повидать сироту и просили отпустить съ ними недалеко въ трактиръ попить чайку. Меня отпустили, я обрадовался имъ и какъ былъ въ халатѣ, такъ и пошелъ съ ними. Степанъ Васильевичъ разспросилъ очень подробно о моемъ житьѣ, я многое утаилъ, стыдясь, но онъ не захотѣлъ оставить меня въ покоѣ, вызвался проводить меня въ мастерскую, поглядѣть, гдѣ я живу.

Они меня проводили. Степанъ искусно все высмотрѣлъ, выспросилъ, выглядѣвши, онъ пошелъ въ кухню, будто руки мыть, и здѣсь забалакался долго съ кухаркой. Прощаясь я получилъ отъ нихъ 2 р. 10 к. денегъ на нужды и много разныхъ гостинцевъ.

У Степана Васильевича Лисина много было денегъ, онъ былъ ротнымъ старостой.

Скоро они совсѣмъ уходили домой,—миръ былъ заключенъ. Шель 1856-й годъ.

Послѣ ухода земляковъ опять стало мнѣ тоскливо, непріютно среди мастеровыхъ. Въ воскресенье утромъ я былъ дежурнымъ по мастерской; всѣ люди, кромѣ Ксенофонта, были у обѣдни; онъ сидѣлъ у окна, работалъ «на шабашъ», чтобы передъ обѣдомъ выпить и посидѣть въ трактирѣ вечеромъ.

Захотѣлось мнѣ сосчитать свои капиталы, сталъ считать и нечаянно уронилъ рубль, рубль покатился по покатоному полу въ сторону Ксенофонта и чуть не у самыхъ его ногъ остановился. Онъ вскочилъ, какъ молодой, но я опередилъ его, поднялъ, сунулъ въ карманъ и ушелъ изъ мастерской, досадуя на оплошность счета денегъ, не осмотрѣвшись кругомъ. Не будучи скупымъ, я не любилъ тратить деньги безъ особенной нужды, тѣмъ болѣе, что въ головѣ таилась мысль избавиться отъ жизни у Пѣшехонова.

Въ воскресенье вечеромъ Ксенофонтъ полупьяный вызвалъ меня въ коридоръ и сталъ просить рубль денегъ, обѣщая скоро отдать, я наотрѣзъ отказался дать ему хотя одну копейку за его придирки ко мнѣ. Онъ пригрозилъ припомнить отказъ.

Обыкновенно въ понедѣльникъ хозяинъ съ утра приходилъ въ мастерскую распредѣлять мастерамъ работу, мальчики также всѣ должны были при этомъ присутствовать. Какъ разъ передъ самымъ

приходо́мъ въ мастерскую хозяина Ксенофонтъ ласково шепнулъ мнѣ, подавая три копейки, просьбу сбѣгать къ Пяти угламъ въ лавку Лапиныхъ, гдѣ обыкновенно забирали весь товаръ хозяева, чтобы я купилъ ему леденцовъ. Я побѣждалъ что было мочи, желая заслужить строгому Ксенофонту, а сегодня такому ласковому. Миша, мой товарищъ, сказывалъ, что Ксенофонтъ часто его посылалъ то за водой, то за яйцомъ, то за чистой тряпкой и все вслухъ громко при хозяинѣ спрашивалъ: а гдѣ же Васька жидкій. Куда онъ, песь, ушелъ? Никто не отвѣчалъ. Хотя я прытко бѣжалъ, но все же времени прошло много, когда вернулся въ мастерскую съ гостинцами и отдалъ ихъ Ксенофонту. Этотъ сорокалѣтній мерзавецъ, глядя мнѣ въ глаза, громко спросилъ меня: «что это за леденцы». Я говорю, что это тѣ леденцы, за которыми вы меня посылали къ Лапину. «Когда я тебя посылалъ; ахъ ты, мерзавецъ, да на что мнѣ леденцы». И онъ бросилъ ихъ на полъ... Кое-кто хихикнулъ,—я думаю, многіе поняли подводъ Ксенофонта, особенно Тимоѳеѣй, все время злобно глядѣвшій на него.

Хозяинъ не пожелалъ понять, какъ добрый человѣкъ, а оттрепалъ меня за волосы и далъ такого пинка въ спину, что я упалъ. Въ этотъ же день я во время чистки одежды хозяйскаго сына Петиньки нечаянно оторвалъ рукавъ, и подалъ въ такомъ видѣ старухѣ, она раскудалталась, посулила сказать хозяину, но на этотъ разъ заступилась за меня молодая хозяйка Марѳа Никифоровна, при которой я принесъ одежду; она взялась зашить и не беспокоить напрасно Василю Макаровича.

Однако мнѣ не вѣрилось, чтобы обошлось безъ наказанія.

Здѣсь былъ обычай вмѣсто словъ употреблять кулакъ. Хозяинъ билъ мастеровъ (вѣроятно, и жену) и мальчиковъ; мастера били только мальчиковъ и дрались между собой, старшіе мальчики били младшихъ, и только младшіе никого не били, а ходили довольно часто побитые.

Это было въ мастерской придворнаго мастера, старшаго начальника иконописнаго цеха, который судилъ всѣхъ мастеровъ, имѣвшихъ мастерскія въ Петербургѣ.

Когда всѣ улеглись спать, на меня напала страшная тоска, что со мной будетъ послѣ семи лѣтъ жизни въ такой трущобѣ, чему я здѣсь могу научиться. Вспомнились Антоній, Башуцкій и слова, недавно сказанныя Горностаевымъ.

Выходъ былъ одинъ: бѣжать отсюда въ деревню, прожить тамъ лѣто, пока здѣсь всѣ позабудутъ обо мнѣ, тогда пріѣхать сюда одному искать себѣ мѣста. Прійдя къ такому заключенію, я сталъ обдумывать планъ побѣга.

В. Максимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отрывки изъ воспоминаній ¹⁾.

(Посвящается памяти В. Н. Б.).

Обыскъ и арестъ.

Это было 34 года тому назадъ, въ ночь съ 17 на 18 августа 1879 года.

Чья-то нѣжная рука прикоснулась ко мнѣ, и я услышалъ тихій голосъ:

— Ваня, вставай.

Открываю глаза и при тускломъ свѣтѣ свѣчи вижу тревожное лицо отца.

— Что такое?

— Приѣхали...

— Кто?..

Но отвѣтъ стоялъ передо мною, въ видѣ жандармскаго офицера.

— Вы Иванъ Петровичъ Бѣлоконскій? — спрашиваетъ онъ.

— Я.

— Потрудитесь встать, намъ нужно произвести у васъ обыскъ.

— Сейчасъ.

Быстро одѣваюсь и всматриваюсь въ то же время во все происходящее.

За жандармскимъ офицеромъ стоитъ знакомый исправникъ, а ближе къ дверямъ спальни — жандармы, городовые и еще какіе-то люди.

¹⁾ Эти воспоминанія написаны 34 года тому назадъ. Въ 1880 году они отправлены были въ «*Отечественныя Записки*», при чемъ вторая ихъ часть была помѣщена въ 10 № за 1880 г., а первая, по цензурнымъ условіямъ, отложена «до благопріятнаго времени». Но такового для «*От. Зап.*», прекращенныхъ въ 1884 г., не наступило, и вторая часть была возвращена мнѣ. Такимъ образомъ печатаемые здѣсь воспоминанія пролежали 34 года. Ихъ сберегла жена моя, Валерія Николаевна, послѣ смерти которой (22 мая 1910 г.) они были мнѣ переданы одними знакомыми, которымъ В. Н. дала ихъ на сохраненіе. Я печатаю воспоминанія безъ всякихъ измѣненій, чтобъ въ нихъ сохранить точный отпечатокъ невозвратной молодости, когда они составлялись. Лишь утерянная первая страница рукописи вновь написана мною.

Арестъ.
(Репинъ).

Меня одолеваетъ сильное безпокойство за мать.

«Знаетъ ли она?» «Что съ нею?» «Гдѣ она?»

Я употребляю всѣ усилія, чтобы не обнаружить волненія и утѣшаю отца.

— Вы не безпокойтесь... Это, вѣроятно, какое-то недоразумѣніе...

— Да я не безпокоюсь...

Но ясно видно, что онъ испуганъ непривычнымъ явленіемъ.

А офицеръ зорко смотритъ за каждымъ моимъ движеніемъ.

Наконецъ я одѣлся.

Офицеръ повторяетъ:

— Мнѣ предписано произвести у васъ обыскъ.

— Вижу и чувствую.

— Гдѣ ваша комната?

— Вездѣ и нигдѣ.

— Какимъ образомъ? (Осматриваетъ меня внимательно).

— Я на время заѣхалъ къ роднымъ погостить, возвратившись недавно изъ-за границы.

— Но... но гдѣ, то-есть въ какой комнатѣ вы проводили время, занимались и такъ далѣе?

— Въ этой.

— Мы приступимъ...

— Сдѣлайте ваше одолженіе.

Началось...

— Это мои бумаги,—замѣтилъ отецъ, видя, какъ привычныя руки переворачиваютъ вверхъ дномъ его «дѣла».

— Ничего-съ, не безпокойтесь,—замѣтилъ элегантно офицеръ,— все будетъ цѣло...

Офицеръ, видимо, заглядывалъ въ другія комнаты, слѣдя въ то же время за обыскомъ.

— Позвольте васъ попросить...

— Проводить васъ въ другія комнаты? — предупредилъ я.

— Мда-а-съ, то-есть...

— Вы желаете произвести обыскъ и тамъ?

Офицеръ утвердительно кивнулъ головой и, оставивъ унтеръ-офицеровъ обыскивать кабинетъ отца, самъ, въ сопровожденіи меня и исправника, направился въ другія комнаты.

Подходимъ къ дверямъ спальни сестры.

— Позвольте, я предупрежу сестру: она спитъ, ей...

— Сдѣлайте одолженіе.

Я вошелъ въ комнату сестры; она была уже полуодѣта и, при входѣ моемъ, испуганно спросила:

— Что тамъ такое?

— Обыскъ... жандармы... не пугайся...

— Ванечка!—и она бросилась мнѣ на шею.

— Не бойся!

— А мама?

Я вспомнилъ, что еще не видѣлъ матери; этотъ вопросъ заставлялъ меня задуматься; сердце забило тревогу: гдѣ мать? что съ нею? не истерика ли? Но я не желалъ выражать безпокойства.

— Ничего.

— Что съ тобою будетъ?

— Конечно, ничего... Одѣвайся... войдутъ сейчасъ...

Сестра быстро окончила туалетъ и пропустила стоявшаго подъ самыми дверьми офицера, который отпустилъ ей поклонъ и, давая дорогу, произнесъ: pardon!

Исправникъ и офицеръ начали перерывать библиотечку, тщательно осматривая каждую книжку. Къ ихъ несчастію, а къ моему, конечно, счастью — ничего не нашли, ибо ничего и не было; залъ не обыскивали, такъ какъ тамъ, кромѣ легкой мебели, нечего было осматривать, но въ спальню матери, якобы по дорогѣ, завернули.

— Здѣсь?..

— Спальня моей матери,—перебилъ я офицера.

— Ахъ, почему вы меня не предупредили?..

— Можете продолжать вашу обязанность: здѣсь, какъ видите, никого нѣтъ.

Въ спальнѣ, дѣйствительно, никого не было, и мысль о матери еще болѣе начала безпокоить меня. Офицеръ не зналъ, на чемъ подозрительномъ остановить свой взглядъ. Я указалъ ему на сундукъ съ бѣльемъ. Офицеръ спросилъ:

— Здѣсь что?

— Бѣлье...

Онъ, видимо, остался недоволенъ прозаическимъ содержаніемъ и велѣлъ, въ знакъ снисходительности къ держанію такого рода вещей, «просмотрѣть слегка» — собственное его выраженіе — бѣлье городовому, который оказался подающимъ большія надежды, ибо очень тщательно осматривалъ... кольсопы...

У меня разболѣлись глаза; я пошелъ промыть ихъ и на пути встрѣтилъ мать; она со слезами на глазахъ бросилась мнѣ на шею:

— Ваня, милый! Что это?

— Не безпокойтесь, мама, — ничего...

— Но вѣдь они заберутъ тебя... Мать заплакала, потомъ для поддержанія, нужно полагать, меня, какъ бы успокоилась, взяла меня подъ руку, и я пошелъ промыть глаза. Невыносимо больно было мнѣ при видѣ страдающей матери, но я, какъ и она, бодрился и улыбался.

— Ничего не нашли? — спросила она меня.

— Да что же у меня есть?

— А что ты писалъ?

— Да вѣдь то любой журналъ помѣститъ.

— Это не доносъ ли за корреспонденціи?

— Мама, что вы?!

— А вѣдь на тебя были недовольны...

Нужно сказать, что предъ этимъ я написалъ двѣ-три корреспонденціи въ «Недѣлю» и столько же, развѣ немного больше, въ «Новости». Н — скіе граждане не совсѣмъ были довольны, и мать предполагала, что вся буря вышла изъ-за этого.

Когда я возвратился въ кабинетъ, офицеръ, окруженный знакомою уже свитою, сидѣлъ въ томъ же креслѣ надъ отобраннымъ, собираясь составлять протоколъ обыска; возлѣ него было наложено достаточное количество бумагъ.

— А въ этомъ ящикѣ? — спросилъ офицеръ, замѣтивъ, что въ столѣ есть ящикъ.

— Тамъ мои вещи, — сказалъ отецъ. — Отворить?

— Нѣтъ... но... знаете... — Офицеръ отодвинулъ кресло, спросивъ:

— Ключи гдѣ?

Отецъ отперъ ящикъ:

— Это мои деньги, это...

— Да... да... это вашъ? Ну... да что вы... — тянулъ офицеръ, съ жадностью всматриваясь въ каждый лоскутокъ бумаги.

— Извините, — прибавилъ онъ, обращаясь къ отцу, — нужно было прямо заявить, что это вашъ ящикъ.

Ложь была налицо, такъ какъ отецъ «заявилъ».

— Дайте мнѣ копію съ «постановленія», — обратился я къ офицеру.

— «Копію»?.. Я не обязанъ давать вамъ копію...

Офицеръ началъ пересматривать бумаги, приготовленныя унтеръ-офицерами, которые заглянули во всѣ щели во время нашей прогулки по семейному гнѣзду.

— Очерки, рассказы и картинки — вы писали? — спросилъ офицеръ, разбирая оглавленіе моихъ рукописныхъ произведеній.

— Я.

— «Грядущая сила», комедія...

— Моя.

— Хорошо... Записныя книжечки?..

— Мои.

— А это?

Онъ показалъ на австрійскій бумажный гульденъ.

— Австрійскій гульденъ.

— Это?..

— Крейцеры австрійскіе.

— Это не надо, — сказалъ офицеръ, отодвигая ихъ въ сторону и разворачивая альбомъ.

— Позвольте спросить, вы знаете эти карточки?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Эти карточки моего брата.

— Какого?

— Бывшаго товарища прокурора въ Вяткѣ, а теперь умершаго.

— Мг... а это?

— Да не знаю же я...

Офицеръ все-таки выбралъ почему-то двѣ карточки и внесъ ихъ въ протоколь.

— Разсказъ «Оля»...

— Мой. Напечатанъ въ Кіевѣ съ дозволенія цензуры, подчеркнулъ я послѣднія слова.

Офицеръ отложилъ въ сторону.

— А вотъ это? «Ванька Острожничъ»... Ахъ да, — спохватился онъ, — на оберткѣ напечатана ваша фамилія.

И этотъ разсказъ отложенъ въ сторону.

— Почему вы выбрали эти именно двѣ карточки, а не забрали всѣхъ? — спросилъ я офицера.

— Мг... я знаю, что я дѣлаю... — И онъ началъ писать протоколь обыска; по прочтеніи я подписался и, судя по протоколу, думалъ — шабашъ!

Не тутъ-то было!!

— Не угодно ли вамъ собираться? — обратился офицеръ ко мнѣ.

— Куда? — спросилъ я, удивляясь неожиданности такого предложенія.

Въ отвѣтъ на это офицеръ прочелъ мнѣ постановленіе, въ которомъ очень ясно было выражено, что по произведеніи у такого-то обыска арестовать онаго и засадить въ тюрьму. Распоряженіе было отъ самаго III-го отдѣленія, на что, для большей назидательности, офицеръ при чтеніи особенно напиралъ.

— Надолго? — спросилъ я.

— Мг... не знаю...

— А куда вы поведете?

— Вы поторопитесь собратъся...

— Но онъ боленъ, — замѣтилъ отецъ.

— Я этого не замѣчаю, — самоувѣренно утвердилъ голубой эскулапъ.

«Фу, чортъ возьми! — думалъ я. — Въ какихъ это странахъ могутъ продѣлываться такія безобразія? Ничего не нашли, уликъ нѣтъ. И — тащатъ, да еще не говорятъ куда».

Поднялась суматоха; отецъ и сестра стали собирать меня въ дорогу; мать въ полубезчувственномъ состояніи сидѣла въ креслѣ, устремивъ на меня страдальческіе взоры; братишка, проснувшійся къ моему отправленію, удивленно смотрѣлъ на незнакомую кар-

тину, боясь спросить о причинѣ ея; семидесятилѣтняя старуха — няня, стоя у дверей, бросала умоляющіе взгляды на жандармовъ, какъ бы прося пощадить; я всѣхъ утѣшалъ, улыбался, хотя на душѣ было скверно.

— Лошади пришли? — спросилъ офицеръ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ одинъ изъ нижнихъ чиновъ.

— Исправникъ! пусть лошадей приведутъ въ вашу квартиру: мы поѣдемъ отъ васъ.

— Хорошо,—подобострастно отвѣтилъ начальникъ города и отдалъ приказаніе.

Все готово; начинаю поспѣшно и весело прощаться, стараясь поскорѣе избавиться отъ гнетущихъ впечатлѣній; отецъ не выдержалъ: слезы закапали изъ старческихъ глазъ его; онъ обнялъ, поцѣловалъ меня и незамѣтно всунулъ 50 рублей. «Быть-можетъ, въ послѣдній разъ», сказала тихо мать, обнимая, цѣлуя безъ слезъ; она не могла уже плакать; сестра же отъ слезъ не могла ничего выговорить; братишка испуганно распрошала, вытаращивъ глаза и долго ничего не понимая; няня бросилась въ ноги, а потомъ начала цѣловать руки при выходѣ и, покуда я отбивался отъ такой преданности, желая поцѣловать ее въ губы, торжественная процессія была задержана, а офицеръ, видимо, выражалъ нетерпѣніе. Отецъ велѣлъ заложить лошадь, чтобы пріѣхать къ исправнику. Я подъ строгимъ конвоемъ во главѣ съ исправникомъ, его помощникомъ и офицеромъ вышелъ на дворъ подъ руку съ сестрою, которая пожелала проводить меня до воротъ.

Востокъ чуть-чуть алѣлъ, въ воздухѣ было свѣжо и необыкновенно пріятно; темно-синій сводъ, усѣянный мириадами звѣздъ, широко раскинулся надъ вселенной.

«Die Sterne, die begehrt man nicht
Man freut sich ihrer Pracht».

Распозитивировался я и оглянулся на домъ, на садъ; послѣдній какъ бы спалъ глубокимъ предутреннимъ сномъ, отъ него такъ и вѣяло нѣгою, свѣжестью и ароматомъ; птички какія-то, проснувшись, уже щебетали въ кустахъ, быстро пронеслись надъ самыми головами двѣ-три ласточки — хорошо! привольно!..

«Быть-можетъ, въ послѣдній разъ», вспомнилъ я, посмотрѣлъ на домъ и опустилъ голову: словно изъ него только что покойника унесли... Тускло смотрѣли слабо освѣщенные окна, незамѣтно движенія...

— О чемъ ты, Ваня? — спросила сестра.

— Ничего,—спохватился я, стараясь улыбнуться.

Ворота. Еще разъ осматриваю все знакомое, дорогое...

— Прощай! — говоритъ сестра.

— *До свиданія!* — подчеркиваю я.

— Дай-то Богъ!..

Мы обнялись и поцѣловались; сестра долго еще смотрѣла мнѣ вслѣдъ; начальство начало перешептываться.

— Смотрѣть за арестованнымъ! — довольно выразительно приказалъ офицеръ.

— Слушаю-сь, ваше благородіе! — проговорило нѣсколько голосовъ.

«Арестованный»! Какъ-то сдѣлалось непріятно... А на улицѣ ни души! Всѣ спятъ, ничего не знаютъ...

Квартира исправника... Начальникъ города суетится насчетъ самовара...

— Вы были въ Петербургѣ? — спрашиваетъ офицеръ.

— Конечно, былъ.

— Мг... Вы тамъ извѣстны...

— Очень пріятно...

Пріѣхалъ отецъ.

— Вашъ пріѣздъ, — обращается онъ къ офицеру, — вообще такъ пугаетъ, тревожитъ, что, право, не опомнишься; даже не закусили на дорогу..

— Мг... да-а... конечно.

Офицеръ съ трудомъ переварилъ, хотя и привычный, комплиментъ.

Напились чаю; пришли лошади.

— Берегите моего сына! — со слезами на глазахъ обращается отецъ къ офицеру.

— Будьте покойны, — бормочетъ тотъ, одѣваясь.

Мнѣ сдѣлалось обидно: съ какой стати просить? на какомъ основаніи? по какому праву я взять? и т. д...

Прощаюсь, выхожу и сажусь среди двухъ очень большихъ и очень добродушныхъ жандармовъ; офицеръ ѣдетъ сзади, «чтобы не пылить въ глаза» — расчувствовался онъ.

Брызнули лучи солнца. Ликуеть природа; мчатся тройки; жара и пыль... Мысли перепутались; послѣ возбужденнаго состоянія наступила реакція, и на меня нашла апатія... «Климовъ», «Чуровичи», «Хрѣновка», станціи, станціи и станціи... Когда-то, свободный, мчался я, а теперь...

Офицеръ оретъ на жандармовъ, станціонныхъ смотрителей, ямщиковъ; не даетъ дохнуть — мчитъ, мчитъ и мчитъ; я уже ѣду лежа, не говоря о глазахъ, у меня болитъ все тѣло: больной прямо съ кровати да на перекладныхъ! Можете судить! «Городня!» Свистокъ, поѣздъ... Когда-то я очень любилъ катить по рельсамъ, но не теперь... Послѣ длинныхъ путешествій я опять въ «Городнѣ», опять мчатъ тройки... «Седневъ» — станція, родина предковъ мо-

ихъ, имѣніе... На станціи меня узнали; собрался народъ; жандармы спѣшатъ и берегутъ меня пуше глаза; запрягаютъ четверку, забыли взнуздать: четверка несетъ, опрокидываетъ, и я... давлю жандармовъ!! Случайное преобладаніе... Опять все на мѣстахъ: лошади взнузданы и жандармы тѣснятъ меня, я среди нихъ...

Черниговъ, незабвенный Черниговъ, въ которомъ я не былъ съ самаго выхода изъ гимназіи; проѣзжаю мимо квартиры младшей сестры, которая, выѣхавъ раньше послѣ каникулъ учиться въ гимназію, не присутствовала при обыскѣ.

Какъ бы хотѣлось мнѣ посмотрѣть на нее! Нѣтъ! испугается...

— Тпруу!.. Жандармское правленіе... Вхожу. Встрѣчаетъ полковникъ; такой холодной, безчувственной, отталкивающей физіономіи я не видѣлъ. Онъ сказалъ только «хорошо», посмотрѣлъ на меня исподлобья—такъ и обдалъ холодомъ. Опять въ повозкѣ... «Но!» Улица, еще улица и вотъ бѣлѣютъ стѣны стараго замка съ башнями по бокамъ.

Тюремный замокъ.

«Не слышно шуму городского».

— Смотритель въ замкѣ?—довольно грозно спросилъ жандармскій офицеръ у сидѣвшаго сначала, но потомъ вставшаго армейскаго офицера, когда мы подъѣхали къ большимъ траурнымъ воротамъ острога.

— Нѣтъ,—довольно почтительно отвѣтилъ армейскій, видимо, чувствуя перевѣсъ голубого (кто въ то время не чувствовалъ?!):—онъ, должно-быть, въ квартирѣ; можно...

Но не успѣлъ армейскій окончить фразу, какъ вдругъ, словно изъ-подъ земли, появилась толстенная, бѣлобрысая, хмуриющаяся, для изображенія строгости, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушная фигурка съ голубыми глазами, краснощекая и съ отсутствіемъ одного зуба въ переднемъ ряду верхнихъ зубовъ, почему фигурка или, пожалуй, фигура, говорила какъ бы съ присвистомъ...

— А-а-а!—произнесъ офицеръ, увидя фигурку.

Фигура приложила сначала два пальца къ кэпи, а потомъ подала руку офицеру, который успѣлъ шепнуть уже что-то.

— Пожалуйте!—предупредительно пригласила фигура, указывая на отворенныя ворота замка.

Входимъ всѣ вмѣстѣ: офицеръ и смотритель (фигура—это былъ смотритель) впереди, я за ними, а за мною—жандармы; входимъ въ темную арку, поворачиваемъ направо, всходимъ по ступенькамъ...

— Не нужно ли вамъ денегъ?—вдругъ обратился ко мнѣ любезно офицеръ.

— Нѣтъ, не нужно, благодарю,—проговорилъ я, пораженный милосердіемъ. Офицеръ очень былъ растроганъ, когда я очутился въ клѣткѣ, а слѣдовательно — онъ доставилъ меня благополучно: порокъ будетъ наказанъ, добродѣтель восторжествуетъ, отчего же не оказать милости, въ виду полученія награды, ежели я окажусь «важнымъ»... Мнѣ думалось, что у офицера совершался именно такой процессъ мысли.

— До свиданія! — раскланялся со мною офицеръ. — Вы ему, — обратился онъ къ смотрителю, — сейчасъ же доктора, чаю... До свиданія! И офицеръ умчался. Все это произошло очень быстро на третьей ступенькѣ. Я пошелъ дальше и очутился въ мрачной, вонючей, большой комнатѣ съ рѣшетками на окнахъ; скоро сальный огарокъ освѣтилъ черныя, запыленные обои, дѣла, залитыя чернилами, два стола и два-три сломанныхъ стула; за однимъ изъ столовъ сѣли: армейскій, смотритель и я.

— Ну-съ, у васъ нужно все отобрать, — сказалъ смотритель.

— Только, пожалуйста, скорѣе, — отвѣчалъ я.

— Ваша фамилія?

— Такой-то.

— Не знаете за что?

— Вамъ это извѣстно, полагаю.

— Клянусь, мы ничего не знаемъ. Все? — спросилъ онъ, когда я, избѣгая разговоръ, выложилъ предъ представителями арміи и полиціи все свое имущество.

— Рѣшительно все... дайте мнѣ скорѣе покой...

— Сію минуту — пожалуйста!

Опять спускаемся; входимъ подъ арку; идемъ черезъ вторыя ворота, дворомъ — направо; подходимъ къ высокому зданію, поднимаемся вверхъ, вверхъ и вверхъ; смрадный, душный коридоръ; темно; шелкъ, шелкъ, — громынула задвижка...

— Ваше новое жилище, — любезно объявилъ смотритель, предлагая окупиться въ какой-то мракъ.

— Воняетъ, — сказалъ я.

— Это такъ, съ перваго разу... Вы еще нигдѣ не сидѣли?..

— Нѣтъ.

— А вотъ кто сидѣлъ въ тюрьмахъ, въ III-мъ отдѣленіи, тѣмъ ничего...

— Счастливыцы... А чаю вы мнѣ дадите?

— Можно достать кипятку? — обратился смотритель къ служителю.

— Гдѣ же теперь, ваше благородіе, чаю?..

— Нельзя-съ, завтра уже, — отвѣтилъ мнѣ смотритель.

— А поѣсть?

— Это можно... Купи чего-нибудь, — отдалъ приказъ смотритель служителю, — колбасы или тамъ вообще *студенческаго*. Смотритель сдѣлалъ удареніе на «студенческаго» и улыбнулся.

— А скоро это будетъ? — спросилъ я.

— Сію минуту; огонь и пищу сейчасъ, а покуда—до свиданія! Опять—стукъ, хлопъ, звякъ—и я въ клѣткѣ; темно, ужасно темно; только изъ окна чуть-чуть свѣтится; я пробираюсь къ окну и взлѣзаю на него; стекло многихъ недостаетъ, но рѣшетка крѣпкая; сквозь рѣшетку виднѣется чудное августовское вечернее небо и больше ничего; слышны шаги часовыхъ на дворѣ; мертво, тихо и даже показалось поэтично на первый разъ. Мнѣ начали припоминаться всевозможныя картины «узниковъ», а также пѣсни и стихи объ «узникахъ» и «темницахъ». Но поэзіи моей скоро наступилъ конецъ: явился смотритель въ сопровожденіи служителя, который несъ грязную лампочку, колбасу и кусокъ хлѣба.

— Скоро?—спросилъ улыбаясь смотритель.

— Благодарю—скоро, а насчетъ постели?..

— Это ужъ завтра... сегодня невозможно...

— Мг... какъ же это?.. Вотъ на этомъ голомъ и спать? Какъ это называется?

— Нары... Потерпите эту ночь...

— Хорошо.

— Ну-съ, всего лучшаго! До свиданія!

Опять я одинъ, осматриваю номеръ: устроены аркою, пыли-пыли—дотронуться нельзя! полъ ужасный; измѣряю: 8 шаговъ въ длину, три—въ ширину и, по глазомѣру, аршинъ 6 въ вышину; мебель—нары и... больше ничего; двери черныя, стѣны бѣлыя—трауръ, сообразно обстоятельствамъ; въ дверяхъ квадратное окошечко со стекломъ, и въ него смотритъ заспанная фізіономія только что приставленнаго часового, который слѣдитъ за всякимъ моимъ движеніемъ. Бмъ колбасу—цвѣлая и соленая; хочу пить.

— Часовой, какъ бы напиться?

— Разговаривать не дозволено.

— Да вѣдь я пить хочу.

Молчаніе.

— Неужели у васъ и пить не полагается?—спрашиваю я часового, подставивъ свою фізіономію къ самому стеклу.

Часовой смотритъ прямо мнѣ въ глаза, не шевелится и молчитъ, какъ трупъ.

Скверно, думаю. А что если пожаръ?—приходитъ мнѣ въ голову; часовой кажется мнѣ ужасно глупымъ человѣкомъ. Ну, а ежели на дворъ захочу?—спрашиваю я себя мысленно, осматриваюсь и—о ужась!—не вижу никакихъ приспособленій. Что же дѣлать? Ложусь спать, чтобы хотя какъ-нибудь заглушить требованія организма.

Станный сонъ... Снится мать, рыдающая и больная; снится домъ; кто-то умираетъ или мучатъ кого-то; палачи, стоны, вопли... Просыпаюсь: льетъ страшный ливень, кажись, разверзлись небеса,—

такого ливня я никогда не видѣлъ; молнія разсѣкаетъ воздухъ, гремитъ ужасный громъ, стучитъ дождь о желѣзную крышку—свѣтопреставленіе! На нарахъ, подо мною цѣлая лужа; дождь врывается въ окно, дуетъ сквознякъ,—словомъ, буря и въ самой камерѣ. На свободѣ я страшно боялся грозы; но теперь взобрался на окно и хотѣлъ полюбоваться свободною силою природы... Чувствую—я боленъ: жаръ, слабость... Нервное возбужденіе кончалось, продолжается болѣзненный кризисъ; я приложилъ горячую голову къ рѣшеткѣ, но долго сидѣть на окнѣ не могъ; кое-какъ спустившись на мокрыя нары, я легъ и уснулъ тяжелымъ, тревожнымъ сномъ...

Почти два мѣсяца не вставалъ я съ кровати, очнувшись, и то съ большими усиліями и искусственнымъ спокойствіемъ, когда полковникъ привелъ на свиданіе рыдающаго старика, моего отца; я всѣми силами старался успокоить его, но не тутъ-то было... Плачь ребенка почти не производитъ впечатлѣнія, плачь женщины раздражаетъ или возбуждаетъ чувство сожалѣнія, но плачь мужчины, старика, человѣка сильнаго, который никогда не плакалъ—это ужасно невыносимо. Я самъ чуть было не разрыдался, уже чувствовалъ, какъ слезы подступили къ горлу, чувствовалъ влажность глазъ, но—удержался, благодаря полковнику, предъ которымъ не желалъ распустить нюни, и еще тому обстоятельству, что полковникъ, слѣдившій, какъ церберъ за мною и за отцомъ, котораго насилу допустилъ поцѣловаться съ больнымъ сыномъ, далъ только пятиминутное свиданіе, такое свиданіе, котораго не пожелаю и врагу своему, развѣ только самому полковнику...

Какъ только я выздоровѣлъ, немедленно пожелалъ написать письмо роднымъ, думая, что такое законное желаніе будетъ исполнено моментально.

— Миѣ нужно письмо роднымъ написать,—заявилъ я какъ-то зашедшему смотрителю.

— Нельзя-съ, нужно спросить разрѣшенія у полковника...

— Роднымъ-то?..

— Шагу нельзя безъ полковника...

— Такъ заявите ему скорѣе.

— Разрѣшите ли?!—сказалъ смотритель.

— Да какое онъ имѣетъ право не разрѣшать?

— Я доложу.

Цѣлую недѣлю ждалъ я разрѣшенія, бѣснуясь и энергично требуя отъ смотрителя—дать миѣ возможность повидаться съ какимъ-нибудь «начальствомъ».

Наконецъ появился самъ полковникъ.

— Миѣ нужно письмо роднымъ написать.

— Зачѣмъ?

— Какъ это «зачѣмъ»?

— Вѣдь у васъ былъ недавно отецъ?

— Да вѣдь у меня есть мать, сестры...

— *Вамъ нужно было объ нихъ раньше заботиться...*

Меня это взбѣсило ужасно и только послѣ сильной борьбы я удержался отъ дерзости, желая до конца прослѣдить, стоя на совершенно легальной почвѣ, всѣ издѣвательства, всю насмѣшку надъ личностью человѣка со стороны *охранителей семейнаго очага и народной нравственности*. Скоро убѣдился, что «человѣкъ въ Россіи—лакей», какъ удачно выразился нѣкогда либеральный Суворинъ.

— Въ такомъ случаѣ пригласите прокурора...

— Я подумалъ,—пробурчалъ полковникъ и удалился.

Черезъ три дня послѣ этого разговора мнѣ разрѣшено было, подѣ строгимъ присмотромъ жандарма, написать въ канцеляріи письмо роднымъ.

Интересно, что вотъ уже третій мѣсяць моего сидѣнья въ одиночной кѣлткѣ, а у меня еще никто не спросилъ ни о чемъ, не сказалъ причины заключенія! Опять поднялъ я тревогу: позовите полковника! Позовите прокурора! Разъ только какъ-то зашелъ дѣлавшій у меня обыскъ офицеръ и спросилъ:

— Неужели вы не знаете, за что вы сидите?

— Положительно.

— Да что вы говорите! Вы были въ Одессѣ? т.-е. жили?

— Жилъ.

— Но съ кѣмъ? съ кѣмъ жили?

— Съ Симиренко—студентомъ...

— Да, знаемъ, какой это студентъ.—И офицеръ ушелъ.

«Не понимаю,—думать я,—то, кажется, съ Питера вѣтеръ подуть, а оказывается изъ Одессы. Значить, Лёву спрятали? Какъ бы это узнать?» Я привожу этотъ разговоръ съ офицеромъ, какъ замѣчательную жандармскую хитрость, которая выяснилась только впоследствии.

Прождалъ я еще недѣлку и, видя, что отъ жандармовъ толку не добьешься, написалъ черезъ прокурора, слѣдующаго содержаніе прошеніе въ III Отдѣленіе: «Честь имѣю покорнѣйше просить Васъ (т.-е. прокурора) произвести дознаніе по неизвѣстному для меня моему дѣлу; если же это зависитъ не отъ васъ (я былъ арестованъ по предписанію III Отдѣленія), то прошу Васъ отправить это прошеніе въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи».

Прокуроръ вскорѣ извѣстилъ письменно, что прошеніе послано, а я, покуда судъ да дѣло, началъ сочинять стихи и наблюдать изъ окна тюремную жизнь.

Допросъ.

Масса предложенныхъ вопросовъ и давность дѣла не позволили бы мнѣ воспроизвести вѣрно самый *допросъ*, если бы мнѣ не помогло въ этомъ само начальство, приславшее обратно всѣ тѣ бумаги, которыя были чуть ли не главнымъ обвиненіемъ противъ меня. Къ счастью, отвѣты на вопросы писалъ я не жандармскому полковнику, а нѣкому капитану С., сравнительно мягкому, но несомнѣнно, быть-можетъ, безъ желанія, хитрому человѣку (служба!). Первый допросъ заключался въ собраніи отъ меня справокъ, — кто я? Мое имя, отчество и фамилія? Гдѣ получилъ образованіе? *Какое имѣю движимое и недвижимое имущество* (это меня удивило)?

Однимъ словомъ, я долженъ былъ изложить годъ за годомъ всю мою біографію, что я и исполнилъ, такъ что въ показаніяхъ у меня не осталось ни одного часа, о которомъ бы я не могъ сказать, гдѣ я былъ, что дѣлалъ. Тѣмъ первый допросъ и кончился.

Дня черезъ три капитанъ принесъ цѣлую кипу бумагъ, тетрадей, записныхъ книжечекъ, фотографическихъ карточекъ, записочекъ, мелкихъ бумажекъ. Я удивился, у меня было отобрано меньше. Скоро недоразумѣніе выяснилось: при обыскѣ у Симиренко, моего друга, найдены были еще мои рукописи и пришиты къ дѣлу. Работа предстояла трудная: я долженъ былъ дать отвѣтъ во всякой написанной строчкѣ, а ихъ было много, потому что здѣсь находились черновыя, уже помѣщенные въ разныхъ газетахъ статьи, корреспонденціи, фельетоны; еще не появившіеся въ свѣтъ рассказы, наброски, просто темы; кромѣ того, конспекты читаннаго, изъ-за чего вышла масса смѣшныхъ недоразумѣній, о которыхъ я сейчасъ скажу. Капитанъ раскрываетъ первую записную книжку и спрашиваетъ съ выраженіемъ—улики, братецъ, налицо! — что это?

Читаю въ книжкѣ: «Сначала нужно составить ясное понятіе о народѣ, а потомъ уже сочинять государственную организацію». Тѣнь.

— Это, отвѣчаю я, изъ сочиненія Тэна: «*Les origines de la France contemporaine*».

— Кто это Тэнь? — Отвѣчаю. — Гдѣ онъ помѣщалъ свои статьи? — Отвѣчаю. Капитанъ, видимо, не довѣряетъ. Я ему указываю на «Вѣстникъ Европы», говорю годъ, мѣсяць. Пишите,—говоритъ онъ недовѣрчиво. Я пишу въ показаніяхъ то, что устно говорилъ капитану.

— А это? спрашиваетъ капитанъ, перелистывая книжечку и останавливаясь на отмѣченномъ заранѣе карандашомъ мѣстѣ. Лицо капитана ясно выражаетъ: теперъ попался!

Читаю: «Движеніе умовъ 1815 г.» (Пыпина).

Матеріалы: Н. И. Тургеневъ, Н. М. Муравьевъ, М. С. Луниинъ и т. д. Неизданные: Н. В. Басаргина, В. Кю-

хельбекера, «Донесеніе 30 мая 1826 г.», маркизь Кюстинъ, вліяніе тогда на русскіе умы Бенжамена Констана. Русская военная молодежь познакомилась первый разъ съ тайными (!!) обществами въ Германіи.

Общества: 1. Артель совмѣстныхъ обѣдовъ (закрыто правительствомъ).

2. Масонскія ложи.

3. Ученыя и литературныя общества.

Тайныя общества (!!) (глаза капитана раскрылись шире):

1. Союзъ Спасенія.

2. Несостоявшееся — русскихъ рыцарей.

3. Союзъ Благоденствія.

Такого почти свойства по внѣшности, хотя несравненно болѣе дѣятельныя радикальныя общества были:

Въ Италіи — Карбонаріевъ.

Въ Греціи — Гетерія.

Въ Германіи — Тугендбундъ.

Первая мысль о тайныхъ обществахъ (!!) появилась въ 1816 г. Уставъ «Союза Благоденствія» былъ написанъ: Алекс. и Мих. Муравьевыми, кн. Серг. Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ, причемъ, какъ говорятъ, этотъ уставъ заимствованъ съ нѣмецкаго «Тугендбунда» и привезенъ кн. Ил. Долгоруковымъ.

— Ну-съ, что это?—переспросилъ капитанъ, когда я прочелъ эти ужасныя выписки. Отвѣчаю безъ запинки, приводя капитана въ совершеннѣйшее разочарованіе и смущеніе: — Это изъ сочиненія Пыпина, что и сказано въ заголовкѣ: «Умственное движеніе въ царствованіе Александра I». — Кто это Пыпинъ? — Писатель. — Гдѣ онъ писалъ? — Писалъ и пишетъ теперь въ «Вѣстникѣ Европы». — А это его сочиненіе гдѣ помѣщено? — Есть отдѣльное изданіе, помѣщалось также въ «Вѣстникѣ Европы». Лгу я или нѣтъ? выражало лицо капитана. Если лгу — онъ попался впросакъ, а не лгу — еще того хуже: онъ не знаетъ Пыпина, о которомъ я рапортую, что это *извѣстный* русскій писатель. Капитанъ приходитъ къ послѣднему заключенію и, конфузясь, говоритъ: Да, да... я помню Пыпинъ... Пишите. «Ну что, если бы я солгалъ», думалось мнѣ.

Но вотъ капитанъ торжествуетъ:

«Оправданіе подсудимаго — личная обида прокурора. Герценъ». «Дипломъ чрезвычайно препятствуетъ развитію; дипломъ свидѣтельствуетъ, что дѣло кончено, *consomatum est*; носитель совершилъ науку, знаетъ ее. Герценъ».

— А это?—вкрадчиво спрашиваетъ капитанъ.

— Изъ сочиненія Герцена, помѣщеннаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 40-хъ годахъ.

Какъ, развѣ сочиненія Герцена есть незапрещенныя?

— Герцена сочиненія вы найдете въ магазинахъ: романъ «Кто виноватъ?»; «Записки Д-ра Крупова», «Съ того берега», «Еще разъ», въ «Отеч. Запис.» въ 40-хъ годахъ и другія.

Капитанъ убить и уже съ улыбкою, «въ силу необходимости», какъ выразился онъ, спрашиваетъ о выпискахъ изъ Фогта, Милля, Гельмгольца, Добролюбова, Писарева, Бѣлинскаго, Бокля, Шерра, Дрепера, Чернышевскаго, Кэри, Кетле, Гартмана, Капта и др., осторожно говоря: «ну, вы уже обозначьте для «формальности», гдѣ они писали и кто они?»..

Маленькое столкновение произошло только по поводу фразы: «Ohne Politik zu lesen ist man doch todt». Я хотѣлъ было уже писать и по этому поводу, но капитанъ сказалъ: «пѣтъ этого не нужно»...

Я уже довольно усталъ, объясняя выписки изъ прочитанныхъ авторовъ, но это были еще цвѣтки: капитанъ чуть не уморилъ меня, требуя объясненія на фразы въ моихъ рукописяхъ. Все объяснять было бы очень трудно, а потому я выпишу только фразы, вырванныя отдѣльно изъ неоконченной рукописи, весьма занимавшей жандармовъ. Вотъ онѣ:

1. «Нужно развить массу, нужно доказать ей причины ея горя, страданій, чтобы она сознательно поняла свое положеніе, нужно сдвинуть ее изъ инертнаго состоянія, облагородить чувства, возбудить отвращеніе къ рабству, насилію, выставить идеаль».
2. «Любовь къ добру, правдѣ, отвращеніе къ рабству, чувство самосознанія, человѣческаго достоинства»...
3. ...сосновая доска съ изображеніемъ брадатаго святителя или грехенъ-богоматерь чудо совершить...
4. «А я думаю, что это прекрасная мысль,—заговорилъ Носовъ:—мы будемъ сами раздавать и при этомъ можно будетъ всякому говорить о теперешнемъ ихъ положеніи и о необходимости избавиться отъ гнета; дать книгъ... Это восхитительная мысль!»
5. ...«думая о революціи....»

Какъ могъ я объяснить эти выхваченныя фразы безъ связи со всѣмъ произведеніемъ? что я могъ сказать? Сами по себѣ онѣ какъ будто и подозрительны, но въ связи — нисколько, во-первыхъ, а во-вторыхъ, это были отрывки изъ беллетристическихъ произведеній, гдѣ говорилъ не я, а выведенныя лица. Чтобы отвязаться отъ вопросовъ, я написалъ цѣлую защитительную рѣчь себѣ, ссылаясь на современныя и старыя изданія, указывая на произведенія, гдѣ фразы и смыслъ были такіе же, какъ въ произведеніяхъ, написан-

ныхъ мною. Боже мой, чего я не написалъ! Я ссылался на все известныя мнѣ романы, повѣсти, журналы, газеты, статьи... Полковникъ пришелъ на другой день сердитый и сказалъ, что если я буду давать такія показанія, онъ два года проморить меня въ тюрьмѣ, въ одиночкѣ. Нервы у меня были еще разстроены, и я опять послѣ этого заболѣлъ...

Черезъ недѣлю капитанъ появился безъ бумагъ, и допросъ начался другого сорта:

«Занимался ли я и Смиренко пропагандою? Знаю ли я такого-то, такого-то и такого-то (при чемъ спрошено было болѣе 50 фамилій)? Не распространялъ ли я вредныхъ ученій среди общества? Что я знаю о такихъ-то и такихъ-то моихъ знакомыхъ, при чемъ много вопросовъ предложено было относительно одного близкаго мнѣ семейства. Здѣсь были фамиліи: студентовъ, крестьянъ, предводителей дворянства, докторовъ, людей всехъ сословій и занятій. Благодаря тому, что я сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ газетахъ, спрашивали: не знаю ли я чего о сотрудникахъ, о самихъ редакторахъ? Не имѣли ли они чего общаго съ подпольною литературою? Гдѣ я останавливался, будучи въ Петербургѣ? въ Москвѣ? Кіевѣ? Одессѣ? Скажу въ кратцѣ—нѣтъ, кажется, вопроса, которыхъ бы мнѣ не предлагали и на которые бы я не отвѣчалъ утвердительно или отрицательно; исписалъ я массу бумаги, но все-таки не удовлетворилъ полковника, особенно относительно моего друга Смиренко, про котораго мнѣ намекнули, что онъ повѣшенъ, а, слѣдовательно, мнѣ выгодно все вино валить на него, Смиренко, при чемъ какую именно вину—не объявили, говоря, что я знаю самъ... Послѣ допроса я просидѣлъ еще мѣсяца три, написавъ 3 прошенія въ III отдѣленіе о производствѣ дознанія по моему дѣлу. А тутъ наступила весна, одиночество страшно надоѣло, тоска охватила невыносимая. Но въ маѣ совершенно неожиданно дѣло приняло другой оборотъ.

Изъ тюрьмы въ тюрьму.

Май; была чудная погода. Я проснулся очень рано и съ радостью чрезъ рѣшетку вливалъ свѣжій весенній воздухъ, глядя на широкій небосклонъ. Кусочекъ зеленаго поля виднѣлся вдали, и чуть-чуть обозначались сверкашія воды разлившейся Десны. Съ какою радостью, съ какимъ восторгомъ прошелся бы я туда, на это поле, къ этой старой знакомой Деснѣ! Было воскресенье, и я ожидалъ на свиданье сестру, которая была у меня раза два-три и доставила мнѣ невыразимое наслажденіе. Но мнѣ уже не пришлось повидать ее.

Часовъ въ 9 утра я, къ величайшему моему удивленію, увидѣлъ во дворѣ жандармскаго полковника, который никогда не при-

ходилъ въ такую раннюю пору. Кромѣ меня, тогда не было уже ни одного политическаго: большую половину перевезли въ Харьковъ, двоихъ выпустили; несомнѣнно, полковникъ шелъ ко мнѣ. Да, громыхнула задвижка, дверь отворилась, полковникъ, жандармъ, смотритель и сторожъ Наумъ.

— Вамъ нужно собраться,—сказаль сердито фонъ-Мерклинь.

— Куда?—спросиль я.

— Не знаю.

Я привыкъ къ такимъ отвѣтамъ и съ радостью сталъ собираться— не все ли равно? Хоть къ чорту на кулички, лишь бы изъ этого ада.

Собралися, одѣлся; полковникъ осмотрѣлъ нѣкоторыя вещи, заглянулъ въ сакъ-вояжъ. Вышли, прошли дворъ. Что дальше? Подошли къ воротамъ, которыя въ первый разъ за 9 мѣсяцевъ отворились передо мной: тройка у воротъ, и жандармъ на повозкѣ.

— Садитесь,—говорить полковникъ.

Сажусь, садитесь и другой жандармъ.

— Куда же меня везуть?—спрашиваю.—У меня нѣтъ денегъ, родныхъ надо предупредить.

— Сто рублей для васъ есть у жандармовъ; родителей извѣщу; вы ѣдете въ Орель, — проговориль быстро полковникъ.

— Это мое конечное путешествіе, Орель?

— Да, поѣзжайте,—отвѣтилъ полковникъ.

Тройка помчалась. Что за воздухъ, что за погода! Какъ вольно дышитъ грудь! Я не думалъ, куда и за что меня везуть; забылъ все; я зналъ только, что вмѣсто каменныхъ стѣнъ меня окружають воздушныя стѣны, грѣетъ яркое солнышко. Проѣзжаемъ недалеко отъ собора, видна гимназія, изъ которой я вышелъ пять лѣтъ тому назадъ; проѣзжаемъ полосатый шлагбаумъ; вотъ сверкнула въ всемъ блескѣ Десна, окружающая шоссе съ обѣихъ сторонъ; широкая, залитая солнечнымъ свѣтомъ рѣка, зеленые острова, несмолкаемыя трели соловьевъ! Вонъ «Святое», а вотъ «Плавля», куда, когда-то, будучи еще гимназистомъ, часто путешествовалъ я съ товарищами пѣшкомъ и въ лодкѣ; промелькнули въ моей памяти нѣкоторыя знакомыя лица, а въ томъ числѣ лицо незабвеннаго учителя, который нерѣдко бывалъ въ нашей юной компаніи... А тройка мчитъ дальше и дальше... Пусть себѣ мчитъ, лишь бы не въ тюрьму! Станціи, перемѣна лошадей—все это и такъ знакомо, и такъ въ то же время ново, что я уже не обращаю вниманія на четыре слѣдящія за мною глаза двухъ довольню дюжихъ жандармовъ. День смѣнился чуднымъ вечеромъ; всплыла тихая серебристая луна... Въ полночь насъ настигла туча и разразилась освѣжающимъ дождемъ — какъ хорошо! Не зналъ я, что вижу «последнюю» украинскую ночь, не зналъ, что надолго-надолго мнѣ придется разстаться съ мелькавшими передо мною картинами изъ украинской природы! Нѣжинъ! я задрожаль

отъ радости, когда донесся до меня звукъ перваго свистка локомотива.

Вмѣсто лошадей мчитъ поѣздъ. Я высунулъ голову изъ окна и цѣлую ночь не спалъ, любуясь чудною ночью, вдыхая свѣжій воздухъ...

Курскъ... Орель... Слава Богу! конецъ приключеніямъ: завтра я гражданинъ города Орла, а, можетъ-быть, и сегодня. Но не тутъ-то было!

Нужно замѣтить, что черниговскіе жандармы везли меня только до Курска, а отъ Курска до Орла уже везли курскіе жандармы. Съ первыми жандармами я простился очень любезно.

Я былъ такъ наивенъ, что спрашивалъ жандармовъ о жизни въ Орлѣ, о цѣнѣ на продукты, думая здѣсь поселиться окончательно; жандармы мнѣ все поясняли, когда мы проѣзжали со станціи городомъ по направленію къ губернатору, къ которому я прибылъ часовъ въ одиннадцать вечера.

Мы поднялись по нѣсколькимъ ступенькамъ и очутились въ довольно приличной передней губернатора. Сонный швейцаръ быстро вскочилъ и, взявъ у жандармовъ пакетъ, удалился въ сосѣдную комнату; что-то задвигалось, раздались голоса; мимо меня прошли двѣ хорошенькія молодыя женщины и ласково взглянули. «Какой молоденькій!» довольно громко сказала одна изъ нихъ. «Желалъ бы я васъ видѣть на моемъ мѣстѣ,—подумалъ я:—я вамъ съ удовольствіемъ отпустилъ бы комплиментъ: какія хорошенькія, молоденькія»... Но онѣ быстро удалились и больше не показывались.

Вышелъ швейцаръ.

— Ну, что?—спросили жандармы.

— Иду къ самому.

— А онъ не спитъ?

— Нѣтъ: жена еще въ саду, ждетъ.

Швейцаръ ушелъ.

Такъ вотъ откуда неслись звуки полковой музыки, когда я ѣхалъ! Изъ сада... Эхъ, кабы въ этотъ садъ! Скоро ли кончатся мои мытарства? Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія швейцара отъ губернатора, думая, что губернаторъ однимъ почеркомъ пера избавитъ меня отъ жандармовъ, сдѣлаетъ свободнымъ. Швейцаръ скорѣе возвратился, передалъ, въ свою очередь, пакетъ жандармамъ, которые обратились ко мнѣ тотчасъ же съ предложеніемъ:

— Пожалуйте-съ.

— Куда же еще?—спрашиваю я удивленно, думая: «неужели жандармы и квартиру наймутъ?»

— Въ тюрьму-съ.

— То есть, какъ это?

— А тамъ вамъ разъяснятъ.

— Значитъ, переночевать тамъ, что ли?

— Должно-быть, мы не знаемъ.

— Опять тюрьма! Вѣдь это безобразіе!—произнесъ я довольно громко и, надѣвъ шапку, пошелъ за жандармами; швейцаръ тоже сопровождалъ насъ.

Выходимъ на улицу; тихая, чудная, весенняя ночь; изъ сада доносятся звуки музыки, а тутъ идешь опять въ эту несносную тюрьму, не зная за что, на сколько времени, чѣмъ все кончится. Чувство безсилія подавляло меня, я былъ страшно озлобленъ; раздраженъ и молчалъ всю дорогу до тюрьмы, несмотря на любезность жандармовъ и швейцара, которые утѣшали меня слѣдующимъ образомъ:

— До тюрьмы здѣсь недалеко: придете, отдохнете, а тамъ, Богъ дастъ, и лучше что-нибудь будетъ,—говорилъ старикъ-швейцаръ.

— Баринъ хороший, ихъ должно освобождать скоро,—въ одинъ голосъ вторили жандармы.

— Что же, надо потерпѣть; ни одинъ вы: здѣсь, что ни день, все возять.

Но вотъ и стѣны тюрьмы; позвонили въ колокольчикъ; желѣзныя двери тяжело отворились; мы очутились въ абсолютной темнотѣ; входимъ по какой-то лѣстницѣ въ грязную уставленную шкапами комнату. Разбудили какихъ-то сонныхъ личностей, которыя объявили, что «смотритель спятъ». Жандармы и швейцаръ подняли бунтъ, чтобы «немедленно смотритель былъ разбуженъ». Началось скрипѣніе дверей, шушуканье, хожденіе. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи я и мои охранители провели довольно продолжительное время, когда, наконецъ, появилась заспанная, тощая фигура смотрителя; онъ былъ одѣтъ въ военную форму.

Жандармы, получивъ расписку «въ полученіи меня», удалились, а я остался tête à tête съ начальникомъ тюрьмы.

Знакомая процедура: вещи отобраны, записаны, и мнѣ предложено расписаться. Расписываясь, я мелькомъ пробѣжалъ одну бумажку, которая все мнѣ объяснила и заставила призадуматься: въ бумажкѣ было написано:

«Препровождая при семъ *государственнаго преступника*, Б-го, предназначеннаго къ высылкѣ въ Восточную Сибирь, честь имѣю предложить Вашему Благородію держать его въ тюрьмѣ впредь до распоряженія».....

Бумага была отъ губернатора къ смотрителю. Вотъ оно что! Ну, теперъ, хотя и больно и тяжело, но ясно: Восточная Сибирь! Сердце сжалось; холодъ, вьюга, морозы, безконечный путь, вѣчная разлука со всѣми милыми, дорогими быстро промелькнула у меня въ головѣ. А къ тому же денегъ мало, теплой одежды нѣтъ, родные и знакомые не знаютъ. Какое безправіе, какое холодное, безчеловѣчное отношеніе къ живому существу!

— Отведи ихъ въ «дворянскую»,—обратился смотритель къ какому-то служителю.

— Письмо можно роднымъ написать?—спросилъ я смотрителя.

— Завтра, теперь уже часъ ночи.

Я пошелъ за служителемъ и вскорѣ очутился на громадномъ дворѣ орловскаго замка, посреди котораго возвышалось мрачное высокое зданіе, а вправо возлѣ воротъ — двухъэтажный флигель, къ которому мы и направились. Больше я разсмотрѣть ничего не могъ.

Во флигелѣ мы поднялись на второй этажъ, вошли въ коридоръ съ расположенными въ немъ одиночными камерами, изъ которыхъ первая отъ лѣстницы, на правой сторонѣ, предназначалась для меня.

Камера, въ которой я очутился, была несравненно меньше черниговской; деревянная ломаная кровать, микроскопическій столъ и громадная безъ крышки «параша» составляли всю мебель и все украшеніе моего новаго жилища, освѣщеннаго маленькою, тусклою лампочкою.

— До свиданія!—сказалъ вѣжливо служитель, запирая дверь.

— Спокойной ночи!—отвѣтилъ я, оставаясь одинъ въ камерѣ, и немедленно легъ на грязную кровать.

«Бываютъ тягостныя ночи:
 Безъ сна, горять и плачуть очи,
 На сердцѣ — жадная тоска,
 Дрожа, холодная рука
 Подушку жаркую объемлетъ;
 Невольный страхъ власы подъемлетъ;
 Болѣзненный, безумный крикъ
 Изъ груди рвется, — и языкъ
 Лепечетъ громко, безъ сознанья,
 Давно забытыя названья;
 Давно забытыя черты
 Въ сіяньи прежней красоты
 Рисуетъ память своевольно»...

Въ такомъ, приблизительно, состояніи находился я, и такъ, быть-можетъ, провелъ бы и всю ночь, если бы не звуки музыки, раздавшіеся, къ моему удивленію, подъ самымъ ухомъ.

Что это? Откуда? Не галлюцинація ли? Встаю, подхожу къ окну, отворяю его и вижу, что садъ, гдѣ находилась губернаторша, куда пошли, быть-можетъ, и тѣ барышни, изъ которыхъ одна сказала: «какой молоденькій!», что садъ, повторяю, находился сейчасъ же за стѣною тюрьмы; явственно доносились звуки марша «переходъ черезъ Дунай», слышны были трели соловьевъ, доносился даже шумъ говора толпы, видны были деревья и фонарики.

Къ моему несчастію, маршь заканчивалъ «гулянье съ музыкой» въ саду; вскорѣ за тѣмъ погасли фонари, сдѣлалось тихо, и только соловьи шелкали безъ умолку вплоть до самаго разсвѣта; я слушалъ ихъ и не могъ сомкнуть глазъ; я зналъ, что все это слышу въ послѣдній разъ; страшная «Восточная Сибирь» не давала мнѣ покою.

На другой день я проснулся очень рано и увидѣлъ въ камерѣ своей арестанта, подметавшаго полъ. Меня удивило это и обрадовало: въ черниговской тюрьмѣ въ камеру мою, кромѣ смотрителя и жандармовъ, не входила ни одна душа.

— Чаю не угодно ли?—спросилъ арестантъ.

— А можно?

— Если есть свой чай и сахаръ.

— Есть. Я пойду «по надобности».

— Сколько угодно. Можетъ по двору желаете прогуляться?

— Развѣ это дозволяется?

— Конечно, только нужно позвать «подчаска».

— Сначала я напьюсь чаю, а потомъ уже. Здѣсь, кромѣ меня, есть еще «политическіе»?

— Двое сидятъ.

— Заперты?

— Можно отпереть.

Вскорѣ я уже обнимался съ неизвѣстными товарищами по заключенію, которые, какъ я потомъ узналъ, были чрезъ нѣкоторое время выпущены на свободу; они привлекались по мѣстнымъ дѣламъ и очень понравились мнѣ, хотя не походили другъ на друга совершенно: X довольно плотный брюнетъ, красивый мужчина, лѣтъ 27—28, съ открытымъ лицомъ, типъ—интеллигентнаго великоросса; онъ привлекался, какъ человѣкъ, находившій социализмъ въ основѣ христіанства и пропагандировавшій въ этомъ направленіи; Z—худой, тощій съ малорусскими чертами лица, вѣчно добродушной улыбкой; говоритъ онъ басомъ и на первый разъ казался даже «страшнымъ», но стоило только заговорить съ нимъ, чтобы увидать въ этомъ человѣкѣ безграничную доброту, честность, крайній альтруизмъ. Онъ привлекался, какъ пропагандистъ. X и Z приняли меня какъ нельзя болѣе радушно, рассказали, кто проѣзжалъ чрезъ эту тюрьму и что я отправлюсь скоро въ Мценскъ, откуда въ Восточную Сибирь. Я пріободрился; воспоминаніе о Сибири какъ рукой сняло: за 9 мѣсяцевъ я въ первый разъ говорилъ съ людьми, которыхъ нечего было бояться, съ которыми можно было подѣлиться горемъ и радостями. Понять это можетъ только тотъ, кто просидѣлъ продолжительное время исключительно въ сообществѣ шпионовъ, начальства и жандармовъ, которые ловятъ каждое слово, каждый звукъ, каждый взглядъ, чтобы «проникнуть» и «упечь». О, какое это тяжелое, невыносимое, пошлое состояніе!

— Вчера изъ вашей камеры увезли троихъ: ихъ надписи есть на печкѣ.

Пошли въ мою камеру, и я дѣйствительно прочелъ: Я — ій, К—жнй, Я — вичъ.

— По харьковскому?

— Да. Двое: Я—ій и К—жнй были обриты и въ кандалахъ. Ужасное впечатлѣніе!

— Боже мой! Неужели? Какое ихъ состояніе духа?

— Ничего, такъ себѣ.... Я — ій ничего еще, но К — жнй чувствуетъ себя нехорошо.

Слово за слово, мы разговорились, такъ что я уже и прогуливаться не хотѣлъ; напились вмѣстѣ «солдатскаго» чайку, потомъ допили «арестантскихъ» шей съ протухлою кашею и опять чайку выпили; только подъ вечеръ X и Z посовѣтовали мнѣ «подышать свѣжимъ воздухомъ». Въ камерѣ и въ коридорѣ, а особенно въ отхожемъ мѣстѣ, воздухъ былъ невозможный, міазматическій, и я, когда явился «подчасокъ», то-есть солдатъ безъ ружья, въ отличіе отъ «часового» съ ружьемъ, пошелъ прогуляться.

На громадномъ, обнесенномъ каменною стѣною дворѣ орловскаго замка прогуливалась масса арестантовъ, бряцающая кандалами и тщательно закрывая шапками обриту часть головы. Кандалы и бритыя головы производили гнетущее впечатлѣніе, что я хотѣлъ уйти уже въ свою камеру, но потомъ, побѣдивъ себя, началъ гулять по *дозволенному подчаскомъ пространству* и наблюдать по возможности жизнь этихъ «униженныхъ и оскорбленныхъ». Въ черниговскомъ замкѣ не было ничего подобнаго; тамъ кандалы — событіе, исключительный случай; здѣсь — рѣдкій безъ кандаловъ и бритой головы. Орловскій замокъ служилъ мѣстомъ временнаго пребыванія сотенъ душъ уголовныхъ, отправляющихся въ Сибирь.

Кратковременное пребываніе (около 2-хъ сутокъ) въ орловскомъ тюремномъ замкѣ не дозволило мнѣ собрать точныхъ свѣдѣній объ арестантахъ и администраціи этой тюрьмы. Знаю только, что въ то время арестантовъ было отъ 600 до 700 душъ, при чемъ подавляющее большинство — «пересыльныхъ». Узналъ также, что ѣдятъ арестанты здѣсь *два раза* въ день, а не *одинъ*, какъ въ черниговскомъ; что есть такъ называемое дворянское отдѣленіе, гдѣ кормятъ лучше, есть больница, въ которой не былъ; имѣется церковь, которую посѣтилъ на другой день и присутствовалъ при истинно-трогательной картинѣ.

Отправляясь въ путь, партія попросила священника отслужить имъ «напутственный» молебенъ. X и Z, управлявшіе по праздничнымъ днямъ хоромъ, пошли пѣть; пошелъ и я съ ними.

Нужно было видѣть эти исхудалыя, измученныя лица, съ непокрытыми бритыми головами, съ кандалами на ногахъ, — при чемъ кандалы поминутно звякали, особенно, когда арестанты становились на

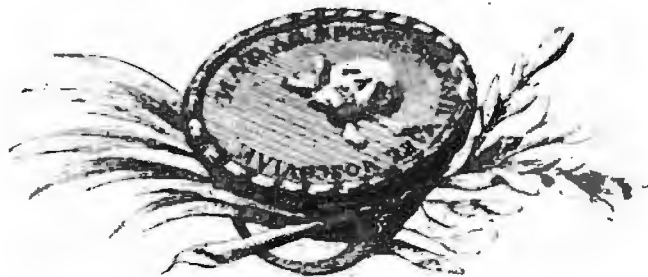
колѣна для поклоновъ и вставали на ноги! Я въ жизнь свою не видѣлъ такъ искренно, усердно молящихся людей, я не видѣлъ никогда лицъ съ такимъ выраженіемъ вѣры, надежды, какія представляли здѣсь всѣ молящіеся; слезы, видимо, выступали у многихъ на глазахъ, и тихіе вздохи неслись изъ измученныхъ грудей. Сколько страданій, мукъ, надеждъ, разочарованій, страстей скрывалось у этихъ людей! Возврата нѣтъ, все погибло, все уничтожено, они сожгли за собою корабли!.. Къ кому же, куда обратиться? Счастливы вѣрующіе.... Смотри на эти лица, можно было подумать, что это не люди, совершившіе, быть-можетъ, ужасныя преступленія, а первые христіане, молящіеся за враговъ своихъ..... Чувствовалось, что нѣтъ среди нихъ человѣка, у котораго не сохранилась бы искра Божія, которая никогда не потухнетъ, а только тлѣетъ подъ пепломъ условій жизни. Ошибаются и очень ошибаются тѣ, которые не допускаютъ возможности исправленія человѣка, осуждая его на долгое, вѣчное наказаніе.....

Священникъ, еще молодой человѣкъ, сказалъ напутственную, сердечную рѣчь арестантамъ, окропилъ ихъ водою, раздалъ маленькія иконки и осѣнилъ крестомъ. Звеня кандалами, арестанты начали подходить къ кресту и цѣловать его. Черезъ нѣсколько часовъ мы уже видѣли изъ окна, какъ партія двинулась къ тюремнымъ воротамъ и скрылась,—скрылась навсегда. На другой день и я уѣхалъ изъ тюремнаго замка, уѣхалъ почти внезапно. Мы, то-есть я, X и Z собрался пить кофе, которое было доставлено женою X—а, какъ вдругъ явился надзиратель и сказалъ: «Пожалуйте! За вами жандармы пріѣхали». Я не могъ даже попрощаться съ милыми людьми и долженъ былъ немедленно слѣдовать къ смотрителю, гдѣ уже встрѣтилъ новыхъ охранителей, которые «приняли подъ расписку» меня, мои вещи и повезли на вокзалъ.

Г. Орелъ мнѣ очень понравился, и я не безъ сожалѣнія оставлялъ его.

И. Бѣлоконскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи.

(Окончаніе).

Собственноруч. письмо Ѡ. Булгарина графу Александру Теодоровичу Орлову ¹⁾.

13 марта 1848 г.

...Письмо изъ Франкфурта произвело сильное и благотѣльное вліяніе на всѣхъ благонамѣренныхъ людей и истинно ихъ порадовало. Я получилъ уже нѣсколько писемъ по сему предмету, и одно изъ нихъ, написанное, кажется, для печати, имѣю честь при семъ представить.

Дерзаю утруждать в. с. покорнѣйшею просьбою отъ имени русской литературы и въ пользу самого правительства. Наша цензура объявила намъ высочайшее повелѣніе, чтобъ подъ всѣми статьями въ газетахъ и журналахъ было подписано имя автора. Смѣю думать, что высочайшее повелѣніе въ этомъ случаѣ иначе перетолковано. Справедливо и полезно, чтобъ правительство знало, кѣмъ какая статья написана, но для этого довольно, чтобъ имя автора знали редакторы газетъ, и журналовъ, и цензура. Такъ нынѣ дѣлается со статьями о театрѣ, сообщаемыми его свѣтлости князю П. М. Волконскому. Публикѣ это вовсе знать не нужно. Редакторъ долженъ по первому требованію правительства объявить имя и мѣсто жительства автора или подвергнуться строжайшему наказанію, какъ ослушникъ Государевой воли, не отговариваясь незнаніемъ, и цѣль правительства будетъ вполне достигнута. Истребить же все анонимы и псевдонимы—невозможно, и законъ этотъ заставитъ только многихъ лгать и обманывать правительство, когда, напротивъ, законъ долженъ отводить отъ этого, очищая путь для всѣхъ дѣйствій безвредныхъ. Есть журнальныя мелочныя и пустячныя статьи и извѣстія о наукахъ, художествахъ, искусствахъ, подъ которыми стыдно выставить свое имя, а кромѣ того, есть много порядочныхъ людей, снискивающихъ журнальною работою пропитаніе, которые по обстоятельствамъ не могутъ выставять подъ всякою мелочною работою своего имени. Молодые же люди даже не должны выставять своего имени до перваго успѣха. Безымянность, а не

¹⁾ Первая, трактующая о другомъ предметѣ, половина письма напечатана М. К. Лемке въ его книгѣ «Жандармы», стр. 340 — 341 В. С.

анонимы и псевдонимы, существовали искони вѣковъ во всѣхъ литературахъ, и безъ этого литература будетъ въ самомъ стѣснительномъ положеніи.

«Повергая все сіе на благоусмотрѣніе в. с., смѣю надѣяться, что Вы содѣйствіемъ вашимъ пожелаете для блага литературы при-весть въ ясность высочайшее повелѣніе по сему предмету. На кого же намъ и надѣяться, какъ не на васъ!

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и проч.».

На письмѣ рукою Дубельта написано: «Было доложено въ комитетѣ (о разсмотрѣніи цензурн. правилъ) и нужное распоряженіе сдѣлано».

„Отечественныя Записки“ и „Современникъ“ ¹⁾.

I.

Мысли противурелигіозныя.

Легенда о Вишну представлена такъ, что иной и жизнь Иисуса Христа назоветъ баснословіемъ. «Въ 9-мъ аватарѣ съ 24 на 25 декабря». («Отеч. Зап.», 1845 г., № II, «Вѣрованія индусовъ», стр. 55 и 59).

Библейскія пѣснопѣнія вполне сравниваются со всѣми первоначальными эпопеями: Илиадою, Дантовымъ Адомъ и проч. «Разсматривая красоты еврейскихъ... примитивныхъ эпопей..., мы старались напомнить читателямъ... когда сдѣланы почти подстрочно». («От. Зап.», 1848 г., № I, «Разборъ опыта переложенія въ стихи нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія И. Фараонова», стр. 7 и II).

Неприличное приведеніе ученія и дѣлъ Иисуса Христа въ оправданіе грязныхъ описаній натуральной школы. «Чему можно научиться... но и образованности частныхъ лицъ». («Соврем.», 1848 г., № I, «Русск. литература», стр. 24) ²⁾.

Неприличное уподобленіе любителей словесности старыхъ, среднихъ и новой школы католикамъ, протестантамъ и здоровымъ людямъ. «Какъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ... раздѣлять предметы на полезныя и пріятныя». («Отечесв. Зап.», 1848 г., № I, Критика, стр. 6) ³⁾.

Отвергается участіе промысла въ дѣлахъ міра. «Конечно, съ извѣстной точки... какъ и удивляться благодати природы». («Современ.», 1847 г., № I, «Важность и успѣхи физиологіи», ст. Литре, стр. 163).

Матеріализмъ есть признакъ людей, одаренныхъ здоровымъ смысломъ. «Матеріализмъ, имя... твердымъ въ логикѣ». («Совр.», 1847 г., № 6, смѣсь, 244) ⁴⁾.

¹⁾ Аналогичный доносъ Б. М. Оедорова относительно первой половины 1840-хъ гг. см. у Лемже «Жандармы», 313 — 315. В. С.

²⁾ Статья В. Г. Бѣлинскаго. В. С.

³⁾ Статья «Русская литература въ 1847 г.». В. С.

⁴⁾ Статья «Современныя замѣтки». В. С.

II.

Противонравственныя мысли.

Мы можемъ предаваться наслажденіямъ, къ которымъ чувствуемъ инстинктъ. «Многіе нишіе духомъ не видятъ... невѣжественная мораль». («Совр.», 1847, № 7, «Превращеніе», повѣсть Стодного, стр. 181) ¹⁾.

«Когда требованія разсудка вступають въ борьбу... чтобы они сдѣлались евнухами». (Тамъ же, стр. 172).

Безнравственный человѣкъ въ жизни можетъ быть великимъ въ исторіи. «Есть много людей, которымъ никакъ не растолкуешь... и признать важнымъ дѣятелемъ». (Тамъ же, стр. 10).

III.

Мысли противъ того, что уважается всѣми и противъ уваженія младшихъ къ старшимъ.

Уважая почитаемые нами предметы, не должно уничтожаться передъ ними, быть ихъ рабами. «Потребность чтить... не сотвори себѣ кумира». («Соврем.», 1847, № 3, «Новыя варіаціи на старыя темы», стр. 27) ²⁾.

Насмѣшки надъ стариками и преимущества передъ ними молодыхъ людей. «Удивительно ли, что все хорошее старики... смѣхомъ новыхъ поколѣній. Самолюбіе играетъ большую... приложило свою собственную». («Отечест. Зап.», 1845 г., № 4, въ разборѣ русскихъ книгъ, стр. 23.)

Насмѣшки надъ прежними обычаями уважать старшихъ. «Повиновеніе старшимъ влечетъ за собою... не могъ продолжаться вѣчно». («Современ.», 1847, № 7, «Русск. литер.», стр. 54) ³⁾.

Объясненіе гуманности и мысли, что дѣти и другіе младшіе, по чувству, иногда не могутъ уважать родителей или старшихъ. «О самомъ же словѣ скажемъ, что нѣмцы... сыну ли къ отцу, или отцу отъ сына». «Гуманность нисколько не находится въ противорѣчій съ уваженіемъ... не уважаетъ собственного достоинства». («Соврем.», 1848, № 3, «Русск. литерат.», стр. 9—11).

Насмѣшки надъ младшими, которые почитаютъ старшихъ по чинамъ или по рожденію. «Правда, нигдѣ нѣтъ такого важничанья, ломанья, счета... но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о большинствѣ». (Тамъ же, стр. 17 и 18).

IV.

Мысли противъ уваженія дѣтей къ родителямъ и противъ воспитанія.

О подавленіи дѣтей родителями. «Съ самаго ранняго утра и до вечера.... превращаютъ въ машину движущуюся куклу». («Соврем.», 1847 г., № 5, Смѣсь, стр. 103) ⁴⁾.

¹⁾ А. Д. Галахова. В. С.

²⁾ Статья Искандера. (А. П. Герцена). В. С.

³⁾ Ст. К. Д. Кавелина по поводу сочиненія С. М. Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». В. С.

⁴⁾ Московскія новости. В. С.

Угнетеніе дѣтей въ домашнемъ воспитаніи и спасеніе ихъ только въ повѣсничаніи, плутовствѣ, воровствахъ и пр. «Главная причина такого страннаго... огонь и сѣра. Но что спасаетъ... въ общемъ омутѣ челоѣчества». («Соврем.», 1847 г., № 6, Смѣсь, стр. 234) ¹⁾.

Дѣтей принуждаютъ почитать старшихъ, но въ школахъ повинуются уму. «Посмотримъ далѣе, какія понятія... особенно замѣчательно низшіе. По счастью въ школахъ... помимо вопроса о предкахъ и состояніи родителей». («Соврем.», 1847, № 11, «Русск. литерат.», стр. 49).

Изображеніе двухъ мальчиковъ, умнаго и тупого съ поясненіемъ, что изъ тупыхъ выходятъ благонамѣренные, успѣвающіе въ службѣ. «Въ одной изъ такихъ повѣстей... чрезвычайно успѣваютъ по службѣ и въ жизни». («Соврем.», 1848, № 2, «Русск. литерат.», стр. 138).

Примѣненіе того же тупого мальчика къ ослу. «Домашній осель происходитъ... до самаго конца жизни все работаютъ». «Не правда ли эта характеристика... въ книжкѣ Благовоспитанное дитя». (Тамъ же, стр. 141).

V.

Мысли противъ повиновенія законамъ и о стремленіи къ свободѣ.

Повинуются законамъ и въ политическомъ мірѣ только по необходимости; высшее призваніе челоѣка — своеволіе. («Соврем.», 1847 г., № 1, «Новыя варіаціи на старыя темы», стр. 28—30) ²⁾.

Объ общемъ стремленіи къ свободѣ и о порабощеніи. («Совр.», 1847 г., № 4, тамъ же, стр. 24 и 27).

Стремленія нашего времени. «Вѣра въ усовершенствованіе челоѣка... и нашего времени». («Совр.», 1847, № 8, стр. 664). (?)

Стремленіе освободиться отъ зависимости. «Какъ созданіе поваго быта... поводовъ и причинъ». («Совр.», 1847 г., № 12, «Русск. литер.», стр. 124) ³⁾.

Россія идетъ къ цивилизаціи, какая была при Гостомыслѣ. «Прежде онъ мечталъ о славѣ... давно это ясно видятъ». («Соврем.», 1848, № 3, «Русск. литерат.», стр. 30) ⁴⁾.

VI.

Мысли возмутительныя и о политическихъ переворотахъ.

Германская философія произвела идею переворотовъ, и это зданіе докончится въ XIX вѣкѣ. («Отечест. Запис.», 1844, № 9, «Реформація», стр. 23).

Все стремится къ отрицанію старыхъ началъ и къ обновленію. (Тамъ же, Критика, стр. 11).

Народъ и государство чужды другъ другу. («Отечест. Зап.», 1845, № 5, «Иностр. литер.», стр. 37).

¹⁾ Статья «Современныя замѣтки». В. С.

²⁾ Статья Искандера. В. С.

³⁾ Статья К. Д. Кавелина «Отвѣтъ Москвитяшину».

⁴⁾ Статья В. Г. Бѣлинскаго. В. С.

Объясненіе прогресса, жертвъ и народа во время возстаній. («Соврем.», 1848, № 1, «Взглядъ на русск. лит.», стр. 5) ¹⁾.

Объясненіе того же процесса и о томъ, что успѣха можно ожидать не отъ частныхъ, а отъ народныхъ дѣйствій. («Отечест. Зап.», 1848, № 1, «Русск. литер.», стр. 3—7) ²⁾.

Воззваніе къ молодому поколѣнію, объ измѣненіи настоящаго порядка вещей. («Отечест. Зап.», 1846, № 4, «Объ искусствѣ жить», стр. 125—128) ³⁾.

О соединеніи народовъ при блескѣ разума. («Отечест. Зап.», 1843, № 5, «Дилетантизмъ», стр. 15) ⁴⁾.

VII.

Объ общественныхъ вопросахъ и стремленіи нашего времени.

«Въ наше время искусство и литература.... всѣхъ другихъ вопросовъ». («Соврем.», 1848, № 1, Критика, стр. 30) ⁵⁾.

«Отсюда рѣзкая разница... для нихъ народъ». (Тамъ же, стр. 52).

«Творенія, выражающія мысль... въ заднихъ рядахъ». «Истекшій годъ не ознаменовался... сознаниемъ цѣли». («Отечест. Зап.», 1848, № 1, Критика, стр. 2) ⁶⁾.

«Одинъ журналъ, подвергшійся... цивилизованныхъ обществъ». (Тамъ же, стр. 3).

«Можетъ-быть, насъ упрекнуть... долгъ правдолюбія». («Отечест. Зап.», 1848, № 1, Критика, стр. 28).

VIII.

Матеріализмъ и политическія мнѣнія въ сочинен. Искандера (Герцена).

«Матеріалисты стоятъ выше.... такіе мощные люди». («Отечест. Зап.», 1843, № 1, «Дилетантизмъ въ наукѣ», стр. 37) ⁷⁾.

«Туманная наклонная.... переработавъ Христіанство». («Отеч. Зап.», 1843, № 3, та же статья, стр. 32).

«Одна и та же матерія.... до своего перегиба въ умѣ». («Отеч. Зап.», 1845, № 11, Письма, стр. 10) ⁸⁾.

Мудрый не связанъ законами. (Тамъ же, № 8, стр. 77).

Предположеніе переворота открылось, погибло, но оставило сѣмя, которое возродится близко 14 декабр. 1825 г. («Отеч. Зап.», 1846 г., № 3, стр. 7 (статья Искандера) (т.-е. Искандера).

Тоска со времени польскихъ дней и холеры. («Соврем.», 1847 г., № 10, Письма, стр. 167) ⁹⁾.

Неудачи революцій и намеки, что онѣ возобновятся. (Тамъ же, № 11, стр. 126, 127).

¹⁾ Статья В. Г. Бѣлинскаго. *В. С.*

²⁾ Ст. «Русская литература въ 1847 г.». *В. С.*

³⁾ Подписано буквою *Л.*

⁴⁾ Статья А. И. Ис—ра, т.-е. Искандера (А. П. Герцена). *В. С.*

⁵⁾ Статья В. Г. Бѣлинскаго «Взглядъ на русск. литер. 1847 г.». *В. С.*

⁶⁾ Статья «Русская литература въ 1847 г.». *В. С.*

⁷⁾ Статья А. Ис—ра, т.-е. Искандера — Герцена. *В. С.*

⁸⁾ «Письма объ изученіи природы», ст. Искандера. *В. С.*

⁹⁾ «Письма изъ Avenue-Marigny» Искандера. *В. С.*

Превосходство женщинъ передъ мужчинами отъ французскаго направленія. («Соврем.», 1848, № 2, «Сорока-воровка» Искендера, стр. 128 (т.-е. Искендера).

Мнѣнія о сочиненіяхъ Искендера. («Отеч. Зап.», 1848, № 1, Критика, стр. 21) ¹⁾.

Вся статья клонится къ одобренію поединковъ, а оканчивается главой изъ точекъ, какъ бы для того, что сочинитель имѣлъ еще многое сказать, но не могъ. Кромѣ того, во всей статьѣ разсѣяны и противомонархическія правила. («Соврем.», 1848, № 3, «Историческое развитіе чести», стр. 28—44).

Сужденія Бѣлинскаго о сочиненіяхъ Искендера. («Соврем.», 1848, № 3, «Русск. литерат.», стр. 6 и 9).

Журналъ Комитета, Высочайше учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣйствій цензуры періодическихъ изданій, 29 марта 1848 г., № 5.

На подлинномъ написано импер. Николаемъ: «Исполнить». С.-Петербургъ, 2 апрѣля, 1848 г.

Разсмотрѣвъ періодическія изданія, въ прилагаемомъ списокѣ показанныя, въ отношеніи согласія ихъ съ программами и направленіями статей, въ нихъ помѣщенныхъ, комитетъ нашель:

Относительно программъ.

По предметамъ, изложеннымъ въ статьяхъ, разрѣшенныхъ къ изданію, отступали отъ программъ «Tygodnik Peterburgski» и «Полицейскія Вѣдомости»: первый въ томъ, что не отмѣчалъ подъ выписываемыми изъ русскихъ газетъ статьями, откуда онѣ выписаны и вмѣсто однихъ извѣстій о сочиненіяхъ, или отрывковъ, помѣщаль цѣлые романы и философическія разсужденія; вторая въ томъ, что издаетъ фельетонъ, который въ высочайше утвержденныхъ правилахъ изданія сей газеты (напечатанныхъ въ «Сводѣ Законовъ») не упомянуть. Но въ польскомъ журналѣ отступленія составляли рѣдкое изъятіе, а фельетонъ Полицейской газеты такъ замѣчательнъ своею благонамѣренностью, что комитетъ полагаетъ не бесполезнымъ дозволить изданіе сего фельетона и впредь.

По объему журналовъ отступили отъ программы: «Библіотека для Чтенія» и «Современникъ», заключая въ себѣ болѣе того числа листовъ, которое назначено въ ихъ программахъ. Принявъ въ соображеніе, что для нѣкоторыхъ періодическихъ изданій объемъ вовсе опредѣленъ не былъ, а для другихъ назначенъ объемъ не менѣе извѣстнаго числа листовъ, комитетъ находилъ, что превышеніе объема, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, могло произойти и отъ предположенія, что эта часть программы имѣетъ единственную цѣлью обезпечить подписчиковъ. Такъ, напр., въ объявленіи объ изданіи «Современника» въ 1848 г. сказано: «Объемъ журнала былъ значительно увеличенъ: годовое изданіе возросло до 450 печат. листовъ вмѣсто обѣщанныхъ отъ 250 до 300».

¹⁾ (Статья «Русская литература въ 1847 г.», В. С.

Слѣдовательно, здѣсь нужно только пояснить программы, но комитетъ, опасаясь неблагопріятнаго впечатлѣнія на провинціальную публику и большого вреда отъ чтенія иностранныхъ романовъ, къ которымъ она обратилась бы, лишась прежняго чтенія, полагаетъ не запрещать періодическимъ изданіямъ оставаться при теперешнемъ объемѣ, съ тѣмъ только, чтобы цензура была какъ можно осмотрительнѣе въ пропускѣ статей въ печать.

Относительно содержанія статей комитетъ нашель, что изъ разсмотрѣнныхъ имъ періодическихъ изданій четыре: «Литературная газета», «Современникъ», «Москвитянинъ» и «Отечественныя Записки» заключали въ себѣ статьи неосторожныя, неумѣстныя или предосудительныя ¹⁾.

Статьею неосторожною можно назвать помѣщенную въ № 8 «Литературной Газеты» сего года подъ именемъ «Петербургскія письма», гдѣ въ формѣ разговора двухъ кухарокъ, написаннаго доступнымъ каждому простолюдному языкомъ, изображены рѣзкими красками трудное положеніе служительскаго класса и взыскательность господъ. Въ другой статьѣ № 2 чиновники выставлены въ смѣшномъ и позорномъ видѣ; наконецъ не подлежало бы осмотрительному цензору пропускать остроты, подобныя помѣщенной въ № 1: «конечно, у насъ, благодаря Бога, теперь головъ не рубятъ, но, кто знаетъ, можетъ еще случиться что-нибудь и хуже».

Комитетъ находилъ, что цензоръ могъ пропустить вышеупомянутый разговоръ, не видя въ авторѣ желанія возбуждать ропотъ служительскаго класса, такъ какъ «Литературная Газета» едва ли встрѣчаетъ въ немъ читателей; но въ пропускѣ послѣднихъ двухъ статей цензура поступила неосторожно, а относительно статьи о чиновникахъ и не согласно съ предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія, обратившаго уже вниманіе цензурнаго комитета на неумѣстность статей, выставляющихъ чиновниковъ въ смѣшномъ или позорномъ видѣ ²⁾. Впрочемъ, «Литературная Газета», въ общемъ ея характерѣ, до крайности ничтожна, и можно сказать, что она никакого направленія не имѣетъ, кромѣ развѣ цѣли превозносить «Отечественныя Записки» ³⁾.

Изъ статей, напечатанныхъ въ «Современникѣ», статья первой книжки 1848 г. «Русская литература» по содержанію своему принадлежитъ наиболѣе къ тѣмъ, на которыя обращено было вниманіе Государя Императора. Авторъ говоритъ, что слово успѣхъ не замѣняетъ слова прогрессъ, потому что прогрессомъ можетъ быть и то, «въ чемъ во все нѣтъ успѣха, даже шагу впередъ, и, напротивъ, прогрессомъ можетъ быть иногда и неуспѣхъ, движеніе назадъ» ⁴⁾. Это опредѣленіе само по себѣ не заключаетъ ничего предосудительнаго. Въ этомъ же смыслѣ слово прогрессъ употреблено г. Никитенко въ статьѣ о направленіи русской литературы, напечатанной въ первой книжкѣ «Современника» 1847 г.; но статья эта благонамѣренна и написана языкомъ благороднымъ; направленіе, ею указываемое, не только не поощрительно любителямъ западныхъ идей, но, напротивъ, она

¹⁾ Въ фельетонѣ «Русскаго Инвалида» также попадались статьи не совсѣмъ умѣстныя, но отношенія сей газеты къ гражданской цензурѣ не довольно положительны, чтобы цензура сія могла всегда быть за это отвѣтственною.

²⁾ Предписаніе управляющему С.-Петерб. учебнымъ округомъ 5 іюля 1847 г., № 774.

³⁾ Издаваемыя тѣмъ же редакторомъ (Краевскимъ).

⁴⁾ Статья В. Г. Бѣлинскаго. «Сочиненія» его. Изд. 3, М. 1884 г., т. XI, 320.

доказываетъ, «что Россію надо объяснять Россіею, а не ученіями или слишкомъ общими, или возникшими у другихъ народовъ и годными только для изъясненія ихъ самихъ».

Въ нынѣшней (?) статьѣ опредѣленіе слова прогрессъ, каково бы оно ни было, есть предметъ чисто литературный; но въ защищеніи, въ отпорѣ противныхъ мнѣній авторъ переходитъ уже къ выраженіямъ, менѣе опредѣляющимъ специальное отношеніе ихъ къ литературѣ; говоря о противникахъ слова прогрессъ, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «этимъ людямъ хотѣлось бы увѣрить себя и другихъ, что застой лучше движенія, старое лучше новаго, и жизнь заднимъ числомъ есть настоящая, исполненная счастья и правственности» и называетъ ихъ китайцами. Далѣе: «По мѣрѣ нашихъ успѣховъ въ сближеніи съ Европою новымъ для насъ будетъ то, что ново для самой Европы. Тогда и заимствованія пойдутъ тише потому, что мы будемъ уже не догонять Европу, а идти съ нею рядомъ».

Если бы авторъ имѣлъ намѣреніе оставаться въ чисто-литературной сферѣ, то ему слѣдовало бы выразить яснѣе это специальное отношеніе, но здѣсь эта мысль не доказана, можетъ-быть, для того, чтобы обойти строгость цензуры прикрытіемъ сихъ идей литературными воззрѣніями. Далѣе: «Бываютъ въ жизни народовъ эпохи несчастныя, въ которыя цѣлыя поколѣнія какъ бы приносятся въ жертву слѣдующимъ поколѣніямъ. Проходитъ тяжелая година, и изъ зла рождается добро».

Въ этомъ журналѣ встрѣчаются и другія статьи, хотя не столь рѣзкія, какъ приведенныя здѣсь, но сомнительнаго направленія.

«Москвитянинъ» за 1847 и 1848 г. есть журналъ весьма чистаго направленія. Характеръ его — своенародность, и въ этомъ отношеніи онъ въ постоянномъ состязаніи съ «Отечественными Записками» и «Современникомъ». Только въ IV части на 1847 г. въ словѣ харьковскаго архіепископа *о зимѣ* замѣчено одно мѣсто, которое, переступая, кажется, за предѣлы обыкновеннаго христіанскаго нравочученія и назиданія, по духу и даже формѣ своей можетъ возбуждать идеи коммунизма. «На земномъ шарѣ,—пишетъ проповѣдникъ,—и теперь еще столько животныхъ для доставленія одежды человѣку, столько лѣсовъ для отопленія его жилищъ, что если бы весь этотъ запасъ раздѣлять между людьми, хотя не поровну (ибо это невозможно), но сообразно истиннымъ потребностямъ каждаго, то никто не нуждался ни въ теплой одеждѣ, ни въ теплой хижинѣ, и, слѣдовательно, никто не имѣлъ бы права жаловаться на суровость зимняго времени. Что Провидѣніе именно хотѣло со стороны людей такого безпристрастнаго распредѣленія средствъ противъ зимы, доказательствомъ его уже то, что ни на одномъ изъ деревъ, ни на одномъ изъ животныхъ, служащихъ на потребу человѣка, не означено, что оно предоставлено въ личную собственность такому или другому человѣку, а каждое изъ нихъ создано такъ, что можетъ служить на пользу всякаго. Но люди, вмѣсто того, чтобы соотвѣтствовать намѣренію Творца, поступили совсѣмъ напротивъ. Пользуясь разными обстоятельствами, нѣкоторые немногіе, съ продолженіемъ времени, возобладавъ тѣмъ, что предназначено для всѣхъ и что далеко превышаетъ ихъ собственныя, личныя потребности. Вслѣдствіе сего, естественно, для большей части людей оказался недостатокъ во многомъ, а для нѣкоторыхъ едва не во всемъ. Но кого винить въ этомъ? Явно не природу, которая еще достаточно

богата для человѣка, и не Промысль Божій, который, по свидѣтельству Апостола, доселѣ подаеть намъ все обильно, не только на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, но и въ благоразумное наслажденіе, — а нашу же человѣческую алчность и жестокосердіе къ ближнимъ».

Самое помѣщеніе въ Москвитянинѣ этой (и многихъ другихъ) проповѣди едва ли въ строгости соотвѣтствуетъ его программѣ. Тамъ означены: 1) Проза, повѣсти, сцены, извлеченія изъ иностранныхъ романовъ, 2) Науки, статьи о важнѣйшихъ предметахъ человѣческаго знанія и извлеченія изъ выходящихъ въ ученой Европѣ замѣчательнѣйшихъ книгъ. Остается въ вопросѣ, могутъ ли быть подведены подъ который-либо изъ сихъ разрядовъ проповѣди и духовныя слова.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ критикѣ литературы 1847 г. въ № 1 сего года сказано: «Литература — выраженіе общественнаго мнѣнія: обозрѣть ея движеніе въ извѣстный періодъ времени значитъ показать движеніе мыслей, управлявшихъ жизнью общества въ то же время».

Далѣе излагаются слѣдующія мысли: «Выраженіе тенденцій, мысль стремленій, принадлежащихъ самой малой долѣ общества, составляющихъ иногда убѣжденія одного только лица, беретъ нерѣдко верхъ надъ выраженіемъ осуществленнаго въ жизни надъ мыслью о томъ, что уже исполнено обществомъ».

«Указаніе современнаго литературнаго движенія нераздѣльно связано съ указаніемъ общественной жизни и мысли, съ опредѣленіемъ того, чѣмъ занято общество въ настоящую эпоху, съ какими препятствіями имѣетъ теперь дѣло».

«Стремленіе къ дѣйствительности обнаруживается и упрочивается въ успѣхѣ, когда оно совершается подъ эгидою общества при дружномъ согласіи его членовъ».

«Сознаніе дѣйствительныхъ интересовъ жизни и обезпеченіе ихъ за каждымъ членомъ общества — вотъ въ чемъ дѣло и характеристика современнаго человѣка».

«Характеристическою чертою нашего вѣка есть социальность, требующая равномернаго распредѣленія благъ по всѣмъ классамъ»; въ сужденіяхъ объ отечественномъ земледѣліи говорится: «Что есть уже сторона, начинающая понимать, что въ предметѣ, ее занимающемъ, главное дѣло — дѣйствительный интересъ, за который съ радостью можно отдать всѣ мнимыя выгоды, каковы, напр.: привязанность къ прежнему положенію вещей, привычка къ неустроенной распорядительности, желаніе ввести образованіе, замыкающее навѣки цѣлый классъ въ особый, неимѣющей исхода, кругъ, патріархальность, идиллическая простота жизни и нравовъ», что больные не успокоятся теперь тѣмъ предположеніемъ, что все къ лучшему, они хотятъ реальнаго лѣкарства и выбираютъ врачомъ общество».

Излишне было бы приводить и другія сомнительныя мѣста изъ этой статьи, такъ какъ выписанные здѣсь отрывки достаточно обнаруживаютъ духъ этой критики. Въ статьѣ объ иностранной литературѣ изложены разные философическіе догматы, описано направленіе исторіи Луи Бланъ и исторіи французск. революціи, съ присоединеніемъ мыслей редактора, что «реформы общественныя требуютъ содѣйствія массъ, что переворотъ является въ будущемъ какъ натуральная развязка и необходимый результатъ».

Въ книжкѣ марта мѣсяца сего года напечатана повѣсть подъ заглавіемъ: «Запутанное дѣло»¹⁾. Содержаніе повѣсти слѣдующее: Молодой провинціалъ Мичулинъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ искать мѣста на службѣ или въ купеческой конторѣ. Онъ вездѣ встрѣчаетъ неудачи; средства его истощаются и, наконецъ, онъ умираетъ отъ горя, нищеты, а главное—отъ слѣдующей постоянной мысли: «Да что же я, въ самомъ дѣлѣ, такое? Отчего же на меня именно обрушиваются всѣ несчастія? Отчего же другіе живутъ, другіе дышатъ, а я жить и дышать не смѣю? Какая же моя роль, какое мое назначеніе? Вѣдь хоть этотъ князь! вотъ онъ и счастливъ, и веселье... отчего же именно онъ, а не я? отчего бы не мнѣ уродиться княземъ? Да что же я, что же я такое? Вѣдь годеи же я на что-нибудь, есть же гдѣ-нибудь для меня мѣсто; гдѣ же это мѣсто, гдѣ оно?»

Эта мысль зависти и злобы противу всѣхъ людей, поставленныхъ въ благопріятное положеніе либо рожденіемъ, либо счастьемъ, постоянно преслѣдуетъ Мичулина наяву. Во снѣ она обрисовывается сильнѣе. Мичулину снится, что онъ женатъ, что у него сынъ, что вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ онъ умираетъ съ голоду.

«Папа, я ѣсть хочу,—стонетъ ребенокъ,—дай хлѣба».—«Потерпи, дружокъ,—говоритъ мать,—потерпи до завтра, завтра будетъ. Нынче на рынкѣ все голодные волки поѣли. Много волковъ, много волковъ, душенька!»—«Да вѣдь и вчера говорили мнѣ,—отвѣчаетъ ребенокъ,—что все голодные волки поѣли; да вонъ другія же дѣти сыты, другія же дѣти играютъ... я ѣсть хочу, мама!»—«Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это они сыты!»—«Ахъ, отчего же я не сынъ голоднаго волка!»—стонетъ дитя.—«Мама, пусти меня къ волкамъ—я ѣсть хочу». Мать въ отчаяніи бѣжитъ внизъ по лѣстницѣ, звонитъ въ бель-этажъ и за деньги отдается богатому дряхлему старику.

«Бшьте», говоритъ она мужу и сыну, бросая на столъ купленный ужинъ, а сама садится въ уголь. «Это жадные волки дали, мама?» спрашиваетъ ребенокъ, съ жадностью поглощая ужинъ. «Да, это волкъ прислалъ», отвѣчаетъ она разсѣянно и задумчиво. «Мама, когда же убьютъ голодныхъ волковъ?» снова спрашиваетъ ребенокъ. «Скоро, дружокъ, скоро».—«Всѣхъ убьютъ, мама, ни одного не останется?»—«Всѣхъ, душенька, всѣхъ до одного... ни одного не останется».—«И мы будемъ сыты? У насъ будетъ ужинъ?»—«Да, скоро мы будемъ сыты, скоро намъ будетъ весело... очень весело, другъ мой».

Второстепенныя лица повѣсти нарисованы въ томъ же духѣ. Кандидатъ философіи Беобахтеръ «безпрестанно дѣлаетъ рукою самое крошечное движеніе сверху внизъ, твердо намѣреваясь изобразить имъ паденіе какой-то фантастической и чудовищно-колоссальной карательной машины». Нѣкто «Усы», говоритъ въ каретѣ Невскаго проспекта: «Главное дѣло въ томъ, чтобы человѣку цѣль была дана, чтобы видѣлъ человѣкъ, зачѣмъ онъ существуетъ, вотъ главное, а прочее все пустяки!». Вообще весь разговоръ въ каретѣ Невскаго проспекта очень замѣчательнъ.

По разсмотрѣніи сихъ статей и другихъ менѣе рѣзкихъ, и принявъ въ соображеніе: 1) что по цензурному уставу положено въ С.-Петербургѣ только 5 цензоровъ, несмотря на многочисленность и объемъ сочиненій и особенно журналовъ, нынѣ здѣсь появляющихся; 2) что по незначительности жалованья, цензорамъ предо-

¹⁾ М. Е. Салтыкова. В. С.

ставленнаго, и эти паличныя лица большею частью занимають другія должности, или участвуютъ въ самой редакціи журналовъ; 3) что по цензурнымъ правиламъ цензору предписано смотрѣть на явный смыслъ рѣчи въ общемъ духѣ статьи, не дѣлая привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ; за излишнюю же строгость онъ подвергается даже отвѣтственности¹⁾; 4) что министр народн. просвѣщ. уже обращалъ вниманіе цензурнаго комитета на предметы, требующіе особенной осторожности и строгости цензуры,— комитетъ находилъ, что если нельзя положительно утверждать, чтобы дѣйствія цензуры въ пропускѣ упомянутыхъ и подобныхъ имъ статей происходили прямо отъ умысла, то нельзя не обвинять ее, по крайней мѣрѣ, въ послабленіи и неосторожности; что это послабленіе и неосторожность можно отчасти приписать, сверхъ стѣсненія цензоровъ цензурными правилами, при недостаточности сихъ правилъ въ другихъ отношеніяхъ, торопливости чтенія при недостаткѣ времени, участію въ редакціи, ставящему ихъ въ слишкомъ довѣрчивыя отношенія къ редакторамъ и самой неспособности разсматривавшихъ рукописи лицъ къ такому дѣлу, гдѣ нельзя опредѣлить положительныхъ правилъ на всѣ случаи, но гдѣ въ особенности нужна особая смѣтливость въ различеніи умѣстнаго отъ неумѣстнаго и сокровенной цѣли автора отъ видимой, и наконецъ, что если эти обстоятельства могутъ устранить цензоровъ отъ прямого обвиненія въ дурномъ замыслѣ, то трудно не обвинить въ ономъ редакторовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самихъ авторовъ.

Направленіе многихъ статей «Отеч. Записокъ» гѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что журналъ сей, бывший долгое время вполне благонамѣреннымъ и назидательнымъ, особенно любимъ публикою и имѣеть болѣе 4 т. подписчиковъ. Запрещеніе такого изданія произвело бы на публику весьма неблагопріятное впечатлѣніе, всѣ бросились бы къ прежнимъ распроданнымъ уже книжкамъ и съ жадностью и вниманіемъ перечитывали бы то, что доселѣ, можетъ-быть, читано было поверхностно или и вовсе пропущено. Кромѣ того, эти 4 т. подписчиковъ, заплатившіе за годовое 1848 г. изданіе впередъ 66 т. руб. сереб., приведены были бы запрещеніемъ сего журнала къ лишенію и заплаченныхъ денегъ и чтенія, на которое разсчитывали, и замѣнили бы его, можетъ-быть, чтеніемъ иностранныхъ книгъ (какъ сказано выше, за направленіемъ которыхъ наблюсти гораздо труднѣе).

По симъ соображеніямъ комитетъ, не рѣшаясь приговорить сей журналъ къ запрещенію, по крайней мѣрѣ до истеченія года, полагаетъ, что полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ будетъ обратить самое строгое вниманіе цензуры на журналъ этотъ и объявить редактору, что по духу его журнала правительство имѣеть за нимъ особенное наблюденіе, и если впредь замѣчено будетъ въ ономъ что-либо предосудительное или двусмысленное, то онъ лично подвергнутъ будетъ не только запрещенію продолжать свой журналъ, но и строгому взысканію²⁾.

1) Прилож. къ ст. 147 т. XIV § 47. Отвѣтственность за одобреніе книги и статьи, противной общимъ правиламъ цензуры, или за произвольное запрещеніе того, что по симъ правиламъ должно было быть одобрено, лежитъ на цензорѣ или на подписавшихъ состоявшееся о томъ опредѣленіе членахъ комитета.

2) «Современникъ», равно какъ редакторъ и отвѣтственные издатели оного, подлежатъ той же мѣрѣ.

Обсудивъ настоящее положеніе журналовъ, комитетъ считалъ своею обязанностію, по поводу его созванія, коснуться самыхъ мѣръ къ пресѣченію дурного направленія періодическихъ изданій вообще на будущее время. Нѣкоторыя изъ мѣръ, предположенныхъ комитетомъ, удостоены уже высочайшаго одобренія, а именно: 1) Раздѣленіе редакторами отвѣтственности цензоровъ за предосудительныя статьи ихъ журналовъ. 2) Подтвержденіе цензорамъ о непропускѣ выраженной двусмысленныхъ, намекающихъ на строгость цензуры. 3) Поясненіе цензурѣ, что запрещеніе иностранной книги заключаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить о ея содержаніи, а тѣмъ болѣе печатать изъ нея отрывки.

Засимъ комитетъ считаетъ нужнымъ: для надлежащаго надзора за книгопечатаніемъ усилить способы цензуры и улучшить содержаніе цензоровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ поставить непремѣннымъ правиломъ, чтобы цензоры не имѣли никакихъ другихъ служебныхъ обязанностей, дабы не отвлекаться отъ цензурныхъ занятій и отнюдь не участвовали въ редакціи періодическихъ изданій. Сверхъ того, комитетъ находитъ необходимымъ, чтобы всѣ статьи, для повременныхъ сочиненій назначаемыя, проходили непремѣнно чрезъ общую гражданскую цензуру, независимо отъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ особыми вѣдомствами, которыхъ тѣ статьи по содержанію своему спеціально касаются.

При разсмотрѣніи журналовъ и газетъ комитетъ обратилъ вниманіе и на то, что однѣ и тѣ же статьи не вездѣ въ равной мѣрѣ умѣстны. Напримѣръ, изъ иностранныхъ газетъ, пропущенныхъ цензурою, перешло въ газеты русскія извѣстіе о тайномъ обществѣ, составившемся въ Парижѣ до февральской революціи. Въ иностранныхъ газетахъ, доступныхъ небольшому числу читателей, извѣстіе это могло быть въ числѣ другихъ пропущено; но въ русскихъ оно было, по мнѣнію комитета, неумѣстно, не представляя ничего историческаго, поучительнаго, но знакомя низшій, полуграмотный классъ читателей съ понятіями о тайныхъ обществахъ и ихъ организаціи.

Въ «Полицейской Газетѣ» сего года № 52 напечатаны вышеописанные изъ Журнала Министерства Внутреннихъ дѣлъ, примѣры убійства дѣтей родителями. Въ газетѣ сей попадались прежде описанія злодѣйствъ и мошенничествъ, извлеченныя или изъ статистическихъ извѣстій, или изъ дѣлъ полиціи. Такія статьи, ни въ какомъ отношеніи не назидательныя, вредятъ, по мнѣнію комитета, чистотѣ нравовъ, уменьшая привычкою то омерзѣніе къ злодѣйствамъ, которое свойственно человѣку, неиспорченному дурными примѣрами. Цензоръ не имѣлъ права удерживать такія статьи, особенно если онѣ были уже напечатаны въ другомъ сочиненіи, но въ этомъ-то и есть, по мнѣнію комитета, недостатокъ цензурныхъ правилъ. Извѣстіе о дѣтоубійствѣ, умѣстное въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ», который сообщаетъ статистическія о Россіи свѣдѣнія читателямъ, ее изучающимъ, неумѣстно въ отрывкѣ и еще болѣе въ газетѣ, читаемой приказчиками, лакеями и дворниками.

Въ этомъ отношеніи комитетъ полагаетъ нужнымъ: дополнить инструкціи цензоровъ указаніемъ, что пропускъ какой-либо статьи въ книгѣ или иностранной газетѣ не подразумѣваетъ права перепечатывать ту же статью въ брошюрахъ или въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ безъ особаго разсмотрѣнія, но что цензоръ обя-

занъ дѣлать различіе между тѣми и другими вслѣдствіе различія самаго класса читателей того или другого рода изданій.

Наконецъ комитетъ замѣтилъ, что и статистическія статьи не всегда остаются въ предѣлахъ, приличныхъ публикаціямъ періодическихъ изданій. Попадались статьи, неограничивавшіяся выводомъ фактовъ, но разсуждавшія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства.

Эти разсужденія не должны быть, по мнѣнію комитета, дозволяемы въ періодическихъ изданіяхъ, когда подъ средствами разумѣются мѣры, отъ правительства зависящія: отсюда могутъ возникать толки о дѣйствіяхъ правительства или бездѣйствіи его тамъ, гдѣ надлежало бы дѣйствовать, и толки чаще неблагоприятныя, чѣмъ выгодныя, по односторонности взглядовъ частныхъ лицъ, которыя рѣдко обращаютъ вниманіе на то, что правительство не можетъ исключительно покровительствовать одной какой-либо отрасли, но соглашаетъ всѣ государственныя интересы въ совокупности. По этимъ причинамъ комитетъ полагаетъ, что цензура не должна допускать къ печати такихъ разсужденій и вообще сужденій о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ.

Если сіи соображенія удостоятся высочайшаго одобренія, то комитетъ полагаетъ: предоставить министру народнаго просвѣщенія, приступивъ немедленно къ соотвѣтственному обстоятельствомъ времени пересмотру цензурнаго устава и дополнительныхъ къ оному истолкованій, принять при семъ къ соображенію своему и вышеизложенныя замѣчанія.

Подписали: кн. Меншиковъ, Дмитрій Бутурлинъ, гр. Александръ Строгоновъ, Леонтій Дубельтъ, Павелъ Дегай, баронъ М. Корфъ и дѣйствительный статск. совѣт. Фишеръ 1).

Подписка, данная А. Никитенко и А. Краевскому.

6 апрѣля 1848 г.

Государь Императоръ, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ, представленный комитетомъ, высочайше учрежденнымъ подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта кн. Меншикова, и прочитавъ выписки, помѣщенныя въ упомянутомъ докладѣ изъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», изволилъ признать, что журналы сіи допускали въ статьяхъ своихъ мысли, въ высшей степени преступныя, могущія поселить и въ нашемъ отечествѣ правила коммунизма, неуваженіе къ вѣковымъ и священнымъ учрежденіямъ, къ заслугамъ людей, всѣми почитаемыхъ, къ семейнымъ обязанностямъ и даже къ религіи, повредить народной нравственности и вообще приготовить у насъ тѣ пагубныя событія, которыми нынѣ потрясены западныя государства.

Хотя, по всей справедливости, слѣдовало бы издателей «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника» Краевскаго и Никитенку подвергнуть личной наистрожайшей отвѣтственности, но его императорское величество, въ милосердіи своемъ, на сей разъ соизволилъ ограничиться повелѣніемъ: внушить издателямъ упомянутыхъ журналовъ Краевскому и Никитенкѣ, чтобы они на будущее время

1) Ср. письмо кн. Меншикова къ гр. Уварову отъ 3 апрѣля въ «Очеркахъ» М. К. Лемке, стр 198 — 200. В. С.

не осмѣливались ни подѣ какимъ видомъ помѣщать въ своихъ журналахъ статей и мыслей, подобныхъ вышеизъясненнымъ, чтобы, напротивъ того, всѣми мѣрами старались давать журналамъ своимъ направленіе совершенно согласное съ видами нашего правительства, и что за нарушеніе этого, при первомъ послѣ сего случаѣ, имъ воспрещено будетъ издавать журналы, а сами они подвергнутся наистрожайшему взысканію и поступлено съ ними будетъ, какъ съ государственными преступниками. — На сей же бумагѣ Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы гг. Краевскій и Никитенко подписали, что бумага сія была имъ читана.

Читана мнѣ. Статскій совѣтникъ Александръ Никитенко
Андрей Краевскій.

Письмо Александра Никитенко гр. Орлову ¹⁾.

Рукою Орлова написано: «Государь отвѣтилъ, что пусть докажетъ на дѣлѣ свои чувства».

Рукою Дубельта: «Лично объявлено 14 апрѣля 1848 г.».

«Пораженный скорбію въ ту злополучную минуту, когда вы изволили объявить мнѣ гнѣвъ государя, я только могъ сознать великость моего несчастія, а не явиться передъ вами, сіятельнѣйшій графъ, въ настоящемъ моемъ характерѣ, чтобы в. с. могли въ великодушномъ сердцѣ вашемъ смягчить вашъ судъ обо мнѣ. Въ груди моей бьется сердце, преданное великому Государю и великому Отечеству нашему; я могу еще быть имъ полезенъ на томъ поприщѣ, на которое, какъ профессоръ, призванъ влеченіемъ моихъ наклонностей и на которомъ, не безъ нѣкотораго достоинства, дѣйствую много лѣтъ; но духъ мой сокрушенъ, и только мысль, что в. с. удостоите услышать этотъ голосъ, взывающій къ вамъ изъ глубины растерзаннаго сердца,—только эта мысль спасаетъ меня отъ совершеннаго отчаянія.

«По закону нашей святой церкви настоящіе дни суть дни торжественнаго обнаруженія чувствованій передъ Богомъ; прежде чѣмъ понесу передъ алтарь его тайнѣ моихъ помышлений, позвольте мнѣ выразить часть ихъ передъ вами, представителемъ Его Помазанника, чтобы скорбное сердце мое вполнѣ внушило отраду святого примиренія.

«Каковы бы ни были значеніе нашихъ журналовъ и ихъ дѣйствія, я никогда не принадлежалъ и не могъ принадлежать къ журналамъ ни по правиламъ своимъ, ни по роду моихъ способностей, ни по положенію моему въ обществѣ. Принимая на себя въ прошедшемъ году редакцію одного изъ нашихъ періодическихъ изданій, я имѣлъ въ виду одну цѣль — нравственнымъ и литературнымъ моимъ вліяніемъ образовать со временемъ для публики чтеніе, сообразное столько же съ существующимъ у насъ порядкомъ вещей, святость и непреложность коего я, какъ русскій, умѣю глубоко чувствовать, сколько и съ началами здороваго вкуса. Я полагалъ притомъ, что, совершенствуясь въ своемъ литературномъ достоинствѣ, это изданіе будетъ вполнѣ успешно противодѣйствовать при-

¹⁾ Ср. разсужденіе А. В. Никитенка въ его дневникѣ. «Моя повѣсть о самомъ себѣ». Изд. 2-е, подъ редакціей М. К. Лемке. Спб. 1905 г., т. I, 376 — 377.

страстію нашей публики къ чтенію всего иноземнаго, особливо французскаго. Къ несчастію, составъ журнала слишкомъ сложенъ и участвующихъ въ немъ слишкомъ много. Эти участвующіе люди, большею частію мнѣ совершенно незнакомые лично, явились съ готовымъ образомъ мыслей, иные, можетъ-быть, съ готовыми наклонностями къ идеямъ, чуждымъ намъ и опаснымъ, которыхъ вреда они сами не сознавали. Оцѣнить каждого по его направленію, отличить людей неблагонамѣренныхъ отъ молодыхъ людей съ дарованіемъ, которое можетъ быть еще направлено къ добру,—всего этого я не могъ сдѣлать въ краткій періодъ моего редакторства до послѣднихъ роковыхъ событій, которыя для многихъ послужили спасительнымъ урокомъ, многихъ заблудшихъ просвѣтили, многихъ глубже и строже заставили всмотрѣться въ чужія и собственныя мысли. Къ тому еще въ теченіе моего недолгаго завѣдыванія редакціей, Богу угодно было испытать меня великимъ несчастіемъ — лишити меня единственнаго сына въ такомъ возрастѣ, когда дѣти составляютъ уже не одну отраду, но и надежду родителей. Нѣсколько мѣсяцевъ я изнемогалъ физически и нравственно подъ бременемъ постигшаго меня зла. Въ это плачевное для меня время могли послѣдовать упущенія, которыя при другихъ обстоятельствахъ ранѣе были бы замѣчены и предупреждены.

«Понимаю, сіятельнѣйшій графъ, что и упущенія ненамѣренныя могутъ быть виною, что для того, кто рѣшается по собственному побужденію руководить умами другихъ, проницательность не есть уже качество, а долгъ, что, наконецъ, передъ строгимъ судомъ государственной правды неисполненіе долга не оправдывается причинами личными. Но я осмѣливаюсь не оправдывать, а только объяснить себя, осмѣливаюсь думать, что моя вина есть одна изъ тѣхъ роковыхъ ошибокъ, которыя Богъ допускаетъ людей дѣлать, чтобы милосердію предоставить лучшую на земли славу, — славу прощать.

«Сіятельнѣйшій графъ! Восемнадцать лѣтъ служу я государю и отечеству, какъ администраторъ, какъ профессоръ, какъ цензоръ, какъ участникъ въ движеніи и направленіи учебною частію въ разныхъ заведеніяхъ. Восемнадцать лѣтъ, какъ вѣрноподанный и русский, я носилъ имя столь чистое и неукоризненное, что могъ не краснѣя назваться имъ всегда и вездѣ. Правительственные лица и разныя вѣдомства дѣлали мнѣ честь, приглашая меня къ участію въ совѣщаніяхъ или мѣрахъ по своимъ педагогическимъ или учебнымъ частямъ; нѣсколько генерацій, слушавшихъ изъ устъ моихъ изъясненіе законовъ и тайнъ нашего родного богатаго языка, помнятъ съ любовью мое слово, можетъ-быть, менѣе искусное, чѣмъ согрѣтое жаркою преданностью къ престолу, къ Россіи, ко всему прекрасному и доблестному. Какъ писатель, я ничего не сказалъ противнаго этимъ священнымъ и великимъ опорамъ нашего нравственнаго и политическаго существованія. Даже враги мои, если я имѣю ихъ, не упрекнутъ меня въ томъ. Когда въ первый разъ, за 15 лѣтъ передъ симъ, взошелъ я на профессорскую кафедру, я сказалъ юношамъ, указывая имъ на господствовавшіе тогда безпорядки литературныхъ идей на Западѣ: «Намъ ли принимать къ своему юному, свѣжему сердцу горькое убѣжденіе мудрости, одряхлѣвшей среди неразумныхъ поползновеній, — убѣжденіе, для котораго не стоитъ быть просвѣщеннымъ? Нѣтъ! въ великихъ судьбахъ отечества нашего, въ крѣпости расцвѣтающихъ силъ, въ чистой, могучей любви къ Монарху, наслѣдованной нами отъ отцовъ нашихъ, мы отогрѣемъ

инья страсти, — страсти, въ коихъ потомство съ именемъ русскаго увидитъ все, что санъ человѣка и гражданина вмѣщаетъ въ себѣ доблестнѣйшаго. Такъ! время уже намъ жить своею жизнью, время приняться за обработаніе богатыхъ, прекрасныхъ стихій, которыя мы носимъ въ собственномъ нашемъ духѣ и которыя доселѣ мы, по какому-то предубѣжденію, мѣняли на ветхую жизнь поколѣній чуждыхъ» (напечатано въ 1833 г.). Пятнадцать лѣтъ эти слова были догматомъ моего ученія; указывая на нихъ, я могу повторить ихъ съ тою же полнотою, съ тѣмъ же жаромъ сердца, какъ въ ту минуту, когда они были произнесены въ первый разъ. Человѣкъ, такъ чувствующій и пишущій, пользующійся столько лѣтъ самымъ лестнымъ вниманіемъ общества и начальства, не могъ вдругъ начать и мыслить, и поступать вопреки этимъ существеннымъ залогамъ благонамѣренности и чести.

«Но между тѣмъ, сіятельнѣйшій графъ, меня убиваетъ мысль, что я въ мнѣніи правительства изпалъ до разряда лицъ, коихъ образъ мыслей считается предосудительнымъ. Удостоите же ваше сіятельство великодушнаго вниманія эти строки: я буду уже утѣшенъ, если онѣ достигнутъ вашего воззрѣнія. Ваше великое сердце не можетъ не принять участія въ судьбѣ человѣка, котораго преслѣдуетъ и караетъ страшное опасеніе, что его будутъ считать недостойнымъ довѣрія, — и оно, безъ сомнѣнія, проститъ меня, что обременяю васъ, мужа обширныхъ государственныхъ заботъ, исповѣданіемъ моихъ правилъ: этимъ я только спасаю себѣ бодрость духа, несбходимую мнѣ, какъ слугѣ государя и какъ отцу семейства.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностью имѣю честь быть и проч.

Записка неизвѣстнаго безъ числа.

«Библиотека для чтенія» въ объемѣ своемъ всегда выходила изъ правилъ программы, по которой каждая книжка этого журнала должна заключать въ себѣ около 18 печат. листовъ, а между тѣмъ каждая книга издается въ 35, 40 и болѣе листовъ. Впрочемъ, если предлагается чтеніе полезное, пріятное и чуждое неблагонамѣренности, то подписчики всегда бывають тѣмъ довольнѣе, чѣмъ толще книги журнала.

По содержанию же статей «Библиотека для чтенія» не выходитъ изъ правилъ программы, ибо въ ней никогда не замѣчалось стремленія помѣщать статьи политическія и другія, которыя въ программѣ не означены.

Относительно направленія или духа статей можно замѣтить одно только, что редакторъ «Библиотеки для чтенія» Сенковскій, извѣстный своимъ неистощимымъ остроуміемъ, большей части статей, особенно критикъ, придаетъ видъ шутовства, такъ что если бы редакторъ былъ менѣе ученъ и учень, то заслужилъ бы названіе шута. Онъ шутитъ, разсуждая объ исторіи, правилахъ словесности, о грамматикѣ и даже объ ариѳметикѣ; смѣялся надъ Кювье, Шампольономъ и другими знаменитыми иностранными учеными. Русскихъ прославившихся ученыхъ и литераторовъ Сенковскій всегда уважалъ, но надъ плохими нашими писателями онъ иногда не только смѣялся, даже издѣвался. Это тѣмъ болѣе непозволительно «Библ. для чтенія», что Государь Императоръ, высочайше утверждая

программу журнала, собственноручно написать изволили: «Вообще желательно, чтобъ общаніе не подражать другимъ журналамъ подлою бранью было сдержано».

Но съ тѣмъ вмѣстѣ достойно вниманія, что «Библиотека для чтенія» неизмѣнно наблюдала другое правило своей программы: «не входить ни въ какіе журнальные споры, не принимать никакихъ антикритикъ и не отвѣчать ни на какія выходки и брани». Въ 14 лѣтъ своего существованія «Библиотека для чтенія» ни разу не измѣнила этому правилу: послѣ Карамзина единственный примѣръ въ нашей литературѣ, и въ этомъ отношеніи на «Библиотеку для чтенія» можно указать, какъ на образецъ всѣмъ нашимъ журналамъ.

Въ нравственномъ отношеніи также почти нельзя ничѣмъ укорить «Библ. для чтенія»; только два раза на журналъ этотъ обращалось вниманіе III отдѣленія: въ 1840 г. въ 43 томѣ напечатана была статья «Свѣтящіеся червячки» съ насмѣшками надъ дворянскими собраніями и выборами ¹⁾, и въ 1848 г. печатался переводъ запрещеннаго романа соч. Дюма «Записки врача»; но первая статья произошла единственно отъ склонности Сенковскаго къ насмѣшкамъ, а переводъ «Записокъ врача» былъ столько смягченъ и очищенъ, что въ немъ не оставалось ничего вреднаго.

Вообще «Библиотека для чтенія», кромѣ насмѣшливости главнаго редактора, всегда была журналомъ нравственнымъ и благонамѣреннымъ, а за нѣкоторые годы, особенно въ первое время своего существованія, она была у насъ лучшимъ журналомъ во всѣхъ отношеніяхъ».

«Сѣверная Пчела» ²⁾ выходитъ 6 разъ въ недѣлю, тогда какъ на основаніи программы, утвержденной въ сентябрѣ 1824 г. (если впослѣдствіи не было дополнительныхъ разрѣшеній), должна выходить только три раза въ недѣлю.

По содержанію статей «Пчела», что бы ни напечаталось въ ней, никогда не будетъ выходить изъ программы, ибо въ этой газетѣ разрѣшено печатать и политику, и критику, и разныя новости, и все, что только принадлежитъ къ области науки, словесности, художествъ и общественной жизни.

Наиболѣе же обращаетъ вниманія на себя «Пчела» своими политическими статьями и критикой. Объ издателяхъ этой газеты Гречѣ, и особенно Булгаринѣ, общее мнѣніе то, что они заботятся не о пользѣ науки и словесности, но только о собственныхъ выгодахъ: тѣмъ опаснѣе въ рукахъ ихъ политическое оружіе.

Гречъ въ послѣдніе годы уже нѣсколько разъ ѣздилъ во Францію и жилъ тамъ по году и болѣе. Самъ онъ говорилъ, что письма его изъ Парижа, печатаемые въ «Пчелѣ», увеличиваютъ число подписчиковъ до 500, и въ этомъ заключается причина его поѣздокъ. Письма его и прежде имѣли политическій интересъ, ибо онъ описывалъ въ нихъ болѣе всего пренія въ парижскихъ палатахъ. Послѣднія же письма его преисполнены одними политическими и слишкомъ подробными извѣстіями.

Булгаринъ въ это же послѣднее время не только въ политическихъ новостяхъ началъ помѣщать самыя обширныя выписки изъ иностранныхъ газетъ, но даже фельетонъ старается пополнять по-

¹⁾ Ср. «Русск. Стар.», 1903 г., № 4, стр. 170 — 171. В. С.

²⁾ На поляхъ написано: «Ослабитъ обвиненія».

литикой и вездѣ, какъ бы мимоходомъ, непременно намекнуть о переворотахъ на Западѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Булгаринъ и съ своей стороны еще увеличитъ число подписчиковъ на «Пчелу». Если въ настоящее время опасно излишнее распространение политическихъ новостей, то передъ всѣми русскими газетами слѣдуетъ обратить вниманіе на «Пчелу», какъ потому, что издатели ея для своихъ собственныхъ выгодъ не пожалѣютъ общественнаго спокойствія, такъ и потому, что газета ихъ расходуется по всей Россіи въ огромномъ числѣ экземпляровъ и за нее первую берутся и въ трактирахъ, и въ переднихъ, и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ грамотные люди низшаго класса.

Другая неблаговидная сторона въ «Пчелѣ» — критика. Булгаринъ не трогаетъ и даже хвалитъ тѣхъ, противъ которыхъ не имѣетъ личности; но если кто изъ писателей столкнулся съ его выгодами или хотя разъ упомянулъ дурно о сочиненіяхъ его, то онъ нападаетъ всѣми силами, доказываетъ и истинные, и выдуманные недостатки, на критики отвѣчаетъ антикритиками и продолжаетъ безконечную полемику. Нѣсколько разъ по III Отдѣл. и по Министерству Народнаго Просвѣщенія (напр., въ 1843 г.) возникла обширная переписка о средствахъ прекратить полемику въ «Пчелѣ». Не проходило года, чтобы Булгаринъ не былъ приглашаемъ въ III Отдѣл. для внушеній, чтобы оставилъ личности и неудовольствія.

Какъ столкновение по выгодамъ «Пчела» особенно имѣетъ съ другими журналами, то противъ нихъ наиболѣе устремляется критика Булгарина. Давно уже замѣчено, что передъ каждымъ новымъ годомъ, во время возобновленія подписки на журналы, Булгаринъ не оставляетъ почти ни одного журнала въ покоѣ, старается поселить недовѣріе къ нимъ въ публикѣ и, кажется, желалъ бы, чтобы публика не подписывалась ни на одинъ журналъ, кромѣ «Пчелы».

Въ исходѣ 1846 г. издатель «Финскаго Вѣстника» (нынѣ «Сѣверное Обзорѣніе») Дершау жаловался на Булгарина уже не какъ журналистъ, а какъ человѣкъ, который употребляетъ свой капиталъ на дѣло литературы и который можетъ разориться отъ злостныхъ происковъ соперника!

Хотя Грець и Булгаринъ люди опытные и осторожные, а потому въ статьяхъ собственно литературныхъ не допусаятъ ничего прямо преступнаго, но они не откажутся напечатать и преступную статью, если статья эта почему-либо можетъ придать цѣну ихъ газетѣ. Такъ, въ № 284 «Пчелы» за 1846 г. они помѣстили стихогвореніе «Насильный бракъ» ¹⁾ соч. графини Растопчиной.

По важности значенія журналистики въ наше время должно желать, чтобы издатели журналовъ были люди безукоризненные и съ возвышенными чувствами, а этому требованію едва ли не менѣе всѣхъ другихъ журналистовъ соотвѣтствуютъ издатели «Сѣверной Пчелы».

Статья эта была ослаблена и передана въ цензурный комитетъ въ сокращенномъ видѣ ²⁾.

¹⁾ Символическое изображеніе отношенія имп. Николая I къ Польшѣ. В. С.

²⁾ Напечатана въ этомъ сокращенномъ видѣ у Лемке «Жандармы», 340. В. С.

Письмо Ѡ. Булгарина къ цензору Александру Лукичу Крылову.

26 декабря 1848 г.

«Не хочу примѣнять къ вамъ общаго мнѣнія насчетъ средствъ, употребляемыхъ книжнымъ спекуляторомъ Краевскимъ къ пріобрѣтенію покровительства господъ цензоровъ, но не могу не удивляться, почему вы съ такимъ постояннымъ тщаніемъ не позволяете упоминать его имени, и весьма часто даже его журнала въ «Сѣверной Пчелѣ», когда онъ, книжный спекуляторъ Краевскій, въ каждой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» поноситъ имя Н. И. Греча и мое и лжетъ на «Сѣверную Пчелу». Имя святого угодника не такъ охраняемо господами цензорами, какъ имя богатаго и щедраго книжнаго спекулятора Краевскаго! «Отечественныя Записки» и Евангеліе—въ нашей цензурѣ поставлены на одинъ разрядъ! Не знаю, на основаніи какихъ законовъ или тайныхъ предписаній вы дѣйствуете въ пользу Краевскаго, но мы долѣе не можемъ сносить столь явной несправедливости. Намъ также извѣстна воля нашего мудраго монарха: «что все невредное печатать можно». А вы трактуете насъ, какъ школьниковъ уѣзднаго училища, не позволяете намъ имѣть собственнаго мнѣнія и излагать честныхъ и благородныхъ мыслей приличнымъ языкомъ! Ужели мы такъ глупы и такіе новички, чтобъ не знали, что можно и чего нельзя, и можетъ ли статься, чтобъ были тайныя предписанія въ защиту невѣждъ, каковъ Краевскій, Очкинъ и имъ подобные. Гдѣ доказывается незнаніе, искаженіе смысла, ложныя правила, тамъ должно быть и имя критикуемаго автора или переводчика, и названіе книги и журнала, въ которыхъ помѣщены цѣлѣности. Это общее правило въ литературѣ, и мудрое наше правительство не могло отмѣнить его въ пользу коммуниста Краевскаго и слабоумнаго Очкина! Частныя же отношенія господъ цензоровъ и ихъ дружба съ издателями книгъ или журналовъ не могутъ измѣнить общихъ литературныхъ правилъ. Личности — другое дѣло! Они въ «Отеч. Запискахъ», въ «Современникѣ» и въ «С.-Петербург. Вѣдомостяхъ», а не въ «Сѣв. Пчелѣ», — и назвать автора по имени не значить личность. Собравъ все, что пропущено вами и другими цензорами въ «Отеч. Запискахъ», и «Современникѣ», и «СПБ. Вѣдомостяхъ» противу Греча, меня и «Сѣв. Пчелы», и все, что запрещается печатать въ «Сѣв. Пчелѣ» противу великаго Краевскаго, причтеннаго цензурою къ лику святыхъ, мы намѣрены всеподданнѣе просить высочайшаго воззрѣнія на оказываемую намъ несправедливость и нестерпимыя притѣсенія. Мѣра терпѣнья переполнилась! Высшее правительство никогда не могло желать, чтобъ Гречъ и я, старѣйшіе литераторы, признаемые благонамѣренными, доведены были до такой степени униженія, и чтобъ цензура обходилась съ нами, какъ съ мальчишками. Даже Некрасовъ великій мужъ у васъ, и вы пропустили ему въ СПБ. Альманахѣ «Колыбельную пѣсню», которую мать якобы поетъ при колыбели младенца:

«Спи, подлець, покуда честный!»¹⁾ и проч.

1) Въ «Петербургскомъ сборникѣ» Некрасова (1846 г., стр. 510) было напечатано: «Спи, *постръль*, покуда честный!» Ср. «Русск. Стар.», 1903 г., № 5, стр. 382—384. В. С.

«Не нарушеніе ли это всѣхъ священныхъ чувствъ, не насмѣшка ли надъ природою и человѣчествомъ? на это указано въ № 12-мъ 1848 года «Москвитянина!» Да и то ли вы пропускали въ «Отеч. Запискахъ» и въ другихъ изданіяхъ Краевского и его клеветовъ. Воля ваша, но въ васъ нѣтъ чувства справедливости, и мы принуждены искать защиты высшаго правительства!

«Непріятно мнѣ высказывать вамъ истину, но на моемъ мѣстѣ другой давно бы съ ума сошелъ! Никакой шуткѣ, никакой остротѣ вы не позволяете появляться въ «Сѣв. Пчелѣ», принимая каждое слово за склянку съ ядомъ или за бомбу, и довели насъ до того, что мы рѣшительно не знаемъ, какъ и что писать! Ужасно!»

Рапортъ цензора Ал. Крылова предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета.

27 декабря 1848 г.

«Считаю долгомъ представить в. н. полученное мною письмо г. Булгарина отъ 26 текущаго декабря. Остаться безъ такихъ писемъ едва ли удалось хоть одному цензору, когда-либо просматривавшаго «Сѣверн. Пчелу». Зная объ этомъ давно, я призналъ бы за лучшее пренебречь и теперешнимъ письмомъ г. Булгарина, если бы онъ не извѣстилъ на этотъ разъ о намѣреніи подать формальную жалобу на высоч. имя. Въ такомъ случаѣ письмо г. Булгарина можетъ быть нужно для соображенія о дѣлѣ.

«Не будучи въ состояніи представить в. п. никакого дальнѣйшаго объясненія по сему письму, такъ какъ въ немъ одни общія мѣста и совсѣмъ нѣтъ указанія случаевъ, подавшихъ поводъ къ такому раздраженію, позволяю себѣ только замѣтить, что письмо это хорошо объясняетъ, какъ бы хотѣлось г. Булгарину писать о лицахъ, которыхъ онъ считаетъ своими врагами, и что приходится цензорамъ вымарывать изъ его фельетоновъ, какъ только коснется дѣло до его недружелюбныхъ отношеній.

Надпись рукою Дубельта: «Графъ (Орловъ) приказалъ оригинальное письмо ему возвратитъ тайн. сов. Мусину-Пушкину и сказать ему, что отъ министра народн. просвѣщ. зависитъ сдѣлать Булгарину должное внушеніе».

Изъ декабрьской книжки «Отечественныхъ Записокъ» 1846 г. были вырваны изъ статьи «Изъ записокъ чловѣка» Сто-одного стр. 309—312 и представлены въ III отдѣленіе неизвѣстнымъ.

На стр. 309 противъ словъ «Отъ первыхъ лѣтъ дѣтства... на такую систему падаетъ мой выборъ...» сдѣлана скобка и написано карандашомъ Булгаринымъ: «Явно нельзя опровергать Евангелія, но это есть осязаемое возстаніе противу евангельскаго ученія, смиренія, повиновенія и вѣрованія въ будущую жизнь. Умное духовенство возстало и даже жаловалось, но Краевскій оправдывался тѣмъ, что напечатать: якобы это переведено изъ сочиненій одного испанскаго монаха. Хорошее оправданіе!»

На стр. 310 противъ словъ: «И я нашелъ этотъ кодексъ... изъ зараженнаго источника» поставлены!!! и написано Булгаринимъ: «первородный грѣхъ».

Противъ словъ: «отречься отъ естественныхъ влеченій» написано «вѣра!»

«Награда за нее должна лежать внѣ нашей натуры»—написано: «въ небѣ!»

«Шестнадцатилѣтній аскетикъ»—написано: «т.-е. богословъ!»

Стр. 311 вся отчеркнута карандашомъ и поставлены !!!!

На стр. 312 «нравиться здоровому человѣку» сдѣлана выписка и написано карандашомъ: «Что значить здоровый человѣкъ, объяснено въ выпискѣ изъ «Отечественныхъ Записокъ» въ приложенномъ номерѣ «Сѣверн. Пчелы». Это не католикъ и не протестантъ, т.-е. не христіанинъ» (см. «Сѣв. Пчелу», 1848 г., № 22, фельетонъ, замѣтки, выписки и корреспонденція первые два столбца).

Записка, никѣмъ неподписанная, безъ года, мѣсяца и числа.

Въ 1-мъ номерѣ журнала «Сѣверное Обозрѣніе» на 1848 г. помѣщена статья сочиненія гр. Уварова подъ названіемъ «Общій взглядъ на философію словесности».

Въ этой статьѣ гр. Уваровъ разсуждаетъ о томъ, что всю литературу должно раздѣлить только на два разряда—на языческую и христіанскую; что какъ вся словесность у грековъ, римлянъ и другихъ древнихъ народовъ имѣетъ одинаковый языческій характеръ, такъ словесность новыхъ народовъ—англичанъ, французовъ, германцевъ и проч.—имѣетъ то общее сходство, что она есть словесность христіанская. Впрочемъ, гр. Уваровъ подробно обсудилъ въ этомъ отношеніи только древнюю, языческую словесность.

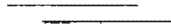
Статья гр. Уварова замѣчательна потому, что написана въ такомъ родѣ и такимъ языкомъ, какъ пишутъ наши молодые, модные писатели. Первое сходство заключается въ томъ, что, читая статью гр. Уварова, сначала и до конца ожидаешь чего-то важнаго и необыкновеннаго, а кончится тѣмъ, что во всей статьѣ нѣтъ никакого дѣла или, по крайней мѣрѣ, ничего важнаго. Точно такъ пишутъ всѣ модные писатели, особенно участвующіе въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ».

Второе сходство состоитъ въ томъ, что гр. Уваровъ, безъ всякой надобности, вводитъ въ нашъ языкъ иностранныя слова и пишетъ чрезвычайно темно. Напримѣръ: разсуждая о томъ, какимъ образомъ надобно изобразить картину литературы новыхъ народовъ, гр. Уваровъ говоритъ: «Необходимо прослѣдить духъ христіанской цивилизаціи на всѣхъ поприщахъ его развитія; отъ великой мысли о католическомъ единствѣ до перваго симптома возстанія противъ этого обширнаго начала, отъ первыхъ проблесковъ свободы изслѣдованія до самыхъ смѣлыхъ ея доктринъ въ политикѣ и литературѣ, отъ первыхъ проявленій духа предприимчивости, торговой и промышленной, до окончательнаго устраненія новой соціальной системы на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ большею частью все должно вхо-

дить въ полную исторію ума человѣческаго, все должно показать со всею очевидностью совершенную несомѣстность время, предшествовавшихъ христіанству и за нимъ послѣдовавшихъ. Тогда только будемъ мы имѣть синтетическую картину всеобщей литературы, объясненіе ся доктринъ и перечень произведеній, соответствующій обширности вопроса и важности предмета, разсматриваемаго съ подобающей ему высоты».

Прочитавъ статью гр. Уварова, можно подумать, что онъ принадлежитъ къ числу сотрудниковъ «Современника» или «Отечественныхъ Записокъ», и очень жаль, что молодые писатели наши, составляя безсмысленныя сочиненія свои, имѣютъ примѣръ и какъ бы опору въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Статья гр. Уварова, помѣщенная въ «Сѣверномъ Обозрѣніи», отпечатана и особою брошюрою, которая при семъ прилагается (приложенія не оказалось).

Къ біографіи Т. Н. Грановскаго.

19 декабря 1849 г. Грановскій защищалъ на степень доктора свою диссертацию «Аббатъ Сугерій».

Переполнявшая университетскую залу публика и студенты устроили Грановскому шумную овацію; диспутъ былъ его триумфомъ и явился выдающимся событіемъ въ московской жизни. Во время диспута, когда въ качествѣ неофициальнаго оппонента выступилъ профессоръ С. П. Шевыревъ, въ публикѣ послышался трескъ отъ брошенной хлопушки.

Этотъ инцидентъ по своей незначительности не обратилъ на себя вниманія учебнаго начальства, и присутствовавшій на засѣданіи помощникъ попечителя, кн. Г. А. Щербатовъ, не счелъ необходимымъ доводить о немъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія. Но совершенно неожиданно диспутъ имѣлъ весьма важныя послѣдствія. Самому Грановскому диссертация доставила много тревогъ, возбудивъ разные толки и обвиненія противъ ея автора. «Здѣсь носятся престранные слухи о невинной книжкѣ,—писалъ Грановскій Фролову въ концѣ декабря 1849 г.,—въ нее вчитываютъ то, чего я не думалъ писать. Всѣ прежніе враги мои поднялись на ноги».

Въ это время университетъ обращалъ на себя подозрительное вниманіе правительства. За образомъ мыслей профессоровъ, ихъ лекціями, настроеніемъ и духомъ студенчества тщательно слѣдила мѣстная жандармская власть. Въ этомъ отношеніи Грановскій былъ предметомъ ея особаго вниманія, и въ іюлѣ 1849 г. по представленію московскаго генералъ-губернатора, гр. Закревскаго, въ связи съ начавшимся дѣломъ Петрашевскаго, за нимъ былъ учрежденъ «строжайшій секретный надзоръ».

Черезъ день послѣ диспута гр. Закревскій и начальникъ 2-го округа корпуса жандармовъ, генералъ Перфильевъ, уже донесли шефу жандармовъ гр. Орлову о всѣхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ диспутъ. При этомъ гр. Закревскій считалъ необходимымъ «въ предупрежденіе безпорядковъ на будущее время» прекратить свободный доступъ публики на ученые диспуты. Эта мѣра была одобрена императоромъ Николаемъ Павловичемъ и въ

1850 г. была введена въ дѣйствиѣ не только въ московскомъ, но и во всѣхъ прочихъ университетахъ.

Въ Архивѣ III-го Отдѣленія имѣется дѣло «О профессорѣ Грановскомъ и о шумѣ, происшедшемъ при защищеніи диссертациі», изъ котораго мы и сообщаемъ нижеслѣдующіе документы ¹⁾.

Д. М. Щепкинъ.

1.

Управленіе Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора. Москва.
21 декабря 1849 г., № 1982.

Секретно.

Милостивый Государь,
Графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ.

19 Декабря въ здѣшнемъ университетѣ при стеченіи многочисленной публики происходило защищеніе диссертациі профессоромъ Грановскимъ на степень доктора философіи.

Къ концу диспута среди постороннихъ посѣтителей послышался трескъ, похожій на шумъ хлопущи. Это остановило на нѣсколько минутъ возражавшаго Грановскому профессора Шевырева и произвело говоръ между слушателями. Тотъ же трескъ и опять между посторонними посѣтителями повторился дважды по окончаніи диспута, но былъ покрытъ аплодированіемъ.

По общему голосу и мѣсту, откуда слышался трескъ, это сдѣлано было кѣмъ-либо изъ постороннихъ; указывали даже на одно неизвѣстное лицо, которое при движеніи толпы во время выхода скрылось.

Между студентами, занимавшими особо указанная имъ мѣста подъ наблюденіемъ инспектора и его помощниковъ, приличіе нисколько нарушено не было; 4 студента, дозволившіе себѣ пристать къ аплодисменту, наказаны.

Долгомъ считаю увѣдомить о семъ Ваше Сіятельство въ томъ предположеніи, что случай этотъ можетъ дойти до свѣдѣнія Государя Императора въ искаженномъ видѣ, присовокупляя, что я приказалъ разыскать, кто первый началъ аплодировать и что если Его Величеству угодно будетъ, то въ предупрежденіе безпорядковъ на будущее время я полагаю бы постороннихъ посѣтителей къ слушанію диспутовъ въ Университетѣ допускать не иначе, какъ по билетамъ, которые раздавать извѣстнымъ лицамъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ къ Вамъ уваженіи и преданности

Графъ А. Закревскій.

¹⁾ Архивъ III-го Отдѣленія Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, I экспедиція, дѣло № 440. 1849 г.

2.

Графу А. Ѳ. Орлову.

Отъ Начальника 2 округа корпуса жандармовъ. № 544.
21 декабря 1849 г. Москва.

Шефу жандармовъ Гр. Орлову.

Профессоръ исторіи Московскаго Университета Грановскій 19 числа сего мѣсяца защищалъ публично свою диссертацию на званіе доктора, предметомъ было: развитіе монархической власти во Франціи. Какъ отличный профессоръ и человекъ даровитый, Грановскій въ обществѣ литераторовъ, любителей, ученыхъ и учащихся пользуется большимъ уваженіемъ. Посѣтителей обоего пола собралось много. *Когда онъ началъ приближаться къ кафедрѣ, рукоплесканія оглушили залъ.* Когда же профессоръ Шевыревъ во время чтенія сталъ дѣлать свои возраженія, тогда былъ прерванъ неожиданнымъ шумомъ въ родѣ выстрѣла, произведеннаго хлопущкой, вѣроятно, съ намѣреніемъ сконфузить Шевырева (вообще не очень любимаго), въ чемъ и успѣли. Шевыревъ на нѣкоторое время остановился; но собравшись съ духомъ продолжалъ и заключилъ, можетъ, не совсѣмъ искреннимъ, но лестнымъ привѣтствіемъ Грановскому. *Взрывъ хлопущки еще повторился,* когда уже говорилъ Грановскій, произведя лишь нѣкоторое удивленіе, безъ всякаго интереса.

Статья Грановскаго заслужила общее одобреніе какъ въ ученомъ, такъ и литературномъ отношеніи. Когда все кончилось и публика начала разѣзжаться, помощникъ попечителя вышелъ, инспекторъ пошелъ кого-то провожать, тогда нѣкоторые изъ оставшихся подступили къ оратору и по изъявленіи хвалы и одобреній хотѣли вынести его на рукахъ. Инспекторъ, однакоже, возвратясь остановилъ этотъ триумфъ, а нѣсколькихъ студентовъ, наиболѣе увлекавшихся, представилъ товарищу попечителя, который сдѣлалъ надлежащее имъ внушеніе и, получивъ сознаніе, что при изъявленіи признательности они превзошли мѣру и обѣщаніе при подобныхъ случаяхъ вести себя скромнѣе и приличнѣе, ихъ простилъ.

По докладу моему графу Арсенію Андреевичу онъ отозвался, что все это знаетъ и сдѣлаетъ свои распоряженія; но объ этомъ не доносить.

Къ открытію нарушителя приличія неумѣстной шуткой (хлопущки) съ моей стороны будутъ употреблены также всѣ мѣры.

Происшествіе, конечно, не заключаетъ особенной важности, но дабы предупредить преувеличеніе слуха и риску, имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства.

Генераль-Лейтенантъ *Перфильевъ.*

3.

III-е Отдѣленіе Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріи, I-й экспедиціи. С.-Петербургъ. 28 Декабря 1849 года. № 3079.

Секретно.

Милостивый Государь,

Князь Платонъ Александровичъ.

До свѣдѣнія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА дошло, что 19 декабря во время публичнаго чтенія въ залѣ Московскаго университета Профессоромъ Грановскимъ диссертациі на степень доктора философіи кто-то изъ постороннихъ посѣтителей дозволилъ себѣ неприличіе, обратившее на себя общее вниманіе собранія.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ покорнѣйше просить Ваше Сіятельство, не изволите ли сообщить мнѣ для доклада ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, какія правила установлены для публичныхъ засѣданій, при защищеніи диссертациі на ученія степени, и кто именно изъ постороннихъ лицъ допускается къ присутствованію въ сихъ засѣданіяхъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

Его Сія—ву князю П. А. Ширинскому-Шихматову.

4.

О постороннихъ посѣтителяхъ при публичномъ защищеніи диссертациій.

На подлинномъ рукою графа Орлова написано карандашомъ: «ВЫСОЧАЙШЕ повелѣтъ спросить князя Шихматова, не имѣетъ ли онъ какого возраженія противъ предлагаемой мѣры».

Копія.

Вслѣдствіе представленнаго мною ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ отношенія Московскаго военнаго Генераль-Губернатора, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ о случаѣ, бывшемъ въ залѣ Московскаго университета, при защищеніи профессоромъ Грановскимъ диссертациі на степень доктора Философіи, ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было Высочайше мнѣ повелѣтъ, спросить Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, какія правила установлены для публичныхъ засѣданій при подобныхъ случаяхъ.

Князь Ширинскій-Шихматовъ увѣдомляетъ меня нынѣ, что при защищеніи диссертаций на ученые степени обязанъ находится Деканъ, и всѣ члены того факультета, къ которому относится, по своему содержанію, сочиненіе, вмѣстѣ съ депутатами отъ другихъ факультетовъ и двумя по назначенію Декана, возражателями; но что кромѣ сихъ лицъ, могутъ присутствовать при такомъ засѣданіи всѣ любители просвѣщенія, для приглашенія которыхъ, по существующему нынѣ порядку, дѣлается, объ имѣющемъ быть публичномъ засѣданіи, объявленіе въ газетахъ.

Находя, что такое общее безъ изъятія дозволеніе можетъ быть и впредь поводомъ къ безпорядкамъ и неприличнымъ поступкамъ со стороны неизвѣстныхъ посѣтителей, я полагаю бы весьма полезную мѣру, предлагаемую Графомъ Закревскимъ и состоящую въ томъ, чтобы не принадлежащихъ университету посѣтителей допускать къ слушанію ученыхъ диспутовъ, не иначе какъ по билетамъ, которые Университетское Начальство должно раздавать только лицамъ извѣстнымъ.

Всеподданнѣйше представляю сіе на ВЫСОЧАЙШЕЕ усмотрѣніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Подписаль: Генераль-Адъютантъ Графъ Орловъ.

Скрѣпилъ: Генераль-Лейтенантъ Дубельтъ.

Вѣрно: Генераль-Лейтенантъ Дубельтъ.

3 января 1850 года.

5.

8 января 1850 г.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ. Отдѣленіе I. Столъ 3. 7 Января 1850 года. № 57.

Милостивый Государь

Графъ Алексѣй Федоровичъ.

Во исполненіе ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія, объявленнаго мнѣ Вашимъ Сіятельствомъ въ отношеніи отъ 5 сего мѣсяца № 18, имѣю честь отвѣтствовать, что въ предупрежденіе безпорядковъ, подобныхъ происшедшему при публичномъ защищеніи диссертации профессоромъ Грановскимъ, я съ своей стороны не нахожу препятствія къ принятію мѣры, предлагаемой Генераль-Адъютантомъ Графомъ Закревскимъ и состоящей въ томъ, чтобы къ присутствію на ученыхъ диспутахъ приглашаемы были лица, извѣстныя Университету, по билетамъ. Но какъ существовавшее доселѣ правило на счетъ объявленія, чрезъ посредство газетъ, во всеобщее свѣдѣніе о предстоящемъ публичномъ защищеніи ученой диссертации, съ допущеніемъ къ присутствію на ономъ всѣхъ образованныхъ людей,

принимающихъ участіе въ ходѣ отечественнаго просвѣщенія, имѣло цѣлю показать безпристрастіе, съ которымъ Университетъ возводитъ въ ученія степени людей истинно того заслуживающихъ по глубокимъ ихъ свѣдѣніямъ, и какъ съ тѣмъ же намѣреніемъ присутствующимъ постороннимъ ученымъ не воспрещалось при такихъ случаяхъ съ скромностію и приличіемъ обращать вопросы къ защищающему диссертацию и дѣлать на его показательства возраженія, то я признавалъ бы необходимымъ, оставивъ послѣднее условіе и на будущее время въ дѣйствіи, избѣгать односторонности приглашеній со стороны университетскаго начальства, которая могла бы быть перетолкована въ публикѣ къ невыгодѣ Университета и приписана, если не къ пристрастію, то, по крайней мѣрѣ, къ послабленію строгости испытаній на ученія степени. По такимъ уваженіямъ, принимая во основаніе предположеніе Г. Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, я бы полагалъ:

1. Предоставить Ректору приглашеніе къ присутствованію на публичномъ защищеніи ученыхъ диссертаций извѣстныхъ ему лицъ, по билетамъ, въ неопредѣленномъ числѣ.

2. Независимо отъ сего передавать всякій разъ Декану Факультета, къ предметамъ котораго относится диссертация, пять, всѣмъ прочимъ профессорамъ по три, а Адъюнктамъ по два пригласительныхъ билета, съ надписью, кому именно они переданы. Отъ получившихъ эти билеты будетъ зависѣть вручить ихъ извѣстнымъ имъ благонадежнымъ лицамъ, съ собственноручною надписью на ихъ имя

3. Билеты при входѣ въ Университетъ посѣтителей отбирать и по прекращеніи собранія представлять Ректору.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, отвѣтственность за всякое нарушеніе порядка со стороны посѣтителя обратится на того, кто пригласилъ его, а съ другой — и цѣль, съ которою учреждено публичное защищеніе диссертаций, не будетъ упущена изъ виду.

Изъявивъ такимъ образомъ мнѣніе мое, по сообщеннымъ мнѣ Вами, Милостивый Государь, вопросамъ, осмѣливаюсь присовокупить, что я находилъ бы удобнѣйшимъ, въ случаѣ ВЫСОЧАЙШАГО одобренія изложенныхъ здѣсь правилъ, предписать ихъ къ исполненію Попечителю Московскаго Учебнаго Округа въ видѣ мѣстной административной мѣры, безъ распространенія на прочіе Университеты, гдѣ никогда подобнаго безпорядка не происходило.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Князь Ширинскій-Шихматовъ.

Его Сіятельству Графу А. О. Орлову.

6.

Копія съ копіи.

О постороннихъ посѣтителяхъ при публичномъ защищеніи диссертаціи.

На подлинномъ рукою Генераль-Адъютанта Графа Орлова написано карандашомъ:

«ВЫСОЧАЙШЕ повелѣлъ объявить къ исполненію Товарищу Министра Просвѣщенія, согласно съ моимъ мнѣніемъ».

Вѣрно: Ген.-Лейт. Дубельтъ. № 6.

По всеподданнѣйшему представленію моему мѣры предлагаемой Генераль-Адъютантомъ Графомъ Закревскимъ къ предупрежденію безпорядковъ при публичномъ защищеніи диссертаціи на ученые степени, состоящей въ томъ, чтобы лицъ, не принадлежащихъ университету, допускать къ слушанію диспутовъ не иначе какъ по билетамъ, которые университетское начальство должно выдавать только лицамъ извѣстнымъ, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВЫСОЧАЙШЕ повелѣтъ соизволили спросить мнѣніе о семъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія.

Вслѣдствіе сего князь Ширинскій - Шихматовъ сообщаетъ мнѣ, что, не находя препятствія къ принятію означенной мѣры, онъ во избѣжаніе односторонности приглашеній со стороны университетскаго начальства, которая могла бы быть приписана если не пристрастію, то послабленію строгости испытаній на ученые степени, полагалъ бы:

1) Предоставить Ректору приглашеніе къ присутствію на публичномъ защищеніи ученыхъ диссертацій извѣстныхъ ему лицъ, по билетамъ въ неопредѣленномъ числѣ.

2) Не зависимо отъ сего передавать всякій разъ Декану факультета, къ предметамъ котораго относится диссертація, пять, всѣмъ прочимъ профессорамъ по три, а адъюнктамъ по два пригласительныхъ билета съ надписью, кому именно они переданы. Отъ получившихъ эти билеты будетъ зависѣть вручить ихъ извѣстнымъ имъ благонадежнымъ лицамъ, съ собственноручною надписью на ихъ имя.

3) Билеты при входѣ въ университетъ посѣтителей отбирать и по прекращеніи собранія представлять Ректору.

Въ заключеніи князь Ширинскій-Шихматовъ представляетъ, что онъ находилъ бы удобнѣйшимъ, въ случаѣ ВЫСОЧАЙШАГО одобренія изложенныхъ имъ правилъ, предписать ихъ къ исполненію только попечителю Московскаго учебнаго округа, въ видѣ мѣстной административной мѣры, безъ распространенія на прочіе университеты, гдѣ никогда подобнаго безпорядка не происходило.

Соглашаясь съ мнѣніемъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія относительно предлагаемыхъ имъ правилъ, я нахожу, однако, не благовиднымъ примѣненіе оныхъ къ одному Московскому университету и полагаю распространить таковыя правила на всѣ университеты, считая это тѣмъ болѣе полезнымъ, что общая мѣра порядка, предупреждая безпорядокъ, должна быть введена прежде, чѣмъ встрѣтится въ томъ необходимость.

Что же касается количества билетовъ, опредѣленнаго для роздачи Декану факультета и профессорамъ, то, чтобы сдѣлать слушаніе ученыхъ диспутовъ любителямъ просвѣщенія доступнѣе, я полагаю бы возможнымъ увеличить это число билетовъ, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа.

Такое мнѣніе всеподданнѣйше представляю на благоусмотрѣніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Подписаль: Генераль-Адъютантъ *Графъ Орловъ.*

Скрѣпилъ: Генераль-Лейтенантъ *Дубельтъ.*

Вѣрно: Генераль-Лейтенантъ *Дубельтъ.*

«11» января 1850 года.

Неизвѣстная сатира.

Среди рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ библиотекъ Рогожиныхъ и находящихся теперь въ библиотекъ Московскаго Историческаго музея, находится одинъ (инвентарн. № 3962) почти весь на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Enigmes, Charades et Logogripes». Moscou, 1864. Кромѣ этихъ «Enigmes» etc. и объясненій къ нимъ находимъ въ немъ слѣдующія французскія стихотворенія: 1) «Carino» датировано 27 juillet 1864. 2) «Le Dernier Homme» (traduit de Campbell), 3) «Nocturnes Traduits de Khamekoff» (ихъ два)¹⁾, 4) «Imité de l'anglais de Th. Moore», датированное Août, 1862.

Но, кромѣ того, въ этомъ сборникѣ есть два русскихъ стихотворенія, изъ которыхъ второе, сатира на тогдашнее состояніе Россіи, заслуживаетъ вниманія. Въ рукописномъ текстѣ встрѣчаются ошибки, и потому стихотвореніе печатается въ исправленномъ видѣ, при чемъ всѣ поправки оговорены въ примѣчаніяхъ. Также исправлена и пунктуация.

«Барыня Сударыня,
Матушка, Ѳедорушка,
Что сидишь не весело,
Голову повѣсила?»
— Охъ, отстань, родименькій,
Отвяжись, Невзорушко,
Безъ тебя тошнехонько,
Безъ тебя больнехонько,
Не мѣшай мнѣ морщиться²⁾,
Не мѣшай мнѣ корчиться³⁾.
«Не пригоже, матушка,
Не идетъ, сударыня,
Ты особа важная,
Барыня вальяжная». —
Охъ, была, родименькій.
Охъ, была, Невзорушко,
Дамою я знатною,
Оченью пріятною,
Сытою, богатою,

Къ людямъ тороватою.
«Знамо дѣло, матушка,
Вѣдомо, Ѳедорушка,
Златомъ, серебромъ, поди,
У тебя хоть прудъ пруди!»
— Было все, родименькій,
Было все, Невзорушко;
Нынче же съ патяжками,
Я живу бумажками
Пестрыми, красивыми,
Заурядъ фальшивыми.
«Какъ же такъ, сударыня,
Какъ же такъ, Ѳедорушка?
Гдѣ жъ твои рублевки,
Звонкіе цѣлковники?»
— Вышли всѣ, родименькій,
Вышли всѣ, Невзорушка,
На бумаги новыя,
На кабаки дешевые,

¹⁾ Это переводъ стихотв. Хомякова А. С. «Nachstück. 1 и 2». См. стихотворенія А. С. Хомякова, М. 1861, стр. 83—86.

²⁾ Въ рук. ошибка: «морщатся».

³⁾ Въ рук.: «корчится».

Нѣмцамъ за границую,
 Дома на полицію.
 «Поищи, сударыня,
 Поищи, Федорушка!
 Ты хоть неопаслива,
 Встарь была запаслива».
 — Не найти, родименькй,
 Не найти, Невзорушка,
 Въ небѣ ясна ¹⁾ сокола,
 Обнищала догола,
 Пропилась, прокралася,
 Вся изворовалася.
 «Дѣло дрянъ, сударыня,
 Дѣло дрянъ, Федорушка,
 Что объ насъ повѣдаютъ,
 Какъ сосѣди свѣдаютъ?»
 — Свѣдали, родименькй,
 Свѣдали, Невзорушка.
 Пляшутъ всѣ отъ радости,
 Дѣлаютъ мнѣ гадости,
 Плюютъ да ругаются,
 Вздуть меня собираются.
 «Ты сама бы, матушка,
 Ты сама ъбъ, Федорушка,
 Помянувь родителей,

Въ морду бы хулителей».
 — Не могу, родименькй,
 Не могу, Невзорушка.
 Я и обижаюся,
 Плюнутъ, утираюся,
 Да прошу прощенія
 За свое смиреніе.
 «Дрянъ ты стала, матушка,
 Дрянъ совсѣмъ, Федорушка.
 Надо бы, красавица,
 Намъ съ тобой поправиться».
 — Поправляюся, родненькй ²⁾,
 Дѣйствую, Невзорушка.
 Отдаю Юстицію
 Подъ надзоръ Полиціи,
 Обрываю армію,
 Завожу Жандармію.
 «На кого же, матушка,
 На кого, Федорушка,
 Рать тебѣ татарская,
 Силища жандармская».
 — На себя, Невзорушка,
 Чтобы я приникнула,
 Чтобы не выла ³⁾ жалобы,
 Чтобы уру |кричала бы!

Сообщить Н. Кашинъ.

¹⁾ Въ рук., вѣроятно, ошибка: «ясно».

²⁾ Въ рукоп. «родименькй», стиха не получается, почему и предложено чтение «родненькй».

³⁾ Въ рукоп. почему-то «вѣла».

Критика и библиографія.

Паскале Виллари. «Джироламо Савонарола и его время». Переводъ съ итальянскаго Д. Н. Бережкова. 1913. Изд. «Грядущій день». Редакторъ А. Л. Вольтинскій. 2 т. Ц. 8 руб.

Въ литературѣ о Савонаролѣ сочиненіе недавно умершаго сенатора Виллари занимаетъ весьма видное мѣсто. Съ нимъ считаются и тѣ, кто подобно Гейгеру и Гаспару расходится съ авторомъ въ оцѣнкѣ Савонаролы.

Первый томъ доводитъ изложеніе до 1497 г. Въ немъ разсказывается біографія Савонаролы кратко отъ его рожденія (1452 г.), подробно съ того времени, какъ онъ окончательно основался во Флоренціи. Второй томъ посвященъ двумъ послѣднимъ годамъ (1497 и 98 гг.) жизни Савонаролы. При этомъ авторъ даетъ краткую характеристику Лаврентіи Великолѣпнаго и состоянія флорентійцевъ подъ его правленіемъ. Виллари не поклонникъ правленія Медичей: онъ указываетъ, что не Медичи вызвали къ жизни возрожденіе литературы и науки, и не они положили основаніе расцвѣту искусствъ (стр. 36).¹⁾ По Виллари время Савонаролы просвѣщенное, но также и развращенное; люди легковѣрные, благодаря своему стремленію сомнѣваться во всемъ. А Савонарола «осмѣлился вѣрить, когда все сомнѣвались», и «первый началъ говорить о нравственномъ обновленіи человѣка, тогда какъ все думали только на тему обновленія чисто интеллектуальнаго». Онъ жаждалъ всего идеальнаго въ христіанскомъ смыслѣ этого слова». Савонарола, по мнѣнію автора, составляетъ существенную часть итальянскаго возрожденія, а не былъ его врагомъ. Но онъ лишь ясно видѣлъ, чувствовалъ, чего не хватало этому движенію и что впоследствии привело его къ гибели».

Авторъ въ предисловіи къ первому изданію заявляетъ, что сочтетъ свою цѣль достигнутой, если ему удастся доказать, что Савонарола «занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ ряду благородныхъ итальянскихъ мыслителей, героев и мучениковъ». Эта цѣль авторомъ вполне достигнута.

¹⁾ Страницы безъ указанія тома относятся къ первому тому.

Въ основѣ взгляда Виллари на Савонаролу лежитъ представленіе о феррарскомъ братѣ, какъ о лицѣ, дѣйствующемъ подѣ вліяніемъ идей нравственнаго порядка, «горячая любовь къ добру и составляетъ самую сущность его характера». «Весь секретъ того благорасположенія, какое снискалъ себѣ Савонарола, заключается въ его мистически-религіозномъ одушевленіи, въ чувствѣ, какое онъ сумѣлъ вдохнуть въ народъ». Подобное представленіе, конечно, должно повлечь за собой детальное разсмотрѣніе душевной жизни доминиканскаго монаха, что и дѣлаетъ Виллари. Неоднократно авторъ отмѣчаетъ, что политическая свобода была для монаха только средствомъ. «Онъ хотѣлъ свободы для большаго торжества религіи». «Савонарола вмѣшался въ политику не по своей волѣ». «Онъ хотѣлъ быть обновителемъ религіи, а народъ флорентійскій обожалъ въ немъ основателя республики» (стр. 334). «Савонарола хотѣлъ, чтобы политика и свобода служили религіи, а флорентійцы, наоборотъ, религію заставляли служить республикѣ». Видя въ Савонаролѣ, главнымъ образомъ, типъ религіознаго дѣятеля, авторъ не отрицаетъ значенія его политической дѣятельности, а скорѣй иногда даже преувеличиваетъ это значеніе Савонаролы.

Авторъ горячо отстаиваетъ правдивость монаха, считаетъ его не заслуживающимъ упрековъ въ фанатизмъ, а тѣмъ паче въ политической партійности. Останавливается Виллари на видѣніяхъ и пророчествахъ доминиканца. При чемъ высказываетъ тезисъ, что Савонарола обладалъ замѣчательной и совершенно необъяснимой способностью предчувствовать будущее (стр. 237).

Наконецъ отмѣтимъ, что авторъ настаиваетъ на вѣрности Савонаролы католической церкви, высказывается противъ того, чтобы видѣть въ Савонаролѣ предтечу протестантизма. Борьба съ Александромъ VI поясняется помимо личныхъ свойствъ папы тѣмъ, что многіе считали его избраннымъ явно симоническимъ образомъ, а отнюдь не тѣмъ, что доминиканецъ принципиально возставалъ противъ ученія о папскомъ верховенствѣ. Виллари совершенно правильно настаиваетъ на томъ, что идея Савонаролы бороться съ папой посредствомъ созыва церковнаго собора въ ту эпоху не имѣлъ въ себѣ ничего антикатолическаго.

Сказаннаго достаточно, чтобы составитъ себѣ представленіе о томъ, какъ трактуется Савонарола и его время въ сочиненіи Виллари. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію русскаго изданія Виллари.

Рецензенту представляется, что при русскомъ изданіи были открыты только два пути: или дать переводъ сочиненія, сохранивъ всѣ примѣчанія на своемъ мѣстѣ и перепечатавъ документы, данные Виллари, или же перевести только текстъ, выбросивъ документы и примѣчанія, какъ не представляющіе интереса для большой публики и удешевивъ такимъ образомъ изданіе. Но редакторъ почему-то избралъ средній путь—самый неудачный. Примѣчанія помѣщены всѣ въ концѣ второго тома. Въ самомъ же текстѣ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе примѣчаній. Поэтому пользование примѣчаніями является безъ всякой нужды значительно затрудненнымъ. Получается впечатлѣніе, что примѣчанія помѣщены исключительно «на предметъ удорожанія книги». Дѣйствительно, изданіе вышло дорогимъ. Русское изданіе стоитъ 8 р., а итальянское 12 лиръ (т.-е. 4 р. 50 к.). Правда, въ русскомъ 16 иллюстрацій, которыхъ нѣтъ въ итальянскомъ.

Для русскаго изданія Виллари нашсаль специальное предисловіе, нѣсколько странное по отношенію къ русскимъ читателямъ. Онъ, повидимому, сомнѣвается, можетъ ли Россія, страна не католическая и не протестантская, испытывать интересъ къ борьбѣ Савонаролы съ папой.

Но, въ концѣ-концовъ, рѣшаетъ, что «нравственная сторона характера монаха св. Марка» можетъ сдѣлать его исторію интересной для русскаго читателя. Очевидно, авторъ и не представляетъ себѣ, что въ Россіи можетъ быть научный интересъ къ Савонаролѣ. Ему, повидимому, совершенно неизвѣстно существованіе книги Осокина «Савонарола и Флоренція». Въ защиту автора можно, конечно, привести то, что, когда онъ узналъ отъ А. Л. Волинскаго, какъ будетъ поступлено съ примѣчаніями, онъ долженъ былъ сдѣлать выводъ, что въ Россіи, очевидно, нѣтъ читателей научныхъ книгъ на русскомъ языкѣ. Ибо судя по А. Л. Волинскому, научныхъ книгъ издавать не умѣютъ.

Наблюденія надъ русскимъ Виллари, къ сожалѣнію, приводятъ къ этому выводу. Повидимому, переводчикъ стремился къ тому, чтобъ русскій языкъ не носилъ характера «переводнаго» и, дѣйствительно, много принесено въ жертву литературности. Приведемъ примѣры (стр. I). Прошло болѣе 25 лѣтъ съ того момента, какъ книга эта въ первый разъ появилась въ свѣтѣ. Подлинникъ ¹⁾ (р. 1) Sono oramai piu di venticinque anni che questo libro, spesso ristampato venne la prima volta alla luce (стр. 21). Съ самимъ Галеаццо, однимъ изъ наиболѣе распутныхъ герцоговъ того времени; подлинникъ (р. 27) col duca Galeazzo uno dei principi piú dissoluti d'Italia (стр. 302). «Эту безумную звѣрскую, по выраженію хроникъ, игру въ камни запрещали много разъ»; не вполнѣ соответствуетъ подлиннику (р. 417). Fù piu volte proibito questo, che i cronisti chi amano pazzo e bestiale giuco dei sassi. Подобная же неточность (стр. 339), замѣчаетъ древній биографъ, у Виллари (р. 467): dice un antico biografo. Виллари (р. 510) пишетъ: È singolare però che negli antichi storici si trovi appena qualche ricordo di tali accuse, а въ переводѣ (стр. 370) у древнихъ историковъ мы находимъ лишь слабый намекъ на подобныя обвиненія.

Странный контрастъ съ погоней за литературностью представляетъ стремленіе италянизировать всѣ имена собственные. Италянизируются лица самаго разнаго происхожденія: латинскій грамматикъ Присціанъ превратился въ Пришано, римлянинъ Торкватъ въ Торквато, испанецъ Серведо въ Сервето, грекъ Георгій Гемистъ Плетонъ, въ Джорджіо Джемисто Плетоне, а другой грекъ Георгій Трепезундскій въ Джорджіо da Trebisonda (II, стр. 301), французъ Жерсонъ въ Джерсона.

Можно указать въ переводѣ и прямыя ошибки, произошедшія, повидимому, отъ совершенно недопустимой небрежности: «alcun» переводится словомъ «многіе» (стр. 232); messi continui переводится нарочитыми послами (II, стр. 15); зачѣмъ-то hanno paura подлинника передано (II, стр. 70) черезъ думаютъ. Совершенно не выражена мысль (II, стр. 97), что 19 наиболѣе уважаемыхъ гражданъ, составившихъ Практику 17 марта 1498 г., являлись cog civitatis, только по мнѣнію сеньориі. Боченокъ пороху и свинцовыя пули (II, стр. 163) превращень переводчикомъ въ боченокъ пороху и свинцовыхъ пуль.

Въ примѣчаніяхъ ошибокъ, пожалуй, еще больше чѣмъ въ текстѣ. Приведемъ только нѣсколько примѣровъ. Примѣчаніе на стр. 240 второго тома въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является прямымъ искаженіемъ подлинника (р. XXXIII), изъ того, какъ (II, стр. 293) передано пр. 1 р. 3 подлинника приходится заключить, что въ глазахъ автора слова врачъ и докторъ являются синонимами. Лейпцигъ (II, стр. 249) фигурируетъ въ итальянской формѣ Lipsia, а Лейденъ (II, стр. 404) превращень

¹⁾ Страницы по изданію 1910 года.

въ Лейду ¹⁾ находимъ мы (II, стр. 416): «Menecmi» Plauto (!). Находимъ мы также (II, стр. 301): «такъ назывался греческій подлинникъ Аристотеля въ отличіе отъ извѣстныхъ переводовъ его и плохихъ комментаріевъ»; а у Вилларп (р. 56 п. 2) così chiamavasi l'Aristotele nell'originale greco a differenza di quello che sera generalmente conosciuto solo per mezzo dei commentatori e cattivi traduttori. О Плетонѣ (II, стр. 300) говорится: «Стяжавъ въ своемъ отечествѣ знаки наивысшаго къ себѣ почтенія»; а въ подлинникѣ очень просто «visse onorato dalla patria».

Наконецъ совершенно напрасно отказались отъ курсива въ текстѣ. Вѣроятно, это вызвано соображеніемъ о внѣшнемъ видѣ книги, который дѣйствительно хорошъ. Но нельзя же все принести въ жертву внѣшности изданія.

В. Протопоповъ.

И. М. Кулишеръ. «Лекціи по исторіи экономическаго быта западной Европы». Курсъ, читанный въ Спб. университетѣ. Изд. 3-е, дополненное. Ц. 2 р. 50 к.

Появленіе новымъ изданіемъ книги И. М. Кулишера показываетъ прежде всего, что потребность въ такомъ обобщенномъ курсѣ по исторіи хозяйства имѣется большая. Кромѣ того, оно показываетъ, что авторъ сумѣлъ удачно отвѣтить на эту потребность своими «Лекціями». Онъ совершенно правильно указываетъ, что даже въ западной литературѣ нѣтъ такого сочиненія, которое «давало бы общій обзоръ всей исторіи экономическаго быта Европы, а не отдѣльныхъ только государствъ въ ту или иную эпоху». Сколько-нибудь приближается по поставленнымъ задачамъ къ книгѣ г. Кулишера развѣ только очеркъ Кэпшке-Зифекинга въ «Grundriss der Geschichtswissenschaft» Алоиса Мейстера, который въ первой своей части шире своего заглавія («Deutsche wirtschaftsgeschichte bis zum XVII Jahrh») и затрогиваетъ также виѣрманскія страны. Книга И. М. Кулишера шире по содержанію, равномернѣе и стройнѣе по архитектурѣ, а въ послѣднемъ изданіи и свѣжѣе по литературнымъ указаніямъ. И для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей хозяйства на Западѣ, и какъ руководство для самостоятельнаго изученія отдѣльныхъ вопросовъ она можетъ быть рекомендована вполне.

Въ новомъ изданіи сдѣланы значительныя дополненія: вставлена глава объ аграрномъ строѣ въ Римской имперіи и въ лангобардской Италіи и вновь написанъ цѣлый отдѣлъ, обнимающій исторію хозяйства отъ французской революціи до середины XIX вѣка. Кромѣ того, попутно расширены и другіе отдѣлы: о возникновеніи цеховъ и проч.

Несомнѣнно, въ третьемъ изданіи книга приобрѣла болѣе законченный видъ. И, такъ какъ совершенно несомнѣнно, что она дождется и четвертаго изданія, авторъ поступилъ бы очень хорошо, если бы предпослалъ этому новому изданію общее введеніе объ изученіи исторіи экономическаго быта съ методологическими и литературными указаніями. Кромѣ того, вѣроятно, онъ пожелаетъ также довести до конца, т.-е. до нашихъ дней, хронологическую нить своего обзора. Потому что, хотя въ новомъ изданіи книга имѣетъ «болѣе законченный характеръ», но лучше, чтобы она стала совсѣмъ законченной.

А. Дживеллеговъ.

¹⁾ Лейденъ по-итальянски Leida.

Szymon Askenazy. O sprawie polskiej w. r. 1812. Kraków. 1912.

Въ этой небольшой брошюрѣ, воспроизводящей рѣчь проф. Аскеназы въ публичномъ засѣданіи краковской академіи наукъ 23 мая 1912 г., опровергается общераспространенное мнѣніе, будто Наполеонъ въ 1812 г. стремился лишь къ эксплуатаціи матеріальныхъ ресурсовъ поляковъ. «Когда Наполеонъ, — пишетъ проф. Аскеназы, — заявлялъ міру о «второй польской войнѣ», когда въ польской уланской шапкѣ и плащѣ онъ переправлялся черезъ Нѣманъ и встрѣченному на порогѣ Литвы ксендзу говорилъ: «Ты долженъ молиться за меня, какъ полякъ и какъ католикъ», онъ не лгалъ, онъ говорилъ правду». Онъ дѣйствительно желалъ тогда возрожденія Польши въ той увѣренности, что «безъ восстановленія этого государства Европа останется съ этой стороны безъ границъ» (*sans frontières*). Иначе относился къ Польшѣ имп. Александръ; онъ питалъ къ ней несомнѣнную симпатію и благорасположеніе, но онъ «боялся, боялся Франціи, Австріи, войны, Наполеона и прежде всего и сильнѣе всего, боялся Россіи», тѣхъ реакціонныхъ русскихъ элементовъ, представителями которыхъ являлся Карамзинъ и которые противились восстановленію польскаго государства. Что же касается самихъ поляковъ, то настроеніе ихъ было крайне различно: въ варшавскомъ герцогствѣ царилъ энтузіазмъ и слѣпая вѣра въ Наполеона; въ Литвѣ, привыкшей за 40 лѣтъ къ русскому режиму и съ тревогой взиравшей на усиленіе податнаго бремени въ Варшавскомъ герцогствѣ, наблюдалось колебательное настроеніе; въ «русскихъ» земляхъ, на Волыни, въ Украинѣ — враждебность или, въ лучшемъ случаѣ, равнодушіе какъ къ Наполеону, такъ и къ судьбамъ самой Польши. «Я, — говорилъ старый гетманъ Ксаверій Браницкій, — не французъ и не русскій, такъ какъ я родился полякомъ, но я и не полякъ, такъ какъ Польша не существуетъ»...

И. Рябининъ.

Gaston Cahen. Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand. Paris, Félix Alcan. 1911.

Его же. Le livre de comptes de la caravane russe à Pékin en 1727—1728 (texte-traduction-commentaire). Paris, F. Alcan. 1911.

Лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ трудно было бы себѣ представить болѣе «академическую» тему, нежели «исторія сношеній Россіи съ Китаемъ», да еще когда? При Петрѣ Великомъ! На устахъ много русскаго историка она вызвала бы, пожалуй, такую же насмѣшливую улыбку, какой встрѣчена была знаменитая въ своемъ родѣ диссертация «о бумажныхъ мельницахъ въ московскомъ государствѣ». А теперь... Всѣ вопросы: о пограничной полосѣ Россіи съ Китаемъ, о привилегіяхъ русскихъ купцовъ въ Китаѣ, объ отношеніяхъ Россіи въ Монголіи, о завоеваніи этой Монголіи, о войнѣ съ Китаемъ, о завоеваніи, буде возможно, и самого Китая или его части, — всѣ вопросы, такіе знакомые читателямъ теперешнихъ русскихъ газетъ, проходятъ передъ нами на страницахъ документовъ XVIII в. Изучая исторію Кяхтинскаго трактата 1728 г., мы все время остаемся *en pleine actualité*. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы обратить вниманіе даже и не спеціалистовъ, на книгу молодого французскаго историка. Но у изслѣдованія г. Gaston Cahen есть и другія права на вниманіе, — права болѣе прочныя, не зависящія отъ интересовъ этого текущаго момента. Если отдѣлъ литературы по экономической исторіи Россіи вообще слабо обставленъ, то для исторіи зачатковъ русскаго капитализма въ литературѣ почти ничего нѣтъ. И въ особенности русскій торговый капитализмъ петровской

и предъ-петровской эпохи, по ходячему выраженію, «ждетъ своего изслѣдователя». Когда этотъ изслѣдователь придетъ, онъ будетъ очень обрадованъ, найдя такія книги, какъ разбираемая теперь нами: онѣ сберегутъ ему много черновой работы.

Сказать, что онъ можетъ надѣяться на большее, значило бы внушать надежды неосновательныя. Г. Сапен прекрасно понимаетъ, что центр тяжести всѣхъ разсматриваемыхъ имъ вопросовъ лежитъ въ экономической области: «отношенія Россіи къ Китаю въ XVIII вѣкѣ, главнымъ образомъ, торговыя», заявляетъ онъ въ предисловіи—и не устаетъ повторять это много разъ. Но по всѣмъ своимъ вкусамъ и привычкамъ, по всему своему историческому воспитанію, онъ—историкъ дипломатическихъ сношеній «международной политики» въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Цѣлыхъ двѣ главы своего изслѣдованія, всего содержащаго 11 главъ, онъ посвящаетъ одну «посольству Ту-Ли-Чана къ Тургутамъ Нижней Волги», другую—«сношеніямъ Россіи съ Калмыками въ первой четверти XVIII вѣка». Словъ нѣтъ: для пониманія *дипломатическихъ* перипетій посольствъ Измайлова или Рагузинскаго (послѣдняго авторъ, слѣдуя современнымъ документамъ, постоянно называетъ «Савой Владиславичемъ»—безъ знакомой намъ изъ учебниковъ фамиліи), все это сюжеты, не лишеныя значенія. Но сами эти дипломатическія перипетіи, для нашего времени, сюжетъ уже совершенно «академическій». Благодаря отсутствію историко-экономической перспективы, авторъ тратитъ очень много добросовѣстнаго и упорнаго труда на установленіе точной хронологіи посольства Ту-Ли-Чана (pp. 125—127). А, напримѣръ, чрезвычайно краснорѣчивый намекъ инструкции, которую коммерцъ-коллегія дала Рагузинскому: «какіе товары ввозять въ Китай и вывозять оттуда голландцы, англичане, французы и португальцы?»—намекъ, освящающій центральный пунктъ всякой торговой политики, вопросъ о международной торговой конкуренціи совсѣмъ не обратилъ на себя его вниманія. Читая его книгу, можно подумать, что торговали русскіе съ китайцами, а китайцы—съ русскими: а остальные-то народы что же въ это время дѣлали? Между тѣмъ вся суть русскихъ домогательствъ въ томъ и заключалась, чтобы «китайскій торгъ» монополизировать по возможности въ русскихъ рукахъ: и передъ неудачей въ этомъ пунктѣ блѣднѣли всѣ дипломатическія «побѣды» Рагузинскаго. Чѣмъ объясняется эта основная неудача, на это книга г. Сапен не даетъ никакого отвѣта. Мы видимъ, что монополию на китайскіе шелковые товары (это было въ сущности все, что тогда было нужно: чай далеко еще не игралъ такой роли, какъ теперь) пытались вынудить фактически принадлежавшей русскому правительству монополіей на цѣнные сибирскіе мѣха. Отсюда усилія китайскаго правительства и направлялись въ сторону разрыва этой послѣдней монополіи: мѣха китайскому высшему обществу были нужны. Но итти изъ-за нихъ въ экономическую кабалу къ русскимъ китайцы отнюдь не желали. Русской мѣховой монополіи правительство богдыхана стремилось противопоставить китайскую: это прекрасно видно изъ многократно использованнаго нашимъ авторомъ «журнала» Лаврентія Лапга, въ 1721—22 гг., страдавшаго въ Пекинѣ въ качествѣ російскаго торговаго агента. Но какъ разъ то мѣсто «журнала», гдѣ говорится— правда, вскользь—объ организованной китайскою казною контръ-торговлѣ мѣхами въ явный ущербъ русскому «каравану», ускользнуло отъ вниманія г. Сапен'а: а между тѣмъ, какимъ яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ эта пара строкъ всю одиссею Лапга! Не ясна и роль пекинскихъ іезуитовъ во всемъ этомъ дѣлѣ—а роль была видная, въ дипломатическихъ актахъ она на каждомъ шагѣ: при чемъ русскіе явно опирались на французовъ

(какая опять *actualité*!). Но что дѣлали итальянскіе и португальскіе ихъ коллеги? Чьи интересы защищали особенно послѣдніе? Кто были ихъ кліенты? Быть-можетъ, по документамъ, имѣвшимся въ распоряженіи г. Сапен, на это н трудно отвѣтить, но характерно, что авторъ и *не замѣтилъ* этого своего пробѣла. Его іезуитъ отстаиваетъ все время интересы своего *ордена*—и только. Изъ приводимыхъ имъ фактовъ, однакоже, видно, что о. Pagenin, напримѣръ, кромѣ ордена, умѣлъ служить и интересамъ русской торговли, что засвидѣтельствовалъ, даже съ большимъ одушевленіемъ, Сава Владиславичъ. Кому, кромѣ ордена, служили другіе отцы, и какъ это отражалось на интересахъ русскаго торгова? Отвѣта на этотъ вопросъ мы тщетно стали бы искать на страницахъ нашей книги.

Исторія одного изъ крупнѣйшихъ образцовъ петровскаго меркантилизма (обороты русскаго «каравана» 1727—28 гг. въ Пекинѣ авторъ опредѣляетъ очень точно въ два слишкомъ милліона рублей на теперешнія деньги!) остается, такимъ образомъ, не то что ненаписанной, а недописанной. И, тѣмъ не менѣе, книгу г. Сапен историкъ-экономистъ прочтетъ съ истиннымъ наслажденіемъ, хотя и пропуститъ, быть-можетъ, къ обидѣ автора, его многотрудныя изслѣдованія въ области калмыцкой хронологіи. Чтобы понять внутреннюю связь фактовъ, нужно прежде всего отчетливо представлять себѣ ихъ связь внѣшнюю. Въ этой области французскій историкъ сдѣлалъ все возможное: на вопросы кто, гдѣ, когда—его работа отвѣчаетъ съ такою роскошью документации, которая иногда кажется даже излишней. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, когда именно былъ произведенъ въ полковники Бухгольцъ? А этому вопросу на стр. 196 посвящено цѣлое примѣчаніе, съ двумя ссылками на архивные источники. Но съ еще большимъ наслажденіемъ прочтетъ историкъ-экономистъ документальныя приложенія, заключающія цѣлыхъ сто страницъ. Здѣсь онъ найдетъ, отчасти во французскомъ переводѣ, но «отчасти» въ подлинникѣ, такія вещи, какъ «мнѣнія» Сава Владиславича Рагузинскаго, инструкціи ему коммерцъ-коллегіи, записку Ланга о русско-китайской торговлѣ и т. д. Самый цѣнный документъ серіи, счетная книга русскаго каравана 1727—1728 гг., напечатана авторомъ отдѣльно, съ комментариемъ, можно сказать, классическимъ по своей тщательности. Напечатанныя авторомъ въ подлинникѣ бумаги извлечены имъ изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ,—на документахъ этого архива основана, въ главномъ, вся его работа. Во французскомъ переводѣ приведены выдержки изъ источниковъ, ранѣе опубликованныхъ, главнымъ образомъ, Бантышомъ-Каменскимъ, — въ какомъ видѣ опубликованныхъ, покажетъ одинъ примѣръ. Въ подлинникѣ читается: «оттуды въ привозѣ бывають». Бантышъ напечаталъ: «туда въ привозѣ бывають». Какъ видимъ, и для напечатаннаго уже историкъ русско-китайскихъ отношеній начала XVIII вѣка безъ справокъ съ книгой г. Сапен не обойдется.

М. Покровскій.

Marc de Préau deau. Michel Bakounine. Le collectivisme dans l'Internationale. Etude sur le Mouvement Social (1868—1876). Paris, 1912.

Недавно вышедшую книгу Преодо нельзя назвать біографіей Бакунина въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Правда, жизнь Бакунина излагается въ ней со дня его рожденія и до смерти, но главное вниманіе автора, какъ это, впрочемъ, ясно изъ подзаголовка книги, сосредоточено на роли, которую Бакунинъ и его сторонники, называвшіеся тогда «коллективистами» въ отличіе отъ «государственниковъ-коммунистовъ»

школы Маркса, играли въ Интернаціоналѣ. Да и то сказать, при всемъ желаніи авторъ врядъ ли могъ бы написать настоящую біографію Бакунина. Для этого не только нужно владѣть русскимъ языкомъ и быть въ совершенствѣ знакомымъ съ русской литературой XIX вѣка, но, пожалуй, и быть самому русскимъ. Преодо же не только не знаетъ рускаго языка и литературы, но, повидимому, и вообще не пользовался никакими источниками, кромѣ французскихъ.

Книга Преодо написана, главнымъ образомъ, по тремъ источникамъ: 1) по обширной трехтомной (или четырехтомной) біографіи Бакунина, составленной съ большимъ трудолюбіемъ Неттлау и имѣющей въ гектографированномъ видѣ въ большихъ публичныхъ бібліотекахъ; 2) по четырехтомной исторіи Интернаціонала, составленной бывшимъ соратникомъ Бакунина, Джемсомъ Гильомомъ; 3) по полному собранію сочиненій Бакунина, издаваемому теперь въ Парижѣ трудами того же Гильома (вышло уже шесть томовъ, изъ которыхъ Преодо могъ пользоваться пятью). Если къ этому прибавить нѣсколько французскихъ книгъ и статей по исторіи социализма, Интернаціонала и Коммуны, то мы получимъ почти весь научный багажъ нашего автора. Его работа была до него и за него сдѣлана въ своей большей части Гильомомъ и Неттлау, компиляціей которыхъ и является, собственно говоря, его книга.

Этимъ въ значительной мѣрѣ предопредѣляется ея характеръ. Слѣдующая за своимъ главными руководителями, Преодо въ изложеніи борьбы между Марксомъ и Бакуниннымъ, каковой темѣ посвящена почти вся его книга, рѣшительно становится на сторону послѣдняго, съ ничтожными, впрочемъ, оговорками. Вліяніемъ же Гильома объясняется стремленіе Преодо доказать, что идеи Бакунина содержали въ зародышѣ міровоззрѣніе современнаго революціоннаго синдикализма. Но не будучи непосредственнымъ участникомъ борьбы между марксистами и анархистами, Преодо старается быть объективнымъ.

Преодо прекрасно понимаетъ, что въ историческомъ конфликтѣ въ нѣдрахъ международной ассоціаціи основной причиной было несходство взглядовъ на главные вопросы социалистической программы и тактики, раздѣлявшее членовъ Интернаціонала. И онъ нытается — въ общемъ довольно правильно — охарактеризовать воззрѣнія на этотъ вопросъ марксистовъ, съ одной стороны, и бакунистовъ — съ другой, при чемъ главное мѣсто отводитъ, естественно, изложению взглядовъ Бакунина. Никакой попытки отнестись критически ко взглядамъ Бакунина, проверить ихъ на послѣдующей исторіи рабочаго движенія, мы у автора не замѣчаемъ: онъ всецѣло находится подъ вліяніемъ Гильома и утверждаетъ, что «коллективисты» лучше Маркса понимали значеніе профессиональнаго объединенія рабочихъ и самодѣятельности пролетаріата. Онъ даже не ставитъ себѣ вопроса, что же скрывалось за несходствомъ взглядовъ въ рядахъ Интернаціонала, какимъ социальнымъ слоямъ, въ частности — какимъ группамъ пролетаріата и на какой стадіи его развитія соответствовали взгляды бакунистовъ? Нѣсколько разъ опъ подходитъ къ этимъ вопросамъ, говоря, напр., о различномъ отношеніи Маркса и Бакунина къ lumpenпролетаріату, объ отношеніи нѣкоторыхъ бакунистовъ къ крестьянству, о неодинаковомъ экономическомъ развитіи странъ, слѣдовавшихъ за тѣмъ и другимъ знаменемъ, но ни на минуту не останавливается на анализѣ упоминаемыхъ имъ фактовъ и не углубляется въ ихъ смыслъ.

Вдобавокъ, на протяженіи своей книги Преодо не разъ забываетъ о своемъ основномъ тезисѣ, что причинной конфликта въ рядахъ Интернаціонала были существенныя теоретическія разногласія и всякій разъ сво-

рачиваетъ на различіе темпераментовъ и характеровъ Бакунина и Маркса. Онъ доходитъ даже до утверженія, что расколъ въ Интернаціоналѣ вызванъ былъ не теоретическими разногласіями, а несходствомъ характеровъ и спорами по организаціонному вопросу, какъ будто организаціонный идеалъ каждой изъ борющихся сторонъ не былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ ея пониманіемъ задачъ и методовъ освободительнаго движенія рабочаго класса.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ книга Преодо не лишена извѣстнаго значенія. Не говоря уже о свойственной французамъ легкости, живости и доступности изложенія, она даетъ возможность широкой публикѣ познакомиться съ личностью Бакунина, а главное—съ его дѣятельностью въ рядахъ Интернаціонала. Рядовой читатель не ослышитъ ни фоліантовъ Неттлау ни многотомной работы Гильома; Преодо же свелъ воедино сообщаемые этими авторами матеріалы.

Ю. Стекловъ.

П. Моранъ. Павелъ I до восшествія на престолъ (1754—1796 гг.). М. К-во К. Ф. Некрасова. 1912 г. Ц. 3 р.

Трудъ П. Морана—не изслѣдованіе для специалистовъ; это книга для большой публики. Написана она очень интересно, читается легко, мѣстами прямо, какъ романъ, но это не научное изслѣдованіе, которое добавляло бы что-нибудь существенно новое къ прежнимъ трудамъ объ имп. Павлѣ I. П. Моранъ пользуется по преимуществу существующей печатной литературой о Павлѣ, при чемъ въ числѣ авторовъ, сочиненіями которыхъ онъ пользуется, значится, между прочимъ, и Валишевскій съ его романами; правда, г. Мораномъ были использованы французскій архивъ, иностранныхъ дѣлъ и берлинскій государственный архивъ, но онъ не даетъ изъ нихъ ничего такого, что мѣняло бы уже сложившееся въ литературѣ представленіе объ имп. Павлѣ I; но, съ другой стороны, имъ использованы не всѣ русскіе матеріалы, посвященные этому императору. Но не имѣя самостоятельнаго научнаго значенія, трудъ г. Морана, появившійся теперь въ русскомъ переводѣ, является далеко не лишнимъ среди нашей литературы о Павлѣ I. Г. Моранъ послѣдовательно въ 8 главахъ, на 468 страницахъ, прослѣживаетъ жизнь Павла I съ момента его рожденія и до момента вступленія на престолъ. Но вопреки своему обѣщанію, высказанному въ предисловіи, г. Моранъ мало показываетъ тѣ условія общественной и государственной жизни Россіи второй половины XVIII вѣка, въ которыхъ складывался и развивался характеръ Павла. Не во всемъ можно согласиться съ г. Мораномъ и въ самой его характеристикѣ изображаемаго лица. Обѣщая въ предисловіи тщательно изучить «этого человѣка, съ загадочнымъ характеромъ», онъ склоненъ потомъ разсматривать его, какъ московскаго Гамлета (стр. 42); не всегда его характеристика строго выдержана: въ общемъ сочувственно относясь къ Павлу I, г. Моранъ иногда награждаетъ его слишкомъ уже положительными эпитетами, которые не согласуются съ другими мѣстами его книги; впрочемъ, иногда такіе эпитеты подсказываются, повидимому, просто стремленіемъ къ красивымъ фразамъ; этимъ же, надо думать, объясняются и такія выраженія, какъ то, что Петръ В. сумѣлъ «изъ хаоса создать государство», а Павелъ I «имѣлъ влеченіе и мучился надъ разрѣшеніемъ метафизическихъ проблемъ». Императрица Марія Ѳеодоровна въ изложеніи г. Морана явно идеализирована; говоря, что это была «благородная и великодушная супруга, кроткая, довольствующаяся тѣми радостями, которыя подарила ей жизнь», г. Моранъ слишкомъ довѣряетъ характеристикѣ имп. Маріи Ѳеодоровны, при-

надлежащей г. Шумигорскому, и совѣмъ, повидимому, забываетъ о ея поведеніи въ моментъ переворота 11 марта 1801 года и въ годы царствованія ея сына, имп. Александра I. Цѣну книги, какъ переводной, нельзя не признать высокою.

К. Сивковъ.

Государи изъ дома Романовыхъ 1613 — 1913. Жизнеописание царствовавшихъ государей и очерки ихъ царствованія. Подъ редакціей доктора русской исторіи Н. Д. Чечулина. Ч. I и II. Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

Два хорошо иллюстрированныхъ тома, имѣющихъ юбилейный характеръ. Интересъ изданія заключается въ томъ, что въ немъ объединились подъ руководствомъ г. Чечулина нѣкоторые изъ популярныхъ профессоровъ — русскихъ историковъ. Здѣсь мы видимъ очерки проф. Платонова, по концепціи, правда, совѣмъ не новые уже, «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова» и «Царь Алексѣй Михайловичъ» (последній очеркъ написанъ совмѣстно съ прив.-доц. Прѣсняковымъ; очевидно, проф. Платонову принадлежитъ общая характеристика царя Алексѣя, представляющая дословное повтореніе статьи, написанной въ другомъ изданіи Т-ва Сытина «Три вѣка» подъ редакціей Г. Каллаша. Какъ будто бы слѣдовало это оговорить!) Пр.-доц. Прѣснякову принадлежитъ и статья «Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ», въ свою очередь, представляющая въ значительной степени перепечатку статьи автора, напечатанной въ I т. «Трехъ Вѣковъ» (правда, есть небольшія варіаціи; въ статьѣ въ «Трехъ Вѣкахъ», напр., говорится: «Медленно возстановлялось и русское колонизаціонное движеніе въ Поволжьѣ»; въ другомъ изданіи: «возстановлялось, хотя и медленно, и русское колонизаціонное движеніе въ Поволжьѣ» и т. д., здѣсь же статьи проф. Богословскаго «Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ» и «Императоръ Петръ I Алексѣевичъ Великій», статья прив.-доц. Готье «Императрица Елизавета Петровна», доктора русской исторіи г. Чечулина, статьи, посвященныя Петру III, Екатеринѣ II и Павлу I, г. Середонина — Александръ I и Николай I и др.

Перечисленные авторитетныя имена показываютъ, какой интересъ можетъ возбудить въ читающей публикѣ означенное изданіе. Интересъ еще болѣе повышается послѣ прочтенія предисловія. Оно говоритъ: «Предлагаемая книга содержитъ шестнадцать очерковъ, въ цѣломъ дающихъ *связное и полное обозрѣніе исторіи Россіи* за триста лѣтъ (курсивъ нашъ) съ цѣлью выполнить давно ощущаемый въ русской исторической литературѣ пробѣлъ: отсутствіе труда, въ которомъ была бы съ *надлежащей научностью и полнотою* изображена жизнь русскихъ государей... на первый планъ выдвинута вездѣ личность государя, его дѣятельность, его участіе въ событіяхъ его царствованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приложены *всѣ усилія*, чтобы и *жизнь народа*... была изображена со всею необходимою полнотою; авторы очерковъ убѣждены, что *серьезные* читатели не найдутъ въ этомъ изданіи попытки возвеличить начало личности въ исторіи въ ущербъ изученію жизни народной»... Наконецъ авторы «стремились... дать все то, — но и только то, — что критически провѣрено, твердо установлено и должно быть *признано за историческую истину*».

Прочитанное предисловіе какъ будто бы довольно отчетливо опредѣляетъ задачи изданія. Но себя (т.-е. рецензента) приходится сразу отвести къ числу несерьезныхъ читателей, ибо при всѣхъ «усиліяхъ» авторовъ къ тому, «чтобы и жизнь народа, труды, имъ понесенныя въ дѣлѣ устроенія государства и выполненія его важнѣйшихъ задачъ,

были изображены со всей необходимой полнотой», мы этой «жизни народной» совершенно не нашли. Вѣрнѣе она абсолютно отсутствует или выступаетъ въ рѣдкихъ случаяхъ въ качествѣ почти безмолвнаго статиста. Объ этомъ народѣ буквально только упомянуто въ 1812 г., напоминая о немъ въ царствованіе Анны Иоанновны, вскользь скажутъ о «бунтовщикахъ» при Пугачевѣ и немного болѣе на зарѣ новой династіи—въ эпоху разрухи и послѣдующіе годы. (Статьи Платонова и Прѣснякова). Какъ-то даже странно послѣ предисловія такое полное игнорированіе всѣхъ явленій народной жизни. Итакъ, въ этомъ отношеніи книга совершенно не оправдываетъ чаяній, которыя имѣетъ право, казалось бы, питать читатель. Мы не будемъ упрекать авторовъ за то, что они хотѣли «возвеличить начало личности исторіи въ ущербъ изученія жизни народной». Мы съ своей стороны склонны признавать за личностью большую роль въ исторіи. И напрасно бояться этихъ упрековъ. Но если специалисты по русской исторіи, объединившіеся въ этомъ изданіи, думаютъ, что они дали «связное и полное обозрѣніе исторіи Россіи за триста лѣтъ», то это какое-то непонятное заблужденіе... Второй тезисъ предисловія — «историческая истина». Въ подробныхъ юбилейныхъ изданіяхъ, какъ намъ кажется, очень трудно излагать вопросы «съ надлежащей научностью и полнотою». Но для специалистовъ, конечно, все возможно. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ пониманіе «исторической истины» участниками коллективнаго труда способно вызвать нѣкоторыя недоумѣнія (конечно, у читателя, который не относится къ числу «серьезныхъ»). Конечно, авторы многихъ статей обладаютъ огромной эрудиціей въ своей области, и ихъ статьи написаны съ присущимъ нѣкоторымъ изъ нихъ мастерствомъ: таковы, напр., статьи проф. Платонова или проф. Богословскаго. Правда, какъ извѣстно уже читателямъ «Голоса Минувшаго», далеко не всѣ точки зрѣнія проф. Платонова могутъ быть признаны за несомнѣнную научную истину (по вопросу, напр., объ избраніи Михайла Ѳеодоровича). Мы лично, напр., совершенно несогласны и съ обычной характеристикой царя Алексѣя, какъ человѣка безвольнаго (Платоновъ, I, 87), что опровергается всей ролью Алексѣя въ церковной реформѣ; не согласимся и съ тѣмъ, что самодержавіе было политической необходимостью для Московскаго государства XVII в. (Платоновъ и Прѣсняковъ, I, 108) и т. д. Но, къ сожалѣнію, истину опредѣлить легко только въ предисловіи... Въ статьѣ проф. Богословскаго, сильно преувеличивающаго, по нашему мнѣнію, значеніе реформъ Петра, удивляетъ, между прочимъ, отсутствіе характеристики Петра, вопреки принятому плану, хотя, казалось бы, именно Петръ и заслуживалъ бы цѣльной характеристики: все-таки это былъ самый крупный человѣкъ на протяженіи истекшихъ триста лѣтъ. Нѣкоторыя истины легко могутъ быть оспариваемы и у проф. Богословскаго: напр., изложеніе такъ называемыхъ преній о вѣрѣ 5 мая 1682 г. — здѣсь у автора явно односторонніе источники. Истина можетъ быть оспариваема и въ статьѣ г. Вознесенскаго, посвященной Аннѣ Иоанновнѣ. Еще недавно въ № 1 «Голоса Минувшаго» А. А. Кизеветтеръ излагалъ статью В. Реке о «Кондиціяхъ», напечатанную въ прошломъ году въ журналѣ Шимана и оспаривающую положеніе о шведскомъ источникѣ «пунктовъ», на чемъ стоитъ г. Вознесенскій (I, 334). Едва ли приходится говорить, какъ объ истинѣ, о томъ, что партія самодержавія въ 1730 г. была «особенно сильна тѣмъ, что владѣла народнымъ сочувствіемъ». Это совершенно не отвѣчаетъ фактамъ (I, 339). Г. Вознесенскій становится въ противорѣчіе съ авторомъ послѣдующей статьи прив.-доц. Готье. Послѣдній отвергаетъ «преданіе», что «будто переворотъ 1741 года произошелъ при

участіи и помощи иностранныхъ державъ»; по его мнѣнію, «переворотъ этотъ былъ чисто внутреннимъ русскимъ дѣломъ и произведенъ былъ только *русскими* руками». Авторъ предшествующей статьи не склоненъ это преданіе относить къ числу «сплетенъ». Въ этомъ, думается, онъ правъ. Но затѣмъ г. Вознесенскій рассказываетъ о заговорѣ, устроенномъ въ 1756 г. «при посредствѣ прусскаго короля Фридриха II среди русскихъ раскольниковъ», дабы возвести на престолъ Іоанна Антоновича. Это только и побудило, по мнѣнію автора, заключить «несчастнаго ребенка» въ Шлиссельбургъ подъ именемъ «колодника безымяннаго». Едва ли, однако, можно говорить по поводу какого-то «общиннаго заговора» на основаніи доноса, послѣдовавшаго на пасадакаго челоуѣка Зубарева и его показаній въ тайной канцеляріи. (См. бумаги, собранныя К. Н. Арсеньевымъ и опубликованныя акад. Пекарскимъ въ 1872 г. въ IX т. «Сб. Отд. рус. яз. Им. Ак. Н.»). Не знаю, можно ли такъ рѣшительно утверждать, какъ дѣлаетъ это г. Чечулинъ, что катастрофа съ Петромъ III, т.-е. его убійство, произошла «совершенно неожиданно». По мнѣнію г. Чечулина, это «неоспоримо доказано». Такого рода «юбилейныя» неточности можно отмѣтить и во всемъ послѣдующемъ изложеніи почти всѣхъ авторовъ. Напр., способно вызвать нѣкоторое удивленіе утвержденіе г. Середонина, что политика Александра I была всегда «антидворянская», что даже Священный союзъ велъ къ уменьшенію значенія дворянства (II, 221). Нѣсколько подивится читатель, хоть немного знающій русскую исторію, что 30 и 40 гг. прошлаго столѣтія были чуть ли не медовыми мѣсяцами русскаго просвѣщенія и русской науки. Въ такомъ духѣ будетъ вестись и послѣдующее изложеніе. Русскіе историки признаютъ даже и университетскій уставъ 1834 г. прогрессомъ въ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія. Что же касается крупныхъ общественныхъ движеній въ Россіи, которыхъ вскользь затрагиваютъ авторы, то здѣсь уже совсѣмъ неблагополучно, особенно по мѣрѣ приближенія къ концу столѣтія. Въ заключеніе авторы или редакторъ еще разъ повторили, что они все изложили «съ полной правдивостью и на основаніи документовъ, дающихъ возможность научно изображать прошлое» (II, 356). Думаю, что всякій безпристрастный читатель съ этимъ не согласится, хотя и признаетъ, конечно, что въ статьяхъ, написанныхъ нѣкоторыми специалистами, можно найти и немало интереснаго.

С. Мельгуновъ.

Эдгаръ Мартини. «Исторія римской литературы». Пособіе для студентовъ-филологовъ и преподавателей латинскаго языка. Переводъ и дополненія К. Тюлеліева. Часть I. Литература республики. С.-П. 1912.

Книга Мартини не только вполне удовлетворяетъ своему главному назначенію, какъ пособіе для студентовъ и преподавателей, но и представляетъ значительный интересъ для прямыхъ специалистовъ по римской литературѣ.

При выдающемся знаніи текста литературныхъ памятниковъ и обширной начитанности въ огромной разноязычной ученой литературѣ, пмъ посвященной,—авторъ вполне владѣетъ такими областями знанія, безъ которыхъ трудно обходиться современному историку литературы: мы разумѣемъ, напр., философію, общую исторію и право ¹⁾; и если харак-

¹⁾ Нѣсколько слабѣ лингвистическая часть книги. Такъ, напримѣръ, въ популярномъ руководствѣ лучше было бы не предлагать читателю (стр. 27 перевода) завѣдомо неудачное производство *Fascennini* отъ *fascinum* съ столь же неудачными ссылками на латинскую лингвистическую грамматику Зоммера.

теристики отдѣльных писателей и произведеній покажутся не всегда достаточно яркими, то, съ другой стороны, общіе руководящія культурно-историческіе очерки (напр., III: Эллинизмъ въ Римѣ, или VII: общія замѣчанія о прозѣ, или VIII: общая характеристика золотого вѣка) заслуживаютъ похвалы за свою обстоятельность и даже мѣткость.

Отмѣтимъ, однако, кое-какіе спорные пункты, недосмотры и шереховатости, вызванныя отчасти большою сжатостью изложенія.

Напр., нужны ли, безъ оговорокъ, повторять черезчуръ категорическое сужденіе Момзена о политическомъ и нравственномъ упадкѣ аѳинскаго общества IV и III вв. до Р. Х., изображеннаго въ новоаттической бытовой комедіи, главой которой былъ Менандръ? (V, § 16, стр. 78 перевода). Какъ ни благодушно (а, м.-б., просто объективно) относились эти комики къ отрицательнымъ явленіямъ повседневной жизни, все-таки въ ихъ произведеніяхъ довольно ярко проступаетъ проповѣдь гуманности въ семейной и соціальной жизни... (ср. наши «Очерки по римской исторіи и литературѣ». С.-Птб. 1907, стр. 11 слѣд.).

Другой примѣръ: въ вѣсковой характеристикѣ политическихъ условій и ихъ вліянія на литературу золотого вѣка (VIII, § 31, стр. 210 перев.) сказано, что развитію поэзіи въ ущербъ прозѣ,—въ эпоху имперіи—содѣйствовала, между прочимъ, вся психика времени: «утомленное вѣчной политикой, общество особенно заинтересовалось искусствомъ и идеальными сторонами жизни». Такое многозначашее и растяжимое понятіе, какъ «идеальный», врядъ ли удобно въ рамкахъ краткой и отвѣтственной характеристики: вѣдь уже въ концѣ республики люди, какъ Катонъ и Цицеронъ, жаловались на это увлеченіе искусствомъ, какъ на проявленіе полнаго общественно-политическаго абсентеизма и узко-эгоистическаго, отчасти крайне пошлаго эстетизма...

Въ этюдѣ о краснорѣчьи (VII, § 29, стр. 188 перевода) указано, какъ въ 2-омъ вѣкѣ до Р. Х. въ Римѣ приобрѣло много сторонниковъ греческое малоазійское краснорѣчіе съ его изнѣженностью (*Verweichlichkeit*, у г. Тюлеліева неточно: «мягкостью») и безсодержательнымъ (*hohlem*) пафосомъ; и тутъ же, безъ оговорокъ, въ числѣ этихъ сторонниковъ названъ Гай Гракхъ, въ отрывкахъ изъ рѣчей котораго чувствуется много суровости и могучаго темперамента...

Отмѣчу еще очевидный *lapsus linguae* (перешедшій и къ переводчику VIII, § 32, стр. 213): извѣстный дѣятель и историкъ конца республики и начала имперіи Азиній Полліонъ одержалъ триумфъ не надъ *парянами* (въ то время они были еще очень грозными для римлянъ), но надъ *парянами*, жившими въ Далмаціи.

Русскій переводчикъ отнесся къ своей задачѣ старательно, но мѣстами его переводъ и тяжеловатъ и шереховатъ: такъ, непріятно для слуха слишкомъ частое употребленіе канцелярскаго слова «касательно»; не считаемъ удобнымъ систематически называть согражданъ огромнаго государства «земляками»; вм. неологизма «квантитатная метрика» мы давно говоримъ «квантитативная»; можно было бы избѣгнуть (стр. 328). явнаго германизма «разсматривается *сквозь очки партіи*»; курьезно также звучитъ буквальный переводъ съ нѣмецкаго на стр. 222: «Цицеронъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей талантомъ и понятливостью: это они сами признавали, уступая ему почетное мѣсто въ *серединѣ*».

Но, конечно, важнѣе такіе недочеты перевода, которые порождаютъ или неясность, или прямую неточность.

На стр. 347 значится (съ ссылкой на *Ovid. Trist.*, II, 443), что историкъ Сизенна, между прочимъ, перевелъ «скользіе» Милетскіе рассказы Аристиды. Стоящее въ оригиналѣ «*schlupfrig*» значитъ не только «скольз-

кій», но и, напр., «соблазнительный», что и шло бы къ квалификаціи этихъ порнографическихъ разсказовъ. То же извлекъ бы переводчикъ и изъ цитированнаго мѣста Овидія: оправдываясь передъ Августомъ по обвиненію въ сочиненіи и распространеніи опасныхъ для римскаго общества порнографическихъ поэмъ, Овидій говоритъ, что во времена республики не карались гораздо болѣе зазорныя произведенія, чѣмъ его *Ars amatoria: vertit Aristiden Sisenna, nec obfuit illi historiae turpes inseruisse iocos.*

Неясна въ русскомъ переводѣ (стр. 328) общая характеристика знаменитой, очень жизненной исторіографіи конца римской республики: «Историческая литература нашего періода носитъ однородный характеръ благодаря сильному политическому потрясенію, которое вызвало ее». Въ нѣмецкомъ оригиналѣ сказано: «своеобразный отпечатокъ (ein eigenartiges Gepräge) получаетъ историческая литература нашего періода благодаря сильному политическому налету (или закваскѣ) (Einschlag), который она на себя обнаруживаетъ».

Еще отвѣтственнѣе ошибка на 174 стр.: «Во времени Цицерона лишь немногіе читали Катона по причинѣ его устарѣлости и грубой внѣшней формы. Между читателями Цицеронъ называетъ особенно Саллюстія, которому языкъ Катона нравился и казался достойнымъ подражанія». Цицеронъ не могъ ссылаться на Саллюстія уже потому, что Саллюстій выступилъ на поприще литературной дѣятельности (и въ частности заявилъ себя поклонникомъ Катона Старшаго) послѣ смерти Цицерона. Переводчикъ упустилъ изъ виду, что стоящій въ оригиналѣ глаголъ «zählen» значить не только «причислять», но и «принадлежать къ числу». Въ оригиналѣ просто и вѣрно: «Къ числу этихъ (т.-е. немногихъ читателей Катона) принадлежитъ, на ряду съ Цицерономъ (zu diesen zählt neben Cicero), особенно Саллюстій, которому нравился и казался достойнымъ подражанія прерафаэлитическіе элементы стиля Катона».

Въ общемъ, повторяемъ, книга проф. Мартини очень полезна, и можно только пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ—и въ оригиналѣ и въ переводѣ—ея окончанія, т.-е. исторіи римской литературы временъ имперіи.

М. М. Покровскій.

Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Е. В. Пѣтухова, профессора Императорскаго Юрьевскаго университета. Древній періодъ: I. Введеніе.—II. Древнѣйшая эпоха.—III. Средніе вѣка.—IV. Переходное время. 2-ое изд. просм. и дополн. Юрьевъ. 1912 г. Ц. 4 р. (стр. XXXII—496).

Первое изданіе труда проф. Е. В. Пѣтухова вышло въ 1911 г.; быстрое появленіе новаго изданія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ книги среди читателей. Присужденіе же автору Академіею Наукъ большой преміи (имени гр. Д. А. Толстого) и почетной золотой медали (Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ за 1912 г., стр. 18) говоритъ о солидныхъ ученыхъ достоинствахъ сочиненія. Но по поводу того хорошаго, что есть, хочется высказать, чего еще нѣтъ у автора, но что хотѣлось бы видѣть у него, соответственно той цѣли, какую онъ себѣ намѣтилъ: «книгу свою предназначаю я,—говоритъ проф. Пѣтуховъ,—главнымъ образомъ, университетскому юношеству, какъ; пособіе къ лекціямъ, и кругу тѣхъ читателей, которые могли бы посмотреть на нее какъ на пособіе къ самообразованію» (отъ автора, стр. III—IV; цитаты по 2-му изданію).

Авторъ «не ставитъ передъ собой задачъ *монографическаго* изслѣдованія» (тамъ же),—однако книга какъ разъ и вышла *монографіей*, хотя и весьма сложнаго состава, правильнѣе—цѣлой системой монографій объ отдѣльныхъ памятникахъ литературы или ихъ группахъ.

Проф. Пѣтуховъ «поставилъ себѣ цѣлью изложеніе только книжной словесности, совершенно оставивъ въ сторонѣ т. наз. народную, вѣрнѣе, устную словесность» (тамъ же), а изъ области книжной словесности устранилъ памятники литературы переводной, невзирая на все значеніе этихъ памятниковъ въ исторіи нашей литературы, ограничившись нѣсколькими замѣчаніями въ главѣ 7, отдѣлъ I (стр. 68—73), и немногими страницами въ отдѣлѣ III (стр. 320—342).

Трудно согласиться съ мотивами нашего автора, почему имъ оставлено въ сторонѣ изложеніе памятниковъ устно-народной поэзіи: «Примѣняемые въ настоящее время методы изученія этой послѣдней, характеръ заключающагося въ ней матеріала и основныя задачи ея научной разработки дѣлаютъ невозможнымъ ставить устную словесность въ рамки особаго отдѣла, хронологически предшествующаго литературѣ. Устная словесность должна быть предметомъ особаго, самостоятельнаго изложенія», говоритъ онъ (стр. IV). Что касается методовъ, то профессору, думается, какъ разъ и было бы умѣстно воспользоваться всѣмъ разнообразіемъ методологическихъ средствъ изученія словесныхъ произведеній, чтобы дать поучительный образчикъ студенту или читателю, ищущему самообразованія. Въ виду того, что зарожденіе и значительное развитіе русской устно-народной словесности уже въ очень отдаленную языческую, до-христіанскую эпоху—фактъ несомнѣнный, съ изложеніемъ этого факта и приходится начинать изображеніе литературнаго процесса на русской почвѣ,—съ тѣмъ, чтобы констатировать нарушеніе органическаго развитія этого процесса въ IX вѣкѣ вліяніемъ такого могучаго факта, какимъ было христіанство, принесшее съ собою на Русь новыя начала просвѣщенія и литературы и цѣлую бібліотеку памятниковъ (переводныхъ, юго-славянскихъ), ставшихъ авторитетными источниками для заимствованій, извлеченій, подражаній и возбудившихъ начатки собственной русской книжности не изъ началъ національной старины и не какъ продолженіе прежняго поэтическаго творчества, а, напротивъ, часто въ жестокомъ антагонизмѣ съ нимъ. Наша народная словесность имѣла свою исторію,—и историческаго очерка ея должно ждать лишь отъ знатока нашей древней литературы, въ памятникахъ которой только и находимъ фактическіе слѣды древней народной поэзіи; нѣтъ ни возможности, ни основанія втискивать обзоръ устно-народной словесности «въ рамки особаго отдѣла, хронологически предшествующаго литературѣ», но историческій очеркъ устной поэзіи необходимо долженъ открывать собой и сопровождать обзоръ явленій древней литературы,—иначе поневолѣ останется недостаточно отчетливо и ярко представленнымъ генезисъ, напр., такихъ памятниковъ, какъ Слово о полку Игоревѣ (см. особенно стр. 55), въ основу поэтики котораго легла поэтика народная, снабдившая творческую фантазію автора Слова образами и красками изъ богатой сокровищницы творчества устно-народнаго. Объ этой народной поэтикѣ, вліяніе которой сказывалось въ такихъ яркихъ фактахъ литературы, проф. Е. В. Пѣтуховъ отказался сообщить что бы то ни было.

Чувствительный пробѣлъ составляетъ опущеніе проф. Е. В. Пѣтуховымъ, въ 1-мъ изданіи его труда, обзора переводной литературы.

Признавая самъ апокрифы, какъ «одинъ отдѣлъ среди переводныхъ произведеній, литературная цѣнность котораго весьма велика» (стр. 69),

проф. Пѣтуховъ, давъ нѣсколько замѣчаній изъ исторіи индекса ложныхъ книгъ, о самыхъ апокрифахъ не сообщаетъ рѣшительно ничего. Игнорируетъ совершенно нашъ авторъ и отдѣлъ переводныхъ произведеній не меньшей литературной цѣнности — древнерусскую беллетристику, какъ повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, «Девгеніево дѣяніе» и проч.; о переводныхъ повѣстяхъ позднѣйшаго времени (XVII в.), о «Великомъ Зерцалѣ», «Римскихъ Дѣяніяхъ», рыцарскихъ романахъ и т. д., проф. Пѣтуховъ, однако, говоритъ (стр. 325 и слѣд.), отступая такимъ образомъ отъ своего принципа — касаться лишь *оригинальныхъ* русскихъ памятниковъ.

Слишкомъ скуныя сообщенія о переводной литературѣ грозятъ произвести на недостаточно подготовленнаго и освѣдомленнаго читателя (на какого, однако, книга и рассчитана) впечатлѣніе, будто русская публика только и обязана своимъ сосѣдямъ «ложными» книгами да группой духовныхъ и свѣтскихъ повѣстей и романовъ, проникшихъ къ намъ въ XVII вѣкѣ.

Пробѣлъ этотъ нашъ авторъ во 2-мъ изданіи книги пытается заполнить «вводными замѣтками» (стр. V — XXXII); эту вводную часть сочиненія онъ «совершенно передѣлалъ», говоритъ онъ (стр. III), сравнительно съ 1-мъ изданіемъ, — вѣрнѣе, значительно дополнилъ. На двѣнадцати страницахъ среди вводныхъ замѣтокъ (стр. XIV—XXVI) нашъ авторъ даетъ краткіе отвѣты на вопросы: а) «Что представляла собою та совокупность духовныхъ особенностей русскаго народа, которая дала начало его литературѣ?» Авторъ сознается, что «этотъ вопросъ легче поставить, нежели дать на него опредѣленный отвѣтъ» (стр. XIV — XV); б) о языкѣ: «Не менѣе труднымъ представляется и вопросъ о русскомъ языкѣ къ началу письменности» (стр. XV); в) о природѣ и исторической обстановкѣ жизни русскаго народа (стр. XVI); г) о воздѣйствіяхъ со стороны азіатскаго востока (стр. XVI — XVII); д) о вліяніи Византіи (стр. XVII—XXI); распространеніи христіанства на Русь, «двоевѣріи» (характеристика стараго русскаго язычества совершенно, впрочемъ, отсутствуетъ, и потому замѣчаніе о «двоевѣріи», крайне сжатое, дѣлается совершенно мимоходомъ), отношеніи къ «латинянамъ», наконецъ (стр. XXI), о византійскомъ вліяніи въ области книжнаго просвѣщенія и литературы; «дряхлѣющій государственный организмъ Византіи» явно антипатиченъ нашему автору; назвавъ рядъ византійскихъ авторовъ и сочиненій («которыхъ здѣсь нѣтъ возможности перечислить сколько-нибудь подробно», говоритъ онъ), проникшихъ въ переводахъ на русскую почву, онъ высказываетъ совершенно отрицательный взглядъ на значеніе этихъ возбудителей русской письменности: «Только необычайной жизнеспособностью, живою впечатлительностью и вообще запасомъ природныхъ умственныхъ и душевныхъ ресурсовъ объясняется то, что на ряду съ этой *безконечной веренищей тяжелаго литературнаго багажа* (переводной литературой византійскаго происхожденія) мы можемъ наблюдать, въ качествѣ продуктовъ русской литературной мысли древняго періода, также и самостоятельныя произведенія, отвѣчавшія реальнымъ потребностямъ русской жизни... «Этотъ огромный потокъ чуждыхъ литературныхъ произведеній подавлялъ русскаго читателя и книжника, едва справлявшагося съ ними при самыхъ скудныхъ условіяхъ просвѣщенія, — говоритъ проф. Пѣтуховъ, — какъ будто эти произведенія насильно навязывались русскимъ читателямъ, а не сами эти читатели «яко пчела падая по различнымъ цвѣткамъ, — по многимъ книгамъ избирая сладость словесную и разумъ» (Даніилъ Заточкинъ) тянулись къ этимъ единственнымъ тогда доступнымъ источникамъ просвѣщенія и подражанія; этимъ выраженіемъ

своего отрицательного взгляда на византийскую основу нашей древней книжности и ограничивает свою замѣтку по этому вопросу нашъ авторъ, стараясь подкрѣпить себя ссылками на Буслаева, Б.-Рюмина, Пыпина и О. Э. Миллера и высказывая въ примѣчаніи свое сожалѣніе, что «мы до сихъ поръ не имѣемъ труда, который бы заключалъ въ себѣ по возможности исчерпывающій общій обзоръ всѣхъ фактовъ вліянія Византіи на ходъ русской литературы древняго періода» (стр. XXI, XXIII — XXIV); е) о вліяніи западно-европейскомъ (стр. XXII): высказывается самое общее замѣчаніе и дѣлается ссылка на извѣстную книгу А. И. Соболевскаго «Переводная литература Московской Руси» и др. сочиненія; ж) такое же общее замѣчаніе дѣлается и о посредствѣ южныхъ славянъ (болгарь и сербовъ) между Русью и Византіей (стр. XXIV, XXVI); з) о посредствѣ же славянъ западныхъ авторъ нашъ шель возможнымъ ограничиться словами: «Роль польскаго и отчасти чешскаго посредничества въ передачѣ на русскую литературную почву продуктовъ западнаго литературнаго вліянія (?) въ XVI — XVII вв. настолько очевидна, что едва ли является необходимость говорить здѣсь о немъ особо» (стр. XXVI); зато въ дальнѣйшемъ этому вопросу посвящена цѣлая особая глава (III, Б. 9, стр. 320 — 324): *Литературныя теченія съ запада. Посредничество Сербіи и Далмаціи. — Роль Чехіи и Польши. — Польское литературное вліяніе и его характеръ*. Думается, что не худо было бы помѣстить на своемъ мѣстѣ также особую главу и о литературныхъ теченіяхъ изъ Византіи черезъ Болгарію, Сербію и непосредственно, — и тогда указанный пробѣлъ былъ бы заполненъ болѣе существенно, чѣмъ краткими вводными замѣтками.

Отъ всей души привѣтствуя опытъ проф. Пѣтухова дать объективно-научный курсъ исторіи русской литературы, чуждый публицистической окраски, какою мѣстами грѣшитъ извѣстная книга покойнаго акад. А. Н. Пыпина, мы не можемъ, однако, признать этотъ опытъ вполне удачнымъ въ цѣломъ, въ виду указанныхъ дефектовъ. Исторію литературы мы понимаемъ какъ науку, дающую изображение эволюціи творческой продуктивности въ области словеснаго искусства, изслѣдующую и изучающую содержание, источники и основы этой продуктивности, литературныя формы, генезисъ литературныхъ произведеній, опредѣляющую мѣсто каждаго въ эволюціонномъ движеніи и рядѣ, рисующую ихъ жизнь и трансформации, наконецъ — ставящую своей задачей представить весь генезисъ литературы въ зависимости отъ всѣхъ тѣхъ условій и вліяній, какія могли и могутъ оказывать свое воздѣйствіе на возникновеніе литературныхъ произведеній. Одного обзора «главнѣйшихъ» литературныхъ явленій недостаточно. Строго научной системы движенія русской литературы до сихъ поръ еще не построено; опредѣленной формулы ея исторіи, всего со-вершающагося въ этой области литературнаго процесса, не установлено. Положимъ, многія детали этой исторіи еще не выяснены, — возможно, что за утратой подлежащихъ матеріаловъ и никогда не будутъ выяснены; однако общіе контуры и черты процесса уже намѣтились съ достаточной опредѣленностью, — ихъ и необходимо зарисовать въ общемъ курсѣ литературы: разработка деталей измѣнитъ кое въ чемъ рисунокъ, но при наличности его самое изученіе деталей получаетъ болѣе глубокий смыслъ.

Стремиться къ этому идеалу, къ установленію строго научной формулы исторіи русской литературы, пользуясь всѣмъ богатствомъ методологическихъ средствъ и приемовъ, какими располагаетъ современная наука — вотъ настоящая цѣль историографа нашей словесности. И думается, что эта цѣль достижима, если не единоличнымъ трудомъ,

то хотя бы совокупными усилиями, путемъ интенсивнаго обмѣна мнѣній, взаимной провѣрки, объективной, безстрастной, откровенной критики: Amicus Plato, magis amica veritas.

Вл. Рязановъ.

Фридрихъ Максимилианъ Клингеръ: «Жизнь, дѣянія и гибель Фауста». Переводъ съ нѣмецкаго со вступительной статьей и примѣчаніями А. Лютера. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. Москва. 1913 г.

Романъ извѣстнаго «штюрмера» Клингера заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, вниманія русскаго читателя какъ потому, что авторъ былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей той «литературной революціи» послѣдней четверти XVIII в., которая извѣстна подъ названіемъ Sturm und Drang'a, такъ и потому, что его «Жизнь Фауста» особенно наглядно доказываетъ, что эта «литературная революція» была на самомъ дѣлѣ революціей социальна-политической, лишь облеченной въ литературную форму. Интеллигентный пролетарій по положенію, испытавшій на самомъ себѣ всѣ неприглядныя стороны сословно-дворянскаго строя Германіи, Клингеръ отвелъ въ своемъ романѣ критикѣ общественной дѣйствительности гораздо больше мѣста, чѣмъ Гёте въ своей поэмѣ о Фаустѣ, да и звучитъ эта критика куда рѣзче и смѣлѣе. Между тѣмъ, какъ герой Гёте скорѣе кабинетный ученый, лишь постепенно превращающійся въ строителя новаго общества, герой Клингера выступаетъ съ самаго начала, какъ бунтовщикъ противъ современныхъ ему социальна-политическихъ условій. Талантливый изобрѣтатель книгопечатанія, онъ обреченъ съ семьей на голодъ и безвѣстность, и его неотвязно «грызетъ» мысль, почему «умный и способный человѣкъ всюду въ бѣдѣ и нищетѣ, тогда какъ подлецы и дураки богаты и счастливы». За разрѣшеніемъ этого вопроса Фаустъ обращается къ дьяволу, и тотъ показываетъ ему міръ, каковъ онъ есть, знакомитъ съ жизнью всѣхъ европейскихъ странъ. Фаустъ видитъ, что всюду одни угнетаютъ, другіе обречены на рабство, и въ немъ вспыхиваетъ ярая ненависть къ Творцу, создавшему такой несовершенный міръ. Если принять во вниманіе, что черезъ весь романъ Клингера проходитъ къ тому же красной нитью безпощадная критика абсолютизма (французскаго, англійскаго и нѣмецкаго), феодальныхъ привилегій и католической церкви (картина двора папы Александра VI), то можно сказать безъ преувеличенія, что «жизнь Фауста» родилась по существу изъ того же духа, изъ котораго выросла во Франціи великая декларация правъ. Въ противоположность французскому tiers état нѣмецкое бюргерство было, однако, въ силу экономической отсталости страны еще не подготовлено для политической революціи, и эта незрѣлость наложила яркій отпечатокъ на духовную физиономію героя Клингера. Фаустъ не только дѣлаетъ отвѣтственнымъ за всѣ недочеты социальнаго организациі не опредѣленный классъ, а Бога, но и все болѣе проникается убѣжденіемъ, что деспотизмъ и рабство не слѣдствія преходящихъ внѣшнихъ условій, а *вѣчны*, такъ какъ коренятся въ самой человѣческой природѣ. Къ подобному пессимистическому выводу легко могъ прийти именно нѣмецкій интеллигентъ-революціонеръ, такъ какъ абсолютизмъ и феодализмъ были въ Германіи конца XVIII в. еще такъ крѣпки, что, казалось, имъ не будетъ конца. По мѣрѣ того, какъ въ героѣ Клингера крѣпнеть это пессимистическое убѣжденіе, онъ все болѣе раскаивается въ своемъ бунтѣ противъ общественной дѣйствительности и противъ Творца вселенной и все болѣе склоняется подобно Кандиду Вольтера къ той мысли, что назначеніе человѣка—«терпѣть, вѣрить, надѣяться», что счастье въ томъ, чтобы

просто и честно исполнять свои обязанности, свой скромный будничныи трудъ. Если конецъ романа такъ мало гармонируетъ съ его началомъ, если бунтовщикъ-титанъ готовъ обратиться въ простого обывателя, то въ этомъ паденіи героя виноватъ не столько авторъ, а скорѣе та историческая ситуація, въ которой находилось нѣмецкое бюргерство конца XVIII в. и его передовой авангардъ—демократическая интеллигенція. Всякому, кто хотѣлъ бы вновь пересмотрѣть вопросъ объ истинной сущности нѣмецкой «литературной революціи», извѣстной подъ названіемъ Sturm und Drang'a, романъ Клингера окажетъ немалую услугу. Нѣкоторые его эпизоды еще и теперь читаются съ интересомъ, подкупая своей бурной страстностью и мрачной энергіей. Во вступительномъ очеркѣ г. Лютера читатель найдетъ данныя о жизни и дѣятельности Клингера, а для специалиста чрезвычайно цѣнны примѣчанія, которыми снабженъ переводъ: въ нихъ указаны, между прочимъ, измѣненія, внесенныя авторомъ во вторую редакцію романа, появившуюся уже послѣ французской революціи 1794 г., на которую въ романѣ имѣется намекъ (стр. 67).

В. Фриче.

Г. Вельфлинъ. «Классическое искусство». Съ предисл. проф. О. Зѣлинскаго; переводъ А. Константиновой и В. Невѣжиной. СПб. 1912 г.

Всякій любитель искусства, вѣроятно, былъ сильно обрадованъ извѣстіемъ о выходѣ въ свѣтъ русскаго перевода книги Вельфлина «Классическое искусство». Каково же должно было быть его разочарованіе, когда онъ увидѣлъ этотъ громоздкій и тяжелый томъ съ массой отвратительныхъ иллюстрацій, притомъ совершенно недоступный по цѣнѣ средней читающей публикѣ. Такъ хотѣлось бы привѣтствовать изданіе этой прекрасной работы, которое положило бы начало назрѣвающей у русскаго публики потребности въ серьезной литературѣ по исторіи искусства, и такъ обидно, что первая же попытка въ этомъ направленіи закончилась такимъ печальнымъ недоразумѣніемъ. А переводъ Вельфлина нельзя назвать иначе какъ недоразумѣніемъ. Ибо какъ объяснить, что небольшая, въ форматѣ учебника, но удивительно изящно изданная, книга Вельфлина превращается въ «роскошный» альбомъ картинъ, исполненныхъ съ вопіющимъ безвкусіемъ? Какъ будто нарочно всѣ условія подобраны такъ, чтобы лишить всякаго значенія выходъ въ свѣтъ книги Вельфлина.

Въ задачи Вельфлина вовсе не входило выработать принципы оцѣнки, создать критерій для качественной квалификаціи художественныхъ произведеній. Формальный анализъ Вельфлина, доведенный имъ до крайнихъ предѣловъ, это — рѣзко выраженный результатъ реакціи противъ культурно-историческаго, идейнаго метода, противъ неограниченнаго владычества «содержанія», служившаго для предшественниковъ Вельфлина главнымъ объектомъ изученія.

Въ книгѣ Вельфлина, несмотря на ея общедоступный языкъ и дидактическій тонъ, часто звучатъ ноты чисто партійныя, полемическія. И тѣмъ интереснѣе она должна быть для русскаго читателя, такъ какъ вводитъ его сразу въ центръ научной работы Запада, показываетъ ему кипучую атмосферу интересовъ и увлеченій современнаго историка искусства. Книга Вельфлина глубоко субъективна, несмотря на извѣстный налетъ популяризаціи, несмотря на склонность автора подкрѣплять свои наблюденія физиологическимъ аппаратомъ. И въ этомъ ея главная цѣнность, что она знакомитъ насъ не столько съ основнымъ методомъ исторіи искусства, съ формальнымъ анализомъ, сколько съ наиболѣе оригинальнымъ его истолкователемъ.

Къ сожалѣнію, переводъ г-жъ Константиновой и Невѣжиной совершенно не передаетъ всего своеобразнаго обаянія, всей увлекательной убѣдительности Вельфлиновскаго стиля. Главныя старанія переводчицъ, видимо, направлены были на то, чтобы успѣшно проламинировать между подводными камнями трудной и опасной терминологіи нѣмецкаго ученаго, составляющей, однако, основную цѣнность его работы. Благодаря этому переводъ, при всей своей литературности, производитъ неблагоприятное впечатлѣніе. Пропускъ въ переводѣ многихъ словъ, такъ типичныхъ для Вельфлина, какъ *volumen*, *scheibe*, *viertelpilaster*, *umzu-legen* (въ характеристикѣ молодого Рафаэля), приблизительный и часто даже весьма отдаленный переводъ важныхъ понятій, какъ *Beurtheilung* черезъ оцѣнка, *Folie* — рамка, *Durchlöcherung* — глубокая разработка камня,—все это позволяетъ переводчицамъ избѣгать грубыхъ ошибокъ, но зато и безнадежно удаляетъ ихъ отъ оригинала.

Особаго замѣчанія заслуживаютъ иллюстраціи. Большую небрежность, я бы сказалъ, прямо безпардонность, трудно себѣ представить. Я уже не говорю о томъ, что погоня за «роскошностью» побудила издателей подарить книгу цѣлымъ рядомъ приторно-неудачныхъ цвѣтныхъ фотографій. Но трудно найти оправданіе для другихъ своевольныхъ поступковъ издателей, часто раздражающихъ элементарное эстетическое чувство. Зачѣмъ понадобилось давать фотографіи скульптурныхъ памятниковъ съ другихъ точекъ зрѣнія, чѣмъ тѣ, которыя выбраны у Вельфлина (особенно поражаетъ это въ «Аполлонѣ» изъ *Bargello*, такъ какъ въ русскомъ изданіи теряется всякій смыслъ его сопоставленія съ Давидомъ)? Чѣмъ объясняется перетасовка фотографій, создающая невообразимую путаницу впечатлѣній, изъ которой трудно выбраться неподготовленному читателю? Наконецъ особенно неприятно стремленіе издателей къ колоссальности, которое заставляетъ ихъ произвольно давать фотографіи не цѣльныхъ картинъ, а отдѣльныхъ фрагментовъ (напримѣръ, Св. Семейство Микель Анджело).

Б. Випперъ.

Александръ Бенуа. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Изд. «Шиповникъ». Выпуски 1, 2, 3, 4, и 5.

Передъ нами только первый томъ этого большого труда; даже отдѣлъ, посвященный пейзажу, далеко еще не законченъ. Но и по 5-ти первымъ выпускамъ можно уже до нѣкоторой степени судить о характерѣ изданія.

По плану автора «Исторія живописи» будетъ раздѣлена на четыре самостоятельныя части, заключающія исторію пейзажа, портрета, живописи бытовой и идейной. Методъ изложенія, такимъ образомъ, не хронологическій, а предметный; онъ облегчаетъ для читателя усвоеніе матеріала, придавая содержанію внутреннюю связность. Главное неудобство его въ неизбѣжномъ расчлененіи описываемыхъ произведеній искусства; выдѣляется одна сторона, разбираемая отдѣльно отъ цѣлаго. Автору поэтому приходится постоянно прибѣгать къ оговоркамъ, отступать отъ темы, дѣлая ссылки на то, что дано будетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Говоря о самыхъ крупныхъ художникахъ, г. Бенуа не можетъ обойтись безъ общихъ характеристикъ и, очевидно, не безъ намѣренія отводить въ своемъ изложеніи послѣднее мѣсто самому значительному отдѣлу — живописи идейной, въ которой ему легче всего будетъ дать объединяющій синтезъ всего труда.

Изъ сказаннаго видно, что г. Бенуа, говоря о пейзажѣ, имѣетъ въ виду не только пейзажъ самостоятельный; онъ рассматриваетъ его и въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ ему отводится только второстепенное мѣсто.

Авторъ еще и въ другомъ направленіи расширяетъ свою тему: онъ называетъ пейзажемъ въ картинахъ все то, «что не человѣкъ»: не однѣ картины природы, но и всевозможные архитектурные мотивы растенія и животныхъ.

Интересенъ общій взглядъ автора на исторію развитія пейзажной живописи отъ періода «художественнаго завоеванія природы» черезъ періодъ «украшенія» или «стилизации къ абсолютному поклоненію природѣ».

Нельзя не пожалѣть, что первая глава «исторіи живописи» — «пейзажъ въ древности», т.-е. какъ разъ та, по которой читатель знакомится съ изданіемъ, написана такъ слабо, особенно если сравнивать съ богатствомъ и содержательностью послѣдующаго изложенія. Ужъ пейзажная живопись древняго Египта заслуживала бы большаго вниманія. Достаточно сказать, что авторъ ни слова не говоритъ о декоративной живописи египетскихъ храмовъ, въ которой такую большую роль играютъ мотивы растительнаго и животнаго міра.

Можно не согласиться съ пессимистическимъ взглядомъ автора на возможность для насъ хоть сколько-нибудь представить себѣ греческую живопись. Величайшія богатства въ этой области погибли, конечно. Но по тому параллелизму, который замѣчается въ развитіи скульптуры, съ одной стороны, и рисунковъ на вазахъ — съ другой, можно съ большою степенью достовѣрности дѣлать заключенія о характерѣ и постепенной эволюціи греческой живописи. Нѣкоторый матеріалъ для изученія «пейзажа» въ широкомъ смыслѣ слова греческія вазы все-таки даютъ. Но г. Бенуа на немъ не останавливается и переходитъ къ пейзажамъ эллинистической эпохи, сохранившимся въ Римѣ и Помпеяхъ; для этихъ произведеній характерны черты богатой декоративности и исканія иллюзіи. Ландшафты, найденные на Эсквиллѣ, стѣнная живопись виллы Ливіи, показываютъ довольно вѣрное пониманіе природы; но при Августѣ происходитъ перемѣна вкуса: модными становятся фантастическія архитектурныя декораціи такъ называемаго IV помпеянскаго стиля. Трудно согласиться съ мнѣніемъ автора, находящаго, что въ этихъ произведеніяхъ «выразился подлинный вкусъ Эллады, ея милая граціозная улыбка, ея ласка и даже ея специфическая философія, ибо что, какъ не отложившіяся въ наглядныхъ формахъ иронія и скепсисъ, вся это остроумная игра съ законами тяжести и равновѣсія?» (стр. 44—45). Если и сохранили еще эти поздніе отзвуки греческаго искусства черту жизнерадостности, характерную и для первоисточника ихъ, то «подлинному вкусу Эллады» они во всякомъ случаѣ не соотвѣтствуютъ, и далеки отъ него, какъ далеки произведенія александрийскихъ поэтовъ отъ Софокла, какъ далеки скепсисъ Секста Эмпирика отъ системы Платона. Характеристика помпеянскаго живописи тоже не исчерпываетъ предметъ: 4 помпеянскихъ стиля заслуживали бы большаго вниманія; они чрезвычайно ярко отражаютъ художественныя теченія эпохи начала имперіи и быструю смѣну направленій въ декоративной живописи.

Будемъ надѣяться, что въ слѣдующихъ отдѣлахъ авторъ восполнитъ пробѣлы I тома въ области исторіи античной живописи. Пока работу его можно оцѣнить по достоинству только съ началомъ христіанскаго искусства.

Почти хочется пожалѣть, что авторъ не ограничился исторіей христіанской живописи.

Въ появившихся пока выпускахъ изданія г. Бенуа даетъ исторію пейзажа въ Византійскомъ искусствѣ, въ живописи средневѣковой и итальянскомъ треченто; особое вниманіе удѣляетъ далѣе готическому пейзажу въ Нидерландахъ, во Франціи и въ Германіи. Выпуски 4-й и 5-й

посвящены пейзажу Кватроченто (начало Кватроченто въ Тосканѣ; все Кватроченто въ сѣверной Италіи). Слабѣ другихъ областей христіанскаго искусства очерчена Византія. Изложеніе тутъ нѣсколько сбивчиво и запутано, а общая картина такъ и останется сравнительно блѣдной.

Заслуживаетъ вниманія та аналогія, которую авторъ находитъ между искусствомъ Византіи и художественными теченіями нашего времени. «Мы — византійцы», говоритъ онъ на стр. 53, «или, по крайней мѣрѣ, тѣ поздніе римляне и эллины, которые не сумѣли (и, по волѣ судьбы, не должны были) отстоять грандіозную, простую, самодовлѣющую красоту, доставшуюся отъ отцовъ и дѣдовъ». — Замѣчаніе, особенно цѣнное въ устахъ Бенуа-художника.

Въ работѣ г. Бенуа лучшими являются отдѣлы, посвященные Италіи. Чувствуется любовь автора къ трактуемому предмету. Онъ во всей полнотѣ раскрываетъ передъ читателемъ сокровищницу итальянской живописи. Нельзя не поставить въ заслугу автору его бережное отношеніе къ сравнительно мелкимъ явленіямъ въ художественной жизни Италіи: къ провинціальнымъ школамъ, къ работамъ маленькихъ художниковъ. Даже трудно въ достаточной мѣрѣ оцѣнить то отсутствіе сухой номенклатуры, которымъ отличается, впрочемъ, и весь трудъ г. Бенуа; въ другихъ отдѣлахъ онъ иногда просто опускаетъ то, что для него менѣе значительно, но, говоря объ Италіи, въ этомъ незначительномъ находитъ смыслъ и дѣлаетъ его интереснымъ для читателя.

Особенно хороши характеристики крупнѣйшихъ итальянскихъ художниковъ: Джотто, Беато Анджелико, Мазаччіо въ изложеніи г. Бенуа приобрѣтаютъ плоть и кровь, такъ ярко изображено ихъ творчество (и — прибавимъ — такъ умѣло подобраны иллюстраціи). Авторъ, однако, не увлекается такими характеристиками въ ущербъ цѣлому; большое вниманіе удѣляетъ онъ и основнымъ теченіямъ эпохи: теченію францисканскому и доминиканскому въ живописи треченто; готическому — сѣверному, живущему на ряду съ расцвѣтающимъ ренессансомъ — въ кватроченто. Ярko очерчено и развитіе отдѣльныхъ школъ. Если отдѣльныя положенія автора могутъ вызвать возраженія (авторъ замѣтно переоцѣниваетъ, на примѣръ, значеніе школы Скварчіоне, видя въ ней поворотный пунктъ въ развитіи итальянскаго искусства), то это не мѣшаетъ всему изслѣдованію сохранять свою цѣнность. Эта часть работы написана вполне научно и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько живо, что ее съ одинаковымъ удовольствіемъ прочтеть и специалистъ и неспециалистъ.

Въ другихъ отдѣлахъ меньше теплоты въ изложеніи. Художниковъ сѣвера авторъ любитъ меньше, да и не всѣхъ ихъ любитъ: къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ положительно несправедливъ (характеристики Мемлинка и Буркмаейра хотя бы: къ этимъ художникамъ авторъ относится съ незаслуженной строгостью); къ другимъ какъ будто не хочетъ ближе подойти (Гольбейнъ старшій); вѣроятно, откладываетъ знакомство до слѣдующихъ томовъ; у читателя отъ этого остается впечатлѣніе недоговоренности. Но въ цѣломъ, характеристика готическаго пейзажа вполне удовлетворительная. Изложеніе въ достаточной мѣрѣ живо богато удачными аналогіями и выводами. Одинъ пунктъ оставляетъ, впрочемъ, впечатлѣніе нѣкоторой неясности: кардинальный вопросъ въ искусствѣ. Готику авторъ опредѣляетъ, какъ «выраженіе освобождающей челоуѣческой души» (стр. 90). Съ другой стороны, онъ ренессансъ называетъ «пробужденіемъ европейской культуры послѣ средневѣковой летаргіи» (350). Оба понятія не разграничены въ достаточной мѣрѣ, что отражается на изложеніи. Не вполне ясно тоже, съ какой точки зрѣнія авторъ смотритъ на возрожденіе. То онъ какъ будто хочетъ понимать

подъ ренессансомъ «исключительно новый расцвѣтъ античныхъ формъ» (304), — тамъ, гдѣ доказываетъ «готичность» Дюрера, въ которомъ опъ видитъ «вполнѣ развитого представителя средневѣковья»; то расширяетъ понятие возрожденія, говоря о художникахъ ранняго кватроченто (Лоренцо Монако и Беато Анджелико).

Трудъ г. Бенуа идетъ навстрѣчу развивавшемуся у насъ за послѣдніе годы интересу къ вопросамъ, касающимся исторіи искусства. Наша оригинальная литература въ этой области до сихъ поръ бѣдна. «Исторія живописи» г. Бенуа является даже первой *серьезной* исторіей европейскаго искусства на русскомъ языкѣ. Кромѣ серьезности содержанія, она отличается и внѣшними, чисто-литературными достоинствами: написана прекраснымъ языкомъ, живо и увлекательно. Неравномѣрность въ работкѣ отдѣльныхъ главъ, на которую указывалось выше, — недостатокъ почти неизбѣжный въ такомъ большомъ и разностороннемъ трудѣ. Всѣ выпуски снабжены большимъ количествомъ хорошо исполненныхъ иллюстрацій.

В. Степанова.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. 1912. Тома XVII книжка 3-я.

Ф. А. Витбергъ напечаталъ здѣсь статью «М. В. Ломоносовъ и сѣверный культурный центръ». Въ статьѣ «Чествованіе памяти И. А. Гончарова» приведена рѣчь, произнесенная А. Θ. Кони, въ торжественномъ собраніи Академіи 15 апр. 1912 г. по случаю столѣтія со дня рожденія автора «Обломова». С. Л. Бертенсонъ далъ дополненіе къ своей библиографіи о Гоголѣ. А. М. Смирновъ продолжаетъ «Систематическій указатель темъ и вариантовъ русскихъ народныхъ сказокъ». Б. М. Соколовъ началъ печатаніе изслѣдованія «Непра рѣка въ русскомъ эпосѣ».

Записки общества исторіи, филологіи и права при Имп. Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ 6. Варшава. 1912.

Въ этомъ выпускѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе коллекція писемъ П. Я. Чаадаева изъ-за границы къ брату (1823 — 1825), напечатанная А. А. Вилковымъ, отецъ котораго былъ священникомъ села Хрипунова, вотчины Чаадаевыхъ. Эти письма были уже использованы М. О. Гершензономъ въ его книгѣ о Чаадаевѣ (Спб. 1908. См. стр. 51), и теперь вошли въ только что появившееся изданіе «Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева» (изд. К-ва «Путь», подъ М. О. Гершензона). Къ письмамъ приложенъ неизвѣстный ранѣе портретъ Чаадаева, относящійся къ зимѣ 1823 г.

Кромѣ того, въ 6-мъ выпускѣ находимъ статьи: И. И. Замотина «Л. Н. Толстой въ его письмахъ» и Е. В. Спекторскаго, «Бѣлинскій и западничество».

И. Ф. Павловскій. Краткій биографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи съ половины XVIII в. Изданіе Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Полтава въ 1912 г. Ц. 1 руб. Стр. 238.

Нельзя не привѣтствовать изданіе Полтавской Архивной Комиссіи какъ первую попытку составить биографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи съ половины XVIII в. Въ книгѣ помѣщено 429 биографій, среди которыхъ есть и автобиографіи. Биографіи всѣ очень кратки, только въ существенныхъ чертахъ очерчиваютъ жизнь того или другого дѣятеля. Нѣтъ также и полного списка ученыхъ трудовъ. Это—уже большой недостатокъ, который придется заполнить во второмъ изданіи. Составляя словарь, комиссія имѣла въ виду не только однихъ уроженцевъ Полтавской губерніи, но и лицъ, не родившихся въ Полтавской губерніи, но и лицъ, литературной работой и своей профессиональной дѣятельностью крѣпкими нитями связанныхъ съ названной губерніей.

В. Пичета.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Болгарскій сборникъ. Очеркъ развитія новой болгарской литературы. Народныя пѣсни. Стихотворенія. Повѣсти. Разказы. Сост. Конст. Кузьминскій. Кн-во «Звѣзда», Н. Орфеновъ. Ц. 1 р.

Брусянинъ, В. В. Указатель книгъ и статей о Государственной Думѣ. Кн-во «Наука». Ц. 40 к.

Владиславлевъ, И. В. Русскіе писатели XIX—XX ст. Опытъ библиографическаго пособія новѣйшей русской литературы. 2-е изд. Кн-во «Наука». Ц. 1 р.

Владиславлевъ, И. В. Систематическій указатель литературы за 1912 г. Библиографическій ежегодникъ, вып. II. Кн-во «Наука». Ц. 90 к.

М. Н. Гернетъ. Смертная казнь. Съ приложеніемъ 4 географическ. картъ, 16 диаграммъ въ краскахъ и 54 рисунк. Ц. 4 р.

Дашкевичъ, Л. Реформа волости. Цѣна 50 коп.

Клюевъ, Николай. Сосенъ перезвонъ. Изд. 2-е. Кн-во К. Ф. Некрасова. Ц. 60 коп.

Миллюковъ, П. Главныя теченія русской исторической мысли. Изд. 3-е. Аверьянова, М. В. Ц. 1 р. 60 к.

Кн. Одоевскій, В. Ѡ. Русскія ночи. Подъ ред. С. А. Цвѣткова. Кн-во «Путь». Ц. 2 руб.

Панкратовъ, А. С. Потомки Ивана Сусянина. Изд. В. П. Португалова. Цѣна 20 коп.

Проф. Д. М. Петрушевскій. Общество и государство у Гомера. Изд. 2-е. «Задруги». Ц. 20 к.

Полонская, Н. Д. Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Подъ ред. профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. Изд. В. С. Кульженко. Вып. I. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Райскій, А. Новые звуки. Стихотворенія. Ц. 50 к.

Самокишъ, Н. Календарь-Хуторянинъ. 2-е изд. Ц. 25 к.

Симоновъ, И. С. Грановскій—учитель. Къ 100-лѣтію со дня рожденія. Изд. 2-е журн. «Педагогическій Сборникъ». Цѣна 25 коп.

Тарле, Е. В. Континентальная блокада. I. Изслѣдованіе по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона. Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. Изд. «Задруга». Ц. 4 р.

Кн. Трубецкой, Евгений. Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева. Кн-во «Путь». Т. I. Ц. за 2 тома 4 р.

Фуксъ, Эд. Иллюстрированная исторія нравовъ. Т. I и II. Пер. съ нѣм. В. М. Фриче. Изд. «Современныя Проблемы». Ц. 6 р.

Чаадаевъ, П. Я. Сочиненія и письма. Подъ ред. М. Гершензона. Т. I. Кн-во «Путь». Ц. за 2 тома 5 р.

Щеголевъ, П. Е. Историческіе этюды. Кн-во «Шиповникъ». Ц. 3 р.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Баллодъ, Ф. В. Древній Египетъ. Его живопись и скульптура. (I—XX династій).

Готье, Ю. Исторія областнаго управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II. Т. I. Реформа 1727 г.

Евреиновъ, В. А. Крестьянское дѣло по положенію 19 февраля. Т. I—III.

Нассо, Л. А. Россія на Дунаѣ и образование Бессарабской области.

Ноцѣтовскій, А. Л. Иератическая часть Берлинскаго папируса 3008. Призыванія Исиды и Нефтиды.

Рейнакъ, С. Аполлонъ. Всеобщая исторія искусствъ. Пер. подъ ред. А. Левинсона.

Семеновъ-Тянь-Шанскій, Т. П. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 гг.). Къ воспоминаніямъ. Т. II.

Скалонъ, Д. А. Мои воспоминанія 1877—1878 гг. Т. I.

Augustin Filche. Le règne de Philippe I, roi de France (1060—1108); Paris, 1912.

Автору удалось собрать для исторіи капетингской монархіи и главныхъ фе-

одальныхъ бароновъ конца XI в. значительное количество свѣдѣній, разбросанныхъ до сихъ поръ въ хроникахъ и въ документахъ. Но у него нѣтъ строгой методы и ему осталась неизвѣстной новѣйшая литература. (R. Hist.)

Paul Vard. Histoire de la dime ecclésiastique dans le royaume de France aut XII et XIII siècles (1150—1313); Paris, 1912.

Продолженіе предыдущей работы автора о церковной десятинѣ, доведенной до декрета Граціана. Вѣдь доказываетъ, что въ XII и XIII вв. духовенство требовало уплаты десятины по всей строгости, но жизнь брала свое. Съ начала XIV в. десятина рѣшительно стала терять свой исключительно-церковный характеръ. (R. Hist.)

George Burton Adams. The origin of the english constitution; New-Haven, 1912.

Авторъ пытается освѣтить одну изъ наиболѣе интересныхъ проблемъ англійской конституціи, ея происхожденіе. Онъ хорошо знакомъ съ источниками

и съ литературой, но часто невозможно одобрить его манеру ставить вопросы и согласиться съ нимъ въ его взглядахъ на причинную связь фактовъ и на смыслъ документовъ. (R. Hist.)

G. M. Trevelyan. Garibaldi and the making of Italy; London, 1912.

Продолженіе предыдущей работы автора о роли Гарибальди въ объединеніи Италіи. Та была доведена до взятія Палермо. Эта—до конца 1860 г. Мастерски написанная книга. (R. Hist.)

Russlands Kultur und Volkswirtschaft, Aufsätze und Vorträge; 1913.

Сборникъ статей о Россіи подъ редакціей извѣстнаго экономиста Зеринга. Изъ числа авторовъ назовемъ: проф. Брикнера (значение новѣйшей русской литературы), проф. Гегтша (внутреннее развитіе Россіи съ 1905 г.), варшавскаго проф. Вилкова (русскіе финансы), г. Воссидло (петербургская промышленность).

Heinrich v. Treitschkes Briefe, I Band, 1834—1858; 1912.

Собрание писемъ знаменитаго нѣмецкаго историка, изъ эпохи его юношескихъ лѣтъ, драгоценный матеріалъ для писателя, который захотѣлъ бы заняться біографіей Трейчке. (Lit. Centralbl.)

Matthias Gejzer. Die Nobilität der Römischen Republik; 1912.

Книга показываетъ основательное знакомство съ государственно-правовымъ и политическимъ состояніемъ Рима эпохи упадка республики. Она ограничиваетъ положеніе Моммзена, что уже со времени Лициніевыхъ законовъ было достигнуто гражданское равенство и упразднено господство землевладельцевъ. (Lit. Centralbl.)

Suzanne Wassermann. Les clubs de Barrès et de Blanqui, 1848; Paris, 1913.

Новый томъ извѣстной серіи Bibliothèque d'histoire moderne, дающій превосходно подобранныя свѣдѣнія о радикальныхъ клубахъ 1848 года. (Bibl. de France.)

Pierre Kropotkine. La Science moderne et l'anarchie; Paris, 1913.

Авторъ сначала излагаетъ происхождение и развитіе анархической идеи, которая нашла свое выраженіе въ народныхъ движеніяхъ XVI вѣка, а потомъ у Годвина, Прудона и въ Интернаціоналѣ. Затѣмъ рѣчь идетъ о государствѣ, о его роли въ исторіи, о характерѣ, который сообщаютъ ему, съ одной стороны, якобинскія идеи, съ другой—капитализмъ. Захватывающія главы посвящены войнѣ. (Bibl. de France 1.)

A. Von Gleichen-Russwurm. Elegantiæ. Книга Руссворма посвящена жизни высшихъ классовъ въ классической древности. За матеріаломъ для своей замѣчательной работы авторъ обращается къ поэтамъ и писателямъ классической древности. Его книга обнимаетъ не одну только сторону умственной и общественной жизни, но воскрешаетъ всю античную жизнь. (Revue des revues.)

Albert Cahuet. Après la mort de l'Empereur.

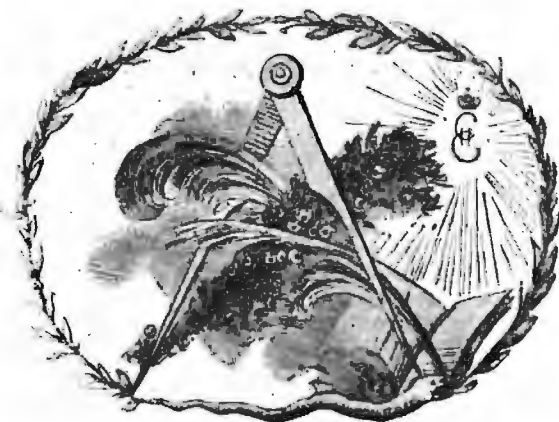
Какъ-то удалось въ неизданныхъ бумагахъ лицъ, стоявшихъ ближе всего къ Наполеону отъ изгнанія на остр. Эльбу до его смерти, отыскать много новаго. Всѣ документы проверены тщательно, строгой критикой; а иллюстраціи придаютъ книгѣ исключительный интересъ. (Illustration.)

Gustave Fougères. Athènes (H. Lourens). Новая раскопки, произведенныя въ Афинахъ за послѣднія 25 лѣтъ, во многомъ измѣнили наши взгляды на исторію и топографію столицы древней Аттики, какъ мы ее знаемъ по источникамъ. Давно пора было познакомить широкую публику съ результатами работъ за послѣдніе годы. И этотъ пробѣлъ прекрасно выполняетъ Г. Фужеръ—одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ эллинистовъ. (Revue bleue.)

Fr. Baumgarten, Fr. Poland und R. Wagner. Die hellenistisch-römische Kultur. Особенно подкупаетъ въ пользу этой книги чувство, такъ сказать, современности. Античное искусство разсматривается съ точки зрѣнія его продолжавшагося вліянія на современность: наши знанія устарѣли, пора поставить на ихъ мѣсто нѣчто новое, живое. Именно это даетъ новая книга авторовъ «Эллинической культуры». Характерныя и точныя иллюстраціи (450) еще увеличиваютъ ея цѣнность. (Westermann's Monatshefte.)

Louis Barthou. Mirabeau (Hachette). Несмотря на огромную литературу, посвященную знаменитому оратору, книга новаго французскаго премьера Барту является очень цѣнной. Барту не вносить въ свою книгу предвзятыхъ политическихъ идей; для него на первомъ планѣ стоитъ желаніе освѣтить еще неизвѣстное. Яркая картина времени со всеми его философскими и доктринерскими увлеченіями придаетъ еще больше рельефности образу великаго реалиста конца XVIII вѣка. (Illustration.)

1) Редакція «Голосъ Минувшаго» надѣется въ одной изъ ближайшихъ книжекъ поговорить о новой книгѣ П. А. Кропоткина обстоятельнѣе.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

I. Изъ исторіи русскаго самосознанія. Защита Мережковскимъ Александра I. Новое о декабристахъ.

Въ международномъ Ежегодникѣ по философіи культуры «Логосъ» (кн. I и II за 1913 г.) напечатана статья г. Зміева «Значеніе Отечественной войны въ исторіи русскаго самосознанія». Это любопытный образецъ теоретическаго построенія внѣ конкретныхъ историческихъ данныхъ. «Война,—разсуждаетъ авторъ,—разсматриваемая отвлеченно внѣ великихъ историческихъ и культурныхъ условий, есть, конечно, зло... Но разсматривая исторически, война должна явиться для всего непредубѣжденнаго изслѣдователя... зачастую и могучимъ рычагомъ и двигателемъ культуры». Этотъ старый, но всегда своеобразный тезисъ доказывается тѣмъ, что русская культура «создалась по преимуществу войной». Национальное московское государство «родилось на Куликовскомъ полѣ», говоритъ авторъ словами Ключевского. Опять война при Петрѣ совершаетъ «переворотъ внутренней организаціи московскаго государства» и «закрѣпляетъ цѣлесообразность и жизненность» петровскихъ реформъ. «Паденіе сословнаго строя и начало современной намъ Россіи точно такъ же связано съ войной»... — Слишкомъ очевидно, что авторъ статьи въ философскомъ журналѣ просто оперируетъ съ неудачными терминами, пытаясь доказать, что война «зачастую» является «могучимъ рычагомъ и двигателемъ культуры». Такъ можно доказать, что и институтъ рабства и другія антисоціальныя общественныя явленія являются «рычагомъ и двигателемъ культуры». Дѣло, конечно, не въ томъ, что зло *само по себѣ* можетъ явиться двигателемъ культуры, какъ при желаніи можно заключить изъ тезиса г. Зміева, а въ томъ, что общественное зло, доведенное до абсурдности, само себя изживаетъ. Безспорно, что неудачная война, какъ внѣшній толчекъ, можетъ содѣйствовать скорѣй тому банкротству отжившаго режима, какъ это было послѣ севастопольскаго погрома, какъ это было въ наше время послѣ японской войны. Но въѣдъ здѣсь война играетъ *только* роль внѣшняго толчка... Мы, впрочемъ, остановились на этомъ тезисѣ отнюдь не для полемики, которая потребовала бы многихъ разсужденій и отвлекла бы насъ слишкомъ далеко. Автору нужны его разсужденія исключительно для выясненія роли въ исторіи русской культуры Отечественной войны. На Куликовомъ полѣ

возникло національное Московское государство. Въ конечномъ результатѣ этого національнаго самосознанія явилась теорія «Москва — третій Римъ», разсматривавшая Московское государство, какъ окончательную форму всемірно-историческаго процесса. Отсюда узкій націонализмъ и замкнутая самобытность. Но явился великій Петръ, который «разрушилъ старый укладъ жизни, измѣнилъ какъ бы субстанцію духа народнаго». Русская исторія получила *новый смыслъ*. Какъ это далеко отъ дѣйствительной исторіи. Но критическая точка зрѣнія, по словамъ автора, должна разсуждать внѣ «всякой эмпирической дѣйствительности».

На долю русскихъ, продолжаетъ г. Зміевъ, «выпала тяжелая задача не только усвоить результатъ западно-европейской образованности, но и слить ихъ воедино съ культурой допетровской эпохи».

XVIII вѣкъ въ исторіи Россіи не сумѣлъ этого сдѣлать. «Вольтеріанецъ (типичное явленіе XVIII в.) не находилъ ни средствъ, ни возможностей воплотить въ какой-либо формѣ свою мысль, которая оставалась пустой отвлеченностью, которая отравляла, а не освобождала духъ, и въ то же время былъ принужденъ жить среди народа, который онъ не понималъ, и среди условій, которыя онъ пытался игнорировать». Въ эту старую схему, въ сущности Ключевского, врѣзывается, однако, яркая фигура крестьянскаго радѣтеля Радищева, показывающая, какую опасность представляетъ излишнее увлеченіе схематическими построениями... То, чего не сдѣлалъ XVIII в., сдѣлала отечественная война: «она дала возможность и силы слить противоположности воедино, сочетать глубокую любовь къ родинѣ съ любовью къ общеевропейской культурѣ и къ общечеловѣческимъ идеаламъ». Эта возможность явилась потому, что въ 1812 г. приняли участіе въ общей борьбѣ всѣ классы общества. «Ни правовыя, ни политическія, ни культурныя различія, — говоритъ г. Зміевъ, — не могутъ разъединить *единого* потока народной воли. Образованное дворянство и аристократія чувствуютъ себя какъ бы объединенными съ темной крѣпостной крестьянской массой». Къ сожалѣнію, отечественной войнѣ, т.-е. главной своей темѣ, авторъ посвящаетъ всего лишь три (вѣрнѣе даже двѣ) страницы. Къ сожалѣнію, и фактовъ въ его распоряженіи или нѣтъ, или авторъ ихъ сокрылъ отъ читателей. Въ наши дни не приходится уже вѣрить патріотическимъ писателямъ начала прошлаго вѣка, рисовавшимъ идиллическія картины какого-то сверхъестественнаго, безкорыстнаго патріотизма въ 1812 г. «У русскихъ въ 12-мъ году была одна душа и одна воля», говоритъ г. Зміевъ. Въ дѣйствительности все было болѣе прозаично: рабъ оставался рабомъ, дворянинъ — крѣпостникомъ. Если бы г. Зміевъ зналъ факты, вѣроятно, изложеніе его не висѣло бы въ воздухѣ. Теперь же оно для историка весьма мало убѣдительно.

Возродившійся живой Духъ въ 1812 году создалъ новый націонализмъ, сочетавшій самобытность съ вѣрой въ общеевропейскіе культурные идеалы: дѣло русскихъ стало дѣломъ всей Европы, міровой культуры. Интересы русской культуры слились съ интересами культуры общеевропейской. Этотъ новый націонализмъ опредѣлилъ сознание всего XIX вѣка.

Типичнымъ направлениемъ русской мысли становится убѣжденіе, что «въ русскомъ народѣ таятся извѣстныя черты, которыя при своемъ развитіи должны принести освобожденіе всей Европѣ, дать идеаль общечеловѣческую». И эти чувства, говоритъ авторъ, «не могутъ быть вытравлены никакими ядами». Итакъ, Россію ждетъ общечеловѣческой подвижъ. Въ свое время такой національный мессіаниззмъ имѣлъ подъ собой почву. Но неужели въ наше время научнаго мышленія есть

мѣсто для вѣры въ какую-то «прекрасную даму русскаго рыцаря Духа»? Эта вѣра можетъ явиться только въ результатѣ философскихъ размышленийъ внѣ «эмпирической дѣйствительности»!

Историкъ долженъ оперировать надъ фактами. Впрочемъ, съ этимъ не совсѣмъ согласенъ Д. С. Мережковскій, выступившій въ «Русской Молвѣ» со статьей «Въ защиту Александра I». Какъ это ни странно, г. Мережковскій защищаетъ тѣнь Александра отъ нападковъ великаго князя Николая Михайловича. Защита оказалась не изъ удачныхъ. «Истинное значеніе историческихъ документовъ,—поучаетъ г. Мережковскій,—доступно немногимъ». «Знаніе есть любовь». «Не имѣя любви къ предмету, можно имѣть о немъ свѣдѣнія, но нельзя имѣть знанія». «Знать о предметѣ можно, только увидѣвъ его изнутри. Такимъ внутреннимъ видѣніемъ, ясновидѣніемъ обладаетъ сочувственный опытъ, опытъ любви. Сердце сердцу вѣсть подаетъ: сердце познаваемаго сердцу познающаго». Эти афоризмы, можетъ-быть, очень интересны, но только нѣсколько туманны и противорѣчивы. Говоря о «любви къ предмету», т.-е. къ исторіи, въ дѣйствительности, авторъ подразумѣваетъ любовь къ лицу, которому посвящается историческое изслѣдованіе. Другими словами, только того, кого любишь, можешь понять. Пожалуй, и обратно — любящій не можетъ быть объективнымъ. Съ точки зрѣнія Мережковскаго самъ Мережковскій не долженъ былъ бы описывать Аракчеева, военныхъ поселеній, потому что онъ ихъ не можетъ понять, такъ какъ ихъ не любить. А какъ разъ наиболѣе удачныя и, пожалуй, единственно удачныя главы въ романѣ г. Мережковскаго «Александръ I» посвящены именно этимъ не любимымъ предметамъ. А главное, большую опасность представляетъ разсмотрѣніе историческихъ событій «изнутри» безъ точныхъ свѣдѣній. Такъ Мережковскій, посмотрѣвъ на декабристовъ «изнутри» въ своемъ романѣ, составилъ себѣ о нихъ довольно фантастическое представленіе и поэтому до нельзя исказилъ дѣйствительность, какъ она выступаетъ изъ «историческихъ документовъ».

«Оклеветанныя тѣни», какъ мѣтко охарактеризовалъ г. Садовскій романъ Мережковскаго въ критической замѣткѣ въ № 1 «Сѣверныхъ Записокъ».

Великій князь Николай Михайловичъ, какъ «нелюбящій» и отнесенъ г. Мережковскимъ къ числу «везнающихъ». Въ сущности противъ характеристики Александра I авторомъ (какъ читатель знаетъ, по нашему личному мнѣнію, слишкомъ благопріятной. См. мою статью въ № 1 «Голоса Минувшаго») г. Мережковскій выдвигаетъ одно только возраженіе: авторъ ошибочно слѣдуетъ Пыпину въ убѣжденіи, что мистика породила реакціи. Для Мережковскаго, проповѣдующаго купно съ г. Философовымъ, что «безъ освобожденія религіознаго, безъ реформации нѣтъ Россіи путей къ освобожденію политическому», Александръ I является какъ бы предвозвѣстникомъ этой реформации: въ немъ загорался огненный языкъ откровенія. Какъ извѣстно, въ представленіи Мережковскаго въ мѣрѣ борятся начала Христа и Антихриста, духа и плоти. Сочетаніе ихъ — апофеозъ будущаго. Мы не чувствуемъ себя въ силахъ разобраться въ туманныхъ метафизическихъ алкавіяхъ проповѣдниковъ будущаго: соединенія тѣлесной духовности съ духовной тѣлесностью. Для творца историческихъ трилогій, гдѣ должна быть въ историческихъ образахъ развита идея обновленія міра, вѣроятно, все это ясно и понятно. Естественно, что ему кажется совершенно неприемлемымъ упрощенное пониманіе мистической «вздорологіи», какъ въ свое время выражался Карамзинъ. Въ наши дни нельзя уже такъ легко отдѣлываться отъ объясненія религіозныхъ судебъ какой бы то ни было исторической личности, какъ это могъ дѣлать «позитивистъ шестидесятыхъ годовъ Пыпинъ».

Почему это такъ? Потому что въ «нашемъ» религиозномъ сознаниіи произошли уже перемѣны. Но вѣдь и это еще можетъ быть оспариваемо. Сдвигъ въ нѣкоторыхъ марксистскихъ умахъ, спорящіе кружки богоискателей и богостроителей не характеризуютъ сами по себѣ общественнаго сдвига. Глубоко ошибается авторъ новой исторической трилогіи, думая, что читатель его «Павла I» или «Александра I» отыскиваетъ, гдѣ въ нихъ сокрытъ «духъ антихристовъ». Тамъ ищутъ фабулы, характеристикъ лицъ, исторической обстановки и, вѣроятно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не замѣчаютъ (да, по правдѣ сказать, и замѣтить трудно), что Александръ въ борьбѣ съ Наполеономъ воплощаетъ борьбу съ «духомъ антихристовымъ», реальнымъ «Звѣремъ изъ бездны». «Надо говорить серьезно о серьезныхъ вещахъ, — морализируетъ г. Мережковскій въ своей статьѣ «Въ защиту Александра I».—А христіанство — серьезная вещь». Все это такъ. Но, тѣмъ не менѣе, «духовно-политическій сумбуръ», какъ характеризуетъ в. кн. Николай Михайловичъ вторую половину царствованія Александра I, очень далекъ отъ смятенія чело­вѣческой совѣсти передъ «мучительнѣйшимъ вопросомъ всего христіанскаго чело­вѣчества, — вопросомъ объ отношеніи Евангелія къ общественности, церкви къ государству, религіи къ политикѣ». Надо знать факты — и тогда легко убѣдиться. Авторъ статьи въ «Русской Молвѣ» не всегда достаточно вооруженъ въ этой области. Онъ хочетъ доказать, что въ Александрѣ всегда ярко горѣлъ неугасимый свѣтъ религиозной правды.

Въ этомъ его «вѣчная слава, вѣчный вѣнецъ». Для русскаго народа, религиознаго по преимуществу (къмъ установлена эта аксіома?), свобода совѣсти — начало всѣхъ свободъ. И Мережковскій цитируетъ рассказъ Марченко объ отношеніи Александра I въ 1818 г. къ духовоборамъ, о его повелѣніи, чтобы духовная власть и земская полиція не вмѣшивались въ дѣла духовоборовъ. «Если положить на одну чашку вѣсовъ всю реакцію Александрова царствованія, а на другую — эти слова о свободѣ совѣсти, то еще неизвѣстно, какая изъ двухъ чашъ опустится», замѣчаетъ г. Мережковскій. «Прошло почти сто лѣтъ, какъ слова эти сказаны, а то, что въ нихъ Россіи завѣщано, все еще не исполнилось. Давали, давали «свободы», а все-таки не дали такъ, какъ онъ хотѣлъ и могъ бы ихъ дать». Конечно, только посмотрѣвъ «изнутри» на вопросъ, можно вѣрно опредѣлить, какъ Александръ «хотѣлъ и могъ» дать свободу совѣсти. Но что будетъ, если на тѣ же вѣсы положить указъ Александра I отъ того же года, отмѣнявшій, очевидно во имя свободы совѣсти, судебный приговоръ надъ сектантами и приказывавшій бить ихъ батогами?

Нельзя отрицать, что свобода совѣсти загоралась въ эпоху «дней Александровыхъ прекрасное начало», но и она тухла по мѣрѣ того, какъ царство Божіе осуществлялось подъ протектаторствомъ Меттерниха, Аракчеева и, главнымъ образомъ, самого Александра.

Что такое сто лѣтъ для неисполненія завѣщаннаго Россіи? Еще царь Алексѣй говаривалъ: «Никакою силою не заставишь Богу вѣровать»... «Изнутри» усмотрѣніе оказалось, однако, и для г. Мережковскаго недостаточнымъ. И ему пришлось сослаться на «историческіе документы», которые «явно противорѣчатъ» утвержденію вел. кн. Николая Михайловича, что «Александръ никогда не помышлялъ объ отреченіи отъ престола».

И авторъ ссылается на дневникъ кн. Меншикова, въ которомъ говорится, что кн. Волконскій полагалъ, что Александру приходило на умъ отреченіе отъ престола. А все-таки легенда объ отреченіи пока такъ и должна остаться легендой.

«Изнутреннее» разсмотрѣніе историческихъ событій вообще можетъ быть чревато послѣдствіями. Такое психологическое субъективное толкованіе, конечно, неизбѣжно. Но истина рождается только въ критикѣ: надо не только любить, но и *критиковать*. Намъ придется особо говорить о романѣ Д. С. Мережковского «Александръ I» и въ частности о изображеніи тамъ декабристовъ. Мы увидимъ, что въ данномъ случаѣ попытка проникнуть въ вопросъ путемъ «ясновидѣнія» основывалась, главнымъ образомъ, на показаніяхъ декабристовъ, данныхъ на судѣ. А между тѣмъ къ этимъ показаніямъ приходится относиться съ большою осторожностью, провѣрять ихъ, сопоставлять,—однимъ словомъ, продѣлывать большую критическую работу. Показанія декабристовъ многихъ разочаровали. Всѣмъ, вѣроятно, памятна та рѣзкая оцѣнка, которую дали нѣкоторые историки поведенію декабристовъ на судѣ: выдавая другъ друга, они «проявили слишкомъ мало самой простой человѣчности и порядочности». Въ свое время намъ приходилось высказываться не разъ по поводу этого на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей». И думается дѣло не такъ просто, какъ это кажется на первый взглядъ. Надо учесть всѣ сопутствующія обстоятельства, прежде чѣмъ класть клеймо на людей, въ своей жизненной дѣятельности горѣвшихъ пламенемъ идейнаго энтузіазма. Надо понять психологію человѣка, попавшаго изъ атмосферы аристократическаго салона въ тюремный казематъ,—психологію, съ поразительной яркостью и правдивой чуткостью очерченную въ замѣчательныхъ воспоминаніяхъ А. В. Поджіо. Надо восчувствовать атмосферу перваго массоваго политическаго процесса въ Россіи и приемы слѣдствія, очерченные въ воспоминаніяхъ декабристовъ и въ тонкомъ разборѣ донесенія слѣдственной комиссіи, сдѣланномъ Никитой Муравьевымъ; отсутствіе той тактики на позднѣйшихъ революціонныхъ процессахъ, которая выработалась постепенно, длительнымъ опытнымъ путемъ, безъ чего такъ легко поддаться на обманъ, какъ это и было съ многими изъ декабристовъ. Надо вникнуть въ самосознаніе людей или разочарованныхъ послѣ высокаго душевнаго подъема 14 декабря, или смотрѣвшихъ на себя какъ на жертву, приносимую на алтарь отечества, или стремившихся изобразить то, чего даже не было въ дѣйствительности, чтобъ придать произранному дѣлу извѣстный вѣсъ и значеніе, или добросовѣстно повѣрившихъ въ возможность осуществленія реформы со стороны самой верховной власти. И такихъ возможностей, такихъ объясненій очень и очень много. Они будутъ варьироваться по отношенію къ каждому изъ декабристовъ. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ и здѣсь рисовать одинъ шаблонъ, одну схему. Правъ и М. О. Гершензонъ, мимо-летно какъ-то бросившій мысль, что откровенность декабристовъ на судѣ отчасти объясняется тѣмъ, что въ ту пору не могло еще установиться такого полнаго разрыва между интеллигенціей и правительственной властью, который характеризуетъ собой всю дальнѣйшую нашу исторію общественныхъ движеній. «Какъ объяснить, что люди чистѣйшихъ чувствъ и правилъ, связанные родствомъ, дружбою и всѣми почтательными узами, могли перейти къ сознанію на погибель всѣхъ другихъ?» Это произошло. Но «достаточно было,—замѣчаетъ А. В. Поджіо,—того знаменательнаго дня, когда послѣ взводимыхъ показаній брата на брата, друга на друга, мы собранные всѣ вмѣстѣ... въ объятіяхъ самыхъ горячихъ забыли и горе, и страданія, и судьбу, насъ ожидавшую»...

И, тѣмъ не менѣе, упреки въ этомъ исключительномъ «малодушіи» продолжаютъ. Они раздаются вновь въ статьѣ П. Е. Щеголева, напечатанной въ № 1 «Современника» «Гр. М. Н. Муравьевъ-заговорщикъ». «Напрасно было бы объяснять,—говоритъ онъ,—такое чрезмѣрное обнаженіе

тайнъ сознательнымъ стремленіемъ уяснить правительству смыслъ и значеніе своей заговорщицкой дѣятельности и такимъ образомъ какъ бы продолжать пропаганду дѣла. Такое объясненіе не отвѣчаетъ положенію вещей, ибо надо признать, что огромное большинство декабристовъ выказало самое настоящее малодушіе». И, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что первое было, хотя бы у Пестеля. А еще болѣе несомнѣнно, что нельзя все это «огромное большинство» подводить подъ одинъ ранжиръ. Говорили по разнымъ мотивамъ. Сказать, что Рылѣва купили за 2000 р., которые были переданы имп. Николаемъ его семьѣ на содержаніе, какъ констатировали въ свое время нѣкоторые историки, значить высказать глубокую несправедливость къ свѣтлой памяти поэта-гражданина. Но вѣдь не всѣ были и Рылѣвыми. Были среди декабристовъ и малодушные; были среди нихъ, какъ и во всякомъ массовомъ движеніи, и такіе, которые вскоре и легко стали подъ другія знамена.

Къ нимъ принадлежалъ тотъ самый М. Н. Муравьевъ, который изъ революціонера превратился въ жестокаго усмирителя сѣверо-западнаго края въ 1863 году. На основаніи неизданныхъ матеріаловъ П. Е. Щеголевъ знакомить насъ съ участіемъ Муравьева въ дѣлѣ декабристовъ, съ его письмами изъ тюрьмы въ 1826 году, полными увѣреніями въ невинности и т. д. И любопытнѣе всего, что именно Муравьевъ оказался «однимъ изъ самыхъ выдержанныхъ на судѣ», однимъ изъ наименѣе распространявшихся о цѣляхъ и планахъ будущихъ декабристовъ. Развѣ нехарактерно это умолчаніе? Развѣ не свидѣтельствуетъ это, что не одно «малодушіе» заставляло говорить съ ненужной и вредной болтливостью? Въ № 2 «Современника» опубликовано письмо другого декабриста къ имп. Николаю I — Д. И. Завалишина, преисполненное также признаніями, раскаяніями и моленіями. Это новый типъ, непохожій на другихъ вождей 14 декабря, у котораго были иные побудительные мотивы.

Въ заключеніи еще объ одномъ декабристѣ А. О. Корниловичѣ. Ему П. Е. Щеголевъ посвящаетъ большую статью въ №№ 2 и 3 «Современника». Статья, озаглавленная «Благоразумные совѣты изъ крѣпости», посвящена въ сущности загадочной судьбѣ Корниловича, который уже изъ Читы экстренно былъ увезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Какаѣ были тому причины? П. Е. Щеголевъ опубликовалъ по этому поводу любопытныя новыя данныя. Дѣло въ томъ, что слѣдственная комиссія интересовалась вопросомъ «о возможномъ вліяніи на дѣйствія и планы злоумышленниковъ со стороны иностранныхъ державъ». Консультантомъ выступилъ Фаддей Булгаринъ, который «сидя дома и занимаясь единственно литературою... не потерялъ изъ виду нити, которой открылъ кончикъ», а именно, возможности австрійской интриги. Въ ней и оказался замѣшанъ Корниловичъ, «вѣтренностью и болтливостью» котораго воспользовалось австрійское посольство. Корниловичъ, занимавшійся исторіей и дѣлавшій выписки изъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, былъ друженъ съ секретаремъ австрійскаго посла Гумблауеромъ. Черезъ него посольство гр. Лебцельтернъ и вывѣдывалъ общественныя настроенія. Для раскрытія австрійской интриги и вызванъ былъ для новаго допроса Корниловичъ. Его показанія съ очевидностью показали, что здѣсь не могло быть и рѣчи о какой-либо выдачѣ государственныхъ тайнъ иностраннымъ державамъ. Тѣмъ не менѣе, Корниловича оставили въ крѣпости. Здѣсь-то и начинается самое любопытное и дѣйствительно довольно необычайное. Государственный преступникъ, сидящій въ крѣпости, становится заучливымъ совѣтчикомъ правительства. Находясь въ строжайшемъ оди-

ночномъ заключеніи, сокрытый отъ родственниковъ, узникъ Петропавловской крѣпости получилъ милостивое разрѣшеніе излагать свои мнѣнія о недостаткахъ русской государственной жизни и о мѣрахъ къ ихъ устраненію. Ему были даны газеты, журналы, книги, и вотъ онъ долженъ былъ свой «умъ», свои «обширныя познанія», свою «горячую любовь къ общественному благу» использовать для гр. Бенкендорфа. И Корниловичъ писалъ записки, писалъ по собственной инициативѣ, писалъ по личному заказу императора, по заказу шефа III отдѣленія. П. Е. Щеголевъ излагаетъ всѣ записки, набросанныя въ крѣпости тайнственнымъ узникомъ и подаваемые въ качествѣ анонимныхъ въ соотвѣтствующія государственныя учрежденія. Здѣсь и записка и о пользѣ исторіи для правителей ¹⁾ и о препятствіяхъ къ развитію промышленности въ польскихъ областяхъ, и о благосостояніи Сибири — объ учрежденіи школъ сельскаго хозяйства, и о положеніи сельскихъ священниковъ, и о торговлѣ въ средней Азіи, и о положеніи дворянства, и по поводу варшавской смуты (1831 г.), и т. д. Во всѣхъ этихъ вопросахъ Корниловичъ такъ или иначе могъ излагать то, что онъ дѣйствительно думалъ; напр., въ запискѣ о Польшѣ говорить о вредѣ политики устрашенія: «угроза не можетъ быть продолжительна, она минуется, и тогда боязнь превращается въ ненависть». Но врядь ли, однако, это творчество въ крѣпости, эти «благоразумные совѣты» николаевскому правительству легко давались заключенному, который рвался на свободу. Неужели мы упрекнемъ его за то, что, попавъ въ такое ненормальное положеніе, онъ на третій годъ подачи своихъ «благоразумныхъ совѣтовъ» въ запискѣ о воспитаніи 11 іюля 1830 г. выскажется противъ идеи политической свободы. Совершенно правъ, конечно, авторъ статьи, указывая, что взгляды Корниловича на воспитаніе въ данномъ случаѣ характеризуютъ «не его міровоззрѣніе, а скорѣе вліяніе тюремнаго заключенія на психику человѣка». Однако не совсѣмъ точно сказать, что Корниловичъ долженъ былъ «произнести анаѹему» идеи политической свободы и представительнаго правленія. Правда, онъ отнесся къ нимъ отрицательно, но все же оговорился: «Политическая свобода не есть удѣлъ нашего полуденнаго міра. Мы можемъ только постигнуть ее умомъ, но *высокія добродѣтели*, которыхъ она требуетъ, несомнѣстимы съ испорченностью человѣческой природы». Это ли малодушіе?.. Корниловичъ пробылъ въ крѣпостномъ заключеніи до 12 ноября 1832 года, когда былъ опредѣленъ рядовымъ на Кавказъ. Было ли что-либо аналогичное во всемірной исторіи?

С. Мельгуновъ.

II. Новое о Пушкинѣ.

Все еще продолжаютъ появляться пушкинскія «новооткрытыя страницы»; пушкинисты пользуются малѣйшимъ указаніемъ мемуариста и спѣшатъ подѣлиться своими открытіями съ читателемъ. Достаточно было въ концѣ прошлаго года выйти воспоминаніямъ барона А. И. Дельвига, чтобъ на основаніи помѣщеннаго тамъ письма В. П. Титова о повѣсти Тита Космократова «Уединенный

¹⁾ Для того, чтобы уроки исторіи не забывались, К. предлагалъ «имѣть для личнаго употребленія государя и приближенныхъ къ его величеству особо родъ Исторіи Россіи со временъ Петра I, въ которой были бы изложены систематически и хорошо мѣры, какія «были предполагаемы по разнымъ частямъ управленія съ исполненіемъ тѣхъ, кои исполнились», и тѣхъ, «кои не проведены были въ дѣйствиѣ».

домикъ на Васильевскомъ» («Сѣверные Цвѣты на 1829 годъ»), П. Е. Щеголевъ тотчасъ же напечаталъ ее въ газетѣ «День» (№№ 22—24), какъ «новый разсказъ Пушкина», Н. Лернеръ опубликовалъ ее въ «Сѣверныхъ Запискахъ» (№ 1), какъ «забытую повѣсть Пушкина». На-дняхъ вышла въ изящномъ изданіи перепечатка этого разсказа съ послѣсловіемъ г. Щеголева и Федора Сологуба. В. П. Титовъ передаетъ въ своемъ письмѣ, что повѣсть эта, собственно, не Космократова (псевдонимъ Титова), а Пушкина, мастерски разсказавшаго ее въ салонѣ Карамзиныхъ, что какъ фантастическія подробности («апокалипсическое число 666, игроки-черти, метавшіе на карту сотнями душъ, съ рогами, зачесанные подъ высокіе парики»), такъ и «главная нить разсказа» принадлежатъ Пушкину, а что онъ только «подслушалъ», записалъ дома, убѣдилъ Пушкина прослушать записанный разсказъ и, воспользовавшись многими его поправками, отдалъ рукопись Дельвигу въ «Сѣверные Цвѣты». Вполнѣ понимаешь радость не только изслѣдователей, но и просто любящихъ литературу, когда открывается возможность еще ближе узнать Пушкина, но запись Титова охлаждающе дѣйствуетъ: сквозь тяжеловѣсную структуру ея стилия почти совсѣмъ не пробивается классически простая, изящная пушкинская рѣчь. И до тѣхъ поръ, пока наши пушкинисты не продѣлаютъ надъ разсказомъ сложнаго стилистическаго анализа, пока не вскроютъ, что отъ Пушкина и что отъ Титова, вводить его въ инвентарь пушкинскихъ произведеній было бы слишкомъ преждевременно. Но что разсказъ, насыщенный «чертовщиной» въ духѣ Гофмана, любопытенъ для исторіи пушкинскаго творчества, затрагиваетъ одинъ изъ интересныхъ вопросовъ о вліяніи на Пушкина нѣмецкой романтической литературы, — это безспорно, и нашимъ историкамъ литературы, несомнѣнно, теперь придется еще расширить кругъ пушкинскихъ интересовъ и литературныхъ симпатій. Гофманъ и Пушкинъ — тема новая... Н. Лернеръ, кромѣ данной повѣсти, находитъ слѣды вліянія нѣмецкаго писателя и въ другихъ произведеніяхъ Пушкина: онъ предполагаетъ, что толчкомъ къ созданію стиховъ о Марино Фальери

«Ночь свѣтла, въ небесномъ полѣ
Ходитъ Вespерь золотой,
Старый Дождь плыветъ въ гондолѣ
Съ Догарессой молодой»

могъ послужить разсказъ Гофмана «Дождь и Догаресса» изъ «Серапионовыхъ братьевъ» (*Русскій Библіофилъ*, № 2). Неожиданнаго въ этомъ указаніи ничего нѣтъ, такъ какъ въ библіотекѣ Пушкина собраніе сочиненій Гофмана было. Въ томъ же журналѣ Н. Лернеръ напечаталъ съ пушкинскихъ автографовъ новую редакцію стихотворенія «Наѣздникъ» и «Мальчику». Любопытный штрихъ къ «Евгенію Онѣгину» нашелся въ архивѣ братьевъ Тургеневыхъ. Извѣстно, что Пушкинъ хотѣлъ въ 10 главѣ своего романа дать характеристику декабрьскаго движенія 1825 года, отрывки изъ нея читалъ кн. Вяземскому, но потомъ сжегъ ее.

П. Морозовъ нашелъ отрывки ея, записанные шифрованнымъ письмомъ, и сильно возстановилъ текстъ. Благодаря письму А. И. Тургенева къ своему брату Н. И. (отъ 11 августа 1832 г.) теперь отчетливо вырисовывается то, что намѣревался сказать Пушкинъ въ этой главѣ, и окончательно возстановляются нѣсколько

строкъ, не совсѣмъ правильно прочитанныхъ ранѣе. А. И. Тургеневъ писалъ своему брату-эмигранту: «Есть тебѣ и еще нѣсколько безсмертныхъ строкъ о тебѣ. Александръ Пушкинъ не могъ издать одной части своего Онѣгина, гдѣ онъ описываетъ путешествіе его по Россіи, возмущеніе 1825 года и упоминаетъ, между прочимъ, и о тебѣ:

Одну Россію въ мірѣ видя,
Преслѣдуя свой идеаль,
Хромой Тургеневъ имъ внималь,
И плети рабства ненавидя,
Предвидѣль въ сей толпѣ дворянъ
Освободителей крестьянъ.

Въ этой части у него есть прелестныя характеристики русскихъ и Россіи, но она останется надолго подъ спудомъ. Онъ читалъ мнѣ въ Москвѣ только отрывки». Академикъ Истринъ, нашедшій это письмо, высказывается о возможности нахождения въ тургеневскомъ архивѣ и другихъ неизданныхъ отрывковъ пушкинскаго романа (*Журналъ Мин. Нар. Пров., № 3*)... Большой интересъ представляетъ статья Н. Лернера въ «Сѣверныхъ Запискахъ», № 2, гдѣ приведено нѣсколько неизвѣстныхъ статей Пушкина изъ «Литературной Газеты» 1830 года. Еще въ сороковыхъ годахъ восклицалъ Бѣлинскій: «Сколько въ журналахъ статей, которыя публика читала, не зная, что авторъ ихъ Пушкинъ!» Анненковъ заявлялъ, что въ газетѣ Дельвига много было напечатанно Пушкинымъ статей безъ подписи.

Н. Лернеру уже удалось однажды доказать принадлежность нѣкоторыхъ анонимныхъ замѣтокъ Пушкину; теперь онъ вновь вернулся къ «Литературной Газетѣ» и, пользуясь разнообразной аргументаціей, полагаетъ возможнымъ приписать Пушкину еще пять статей. Если нѣкоторыя изъ нихъ безусловно можно счесть пушкинскими и по стилю и по высказаннымъ взглядамъ, то къ другимъ, намъ кажется, г. Лернеръ могъ бы отнестись съ бѣльшей критичностью и не утверждать такъ категорично, что только Пушкинъ — и никто больше! — былъ ихъ авторомъ. Художественная архитектура статьи, напечатанной Н. Лернеромъ за № 3 (отъ 3 сентября 1830 г.), вполне убѣждаетъ насъ, что замѣтка вышла изъ-подъ пера Пушкина, имѣвшаго право сердиться на нашихъ «лже-критиковъ» въ родѣ Булгарина. Сравненіе послѣдняго съ англійскимъ писакой, Роджерсомъ, хлѣбосоломъ, угощавшимъ поэтовъ и критиковъ, — тонкая и ядовитая черта, вполне умѣстная по адресу Булгарина со стороны Пушкина, знавшаго къ тому же творенія малоизвѣстнаго англійскаго писателя. Критическая статья о романѣ Жанена «Исповѣдь» (№ 5, отъ 23 окт.), полная глубокихъ мыслей о художественномъ творествѣ, о литературномъ направленіи XIX вѣка, дѣйствительно, такъ много даетъ совпаденій съ пушкинскими воззрѣніями, что сомнѣваться въ авторствѣ Пушкина не представляется возможнымъ. Такія указанія, какъ «духъ современнаго поколѣнія прошелъ черезъ всѣ крайности, извѣдалъ всѣ ужасы, охладѣлъ ко всему и на все взираетъ съ безстрастіемъ фаталиста мусульманскаго, что «благороднѣйшее стремленіе писателя должно состоять въ томъ, чтобы давать возвышенное направленіе своему вѣку, а не увлекаться его странностями и пороками. Въ противномъ случаѣ мы въ созданіяхъ ума и воображенія будемъ встрѣчать ту

же прозу жизни, къ которой приглядѣлись уже въ обыкновенномъ нашемъ быту; и отъ сего міръ житейскій и міръ фантазіи сольются для насъ въ одну непрерывную, однообразную цѣпь ощущеній давно знакомыхъ, давно извѣданныхъ и уже наскучившихъ намъ безконечными своими повтореніями; указаніе, что слова Жанена, будто бы онъ писалъ свою книгу, не приготовляясь, не обдумывая, а просто пускалъ бродить по волѣ и мысли и перо свое, можно принять развѣ за намѣреніе автора подшутить «надъ легковѣріемъ нѣкоторыхъ читателей, ибо въ сочиненіи его, при всей неправильности хода, виденъ планъ обдуманнй и намѣреніе, ясно выражающееся въ цѣломъ», — все это безусловно характерно для Пушкина и заставляетъ присоединиться къ выводу г. Лернера. Но если аргументы послѣдняго убѣдительны по отношенію къ этимъ двумъ статьямъ, то другія замѣтки — за № 1 отъ 21 января и за № 2 отъ 26 апрѣля — мы затруднились бы приписать Пушкину¹⁾ и отнюдь не сказали бы такъ увѣренно, что «они слишкомъ значительны по проведеннымъ въ нихъ взглядамъ, чтобы могли принадлежать рядовому литератору и что тогдашняя литература ничего подобнаго не высказывала»... Не говоря уже о тяжеловѣсномъ языкѣ первой изъ этихъ замѣтокъ (неужели г. Лернеръ «почувствовалъ въ ней трезвый, цѣломудренный стиль Пушкина?»), думаемъ, что столь незначительную по содержанию статейку компилятивнаго характера могъ написать любой изъ сотрудниковъ «Литературной Газеты». Выдержка изъ книги Вильмена, коротенькое протокольное указаніе на причины столкновенія Макферсона съ «отмѣнно грубымъ» критикомъ Джонсономъ, обвинявшимъ Макферсона въ поддѣлкѣ Оссіановыхъ поэмъ и написавшимъ ему чрезвычайно грубое, наполненное ругательствами письмо, указаніе на это письмо, какъ на «поучительный примѣръ для нашихъ журнальныхъ критиковъ» («и почему нашимъ Адиссонамъ не быть и нашими Джонсонами?»), — что здѣсь пушкинскаго, особеннаго, чего не могъ бы написать кто-либо изъ сотрудниковъ газеты? Н. Лернеръ утверждаетъ, что «въ составѣ сотрудниковъ «Лит. Газеты» Пушкинъ былъ единственнымъ интересовавшимся англійской литературой». А кн. Вяземскій развѣ не зналъ ее?.. Исслѣдователь не допускаетъ, чтобы статейку написалъ Орестъ Сомовъ, помогавшій, какъ извѣстно, Пушкину въ изданіи газеты. Почему же? Потому, говоритъ г. Лернеръ, что «на немъ лежала черная работа, и отвѣтственныя роли ему не поручались, а эта замѣтка, направленная противъ отечественныхъ «Адиссоновъ и Джонсоновъ», была, разумѣется, весьма отвѣтственнымъ випадомъ противъ русскихъ полемистовъ, на грубые и дерзкіе приемы которыхъ Пушкинъ жаловался не разъ». Факты нѣсколько противорѣчатъ такому умаленію роли О. Сомова въ изданіи Дельвига: въ 1828 г. въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» (того же Дельвига) была напечатана большая статья (3 — 82 стр.) Сомова на весьма «отвѣтственную» тему — «Обзоръ російской словесности за 1827 годъ». Очевидно, баронъ Дельвигъ, приглашая Сомова въ «Газету», не смотрѣлъ на него только какъ на человѣка, способнаго выполнять «черную работу».

¹⁾ Статью за № 4 (отъ 18 сентября) не къ чему было перепечатывать, такъ какъ она давно была извѣстна и подъ заглавіемъ «Англійскій анекдотъ» печаталась въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, начиная съ анненковскаго 1857 года.

Да и самъ Сомовъ не даромъ называлъ себя «dumvir'омъ», подражывая этимъ, по справедливому указанію г. Браиловскаго, полное господство свое и Дельвига въ журналѣ. А почему бы эту замѣтку о русскихъ Джонсонахъ не написать О. Сомову, только что поссорившемуся съ Булгаринымъ (вѣдь г. Лернеръ его видитъ въ «Джонсонѣ!») и покинувшему болгаринскую «Сѣверную Пчелу»? Вспомнимъ разсказъ Греча, какъ Булгаринъ, встрѣтивъ Сомова, примкнувшаго къ ненавистной ему «Литературной Газетѣ», спросилъ: «Правда ли, Сомычъ, что вы пристали къ Дельвигу?» — «Правда». — «И вы меня будете ругать?» — «Держись!..» Развѣ не было у Сомова желанія и повода кольнуть Булгарина рѣзкимъ портретомъ его грубости, приведя письмо англійскаго критика? Мы не хотимъ приписать Сомову этой замѣтки во что бы то ни стало, но думаемъ, что тѣхъ соображеній, которыя привелъ Н. Лернеръ въ защиту своего довода, будто только Пушкинъ могъ написать ее, далеко недостаточно, что его аргументація весьма шатка и малоубѣдительна. То же впечатлѣніе оставляютъ соображенія г. Лернера относительно второй статьи (отъ 26 апрѣля). Здѣсь приводится отвѣтъ Байрона тѣмъ, кто былъ недоволенъ «неровностями» *Чайльдъ-Гарольда* и совѣтовалъ ему написать эпическую поэму: «Если вамъ непременно нужна эпическая поэма, такъ вотъ вамъ *Донъ-Жуанъ* — это эпическая поэма въ духѣ нашего времени». Далѣе читаемъ въ статейкѣ: «Такъ постигалъ Байронъ эпопею нашего времени. Замѣтимъ, что и у насъ, на Руси (хотя не друзья, а журнальные критики), требуютъ отъ поэта длинныхъ поэмъ, — поэмъ эпическихъ, хвалебныхъ. Но вѣдь у нихъ есть двѣ или три Петріады, Наполеонъ въ Россіи, Суворовиды, Александровиды и пр. и пр.». Неужели русская литература «ничего подобнаго не высказывала», какъ это кажется Н. Лернеру? Извѣстно, мысли о свободѣ творчества были весьма распространенными въ кругу нашихъ писателей и критиковъ романтическаго лагеря еще съ 1820 годовъ (см. цѣлый рядъ стихотворныхъ произведеній и статей хотя бы въ *Московскомъ Вѣстникѣ* за 1828 г.). Н. Лернеръ полагаетъ, что для Пушкина, отъ котораго «Сѣверная Пчела» ждала (въ 1829 году) хвалебныхъ стиховъ въ честь «Эриванскаго героя» Паскевича, написать эту замѣтку было «дѣломъ самозащиты»? Но развѣ у Пушкина не было друзей, понимавшихъ его значеніе, какъ главы новой литературной школы, свободной отъ условностей классицизма, которые не сумѣли бы отвѣтить литературнымъ старовѣрамъ? Взять хотя бы князя Вяземскаго. Н. Лернеръ, ссылаясь на «Онѣгина», гдѣ упоминаются «Петріады», и утверждая, что «изъ всего состава «Литерат. Газеты» только авторъ «Онѣгина» могъ такъ сочувственно принять байроновское опредѣленіе «поэта нашего времени», слишкомъ поспѣшно сдѣлалъ свой выводъ о принадлежности данной статьи Пушкину: онъ упустилъ изъ виду, что въ статьяхъ князя Вяземскаго не только вскрывается сочувственное отношеніе къ Байрону, не только проводится взглядъ на него, какъ на «поэта нашего времени», но даже встрѣчается упоминаніе о «Петріадѣ»... Вспомнимъ, вѣдь Вяземскій былъ какъ бы присяжнымъ защитникомъ Пушкина, какъ автора *поэмъ*: онъ въ трехъ статьяхъ (о «Кавказскомъ плѣнникѣ» въ 1822 г., о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» въ 1824 г. и о «Цыганахъ» въ 1827 году) отстаивалъ именно пушкинскія поэмы, какъ «байроническія, романтическія, свободныя отъ «условностей формы»; признавалъ Байрона

поэтомъ, зачертившимъ въ поэмахъ «характеръ своей эпохи», говорилъ, что лица, подобныя Чайльдъ-Гарольду, «часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣшнемъ положеніи общества»; утверждалъ, отбиваясь отъ нападокъ разныхъ старовѣровъ, что «поэзія новѣйшая, такъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть народнаго въ Петриадѣ и Россіадѣ, кромѣ именъ?» Почему не допустить, что Вяземскій, всегда горячо привѣтствовавшій пушкинскія поэмы, заявлявшій въ статьѣ по поводу «Цыганъ» въ 1827 г., что «Пушкинъ свершилъ многое, но свершить можетъ еще больше», не выступилъ въ 1829 г. вновь на защиту Пушкина, когда отъ того потребовали хвалебныхъ эпическихъ поэмъ? Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ нашемъ предположеніи, что замѣтку могъ написать кн. Вяземскій. Статья появилась въ № 24 отъ 26 апрѣля, а 2 мая 1830 года Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Газета хороша, ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покажѣсть нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину?» Почему не предположить, что эти строки относились, между прочимъ, къ данной замѣткѣ?..

Словомъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ аргументація Н. Лернера представляется весьма уязвимой и, пока не найдутся болѣе документальныя данныя, мы оставили бы подъ значительнымъ сомнѣніемъ первыя изъ двухъ приписываемыхъ г. Лернеромъ Пушкину статей.

Н. Бродскій.

III. Феодализмъ при Людовикѣ XVI.

Въ февральской книжкѣ журнала «La révolution française» помѣщена весьма интересная статья профессора Олара о феодализмѣ при Людовикѣ XVI («La féodalité sous Louis XVI»), на которой нельзя не остановиться въ виду того крупнаго значенія, какое имѣетъ для выясненія и аграрнаго законодательства революціи и причинъ крестьянскихъ волненій 1789—1799 гг., вопросъ о томъ, усилился ли или нѣтъ гнетъ феодально-сеньориальнаго режима передъ революціей. Какъ извѣстно, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, какъ Aimé Cherest'омъ, впервые отмѣтившимъ фактъ проявленія феодальной реакціи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII в. во Франціи, такъ, въ особенности, Саньякомъ въ его работѣ о сеньориальныхъ правахъ во время Людовика XVI, работѣ, въ которой онъ пытался доказать и увеличеніе старыхъ сеньориальныхъ повинностей и созданіе новыхъ, что послужило одной изъ причинъ взрыва и сожженія замковъ и сеньориальныхъ архивовъ. Не всѣ утвержденія Саньяка были приняты наукой. Такъ, Анри Сэ въ своемъ изслѣдованіи о крестьянахъ въ Бретани, путемъ сопоставленія земельныхъ росписей (livres terriers) XVI и XVII ст. съ новыми росписями, составленными въ концѣ XVIII в., показалъ, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Бретани, утвержденіе Саньяка о фактѣ увеличенія сеньориальныхъ правъ въ XVIII в. лишено основанія. Но совершенно такъ же, какъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи, Сэ далекъ былъ отъ мысли отрицать фактъ наличности реакціи и усиленія общаго гнета со стороны возрождавшагося феодализма.

Оларъ въ своей статьѣ становится на иную, болѣе смѣлую, точку зрѣнія. Онъ, правда, не рѣшается дать окончательнаго отвѣта на вопросъ о томъ, усилился ли дѣйствительно гнетъ сеньориально-феодальнаго режима, онъ даже сомнѣвается въ возможности когда-либо точно рѣшить его въ виду скудности данныхъ и крайняго, по его мнѣнію, разнообразія аграрныхъ отношеній въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи. Тѣмъ не менѣе, онъ пытается рядомъ фактовъ и соображеній показать, что гнетъ этотъ фактически уменьшился при Людовикѣ XVI и что, если протесты противъ него усилились и вылились въ аграрныя волненія и въ рядъ жалобъ въ наказахъ и петиціяхъ въ феодальной комитетъ, то это, главнымъ образомъ, благодаря распространенію новыхъ идей, литературной пропагандѣ, проникновенію въ массы свѣдѣній о реформахъ въ Савойѣ, о событіяхъ въ С. Америкѣ, благодаря, наконецъ, примѣру нѣкоторыхъ сеньоровъ, пропитавшихся новыми гуманитарными тенденціями, которыя они пытались якобы осуществить на дѣлѣ и т. п. Идейной сторонѣ Оларъ придаетъ, видимо, гораздо большее значеніе, чѣмъ дѣйствию социальна-экономическихъ факторовъ.

Аргументы, приведенные имъ въ пользу того предположенія, что сеньориально-феодальный гнетъ ослабѣвалъ передъ революціей,—самые разнообразные, но, къ сожалѣнію, не всегда достаточно убѣдительные. Это прежде всего — и онъ, видимо, придаетъ этому особенное значеніе—извѣстный указъ 1779 г., касавшійся освобожденія менмортаблей (mainmortables) на королевскихъ доменахъ, снявшій, по его мнѣнію, часть тяжести съ зависимыхъ лицъ; затѣмъ наличность существованія крупныхъ сеньоровъ, которые не только не обнаруживали стремленія безпощадно взыскивать повинности съ зависимыхъ отъ нихъ лицъ, но даже проявляли большую умѣренность въ дѣлѣ ихъ взысканія и относились сочувственно къ страданіямъ бѣдности; далѣе, фактъ расширенія и увеличенія крестьянской собственности до революціи, естественно, возбуждавшій усиленную вражду къ существовавшимъ всякаго рода правамъ, лежавшимъ на прибрѣтенной землѣ; наконецъ и фактъ неизмѣняемости сеньориальныхъ правъ, лежавшихъ на землѣ,—неизмѣняемости чиншей и т. п. платежей. Отрицать послѣднее, по мнѣнію Оларъ, невозможно. Невозможно также и доказывать увеличенія платежей: потеря массы земельныхъ описей (livres terrieurs), съ одной стороны, трудность работать путемъ сопоставленія старыхъ описей (XVI, напр., вѣка) съ новыми, возобновленными—съ другой, очень запутываютъ задачу историка. Попутно Оларъ подвергаетъ критикѣ какъ утвержденіе Саньяка и др. о роли февдистовъ, какъ органовъ сеньоровъ, будто бы разживавшихся исключительно на счетъ крестьянъ, такъ — и это особенно интересная часть его работы, хотя сдѣланная имъ больше въ видѣ намековъ — и заявленія нѣкоторыхъ наказовъ и петицій, которымъ онъ придаетъ иное значеніе, чѣмъ какое имъ придаютъ многіе изъ историковъ, безусловно вѣрящіе въ наказы.

Но далеко не всѣ эти положенія въ достаточной мѣрѣ подтверждены Оларомъ, далеко не всѣ истолкованы правильно. Вопросъ о необходимости пересмотра гипотезы, какъ она создана была Саньякомъ, поставленъ Оларомъ совершенно правильно, но выводы оставляютъ желать многого.

На вполне прочной почвѣ стоитъ Оларъ, когда ссылается на фактъ неизмѣняемости сеньориальныхъ платежей и правъ. То, что

утверждалъ Сэ, касаясь только Бретани, не ограничивается одной этой областью. Для различныхъ мѣстностей Франціи, нѣкоторыхъ сеньорій, особенно духовныхъ, сохранились описи XVIII в., включающія въ себѣ подробныя указанія относительно чуть не каждаго клочка земли на то, какимъ платежамъ подвергался онъ и въ прежнія времена, въ XVI и XVII вв. И во всѣхъ такихъ случаяхъ тотъ же фактъ, какой Сэ открылъ для Бретани, повторяется и здѣсь. Размѣръ платежей — тотъ же и въ новыхъ описяхъ, какъ и въ старыхъ. Характеръ и особенности каждой земли, все равно дворянской или ротюріерной, остается въ XVIII в. такимъ, какъ и въ XVI в. Отсюда внесеніе всѣхъ измѣненій съ отмѣтками пунктовъ описи XVI или XVII вв. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда путемъ договора сеньора съ зависимыми лицами, измѣнялись размѣры платежей. Отсюда же и тотъ любопытный фактъ, съ которымъ мы встрѣчаемся во всѣхъ почти областяхъ Франціи: платежъ правъ и повинностей сеньоромъ самому себѣ, когда тотъ или иной клочекъ земли, напр., чиншевой, переходилъ въ его руки на основаніи правилъ, установленныхъ обычаемъ данной области. Отсюда и умножившіеся передъ революціей процессы зависимыхъ лицъ съ сеньорами изъ-за платежа правъ, протесты противъ ихъ измѣненій, разъ они вводились, отказы отъ платежей, особенно частые въ 70-хъ и 80-хъ годахъ и приводившіе къ сдѣлкамъ и договорамъ. Все это — сильные аргументы противъ гипотезы Саньяка, но Оларъ упустилъ ихъ изъ виду. Онъ даже ослабилъ ихъ своимъ обобщеніемъ частнаго факта, давшаго отрицательные результаты и въ одну и въ другую сторону.

Безусловно правъ Оларъ, когда онъ, — и здѣсь онъ является почти пионеромъ, — требуетъ критическаго отношенія къ тѣмъ заявленіямъ, какія исходили отъ составителей наказовъ и петицій 1789, 1790 и слѣд. годовъ. Когда мы встрѣчаемъ въ нихъ жалобы на увеличеніе платежей, то, спрашиваетъ Оларъ, относятся ли эти жалобы къ факту увеличенія сеньоральныхъ платежей и правъ или къ факту возвышенія рентъ. Онъ могъ бы прибавить еще: и арендныхъ платъ? Оларъ, видимо, склоненъ отвѣтить утвердительно и онъ, несомнѣнно, правъ. Между тѣмъ, пользующіеся наказами принимаютъ жалобы крестьянъ на соединеніе, напр., нѣсколькихъ фермъ или метерій въ одну или на уничтоженіе этихъ метерій, входящихъ въ составъ личной собственности сеньора, за жалобы по поводу земель, состоящихъ въ ихъ, крестьянскомъ, владѣніи. Къ сожалѣнію, Оларъ не дѣлаетъ вывода изъ своей критики, не отмѣчаетъ такого крупнаго факта, какъ ростъ арендныхъ платъ, сыгравшихъ немалую роль въ созданіи того недовольства, которое привело къ взрыву 1789 г. Онъ обходитъ полнымъ молчаніемъ то различіе, какое существовало между землями сеньора и землями зависимыхъ лицъ: первыя попали въ руки крестьянъ въ качествѣ аренды, а вторыя были той собственностью крестьянъ, на которую и обрушилась феодально-сеньоріальная реакція 70-хъ и 80-хъ гг.

И если можно говорить объ увеличеніи тяжести, то лишь по отношенію къ землямъ перваго рода. По отношенію ко вторымъ вопросъ долженъ быть поставленъ, въ виду факта неизмѣнности правъ и платежей, на совершенно иную почву. Въ своей знаменитой брошюрѣ Бонсерфъ не даромъ и не въ качествѣ пустой фразы писалъ, что «феодальная тиранія, послѣ цѣлаго столѣтія покоя

и молчанія, бѣшено пытается возродиться». Факты, приведенные частично мной въ моихъ работахъ, относительно забвенія въ первой половинѣ XVIII в. многихъ сеньориальныхъ правъ, объ ихъ невзиманіи, о полномъ хаосѣ, царившемъ здѣсь, о массѣ недоимокъ, накопившихся и на дворянскихъ и на крестьянскихъ земляхъ, показываютъ, какъ мнѣ кажется, гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ искать основы раздраженія. Оно было вызвано, несомнѣнно, развившейся со второй половины XVIII в. феодально-сеньориальной реакціей, проявившейся въ усиленномъ стремленіи возобновить опеку, возстановить забытыя и неосуществлявшіяся права, взыскать недоимки и т. п. На эти факты отчасти вынужденъ сослаться и Оларъ, такъ какъ въ этомъ суть всего вопроса. Но онъ пытается ослабить значеніе признаваемого и имъ факта усиленныхъ взысканій со стороны сеньоровъ принадлежащихъ имъ правъ,—правъ, которыя вынуждены были признавать за ними судьи въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне возбуждали иски, безнадежные въ большинствѣ случаевъ въ силу охраняемой законами и обычаями неизмѣнимости сеньориальныхъ правъ. Онъ для этого ссылается на «благодѣльныхъ» сеньоровъ. Быть-можетъ, такіе и существовали (лично я такихъ не находилъ), но тотъ сеньоръ де-Бриссакъ, котораго Оларъ выставилъ, какъ представителя этого рода сеньоровъ, на дѣлѣ не представляетъ исключенія. Оларъ указываетъ, какъ на актъ гуманности Бриссака, на тотъ фактъ, что онъ дѣлалъ скидку съ пошлинъ при перемѣнѣ владѣльцевъ земли въ $\frac{1}{3}$ продажной цѣны, а не въ $\frac{1}{4}$, какъ дѣлали другіе. Но никто не сочтетъ за образецъ гуманности принца Артуа, между тѣмъ и въ его сеньориальныхъ владѣніяхъ практиковалась такая же скидка въ $\frac{1}{3}$, и то не былъ исключительный случай. Скидки варьировались изъ сеньоріи въ сеньорію и скидка въ $\frac{1}{3}$ не была рѣдкостью. Не болѣе рѣдкимъ было и то, о чемъ говоритъ Оларъ, характеризуя «гуманность» Бриссака: его приказы не особенно настаивать на взысканіяхъ сеньориальныхъ правъ, а лишь грозить судомъ. Это относилось къ концу 1786 г., и буквально то же мы встрѣчаемъ и въ перепискѣ принца Артуа съ его управляющими, и въ перепискѣ принца Конде и др. Не всегда, въ виду, видимо, обострявшагося настроенія умовъ, было возможно и выгодно дѣйствовать напрямикъ.

Наиболѣе слабымъ аргументомъ Олара является аргументъ, основанный на фактѣ изданія указа 1779 г. Въ дѣйствительности это — одинъ изъ актовъ правительственной власти, который на дѣлѣ не имѣлъ реального значенія. Это было пышнымъ провозглашеніемъ принципа, ярко противорѣчившаго всей послѣдующей, да даже и болѣе ранней политикѣ Людовика XVI, являвшагося тогда, какъ и въ 1789 г., ярымъ защитникомъ правъ собственности сеньоровъ. Данныхъ о фактическомъ осуществленіи его нѣтъ, и всѣ поиски Олара въ этомъ направленіи остались тщетными. Ни того, какъ примѣненъ онъ былъ на королевскихъ доменахъ, ни того, кто изъ сеньоровъ дѣйствительно примѣнилъ его, мы не знаемъ. Единственными источниками свѣдѣній о примѣненіи указа является лишь брошюра аббата Клерже: *Cri de la raison ou examen approfondi des lais et des coutumes, qui tiennent dans la servitude mainmortable 1500000 sujets du roi* (1789). Но заслуживаетъ ли она хоть бы малѣйшаго довѣрія? Оларъ самъ подвергаетъ эту брошюру рѣзкой и вполне основательной критикѣ. Это самая цѣнная часть его статьи и, я думаю, окончательный

приговоръ брошюрѣ. Выдумкой является и цифра въ 1½ милл., выдумкой и герои освобожденія крестьянъ, названные въ брошюрѣ. Замѣтимъ, что то, что касается менмортаблей XVIII в., которыхъ, вопреки дѣйствительности, смѣшивали съ крѣпостными, несмотря на совершенно яркую характеристику ихъ, данную безансонскими парламентами, было уже однажды предметомъ превосходной работы Дармштеттера, доказавшаго преувеличенность представленія о характерѣ и значеніи немногихъ, сохранившихся еще во Франціи, менмортаблей, въ большинствѣ лично свободныхъ, при ограниченіяхъ лишь правъ ихъ на землю. Говорить при такихъ обстоятельствахъ о томъ, что нѣкоторая доля тяготы, создаваемой сеньориальнымъ режимомъ, была скинута съ плечъ крестьянъ (небольшой ихъ части), врядъ ли возможно и правильно.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о роли сеньориально-феодальнаго режима требуетъ и послѣ статьи Олара новаго и обстоятельнаго разслѣдованія.

И. Луцицкій.

IV. Джузеппе Мадзини на защитѣ римской республики 1849 года. Новый вариантъ Мефистофеля. Фаустъ въ балаганъ.

Въ февральской книжкѣ Nuova Antologia (1 febr. 1913) проф. Vittorio Cian приводит нѣсколько неизданныхъ еще писемъ къ Гарибальди отъ Дж. Мадзини и Гоф. Мамели (Giuseppe Mazzini e Goffredo Mameli a Giuseppe Garibaldi). На фонѣ ихъ ярко рисуются два неутомимыхъ защитника молодой римской республики, погибшей подъ ударами французскихъ солдатъ.

Послѣ бѣгства папы Пія IX изъ Рима въ Гаэту римское учредительное собраніе провозгласило 5 февраля республику. Во главѣ учредительной власти оно поставило триумvirатъ Армеллини, Саффи и Мадзини. Республикѣ сразу пришлось отстаивать энергично свое существованіе отъ Австріи, Неаполитанскаго королевства и Франціи: послѣдняя отправила въ Италію девятитысячный корпусъ подъ начальствомъ Удино. Душой защиты, разумѣется, сдѣлались Мадзини и Гарибальди. Въ то время, какъ первый дѣйствовалъ въ Римѣ, послѣдній энергично преслѣдовалъ отступающую неаполитанскую армію.

Мадзини напряженно слѣдилъ за дѣйствіями Гарибальди противъ неаполитанцевъ, но не скрывалъ своихъ опасеній предъ наступающими изъ Романьи и Марки австрійцами.

Единственнымъ спасеніемъ изъ отчаяннаго положенія по его мнѣнію являлась партизанская война. Майскія письма къ Гарибальди вскрываютъ предъ нами и заботы объ усиленіи маленькой республиканской арміи и тревоги, вызванныя въ триумвирахъ наступленіемъ австрійской арміи. Чувствуя себя мало компетентнымъ въ военномъ дѣлѣ, Мадзини образуетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ военный совѣтъ, въ которомъ видное мѣсто занимаетъ генераль Розелли. Совѣтъ рѣшаетъ вернуть Гарибальди и сосредоточить всѣ силы противъ австрійцевъ. Несмотря на всѣ старанія возможно смягчить отзывъ Гарибальди изъ успешнаго похода, горячій генераль, раздраженный полученнымъ приказаніемъ, пишетъ Мадзини рѣзкое письмо и повинуется съ большой неохотой. Зависимость отъ Розелли сильно тяготила его и непріязненно настраивала про-

тивъ Мадзини. Со свойственной ему чуткостью послѣдній угадывалъ душевное настроеніе своего самолюбиваго товарища и употреблялъ всѣ усилія погасить зарождавшееся недовѣріе. Помимо Австріи, французскій корпусъ принималъ угрожающее положеніе, какъ видно было изъ письма Мамели, адъютанта Гарибальди. Письма Мадзини становятся все тревожнѣе (29—30 мая). 31-го Гарибальди вернулся въ Римъ и потребовалъ мѣсто главнокомандующаго въ походѣ противъ австрійцевъ. Съ обычной рѣзкостью онъ поставилъ Мадзини на выборъ: онъ, Гарибальди, будетъ либо неограниченнымъ диктаторомъ, либо простымъ солдатомъ. Напряженіе между двумя борцами превратилось въ трагическую дуэль, и 2 іюня Мадзини пишетъ замѣчательно трогательное письмо къ самолюбивому вождю, заклиная его во имя Бога и отечества думать только о спасеніи Рима и родины. Горькія слова вырываются у триумвира: «Теряю голову и хотѣлось бы бросить защиту города и все, идти въ Фулиньо, или хотъ къ дьяволу, и покончить съ ружьемъ въ рукахъ... Такъ не дѣлаютъ, такъ не спасаютъ родину...» Но, съ присущимъ ему тактомъ, онъ все же избѣгаетъ личныхъ упрековъ Гарибальди. И тотъ забылъ свои претензіи и всей душой отдался оборонѣ города. Неудачныя вылазки не сокрушили его энергію: онъ замышляетъ поднять на ноги провинціи Италіи, требуетъ отъ Мадзини всего нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ... Но силъ не было, и самъ Мадзини продолжалъ рассчитывать лишь на партизанскую войну, чтобы отвлечь вниманіе французовъ (письмо отъ 17 іюня). Эти предположенія Мадзини, высказывавшіяся, правда, въ мягкой формѣ, вызвали вновь недовольство и недовѣріе въ мнительномъ генералѣ. Тогда и Мадзини на мгновеніе теряетъ терпѣніе и въ письмѣ отъ 22 іюня къ полковнику Манарѣ упрекаетъ Гарибальди въ бездѣйствіи. Отчаяніе вливалось въ душу Мадзини. 22 іюня онъ снова пишетъ Гарибальди: «Не даю совѣтовъ и не могу ихъ давать въ военномъ дѣлѣ», и все же настаивалъ на ночной вылазкѣ.

Гибель республики приближалась. И среди этой мучительной агоніи ея защитники снова обрѣли твердость и силу духа. Въ томъ же письмѣ къ Манарѣ (начальнику штаба) Мадзини пишетъ съ просьбой показать письмо Гарибальди: «Смотрю на Римъ, какъ на павшій. Дай Богъ, чтобы враги дерзнули напасть; народъ прекрасно будетъ защищаться на баррикадахъ; мы всѣ туда явимся... Не могу выразить, какъ горько на душѣ! Столько храбрости, столько героизма потеряно!.. Мнѣ остается безплодное удовлетвореніе — не подписать своего имени подъ капитуляціей, которая, предвижу, неминуема. Но дѣло не во мнѣ... Дѣло въ Римѣ, въ Италіи»...

И Гарибальди писалъ наканунѣ своей женѣ Анитѣ: «Мы сражались на Яникулѣ, народъ достоинъ прежней славы. Живутъ, умираютъ, ампутируютъ при крикахъ «Да здравствуетъ республика». Часъ нашей жизни въ Римѣ стоитъ вѣка жизни. Счастлива моя мать, родившая меня въ столь прекрасную для Италіи эпоху»...

Такъ умерла Римская республика въ 1849 году.

* * *

Трудно сосчитать всѣ литературные варианты легенды о мятежномъ человѣческомъ духѣ—Фаустѣ и его спутникѣ «частичкѣ силы, хотящей вѣчно зла, творящей лишь благое». Въ двухъ поэтическихъ

отрывкахъ поэтъ Артуро Графъ ¹⁾ даетъ намъ новаго Мефистофеля, Мефистофеля начала XX вѣка. Въ первой картинѣ «Смерть Фауста» Фаустъ, убаюкиваемый голосами небесныхъ духовъ, во снѣ получаетъ прощеніе у Маргариты и спокойно ожидаетъ смерти. Является Мефистофель. Фаустъ напоминаетъ ему объ истекающемъ срокѣ договора. Но Мефистофель уже не тотъ, онъ современный дьяволъ, онъ съ легкимъ презрѣніемъ говоритъ о договорѣ прежнихъ дней («In diebus illis») и прощаетъ долгъ Фауста. «Ты свободенъ!» Но сознание свободы на мигъ лишь радуетъ Фауста — напрасно Мефистофель убѣждаетъ его, что и онъ, Фаустъ, измѣнился, — напрасно показываетъ ему блестящую картину новаго свѣтлаго города, напрасно вспоминаетъ объ совмѣстной работѣ въ мірѣ. «Работа признана сама по себѣ», возглашаетъ онъ, призывая Фауста къ новой жизни, чтобы «строить, мѣнять старое лицо міра». «Поздно, другъ!» отвѣчаетъ Фаустъ и отказывается: тяжкимъ грузомъ лежать на его душѣ воспоминанія. На мѣсто его явятся сто Маргариты, утѣшаетъ онъ Мефистофеля и умираетъ съ именемъ Маргариты на устахъ. Вторая картинка—«Вознесеніе Мефистофеля» переноситъ насъ къ концу исторіи человѣческаго рода.

Времена исполнились. Міра прежняго больше не существуетъ. И праведники, и грѣшники получили свое воздаяніе и, въ концѣ-концовъ, всѣ почилы въ небесномъ лонѣ. Мефистофель остается одинъ и является предъ небесными вратами. Насмѣшливо одобряетъ онъ небесный хоръ, «немного устарѣлый». Ему страшно скучно въ пустотѣ и онъ желаетъ немножко «побесѣдовать» съ «Вѣчнымъ Отцомъ». Ему надоѣло бездѣйствіе, жалуется онъ, надоѣло сидѣть, сложивши руки. Создать новаго міра онъ не можетъ: онъ можетъ лишь его представить себѣ мысленно, разрушать и измѣнять существующее, но новаго создать не въ силахъ. Не хочетъ ли Вѣчный Отецъ создать новаго міра? А покамѣстъ Мефистофель чувствуетъ себя одинокимъ. «Вѣчный (Eterno) предлагаетъ ему вернуться, вѣдь онъ не изгнанъ, а ушелъ самовольно. Но Мефистофеля мучитъ мысль, что будетъ тамъ? «Любовь», отвѣчаетъ небесный хоръ. И скептикъ замѣчаетъ съ ироніей, что, къ сожалѣнію, не можетъ любить. Тогда «Вѣчный» напоминаетъ ему о моментѣ состраданія къ Маргаритѣ, о Фаустѣ. Мефистофель сознается, что былъ бы радъ спасенію Фауста и не прочь увидѣть его. Но боится, что и на небесахъ будетъ скучно. Вѣчный обѣщаетъ ему полную свободу на небѣ. Мефистофель не будетъ плѣнникомъ, не будетъ запрета его критикѣ. «И если создамъ я новый міръ, скажу тебѣ о томъ особо, вѣчный критикъ!» Моментъ нерѣшимости, и Мефистофель переступаетъ небесный порогъ.

Не умеръ Фаустъ со своимъ спутникомъ и на сценѣ нѣмецкаго балагана. Съ этимъ кукольнымъ Фаустомъ знакомитъ I. Больте («Три кукольныхъ комедій о дочери Фауста» Zeitschrift des Verein für Volkskunde 1913, № 1). «Народный, балаганный Фаустъ имѣетъ тоже за собой большое прошлое. Первая же обработка легенды о волшебникѣ и чернокнижникѣ, сдѣланная англійскимъ драматургомъ Х. Марло, была приспособлена для нѣмецкой народной сцены бродячими актерами, и съ 1608 года шутовская комедія о докторѣ Фауста заняла видное мѣсто въ репертуарѣ балагана и кукольной

¹⁾ Nouva Antologia. 1913, № 1. Arturo Graff. La morte di Fausto.—L'Assunzione di Mefistofele.

комедіи. Колдунъ Фаустъ, глуповатый, несмотря на всю свою ученость, безличный Вагнеръ, его домоправитель и товарищъ, дьяволъ-фокусникъ Мефистофель и народный шутъ Касперъ — главные дѣйствующія лица. Варіантъ кукольной комедіи, напечатанный Болъте, еще въ 1893 году разыгрывался на сценѣ кукольнаго театра въ Лейпцигѣ подъ управленіемъ Стефани. Маленькая пьеска заключаетъ 4 дѣйствія. Фаустъ недоволенъ своимъ докторствомъ. Желая быть чѣмъ-либо повыше, онъ прибѣгаетъ къ волшебной книгѣ: вызываетъ трехъ духовъ и выбираетъ самаго могучаго ихъ нихъ, Мефистофеля, съ которымъ и заключаетъ договоръ на 24 года. Грозныя знаменія при этомъ, свѣтящіяся буквы Н. Ф. (homo fuge—бѣги челоуѣкъ), Мефистофель искусно перетолковываетъ въ свою пользу. Въ слѣдующихъ 3 дѣйствіяхъ главное мѣсто занимаетъ нанятый Вагнеромъ слуга Касперъ, лѣнивый, хитрый, прожорливый шутъ и проныра. Его шутовскія бесѣды съ Вагнеромъ, споры съ Мефистофелемъ, плутни и шутки совершенно закрываютъ первоначальную идею пьесы. Лишь въ послѣднемъ дѣйствіи снова появляется Фаустъ, обманутый Мефистофелемъ, и сходить въ преисподнюю, грубо напутствуемый Касперомъ.

А. Васютинскій.

Статьи въ мартовскиѣ книжкаѣ журналовъ ¹⁾.

I. Всеобщая исторія.

А. Лютеръ. Фридрихъ Геббель. (*Рус. Мысль*). **К. Оберучевъ.** Французская армія и великая революція. (*Рус. Бог.*). **Рязановъ, Н.** «Исповѣдь» Карла Маркса. (*Совр. М.*).

II. Русская исторія.

Записки иностранца Федора Бринки, сосланнаго по Высоч. повел. въ Иркут. губ. въ 1807 г. (*Рус. Арх.*, № 2). **Н. Р. Шохоль.** Къ вопросу о развитіи высшаго женскаго образованія въ Россіи. (*Ж. М. Н. Пр.*). **В. Я. Богучарскій.** Конституціонный проектъ графа П. П. Шувалова. (*Совр.*) **А. Прибылева.** О «Вольномъ Словѣ» и о роли въ немъ Мальшинскаго. (*Рус. Бог.*) **Сватиновъ, С.** Студенты-медики. Истор. справка. (*Совр. М.*). **В. Хижняковъ.** Изъ исторіи одного земства (*Рус. Бог.*).

III. Исторія русской литературы.

В. Ѡ. Миллеръ. Къ былинѣ о Соломонѣ и Василии Окуловичѣ. (*Ж. М. Н. Пр.*). **В. М. Истринъ.** Изъ документовъ архива

бр. Тургеневыхъ. (*Ж. М. Н. Пр.*). **Н. Лернеръ.** Новооткрытыя рукописи Пушкина. (*Рус. Библиофилъ*, № 2). Письмо **Л. Н. Толстого** къ А. Н. Пыпину о Тургеневѣ. (*Совр.*). «Зосима» Достоевскаго и «Брандъ» Ибсена. Вдохновеніе, жизнь и вѣра. **Дж. Болдырева.** (*Рус. Мыс.*). Неизданныя письма Ѡ. М. Достоевскаго. **А. Д. Александрова.** (*Рус. Ст.*). Правда объ И. С. Никитинѣ. **В. П. Малыгина.** (*Ист. Вѣстн.*). **В. А. Розенбергъ.** Конецъ «Отечественныхъ Записокъ». (*Рус. Бог.*). I. Три письма Л. Н. Толстого. II. Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ Н. А. Блокъ. (*Рус. Мыс.*). Новое о прошломъ: Л. Н. Толстой объ И. С. Тургеневѣ. (Письмо къ Пыпину). (*Совр.*). **Фаусекъ, В.** Изъ воспоминаній о В. М. Гаршинѣ. (*Совр. М.*). **Пав. Тулубъ.** Гаршинъ и Надсонъ (съ двумя письмами Гаршина). (*Путь*). **Н. Баранцевичъ.** В. М. Гаршинъ. (*Путь*).

IV. По искусству.

О. Валодгауеръ. Античная скульптура въ Импер. Эрмитажѣ (*Аполлонъ*). **Хоткевичъ.** О портретахъ Богдана Хмельницкаго. (*Искусство*).

¹⁾ Продолженіе статей не отмѣчается.

Столѣтіе рожденія Т. Н. Грановскаго.

9 марта чествовали память того знаменитаго московскаго профессора «сороковых годовъ», знамя котораго «мы держимъ въ нашихъ рукахъ», какъ выразился П. Г. Милоковъ въ своей статьѣ, напечатанной въ день годовщины въ «Рѣчи». Т. Н. Грановскому «не удалось ввести насъ самому въ обѣтованную землю его гражданскихъ упований. Онъ только издали взглянулъ на нее угасающими очами».

«Можно было бы много сказать о Грановскомъ, но сегодня, — писалъ П. Н. Милоковъ, — хочется говорить о немъ такъ, какъ говорили, сойдясь на его могилѣ, его друзья и противники, въ октябрѣ 1855 года. Хоронили не профессора, не ученаго: хоронили общественнаго дѣятеля, ставшаго на водораздѣлѣ разныхъ теченій русской общественности и давшаго форму, содержаніе, почти политическую программу одному изъ этихъ теченій».

Отмѣчая, что изъ-за Грановскаго произошла окончательный разрывъ между двумя основными направленіями русской общественной мысли, славянофилами и западниками, П. Н. Милоковъ указывалъ, что «Грановскому въ этихъ спорахъ и расхожденіяхъ принадлежитъ оригинальная роль. Онъ не былъ

спорщикомъ и діалектикомъ, какъ Хомяковъ или Герценъ. Онъ не былъ и борцомъ и фанатикомъ своей мысли, какъ Бѣлинскій и Аксаковы съ Кирѣевскими. Но силой самаго существа своей мысли онъ сталъ посрединѣ среди этихъ спорщиковъ, и съ наибольшей силой споры разгорались именно на немъ, за и противъ него».

Памяти «историка-гуманиста» посвятилъ статью въ «Школѣ и Жизни» Н. И. Карѣевъ.

«Знаменитый профессоръ-гуманистъ принадлежалъ не къ тѣмъ людямъ, которые отдѣляютъ школу отъ жизни, науку отъ общественности. Это не былъ кабинетный ученый, отрѣшившійся отъ міра съ его житейскими тревоженіями и злобами дня: его всегда тянуло на общественную арену, которая была, однако, такъ тѣсна подъ такимъ полицейскимъ и цензурнымъ надзоромъ въ тѣ годы, когда онъ жилъ и профессорствовалъ въ Москвѣ».

«Современный намъ историкъ, — писалъ Грановскій, — не можетъ отказаться отъ законной потребности нравственнаго воздѣйствія на читателей». Въ этого онъ не видѣлъ въ своей наукѣ того, что составляетъ ея величайшее достоинство. Хорошо извѣстны столѣ

часто цитировавшіяся слова Грановскаго: «Меня обвиняють въ томъ, что исторія служить мнѣ только для высказыванія моего воззрѣнія. Это отчасти справедливо, я имѣю убѣжденія и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ; если бы я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ бы публично передъ вами для того, чтобы рассказывать, больше или меньше занимательно, рядъ событій».

Если Грановскій выдвигалъ на первый планъ общественную пользу исторіи, воздѣйствіе при ея помощи на жизнь, то это не значитъ, что онъ не понималъ чисто теоретическаго интереса къ наукѣ. Въ послѣдніе годы жизни его очень занималъ вопросъ о сближеніи исторіи съ естествознаніемъ на почвѣ научнаго созерцанія дѣйствительности и научнаго пониманія законовъ, управляющихъ ея явленіями.

«Русскія Вѣдомости» наиболѣе торжественно отмѣтили знаменательную годовщину русской общественности статьями А. А. Кизеветтера, А. А. Мануилова и Н. И. Карѣва.

«Чествуя память Грановскаго,—писала газета въ передовой статьѣ,—русское общество воздастъ сегодня дань благоговѣнія создателю лучшихъ традицій русскаго университета, носителю которыхъ послѣ Грановскаго были русскіе профессора того же типа.

«Сегодняшній день застаётъ русскіе университеты въ печальномъ состояніи. То, что въ нихъ было самаго дорогого, великіе завѣты Грановскаго, подвергается гоненію. Оскверняются священные наои и духъ животворящій погашается. Но пусть тѣнь Грановскаго попрежнему осѣняетъ дѣятелей русскаго просвѣщенія и поможетъ русской наукѣ перенести тяжелое лихолѣтіе».

«Органическое сплетеніе научныхъ и жизненныхъ интересовъ,—писалъ въ своей статьѣ А. А. Кизеветтеръ,—особенно поучительно въ Грановскомъ въ виду того, что еще и въ наше время встрѣчается порой въ общественныхъ толкахъ странное противопоставленіе задачъ науки и жизни. Грановскаго мѣнѣе чѣмъ кого-либо можно обвинить въ равнодушіи къ запросамъ обществен-

ной борьбы. Но тотъ же Грановскій зналъ и настоящую науку непо наслышкѣ, а по непосредственной, личной, упорной работѣ. И потому ему не приходилось стоять въ раздумьѣ передъ выборомъ жизненнаго пути. Онъ зналъ, что влеченіе къ научнымъ занятіямъ не враждебно борьбѣ за правду; онъ зналъ, что для участія въ борьбѣ за осуществленіе общественныхъ идеаловъ необходимо взять у науки ея доспѣхи».

Ежемесячные журналы, за исключеніемъ «Голоса Минувшаго» и «Вѣстника Воспитанія» (статья А. Шкляревскаго) не отмѣтили столѣтія рожденія того, кто былъ названъ «совѣстью своего поколѣнія», одною изъ родоначальниковъ и дѣйствительно «страдальцевъ новѣйшей русской общественной мысли». Естественно же всего было это отмѣтить Московскому университету, прославленному тѣмъ, что въ его стѣнахъ читались знаменитыя лекціи, тѣмъ, что въ его средѣ былъ Грановскій, олицетворившій въ себѣ «идеальный типъ русскаго профессора». Но Грановскій «былъ живымъ протестомъ противъ официальнаго націонализма и реакціи», какъ говорилъ П. Н. Сакулинъ, въ краткомъ вступительномъ словѣ въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 9 марта (по отчету «Рус. Вѣд.») Можетъ-быть, въ эпоху нынѣ переживаемаго кризиса Московскому университету и нечего было сказать о профессорѣ-гражданинѣ, о «знаменосцѣ» общественнаго протеста. Университетомъ память Грановскаго была отмѣчена лишь рѣчью проф. Савина въ засѣданіи Совѣта и рѣшеніемъ возбудить ходатайство о помѣщеніи мраморнаго бюста Грановскаго, принесеннаго въ даръ университету семьей Станкевича, въ актовомъ залѣ. Скромно прошло торжество и на могилѣ Грановскаго. Здѣсь была отслужена панихида по инициативѣ городского управленія, были вѣнки отъ общественныхъ учреждений, были рѣчи. Но ни вѣнка ни рѣчей не было отъ Московскаго университета. Также инертно оказалось и большинство учебныхъ учреждений. По газетнымъ свѣдѣніямъ

въ Петербургѣ лишь одно *Историческое общество* при университетѣ отмѣтило годовщину въ очередномъ засѣданіи рѣчью Н. И. Карѣева. Въ Москвѣ, однако, рядъ обществъ устроили засѣданія, посвященныя памяти Т. Н. Грановскаго. Такъ въ *Отдѣленіи Соціальной исторіи Общества имени Чупрова* была произнесена рѣчь Д. Н. Егоровымъ. По его словамъ, «характеристику ученыхъ пріемовъ и историческихъ воззрѣній Т. Н. Грановскаго можно получить лишь при разсмотрѣніи широкихъ историческихъ теченій на Западѣ; Грановскій менѣе всего былъ склоненъ слѣдовать одному излюбленному автору (напр., Лео) или опредѣленной историко-философской системѣ (Гегелю); несмотря на многообразіе историческихъ школъ на Западѣ, Грановскій не примкнулъ опредѣленно ни къ одной изъ нихъ; онъ составилъ свой, вполне оригинальный синтезъ, имѣющій въ качествѣ единственнаго опыта отдѣльнаго рода и обще-исторіографическое значеніе; отдѣльные этапы этой работы не вполне ясны при привлеченіи обыкновеннаго матеріала (изданныя сочиненія и письма, курсы, отчасти не опубликованные), но съ истой отчетливостью смогутъ быть изучены на основаніи новаго матеріала, ставшаго нынѣ доступнымъ, — многочисленныхъ помѣтокъ Грановскаго на поляхъ книгъ его бібліотеки».

Въ засѣданіи *Исторической Комиссіи Учебнаго отдѣла О. Р. Т. З.* 22 марта было прочтено нѣсколько докладовъ, посвященныхъ памяти Т. Н. Грановскаго. Въ докладѣ В. Н. Бочкарева была дана общая характеристика Грановскаго, какъ человѣка и мыслителя.

Слѣдующій докладъ М. Н. Коваленскаго былъ посвященъ неизданнымъ курсамъ Грановскаго. Найдя въ бібліотекѣ своего дѣда, проф. Морошкина, запись курса лекцій Грановскаго 1846—47 гг., сдѣланную студентомъ Лакіеромъ, г. Коваленскій рѣшилъ ознакомиться съ тѣми записями лекцій Грановскаго, которыя уже извѣстны въ печати. Въ Румянцевскомъ музеѣ оказалось 30 рукописей, представляющихъ записи различныхъ универси-

тетскихъ лекцій. Среди нихъ 9 записей представляютъ, несомнѣнно, конспектъ лекцій Грановскаго—это прямо обозначено на самыхъ рукописяхъ, а 6 могутъ считаться записями лекцій Грановскаго съ очень большой вѣроятностью. Вместе взятыя эти 15 рукописей даютъ записи 8 курсовъ Грановскаго: курсъ древней исторіи (по 3 записямъ 1848 г.), 4 курса средней исторіи (по 7 записямъ 1849—50 гг.) и курсъ новой исторіи XV—XVI вѣка (по 5 записямъ). Что касается записи студента Лакіера, принадлежащей теперь г. Коваленскому, то это большой томъ въ 330 страницъ; въ немъ нѣтъ дословной записи, но почти вездѣ изложеніе очень связанное. Оно начинается съ исторіи римской республики, даетъ исторію средних вѣковъ до крестовыхъ походовъ и начало новаго времени. Озаглавленъ курсъ: «Средняя исторія». Начать онъ былъ 5 сентября 1846 г., а законченъ 7 апрѣля 1847 г. Сначала запись идетъ по лекціямъ, а потомъ даетъ мѣстами общее изложеніе, очевидно, нѣсколькихъ лекцій. Запись Лакіера важна тѣмъ, что другихъ записей, относящихся къ 1846—7 гг., пока нѣтъ совсѣмъ. Характерной особенностью этого курса г. Коваленскій считаетъ обиліе аналогій: Римъ и меровинги—съ одной стороны, французская революція и удѣльный періодъ русской исторіи—съ другой, и т. п.

Третьимъ докладчикомъ выступилъ академикъ Э. Е. Коршъ, который подѣлился съ собраніемъ своими личными воспоминаніями о Грановскомъ. Въ годъ смерти Грановскаго Э. Е. Коршу было всего 12 лѣтъ, и потому естественно, что воспоминанія его не особенно богаты фактами, относящимися къ личности и жизни Грановскаго, но взятыя въ цѣломъ они даютъ очень колоритную страницу изъ исторіи русской интеллигенціи 40—50 годовъ прошлаго вѣка. Между прочимъ, въ нихъ есть немало интересныхъ подробностей, относящихся къ Герцену ¹⁾.

¹⁾ О воспоминаніяхъ этихъ подробно будетъ сообщено въ слѣдующей книгѣ «Гол. Минувшаго». *Ред.*

Въ *Обществе Истории Литературы* былъ прочитанъ докладъ Н. П. Сидоровымъ.

«Имя Грановскаго, — говорилъ докладчикъ, — одно изъ самыхъ дорогихъ и обаятельныхъ именъ нашего прошлаго. Его нѣжный и благородный обликъ на фонѣ «жестокаго вѣка» встаетъ передъ нами, какъ укоръ и надежда: укоръ старой Россіи, и лучъ свѣтлой надежды на новую, лучшую жизнь... Необыкновенно конченный, почти художественный образъ, къ которому не надо прибавлять ничего, чтобы онъ могъ стать рядомъ съ красивыми акварелями Тургенева, рядомъ съ Покорскими, Пасынковыми, Берсеневыми, Рудиними. Иллюзія ли это, порождаемая исторической далью, или старая барская жизнь дѣйствительно заключала въ себѣ условія, которыя выращивали не только Салтычихъ, но и пѣвцы рѣдкой красоты и благоуханія?.. Или, м.-б., и другое: на фигуру Грановскаго мягко легли переливы красокъ той предзакатной борьбы свѣта и тѣни, какими такъ богатъ всякій догорающій историческій день, всякая отживающая эпоха...

«Не даромъ Грановскій такъ любилъ переходныя эпохи; не даромъ, преклоняясь передъ бодрой, побѣдной силой, онъ умѣлъ своимъ сердцемъ чутко отзываться на грустные звуки былого...

«Какъ искупительная жертва, какъ символъ стоитъ Грановскій на грани старой и новой Россіи. И это не только для насъ, теперь, но и въ свое время, для многихъ и многихъ: «Не все еще погребло, если онъ продолжаетъ свою рѣчь», думалъ каждый и свободно дышалъ. Чтобы понять все значеніе Грановскаго и его рѣчи съ кафедръ Московскаго университета, надо знать, когда и какъ зазвучала она. Предварительно «окунувшись въ нѣмецкое море», закаливъ тамъ свой духъ въ горнилахъ философской и научной мысли (Гегель, Савиньи, Риттеръ), обвиняемой грезами романтическаго идеализма («въ театрѣ, — говоритъ онъ, — я забываю мелочи гадкой жизни... вѣрю въ возможность такихъ характеровъ, какъ

Поза»), — Грановскій стремится на родину: «Мнѣ хочется работать, но такъ, чтобы результатъ моей работы былъ въ ту же минуту полезенъ другимъ. Пока я внѣ Россіи, этого сдѣлать нельзя. Мнѣ кажется, что я могу дѣйствовать при настоящихъ моихъ силахъ, и дѣйствовать именно словомъ. Что такое даръ слова? Краснорѣчіе? — У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убѣжденія. Я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты». Эта увѣренность не обманула Грановскаго. Трибунъ человѣчности, маркизъ Поза на кафедрѣ Московскаго университета, Грановскій, помимо небывалой научной свѣжести своихъ курсовъ, помимо ихъ высокаго художественнаго достоинства, производилъ громадное *воспитывающее* впечатлѣніе на свою аудиторию. Онъ умѣлъ и смѣлъ сказать самое нужное слово. Въ моментъ угашенія духа, нравственнаго оскуднѣнія и раздалось полное высокаго человѣческаго достоинства слово Грановскаго, звучавшее именно довѣріемъ къ высшему порядку идей, къ высшимъ началамъ дѣятельности».

Валерій Пржиборовскій. †

28 февр. скончался въ Варшавѣ на 68-мъ году жизни популярный польскій писатель Валерій Пржиборовскій. Авторъ нелишенныхъ литературныхъ достоинствъ бытовыхъ повѣстей и нѣскольکو шаблонныхъ, но занимательныхъ историческихъ рома-

новъ, представляющихъ почти всю исторію расчлененной Польши, видный публицистъ — «угодовець», признававшій возможность развитія польскаго народа лишь на основѣ русской государственности и стремившійся къ соглашенію и мирному сожитію поляковъ съ русскими путемъ взаимныхъ уступокъ и полумѣръ, переводчикъ Смайльса (Character) и Ранке (Die römischen Päpste), Прижборовскій не менѣе извѣстенъ, какъ историкъ и составитель школьныхъ пособій. Но историческія сочиненія его неизмѣнно проникнуты узкой націоналистической тенденціей. Одно изъ нихъ «Крестьяне у насъ и въ другихъ мѣстахъ», 1881 г., задается цѣлью обѣлить польскую шляхту и снять съ нея упрекъ въ дурномъ обращеніи съ крестьянами; оно вызвало въ свое время суровую критику со сторонъ передовыхъ органовъ польской прессы и тогдашняго варшавскаго профессора Н. И. Карѣева, который писалъ, что автору «просто хочется только представить старую Польшу, какъ государство, такъ сказать, передовое, болѣе либеральное, болѣе гуманное, чѣмъ всѣ остальные, и все это только ad majorem nationis gloriam; но такъ какъ фактовъ все же отрицать нельзя, то въ существованіи хлопской неволи въ Польшѣ виноватыми оказались сосѣди», подавшіе полякамъ дурные примѣры («Русск. Мысль», 1882 г., июль). Въ другой исторической работѣ, посвященной выясненію причинъ паденія Польши (Przyczyny upadku Polski, Warsz., 1910), Прижборовскій беретъ подъ свою защиту весь политическій и сословный строй Рѣчи Посполитой; онъ утверждаетъ, что гибель Польши не была вызвана ни классовымъ эгоизмомъ шляхты, ни отсутствіемъ третьяго сословія, ни порабощеніемъ крестьянъ, ни анархіей и безнарядіемъ, но единственно и исключительно неумѣніемъ справиться съ внѣшнимъ врагомъ, неумѣніемъ, а не невозможностью, такъ какъ матеріальными средствами Польша обладала въ достаточной степени, «но не было въ ней способнаго и энергическаго вождя и начальника». — Большее значеніе имѣютъ работы Приж-

боровскаго по исторіи возстанія 1863 г. (Historya dwóch lat, 5 т. т. и Ostatnie chwile powstania styczniowego, 4 т. т., подъ псевдонимомъ З. Л. Сулима), въ которомъ онъ 18-лѣтнимъ юношей принялъ личное участіе и изъ котораго вынесъ тяжелыя раны и развѣянныя надежды; работы эти, лишенные критицизма и научнаго метода, цѣнны собраннымъ въ нихъ документальнымъ матеріаломъ; но и въ нихъ Прижборовскій остается вѣренъ себѣ; «по взгляду автора «Исторіи двухъ лѣтъ», — писала въ свое время Gazeta Narodowa, — идея независимой Польши въ древнѣйшихъ историческихъ границахъ, это — утопія, это — болѣзненная мечта, которая не можетъ никогда осуществиться; спасеніе же отечества авторъ видитъ единственно въ Польшѣ подъ управленіемъ Россіи, въ этнографическихъ границахъ; вотъ идеаль автора, къ которому онъ подгоняетъ факты и направляетъ читателя».

И. Рябининъ.

Въ обществѣ защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины.

На всемъ пространствѣ Россійской Имперіи сохранились еще до нашего времени исключительные по своему историческому и художественному значенію памятники старины. Храмы, дворцы, старыя усадьбы, отдѣльные памятники, крѣпости, кладбища, курганы, придорожные кресты... еще стоятъ въ различныхъ мѣстахъ и захолустьяхъ нашего отечества — ихъ нещадно точитъ время, и въ большинствѣ случаевъ — вандализмъ російскаго обывателя. Не только расхищаются сокровища нашего прошлаго, ихъ губитъ стремленіе къ «поновленію» ветхихъ сооружений, къ замѣнѣ произведеній XVI — XVIII вѣковъ новыми — въ стилѣ «дачныхъ построекъ». Непониманіе русскимъ обывателемъ важности памятниковъ искусства и старины губитъ рѣдчайшія творенія нашихъ первыхъ художниковъ и зодчихъ, а бюрократическая администрація наша лишь санкціонируетъ подвиги разрушителей, уничтожающихъ наше прошлое.

Много писалось уже по этому поводу, много говорилось и на съѣздахъ и въ различныхъ собраніяхъ. И долгое время слова оставались лишь «словами», пока въ Петербургѣ не организовалось «общество защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины». Общество это существуетъ всего лишь 2—3 года, но уже и за этотъ короткій промежутокъ времени оно успѣло кое-что сдѣлать для спасенія нашей старины.

Благодаря его участию и заботамъ были начаты работы по реставраціи Оерантова монастыря и знаменитаго Батуринаскаго дворца; при его участіи организовалась коммиссія по ремонту собора Василія Блаженнаго; общество позаботилось также о сохраненіи Триумфальныхъ воротъ въ Иркутскѣ, иконъ Боровиковскаго въ церкви села Державина, Самарской губ., о ремонтѣ Псковскаго дѣтища.

Въ цѣломъ рядѣ городовъ организованы уже филиальныя отдѣлы общества. Конечно, при недостаточныхъ средствахъ самого общества, трудно говорить о защитѣ большинства памятниковъ. Намъ кажется, что существованіе такого общества важно въ моральномъ отношеніи. Теперь, по крайней мѣрѣ, есть возможность заявить хотя бы о готовящихся разрушеніяхъ и вандализмахъ, и общество, съ своей стороны, приметъ всѣ возможные мѣры къ предотвращенію гибели того или другого памятника.

Помимо «охраны», общество устраиваетъ выставки,—такъ, до послѣдняго времени были организованы въ Петербургѣ двѣ интересныя выставки картинъ Кипренскаго и Венеціанова, а также изданы монографіи, посвященные этимъ художникамъ.

Кромѣ того, общество устраиваетъ собранія, на которыхъ обсуждаются доклады по поводу памятниковъ нашего прошлаго.

Въ послѣднее время при обществѣ дѣйствуетъ коммиссія по регистраціи памятниковъ старины. Эта коммиссія является весьма важной стороной въ дѣятельности общества. Прежде чѣмъ говорить объ охранѣ памятниковъ,

необходимо поскорѣе точно выяснить—гдѣ и какіе памятники находятся, какова ихъ историческая и художественная цѣнность и какіе изъ памятниковъ нуждаются въ заботѣ о нихъ въ первую очередь. Главная задача коммиссіи, посылающей своихъ членовъ на обслѣдованія—закрѣпить путемъ фотографіи наружный и внутренній виды памятниковъ и произвести точныя обмѣры.

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій общества и были прочитаны докладъ двухъ плановъ регистраціонной коммиссіи—А. Я. Бѣлородова и Н. И. Рапникова, командированныхъ въ истекшемъ 1912 г. на обслѣдованіе въ Гдовскій и Ладожскій уѣзды, Петербургской губерніи. Привезенный ими матеріалъ въ высокой степени интересенъ.

Надо не забывать, что Петербургская губернія, включающая въ свои предѣлы Старую Ладугу, эту «первую» столицу на берегу Волхова, обладаетъ весьма интересными и цѣнными памятниками XII—XVIII вѣковъ. Отдѣльные храмы обладаютъ весьма важными реликвіями—въ видѣ напрестольныхъ евангелій и крестовъ и прочихъ предметовъ церковной утвари, не говоря уже о наружномъ видѣ многихъ храмовъ. Во время своего путешествія по Гдовскому уѣзду А. Я. Бѣлородовъ зарегистрировалъ значительное число интересныхъ памятниковъ, но, въ свою очередь, ему пришлось констатировать и печальную судьбу большинства церквей. Главная опасность старинѣ Гдовскаго уѣзда грозитъ отъ близости столицы. Разбогатѣвшіе лавочники и имъ подобные, накопивъ деньги въ Питерѣ, является въ деревню и въ память 200-лѣтія того или другого храма «поновляютъ» его, перестраивая заново въ стиль «дачныхъ» построекъ пригородовъ Петербурга. Мало того—часто строятъ рядомъ со старымъ храмомъ, простоявшимъ 200—300 лѣтъ, новый каменный храмъ, а деревомъ «ветхаго» топятъ въ новомъ храмѣ печи. Нерѣдко остатки древнихъ храмовъ сжигаютъ зимой на рѣкѣ. Рядъ фотографій, продемонстрированныхъ А. Бѣлородовымъ на экра-

нѣ, заставляли съ грустью смотрѣть на покосившіеся маковки древнихъ церквей, строгихъ въ своемъ стилѣ, и нынѣ уже не существующихъ, а на ихъ мѣстѣ уже высятся новыя церкви въ «легкомъ» стилѣ.

Еще печальнѣе тѣ матеріалы, которые привезъ съ собой изъ Старой Ладogi Н. И. Рапниковъ. Обѣздивъ до 70 селеній Ладожскаго уѣзда и собравъ сотни фотографіи, въ своемъ докладѣ Н. И. Рапниковъ разсказалъ о сотняхъ гибнущихъ православныхъ и старообрядческихъ часовенъ, о многихъ храмахъ, которымъ грозитъ скорая гибель и среди которыхъ главное вниманіе обращаетъ Помяловская церковь XVII вѣка, весьма интересная по своей архитектурѣ. Особо печальная судьба постигла храмъ XII вѣка св. Георгія въ Старой Ладогѣ. Этотъ исключительный памятникъ, стоящій на берегу Волхова, хранитъ въ себѣ лучшую фреску Россіи — образъ св. Георгія на конѣ. И этой фрескѣ, несмотря на недавнюю «реставрацію» каменнаго храма, грозитъ гибель. У лика св. Георгія идетъ по стѣнѣ зловѣщая трещина, а у наружной стѣны отъ сырости отвалилась штукатурка.

Много и другихъ фресокъ хранится въ стѣнахъ храма св. Георгія и позаботиться объ ихъ судьбѣ надлежитъ въ первую очередь.

Кромѣ фотографіи изъ Старой Ладogi Н. И. Рапниковъ продемонстрировать

рядъ снимковъ съ удивительныхъ по рисунку и содержанію — украшеній на колоколахъ, живописныхъ свѣтскихъ картинъ въ старообрядческихъ часовняхъ, а также фотографіи домовищъ на старообрядческихъ кладбищахъ, придорожныхъ каменныхъ крестовъ и весьма интересные снимки съ иконы, изображающей убіеніе царевича Дмитрія; икона эта древняя и слажена поэтическимъ сказаніемъ объ убіеніи царевича.

И вотъ, несмотря на доказательство статистиковъ, что черезъ каждыя 10 лѣтъ выгораетъ вся деревенская Русь, все-таки мы имѣемъ еще великое множество высоко цѣнныхъ памятниковъ не только старины, но *свдой* старины. Какимъ-то чудомъ сохранились до нашего времени деревянныя постройки XVI и XVII вѣковъ. И если теперь еще не поздно, то молодому обществу «охраны старины» подлежитъ приложить всѣ свои силы и возможныя средства къ охраненію высоко цѣнныхъ памятниковъ.

Спасти памятники всей Россійской Имперіи, конечно, не по силамъ кружку лицъ, обладающихъ хотя бы значительными средствами. Ближайшая цѣль общества — привлечь къ начатой работѣ государство и съ его помощью не допустить гибели памятниковъ древней Россіи, исключительныхъ и единственныхъ...

Вл. Тукалевскій.

Въ научныхъ обществахъ Петербурга.

Императорское русское историческое общество. На собраніи 14 марта было доложено предѣвателемъ общества великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ отчетъ о научныхъ работахъ общества. Изъ отчета видно, что заканчивается печатаніемъ XIII томъ матеріаловъ по исторіи Екатерининской законодательной комисіи, и третьей части дипломатической переписки французскихъ представителей при дворѣ Екатерины II. Подготавливается къ печати: 1) донесеніе голландскаго резидента въ Москвѣ въ концѣ XVII и

началѣ XVIII вѣка барона Келлера съ переводомъ ихъ на русскій языкъ; 2) продолженіе дипломатической переписки императрицы Екатерины II за 1776—1777 годы; 3) томъ второй протоколовъ конференціи при Высочайшемъ дворѣ и 4) послѣдній томъ «бунтъ кабинета императрицы Анны Юлиановны».

Далѣе были сдѣланы сообщенія: С. О. Платоновымъ — «Объ набраніи на царство Михаила Феодоровича Романова», Барономъ М. А. Таубе — «Саксонскій дипломатъ въ плѣну у царя Михаила

Федоровича и начало сношеній Москвы съ Саксоніей» и С. Д. Сазоновымъ— «Наставленія императрицы Екатерины II, преподанныя великой княгинь Александръ Павловнъ».

Общество ревнителей исторіи. 6 марта состоялось собраніе Общества ревнителей исторіи, на которомъ были сообщенія: И. А. Гриневской—«*Новые идеалы Востока и поэма Бабъ*», проф. П. В. Фармаковскимъ—«*Ольвія въ архайческую эпоху*», Т. О. Соколовской. *Мистическая литература въ Россіи въ началъ XIX в.*, Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій прочелъ докладъ на тему: «*Страница жизни принца Евгенія Богарнэ*». Богарнэ, сынъ первой супруги Наполеона I, Жозефины—одинъ изъ предковъ самого докладчика. Располагая интересными документами, главнымъ образомъ, интимными письмами, докладчикъ познакомилъ слушателей съ исторіей взаимно-отношеній Наполеона и Богарнэ.

Императорское Общество любителей древней письменности. Въ засѣданіи 1 марта участниками семинарія кievскаго профессора В. П. Перетца былъ сдѣланъ рядъ сообщеній, изъ которыхъ отмѣтимъ: С. А. Богусловскій—«*Почтеніе епископа Луки Жидяты по рукописямъ XV—XVII вв.*»; Л. Т. Бѣлецкій—«*Повѣсти о Меркуріи Смоленскомъ*»; В. М. Остроковскій—«*Повѣсть о купцѣ Бассаргѣ*». Проф. В. Н. Перетцъ уже не первый разъ приводитъ своихъ учениковъ въ Петербургъ для чтенія докладовъ въ ученыхъ обществахъ. Послѣ такой экскурсіи въ прошломъ году былъ изданъ и печатный отчетъ о результатахъ поѣздки въ столицу.

Историческое Общество. 9 марта проф. Е. В. Тарле сдѣлалъ докладъ—«*Наполеонъ I, какъ экономистъ*». Проф. Тарле, собирая матеріалы для своей работы по исторіи экономическаго положенія Франціи въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, нашелъ новые матеріалы, характеризующіе экономическіе взгляды Наполеона. Наполеонъ высоко цѣнилъ

земледѣліе и промышленность, покровительствовалъ имъ, но всѣ выгоды «покровительственной» системы старался предоставить старой Франціи, въ ущербъ вновь завоеваннымъ землямъ.

Общество охраны памятниковъ искусства и старины. Докладъ профессора Ростовцева въ послѣднемъ засѣданіи Общества охраненія старины «*О новыхъ серебряныхъ сосудахъ, найденныхъ на югъ Россіи*», разбивалъ довольно твердо установившійся взглядъ, что находимые такъ называемые «скиѣскіе памятники» относятся къ эпохѣ поздняго эллинизма. По мнѣнію докладчика, которое онъ доказывалъ разсмотрѣніемъ находокъ послѣдняго десятилѣтія, особенно вазы съ рельефными на нихъ изображеніями, найденными въ кульбскомъ склепѣ, въ Воронежской губерніи, и въ Керчи, всѣ эти памятники относятся къ болѣе раннему періоду, къ моменту зарожденія эллинизма изъ іонизма. Докладъ былъ богато иллюстрированъ свѣтовыми картинками, изъ которыхъ ясно было видно, что «скиѣ», населявшіе южную Россію, были вовсе не такими варварами, какъ ихъ обычно рисовали до сихъ поръ.

Архитекторъ Бѣлогрудъ доложилъ собранію, «*Результаты реставраціи Батуринскаго замка*». Реставрація вышла удачна, и теперь передъ обществомъ защиты старины возникаетъ новый вопросъ, что же дѣлать съ реставрированнымъ зданіемъ, оставлять его нежилымъ, значить, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ снова реставрировать, необходимо поэтому приспособить его для какого-нибудь общественнаго культурнаго начинанія.

Юридическое Общество. Въ общемъ собраніи юридическаго Общества, 16 марта, проф. В. М. Гессенъ сдѣлалъ докладъ—«*Наука государственнаго права въ Россіи*».

Указавъ на цензурныя условія, являвшіяся главнымъ тормозомъ въ развитіи науки государственнаго права въ Россіи, докладчикъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ, до-

казывать, что возникновение этой науки у насъ относится еще ко временамъ Петра I. Еще тогда были переведены на русскій языкъ сочиненія Пуффендорфа и Гуго Гроція, а вскорѣ въ Россіи появились и профессора, конечно, иностранцы, преподававшіе государственное право.

Когда основанъ былъ Московскій, а затѣмъ и Казанскій университеты, въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ государственное право преподавалось по сочиненіямъ Пуффендорфа и Гуго Гроція, но среди профессоровъ были и сторонники философіи Канта. Вслѣдъ за философскимъ направлениемъ, въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка, пришла историческая школа права. Новое направление началось собираніемъ законовъ. Правда, научное знаніе въ это время еще противоположается знанію дѣйствующихъ законовъ. Русскіе ученые, посылаемые за границу для изученія вопросовъ государственнаго права, встрѣтили тамъ ту же историческую школу.

Но въ послѣднее время мы не можемъ, говорилъ докладчикъ, удовлетвориться однимъ историческимъ методомъ. Особую важность въ настоящее время приобретаетъ методъ «догматическій». Къ разработкѣ этого метода докладчикъ и призывалъ молодыхъ юристовъ.

Одесское Общество исторіи и древностей.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Е. А. Загоровскій сдѣлалъ докладъ объ *организации управленія Новороссіи при Потемкинѣ*. Докладъ составленъ на основаніи мѣстныхъ архивныхъ документовъ.

Премія имени А. С. Пушкина. Подъ предсѣдательствомъ акад. А. А. Шахматова состоялось 12 марта засѣданіе коммисіи по присужденію премии имени А. С. Пушкина при Императорской Академіи Наукъ.

На конкурсъ было представлено 30 сочиненій.

Преміи въ размѣрѣ 1000 рублей рѣшено было раздѣлить на двѣ части. Одну половину выдать *П. С. Поро-*

зовицкову за книгу «Искусство рѣчи на судѣ» — по отзыву сенатора, акад. А. Э. Кони; а другую половину — *П. Е. Щеголеву* за его изслѣдованіе о Пушкинѣ—по отзыву В. Я. Брюсова.

Кромѣ того, присуждены почетные отзывы: писательницѣ *Т. Л. Щепкиной-Куперникъ* и *А. М. Оедорову*.

Памяти М. Ю. Лермонтова. Пензенская городская дума обратилась къ С.-Петербургскому городскому управленію съ предложеніемъ принять участіе въ чествованіи памяти М. Ю. Лермонтова и оказать поддержку при сооруженіи ему памятника въ г. Пензѣ.

Коммиссія по народному образованію высказалась за ассигнованіе по собіи въ тысячу рублей на созданіе въ г. Пензѣ просвѣтительнаго учрежденія имени М. Ю. Лермонтова. Городская Управа присоединилась къ заключенію коммисіи. Имѣются свѣдѣнія, что Императорская Академія Наукъ будетъ праздновать память юбилея М. Ю. Лермонтова въ 1914 году устройствомъ выставки «Русскихъ писателей XIX вѣка».

Домъ имени В. Г. Бѣлинскаго. Въ г. Чембарѣ, Пензенской губ., провелъ свое дѣтство «неистовый Виссаріонъ». Въ 1910 году Чембарскимъ городскимъ управленіемъ была открыта подписка на народный домъ имени В. Г. Бѣлинскаго. На собранныя деньги вчернѣ законченъ каменный домъ, въ которомъ будутъ сосредоточены: 1) народная аудиторія, 2) народная чайная и 3) библіотека имени великаго критика.

Но закончить постройку и обставить помѣщеніе у комитета нѣтъ средствъ. Къ сожалѣнію, по подписнымъ листамъ, разосланнымъ по всей Имперіи, не собрали даже скромной суммы, необходимой для постройки дома. Тамъ, въ Чембарѣ, такъ и стоитъ каменный домъ, съ зияющими отверстиями оконъ безъ рамъ, дожидаясь, когда застеклятъ окна и раскроютъ двери передъ тѣми, кто придетъ при вѣтствовать имя великаго критика въ день открытія дома его памяти.

100-лѣтіе Императорской Публичной библиотеки. Къ 2-му январю 1914 года, дню столѣтія Публичной библиотеки, предполагено, помимо устройства торжественнаго засѣданія, выпустить два юбилейныхъ изданія, съ расходомъ на эти изданія 10.700 руб. Одно изъ этихъ изданій, представляя собою очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія, должно содержать описаніе возникновенія и развитія библиотеки, подробныя свѣдѣнія о ея современномъ устройствѣ и состояніи и біографіи служившихъ въ ней лицъ. Другое составитъ собой, въ краткомъ извлеченіи изъ перваго на русскомъ и французскомъ языкахъ—путеводитель по библиотекѣ для ея почитателей.

Публичная библиотека является первымъ книгохранилищемъ въ Россіи и третьимъ — во всемъ мірѣ.

Библиотека Врублевскихъ. Извѣстный виленскій общественный дѣятель Тадеушъ Врублевскій передалъ городу Вильно свою библиотеку, состоящую приблизительно изъ 65 тыс. печатныхъ книгъ и 5.000 рукописей и заключающую въ себѣ сочиненія, относящіяся къ исторіи Литвы, большое собраніе «Wilnia-na», а также книги по естествознанію, медицинѣ, богословію, юридическимъ и политическимъ наукамъ XV—XVII вв. Въ составъ библиотеки входятъ приобретенныя Врублевскимъ въ разныя времена частныя книжныя собранія, въ томъ числѣ Цѣхановецкихъ изъ Баллина, заключающія, главнымъ образомъ, французскія и русскія книги конца XVIII и начала XIX в., принадлежавшія некогда масону П. П. Елагину и Бутурлинымъ, собранія историка Юсифа Бѣлишскаго, важныя для исторіи культуры и просвѣщенія въ Литвѣ въ эпоху Виленскаго университета, библиотека граф. Броэль-Плятеровъ и др. Въ «Архивѣ», библиотекѣ, заключающемъ около 10.000 актовъ, писемъ и автографовъ, хранятся документы литовскихъ монастырей, матеріалы для исторіи литовскихъ магнатскихъ родовъ, между прочимъ, кн. Андр. Мих. Курбскаго, письма литераторовъ, ученыхъ

и государственныхъ дѣятелей XVI—XIX вв., документы, касающіеся исторіи просвѣщенія и школьнаго дѣла въ Литвѣ въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX в. и т. п. Большое значеніе имѣетъ входящее въ составъ библиотеки собраніе масонскихъ гербовъ, печатей, медалей, заключающее, между прочимъ, знаки польскихъ и русскихъ масонскихъ ложъ, въ томъ числѣ весьма рѣдкіе петербургской ложи «Россійскій Орель», а также литовскихъ ложъ всѣхъ семи степеней вплоть до кавалера «Rose-Croix». Библиотека въ настоящее время систематизируется и систематизируется; организованный въ Вильно «комитетъ общества публичной библиотеки имени Врублевскихъ» приступаетъ къ постройкѣ спеціальнаго библиотечнаго зданія на средства, пожертвованныя предсѣдателемъ комитета Тадеушомъ Врублевскимъ.

(Kuryer Zittewski).

Иркутская археологическая выставка. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ с. г. въ г. Иркутскѣ устраивается археологическая выставка предметовъ старины, находящихся въ различныхъ обществахъ и частныхъ лицъ, живущихъ въ г. Иркутскѣ и Иркутской губ. Въ выставкѣ предполагено участие М. П. Овчинникова съ его пумпиматической коллекціей; А. И. Лынькова съ его собраніемъ старинныхъ предметовъ, иконографической коллекціи иркутской архивной комиссіи, книгъ по исторіи Сибири и проч. Кромѣ того, рѣшено привлечь къ участию въ выставкѣ Собакареву и Еренову съ ихъ археологическими коллекціями. Ассигновать на устройство выставки 150 руб., археологическая комиссія предвидитъ несомнѣнный убытокъ отъ устраиваемой ею выставки, но главная ея задача—пріучить населеніе беречь культуру нашихъ предковъ и, можетъ-быть, удастся заинтересовать болѣе широкіе круги общества, въ цѣляхъ распространенія идеи охраны памятниковъ старины.

Обсѣдованіе музеевъ Сибири. Красноярскій подотдѣлъ географическаго Общества, желая выяснитъ положеніе

музейнаго дѣла въ Сибири и составить полный обзоръ состоянія музеевъ, въ настоящее время обратился въ ряды сибирскихъ музеевъ съ просьбой сообщить предварительные матеріалы по этому поводу. Въ будущемъ предполагено собранный матеріалъ отпечатать отдѣльнымъ изданіемъ.

Псковская археологическая выставка. Въ связи съ предполагаемымъ археологическимъ съѣздомъ въ Псковѣ лѣтомъ (съ 22 іюля по 6 августа) 1914 года, псковское отдѣленіе комитета обратилось черезъ редакціи газетъ съ письмами ко всѣмъ любителямъ старины съ просьбой прислать на выставку имѣющіеся у нихъ предметы, важные въ историко-археологическомъ отношеніи.

Съ заявленіями по этому поводу просятъ обращаться по адресу: Г. Псковъ, Кохановскій бульваръ, д. Карамышевой, товарищу предсѣдателя отдѣленія, псковскому вице-губернатору Влад. Никит. Крейтопу.

Продажа архива. Въ г. Рязани состоялась продажа архивныхъ дѣлъ рязанскаго губернскаго правленія и нѣсколько сотъ пудовъ бумаги попало на базаръ къ мѣстному торговцу, который уже отъ себя распродалъ этотъ товаръ по мелочамъ на оклейку стѣнъ, обертки и прочія подобности.

Какъ сообщаютъ, среди документовъ, имѣющихъ историческій интересъ, находились бумаги, относящіяся еще ко времени Анны Іоанновны.

Общество друзей русской литературы. Въ Брюсселѣ организуется Общество друзей русской литературы, ставящее своей главной цѣлью распространеніе свѣдѣній о русской литературѣ путемъ печати, лекцій, конференцій, изданій переводовъ русскихъ писателей.

Происхожденіе Колумба.

До сихъ поръ не удалось установить съ точностью мѣсто рожденія Христофора Колумба. Онъ самъ, какъ извѣстно, заявилъ при возведеніи его въ дворянство, что онъ итальянецъ, родомъ

изъ Генуи, но уже его современники сомнѣвались въ достовѣрности его заявленія тѣмъ болѣе, что въ Португаліи Колумбъ говорилъ, что онъ испанскаго происхожденія. Сынъ его говоритъ очень опредѣленно въ жизнеописаніи своего отца, что онъ не хотѣлъ сообщить ни своей родословной, ни мѣста рожденія. Даже члены его собственной семьи, его жена и дѣти, объ этомъ ничего не узнали, или если что-нибудь и знали, тщательно скрывали по его приказанію эту тайну, такъ что широкая публика о ней ничего не могла узнать. Даже годъ его рожденія не установленъ съ точностью и разныя свѣдѣнія колеблются между 1434 и 1436 гг. Уже его современники высказывали предположеніе, что онъ родомъ изъ испанской провинціи Галисіи, но до сихъ поръ это не было доказано.

Несомнѣнно, что должны были существовать очень вѣскія причины, которыя заставляли Колумба скрывать отъ всѣхъ, за исключеніемъ своего духовника, тайну своего происхожденія. Теперь ее можно считать выясненной, благодаря тридцатилѣтнимъ работамъ испанскаго ученаго доктора Celso Garcia de la Riega, которому удалось найти рядъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ документовъ. Эти документы сообщены въ видѣ фотографическихъ снимковъ въ недавно вышедшей *La verdadera Cuna de Cristobal Colon por el D-r Constantino de Horta y Pardi. New-York. 1912.* Изъ нихъ явствуетъ, что первоначально фамилія Колумба писалась, какъ и теперь по испански: *Colun*, и что онъ родился въ галисійскомъ портовомъ городѣ Понтеведра. Найденные документы устанавливаютъ родословную Колумба, какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери, урожденной Фонтероза. Обѣ семьи принадлежали къ низшимъ слоямъ общества и есть признаки (въ особенности библейскія имена членовъ этихъ семействъ), которые даютъ нѣкоторое право предполагать, что семья Фонтероза, и, быть можетъ, даже и семья Колонъ, были еврейскаго происхожденія. Понятно поэтому, почему Колумбъ такъ тщательно скрываетъ свое происхожденіе. Кастиль-

ны всегда относились и до сихъ поръ относятся съ презрѣніемъ къ жителямъ Галисіи. Ужъ это одно дѣлало весьма затруднительнымъ его положеніе при дворѣ, а шансы на полученіе поддержки отъ правительства на предполагавшуюся имъ экспедицію для открытія морского пути въ Индію весьма сомнительными. Поэтому онъ старался выдавать себя при испанскомъ дворѣ за итальянца. Это было ему тѣмъ легче, что его родители временно пересели-

лись между 1444 и 1450 гг., вслѣдствіе бѣдственнаго положенія, въ которомъ оказалось населеніе Галисіи изъ-за постоянныхъ войнъ между Кастиліей, Португаліей и Галисіей, въ Геную. Итальянская республика поддерживала тогда сживленные торговья сношенія съ галисійскими гаванями. Можетъ-быть, что именно тамъ семья Колонъ приняла очень распространенную въ Италіи фамилію Колембо.

И. Л.

Письмо въ редакцію.

Въ 1909 году въ «Русской Старинѣ» и затѣмъ въ I томѣ книги «На жизненномъ пути», изданной въ 1912 году, помѣщены «воспоминанія судебнаго дѣателя» (А. О. Кони) о такъ называемыхъ уніатскихъ дѣлахъ. Въ нихъ послѣдовательно изложена исторія призрачнаго воссоединенія уніатовъ въ 1873—74 годахъ, сопровождавшагося для многихъ изъ нихъ весьма не призрачными карательными послѣдствіями въ видѣ ссылки однихъ изъ «упорствующихъ» въ прежней вѣрѣ и публичной продажи имущества другихъ изъ нихъ для взноса наложеннаго, постепенно возрастающаго штрафа; приведены Высочайше одобренныя постановленія совѣщаній и сущность переписки министровъ по вопросу о характерѣ мѣръ наказанія упорствующихъ, и сообщены данныя о дѣятельности мѣстныхъ мировыхъ учреждений по несогласному со смысломъ 29 ст. устава о наказаніяхъ преслѣдованію уніатовъ въ судебномъ порядкѣ. Подробно останавливаясь на дѣлахъ о такъ называемыхъ «краковскихъ бракахъ», по которымъ, вопреки разуму 37 ст. I ч. X т. Св. Зак., граж. супруги, несогласившіеся подвергнуться разлученію отъ «руководительства», подвергались, какъ за неисполненіе законныхъ требованій власти, штрафу въ 50 рублей каждый или двумъ мѣсяцамъ ареста, разорявшимъ ихъ хозяйство и оставлявшимъ ихъ дѣтей на произволъ судьбы, — авторъ «воспоминаній» пишетъ о томъ, какъ былъ министромъ юстиціи Манасеинымъ по его просьбѣ вызванъ въ Петербургъ предсѣдатель Сѣдлецкаго Мирового Съѣзда 2-го округа (въ которомъ сосредоточивалось большинство уніатскихъ дѣлъ), сдѣлавшій докладъ о видахъ уголовныхъ дѣлъ противъ «упорствующихъ», при чемъ министръ, выслушавъ затѣмъ подробный разборъ и оцѣнку юридическихъ основаній для такихъ преслѣдованій, далъ этому предсѣдателю соответствующія указанія и поручилъ, чтобы впредь такія преслѣдованія, роняющія достоинство судебной власти и лишеныя законнаго основанія, не возбуждались. На ряду съ этимъ изложены тѣ объясненія, которыя имѣлъ по этимъ дѣламъ оберъ-прокуроръ уголовного кассаціоннаго департамента съ К. П. Побѣдоносцевымъ, согласившимся, въ концѣ-концовъ, съ незаконностью практиковавшихся преслѣдованій «упорствующихъ», — и съ Варшавскимъ генераль-губернаторомъ І. В. Гурко, выразившимъ глубокое несочувствіе уніатской эпопеѣ. Въ заключеніи «воспоминаній» указывается, что, несмотря на рѣшеніе Сената, положившее конецъ судебному производству дѣлъ о «краковскихъ бракахъ», бывшіе уніаты стали привлекаться къ отвѣтственности по той же 29 ст. уст. о наказ. за непредставленіе дѣтскихъ метрикъ лицамъ,

ведущимъ акты гражданскаго состоянія, что не составляетъ проступка, караемаго уголовными законами, почему дѣла и этого рода были прекращены, согласно рѣшенію Сената, съ освобожденіемъ содержавшихся въ тюрьмахъ.

Нынѣ бывший предсѣдатель Мирового Съѣзда Н. А. Логановъ издалъ брошюру «Уніатскія дѣла въ воспоминаніяхъ А. Θ. Кони и въ дѣйствительности». Характеризуя въ ней отношеніе бывшихъ уніатовъ къ совершившемуся воссоединенію, онъ признаетъ, что первоначально послѣднее совершилось, казалось, довольно благополучно и лишь меньшинство приходоу присоединилось формально подѣ административнымъ давленіемъ, и находитъ, что тамъ, гдѣ Россія являлась только властью государственностью въ формѣ войскъ и правящаго чиновнаго класса, дѣло вѣры, предоставленное лишь собственному теченію, не могло не уклониться отъ даннаго государствомъ формальнаго направленія. Поэтому необходимо было дѣйствовать тѣмъ, что единственно было въ распоряженіи правительства, т.-е. мѣрами государственными, но при осуществленіи предслѣдованій никакого давленія на чью-либо совѣсть или на религіозное убѣжденіе ни у кого изъ власти не было, а отъ «упорствующихъ» требовалось лишь исполненіе общегосударственнаго внѣшняго порядка, по соблюденіи котораго они, по мнѣнію автора, обвѣнчавшись въ православной церкви или же окрестивъ своего ребенка по православному обряду и представивъ по принадлежности метрику о томъ, оставались затѣмъ на полной религіозной свободѣ... Очертивъ съ этой точки зрѣнія происхожденіе дѣлъ объ «упорствующихъ», г. Логановъ стремится опровергнуть вышеприведенныя воспоминанія, какъ несогласныя съ дѣйствительностью, утверждая, что, приглашенный по желанію К. П. Побѣдоносцева на совѣщаніе у министра юстиціи объ этихъ дѣлахъ, онъ *никакого доклада о нихъ не дѣлалъ*, что, наоборотъ, оберъ-прокуроръ А. Θ. Кони въ своемъ докладѣ часто указывалъ на неправильныя дѣйствія Мирового Съѣзда и кстати и некстати упорно повторялъ, что предсѣдатель и члены Съѣзда Сенатомъ будутъ *преданы* суду; что генераль Гурко не только не относился *отрицательно* къ уніатскимъ дѣламъ, но, интересуясь ими, желалъ сохранить установившуюся по нимъ практику; что никакихъ указаній онъ, Логановъ, отъ министра юстиціи *не получалъ* и что, наконецъ, при уходѣ отъ министра оберъ-прокуроръ уже на лѣстницѣ на его вопросъ о примѣненіи 29 статьи къ непредставленію метрикъ призналъ такое примѣненіе согласнымъ съ закономъ. Въ подтвержденіе всего этого г. Логановъ ссылается, какъ на свидѣтеля, на одного изъ насъ, а именно, на Е. Ф. Турау, занимавшаго въ то время должность прокурора Варшавской Судебной Палаты и приглашеннаго министромъ на совѣщаніе.

Къ сожалѣнію, въ интересахъ истины мы вынуждены заявить, что всѣ эти утвержденія Н. А. Логанова представляются не соответствующими дѣйствительности.

Во-первыхъ, вызванный министромъ юстиціи одновременно съ прокуроромъ Варшавской Судебной Палаты для представленія подробнаго доклада о всѣхъ видахъ примѣненія 29 ст. уст. о нак. къ «упорствующимъ», Н. А. Логановъ участвовалъ въ совѣщаніи у министра, и лишь послѣ его доклада оберъ-прокуроръ изложилъ свои соображенія по каждому изъ пунктовъ послѣдняго. *Во-вторыхъ*, никакихъ указаній на преданіе суду кого бы то ни было на совѣщаніи никѣмъ не было сдѣлано уже потому, что отмѣна въ кассационномъ порядкѣ рѣшенія по неправильному толкованію закона отнюдь не связана съ преданіемъ суду, которое при томъ отъ уголовного кассационнаго департамента вовсе не зависитъ. *Въ-третьихъ*, на заявленіе Н. А. Логанова, что поводомъ для преслѣдо-

ваній по 29 статѣ считается и непредставленіе упорствующихъ метрикъ, ему было указано въ присутствіи членовъ совѣщанія, что для признанія въ подобныхъ случаяхъ законности требованій полицейской власти необходимо ближайшее ознакомленіе съ правилами о составленіи и веденіи книгъ народонаселенія къ Царствѣ Польскомъ, изъ коихъ можетъ явствовать, насколько представленіе метрикъ по требованію магистрата является обязательнымъ. *Въ-четвертыхъ*, Н. А. Логановъ по окончаніи совѣщанія получилъ отъ министра юстиціи категорическія и руководящія указанія въ той именно формѣ, въ какой они изложены въ «воспоминаніяхъ судебного дѣателя». *Въ-пятыхъ*, отрицательное отношеніе І. В. Гурко къ преслѣдованіямъ «упорствующихъ», о которомъ упоминается въ «воспоминаніяхъ», подтверждается и неоднократно личными наблюденіями тогдашняго прокурора Варшавской Судебной Палаты. *Въ-шестыхъ*, когда состоялось рѣшеніе Сената по первому дошедшему до него Люблинскаго Сѣзда округа дѣлу по обвиненію упорствующихъ въ непредставленіи метрикъ, которыми приговоръ Сѣзда былъ отмѣненъ за неправильнымъ примѣненіемъ 29 ст. устава о наказ., то въ отвѣтъ на письмо Н. А. Логанова оберъ-прокуроръ сообщилъ ему объ этомъ рѣшеніи и привелъ мотивы такового, основанные на соображеніи спеціальныхъ правилъ, истребованныхъ отъ Варшавскаго губернатора со свѣдѣніями отъ другихъ губернаторовъ о способѣ осуществленія этихъ правилъ.

Авторъ «уніатскихъ дѣлъ» считаетъ, что указаніе «воспоминаній» на «неуловимаго столоначальника», который «не дремалъ» въ изысканіи основаній для преслѣдованія упорствующихъ, относится къ нему лично. Онъ ошибается... Въ ставшихъ историческими словахъ императора Николая I: «Россіей управляютъ столоначальники», разумѣлось, конечно, не тѣ или другія опредѣленные физическія лица, а общій бюрократическій духъ, выражающійся въ привязанности къ рутинѣ и въ упорномъ нежеланіи отрѣшиться отъ сдѣлавшихся привычными взглядовъ и пріемовъ. Употребленное въ этомъ именно смыслѣ въ «воспоминаніяхъ судебного дѣателя» слово «столоначальникъ» никакъ не можетъ быть отнесено лично и исключительно къ Н. А. Логанову, ибо, хотя гминными судами 2 округа Сѣдлецкой губерніи и было составлено по дѣламъ о непредставленіи метрикъ около ста обвинительныхъ приговоровъ, но въ постановкѣ послѣднихъ предсѣдатель Сѣзда, конечно, участія принимать не могъ. По выступленіи же тѣхъ изъ этихъ приговоровъ, которые были обжалованы осужденными, сѣздъ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Логанова, руководясь сообщеннымъ въ письмѣ оберъ-прокурора рѣшеніемъ Сената, постановилъ объ оправданіи послѣднихъ.

Говоря объ отношеніи «Петербурга» къ дѣламъ объ упорствующихъ, авторъ брошюры «*уніатскія дѣла въ дѣйствительности*» находитъ, что дымка красивыхъ фразъ и общихъ мѣстъ, въ родѣ указанія на то, что «вѣра порождается исключительно благодатью Господней, поученіемъ кротостью и добрыми примѣрами», затягиваетъ типичность и настоятельность фактовъ, касающихся этихъ дѣлъ. Дозволительно, однако, думать, что приводимое *общее мѣсто* не безъ основанія помѣщено въ 70 ст. XIV т. Св. Зак. въ раздѣлѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій противъ вѣры — и не даромъ повторено въ Высочайшемъ Указѣ Правительствующему Сенату отъ 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости, — и что *дымка* этой *красивой фразы* не могла, однако, затянуть такого типическаго факта, какъ дарованіе въ 1904 году помилованія 192 бывшимъ уніатамъ, сосланнымъ, въ качествѣ упорствующихъ, административно въ числѣ 47 семействъ изъ Сѣдлецкой въ Оренбургскую губернію.

А. О. Кони. Е. Ф. Турау.

улыбку, ту обаятельную улыбку, которая заставляет сверкать ваши жемчужные зубки между пунцовыми губками и образует двѣ глубокія ямки на вашихъ нѣжныхъ, какъ персикъ, щечкахъ. Одинъ молодой человѣкъ знатнаго рода, повидимому, слишкомъ много начитавшійся современныхъ романовъ, героинями которыхъ являются добродѣтельныя куртизанки, влюбился въ одну изъ нихъ. Въ ея будуарѣ, достойномъ любой графини, у ея крошечныхъ ножекъ, безукоризненной формѣ которыхъ могла бы позавидовать любая аристократка, онъ положилъ свое пламенное сердце и сдѣлалъ ей брачное предложеніе, принятое ею по всеѣмъ правиламъ свѣтскихъ приличій. Онъ былъ на седьмомъ небѣ. Но вдругъ открывается дверь и входитъ братъ красавицы, въ смазныхъ сапогахъ на огромныхъ ножищахъ, съ грязными ногтями на широкихъ рукахъ, съ краснымъ лицомъ и еще болѣе краснымъ носомъ,—словомъ, настоящій парижскій извозчикъ! Влюбленный юноша моментально вскакиваетъ и убѣгаетъ въ двери, мимо озадаченнаго добряка, желавшаго заключить въ свои объятія будущаго зятя. Одного вида этого почтеннаго человѣка было достаточно, чтобы излѣчить влюбленнаго отъ его страсти и лишитъ малютку ея жениха.

А вотъ еще другая исторія, представляющая не что иное, какъ коротенькій діалогъ: «знаете ли, вѣдь Альцестъ уже покинулъ маленькую герцогиню». — «Не можетъ быть! А почему?» — «Ради прелестной танцовщицы Клеонъ». — «Выиграетъ ли онъ что-нибудь отъ этой перемены?» — «Съ точки зрѣнія добрыхъ нравовъ — конечно!»

Съ этой минуты я жду васъ каждый день.

Принцъ Луи Роганъ Дельфинъ.

Парижъ, 7 мая 1775 г.

Моя дорогая маркиза. вмѣстѣ съ моимъ длиннымъ, почти можно сказать дѣловымъ письмомъ г. маркизу, я позволяю себѣ особенное удовольствіе, послать и эти дружественныя строки, адресованныя вамъ. Впечатлѣніе отъ моего послѣдняго свиданія съ вами оказалось настолько сильнымъ, что теперь я, говоря откровенно, всего болѣе придаю значенія вашему союзничеству. Кто бы могъ подозрѣвать, что мраморный лобъ такой очаровательной женщины скрываетъ столь разумныя и столь... хладнокровныя мысли! Кто бы могъ предполагать, что, несмотря на крайнюю молодость, она способна понимать такіе серьезные политическіе вопросы!

И вотъ теперь, благодаря счастливой случайности, наступаетъ великій моментъ, которымъ надо воспользоваться, чтобы укрѣпить взгляды королевы, до сихъ поръ не относившейся серьезно къ этому, и положить скорѣйшій конецъ злополучному министерству.

Письма маркизы.

5

Три дня тому назадъ у насъ произошло нѣчто въ родѣ революціи, заставившей даже позабыть о теоріяхъ философовъ и фізіократовъ, которыхъ такъ боятся въ нашихъ кругахъ. Эта революція не была слѣдствіемъ изображаемыхъ столь мрачными красками злоупотребленій, а вызвана была попыткой реформы Тюрго, хотѣвшаго устранить эти злоупотребленія посредствомъ освобожденія хлѣбной торговли. Я какъ разъ вернулся изъ Версаля, гдѣ я не нашель короля, — весь интересъ котораго въ эту критическую политическую минуту сосредоточивался на бекасиной охотѣ! — и въ улицѣ Сентъ Оноре я наткнулся на возбужденную толпу, принудившую меня выйти изъ экипажа. Молодые бродяги, визгливыя бабы, старые пьяницы, уличныя дѣвки и безпризорныя дѣти, совершенно загоразживали улицу, подѣ предводительствомъ нѣсколькихъ зажиточныхъ мучныхъ торговцевъ, и съ дикими криками: «долгой Тюрго!» разбивали окна и двери. Въ теченіе цѣлаго дня шумъ не прекращался, такъ что я предпочель больше не покидать своей квартиры, когда мнѣ, наконецъ, удалось до нея добраться.

Между тѣмъ король узналъ объ этихъ событіяхъ. Его обращеніе съ Тюрго, когда онъ принималъ его вчера, стало замѣтно холоднѣе.

Какъ разъ во-время появилась брошюра Неккера, который возстаетъ противъ теоріи экономистовъ и предвидитъ послѣдствія реформаторскихъ плановъ Тюрго, въ такомъ именно видѣ, въ какомъ они теперь начинаютъ выступать передъ нами. Какъ нимало я симпатизирую этому человѣку, въ которомъ я вижу буржуа, въ самомъ глубочайшемъ смыслѣ этого слова и еще при томъ швейцарца со всею свойственною ему неподвижностью, тѣмъ не менѣе, въ данный моментъ онъ мнѣ кажется нашимъ другомъ настолько, что я даже рѣшилъ нанести визитъ М-ме Неккеръ. Я не раскаиваюсь въ этомъ, если бы даже я ничего не выигралъ, кромѣ возможности бросить взглядъ въ новый міръ. Мы можемъ игнорировать его, но онъ все же существуетъ, онъ развивается, онъ усваиваетъ себѣ наши манеры. И мы сами призывали его къ жизни, предоставивъ всѣмъ этимъ людямъ, которые еще двадцать лѣтъ тому назадъ были мелкими торговцами и гнули спину передъ нами, извлекать пользу изъ финансовыхъ силъ страны. А теперь они стали банкирами, генеральными откупщиками, они владѣютъ замками за городомъ и отелями въ городѣ, разыгрываютъ роль меценатовъ, покровительствующихъ всѣмъ безпокойнымъ умамъ, а у насъ, привилегированныхъ, стоящихъ чуть ли не рядомъ съ королемъ, связаны руки въ борьбѣ съ этими новыми силами, потому что мы нуждаемся въ ихъ вліяніи и— еще больше—въ ихъ деньгахъ!

Вамъ бы слѣдовало видѣть, какъ М-ме Неккеръ старается восполнить недостатокъ граціи холоднымъ умомъ и какъ она принимаетъ въ своемъ элегантномъ салонѣ, куда толпой устремляются политики, философы и поэты. Я невольно вспоминалъ блестящее время М-ме Тансенъ и ея элегантныхъ посѣтителей, умъ которыхъ граціозно скользилъ по всѣмъ злбодпевнымъ вопросамъ, какъ бабочка, порхающая по цвѣтамъ,

тогда какъ неповоротливый умъ гостей М-ме Неккеръ прилѣпляется ко всякой мелочи, точно гусеница, собирающаяся пряхть коконъ. Слышно ли было когда-нибудь въ салонѣ маркизы Дюдефанъ, чтобы женщины начинали горячиться по поводу вопросовъ о вывозѣ хлѣба, о свободѣ печати, объ Остъ-Индскомъ банкѣ, о посредничествѣ въ американскихъ дѣлахъ? И, конечно, меня не должно было удивить, что въ кружкѣ М-ме Неккеръ могъ возникнуть планъ поставить памятникъ Вольтеру, хотя онъ настолько же далекъ отъ поэтовъ, насколько далекъ отъ священниковъ знаменитый аббатъ Гальяни!

Но, тѣмъ не менѣе, дорогая маркиза, мы должны быть настолько благоразумны, чтобы воспользоваться этимъ положеніемъ, и я даже совѣтовалъ бы вамъ, когда вы поселитесь здѣсь,—что, вѣроятно, будетъ скоро,—посѣщать салонъ Неккера. Онъ является теперь центромъ оппозиціи противъ министерства Морепа и, по крайней мѣрѣ, столь же вліятеленъ, какъ королева, на которую, естественно, мы должны опираться прежде всего.

Къ сожалѣнію, королева не оказала мнѣ милости и не приняла меня въ частной аудіенціи. Я видѣлъ ее только во время одного официальнаго праздника въ Версалѣ. Ея необыкновенная миловидность и привѣтливость совершенно обворожили бы меня, если бъ красота одной извѣстной вамъ дамы не сдѣлала меня совершенно нечувствительнымъ даже къ прелестямъ королевы! Графъ Шеврѣзъ, вѣрнѣйшій ея кавалеръ (между прочимъ, онъ принадлежитъ къ числу немногихъ придворныхъ, доказавшихъ ей свою приверженность во время ея кори и только ночью покидавшихъ ея спальню, гдѣ она лежала въ постели) водилъ меня по очаровательнымъ новымъ садамъ Трианона, разбитымъ въ англійскомъ стилѣ по плану г. Карамана. Королева чрезвычайно заинтересована этимъ новымъ произведеніемъ искусства и съ раздраженіемъ относится къ тѣмъ, кто своей угрюмой бережливостью хочетъ отравить ей удовольствіе. Тюрго главный изъ тѣхъ, кто мѣшаетъ этой игрѣ. Какъ будто можно отказывать королевѣ въ томъ, чѣмъ обладаетъ теперь каждый выскочка! Внимательное отношеніе къ ея Трианонской фантазіи сдѣлаетъ то, чего не могли сдѣлать никакія указанія на политическіе интересы Франціи: Марія Антуанета будетъ на нашей сторонѣ, если только кто-нибудь изъ насъ сумѣетъ подчинить ее своему вліянію.

Если мое письмо маркизу, написанное въ еще болѣе сухомъ тонѣ, чѣмъ это, — боюсь, что посѣщеніе неккероваго салона оставило на мнѣ слѣды и вамъ надо поторопиться, чтобы изгладить ихъ! — окажется недостаточнымъ, чтобы побудить его принять твердое рѣшеніе, то я рассчитываю на васъ, дорогая маркиза, на вашу вліятельную поддержку.

Могу ли я быть увѣреннымъ въ томъ, что вы простите меня за мою попытку воспользоваться однимъ, лично васъ касающимся дѣломъ, чтобъ повліять на маркиза? Я написалъ ему, что самоубійство капитана вызвало много шума и поэтому въ интересахъ вашего общественнаго

положенія было бы желательнѣе перемѣнить Страсбургъ на Парижъ. Этотъ слишкомъ поспѣшный актъ молодого человѣка, — развѣ онъ не могъ найти услужливыхъ красавицъ, которыя утѣшили бы его въ неприступности Дельфины? — еще можетъ принести пользу интересамъ отечества, въ концѣ-концовъ.

Маркизь Монжуа Дельфинъ.

Парижъ, 1 іюня 1775 г.

Моя милая. Послѣ довольно затруднительнаго путешествія я, наконецъ, добрался до Парижа и нахожусь здѣсь уже цѣлую недѣлю. Ненадежность дорогъ очень велика. Разныя темныя личности, съ наглѣмъ видомъ, тѣсняются къ самымъ экипажамъ, чтобы просить милостыню, но эта просьба звучитъ почти какъ угроза. Поэтому, во время вашего перѣзда въ Парижъ, надо будетъ позаботиться о гораздо болѣе многочисленной свитѣ, чѣмъ та, которая сопровождала меня. Вы видите изъ этихъ словъ, что мое рѣшеніе твердо, и я прошу васъ заняться приготовленіемъ къ дорогѣ.

Далеко не съ легкимъ сердцемъ покоряюсь я своему ясно сознанному долгу и слѣдую примѣру своихъ славныхъ предковъ, не оставлявшихъ династію въ опасныя времена. Эти дни, проведенные мною въ постоянномъ обществѣ министровъ и двора, были вполне достаточны, чтобы обрисовать положеніе дѣлъ, которое представляется мнѣ теперь въ очень мрачномъ свѣтѣ. Мы не должны скрывать отъ себя: король не руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ никакимъ твердо установленнымъ планомъ, а частью повинуетъ своимъ капризамъ, частью же совѣтникамъ, которые въ этотъ момептъ даютъ ему наибольшія обѣщанія. Но это обстоятельство служить намъ порукой, что и Тюрго, рано или поздно, можно будетъ устранить, хотя, боюсь, что это поведетъ лишь къ новымъ, такимъ же временнымъ экспериментамъ. Покаместъ король ищетъ спасенія въ уступкахъ свободомыслящимъ и экономистамъ. Поговариваютъ даже о возможности призванія въ министерство Мальзерба, открытаго защитника и сторонника такихъ людей, какъ Д'Аламберъ, Дидро и tutti quanti. Единственная наша поддержка — бывший полицейскій лейтенантъ Сартинъ, но и онъ, къ сожалѣнію, получилъ свой портфель морского министра, пройдя черезъ будуаръ М-ме Морепа. Его заслуга заключается лишь въ искусномъ инсценированіи хлѣбныхъ бунтовъ, поколебавшихъ престижъ Тюрго.

Но не одна только нерѣшительность короля даетъ поводъ къ очень серьезнымъ опасеніямъ. Конфликты съ Англіей, въ связи съ американскими волненіями, принимаютъ грозный характеръ, тѣмъ болѣе, что король довольно благосклонно слушаетъ тѣхъ, кто желаетъ внушить ему, что война можетъ служить отвлеченіемъ и что она дастъ другое

направленіе всеобщему броженію умовъ. Счастливый же исходъ войны непремѣнно подавитъ недовольство, быстро растущее со времени униженія Франціи послѣ семилѣтней войны. Мечтатели, думающіе о возможности осуществленія въ свободной Америкѣ идей философовъ, хитрые дѣльцы, вездѣ любящіе ловить рыбу въ мутной водѣ, — уже теперь, какъ я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, тайно доставляютъ бостонцамъ оружіе. Они соединяются вмѣстѣ и стараются раздуть пламя. Насколько это имъ удастся, видно уже изъ того, что такой хладнокровный и сдержанный дворянинъ, какъ принцъ Монбельяръ высказалъ мнѣ свое намѣреніе принять участіе въ борьбѣ американскихъ колоній за независимость, даже въ томъ случаѣ если Франція останется нейтральной. А г. Сентъ Джемсъ серьезно предложилъ мнѣ участвовать нѣсколькими тысячами ливровъ въ дѣловыхъ предпріятіяхъ. Между прочимъ, принцъ проситъ меня увѣдомить васъ, какъ его подругу дѣтства, о его намѣреніи. «Надо уйти изъ этой душной тепличной атмосферы ничегонеделанія, чтобы не кончить такъ, какъ копчилъ Пиршъ». сказалъ онъ.

Въ той средѣ, въ которой онъ постоянно находится, среди приближенныхъ королевы, эта удушливая атмосфера ощущается всего сильнѣе, и мнѣ кажется, что оттуда намъ грозятъ самыя серьезныя опасности. Я жду отъ васъ, моя милая, что вы окажетесь на высотѣ той задачи, которая здѣсь предстоитъ вамъ. Однако эта задача далеко не заключается въ томъ, чтобы поддерживать королеву въ ея борьбѣ съ министерствомъ. Объ этомъ заботится принцъ Роганъ, не столько ради того, чтобы польстить желаніямъ королевы, сколько ради личныхъ интересовъ. Его честолюбіе до сихъ поръ не можетъ примириться съ тѣмъ, что онъ былъ отозванъ изъ Вѣны, гдѣ занималъ постъ посла. Шапка кардинала — самое меньшее, что можетъ удовлетворить его, и король, вѣроятно, согласится на это, принимая во вниманіе его богатія и вліятельныя семейныя связи. Королева же до сихъ поръ противится и не хочетъ принимать принца. Безтактности Рогана, совершенныя въ Вѣнѣ, мнѣ кажутся все же недостаточными для объясненія такого упорства и, дѣйствительно, я слышалъ недавно, что онъ довольно недвусмысленно преслѣдовалъ молоденькую австрійскую эрцгерцогиню своими любовными предложеніями. Я считалъ бы поэтому полезнымъ держаться отъ него подальше, тѣмъ болѣе, что его репутація и здѣсь, въ Парижѣ, очень плохая. Онъ самъ рассказывалъ мнѣ, что со времени своего возвращенія въ Парижъ, онъ ежедневно ужинаетъ въ отелѣ какой-нибудь куртизанки. Такіе люди, какъ онъ, будутъ только поддерживать опасныя склонности королевы и еще увеличатъ кругъ легкомысленныхъ дамъ и мужчинъ, которыми она себя окружаетъ.

Вы знаете, какъ мы поздравляли себя съ окончаніемъ хозяйничанья королевскихъ любовницъ, когда вступилъ на престолъ этотъ король? Но теперь я, не стѣсняясь, говорю, что мы скорѣе проиграли, нежели выиграли отъ этой перемѣны. Марія Антуанета живетъ только

для удовольствія и заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что, невзирая на свое достоинство и положеніе, выступаетъ на сценѣ въ самыхъ рискованныхъ комедіяхъ передъ партеромъ восторженно аплодирующихъ кавалеровъ, и своихъ любимцевъ выбираетъ на основаніи своихъ актерскихъ пристрастій. Дѣло зашло ужъ такъ далеко, что такіе важные господа, какъ графъ Артуа, выступаютъ въ Версалѣ въ качествѣ канатныхъ плясуновъ, а графиня Полиньякъ беретъ уроки балетныхъ танцевъ! Что жъ удивительнаго, что мало-по-малу исчезаетъ почтеніе къ королевскому дому и распѣваются куплеты, осмѣивающіе самымъ жестокимъ образомъ это стремленіе принцевъ уничтожить собственное достоинство.

Мнѣ надо еще сообщить вамъ, что мы должны принять любезное приглашеніе вашего дяди, графа Вальдемара, поселиться сначала въ его домѣ, такъ какъ не легко найти подходящій отель и, кромѣ того, наше пребываніе въ Парижѣ будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго положенія вещей.

Сообщите мнѣ во-время свои дорожныя распоряженія.

Люсьенъ Гальяръ Дельфинъ.

Высокоуважаемая госпожа маркиза, ваше порученіе исполнено, я поймалъ принца Монбельера, когда онъ возвращался домой послѣ своей верховой прогулки съ графиней Полиньякъ. Веселость его тотчасъ же омрачилась, какъ только онъ увидѣлъ меня. Когда я передалъ ему ваше письмо, то его блѣдное лицо густо покраснѣло. Онъ очень немилостиво отпустилъ меня. Или, быть-можетъ, я прозрѣлъ въ Парижѣ и теперь только увидѣлъ обычное высококомѣрное обращеніе этого знатнаго господина?

Ваша милость была настолько добра, что освѣдомилась о моей судьбѣ. Мнѣ бы надо было писать мемуары, какъ г. Бомарше, чтобы дать подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что я испыталъ. Я пережилъ въ какіе-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ больше, чѣмъ за двадцать пять предшествовавшихъ лѣтъ. Я постараюсь вкратцѣ изложить вамъ это, не потому, чтобы я вѣрилъ въ интересъ, котораго вы мнѣ выказываете,—я знаю, что благородное воспитаніе учитъ выказывать подобный интересъ и такимъ путемъ привлекать къ себѣ простодушныхъ людей,—но я хотѣлъ бы познакомить васъ съ новымъ изданіемъ извѣстнаго вамъ Гальяра и избавить васъ отъ встрѣчи съ нимъ, если онъ подлежитъ вашему порицанію.

Я отправился пѣшкомъ. Нищенскую сумму, которую мнѣ далъ г. маркизъ и которую такъ значительно увеличила госпожа маркиза, надо было беречь и воздерживаться отъ лишнихъ тратъ. Эта бережливость сдѣлала меня богатымъ. Я приобрѣлъ такой обширный опытъ, который подчасъ даже подавляетъ меня.

Какъ только горы остались за мной, то впереди я увидѣлъ цѣлыя области, какъ будто только что покинутыя воинственными грабителями. Пустоши, луга, поля, пересѣкаемые грязными дорогами. На разстояніи многихъ миль—ни одного человѣка! Лишь изрѣдка показывалось кое-гдѣ живое существо, съ прядями волосъ, падающими на закорузлое отъ грязи лицо, испуганно смотрящее на меня своими покраснѣвшими глазами.

Передъ наступленіемъ ночи я постучался въ двери одной закоптѣлой хижины, въ округѣ Норуа. Съ воемъ, напомнившимъ мнѣ вой волковъ въ Вогезахъ, какое-то существо бросилась мнѣ навстрѣчу.

— У меня нѣтъ ничего, ничего!—кричала она.—Даже замокъ отъ дверей уже взятъ сборщикомъ податей!

При лунномъ свѣтѣ я могъ разсмотрѣть, кто былъ передо мной. Это могла быть только колдунья! Космы грязныхъ бѣлыхъ волосъ торчали на ея желтомъ черепѣ. Кости ея обнаженной верхней части туловища были обтянуты коричневой кожей, груди висѣли, какъ пустые мѣшки на обвисломъ животѣ. Я перекрестился. Тутъ я услышалъ какой-то плачь въ темнотѣ хижинѣ. Предположивъ преступленіе, я бросился за вѣдьмой внутрь хижины. Она что-то подняла съ голого пола хижины, какой-то узелъ лохмотьевъ, какъ мнѣ показалось. Она качала этотъ узелъ на своихъ костлявыхъ рукахъ, прижимала къ своей изсохшей груди, и слезы потоками лились на него. Я увидѣлъ маленькое личико старческаго вида, величиной не больше моего кулака, которое выглядывало изъ лохмотьевъ. Она прижимала его къ себѣ и цѣловала...

Тогда я понялъ, что это была женщина!..

И вотъ, постепенно, путешествуя дальше, я пересталъ ужасаться. Вездѣ я видѣлъ одно и то же. Дома безъ оконъ и половъ и въ нихъ ничего, кромѣ грязной соломы. Мебель во время послѣдней зимы была сожжена въ каминѣ, такъ же какъ и послѣднія плодовые деревья передъ домомъ. Все же остальное имущество было сожжено сборщиками податей и землевладѣльцами! Винодѣлы въ Лаферте вынуждены были выпустить вино въ рѣку, потому что имъ нечѣмъ было заплатить налогъ на него!

Когда я достигъ Шатильона на Сенѣ, то навстрѣчу мнѣ стали попадаться цѣлыя толпы крестьянъ, бросившихъ свои поля и отправляющихся на чужбину. Одни изъ нихъ вторгались въ городъ, гдѣ каждый домъ напоминалъ развалины и вымаливали работу у швейцарскаго суконнаго торговца, недавно пріѣхавшаго, чтобы завербовать за дешевую плату женщинъ для своихъ ткацкихъ станковъ. Его восхваляли, точно самого Бога за это. Тутъ были люди, которые точно скотъ питались травой, за неимѣніемъ ничего другого, и то, что они получили теперь—кусочъ хлѣба, казалось имъ настоящимъ спасеніемъ. За это они готовы были день и ночь корпѣть надъ станкомъ.

Я приближался къ Парижу съ пустыми карманами. Въ виду всѣхъ этихъ бѣдствій, каждое су жгло мнѣ руку, пока я не отдавалъ

его. Я проходил мимо роскошных замков и великолѣпныхъ цвѣту-щихъ садовъ. И хотя я чувствовалъ уже спазмы голода, но скорѣе готовъ былъ бросить горящій факель въ эту роскошь, чѣмъ протянуть руку и просить милостыню!

Нужда заставила меня снова отправиться къ женщинѣ, нежеланнымъ гостемъ которой я былъ уже въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ моего существованія. Въ ея кофейнѣ, гдѣ за столиками собирались, съ ранняго утра до поздняго вечера, разные реформаторы міра, я познакомился и съ дѣятелями пера, для которыхъ я исполнялъ обязанности писца. Теперь я работаю у г. Ленге, тщеславіе котораго превышаетъ его умъ. Оттого что разные шалопан, посѣщающіе кофейни, горячатся по поводу его процессовъ и статей, онъ и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что на него обращены глаза всей Европы!

Я бываю и въ клубахъ и много читаю. И часто мнѣ казалось, что у философовъ и экономистовъ я найду рецепты для излѣченія того страшнаго народнаго бѣдствія, съ которымъ мнѣ пришлось очень близко познакомиться. Однако потомъ я всегда убѣждался, что эти знаменитые врачи совсѣмъ не изслѣдовали той болѣзни, которую они хотятъ лѣчить. Г. Неккеръ недавно написалъ въ одномъ памфлетѣ противъ экономистовъ: «Экономическая свобода, которую вы проповѣдуете,—это тиранія землевладѣльцевъ». А аббатъ Бодо отвѣчалъ ему: «Ваши нападки на землевладѣніе—это коммунизмъ банкировъ». Боюсь, что они оба правы.

Да простить мнѣ, ваша милость, это длинное письмо. Я слишкомъ много думаю и слишкомъ мало говорю, поэтому мысли мои выливаются черезъ перо на бумагу.

О Фробергѣ я вспоминаю, точно о какой-нибудь другой планетѣ. Тамъ всюду была сытость и чистота. Ваше письмо точно раздвинуло темную завѣсу моего опыта, такъ что изъ окна моего подвального помѣщенія я снова увидалъ далекій солнечный лучъ, но все же я не хотѣлъ бы вернуться назадъ! Боритесь лучше, чѣмъ просто жить. Одно только ужасно, что госпожа той планеты снова явилась передо мной и изъ-за нея я могъ позабыть на время о несчастной вѣдьмѣ въ Норуа!..

Могу ли я надѣяться, что ваша милость вспомнитъ обо мнѣ въ Парижѣ?..

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ Дельфинъ.

Парижъ, 2 іюля 1775 г.

Уважаемая маркиза. Ваше письмо удивило меня, такъ какъ я не имѣю права рассчитывать, что вы окажете мнѣ честь своимъ довѣріемъ. Мнѣ показалось однажды, что я угадалъ поужденія, заставившія васъ

отклонить свиданіе со мной. Мое сердце, глубоко осчастливленное этимъ, въ состояніи было перенести требуемую разлуку. Но съ нѣкоторого времени я знаю, что это было заблужденіе...

Принцъ Роганъ и графъ Шеврезъ, восхищенные вами, много рассказывали про то, какъ вы умѣете всѣхъ подчинить своему обаянію, но еще больше, чѣмъ ихъ рѣчи, сказало мнѣ молчаніе другого, навѣки умолкнувшаго человѣка!

Вы защищаете себя по поводу этой смерти, маркиза, какъ будто я позволилъ себѣ выступить въ роли вашего судьи. Но такъ какъ я, къ сожалѣнію, не могу быть ни глухимъ ни слѣпымъ, то позвольте мнѣ возстановить въ вашей памяти нѣкоторые факты. Маршалъ Контадь, пріѣхавшій въ Версаль, чтобы реабилитировать себя, привезъ портфель Пирша. Между прочимъ, тамъ находилась, написанная вашей рукой, записка съ откровеннымъ требованіемъ тайнаго свиданія и нѣсколько стиховъ самого Пирша, посвященныхъ «Возлюбленной», гдѣ онъ воспѣваетъ аромать ея волосъ, нѣжность ея рукъ, теплоту ея роскошной груди, и притомъ дѣлаетъ это въ такихъ пылкихъ выраженіяхъ, которыя съ несомнѣнностью указываютъ на обладаніе всѣми этими прелестями, а не на одно только желаніе...

Далѣе, вы были настолько милостивы, что выразили участіе къ моимъ интересамъ и планамъ, которые вамъ кажутся «опасными» и «рискованными». Для вашего успокоенія могу васъ увѣрить, что отнюдь не какія-либо «сердечныя разочарованія» вызвали во мнѣ желаніе повернуться спиной къ Франціи. Это свойство женщинъ сообразовать свои убѣжденія и интересы съ направленіемъ своихъ чувствъ, но мужчины такъ не дѣлають.

Мое отвращеніе къ пустотѣ придворной жизни, къ моему собственному бездѣльному существованію могло уже служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы у меня возникло горячее желаніе поискать другую сферу жизни. Но еще важнѣе для меня было пониманіе того, что всѣ системы и идеи нашихъ мыслителей и поэтовъ, которые нѣкогда такъ воодушевляли меня,—я бы охотно сказала «насъ», маркиза, если бъ мнѣ не было извѣстно, что часы, проведенные въ Этюпѣ, давно уже позабыты вами,—остаются только фразами, еще болѣе безсодержательными, чѣмъ слова священниковъ, обѣщанія которыхъ касаются небесъ и потому совершенно не могутъ быть провѣрены.

Въ Америкѣ же я вижу народъ, сражающійся за свою свободу, вмѣсто того, чтобы только говорить о ней! Тамъ я узнаю, наконецъ, представляетъ ли она такое благо, за которое стоитъ отдавать свои силы и свою жизнь?

Я предполагаю отправиться сначала въ Петербургъ на бракосочетаніе моей сестры съ русскимъ великимъ княземъ Павломъ, а затѣмъ покину Европу.

Можетъ-быть, изъ этихъ коротенькихъ строкъ вы будете въ состояніи понять одно, что я не имѣю желанія похоронить свою личность въ

придворныхъ интригахъ и любовныхъ забавахъ и не имѣю никакой склонности разыгрывать изъ себя трагическаго героя.

Эти слова, маркиза, должны быть послѣдними, которыми мы обмѣнялись съ вами.

Я надѣюсь, что Парижъ не обманетъ ни вашихъ стремлений ни вашихъ надеждъ.

ПАСТУШЕСКІЯ ИГРЫ.

Графъ Гюи Шеврѣзъ Дельфинъ.

Парижъ, 1 августа 1775 г.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю вамъ, прекраснѣйшая маркиза, роль Дафнисъ, которая вамъ предназначена. Королева пришла въ восторгъ отъ одной мысли о вашемъ участіи. А я... О, не существуетъ словъ, чтобы выразить то, что я чувствую!

Дельфина смѣется надъ любовными клятвами Гюи, но Дафнисъ вынуждена будетъ претерпѣть даже самыя нѣжныя изліянія Филидора!

Графъ Гюи Шеврѣзъ Дельфинъ.

Версаль, 15 августа 1775 г.

Очаровательница! я еще чувствую ваше дыханіе на своей щекѣ, чувствую ваше нѣжное тѣло въ своихъ объятіяхъ и ощущаю прикосновеніе вашихъ губокъ, мягкихъ и прохладныхъ, какъ лепестки розы, къ своимъ пламеннымъ устами. Была ли то Дафнисъ?.. Была ли то Дельфина?..

И вотъ, когда я, опьяненный блаженствомъ, упалъ, въ тѣни кулисъ, къ вашимъ ногамъ, готовый за одно ласковое слово отдать по каплямъ свою кровь, вы сразу заставили меня опуститься на землю, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ: былъ ли принцъ Фридрихъ-Евгеній среди зрителей? Я молча кивнулъ головой, глубоко огорченный тѣмъ, что вы такъ долго интересуетесь этимъ нелюбезнымъ чудачкомъ. Но когда страсть, бушующая во мнѣ, вырвала у меня мучительный вопросъ: «Любите вы принца?» то вашъ быстрый отвѣтъ: «Я ненавижу его!» — наполнилъ мое сердце новой радостной надеждой. Прильнувъ ко мнѣ, сіяя красотой и вызывающей смѣлостью, вы показались передъ восхищеннымъ дворомъ. И когда вы легкимъ пожатіемъ руки дали мнѣ разрѣшеніе оставаться возлѣ васъ, то опьяненный я вообразилъ, что упоминательное блаженство обладанія вами недалеко!..

Но ваше холодное прощаніе на разсвѣтѣ снова низвергнуло меня въ пучину сомнѣній. Спасите потерпѣвшаго крушеніе! Если же вы находите,

что не стоит для этого протягивать вашу руку, то спасите другое, — спасите свою собственную цвѣтущую молодость! Не забывайте, прелестная Дельфина, что, несмотря на вашу божественную красоту, вы небезсмертны. Должна ли увянуть весна вашей молодости прежде чѣмъ солнце любви превратитъ ее въ благоухающее лѣто?

Вы страдаете, я это знаю, потому что мнѣ знакомы всѣ муки сердца и всѣ его восторги. Въ вашихъ глазахъ свѣтится желаніе и оно горитъ даже въ кончикахъ вашихъ розовыхъ пальчиковъ.

Если сегодня вечеромъ я увижу розы, которыя посылаю вамъ, приколотыми къ вашей груди, то это будетъ служить для меня знакомъ, подающимъ сладостную надежду. Пусть трагедія Гибера, — представленія которой съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ дворъ, — будетъ такъ же томительно скучна, какъ и его военное искусство, я все же найду ее занимательной. Итакъ, вы, очаровательная Дельфина, будете нести отвѣтственность не только за счастье вашего пастуха, но и за успѣхъ поэта!

Графъ Гюи Шеврѣзъ Дельфинъ.

Версаль, 20 августа 1775 г.

Съ того вечера, какъ я увидалъ на бѣломъ шелкѣ вашего платья темнокрасныя розы, олицетворяющія мою страсть, и увлеченный преклонилъ передъ вами колѣно въ зеркальномъ залѣ Версали, я началъ сомнѣваться, была ли настоящей жизнью моя прежняя жизнь и любовь, которую я раньше испытывалъ, была ли то дѣйствительно любовь?

Какъ во снѣ слышу я нѣкоторыя мелодіи Гретри, при звукахъ которыхъ въ вашихъ глазахъ зажигались огоньки, вижу въ вашихъ рукахъ стаканъ съ пѣнящимся виномъ, огонь котораго медленно разливался по вашимъ жиламъ, чувствую горячее дыханіе прекрасныхъ женщинъ и блестящихъ кавалеровъ, заставляющее мерцать пламя благоухающихъ свѣчей и вибрировать удушливый воздухъ залы, заражая и васъ всеобщей лихорадкой. Были ли вы опьянены роскошью королевскаго праздника или на васъ подѣйствовалъ аромат моихъ розъ?

Я не хочу никакого отвѣта на этотъ вопросъ, не хочу его! Я хочу только жить и наслаждаться божественнымъ мгновеніемъ, прелестная женщина, все равно, какому бы чуду я ни былъ обязанъ этимъ блаженствомъ.

Всѣ цвѣты, какіе только есть въ Парижѣ, я посылаю вамъ. Я хочу уложить головку возлюбленной на лепесткахъ лилій, когда приду къ ней, хочу разсыпать по ея бѣлому тѣлу красные маки, и пусть Амуръ дастъ мнѣ силу пробудить прекраснѣйшую изъ женщинъ къ жизни любви...

Графъ Гюи Шеврѣзъ Дельфинъ.

Версаль, 10 сентября 1775 г.

Милая! Прелестная! И я не могъ видѣть васъ вчера! А между тѣмъ вы все же приняли графа Гибера! Бѣшенная ревность терзала бы мою душу, если бъ я не зналъ, что знаменитый поэтъ и воинъ такъ же знаменитъ и тѣмъ, что онъ любовникъ Леспинасъ. Но я не хочу позволять ему преклоняться даже передъ умомъ моею возлюбленной!

И королева замѣтила мое дурное расположеніе духа. «Гдѣ Дафнисъ, бѣдный Филидоръ?» поддразнивала она меня. «Гдѣ Дафнисъ?» повторяетъ мое сердце каждую минуту, которую я провожу въ отдаленіи отъ васъ!

И сегодня вы не хотите меня принять, потому что ея величество портниха Бертенъ даетъ вамъ аудіенцію?! Жестокая! Для чего вамъ новыя кружева, газовыя и шелковыя матеріи, нѣжныя волны тюля, украшающія грудь, тяжелая парча, окутывающая бедра изысканно граціозными складками? Развѣ вы недостаточно обольстительны для меня, или же вы намѣреваетесь довести меня до бѣшенства, сводя съ ума другихъ мужчинъ и пронзять меня ихъ завистливыми взглядами?

Внизу, во дворѣ, швейцарецъ насвистываетъ свою пѣсенку, изъ комнатъ Полиньякъ несутся томные звуки арфы, въ кустахъ изгороди чиркаетъ птичка, мечтающая о веснѣ... Но во всѣхъ этихъ разнообразныхъ звукахъ я слышу только одно: Дельфина! Дельфина! Страстно, буйно бьется мое сердце при одномъ этомъ имени! Вѣдь черезъ нѣсколько дней моя возлюбленная будетъ со мной въ волшебныхъ садахъ Армиды!

Никого я такъ не восхваляю теперь, какъ принца Конде, превратившаго Шантлиль въ обиталище музъ и грацій. Бомарше, исполняющій у него въ настоящее время роль церемоніймейстера, многозначительно улыбаясь своей улыбкой Фигаро, намекалъ мнѣ о чудесахъ, которыя тамъ будутъ совершаться.

Для любителей уединенія, сказалъ онъ, устроены въ этомъ обширномъ, многомильномъ паркѣ тихіе, уединенные домики; для философскихъ же бесѣдъ, чтобы онѣ могли происходить безъ помѣхи, существуютъ въ огромномъ замкѣ укромные уголки, скрывающіеся за потайными дверями. Всѣ, молодые и красивые, приглашены принцемъ для того, чтобы злые языки старыхъ бабъ и похотливые взгляды отжившихъ старыхъ франтовъ не препятствовали любви жить тутъ полною жизнью.

Поэтому, возлюбленнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, вамъ не придется бояться за нашу тайну и блѣднѣть, когда моя рука будетъ искать вашу руку и когда насъ коснутся посторонніе взоры. И въ минуту величайшаго упоенія вы не будете со страхомъ обращать на меня свои прекраснѣйшіе въ мірѣ глаза. Наконецъ-то вы будете моею безъ всякихъ опасеній!

Я вижу уже насъ обоихъ въ этихъ садахъ, въ храмахъ, скрытыхъ въ землѣ. Руки наши соединились и мы вмѣстѣ поднимаемъ ихъ къ Эро-

су, этому восхитительному богу, и затѣмъ тихо исчезаешь во мракѣ жизни, вокругъ которой, точно непоколебимая стража стоятъ сѣдые буквые стволы, а густой плющъ съдливо закрываетъ своими вѣтками ея маленькія оконца...

Люсьенъ Гайльяръ Дельфинъ.

Парижъ, 20 сентября 1775 г.

Высокоуважаемая госпожа маркиза. Я до сихъ поръ еще не воспользовался вашимъ милостивымъ разрѣшеніемъ, позволяющимъ мнѣ лично представиться вамъ во время вашего пребыванія въ Парижѣ. Но въ мою теперешнюю жизнь и мои мысли не долженъ попадать уже ни одинъ лучъ изъ того міра, отъ котораго я окончательно отвернулся. Я, самъ обездоленный, хочу совсѣмъ принадлежать моимъ братьямъ и даже не прощаю себѣ, если когда-нибудь во мнѣ шевельнутся прежнія чувства и желанія...

Чтобы не будить въ себѣ того, что, къ сожалѣнію, еще не умерло, а только дремлетъ подъ вліяніемъ пѣсенъ нужды, я и не обращаюсь къ вамъ лично со своею просьбой. Тутъ дѣло не во мнѣ. Если бы мнѣ даже угрожала голодная смерть, я бы скорѣе сталъ грабить, нежели просить милостыню. Но ради бѣдныхъ малютокъ я обращаюсь къ вашей добротѣ.

Я нашелъ ихъ во время моихъ странствованій въ сѣверной части Парижа. Такія прогулки составляютъ мое обычное времяпровожденіе въ часы досуга. Тотъ, кто вынужденъ постоянно ходить по мостовой, между тѣсными рядами домовъ, забываетъ постепенно, что можно также ходить и по мягкому дерну, между зелеными деревьями. И это хорошо.

Дѣти просили милостыню. Дѣвочка искала въ кучахъ мусора чего-нибудь съѣстного. Я пошелъ за ними, когда они вечеромъ отправились домой. Мнѣ пришлось забраться подъ самую крышу. Тамъ, сквозь широкія щели въ дощатой стѣнѣ, я могъ заглянуть въ каморку, не имѣвшую ни замка ни засова. Я увидалъ группу изголодавшихся дѣтей, съ жадностью хватавшихъ отвратительные отбросы пищи, найденные дѣвочкой въ сточной канавѣ. Въ другой разъ я послѣдовалъ за однимъ ребенкомъ въ сырую подвальную яму, лежащую глубоко подъ мостовую улицы. Какая-то женщина съ гноящимися глазами сорвала съ его худенькаго тѣла лохмотья, а другая стала разсматривать это жалкое, истощенное созданіе такъ, какъ будто передъ нею былъ кусокъ рѣдкаго мяса. И за пять су она купила, наконецъ, малютку!

Съ тѣхъ поръ я постоянно отыскиваю такихъ несчастныхъ дѣтей. У меня уже составилъ цѣлый списокъ. Въ шести улицахъ я нашелъ 73 ребенка: мальчиковъ и дѣвочекъ. Я бы охотнѣе всего тайно похитилъ

ихъ. Но въ моей каморкѣ есть мѣсто только для моей кровати, потому что я калѣка и никогда не лежу прямо. А женщина, которая мѣня родила, захотѣла бы извлечь пользу изъ моихъ питомцевъ. Сбыть для человѣческаго товара она всегда находить.

И вотъ я слышала, что теперъ въ модѣ у благородныхъ дамъ отдавать бѣднымъ людямъ свои изношенныя платья и кухонные остатки, чтобы вызвать ихъ благодарность. Нѣкоторыя устраиваютъ также больницы, опасаясь для своей гладкой нѣжной кожи заразительныхъ болѣзней, которыя онѣ могутъ получить отъ бѣгающихъ на свободѣ нищихъ дѣтей.

Можетъ-быть, было бы возможно,—благодаря г. Руссо, любовь къ дѣтямъ вѣдь тоже вошла въ моду,—учредить для нихъ какое-нибудь убѣжище, гдѣ бы они могли найти защиту отъ дикихъ звѣрей, преслѣдующихъ ихъ, отъ голода и людей? И это бы стоило даже дешевле, чѣмъ новое платье, если бы всѣ придворныя дамы захотѣли принять участіе въ такомъ дѣлѣ.

Боюсь, что я не умѣю просить милостыни даже для другихъ! Ничто не вызываетъ такой пламенной ненависти, какъ необходимость просить!

Да простить мнѣ ваша милость всѣ эти слова, которые падаютъ, точно камни, вмѣсто того чтобы ложиться на землю мягкими снѣжными хлопьями. Но если бы вы захотѣли обратить на этихъ бѣдныхъ дѣтей всю ту доброту, которую расточали мнѣ когда-то, то дѣти были бы спасены!

Мой списокъ всегда къ вашимъ услугамъ.

Принцъ Роганъ Дельфинъ.

Шантильи, 25 сентября 1775 г.

Восхитительная маркиза. Вы ускользаете отъ меня. Только явится у меня надежда, что мнѣ удалось приблизиться къ вамъ, въ саду, какъ уже ваши золотыя башмачки мелькаютъ вдали, между изгородями! Вижу я васъ въ салонѣ,—и тамъ васъ всегда окружаетъ непроницаемою стѣной толпа вашихъ поклонниковъ! Осмѣливаюсь ли я послѣдовать за вами вечеромъ—и тутъ становится поперекъ дороги моя скромность кавалера. Вотъ почему я избираю этотъ путь, который облегчитъ мнѣ возможность выступить передъ вами въ качествѣ разгнѣваннаго священника, а не въ качествѣ преклоняющагося передъ вами человѣка.

Въ своихъ пастушескихъ играхъ вы забываете нашу интригу, прекрасная маркиза, уже не потому ли, что вашимъ партнеромъ является любезнѣйшій графъ Шеврѣзъ? Надо же, чтобы путь къ головѣ женщины всегда проходилъ черезъ ея сердце!

Однако даже въ тѣхъ случаяхъ, когда я не могъ открыть вліянія любовника, вашъ умъ все-таки оказывается въ подчиненіи у вашихъ чувствъ!

Слушайте же, что мнѣ рассказали: недавно королева прогуливалась въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ по новымъ садамъ Трианона. Подъ тѣнью ивъ, у рыбацѣй хижины, она начала рассказывать исторіи, навѣ- ваемая ей окружающею обстановкой. Каждая изъ дамъ, со смѣхомъ и шутками, послѣдовала ея примѣру. Только маркиза Монжуа, всегда са- мая веселая изъ всѣхъ, оставалась молчаливой. «Развѣ эта хижина не на- поминаетъ нашей очаровательной пріятельницѣ никакой идилліи?» спро- сила королева ее. «Идилліи? О, нѣтъ!—отвѣчала маркиза.—Скорѣе тра- гедію!..» И съ горячностью, усиливающеюся при каждомъ словѣ, она заговорила о крестьянахъ Шампаньи, объ ихъ хижинахъ, не имѣющихъ ни оконъ ни кроватей, объ ихъ пустынныхъ поляхъ, опустѣлыхъ гум- нахъ, объ ихъ женахъ, молодость которыхъ снѣдаетъ нужда и у изсох- шихъ грудей которыхъ дѣти умираютъ съ голоду! Дамы слушали по- раженныя, а королева даже прослезилась....

И то, чему я не хотѣлъ вѣрить, я услышалъ сегодня собственными ушами! Когда во время игры въ фанты пришла ваша очередь и вы долж- ны были рассказать что-нибудь, развязывая свое жемчужное ожерелье, то вы заговорили съ тою теплотою, которая всегда далека отъ истины, о страданіяхъ дѣтей въ Парижѣ. Вы говорили о такихъ вещахъ, которыя вашъ изысканный вкусъ не долженъ былъ бы знать, а ваши нѣжные уста не должны были бы выговаривать! Но чѣмъ сильнѣе вы увлекались своимъ состраданіемъ, тѣмъ опаснѣе было вліяніе, которое исходило отъ васъ. Развѣ такимъ образомъ, дорогая маркиза, можно поколебать положеніе Тюрго, который не устаетъ сулить народу золотыя горы, если только ему удастся провести свои реформы?

Я долженъ паомнить вамъ серьезность положенія, для того, чтобы вы ясно поняли, какъ важна наша задача. Положеніе обострилось въ выс- шей степени и не только наше отечество, но и наша святая церковь на- ходятся въ величайшей опасности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ Шуазель возвращенъ изъ изгнанія,—тотъ самый Шуазель, котораго Пом- падуръ сдѣлала министромъ и который изгонялъ благочестивыхъ пате- ровъ-іезуитовъ и въ то же время оказывалъ покровительство философамъ- богоотступникамъ! Невѣріе, пренебреженіе человѣческимъ и божествен- нымъ авторитетомъ распространяются всюду какъ зараза. Такой низкій человѣкъ, какъ Вольтеръ, становится оракуломъ Франціи; энциклопедія выходитъ безпрепятственно и распространяетъ по всему свѣту идеи про- свѣтителей, которыя до сихъ поръ приносили вредъ только въ небольшомъ кругу. Наши газеты и памфлеты, даже наши разговоры, сплошь до при- дворнаго круга, наполнены рѣчами о правдѣ, о равенствѣ, о политиче- ской свободѣ, и слово «разумъ» произносится гораздо чаще, чѣмъ имя Бога!

Простите мнѣ, что моя любовь къ отечеству и мой долгъ служителя церкви такъ далеко завели меня, что я набрасываю тѣнь на ваши раз- влеченія, которыя должны оставаться безоблачными. Но именно здѣсь мнѣ стало ясно, какъ много могли бы вы сдѣлать для нашей цѣли, вы- сокоуважаемая маркиза, такъ какъ всѣ, начиная отъ нашего благород-

наго хозяина и герцога Бурбонскаго, преклоняются передъ вашей красотой и восхищаются вашимъ умомъ. Я взываю къ вашему честолюбію, которое легко получитьъ удовлетвореніе, если вы исполните вашъ долгъ, какъ дочь Франціи и церкви. Вы можете доказать королевѣ, что Франціи хватаетъ средствъ не только на сады Трианоны, и что Франція призвана играть первенствующую роль въ мірѣ, а не только на сценѣ.

Если вы захотите благотворить въ тиши, какъ святая Елизавета, не возбуждая излишнимъ образомъ умы, которые и безъ того легко воспламеняются, то я первый поддержу васъ. Завтра же утромъ я пришлю вамъ сто луидоровъ изъ моей шкатулки для вашихъ бѣдныхъ дѣтей и я увѣренъ, что вы всюду найдете такую же щедрую помощь. Чтобы осушить слезы, въ самомъ дѣлѣ, не нужны никакіе законы о реформахъ! Это во всѣ времена было прекраснѣйшей задачей добрыхъ христіанъ.

Долженъ ли я напомнить вамъ еще кое-что, моя красавица? Маркизь Контадь готовъ подтвердить своимъ честнымъ словомъ дворянина, что вы—француженка!—осудили поступокъ фонъ Пирша, какъ измѣну отечеству. Впрочемъ, онъ обѣщаль мнѣ—такъ какъ только благодаря моему вліянію полученная имъ пощечина не имѣла послѣдствій—что онъ не воспользуется этимъ фактомъ, чтобы вредить вамъ. Отъ меня зависитъ, слѣдовательно, освободить его отъ этого обѣщанія. Можно ли будетъ маркизѣ Дельфинѣ рассказывать королевѣ разныя исторіи, послѣ того какъ ея величество узнаетъ, что ея молодая подруга питаетъ въ душѣ прусскія чувства?! Вамъ теперь представляется прекрасный случай исправить маленькую оплошность, которую, конечно, можно оправдать вашей молодостью.

Во всякомъ случаѣ, легче простить вашу неосторожность, въ которой виновато ваше горячее сердечко, нежели то, что вы дѣлаете обдуманно. Конечно, почтенный маркизь—неподходящій партнеръ для радостей любви. Поэтому-то я, какъ вашъ преданный другъ, нарочно зажмурилъ глаза, проходя сегодня ночью мимо одной, скрытой въ кустахъ, хижины и замѣтивъ, съ какой очаровательной естественностью Дафнисъ и Филидоръ продолжаютъ далѣе играть свою роль,—хотя мнѣ, какъ священнослужителю, и слѣдовало бы вознегодовать и наказать виновныхъ. Но не бойтесь, прелестная грѣшница! Только ради одной родины могъ бы Роганъ измѣнить женщинѣ, которой онъ поклоняется!

Не затуманивайте же блеска вашихъ очей слезами ложнаго состраданія. Будьте увѣрены, что церковь не допускаетъ голодать ни одного человѣка на плодородной почвѣ Франціи.

Я возвращаюсь сегодня же въ Страсбургъ. Вы будете такъ добры, что напомните обо мнѣ королевѣ.

На прощаніе,—если только двери вашего будуара открываются не только для одного единственнаго кавалера,—я явлюсь къ вамъ завтра рано утромъ и буду просить только одной милости: разрѣшенія поцѣловать розовую ручку, которая умѣетъ такъ нѣжно обнимать достойнаго зависти возлюбленнаго.

Графъ Гиберъ Дельфинъ.

Парижъ, 6 октября 1775 г.

Высокоуважаемая маркиза. Когда я предоставилъ себя въ ваше распоряженіе для дѣла, которое внушило вамъ ваше человѣколюбіе, то никогда не думалъ, что мы такъ быстро достигнемъ цѣли. Но красота и доброта, соединившись вмѣстѣ, могутъ творить чудеса! Шестьдесятъ дѣтей, принятыхъ на свое попеченіе монастыремъ св. Иисуса, служатъ живымъ доказательствомъ этого.

Но ваше горячее стремленіе облегчить нужду,—къ сожалѣнію, являющуюся лишь симптомомъ великой болѣзни, угрожающей жизни Франціи,—не такъ глубоко потрясло меня, какъ ваше непониманіе, какими средствами надо бороться съ этимъ зломъ, чтобы искоренить его.

Будьте увѣрены: реформы, съ какими бы хорошими намѣреніями онѣ ни примѣнялись, служатъ только наркотическимъ средствомъ, заглушающимъ боль. Надо отыскать новые источники богатства. И я повторяю вамъ то, что г. Бомарше и я уже пытались изъяснить вамъ, что именно теперь представляется для этого благопріятный случай. Если мы поддержимъ американцевъ въ ихъ борьбѣ за свободу, то Америка дастъ намъ въ руки единственное вѣрное оружіе для борьбы съ нуждой, а именно—деньги!

Вашу красоту восхваляетъ весь Версаль, вашу доброту—половина Парижа! Но теперь открывается обширное, плодотворное поле дѣятельности и для вашего ума. Вашъ салонъ долженъ быть сборнымъ пунктомъ всѣхъ лучшихъ умовъ Франціи. Моя любовь къ отечеству позволяетъ мнѣ свободно высказывать то, о чемъ мое чувство къ вамъ должно было бы заставить меня молчать. Или же я все-таки могу надѣяться быть однимъ среди многихъ въ вашемъ салонѣ?

Графъ Гюи Шеврѣзъ Дельфинъ.

Парижъ, 10 января 1776 г.

Неужели моя богиня такъ же измѣнчива, какъ солнце, которое все чаще и чаще прячется за сѣрой зимней вуалью?

Когда я, вчера, принесъ вамъ конфеты, которыя вы принимали всегда съ такимъ удовольствіемъ, то вы оттолкнули ихъ, говоря: «Все однѣ и тѣ же сладости! Онѣ мнѣ противны!»

На прощаніе, послѣ этого мучительнаго свиданія, вы подставили мнѣ щеку, какъ будто мы были мужемъ и женой! А сегодня, когда я заговорилъ о предстоящемъ праздникѣ у принцессы Ламбалль, то вы сдѣлали недовольную гримаску и проговорили: «Неужели Парижъ не мо-

жетъ дать ничего другого, кромѣ комедій и празднествъ, празднествъ и комедій?» Новѣйшіе анекдоты, рассказанные мной и самыя шикарныя пѣсенки, которыя я вамъ пропѣлъ, не вызвали на вашемъ лицѣ даже улыбки!

Но вотъ вамъ лакей доложилъ о г. Бомарше. Ваше личико сразу просіяло и вы, не позволявшая раньше никому мѣшать нашимъ свиданіямъ, приняли этого посѣтителя со вздохомъ облегченія.

Теперь я понимаю, очаровательная Дельфина! И у васъ любовь и вѣрность не произрастаютъ изъ одного ствола. Ваша цвѣтущая юность, о существованіи которой я первый напомнилъ вамъ, вашъ пылкій темпераментъ, оковы котораго расплавились въ моемъ огнѣ, вашъ сверкающій умъ, искры котораго удалось впервые извлечь г. Бомарше,—все это громко требуетъ перемѣны.

Великій драматургъ Бомарше развернулъ передъ вами картины міровой сцены: борьбу американцевъ, парламентскія рѣчи въ Англии, финансы Франціи,—и ваше увлеченіе обитателями Новаго Свѣта и ихъ «человѣческими правами» вспыхнуло такимъ яркимъ пламенемъ, что свѣтъ крошечной жалкой любви долженъ былъ померкнуть передъ нимъ, какъ меркнетъ свѣтъ утренней звѣзды передъ солнцемъ! Но Богу извѣстно, что я, Гюи Шеврѣзъ, готовъ сознаться въ томъ, что не все выучилъ, что нужно для роли любовника. Капризная женщина нашего времени требуетъ отъ насъ теперь не только бездѣлушекъ сердца, но много ума, знаній и, пожалуй, даже поступковъ!

Милая Дельфина, ради поцѣлуя вашихъ губокъ,—но такого, который дышалъ бы страстью, а не отзывалъ бы привычкой,—я могъ бы покорить великановъ и побѣдить драконовъ! Но не требуйте отъ меня, чтобы я воодушевлялся по поводу такихъ обыкновенныхъ вещей, какъ ссоры нашихъ несимпатичныхъ сосѣдей съ ихъ скучными колониальными братьями. Въ самомъ дѣлѣ, если я начну вспоминать, сколько дурного къ намъ пришло изъ Англии: основы морали, демократическія идеи, закрытая шляпа, высокіе башмаки,—то, пожалуй, и меня охватитъ бѣшенство!

Долженъ я завтра прійти къ вамъ? Въ обычный часъ? Черезъ садовую калитку? Одинъ? Я принесу съ собой,—такъ какъ моя нѣжность, повидимому, подверглась такой же немилости, какъ и мои конфеты,—цѣлую программу развлеченій: M-elle Дютэ играетъ въ своемъ частномъ театрѣ пьесу, запрещенную цензурой. Графъ Артуа уже въ теченіе цѣлой недѣли состоитъ при ней въ качествѣ счастливаго преемника г. Ларпва. Къ вашимъ услугамъ ложа, закрытая рѣшеткой... со мной?!

Графъ Шартрскій устраиваетъ катаніе на саняхъ, которое завершится ночнымъ праздникомъ въ замкѣ Монсо...

Юный Всетрисъ будетъ танцовать у своей новѣйшей покровительницы, графини Мирамонъ. Гостей женскаго пола просятъ, по крайней мѣрѣ, на этотъ вечеръ предоставить одной только графинѣ наградить танцора за его прыжки!!!...

Люсьенъ Гальяръ Дельфинъ.

Парижъ, 30 января 1776 г.

Высокоуважаемая госпожа маркиза. Согласно вашему желанію я посѣтилъ монастырь Сердца Иисуса. Я не узналъ моихъ ребятъ. Уличные мальчишки, которые плевали на меня прежде, теперь цѣловали мнѣ руку и называли «милостивый господинъ». Всѣ они чисто одѣты, сыты и научились молиться. Но не знаю самъ, почему у меня вдругъ явилось желаніе снова вернуть ихъ въ ту мрачную бездну, въ которой они находились раньше! Неужели бѣднымъ людямъ всегда остается только выборъ между рабствомъ духа и рабствомъ тѣла?

Вы должны имѣть ко мнѣ снисхожденіе. Мое несчастье, что я такъ же мало способенъ благодарить, какъ и просить.

Мои прогулки, о которыхъ вы спрашиваете, я не прекращаю, но я уже не составляю списковъ. Не стоить. Нужно было бы направить въ эти дома и улицы цѣлый потокъ золота, чтобъ начисто смыть всю грязь и страданія. Но высокопоставленные господа такъ боятся испытать жажду, что они стоятъ со своими ведрами и бутылками у самаго источника и тамъ перехватываютъ этотъ золотой потокъ.

Вчера ночью я встрѣтилъ одного несчастнаго юношу, гессенца, бѣжавшаго черезъ границу, потому что маркграфъ продаетъ своихъ подданныхъ за наличныя деньги. Англійскіе торговцы людьми, говоритъ онъ, покупаютъ солдатъ для войны съ американцами. Это вѣрно. Въ то время какъ европейскіе короли привѣтствуютъ философовъ, которые, въ ихъ присутствіи декламируютъ о правахъ человѣка, а русская императрица даже платитъ имъ за то, что они столь занимательнымъ образомъ разгоняютъ ея скуку, нѣмецкіе князья создаютъ изъ человѣческихъ тѣлъ плотину противъ свободы.

Похоже на то, что я жажду попасть въ Бастилію. Но, къ сожалѣнію, я знаю,—вы очень добры, но не настолько, чтобы меня отправить туда. Я представляю себѣ, какъ это должно быть чудесно, не видѣть больше ничего, кромѣ тюремныхъ стѣнъ!

Бомарше Дельфинъ.

Парижъ, 3 февраля 1776 г.

Уважаемая госпожа маркиза! Только сегодня, пользуясь моимъ короткимъ пребываніемъ въ Парижѣ, я имѣю возможность выразить вамъ свою благодарность за вашъ пріемъ и—что гораздо важнѣе для меня—высказать вамъ свое удивленіе, потому что вы первая женщина, среди множества умныхъ французскихъ дамъ, заинтересовавшаяся моими широкими политическими планами и обнаружившая пониманіе ихъ.

Даже мужчины относятся къ нимъ съ недоувѣрiемъ. Оттого то мои комедіи возбуждаютъ смѣхъ, — и мои серьезныя слова принимаются ими какъ остроумная шутка. Что государственные люди бываютъ комедіантами—этому не удивляется никто. Но что комедіанты могутъ быть государственными людьми,—это представляется абсурдомъ! Ничего такъ не компрометируетъ умнаго человѣка, какъ то, что онъ занимается политикой. А наши министры больше всего боятся скомпрометировать себя!

Г. Верженнъ оставался слѣпъ къ тѣмъ перспективамъ, которыя представляются Франціи, благодаря конфликту между Англiей и Америкой. Я пріоткрылъ ему глаза. Тѣмъ не менѣе, онъ остается философомъ ради удобства и ссылается на основы морали, потому что это ничего не стоитъ. Тайно конспирировать противъ Англiи—это противорѣчить его принципамъ! Но какъ же могутъ мириться эти благородные принципы съ раздѣломъ Польши, съ колонiальными войнами и съ торговлей невольниками?

И Тюрго также противъ непріязненныхъ дѣйствiй. Онъ не хочетъ вникнуть въ то, что часто бываетъ экономнѣе потратить милліоны, чѣмъ скупиться на гроши. Если Франція теперь вступится, то она загладитъ ошибку 1762 года и, посредствомъ союза съ Америкой, получить всѣ преимущества, которыя обогатили Англiю въ теченіе этого столѣтiя. Намъ нужны только корабли, оружіе и военные припасы. Люди уже есть. Маркизь Лафайетъ, принцъ Монбельяръ и ихъ друзья ждутъ съ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ возможности снова прославить имя Франціи, какъ во времена великаго короля, когда весь міръ обращалъ къ ней свои взоры!

Простите мнѣ смѣлость моихъ рѣчей. Когда я думаю о той красивой женщинѣ, къ которой я обращаюсь съ такими словами, то чувствую, что я долженъ былъ бы стыдиться ихъ, если бъ эта красавица не была такъ умна, что ее не удовлетворяетъ господство только посредствомъ красоты! Смѣю надѣяться, что найду поддержку въ вашемъ энтузіазмѣ. Если поцѣлуй музы превращаетъ для меня въ забаву писаніе комедій, то пусть лучи вашей благосклонности облегчатъ мнѣ мою трудную отвѣтственную работу и я въ состоянiи буду выполнить ее такъ же легко, какъ протанцовать съ вами менуэтъ.

Соблаговолите сообщить моему слугѣ, когда вы желаете принять меня? Я остаюсь здѣсь до среды и нахожусь всегда въ вашемъ распоряженiи.

Принцъ Луи Роганъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 10 марта 1776 г.

Прекраснѣйшая женщина! Тщетно жду отъ васъ отвѣта и уже начинаю бояться, что я оскорбилъ свою прелестную покровительницу нѣсколькими невинными замѣчанiями. Я слышалъ о вашихъ подвигахъ: вы открываете салонъ военной партіи! Превосходно, госпожа маркиза

Ужъ не приходится ли приписать подагру, отъ которой, повидимому, страдаетъ все министерство, не столько роскошнымъ обѣдамъ въ домѣ Жоффрень, сколько тому воздержанію, которое вы налагаете на всѣхъ министровъ? «Les ministres s'en vont goutte à goutte»¹⁾, писалъ мнѣ недавно герцогъ Шартрскій. Вы знаете, что съ нѣкотораго времени онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи умъ М-me Жанлисъ для своихъ каламбуровъ. Но, разумѣется, я не подразумѣваю тутъ ничего дурного. Вѣдь М-me Жанлисъ играетъ на арфѣ и пишетъ нравственныя повѣсти для юношества!..

Этотъ же самый корреспондентъ сообщаетъ мнѣ, что вы рассказывали недавно королевѣ трогательныя исторіи про закованнахъ въ цѣпи индѣйскихъ дѣвушекъ и влюбленныхъ фермеровъ. Великолѣпно, госпожа маркиза! Уже начинаютъ носить перья à l'Americaine, а мода у насъ бываетъ не только провозвѣстникомъ, но и мѣриломъ настроенія умовъ.

Говорятъ, что вы также перемѣнили и своихъ тѣлохранителей? Маленькій Шеврѣзъ, очевидно, уже выдохся? Я былъ бы даже доволенъ этимъ, если бъ не получилъ свѣдѣній, что графъ Гиберъ не безъ успѣха добивается занять его мѣсто въ вашемъ будуарѣ. Онъ въ данный моментъ въ большой модѣ, какъ придворный поэтъ, военный ученый и сокрушитель сердець. Но его репутація свободомыслящаго и его дружба съ М-elle Леспинасъ предопредѣляютъ скорѣе его какъ шпиона, а не какъ члена нашего круга.

У васъ есть возможность выбирать между столькими людьми. Зачѣмъ же вашъ выборъ долженъ пасть именно на этого?

Мнѣ рассказывали, что принцъ Монбельяръ удалился въ свой замокъ угрюмый и недовольный, потому только, что одна очаровательная дама отказала ему въ своей благосклонности. Онъ находится въ родствѣ почти со всѣми дворами Европы, поэтому представляетъ силу, достойную вниманія. Кромѣ того, онъ красивъ, молодъ и изумительно добродѣтеленъ. Ужъ, конечно, онъ не сталъ бы принимать участія, какъ это сдѣлалъ графъ Шеврѣзъ, быть-можетъ побуждаемый къ тому отчаяніемъ, вслѣдствіе вашей невѣрности — въ знаменитомъ кавалерскомъ праздникѣ, который долженъ былъ состояться въ отелѣ Гимаръ, подъ руководствомъ графа Артуа и въ обществѣ самыхъ знаменитыхъ куртизанокъ. Благодареніе Богу, что архіепископъ своевременно помѣшалъ этому, выразивъ протестъ. Прелестная исторія, во всякомъ случаѣ! Сто самыхъ знатныхъ мужчинъ Франціи собираются вмѣстѣ. Для чего?.. Чтобы служить отечеству? Ничуть! Религіи? Еще менѣе! Всѣ эти божества нашего прошлаго теперь уже устарѣли!

Дайте о себѣ поскорѣе вѣсточку, дорогая маркиза. Правда, маркизъ находится въ настоящее время въ Страсбургѣ, гдѣ онъ успѣшно рабо-

¹⁾ «Министры уходятъ въ отставку капля за каплей», или: «подагра за подагрой». Непереводимая игра словъ: goutte—капля и goutte—подагра.

Ред.

таетъ надъ объединеніемъ мѣстнаго дворянства противъ Тюрго, — настроеніе здѣсь въ высшей степени раздраженное, но такъ какъ онъ врядъ ли принадлежитъ къ вашему интимному кругу, то отъ него я не надѣюсь получить желаемаго свѣдѣнія.

Графъ Гиберъ Дельфинъ.

Парижъ, 15 марта 1776 г.

Ваше желаніе, любезнѣйшая изъ всѣхъ маркизъ, равносильно для меня приказанію, тѣмъ болѣе, что я вполнѣ его понимаю. Такая женщина, какъ вы, не встрѣчая для этого благопріятныхъ условій въ придворной жизни, должна желать познакомиться съ умственной жизнью Парижа тамъ, гдѣ она проявляется всего ярче. M-elle Леспинасъ будетъ рада принять васъ у себя. Вы увидите тяжело больную, но тѣмъ больше васъ должна будетъ поразить ея умственная сила и ея всегда неизмѣнная доброта. Если вы выберете для своего посѣщенія завтрашній день, то, въ числѣ другихъ встрѣтите тамъ тулузскаго архіепископа, Ломени де Бриенна, личность котораго тѣмъ болѣе представляетъ огромный интересъ, что въ посвященныхъ кругахъ на него смотрятъ какъ на преемника Тюрго.

Къ сожалѣнію, я не имѣлъ сегодня въ академіи возможности осведомиться у васъ, дорогая маркиза, какое впечатлѣніе произвело на васъ принятіе г. Буажлена въ число безсмертныхъ. Развѣ не становится все болѣе и болѣе похожею на фарсъ вся эта торжественность? Энциклопедистъ Д'Аламберъ долженъ былъ восхвалять консервативнаго священника, а консервативный священникъ сдѣлался преемникомъ Буазенона, типичнаго свободомыслящаго аббата. Французская академія все болѣе и болѣе превращается изъ общества ученыхъ въ соборъ духовныхъ лицъ и принцевъ.

Разрѣшите же мнѣ завтра, послѣ визита къ M-elle Леспинасъ, сопровождать васъ во французскую комедію? Я охотно буду смотрѣть пьесу моего соперника, если это можетъ доставить мнѣ возможность, еще нѣсколько лишнихъ часовъ дышать однимъ воздухомъ съ вами.

Иоганнъ фонъ Алтенау Дельфинъ.

Парижъ, 1 апрѣля 1776 г.

Глубокоуважаемая маркиза! Не могу не выразить словами, какъ я былъ изумленъ и пораженъ. Никогда не могъ я даже мечтать о томъ, что встрѣчу въ салонѣ нашей доброй Юліи такую избалованную свѣтскую даму, какъ вы! Все, что мнѣ рассказывали о васъ, о вашемъ по-

ложеніи въ Версали, о толпѣ вашихъ поклонниковъ, съ которыми вы играете, какъ съ бильярдными шарами, вынуждали меня, правду сказать, бояться, что жизнь большого свѣта окончательно заставила васъ забыть о существованіи другого міра, нѣкогда оспаривавшаго право на вашу душу. Когда вы вошли, маленькія двери казались слишкомъ тѣсными для плотной шелковой матеріи вашего полонеза, и слишкомъ низкими для колыхающихся перьевъ вашей высокой куафферы, — и къ вамъ на встрѣчу направилась M-elle Леспинасъ, худое изможденное существо въ монашескомъ одѣяніи, протягивая вамъ свою блѣдную съ синими жилками руку и ласково улыбаясь своими безкровными губами, то взоры всѣхъ испуганно посмотрѣли въ вашу сторону, до такой степени чуждымъ казалось ваше появленіе въ этомъ кругу! Вы это сами почувствовали и вы сидѣли въ своемъ роскошномъ нарядѣ рядомъ съ согнувшейся Юліей, какъ единственная гостя въ этомъ салонѣ и были молчаливой слушательницей. Вы съ удивленіемъ внимали, когда Бернарденъ де Сень Пьеръ, самый молодой поэтъ изъ почитателей этого салона, прочелъ восторженную оду, посвященную вѣчному миру, а Д'Аламберъ говорилъ о всеобщемъ братствѣ. Я увидѣлъ, какъ вспыхнулъ въ вашихъ глазахъ огонекъ, столь напомнившій мнѣ маленькую графиню Лаваль, когда шевалье Шастеллюксъ прочелъ Вольтеровскую «Похвалу разуму», эту чудную вещь, благодаря которой патріархъ заставляетъ забывать обо всемъ, что сдѣлано имъ ложнаго. Будь на тронѣ Франціи такой принцъ, какъ Фридрихъ Прусскій, то сбылись бы надежды великаго мудреца на его правительство и были бы приняты во вниманіе его совѣты. Но существуетъ только одинъ Фридрихъ! Людовикъ XVI столарничаетъ, охотится, а въ промежуткахъ рисуетъ аллегоріи: Марія Антуанета играетъ на арфѣ. О ты, счастливая Франція, гдѣ королямъ ничего другого не остается дѣлать!

Вы съ удивленіемъ слушали единодушныя похвалы писателю Ретифъ де ля Бреттонъ. Его произведеніе *Paupan Perverti* осуждено дворомъ — строгая нравственность котораго вѣдь внѣ сомнѣній! — какъ въ высшей степени безнравственное сочиненіе. Я посылаю вамъ, какъ обѣщаль, эту книгу. Судите сами! Ее буквально вырываютъ изъ рукъ книгопродавцевъ, но не столько потому, что хотятъ увидѣть скрывающуюся за ея непристойностями Медузину голову истины, а потому, что самую истину считаютъ непристойной. Не пугайтесь той грязи, которую раскрываетъ поэтъ. Пастушескія игры высшаго общества, скрывающія грязь подъ цвѣтами, въ дѣйствительности гораздо порочнѣе.

Руссо изображалъ добродѣтель и благоденствіе грядущаго міра. Его же проповѣдь — возвращеніе къ природѣ — стала только предлогомъ для новой моды. Надо чтобы пришли еще другіе и поднесли безжалостное зеркало къ искаженному ужасными пороками лицу общества, для того чтобы оно, испугавшись, вспоминало о врачѣ, — говорить M-elle Леспинасъ.

Неправда ли, здѣсь разговариваютъ иначе, чѣмъ въ Версали, который еще болѣе удаленъ отъ современной умственной жизни, чѣмъ луна отъ земли, — или въ Трианонѣ, гдѣ мечтаютъ о близости къ природѣ и семейственной жизни, прогуливаясь между хлѣвами съ мраморными яслями и сидя въ хижинахъ, уставленныхъ мебелью, обитой штофомъ!

Только когда вы ушли, вы снова стали маркизой Монжуа: до такой степени вы казались мнѣ прежней очаровательной графиней Лаваль, пока вы были въ этомъ салонѣ. Графъ Гиберъ, ни на минуту не спускавшій съ васъ своего взора, алчущаго красоты, послѣдовалъ за вами. Вы не видѣли, какъ густо покраснѣло блѣдное лицо Юліи и въ ея глазахъ появился лихорадочный блескъ. Мы скоро распрощались съ ней. Только одинъ вѣрный Д'Аламберъ остался и видѣлъ слезы несчастной женщины. Гиберъ — ея послѣдняя большая страсть и хотя онъ ей всѣмъ обязанъ, — она ему проложила дорогу къ покойному военному министру, она заинтересовала имъ графа Сень-Жерменъ до такой степени, что онъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ, она исправила его «Контетабля Бурбонскаго», такъ что онъ могъ быть поставленъ на сценѣ — тѣмъ не менѣе, онъ пренебрегаетъ бѣдняжкой и не оставляетъ ей даже ради утѣшенія иллюзіи своей любви!

Вы были такъ добры, что приглашали меня на свои пріемные дни. Будьте такъ же добры и простите, что я уклоняюсь отъ этого приглашенія! Я бы хотѣлъ опять найти Дельфину Лаваль; это желаніе никогда не исчезало у меня. Но среди многочисленныхъ гостей маркизы Монжуа, гдѣ такой искатель приключеній, какъ Бомарше, принадлежитъ къ наиболѣе почетнымъ, — я боюсь совершенно потерять васъ.

Но, можетъ-быть, вы разрѣшите мнѣ въ одинъ изъ ближайшихъ дней сопровождать васъ къ М-ше Жоффренъ? Въ атмосферѣ этого салона должны расцвѣсть всѣ скрытыя качества вашей души, которыя не могли вызвать наружу ни тепличная атмосфера, ни ледяной воздухъ вашего свѣта. Моя старинная покровительница съ удовольствіемъ, — я уже писалъ вамъ однажды объ этомъ, — приметъ васъ, хотя она рѣдко видитъ дамъ въ своемъ салонѣ. Всѣ огорченія, которыя выпали на ея долю въ теченіе ея долгой жизни, были, по ея словамъ, причинены ей завистью и ревностью именно женщинъ!

Принцъ Луи Роганъ Дельфинъ.

Страсбургъ, 20 апрѣля 1776 г.

Отвѣтъ, по своей ясности, ничего не оставляющій желать, госпожа маркиза!

«Я не согласна быть ни маріонеткой, которой вы управляете, ни служанкой, которой вы повелѣваете!...»

Дорогая моя, зачѣмъ такъ выходить изъ себя? развѣ я желалъ когда-нибудь другого, кромѣ того, чтобъ мы дѣйствовали съ вами въ полномъ согласіи? Развѣ я не выражалъ вамъ благодарность за то, какъ разумно вы поступаете. И хотя вы рѣзко подчеркиваете, что дѣйствуете только по собственной волѣ, развѣ же я не могу быть вдвойнѣ благодарнымъ вамъ за такую волю?

«Я не нуждаюсь въ гофмейстерѣ», пишете вы дальше, когда же я дерзалъ выдавать вамъ себя за него? Но другъ вашъ все же можетъ быть вамъ полезенъ, очаровательная Дельфина, если даже вы думаете, что можете обходиться безъ священника.

«Вашихъ угрозъ я не боюсь!...» Угрозъ?—Роганъ угрожаетъ женщинѣ! Если бъ я не былъ увѣренъ, что вы шутите, то готовъ былъ бы подумать, что у васъ совѣсть нечиста! Вы вѣдь должны знать, что въ нашъ вѣкъ снисходительныхъ нравовъ я все же настолько просвѣщенный человекъ, что, несмотря на свою религіозную строгость, не сталъ бы мѣшать удовольствіямъ очаровательной женщины, насколько это дозволяетъ мнѣ мое чувство зависти. Но я готовъ принести покаяніе въ моихъ воображаемыхъ грѣхахъ. Да будетъ прощенъ вамъ графъ Гиберъ! Вы ѣздите съ нимъ верхомъ, какъ я слышалъ? Надѣюсь, воспоминаніе о маршалѣ Контадѣ не портитъ вамъ удовольствія?

Маркизь, вѣроятно, рассказалъ вамъ о Страсбургѣ. Здѣсь скучно до смерти. Если бъ сюда не достигали волны парижскаго возбужденія умовъ, то мы, пожалуй, забыли бы даже, что живемъ. Ахъ, эти парижскія удовольствія, эти женщины, эти ночи. Можете вы себѣ представить, что мы здѣсь спимъ... не только днемъ?!

Иоганнъ ф. Алтенау Дельфинъ.

Парижъ, 10 мая 1776 г.

Дорогая маркиза! Еще звучали въ моихъ ушахъ слова, которыми мы обмѣнялись по дорогѣ домой, отъ М-ше Жоффренъ. Вы позволили мнѣ заглянуть въ вашу душу. Простите ли вы мнѣ, что я до такой степени ложно понималъ васъ, что подъ маской, которую вы надѣваете на себя, я не разглядѣлъ необычайной красоты вашей души? Я цѣлый день былъ въ отчаяніи, что не нашелъ Дельфины. Развѣ могла Дельфина такъ поносить любовь? «Какъ можетъ Юлія Леспинасъ такъ швырять свое сердце, какъ это дѣлаютъ другія женщины!» воскликнули вы. Но Дельфина, конечно, знала бы, что бросать сердце можетъ только тотъ, кто его имѣетъ — думалъ я, слыша эти слова.

И вотъ нѣжная рука пожилой женщины сняла эту маску, скрывающую ваше лицо. Почти грубымъ казался ей вопросъ, какъ только вы сѣли около нея: «Чѣмъ вы занимаетесь?» Я поспѣшилъ къ вамъ на помощь, чтобы вывести васъ изъ замѣшательства, и рассказалъ о бѣд-

ныхъ парижскихъ дѣтяхъ, которымъ вы помогли. М-те Жоффренъ дружески погладила вашу руку. «Это хорошо, очень хорошо», сказала она съ похвалой и своимъ новымъ вопросомъ: «Есть ли у васъ ребенокъ, маркиза?» заставила кровь прилить къ вашимъ щекамъ.

Вы были глубоко потрясены тѣмъ, что видѣли кругомъ, а вѣдь въ сущности вы видѣли только старую женщину въ кругу серьезныхъ мужчинъ. И вы внезапно почувствовали, что вашъ мiръ имѣетъ все, что блеститъ и сверкаетъ: красоту, богатство, остроуміе, но только близорукіе люди могутъ принимать этотъ блескъ за огонь, такъ какъ ни одинъ зябнущій не можетъ тамъ согрѣться. Пламя воодушевленія, повѣрьте, горитъ и свѣтитъ только на нашихъ алтаряхъ. М-elle Леспинасъ — умирающая, М-те Жоффренъ — старая, обыкновенная женщина М-те Дюдефанъ — слѣпая старуха, М-те d'Эпинэ — тяжело больная, и, тѣмъ не менѣе, къ нимъ стекаются всѣ мужчины, свергнувшіе съ престола королей земли и неба, такъ что тѣ, кто еще преклоняетъ колѣна передъ этими королями, въ дѣйствительности молятся только призракамъ.

Отчего это происходитъ? — спрашиваете вы. Оттого, что эти женщины разрушили у себя тиранію общества, власть происхожденія, кухни и . . . брака! Оттого, что въ этой борьбѣ женщина вернула свои человѣческія права и могла сдѣлаться другомъ, совѣтчицей и утѣшительницей мужчины.

Кондорсе вамъ развивалъ свои идеи относительно освобожденія женщинъ отъ тяготѣющаго надъ ними тысячелѣтняго ига. Въ томъ чудовищномъ переворотѣ, который готовится, эта борьба сыграетъ выдающуюся роль. Но вы не должны смѣшивать съ этимъ женскій клубъ М-elle Рокуръ, о которомъ вамъ рассказывали. Къ Лесбійской ложѣ могутъ принадлежать только такія женщины, которыя, пресытившись любовью, отыскиваютъ новыхъ возбуждающихъ средствъ, или тѣ, которыя страдаютъ отъ неудовлетворенной любовной страсти. Онѣ прикрываютъ свои желанія громкими фразами о равенствѣ половъ и воображаютъ, что онѣ доказываютъ свою свободу тѣмъ, что наряжаются въ мужское платье и вмѣстѣ съ мужчинами засѣдаютъ въ кофейняхъ, проводя время въ праздно болтовнѣ о міровыхъ проблемахъ.

Стремленія Кондорсе не имѣютъ никакого отношенія къ этимъ явленіямъ. Онъ вовсе не добивается свободы отъ нравственности, а нравственной свободы! Развѣ вы не чувствуете внутренней потребности принадлежать къ нашему кругу?

Посылаю вамъ «Эмиля» Руссо — книгу, которую М-те Жоффренъ такъ настоятельно совѣтовала вамъ прочесть. Однако не находятся ли эти проблемы еще слишкомъ далеко отъ васъ?

Иоганнъ ф. Альтенау Дельфинъ.

Парижъ, 30 мая 1776 г.

Одновременно съ вашимъ глубокосодержательнымъ письмомъ я получилъ извѣстiе о смерти нашей дорогой Юліи. Для нея это было избавленіемъ, но мы всѣ, съ ея смертью, понесли невознаградимую потерю.

«Вы не поняли меня, — пишете вы. — Если меня такъ глубоко поразило молчаливое величіе всѣхъ этихъ людей, то, можетъ-быть, именно потому это случилось, что я была только зрительницей. Я поняла, что я слишкомъ ничтожна, чтобы становиться рядомъ съ ними. Вопросы М-те Жоффренъ жгли меня, какъ клеймо. Я не хочу къ ней идти до тѣхъ поръ, какъ не буду въ состояніи отвѣтить ей и взглянуть ей въ глаза безъ краски стыда на своемъ лицѣ. Чудная книга Руссо была для меня откровеніемъ».

Мнѣ представляется, что я уже начинаю васъ понимать. Вы рассказывали мнѣ о вашемъ сынѣ и жаловались, что никогда не испытывали чувства материнской любви. Тутъ ясно говоритъ природа. Чрезмѣрная чувствительность помѣшала вамъ бороться съ этимъ. Вы должны были бы жить для своего собственнаго ребенка, — ребенка, который явился бы залогомъ вашей любви. О, почему вы не захотѣли подождать этой минуты!

Графъ Гиберъ Дельфинъ.

Парижъ, 31 іюня 1776 г.

Вы обратились ко мнѣ съ теплыми словами участія, дорогая маркиза. Вы почувствовали, какъ должно разрываться мое сердце передъ этой смертью! Я не могъ быть для моей чудесной подруги тѣмъ, чѣмъ она хотѣла быть для меня. Ея блѣдный, страдальческій образъ трогалъ мое сердце, ея умъ восхищалъ меня, но моя чувственность молчала и для меня она оставалась только сестрой. Когда же я встрѣтилъ васъ, прекрасная волшебница, то все, что жило во мнѣ, всѣ мои чувства воспламенились, устремились къ вамъ. У меня — несчастнаго! — не хватило силъ притворяться, скрывать это отъ бѣдной Юліи. Это моя вина, мой грѣхъ, который мнѣ не можетъ отпустить ни одинъ духовникъ, если бъ я даже вѣрилъ въ силу отпущенія грѣховъ! Но то, что и вы упрекаете себя и такъ жестоки, что принимаете мое поклоненіе, какъ идолы принимаютъ жертвоприношенія: холодно и неприступно, — это заставляетъ меня глубоко страдать. Развѣ солнце должно стыдиться, что оно свѣтитъ и что бѣдные смертные ищутъ его лучей.

Я думалъ часто, что скорѣе могу надѣяться получить отъ васъ ласковый взглядъ вашихъ глазъ и легкое пожатіе вашей руки, и не

ожидалъ видѣть такое сдержанное холодное обращеніе съ вашей стороны. О, Дельфина, быть-можетъ, это вызвано только избыткомъ вашей доброты, вашего состраданія къ бѣдной Юліи. Я долженъ признаться, въ чемъ заключается мой самый великій грѣхъ: даже у гроба несчастной Юліи въ сердцѣ моемъ все-таки таится пламенная надежда. Найду ли я прощеніе за это?

Бомарше Дельфинъ.

Парижъ, 12 іюня 1776 г.

Моя уважаемая маркиза. Вамъ первой — кому я такъ многимъ обязанъ — я хочу сообщить новость: предпріятіе наше обезпечено! Позавчера Верженнъ ассигновалъ мнѣ сумму, которая, вмѣстѣ съ деньгами, собранными въ вашемъ салонѣ, даетъ мнѣ возможность снарядить первые корабли! Хотя это только скромное начало, но я чувствую уже увѣренность въ успѣшности этого дѣла, такъ какъ правительство, сдѣлавъ первый шагъ, вынуждено будетъ итти дальше, чтобы не компрометировать себя. Г. военный министръ, конечно, благодаря рекомендаціи графа Гибера, — сочувствіе котораго могла воспламенить только женщина! — принялъ меня очень любезно. Повѣрите ли вы мнѣ теперь, что Венера была богиней войны?

Мнѣ приходится работать сразу за сто человѣкъ, но это не мѣшаетъ моему сердцу всегда оставаться свободнымъ для васъ. Въ то время, какъ Родригъ Горталесъ—вы вѣдь помните, что псевдонимъ этотъ существовалъ уже тогда, когда у насъ еще не было ни одного су! — будетъ закупать оружіе въ Бордо и Марсели и нагружать корабли, Бомарше въ Версальскомъ дворѣ, двери котораго открыли ему прекраснѣйшія ручки въ мірѣ, будетъ разыгрывать роль остроумца. Когда же Горталесъ проложитъ путь черезъ океанъ молодымъ героямъ Франціи, среди которыхъ первыми будутъ Лафайетъ и принцъ Монбельяръ, Бомарше будетъ помогать королевѣ разучивать роль Розины, и въ то время какъ коронованныя особы будутъ плясать подъ дудку Фигаро, онъ самъ, какъ рабъ, закованный въ цѣпи, будетъ служить королевѣ своего сердца.

Я вижу плутовскую усмѣшку на вашихъ устахъ, какъ тогда, когда вы заставили меня прочесть, чернымъ по бѣлому, что «г. Бомарше мотъ и грабитель и что онъ—fi donc! — содержитъ дѣвушекъ».

Развѣ же кто-нибудь поступаетъ такъ въ этой добродѣтельной странѣ?! Не графъ ли Артуа, герцогъ Бульонскій, или графъ Шартрскій, или принцъ Роганъ — вашъ пріятель! — который за свои заслуги сдѣланъ страсбургскимъ архіепископомъ и долженъ будетъ скоро замѣнить г. Мальзерба, чтобы французскую литературу приспособить къ своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Клевета, одна только клевета, моя красавица! Бросьте Бомарше въ Бастилію!

Въ наказаніе за ваше недовѣріе я расскажу вамъ тѣ дурныя вещи, которыя мнѣ извѣстны про васъ.

Вы были у М-ме Жоффренъ. «Mais voilà ce qui est bon!» прозвоня эти шесть словъ, она управляетъ, какъ мнѣ говорили, всѣми философи. Я бы сообщилъ это волшебное изреченіе королю Франціи, да боюсь, что оно не подѣйствуетъ. Въ улицѣ Сентъ - Оноре крику намъ тайно зажали бы рты, даже раньше словеснаго приказанія молчать. Въ Версали не хватаетъ для этой цѣли лишняго пирога. Какъ видите, баронъ Гольбахъ былъ правъ, говоря, что на свѣтѣ существуетъ только матеріальное!

Вы были также и въ церкви, но не для того, чтобы искать тамъ Бога, которому нельзя было бы поставить въ вину, если бъ даже онъ бѣжалъ отъ гг. философовъ въ самую темную часовенку! Вы слушали вашихъ самыхъ современныхъ священниковъ, которые только съ греческой точки зрѣнія говорятъ о нравственности и добродѣтели, потому что слово «религія» сдѣлало бы ихъ черезчуръ смѣшными.

Поговариваютъ также, что вы, въ кафе де ля Режансъ, читали зазету Ленгэ, — этого хамелеона, который на свѣтѣ боится только одного: чтобы его не зачислили въ какую-нибудь партію или секту. Поэтому онъ такъ быстро и мѣняетъ свою окраску, какъ только замѣчаетъ, что кто-нибудь другой носить такой же цвѣтъ. Десять лѣтъ тому назадъ онъ напыщенно восклицалъ: «Рабочій не получаетъ ничего изъ того избытка, единственнымъ источникомъ котораго является его работа, и отъ уничтоженія рабства онъ ничего не выигралъ, кромѣ свободы голодать!» А теперь онъ бранитъ философовъ и министровъ, такъ что его листокъ сдѣлался лейбъ-органомъ дворянства. Мыслить и управлять во Франціи можетъ, по его мнѣнію, только одинъ единственный человекъ, — это онъ самъ!

Я долженъ передохнуть. Такая рѣчь была слишкомъ длинна. Только ненависть могла принудить меня такъ напрягать свои силы. М-г Ленгэ былъ вѣдь когда-то моимъ лучшимъ другомъ...

Моя передняя уже полна ожидающихъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за прелестной маркизы я почти забываю объ освобожденіи Америки!

Графъ Гиберъ Дельфинъ.

Парижъ, 26 іюня 1776 г.

Вы не хотите принимать меня, дорогая маркиза? Оскорбило ли васъ мое признаніе? Только одно слово или даже поклонъ, переданный черезъ вашу горничную, — вотъ о чемъ молю я васъ!

гами съ г. Бомарше, а графъ прогуливается въ горахъ со своей маленькой пріятельницей и восхищается природой.

Должны ли мы только мучить другъ друга взаимными упреками? Любовь, моя красавица, ни имѣетъ ни прошлаго ни будущаго, а только настоящее! Она точно сверкающая разноцвѣтными красками бабочка, которую мы видѣли вчера на олеандровыхъ цвѣтахъ. Кто думаетъ о томъ, что она была недавно отвратительной гусеницей и кто же не знаетъ, что ее надо приколоть, чтобы ее сохранить?..

Не прочтемъ ли мы завтра вмѣстѣ наши роли, уважаемая маркиза? Въ вашемъ голубомъ будуарѣ, на коврѣ, усыпанномъ цвѣтами, который можетъ изобразить лугъ, гдѣ мы танцуемъ или же въ нишѣ, на диванѣ съ разбросанными мягкими подушками и золотыми амурчиками, приподнимающими съ улыбкой портьеру, который можетъ служить бесѣдкой, гдѣ мы, наконецъ, нашли другъ друга?..

Маркизь Монжуа Дельфинъ.

Фробергъ, 8 іюля 1776 г.

Моя дорогая! Ваше быстрое рѣшеніе вернуться во Фробергъ служить для меня пріятнымъ доказательствомъ вашего благоразумія. Я вижу изъ этого, что мы могли бы избѣжать тягостныхъ пререканій по поводу вашей поддержки военной партіи. Это былъ, какъ я и предполагалъ раньше, капризь, который зашелъ немного далеко. Вы помогли ускорить паденіе министерства и приобрѣли этимъ не только право на мою признательность, но и на мое снисходительное отношеніе къ вашимъ остальнымъ шалостямъ.

Къ вашему прибытію все уже готово. Согласно вашему желанію, которое я исполняю охотно, я прикажу привезти нашего сына, чтобы встрѣтить васъ, хотя я и не могу понять такихъ изумительныхъ проявленій сентиментальности.

Графъ Гюи Шверёзъ Дельфинъ.

Версаль, 12 іюля 1776 г.

Странно! Мнѣ вдругъ кажется, что моя любовь — цвѣтокъ, пустившій глубокіе, крѣпкіе корни. Если я не любилъ васъ до сихъ поръ, то долженъ былъ бы полюбить за тѣ слова, которыя вы сказали мнѣ на прощаніе.

Никогда я не чувствовалъ замѣшательства, и ни мое перо ни мой языкъ никогда не отказывались служить мнѣ. Но сегодня я могу быть

только отзвукомъ вашего голоса и поэтому отвѣчаю вамъ вашими же собственными словами:

«Я вижу повсюду, что даже самое сладостное счастье любви не оставляетъ послѣ себя ничего, кромѣ ранъ! Я же хотѣла бы вспоминать о ней, какъ вспоминаютъ зимой о солнечномъ днѣ. Я бы не желала, чтобы тщеславіе, состраданіе и почтеніе къ добродѣтели вѣрности замѣняли чувство, которое уже исчезло. Поэтому мы не станемъ прикалывать бабочку, а предоставимъ ей упорхнуть въ лазурную даль!..»

Не слѣдите же за ней взорами, очаровательная Дельфина. У меня на глазахъ выступили слезы, оттого что я смотрѣлъ ей вслѣдъ. Вѣдь яркая небесная лазурь ослѣпляетъ глаза! Я бы хотѣлъ избавить васъ отъ этой боли...

Д И Т Я.

Иоганнъ ф. Альтенау Дельфиннъ.

Парижъ, 30 сентября 1777 г.

Наконецъ-то! Вы подвергли меня настоящей пыткой своимъ долгимъ молчаніемъ, дорогая маркиза. Если ужъ вашъ внезапный, похожій на бѣгство отъѣздъ былъ для вашихъ друзей неразрѣшимой загадкой, то еще большей загадкой было ваше полное молчаніе. Самые фантастическіе слухи распространялись по этому поводу: что вы бѣжали съ любовникомъ, что вы удалились въ монастырь! Въ концѣ-концовъ, ваше имя исчезло изъ скандальной хроники; бурныя волны нашего лихорадочнаго времени быстро смыли его слѣдъ изъ памяти. Только тотъ, кто не затеривается самъ, не вычеркивается ими изъ списковъ.

Беликую, горячую благодарность чувствую я за то, что вы подумали обо мнѣ въ своемъ горѣ. Вы дали мнѣ этимъ самое драгоценное доказательство дружбы. Только за то, что вы цѣлый годъ страдали молча, упрекали я васъ, но не потому, чтобы я раздѣлялъ вашу увѣренность, что только я одинъ могу помочь вамъ, а потому, что возможность высказаться всегда доставляетъ облегченіе. Самое цѣнное приобрѣтеніе нашей эпохи составляетъ то, что мы научились имѣть собственныя мысли и говорить на своемъ языкѣ.

Вы пишете мнѣ, что совершенно посвятили себя своему сыну, послѣ того, какъ вамъ пришлось отвоевать его путемъ борьбы и интригъ. Съ тою искренностью и честностью, которая составляетъ такую противоположность съ сентиментальностью большинства женщинъ нашего времени, вспоминающихъ о своемъ материнствѣ, вы добавляете: «Меня побуждала къ этому не любовь, но чувство священнаго долга, выполненіе котораго дастъ моей жизни содержаніе и цѣль».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Русское Богатство,

издаваемый **Вл. Г. КОРОЛЕНКО.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкою: на годъ—**9 р.**, на 6 мѣс.—**4 р. 50 к.**, на 4 мѣс.—**3 р.**, на 1 мѣс.—**75 к.**—Съ **наложеннымъ платежомъ** отдѣльная книжка **1 р. 10 к.**—Безъ доставки: на годъ—**8 р.**, на 6 мѣс.—**4 р.** **За границу:** на годъ—**12 р.**; на 6 мѣс.—**6 р.**; на 1 мѣс.—**1 р.** (Уступка книжнымъ магазинамъ при подпискѣ сразу на годъ—**40 коп.**)

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ: Въ **С.-Петербургѣ**—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.* Въ **Москвѣ**—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ, д. 79, Мошкиной.* Въ **Одессѣ**—въ книжномъ магазинѣ „*Одесскія Новости*“, *Дерибасовская, 20;* въ магазинѣ „*Трудъ*“, *Дерибасовская ул., д. 25.*

Законъ Ментализма.

Ментализмъ—законъ природы, управляющій человѣческимъ существованіемъ, жизнью и смертью. Благодаря Ментализму создается тѣло человѣка, благодаря ему человѣкъ пользуется здоровьемъ, его мысленныя способности развиваются, образуется его характеръ и создается жизнь.

Ментализмъ управляетъ человѣкомъ и его судьбой. Этотъ законъ управляетъ всѣми проявленіями силы духа надъ тѣломъ и одного ума надъ другимъ.

Ментализмъ управляетъ жизнью. Это—сила мысли, присущая человѣку, душа человѣка, дѣлающая его бессмертнымъ; это—человѣческій разумъ, которымъ пользуется человѣкъ, приближаясь къ Божеству, доказывающій, что человѣкъ созданъ по подобію Божьему. Отъ Ментализма зависитъ здоровье, счастье и успѣхъ, прогрессъ и культура народовъ. Считаясь съ этимъ закономъ, человѣкъ управляетъ самимъ собой и своей судьбой. Ментализмъ сильнѣе смерти, такъ какъ онъ доказываетъ бессмертіе человѣка, онъ объясняетъ, что такое душа и какъ она проникаетъ въ тѣло человѣка.

Ментализмъ объясняетъ отвѣтственность человѣка за его поступки, учитъ людей быть благородными и великодушными, возвышаетъ ихъ и исправляетъ.

Ментализмъ, это—законъ, управляющій всѣми оккультными науками. Гипнотизмъ, Месмеризмъ, Личный Магнетизмъ, Ясновидѣніе, Телепатія и т. п. основаны на Ментализмѣ. Зная этотъ законъ, Вы поймете всѣ сверхъестественныя явленія. Гипнотизеры примѣняли гипнозъ безсознательно, пока не ознакомились съ закономъ Ментализма. Ментализмъ выше всѣхъ этихъ наукъ, такъ какъ Ментализмъ—это Законъ. Какъ и всѣ великія изобрѣтенія, онъ простъ и даже ребенокъ можетъ понять его значеніе. Ментализмъ срываетъ покровъ мрака, волшебства и суевѣрія и открываетъ міру великую силу, дѣйствіе которой ограничено разумомъ человѣчества.

Желая ознакомить русскаго читателя съ Ментализмомъ, я охотно вышло совершенно безпл. экзempl. лекціи: „**Ментализмъ — путь къ счастью и успѣху**“, прочитанную А. Викторомъ Сегно въ аудиторіи Политехническаго Музея въ Москвѣ въ декабрѣ 1911 года. Сообщите мнѣ Вашъ адресъ и пришлите 7 коп. марку на пересылку.

Адресъ: Москва, Камергерскій пер., д. 4. Отд. 14. А. В. Сегно.

Продолжается подписка на 1913 г.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-Издатель П. Б. СТРУВЕ.

15 марта вышла въ Москвѣ мартовская книга.

СОДЕРЖАНИЕ: I. 8 стихотвореній.— Валерія Брюсова. II. Александръ Николаевичъ Сѣровъ. Праздники и будни въ нашей совмѣстной жизни. Глава VIII—XI. Воспоминанія В. С. Сѣровой. Продолженіе III. Леонора. Романъ А. Беннетта. Переводъ Э. К. Пименовой. IV. Стихотворенія.— П. Соловьевой (Alfredo). V. Идущіе мимо. Повѣсть.—Анны Маръ. VI. Двѣ казни. Новеллы Якова Шаффнера. Пер. Ф. О. Емельновичъ. VII. Стихотвореніе.—Нат. Крандievской. VIII. Семейство Бакуниныхъ. (По неизданнымъ матеріаламъ).—А. А. Корнилова. IX. Потомки. Греки въ Турціи.—П. Вильямса. X. „Зосима“ Достоевскаго и „Брандъ“ Ибсена.—Дм. Болдырева. XI. Современное Мексико.— П. А. Тверскаго. XII. Фридрихъ Геббель.—Артура Лютера. XIII. Открытіе полюсовъ и изслѣдованіе полярныхъ странъ.—И. П. Толмачева. XIV. Новыя теченія въ русской поэзіи. Футуристы.—Валерія Брюсова. XV. Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры: I. Три письма. Л. Н. Толстого.—Илья Нанашидзе. II. Изъ писемъ К. Д. Кавалина къ Н. А. Блокъ. Сообщилъ Д. А. Корсаковъ. XVI. Въ Россіи и за границей. Обзоры и замѣтки. I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.—А. Ф. Старосельскаго, А. С. Изгоева, И. И. Левина и И. О. Левина. II. Литература и искусство. А. А. Кондратьева, Александра Элиасберга, графа Ф. де-Ла-Барта, Валеріана Чудовскаго и Р. Бернштейнъ-Вишнацеръ. III. Философское движеніе.—С. Л. Франна. IV. Школа и воспитаніе.—Д-ра Г. Гордона и А. А. Науфмана. V. Некрологъ. XVII. Критическое обозрѣніе. XVIII. Объявленіе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ дост. и перес.	Годъ	9 мѣсяцевъ	6 мѣсяцевъ	3 мѣсяца.
Въ Россіи	15 р.	11 р. 25 к.	7 р. 50 к.	3 р. 75 к.
За границу	17 р.	12 р. 75 к.	8 р. 50 к.	4 р. 25 к.

На одинъ мѣсяць только для иногороднихъ внутри Россіи 1 р. 25 к.

Цѣна отдѣльнаго нумера въ продажѣ 1 р. 50 к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ Петербургѣ въ главной конторѣ журнала: Нюстдатская, д. 6 (близъ Финляндскаго ж. вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, С.П.Б., Гостиный дворъ, и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Открыта подписка на 1913 годъ

Годъ ИЗДАНІЯ XIX.**НА ГАЗЕТУ**Годъ ИЗДАНІЯ XIX.**ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.**

Старѣйшая въ Занаспін газета, посвященная разработкѣ мѣстныхъ нуждъ.

СТОИМОСТЬ ИЗДАНІЯ:На годъ съ пересылкой по почтѣ **7** рублей, за границу **12** рублей.

Объявленія: среди текста 30 коп., на первой страницѣ 25 коп. и на 4-й страницѣ 15 коп.

Адресъ: г. Асхабадъ, редакціи „ЗАКАСПІЙСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Общественно-литературная
и экономическая газета.V-й годъ
ИЗДАНІЯ.**ОМСКІЙ ВѢСТНИКЪ.**V-й годъ
ИЗДАНІЯ.**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА**

съ доставкой и пересылкой: 1 годъ 6 руб.

||| ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: За строку петита: впе-
реди текста 20 к., позади—10 к. Стороннія сообщенія
50 к. строка. Ищущимъ труда 50% скидки.**АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦИИ:** Аптечная улица, д. Завадской, № 10.
Контора открыта ежедневно съ 8 до 6 часовъ вечера.**ГОДЪ ИЗДАНІЯ XV.****„АСХАБАДЪ“**

Вѣстникъ литературы, политики, торговли, промышленности и мѣстной общественной жизни.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМЪ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 годъ.****ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** На годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р. 75 к. За границу на годъ 14 р.,
на 6 мѣс. 8 руб. — За перемѣну адреса — 20 коп. — Отдѣльный № 5 коп.Для годовыхъ подписчиковъ допускается разорочка платежа: при подпискѣ 4 рубля и затѣмъ начиная съ 1 февр.
по 1 рублю въ мѣсяць, до уплаты всей суммы.

Подписка и объявленія принимаются въ Асхабадѣ, въ конторѣ-редакціи, Базарная, д. Качкачева.

Редакторъ-издатель З. Д. ДЖАВРОВЪ.**ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.****ПСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ.**

Газета общественная, политическая и литературная.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: мѣстныя—впереді текста **10** коп., позади—
5 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое. ИНОГОРОДНІЯ—
впереді текста **20** коп., позади—**10** коп., въ срединѣ текста—**25** коп.
за строку петита. СТОРОННІЯ СООБЩЕНІЯ: **35** коп. за строку корпуса.

Адресъ редакціи и конторы: Сергіевская ул., д. I. И. Тульчѣва.

1913 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1913 г.
на еженедѣльную
общественно-политическую и литературную газету
„МУСУЛЬМАНСКАЯ ГАЗЕТА“,
выходящую въ г. С.-ПЕТЕРБУРГѢ!
на русскомъ и татарскомъ языкахъ.
Подписная плата: въ Россіи на годъ 4 р., на 1/2 года 2 р. 50 к.
з границу на годъ 6 р., на 1/2 года 3 р. 50 к.
АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Пушкинская, д. 7, кв. 33.
Редакторъ-издатель Саидъ Габіевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ
на прогрессивную, большую, ежедневную, общественно-литературную и экономическую газету
Годъ V-й издан. **„ОМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“** Годъ V-й издан.
издающуюся въ городѣ Омскѣ.
Газета обслуживаетъ преимущественно интересы степного края, имѣя собственныхъ корреспондентовъ въ разныхъ городахъ и селеніяхъ его.
Подписная цѣна съ дост. въ г. Омскѣ и перес. во всѣ мѣста Россіи: на годъ 6 р., 9 м.—4 р. 75 к., 6 м.—3 р. 25 к., 3 м.—1 р. 75 к., 1 м.—60 к.
Для народныхъ учителей и фельдшеровъ подписная плата 4 р. въ годъ.
Годовые подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО справочникъ на 1913 годъ
„ОМСКЪ и АКМОЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ“.
Съ приложеніемъ плана города Омска въ краскахъ и карты Акмолинской области.

II-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА II-й годъ изданія.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ
„ЗАРЯ ДАГЕСТАНА“,
посвященную интересамъ дагестанцевъ и горцевъ Кавказа вообще,
Подъ редакціей Саида Габіева.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На годъ 4 рубля. ☞ На полгода 2 руб. 50 коп.
Учителямъ и учительницамъ сельскихъ школъ, дибирамъ и сельскимъ кадіямъ подписка стоитъ—на 1 годъ 3 руб., на 1/2 г.—1 руб. 50 коп.

1913 годъ **„Кооперативная Жизнь“** годъ изд. 1-й

двухнедѣльный иллюстрированный журналъ.

Органъ Комитета о сельскихъ сеудо-эберегательныхъ промышленныхъ товариществахъ, состоящаго при Московскомъ О-въ Сельскаго Хозяйства.

Журналъ посвященъ вопросамъ теории и практики коопераціи въ Россіи и за границей. Московскій Народный Банкъ имѣетъ въ журналѣ свой официальный отдѣлъ.

Подписная цѣна съ доставкой: на годъ—5 руб., на 1/2 года—3 руб., отдѣл. №№ по 25 коп. Безъ доставки—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ редакціи: на годъ 4 руб. 40 коп., на полгода 2 руб. 75 коп.

Подписная плата и плата за объявленія принимается въ Московскомъ Народномъ Банкѣ на текущій счетъ № 3.

Адресъ редакціи. Москва, Мясницкая, 15, кв. 6. Телеф. № 3-19-13.

Редакторъ Вл. Перелешинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ НА ЖУРНАЛЪ
„ПРИРОДА“

Изданіе Николаевскаго Общества Любителей Природы.

Въ 1913 г. выйдеть 10 выпусковъ въ 32 столбца каждый.

Подписная плата на годъ съ пересылкой 2 руб. 30 коп.

Подписка принимается у казначея Общества П. Ф. Протопоповой (г. Николаевъ, Херс. губ., 1-я Слободская, 12).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на газету

СЪВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЖИЗНЬ,

органъ прогрессивно-національной демократической мысли.

Выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНИХЪ:

На 1 годъ—6 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Минскъ, Подгорная ул., домъ № 27. Телефоны № 592.

11 годъ изданія. **„КИНЕСЕМЕЦЪ“** 11 годъ изданія.

для ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ЦѢНА: 1 мѣс.—25 к., 3 мѣс.—75 к.,

1/2 года—1 р. 50 к., 1 годъ—3 р. Для иногороднихъ на 10 к. въ мѣсяць дорожѣ.

Перемѣна адреса для городскихъ подписчиковъ 5 коп., иногороднихъ 12 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Никольская ул., д. Хлѣбникова.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ отъ 9-ти до 1 час. дня. Отд. конт. кн.-газ. тор. Андрианова, телеф. № 210.

1-й годъ изданія. **ЗДАУРАЛЬСКІЙ КРАЙ.** 1-й годъ изданія.

Политическая, обществ., литературн. и экономич. газета

выходитъ въ Екатеринбургѣ ежедневно.

Редакція и контора газеты въ домѣ Бархана, уг. Покровскаго просп. и Тихвинск. ул. Контора открыта ежедневно съ 9 ч. до 5 ч. дня, кромѣ праздничныхъ дней.

Подписная цѣна: на годъ 7 руб., на 1/2—3 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—1 р. 80 к., на одинъ мѣсяць—60 коп.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ БОЛЬШОЙ ЧАСТНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ
г. VII. ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ г. VII.
„НАША ПТИЦЕВОДНАЯ ЖИЗНЬ“.
Подписная цѣна 3 р. въ годъ, редакция и контора. Г. Кіевъ, Кадетскій
корпусъ, кв. 25, Г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА „САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1913 году.

(51-й годъ изданія).

Въ концѣ текущаго года исполняется 50-лѣтіе существованія „Саратовскаго Листка“—первой въ Россіи частной провинціальной газеты. Вступая въ началѣ 1913 года во второе 50-лѣтіе, „Саратовскій Листокъ“ сохраняетъ прѣжнее направленіе независимаго, прогрессивнаго изданія, выходящаго по обычной программѣ большихъ газетъ.

Собственныя телеграммы изъ столичныхъ и мѣстныхъ городовъ.—Статьи членовъ Государственной Думы.—„Листокъ Заволжья“.—Иллюстрированныя приложения.

Принимается подписка съ разсрочкой платежа: многогородіе—при подпискѣ **4 руб.** и къ 1 мая **4 руб.**, городскіе—при подпискѣ **3 руб.**, 1-го марта и 1-го мая по **2 руб.**

Принимается также групповая подписка отъ городскихъ подписчиковъ.

Редакторъ-издатель К. К. Сарахановъ.

Издатель П. А. Аргуновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на большую НОВУЮ ежедневную, прогрессивную, безпартійную газету

„РУССКАЯ МОЛВА“.

Въ газетѣ принимаютъ ближайшее участіе:

кн. З. Д. Аваловъ, С. А. Адриановъ, С. В. Аникинъ, С. Я. Арефинъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Блокъ, А. Н. Брянчанчиновъ, С. Н. Булгаковъ, Л. А. Великовъ, М. Н. Волковскій, Д. Д. Гриммъ, Э. Д. Гриммъ, А. Н. Гредескулъ, П. П. Гронскій, Любовь Гуревичъ, В. Ф. Гефдингъ, И. Н. Ефремовъ, И. В. Жилкинъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Котляревскій, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, А. Любимовъ, В. А. Маклаковъ, В. В. Муйжель, М. М. Новиковъ, В. П. Обнинскій, кн. В. А. Оболенскій, С. Ф. Ольденбургъ, Т. И. Поляевъ, А. С. Посниковъ, А. Е. Присяжковъ, Д. Д. Протопоповъ, А. М. Ремизовъ, А. Н. ф.-Рутценъ, А. М. Рыжачевъ, Борисъ Садовской, М. А. Славинскій, А. А. Стаховичъ, П. Б. Струве, кн. Евг. Трубецкой, А. В. Тыркова (Вергезскій), М. В. Челомковъ, С. П. Яремичъ, Г. Н. Штильманъ, А. А. Шапатовъ, С. П. Франкъ и друг.

Подписная цѣна съ доставкой: на 12 м.—**12 р.**, на 6 м.—**6 р. 50 к.**, на 4 м.—**4 р. 50 к.**, на 3 м.—**3 р. 40 к.**, на 2 м.—**2 р. 30 к.**, на 1 м.—**1 р. 20 к.**

Для ознакомленія газета желающимъ высылается въ теченіе 2 недѣль **БЕЗПЛАТНО.**

Въ такомъ случаѣ на пересылку необходимо выслать 20 коп. почтовыми марками.

Адресъ главной конторы: С.-Петербургъ, Троицкая улица, 15-17, телефонъ 121-54.

Адресъ редакціи: Троицкая, 15-17, телефонъ М 121-44.

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „РУССКАЯ МОЛВА“.

Адресъ отдѣленія конторы: Невскій пр., д. 27.

Подписка принимается также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ.

„ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ“.

Томъ I-й. Кн. I-я.

I. Отдѣлъ. Отъ редакціи 1. *А. Р. Ледничкій.* В. О. Ключевскій какъ историкъ славянинъ. 2. *Е. Л. Ефимовскій.* Лекціи В. О. Ключевского въ жизни московскаго студенчества. 3. *В. И. Пичета.* Историческіе взгляды и методологическіе приемы В. О. Ключевского. 4. *П. И. Миллюковъ.* В. О. Ключевскій и его ученые труды. 5. *В. К. І. Гр. Дельбевичъ* (Некрологъ). 6. Обиходный языкъ въ Галичинѣ.

II. Беллетристика. 1. *Яросл. Верхлицкій.* Роза (разсказъ). Пер. Божены Елинекъ. 2. Стихотворенія *Адама Асныка* въ переводѣ *Θ. Е. Корша.* 3. *Святополкъ Чехъ.* Моя первая блестящая рѣчь (сатира). Пер. В. Елинекъ. 4. *Мицкевичъ.* Къ Д. Д. Элегія. Въ переводѣ *Θ. Е. Корша.* 5. *Мицкевичъ.* Сонетъ XIII. Перев. *Θ. Е. Корша.* 6. *Павелъ Мали.* Игрушки (разсказъ). Пер. Божены Елинекъ.

III. Литературное обозрѣніе. *П. А. Янчукъ.* Нѣсколько словъ о новѣйшей бѣлорусской литературѣ.

IV. Отклики Славянской печати. 1. Польская печать: Два юбилея. 2. Украинская печать: «Аполитики» и сепаратисты.

V. Библиографія. 1. *В. Н. Бочкаревъ.* Великая реформа. 2. *Н. П. Мамонтовъ.* П. А. Коцебу. Политическое, экономическое и военное значеніе присоединенія Босніи и Герцоговины къ Австро-Венгріи. 3. *В. М. Кашкаровъ.* Людвигъ Бернгардъ. Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи.

VI. Письма изъ Славянскихъ земель. Изъ Праги *А. Л-й.* Чешскій археологъ *І. Л. Пичъ* и новые споры о краледворской рукописи.

VII. Хроника. *Отчеты и журналы засѣданій О-ва Славянской Культуры.*

Томъ I-й. Кн. II-я.

I. Отдѣлъ. 1. *Прив.-доц. Гр. Ф. Г. де-Ла-Бартъ.* «Религія страданія» у Словацкаго и ея отношеніе къ міровой скорби западно-европейскихъ писателей первой половины XIX вѣка. 2. *Прив.-доц. В. И. Пичета.* Патріархъ Гермогенъ. 3. *Проф. Р. Θ. Брандъ.* Памяти Якова Барта-Тишинскаго. 4. Школьное дѣло въ Галиціи. 5. Финансовое и экономическое положеніе Болгаріи. 6. *В. К. Д-ръ Людевитъ Михайловичъ Енко.* 7. *Кубичекъ.* Вячеславъ Шкарда. 8. *Θ. Θ. Аристовъ.* Денисъ Ивановичъ Зубрицкій.

II. Письма изъ Славянскихъ земель. Изъ Праги. *Соколъ.* Пятидесятилѣтіе чешскаго «Сокола»

III. Библиографія. *А. П. В. О. Ключевскій.* Характеристика и воспоминанія. Изд. «Научнаго Слова», 1912 г.

IV. Хроника.

V. Беллетристика. *Юлій Словацкій.* Марія Стюартъ, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ съ польскаго *Н. А. Янчука.* Со вступительной статьею, примѣчаніями и иллюстраціями.

„ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ“, помимо книжныхъ магазиновъ, имѣются на складѣ у слѣдующихъ лицъ: У секретаря Общества Евгенія Амвросьевича Ефимовскаго (Пречистенскій бульваръ, д. № 21, кв. № 12. Телефонъ 93-25). У казначея Общества Федора Александровича Гриневскаго (Арбатъ, Старокопуненный пер., д. № 45, кв. 1. Тел. 91-11). У предсѣдателя Чешской секціи Осипа Осиповича Мали (Тверская, д. № 23. Магазины Мали и Елинекъ. Телефонъ 217-64).

Книгоиздательство **Т-ва И. Д. Сытина.**

Къ трехсотлѣтію Дома Романовыхъ.

РОСКОШНОЕ ПОДПИСНОЕ ИЗДАНИЕ:

„ТРИ ВѢКА“.

РОССІЯ ОТЪ СМУТЫ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Подъ редакціей **В. В. КАЛЛАША.**

Въ изданіи принимаютъ участіе: *проф. М. М. Богословскій, С. К. Боголюбенскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальберштадтъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Б. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, проф. Н. О. Каптеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любавскій, В. В. Нецаевъ, Н. М. Никольскій, В. И. Пичета, проф. С. О. Платоновъ, пр.-доц. М. А. Полиевктовъ, И. И. Поповъ, пр.-доц. А. Е. Прѣсняковъ, проф. С. В. Рождественскій, П. Н. Сакулнъ, К. Б. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Стороженевъ, пр.-доц. Б. И. Сыромѣтниковъ, В. Я. Улановъ, Д. И. Успенскій, В. Е. Чешихинъ-Витринскій и др.*

Изданіе составить 6 томовъ по 15 печатныхъ листовъ большого формата (размѣра „Великой Реформы“ и „Отечественной войны“ Т-ва И. Д. Сытина), всего 90—96 листовъ.

Изданіе широко иллюстрировано портретами историческихъ дѣятелей, видами историческ. мѣстностей, картинами художниковъ, изображающими крупнѣйшія событія нашего прошлаго послѣднихъ трехъ вѣковъ и снимками съ бытовыхъ предметовъ, связанныхъ съ этими событіями. Около 500—600 рисунковъ помѣщено въ текостѣ, около 130 дако на отдѣльныхъ владныхъ листахъ (гелиографуры, въ нѣсколько красокъ, дуплексъ и одноцвѣтныя).

ЦѢНА ИЗДАНІЯ (6 томовъ съ пересылкой) 27 руб. 20 коп. безъ переплета и 32 р. въ роскошныхъ переплетахъ. **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:** при подпискѣ 2 р. и при полученіи каждаго тома по 4 р. 20 к. безъ переплета и 5 р.—к. въ переплетѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, домъ князя Гагарина. Отдѣлъ подписныхъ изданій Т-ва И. Д. Сытина.

ГОСУДАРИ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ, 1613—1913.

Жизнеописаніе царствовавшихъ государей и очерки ихъ царствованій. Подъ редакціей доктора русской исторіи **Н. Д. Чечулина.** Роскошное иллюстрированное подписное изданіе въ 2 томахъ.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ 8 р. въ художествен. переплетѣ, 6 р. 50 к. безъ переплета. Подписка принимается тамъ же.

Кл. ЛУКАШЕВИЧЪ. Школьный праздникъ въ честь трехсотлѣтія избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. 283 стр. Многочисл. иллюстр. въ текостѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Три портрета въ краскахъ. Ноты. Ц. 1 р. 10 к., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЛЕВЪ ГИНЗБУРГЪ. Книга царей. Цари Романовы въ русской поэзіи. Хрестоматія къ юбилею державнаго Дома Романовыхъ. Съ многочислен. иллюстр. Ц. 1 руб. 50 коп.

Н. ЧАЕВЪ. 1612 годъ и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Лѣтопись въ лицахъ. Въ 5 дѣйств. Ц. 25 к. Пьеса Н. Чаева будетъ поставлена въ Импер. Мал. театрѣ по случаю юбилея Дома Романовыхъ.

М. Н. Пр. признана подлежащей выключенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ средн. учебныхъ заведен.

И. Н. БОЖЕРЯНОВЪ. Къ трехсотлѣтію державнаго Дома Романовыхъ. Великая разруха Московскаго государства. Илл. Ц. 15 к.

ЕГО ЖЕ. Три первые царя Романовыхъ. Иллюстрирован. Ц. 20 к.

ЕГО ЖЕ. Вѣкъ преобразованій и переворотовъ. Иллюстр. Ц. 20 к.

М. КОВАЛЕНСКІЙ. Смутное время (Моск. О-во грамотности). Ц. 12 к.

А. П. МЕЛЬНИКОВЪ. Нижній-Новгородъ и Нижегородскій край. Къ 300-лѣтію Смутаго времени. 177 стр., съ многими иллюстраціями и картами. Цѣна 80 коп.

ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРОВИНЦІЯ“.

Спб., Стремянная, 6.

А. С. Пругавинъ.

ВЪ КАЗЕМАТАХЪ.

Очерки и матеріалы по исторіи русскихъ тюремъ.

Съ 35 иллюстраціями: виды крѣпостей, башенъ и казематовъ, портреты узниковъ: *Иоанна Антоновича, Новикова, Каразина, князя Шаховского, Пестеля, Рыльева, Бакучина, Поливанова* и друг.

СОДЕРЖАНІЕ:

Шлиссельбургъ.— Суздальская крѣпость.— Воио-
— щее дѣло.— Петропавловская крѣпость. —

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“

(МОСКВА, Б. Кисловка, д. 1., кв. 4. Телеф. 1-36-27. ПЕТЕРБУРГСКОЕ отдѣ-
леніе: Стремянная, 6. Книжный складъ «ПРОВИНЦІЯ»).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Тарле, Е. В.,

профес. С.-Петербур. Высш. Женск. Курсовъ,

„Континентальная блокада“

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
И ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ ФРАНЦИИ ВЪ ЭПОХУ
НАПОЛЕОНА I.

Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ.

Цѣна 4 руб.

Петрушевскій, Д. М., проф.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО У ГОМЕРА.

Опыты исторической характеристики. Изданіе 2-е. Цѣна 20 коп.

На складъ въ книгоиздательство „ЗАДРУГА“

ПОСТУПИЛИ ОСТАВШИЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ КНИГИ

С. П. Мельгунова,

„СТУДЕНЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ 80—90 гг. ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ“.

(Въ книгѣ, на основаніи неопубликованныхъ архивныхъ данныхъ, излагается исторія образованія и дѣятельности Союзнаго Совѣта объединенныхъ землячествъ).

Цѣна 50 коп.

Содержаніе № 1 „Голосъ Минувшаго“.

I. Статьи:

Руссо—гражданинъ Женевы, М. М. Ковалевскаго.
М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (біограф. очеркъ), В. И. Семевскаго.
Театръ и зрители. 1. Русскіе зрители XIX в., И. Н. Игнатовъ.
Королева Луиза и Александръ I, А. К. Дживелегова.
Народничество Н. Н. Златовратскаго, П. Н. Сакулина.

II. Воспоминанія:

А. В. Поджіо. Записки декабриста, съ предисловіемъ А. И. Яковлева.
Изъ далекихъ воспоминаній, К. К. Арсеньева.

III. Матеріалы:

Л. Н. Толстой о Наполеонѣ (письма Л. Н. Толстого къ А. И. Эртелю) П. И. Бирюкова.
М. Е. Салтыковъ въ Ниццѣ (изъ неизданной переписки съ Н. А. Вѣлоголовымъ), В. А. Розенберга.
Новые матеріалы о М. А. Бакунинѣ и А. И. Герценѣ, В. Я. Богучарскаго и М. О. Гершензона.

IV. Критика и библиографія:

Новая работа объ Александрѣ I (по поводу изслѣдованія великаго князя Николая Михайловича), С. П. Мельгунова.

V. Обзоръ журналовъ:

Статьи нѣмецкихъ авторовъ по русской

исторіи въ нѣмецкомъ журналѣ Теодора Шимана, А. А. Кизеветтера.
Изъ иностранныхъ журналовъ, А. М. Васютинскаго.
Значеніе эпохи Отечественной войны (по поводу статьи г. Корнилова), М. Н. Покровскаго.

VI. Хроника:

Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ф. Д. Батюшкова.
Памяти В. Е. Якушкина, В. И. Семевскаго, П. И. Бартенева, В. В. Каллаша.
П. И. Щукинъ, А. В. Орѣшникова.
Артуръ Гергей, А. К. Дживелегова.
П. А. Крапоткинъ, какъ историкъ французской революціи.
М. Ф. Казаковъ, И. Е. Бондаренко.
Акварель Е. Лати въ Румянцевскомъ музеѣ, Н. И. Романова.
Музей Александра III въ Москвѣ, В. Е. Степановой.
Выставка 1812 года, Е. Ф. Корша.
Хроника научныхъ обществъ и мелкія сообщенія.

VII. Приложение:

„Письма маркизы“, романъ Лили Браунъ (изъ второй половины XVIII в., переводъ Э. К. Пименовой).

VIII. Рисунки:

Акварель Е. Лати, поморскіе лубки (сатира на театр) портреты: А. В. Поджіо, В. Е. Якушкина, П. И. Щукина, П. И. Бартенева, Т. Корзона, С. Кшеминскаго, М. Ф. Казакова.

Содержаніе февральской книги.

I. Статьи:

- В. И. Пичета. Смутное время въ русской исторіографіи.
 А. А. Чебышевъ. Драма въ Мангеймъ (убійство Коцебу).
 Л. С. Козловскій. Польскіе романтики „украинской школы“.
 И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. I. Зрители нач. XIX в.
 В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

II. Воспоминанія:

- Дневникъ Дюмона 1803 г. (съ портретомъ).
 Съ предисловіемъ С. М. Горяинова.
 Записки А. В. Поджіо.
 П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка“.

III. Матеріалы:

- Дѣло о декабристѣ (кн. В. М. Голицынъ).
 М. О. Гершензонъ. Н. П. Огаревъ.
 Изъ дневника А. И. Эртеля.

IV. Критика и библиографія.

V. Обзоръ журналовъ:

- 1) С. П. Мельгуновъ. „Настоящая Россія“ (по поводу статьи А. А. Кизеветтера о Растопчинѣ).
- 2) Н. Л. Бродскій. Изъ исторіи русской литературы.
- 3) А. М. Васютинскій. „Французское общество въ началѣ второй имперіи. Новое о Стендалѣ“.
- 4) В. Н. Перцевъ. „Новое этнологическое освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой культуры“.

VI. Хроника:

- М. А. Дьяконовъ. Н. Е. Энгельманъ.
 Ч. Вѣтринскій. Архивная комиссія.
 К. С. Кузьминскій. Зауэрвейдъ (по повод. помѣщаемыхъ рисунковъ).
 В. Н. Тукалевскій. Выставка въ память И. И. Срезневскаго.
 Н. И. Херасковъ. Конгрессъ общества экономической исторіи революціи.

VII. Романъ:

- Лили Браунъ. Письма маркизы.

Содержаніе мартовской книжки „Голосъ Минувшаго“.

I. Статьи:

- А. К. Дживелеговъ. „Памяти Т. Н. Грановскаго“.
 М. М. Покровскій. Греческіе, римскіе и новѣйшіе гуманисты о женщинѣ и ея образованіи.
 В. Викторовъ-Топоровъ. „Светозаръ Марковичъ“ (изъ исторіи общественнаго движенія въ Сербіи).
 А. Е. Грузинскій. Источники разсказа Л. Н. Толстого „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“.
 В. И. Семевскій. М. В. Петрашевскій-Буташевичъ (характеристика).

II. Воспоминанія:

- Дневникъ Дюмона 1803 г. Сообщ. С. М. Горяиновъ.
 Записки Поджіо (окончаніе). Сообщ. А. И. Яковлевъ.
 Записки Л. В. Дубельта. Сообщено Л. О. Пантелѣевымъ. Съ предисловіемъ С. П. Мельгунова.
 П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка“.

III. Матеріалы:

- 1) Изъ неизданной перелиски Н. В. Гоголя. Сообщ. В. В. Каллашомъ и П. Н. Сакулинымъ.
- 2) „Грановскій и Шевыревъ“ Ю. Соколова.
- 3) Матеріалы по исторіи

цензуры въ Россіи. Сообщ. В. И. Семевскимъ. 4) „Забота о довѣрїи об-ва къ суду“. Сообщ. В. Богучарскимъ.

IV. Обзоръ журналовъ:

- А. А. Кизеветтеръ. „Избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова“.
- 2) Н. С. Русановъ. „Воспоминанія г. Вырубова о П. Л. Лавровѣ“.
 - 3) Н. Л. Бродскій. „Изъ исторіи русской литературы“.
 - 4) А. М. Васютинскій. „Тайная полиція во Франціи и Австріи въ эпоху реставраціи. Мемуары гр. Аппоньи“.

V. Критика и библиографія:

VI. Хроника:

- Т. И. Полнеръ. „В. В. Самойловъ“. Съ рисунками.
 Л. И. Гальберштадтъ. „Къ юбилею Гумянецвскаго музея“.
 М. С. Сергѣевъ. „Выставка древне-русскаго искусства“.
 В. Н. Щепкинъ. „Миниатюра Сійскаго Евангелія 1339 г.“ (къ рисунку).
 И. Н. Романовъ. „Литографія Э. Манэ «La Barricade»“. (Рисунокъ).

VII. Романъ.

- Лили Браунъ. Письма маркизы.

Предполагаемое содержаніе майской книги „Голоса Минувшаго“.

I. Статьи:

И. И. Шрейдеръ. Джузеппе Мадзини о національномъ вопросѣ.
Р. «Лукасинскій».
В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (продолженіе).
Е. Колосовъ. М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

В. М. Мансимовъ. Автобіографія.
И. П. Бѣлоконскій. Воспоминанія.
Н. М. Юрданскій. Изъ недавняго прошлаго.
Проф. І. В. Артоблевскій. Воспоминанія о В. О. Ключевскомъ.
Н. Н. Степаненко. Человѣкъ онъ былъ. (Воспомин. о Засодимскомъ).

III. Матеріалы:

С. П. Мельгуновъ. Московскій университетъ въ 1894 г. (по поводу записокъ проф. Боголѣпова).
Черткова А. К. Л. Н. Толстой и его знакомство съ духовно православной литературой (по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ о немъ).
Письма В. О. Ключевского.
Гершензонъ М. О. О способахъ распространенія «Колокола». (Письмо неизвѣстнаго къ А. И. Герцену).

IV—VI. Критика и библиографія. Обзоръ журналовъ. Хроника:

VII. Романъ. Лили Браунъ. «Письма маркизы».

Со второй половины года начинается печатаніе первой части новой исторической трилогии извѣстнаго польскаго романиста **Ст. Реймонта**. Изъ возстанія Костюшки 1794 г.

Въ отдѣльномъ изданіи на русскомъ языкѣ, на основаніи соглашенія редакціи съ г. Реймонтомъ, романъ появится только по окончаніи печатанія его въ «Голосѣ Минувшаго», т.-е. въ 1915 году.

Подписчики „Голоса Минувшаго“, въ силу соглашенія редакціи съ издательствомъ Д. Е. Жуковскаго, могутъ приобрѣтать 3-е изданіе (изданіе „Общественной пользы“).

Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ С. М. СОЛОВЬЕВА,

29 томовъ, въ 7 книгахъ: полный текстъ (съ указателемъ), 5300 стр., большого формата, въ 2 столбца; портретъ и факсимиле автора.

вмѣсто 18 руб. за 9 руб. безъ пересылки.

Желающихъ приобрѣсти это изданіе просятъ высылать 9 руб. въ контору „Голоса Минувшаго“ (Гверская, 48); стоимость пересылки (1 р. 60 к. для Европейской Россіи, 2 р. 40 к. для Зап. Сибири и 4 р. для Вост. Сибири) будетъ взиматься налож. платежомъ, въ Москвѣ и Петербургѣ; за доставку уплачивается 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ
на
„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“.

Въ виду поступающихъ въ редакцію запросовъ отъ лицъ, покупавшихъ первіе номера журнала въ розницу, редакціей сдѣлано распоряженіе о приѣмѣ подписки за 9 мѣсяцевъ (т. е. отъ апрѣля до конца года) по цѣнѣ 6 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конпорѣ журнала (Москва, Тверская 48);
въ Петербургѣ и друг. городахъ въ отдѣленіяхъ Товарищества И. Д. Сытина.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный журналъ
ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина
и *В. И. Семевского.*

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи
литературы русской и всеобщей.

Въ выборѣ темъ и въ характерѣ изложенія журналъ будетъ избѣгать
всего, носящаго узко-спеціальныи характеръ и имѣть въ виду
интересы широкихъ круговъ читателей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Историческая беллетристика.	V. Биографіи русскихъ и иностран-
ныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и
письма современниковъ.	VI. Критика и библиографія.
III. Научныя статьи по вопросамъ
русской и всеобщей исторіи,
исторіи литературы, философіи,
искусства и археологін.	VII. Новости русской и иностран-
ной науки.
IV. Различные матеріалы по исто-
ріи, исторіи литературы и т. д.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и
иностраннныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ будетъ **ИЛЛЮСТРИРОВАНЪ** картинами
изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и
иностраннныхъ и выходить ежемѣсячно книгами, раз-
мѣромъ въ 20 листовъ.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ:

проф. Д. П. Абрамовичъ, С. А. Авальяни, В. Я. Адарюковъ, поч.
акад. К. К. Арсеньевъ, проф. А. С. Архангельскій, проф. С. В. Аскеназы
(Краковъ), М. Ю. Ашенбреннеръ, Г. Е. Афанасьевъ, Я. Л. Барсковъ,
проф. О. Д. Батюшковъ, П. В. Безобразовъ, П. А. Берлинъ, П. И. Бирюковъ,
поч. акад. П. Д. Боборыкинъ, проф. М. М. Бословскій, В. Я. Бозучарскій,
И. Е. Бондаренко, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ,
А. И. Браудо, Н. Л. Бродскій, Б. Я. Брюсовъ, проф. В. П. Бузе-
скулъ, Ю. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, прив.-доц. Н. П. Василенко,
А. М. Васютинскій, Г. К. Веберъ, поч. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А.
Веселовскій, С. Б. Веселовскій, проф. С. А. Венгеровъ, проф. П. Г.
Виноградовъ, прив.-доц. Н. Д. Виноградовъ, Н. П. Вишняковъ, проф.
Р. Ю. Випперъ, М. Л. Вишницеръ, Е. Н. Водовозова, В. В. Водово-
зовъ, В. П. Волгинъ, Ч. Вѣтринскій, Л. И. Гальберштадтъ, прив.-
доц. М. Н. Гернетъ, М. О. Гершензонъ, А. А. Гизетти, С. М. Горя-
иновъ, Г. П. Георгиевскій, А. М. Гнѣвушевъ, А. А. Голомбѣевскій, А.
Г. Горнфельдъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. И. М. Гревсъ, проф.
Э. Д. Гриммъ, проф. И. М. Громогласовъ, А. Е. Грузинскій, проф.
М. С. Грушевскій, Н. П. Губскій, Н. В. Давыдовъ, прив.-доц. гр. Ф. I. Де-
ла-Бартъ, Л. Г. Дейчъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, С. О. Долговъ,
акад. М. А. Дьяконовъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. А. Е. Ефи-
менко, Е. А. Ефимова, С. А. Ефремовъ, проф. В. А. Желъзновъ, проф.
П. А. Заболоцкій, проф. О. Ф. Зѣлинскій, Р. В. Ивановъ-Разумникъ,
И. И. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, проф. В. С. Иконниковъ, акад.
В. М. Истринъ, Н. М. Иорданскій, А. К. Кабановъ, В. В. Каллашъ,
А. I. Калишевскій, прив.-доц. Л. П. Карсавинъ, проф. Н. И. Карповъ,

Н. П. Кашинъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, М. М. Клевенскій, С. А. Князьковъ, проф. М. М. Ковалевскій, прив.-доц. П. С. Коганъ, Л. С. Козловскій, поч. акад. А. Θ. Кони, Д. Г. Коноваловъ, Н. Н. Кононовъ, А. А. Корниловъ, В. Г. Короленко, проф. С. А. Корфъ, Е. Θ. Коршъ, акад. Н. А. Котляревскій, И. М. Красноперовъ, проф. А. Е. Крымскій, А. И. Кубасовъ, К. С. Кузьминскій, прив.-доц. Г. М. Кулишеръ, прив.-доц. Н. К. Кульманъ, Н. А. Кунъ, проф. В. Θ. Лазурскій, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, И. О. Левинъ, Б. А. Лезинъ, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, проф. Н. В. Лучицкій, А. С. Лыкошинъ, А. Θ. Лютеръ, Е. А. Ляцкій, А. Н. Максимовъ, проф. А. А. Мануиловъ, Н. М. Мендельсонъ, Д. С. Мережковскій, акад. В. Θ. Миллеръ, П. Н. Милоковъ, Б. Л. Модзалевскій, П. В. Мокіевскій, Н. А. Морозовъ, П. П. Муратовъ, В. К. Мюллеръ, В. А. Мякотинъ, В. Д. Набоковъ, В. П. Обнинскій, акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, проф. Оларъ (Парижъ), В. Н. Ольнемъ, А. В. Оршниковъ, М. А. Островская, Л. Ф. Пантелеевъ, В. Н. Перцевъ, М. А. Петровскій, проф. Д. М. Петрушевскій, прив.-доц. Н. К. Пиксановъ, Е. К. Пименова, прив.-доц. В. И. Пичета, Г. В. Плехановъ, К. В. Покровскій, М. Н. Покровскій, проф. М. М. Покровскій, прив.-доц. М. А. Полевктовъ, Т. И. Полнеръ, В. П. Потемкинъ, С. Н. Прокоповичъ, В. С. Протопоповъ, А. С. Прузавинъ, прив.-доц. А. Е. Пръсняковъ, прив.-доц. Н. И. Романовъ, проф. С. В. Рождественскій, В. А. Розенбергъ, проф. М. Н. Розановъ, проф. М. И. Ростовцевъ, Н. С. Русановъ, С. Θ. Русова, проф. В. И. Ръзановъ, И. С. Рябининъ, проф. А. Н. Савинъ, В. И. Саитовъ, А. Θ. Саликовскій, С. Г. Святиковъ, А. В. Семека, проф. Сеньобосъ (Парижъ), К. В. Сивковъ, Н. П. Сидоровъ, проф. В. В. Ситовскій, прив.-доц. П. П. Смирновъ, В. М. Спасская, проф. М. Н. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, Т. О. Соколовская, И. М. Соловьевъ, В. И. Срезневскій, А. И. Станкевичъ, прив.-доц. Е. Д. Сташевскій, Ю. М. Стекловъ, В. Е. Степанова, проф. Н. Ф. Сумцовъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, прив.-доц. Е. И. Тарасовъ, Н. Г. Тарасовъ, проф. Е. В. Тарле, В. Н. Тукалевскій, прив.-доц. К. Н. Успенскій, прив.-доц. Д. Н. Ушаковъ, В. Н. Фигнеръ, В. В. Филатовъ, прив.-доц. С. Θ. Фортунатовъ, прив.-доц. В. М. Фраче, В. Н. Харціевъ, проф. М. М. Хвостовъ, И. М. Херасковъ, А. А. Чебышевъ, М. П. Чубинскій, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, акад. А. А. Шахматовъ, кн. Д. И. Шаховской, И. И. Шитцъ, П. Е. Шеголевъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, проф. В. Н. Щепкинъ, Ю. Д. Энгель, П. Д. Эттингеръ, Н. Е. Эфросъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, Н. А. Ямчукъ, проф. Н. Н. Ойрсовъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ **8** руб., на 9 мѣсяцевъ (съ апрѣля до конца года) **6** руб. **50** коп. на $\frac{1}{2}$ года **4** руб., на одинъ мѣсяць **1** руб., за границу **10** руб.

Для **НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ** и **УЧАЩИХСЯ** допускается разсрочка по 2 р. Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала **1** руб.

Подписка принимается

въ **МОСКВѢ**: 1) въ конторѣ журнала (Тверская, д. № 48);
2) въ отдѣлѣ подписныхъ изданій Т-ва И. Д. Сытина (Кузнецкія Мосты, д. кн. Гагарина);
3) во всѣхъ розничныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина и др. большихъ книжныхъ магазинахъ;
въ **ПЕТЕРБУРГѢ** и въ другихъ городахъ въ отдѣленіяхъ Т-ва И. Д. Сытина и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія въ журналъ принимаются въ конторѣ по цѣнѣ: **75** руб. за страницу; **40** руб. — $\frac{1}{2}$ стран.; **25** руб. — $\frac{1}{4}$; строка петита въ 1 колон. (стр. 2 колонн.) **60** коп.

Адресъ редакціи: Москва, Знаменка, 15, кв. 15.

ПРИЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ и суббота отъ 3 до 4 час.

Редакторъ-издатель **С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.**